

"Azərbaycan e-kitabı: rus dilində" 22 (99 – 2013)

Антология современная Азербайджанская литература

II ТОМ. ДРАМАТУРГИЯ

**ЭЛЬЧИН, ТЕЮБ ГУРБАН, НАТИГ РАСУЛЗАДЕ, АЛИ АМИРЛИ,
ФИРУЗ МУСТАФА, КАМАЛ АБДУЛЛА, АФАГ МАСУД,
ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ, ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ
САМИД АГАЕВ, МЕХМАН МУСАБЕЙЛИ, МАКСУД
ИБРАГИМБЕКОВ, А. САПРЫКИН, Н. БЕЮКБЕКОВИЧ**

Подобном формате – в сборнике азербайджанские авторы еще не выходили – и классики, и современники. Тем шире полотно и тем интереснее читать произведения столь разноплановых и разнохарактерных авторов. Тем более, что книга отражает всю палитру жизни Азербайджанского общества довольно большого периода. Антология уникальна в своем роде – подобного сборника в Азербайджане не выходило. Авторы расположены в книге в хронологическом порядке, это дает возможность проследить общую картину развития азербайджанской литературы, а также всего азербайджанского общества.

Kitab YYSQ tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb.

2013

www.kitabxana.net

Milli Virtual Kitabxananın təqdimatında

"Azərbaycan e-kitabı: rus dilində" 22 (99 – 2013)

Bu elektron nəşr Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Gənclər Fondunun 2013-cü ildə maliyyə yardımı Müsabiqəsinin qalibi olmuş və bir hissəsi maliyyələşdirilən, Yeni Yazarlar və Sənəçilər Qurumunun <http://www.kitabxana.net> - Milli Virtual Kitabxananın həyata keçirdiyi "Rusdilli gənclər üçün Azərbaycan e-kitablarının hazırlanması, təqdimatı" - Kulturoloji-şəbəkə layihə çərçivəsində hazırlanıb və yayılır. Elektron Kitab N 22 (99 – 2013)

Kulturoloji layihənin bu hissəsini maliyyələşdirən qurum:

Azərbaycan Respublikası Prezidenti yanında Azərbaycan Gənclər Fondu:
<http://youthfoundation.az>

Антология современная Азербайджанская литература

II ТОМ. ДРАМАТУРГИЯ

**ЭЛЬЧИН, ТЕЮБ ГУРБАН, НАТИГ РАСУЛЗАДЕ, АЛИ АМИРЛИ, ФИРУЗ МУСТАФА,
КАМАЛ АБДУЛЛА, АФАГ МАСУД, ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ, ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ
САМИД АГАЕВ, МЕХМАН МУСАБЕЙЛИ, МАКСУД ИБРАГИМБЕКОВ,
А. САПРЫКИН, Н. БЕЮКБЕКОВИЧ**

Подобном формате – в сборнике азербайджанские авторы еще не выходили – и классики, и современники. Тем шире полотно и тем интереснее читать произведения столь разноплановых и разнохарактерных авторов. Тем более, что книга отражает всю палитру жизни Азербайджанского общества довольно большого периода. Антология уникальна в своем роде – подобного сборника в Азербайджане не выходило. Авторы расположены в книге в хронологическом порядке, это дает возможность проследить общую картину развития азербайджанской литературы, а также всего азербайджанского общества.

Kitab YYSQ tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb.

YYSQ - Milli Virtual Kitabxananın e-nəşri N 22 (99 - 2013)

Virtual redaktoru və e-nəşrə hazırlayanı: Aydın Xan (Əbilov), yazar-kulturoloq

Layihə çərçivəsində rəqəmsal nəşrə hazırlanan və yayılan digər e-kitablarla burada tanış olun:

http://www.kitabxana.net/?oper=e_kitabxana&cat=142

Антология современная

Азербайджанская литература

II ТОМ

ДРАМАТУРГИЯ

ЭЛЬЧИН
ТЕЮБ ГУРБАН
НАТИГ РАСУЛЗАДЕ
АЛИ АМИРЛИ
ФИРУЗ МУСТАФА
КАМАЛ АБДУЛЛА
АФАГ МАСУД
ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ
ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ
САМИД АГАЕВ
МЕХМАН МУСАБЕЙЛИ
МАКСУД ИБРАГИМБЕКОВ
А. САПРЫКИН Н. БЕЮКБЕКОВИЧ

БАКУ - 2013

© YYSQ

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЭЛЬЧИН. А Р Т И С Т. Трагедия. ----- ст. 6
2. ЭЛЬЧИН. Т Е Л Е С К О П . Трагедия. ----- ст. 63
3. ЭЛЬЧИН. КВАРТИРАНТЫ АДА. Драма. ----- ст. 142
4. ТЕЮБ ГУРБАН. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. Пьес. ----- ст. 185
(Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ)
5. НАТИГ РАСУЛЗАДЕ. МЕМЕ. Комедия. ----- ст. 226
6. АЛИ АМИРЛИ. Б О Г А Т А Я Ж Е Н Щ И Н А. Комедия. ----- ст. 278
(Перевод Амаль Ханум ГАДЖИЕВОЙ)
7. ФИРУЗ МУСТАФА. ГОД ТИГРА. Драма. ----- ст. 238
(Перевод Медины ЭЛЬДАРОВОЙ)
8. КАМАЛ АБДУЛЛА. Ш П И О Н. Драма. ----- ст. 391
(Перевод Вагифа ИБРАГИМОГЛУ)
9. АФАГ МАСУД. РОЛЬ НА ПРОЩАНИЕ. Трагикомедия. ----- ст. 445
10. ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ. ПОКАЯНИЕ. Драма. ----- ст. 493
(Перевод Шауга ГУСЕЙНОВА)
11. ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ. ИГРА ДЛЯ ДВОИХ. Пьеса. ---- ст. 528
(Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ)
12. ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ. ЦЕЗАРЬ. Драма. ----- ст. 556
(Перевод Ляман НАМАЗОВОЙ)
13. САМИД АГАЕВ. ША’АБ. Пьеса. ----- ст. 594
14. МЕХМАН МУСАБЕЙЛИ. СКАЗКА-ПЕРЕСКАЗКА. Пьеса. -----ст. 650
(Перевод Вагифа ИБРАГИМОГЛУ)
15. МАКСУД ИБРАГИМБЕКОВ. РОЛЛС-РОЙС ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА. Пьеса. -----ст. 699
16. А. САПРЫКИН, Н. БЕЮКБЕКОВИЧ. ОБМЕН. Пьеса. -----ст. 732

ЭЛЬЧИН

А Р Т И С Т

Трагедия

в пятнадцати картинах и с прологами

Гусейн Араблинский (1881-1919гг.) – великий азербайджанский актер, режиссер, подвижник национального театра с трагической судьбой. Но эта пьеса не является сугубо биографическим произведением, она – выражение любви к его искусству, и в его лице – к театру.

Действующие лица:

Актеры

Араблинский

Мая

Полоний

Яго

Усатый Артист

Артисты

Зрители

Губернатор

Граф

Графиня

Фрейлина

Молодой Театрал

Горожане

Биби

Абдул

Молла

Гочи

Интеллигент

Бакалейщик

Редактор

Журналист

Чиновник

Нефтяной магнат Гаджи Мамед Таги

Глашатай (рекламщик)

Прочие горожане

Время действия – 1914-1919 годы.

Место действия – город Баку.

ПРОЛОГ

Улица.

Глашатай, Молла, Гочи, Бакалейщик, Редактор, Журналист, Чиновник, Интеллигент, Биби, Абдул, Араблинский, Полоний.

В сумрачном пространстве проступают силуэты снующих прохожих. Вспышки прожектора выхватывают попеременно лица переговаривающихся персонажей.

Луч света падает на Глашатаю.

ГЛАШАТАЙ (выкрикивает, размахивая пачкой билетов). Бенефис! Бенефис Араблинского! В театре Тагиева состоится спектакль «Отелло». Араблинский в роли главного героя! Он же – режиссер-постановщик!

Луч гаснет и вновь, вспыхнув, падает на лицо Моллы.

МОЛЛА. Богохульники! Ни стыда у них, ни веры! Вытворяют непотребства под видом театра! Не поймешь, кто из них женщина, кто мужчина! И вечно разит от них перегаром, сукины дети!

Прожектор выхватывает лицо Интеллигента.

ИНТЕЛЛИГЕНТ. Эх, Араблинский, Араблинский!.. Честолюбивый лицедей! Чему же ты учишь эту темную, эту несчастную публику?! Ради чего? Чтоб после твоего «Отелло» наши дремучие деспоты принялись поголовно душить своих жен?! Так, что ли? Шекспир писал это для англичан, для Европы, а не для нашего непросвещенного народа!..

Свет падает на физиономию головореза Гочи.

ГОЧИ. Опять эти ряженые, одевшись в бабские платья, выкаблучиваются! (Хватается за кобуру маузера на боку.) Валлах, им бы каждому всадить в башку пулю, чтоб подохли, как собаки! (Вздыхает.) Ах! Душит меня ярость! Араблинский, сукин сын, в платок женский рядит не себя – всю нацию!

Свет падает на Глашатая.

ГЛАШАТАЙ (выкрикивает). Спешите! Спешите! Вас ждет потрясающий вечер! Скорее! Билеты на исходе! Сегодня вечером Араблинский произведет грандиозный фурор!

Свет гаснет и, вновь вспыхнув, освещает Бакалейщика.

БАКАЛЕЙЩИК. Ну да уж, фурор! Какой еще фурор, если он целый год не может погасить мне должок – двадцать три рублика! Вот подам на него в суд, будет знать! Или напишу жалобу самому Губернатору, а может – падишаху Николаю! Тоже еще, «грандиозный»! (Машет рукой). Ох-хо-хо! Из грязи да в князи!

Луч света на сей раз падает на Биби□ и Абдула.

БИБИ. Этот негодник Гусейн позорит нас! Людям в глаза смотреть не смею! Вчера я в баню ходила, так женщины все норовили меня подначить, подковырнуть, ужалить, чуть ли не на смех подняли. Меня! Каждая «шпильку» бросит... (П а у з а.) Ну как такое ты терпишь? А?

АБДУЛ (мрачно). А что мне поделаться? Дядин внук ведь. Что ж, пойти прикончить его, что ли?

БИБИ. Пропади он пропадом, такой вот дядин внук! Благо, брат мой рано покинул мир – такого отродья не видел! Не ведал такого позорища! И как теперь мы сватов посмеем послать в дом Гаджи Мамеда

Таги?

АБДУЛ. Но сватаете невесту не Гусейну, а мне.

БИБИ. Ну и что с того?

АБДУЛ. Как «ну и что»? Гаджи Мамед Таги-то меня знает.

БИБИ. Гаджи – человек почтенный, именитый. Неважно, что до первого нефтяного фонтана лошадей подковывал. Станет ли он родниться с нами? Не скажет ли, мол, какого черта мне выдавать дочь за Абдула, если его двоюродный братец в артисты подался, рожу красит, как женщина, брови подводит, перед народом лицедействует, дурака валяет? Скажет уж, еще как скажет!

Луч прожектора выхватывает из сумрака Глашатая.

ГЛАШАТАЙ (громко). Араблинский – Отелло! Несравненная актриса Мая – Дездемона! Отелло безумно ревнует ее! Вы узнаете про дьявольские козни Яго!

Свет гаснет и, зажегшись вновь, представляет нам Редактора и Журналиста.

РЕДАКТОР. Араблинский гремит на сцене! А мы дремлем!

ЖУРНАЛИСТ. И я о том же! Вечерком накатаю сенсацию: мол, Араблинский – масон! Газета пойдет на расхват!

РЕДАКТОР. Ну, ты загнул! Откуда знать нашей публике, кто такие масоны?

ЖУРНАЛИСТ. Тогда... пушу «утку» – обратился в христианство! Завтра дадим в «манжет»!

РЕДАКТОР. А как мы это докажем?

ЖУРНАЛИСТ. А нам-то чего доказывать? Пусть он сам докажет, что это не так!..

Свет гаснет. Доносится голос Глашатая.

ГЛАШАТАЙ. Душераздирающая история! «Отелло!» Бенефис Араблинского! Разъяренный ревнивец

задушит Дездемону!..

Софиты высветляют Чиновника.

ЧИНОВНИК (с усмешкой). Да уж, понарошку задушил еврейку-лицедейку – и заработал деньгу!

П а у з а.

Из темноты доносится голос Араблинского.

ГОЛОС АРАБЛИНСКОГО. Кто? Кто это «понарошку»?

Софиты освещают, помимо Чиновника, Араблинского с Полонием.

Араблинский обеими руками яростно вцепляется в горло Чиновника.

АРАБЛИНСКИЙ (негодующе). Понарошку?! Понарошку, говоришь?!

ЧИНОВНИК (пытается вырваться). Отпусти! Руки прочь! Комедиант липовый!

АРАБЛИНСКИЙ. Заткнись! По-твоему, мы дармоеды?

ПОЛОНИЙ (всполошившись, со страхом). Гусейн! Опомнись! Что ты делаешь?

АРАБЛИНСКИЙ (Чиновнику). Ты перед сном молился?

ЧИНОВНИК (в ужасе). Что ты мелешь? Какая молитва? Отпусти же!

АРАБЛИНСКИЙ (входя в роль Отелло). Если у тебя есть неотмоленное преступление, молись скорей...

ЧИНОВНИК (хрипя, пытается кричать). На помощь! Убивают! Помогите!

ПОЛОНИЙ. Гусейн, опомнись! Отпусти его!

АРАБЛИНСКИЙ. Молись скорее. Я не помешаю. Я рядом подожду. Избави бог убить тебя, души не подготовив.

ЧИНОВНИК (задыхаясь). Пусти! Пусти меня! (Вопит.) Спасите! Люди! Я не хочу...

АРАБЛИНСКИЙ. Нет, ты умрешь сегодня. Сейчас же исповедуй грехи. Не отрицай их. Это не поможет. Я знаю все. Хоть это свыше сил, но ты умрешь.

ЧИНОВНИК (стонет). О, нет! О люди! Я не хочу! Спасите! Убивают!

ПОЛОНИЙ (оттаскивая Араблинского). Оставь его, Гусейн! Ну, успокойся! (Насилу отрывает его от Чиновника.)

ЧИНОВНИК (потирая горло). Безумец! Ненормальный тип! (Удирает и исчезает во тьме).

АРАБЛИНСКИЙ (рассмеявшись). Ты видел дураплиса? Каково! Он про Отелло слыхом не слыхал! Бедняга!

ПОЛОНИЙ. Да что с тобой творится, друг любезный?

АРАБЛИНСКИЙ. Я счел его беднягой... Но напрасно... Он без Отелло, Гамлета живет вполне спокойно, даже распрекрасно... На кой же черт им голову ломать и днем, и ночью: быть или не быть?..

ПОЛОНИЙ. В себе ли ты, Гусейн?

АРАБЛИНСКИЙ. Нет! Ты ведь слыхал: я – псих. Я ненормальный тип! Он верно говорит! Ты вырвал его из рук безумца! И он дал стрекача! Вот я его прикончить не сумел, а он меня когда-нибудь убьет, и глазом не моргнет. Он и тебя убьет, мой друг Полоний!

ПОЛОНИЙ. Меня-то, вроде, Гамлет убивает...

АРАБЛИНСКИЙ. Нет! Нет! Ты ведь мудрец, ты башковитый! Тебя не Гамлет убивает, нет! (Тычет пальцем несколько раз во тьму.) Тебя вот этот убивает! И другой. И прочий! Все и вся! Все общество – убийца твой, старик Полоний!.. И разве ты еще не понял это?.. Конечно, понял!.. Мой мудрый Полоний!..

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Театр. Кулисы.

Араблинский, Мая, Полоний, Яго, Усатый Артист, актеры.

Участники спектакля «Отелло» в гриме и соответствующих ролям

костюмах, приоткрыв занавеску на дверях, ведущих на сцену, наблюдают за финалом представления. Ощущается волнение и реакция зрительного зала, временами доносятся аплодисменты.

АКТЕРЫ ЗА КУЛИСАМИ:

- Bravo, Гусейн!
- Великолепно!
- Вот наш гений! Воистину!
- Бенефис удался на славу!

ПОЛОНИЙ (к Яго). И ты играл отменно.

ЯГО. Да ну... Мы только тени. Он – все. Бог сцены!

Со сцены доносится монолог Отелло-Араблинского:

...Плетьми гоните, бесы, прочь меня

От этого небесного виденья.

Купайте в безднах жидкого огня!

О горе, Дездемона! Дездемона!

Мертва! О! О! О! О! □ (Плачет).

Доносится гром рукоплесканий, крики:

– Араб-лин-ский!

– Араб-лин-ский!

– Араб-лин-ский!

Аплодируют и актеры.

УСАТЫЙ АРТИСТ (в женской одежде). Бесподобный Араблинский!

Яго, повернувшись к восторгающимся актерам,

как бы дирижирует в такт возгласам.

АКТЕРЫ (скандируя):

– Бес-по-доб-ный!

– Бес-по-доб-ный!

– Бес-по-доб-ный!

Мая в гриме Дездемоны появляется за кулисами.

ПОЛОНИЙ. Мая! Ты лучшая Дездемона из виденных мною!

МАЯ (закашлявшись). Хватит, Полоний!

ПОЛОНИЙ. Ты мне не веришь? (Целует ее.)

Яго торопливо наливает в стакан воду из чайника, стоящего

на ветхом столике в углу, и преподносит Мае.

ЯГО. Выпей, Мая. Кипяченая.

МАЯ (покашливая). Спасибо. (Пьет воду.)

За кулисы возвращается Араблинский в гриме и костюме Отелло.

Актеры, обступив его, аплодируют, поздравляют, скандируют:

– Bravo!

– Bravo!

– Брависсимо!

Араблинский, выйдя из их кольца, подходит к столику и, выдвигая ящики, что-то ищет.

АРАБЛИНСКИЙ. Где же они? Куда запропастились?

ЯГО. Что на него нашло?

ПОЛОНИЙ. Что там шарить, Гусейн?

АРАБЛИНСКИЙ. Сейчас... Минуточку... (Наконец он извлекает из ящика большие ножницы.)

ПОЛОНИЙ. Что тебе приспичило?

УСАТЫЙ АРТИСТ (с заметным смятением). Зачем тебе ножницы?

АРАБЛИНСКИЙ (Усатому артисту, повелительно). Подойди сюда!

УСАТЫЙ АРТИСТ (прикрывая руками свои усы). Нет! Нет! (Пытается улизнуть.)

АРАБЛИНСКИЙ. Держите его!

Тем временем овации и возгласы в зрительном зале продолжают.

– Араб-лин-ский!..

– Араб-лин-ский!..

– Араб-лин-ский!..

АРАБЛИНСКИЙ. Держите его!

Актеры хватают пытающегося бежать Усатого Артиста.

УСАТЫЙ АРТИСТ (пытается вырваться). Нет!.. Нет!..

ЯГО. Приказ командора!

АРАБЛИНСКИЙ. У тебя край наклейки оторвался, из-под нее ус торчал! Какая же Эмилия с усами? У Яго – жена усатая? Я еле сдерживался, чтоб не рассмеяться на сцене. Да тут не смеяться, а плакать надо.

УСАТЫЙ АРТИСТ (пытается вырваться из рук артистов). Гусейн, пощади, помилуй!

АРАБЛИНСКИЙ (срезает ему усы). Вот так! Теперь Яго тебя полюбит столь же страстно, как Отелло Дездемону!

ПОЛОНИЙ. Ну, ты человека обкорнал... оскопил...

УСАТЫЙ АРТИСТ (щупая верхнюю губу). Как же я теперь людям в глаза буду смотреть?!

АРАБЛИНСКИЙ. Или потешай зубоскалов, или играй! Или оплакивай свои усы, или выводи на чистую воду Яго, прекрасная Эмилия. (Передав ножницы Полонию, спешит на сцену – на поклоны публике.)

Аплодисменты звучат громче. Актеры из-за кулис выглядывают на сцену.

ЯГО. Он бог!.. Бог театра!

УСАТЫЙ АРТИСТ (ощупывая корешки срезанных усов). Пусть бог, но не парикмахер!..

Свет гаснет

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дворец губернатора. Гостиная. Губернатор, Граф, Графиня.

Они стоя беседуют.

ГРАФ. Ваше превосходительство, благодарю вас за ваше любезное приглашение в Баку.

ГУБЕРНАТОР. Ваше сиятельство, это я признателен вам за то, что вы приняли мое приглашение. Выкроили время, прибыли в Баку. Считаю визит столь славных гостей на окраину империи событием знаменательным...

ГРАФ (с улыбкой, полушутливо). Правда, оторвать графиню от светской жизни, от петербургских премьер и концертов было делом не столь уж легким...

ГРАФИНЯ (улыбаясь). Но графу это удалось!

ГУБЕРНАТОР (целуя ей ручку). Ваш приезд делает нам честь!

ГРАФ. Это не только моя заслуга, Анна! Полагаю, что и романтика Кавказа тут сыграла свою роль.

ГРАФИНЯ (громко рассмеявшись, Губернатору). Виктор Петрович считает меня самой романтической дамой на свете.

ГУБЕРНАТОР. Должно быть, он не ошибается.

ГРАФИНЯ (с затаенной иронией). Или вы тоже романтик, ваше превосходительство?

ГУБЕРНАТОР. Увы, я не могу утвердительно ответить на этот вопрос.

ГРАФИНЯ (Губернатору, понизив голос). Я вам открою один секрет, барон. (Пауза.) Ведь я и сама отнюдь не романтик.

ГУБЕРНАТОР. В это трудно поверить...

ГРАФ (со смехом). Ладно. Пусть величайшим романтиком буду я! Но Баку интересен и, думаю, важен не в силу романтики, а в свете будущего империи.

ГУБЕРНАТОР. Вы совершенно правы, граф.

ГРАФ. Я знаю, что Баку ныне переживает настоящий нефтяной бум...

ГУБЕРНАТОР. Так точно.

ГРАФ. ...И превращается в один из важных стратегических форпостов империи...

ГУБЕРНАТОР. Абсолютно верно, граф. Будущее – за нефтью! Но очень жаль....

ГРАФИНЯ. Чего вам жаль?

ГУБЕРНАТОР. Жаль, что высокопоставленные питерские чины недооценивают значимость бакинской нефти для будущей державы...

ГРАФ. В словах барона есть доля истины...

ГУБЕРНАТОР. Вот почему я высоко оцениваю ваш визит и признателен вам и графине! Но, впрочем, сейчас не хочу вас утомлять разговорами о нефти, об этом поговорим попозже.

ГРАФИНЯ. Попозже? Похоже, здесь нет ничего другого, кроме нефти!..

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Театр. Примерная.

Араблинский, Мая, Усатый Артист, Полоний, Яго.

Мая сидит в старом кресле, Гусейн стоит у окна, глядя на улицу.

Усатый Артист беседует с Маей.

УСАТЫЙ АРТИСТ. Уж таков сей мир... Что поделаешь? Что мы в силах сделать?

МАЯ (с осипшим от плача голосом, покашливая). Ведь сестренке моей было всего двадцать два года... Закрою глаза – и она перед глазами. Как мама моя... как папа... И ее не пощадили... Когда я сбежала из Житомира в Баку, ей было шестнадцать. Она осталась там... Была писаная красавица... С тех пор я ее не видела... Ну, в чем она была виновата? За что? Только за то, что родилась еврейкой?..

УСАТЫЙ АРТИСТ. Все газеты пишут о погромах в Житомире... За один день истребили до сотни евреев...

МАЯ. Почему? Гусейн, почему мой народ столь несчастен?

АРАБЛИНСКИЙ (резко повернувшись к ним). А что, мой народ премного счастлив? (С возрастающим, накапливающим возмущением.) А в чем моя вина? Сколько можно угрожать человеку смертной расправой?

Оскорблять, изгаляться? Один твердит: на кой черт мне театр. Другой злословит: мол, сбрили усы, не мужчины они, марионетки ряженные. Третьи кулаками размахивают: азербайджанке соваться на сцену – нельзя! Получается, следовало бы указать господину Шекспиру: обойдитесь без женских ролей!

УСАТЫЙ АРТИСТ. Но тебе, вроде, грех сетовать. У тебя ведь такая слава!..

АРАБЛИНСКИЙ (раздраженно). Не нужна мне такая слава! У нас денег нет даже на покупку грима! Ни копыа, ни шиша! У нас только Шекспир, Шиллер и покойный Мирза Фатали! Что и кто, кроме них, у меня? У тебя, у нее? Темный люд, завистливые зоилы, ура-патриоты! Но... вы видели... Как на бенефисе я дал им прикурить! Вот так-то! Мая, ты забудь обо всем! Выкинь из головы... И Житомир, и все ужасы, и душегубство... и трагедию своей нации... Все! Завтра ты снова будешь Дездемоной!

МАЯ (плачет). Но я не каменная! Я же живой человек!

АРАБЛИНСКИЙ (срывается на крик). Нет! Ты не человек, ты – актриса! (Пауза. Смягчившись, виновато.) Ну, прости меня, Мая.(Она плачет еще иступленнее.) Прости... (Пауза.)

УСАТЫЙ АРТИСТ. Я должен идти. Царствие небесное твоей сестре, Мая. Пусть земля будет ей пухом.

АРАБЛИНСКИЙ (ему). Завтра – «Отелло»! (Пауза.)

УСАТЫЙ АРТИСТ (нерешительно). Гусейн, брат, у меня просьба к тебе...

АРАБЛИНСКИЙ. Какая просьба?

УСАТЫЙ АРТИСТ. Не знаю, уместно ли сейчас...

АРАБЛИНСКИЙ. Выкладывай.

УСАТЫЙ АРТИСТ. Я... я все понимаю... Но и ты пойми меня правильно...

АРАБЛИНСКИЙ. Ну?

УСАТЫЙ АРТИСТ. Ты знаешь, что значит для меня театр!..

АРАБЛИНСКИЙ (теряя терпение). Говори же напрямик, чего хочешь?

УСАТЫЙ АРТИСТ. Я больше не буду исполнять женские роли... (Пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ (жестом показывает на артиста). Вот видишь...

УСАТЫЙ АРТИСТ. Я стыжусь. Не могу уже смотреть в глаза близким. Сын у меня подрастает... Да и жена...

АРАБЛИНСКИЙ (перебивая). Что – жена?

УСАТЫЙ АРТИСТ. Грозится уйти из дома. Не нужен, говорит, мне муж, который рядится в женскую юбку.

АРАБЛИНСКИЙ (внезапно вскипев). Впредь ты не будешь играть даже и мужских ролей! Ступай! Уходи! Мне не нужны актеры, что под дудку жены пляшут! Скатертью дорожка! Иди! Пусть сын твой папашей гордится! И усы себе отрасти подлиннее! Хорохорься перед женой!

УСАТЫЙ АРТИСТ (с неожиданным вызовом). И уйду! Ты играешь Наполеона, Гаджара, Надир-шаха... Не так ли? Но ты и сам – тиран. Да, тиран ты, Гусейн! Тиран!..

Уходит, громко хлопнув дверью.

Две-три афиши, висевшие на стене, падают на пол.

АРАБЛИНСКИЙ. Ты видела? Видела, к какому счастливому народу я принадлежу? Вот же как. И ты, если угодно, завтра не выходи на сцену. Нет нужды!

МАЯ. Успокойся, Гусейн. Возьми себя в руки... (Кашляет.) Я выйду на сцену. Выйду... Ты прав. Мы не люди. Мы – артисты!

Араблинский, подойдя к ней, присаживается на подлокотник кресла и прижимает ее голову к своей груди.

АРАБЛИНСКИЙ (взволнованно). Ты думаешь, я не понимаю, что значила для тебя гибель сестры? Думаешь, не понимаю, как я мучаю тебя?

МАЯ. Нет, Гусейн. Я так не думаю. Отнюдь. И еще... ты можешь мучить меня, сколько тебе угодно... Что бы я делала, не будь тебя... Разве что на панель оставалось бы пойти...

АРАБЛИНСКИЙ (с еще большим пылом обнимая). Мая...

МАЯ (сквозь слезы). Я правду говорю.

АРАБЛИНСКИЙ. Ты... очень-очень талантлива. (Целует ее.) У тебя большое будущее. Ты станешь великой актрисой, Мая!

МАЯ (ее душит кашель). Ты и сам знаешь, какое будущее ждет меня.

АРАБЛИНСКИЙ. Мая...

МАЯ (перебивая). У меня есть только одна мечта. Была. Я хочу... мне хотелось, чтобы у меня был сын от тебя. Такой же, как ты...

АРАБЛИНСКИЙ (вставая). Но как бы я его содержал? (С самоиронией.) Папочка, которому не на что и сигареты купить!..

Входят Яго и Полоний.

ПОЛОНИЙ. Бедная Мая. Какая ужасная весть!

ЯГО. Прими наши самые искренние соболезнования.

ПОЛОНИЙ. Скажи, чем мы можем тебе помочь?

АРАБЛИНСКИЙ (все еще на горько-иронической ноте). А что вы можете? Что в ваших силах? (Пауза.) Завтра у нас «Отелло»!.. (Пауза.)

ПОЛОНИЙ. Я бы хотел после твоего бенефиса что-нибудь смешное...

АРАБЛИНСКИЙ (с той же иронией). Или ты, Полоний, примериваешься к Скапену? И зря! Если поставим «Скапена», его сыграю я сам!

ПОЛОНИЙ. Ну и прекрасно! Но почему подряд «Отелло» да «Отелло»?

АРАБЛИНСКИЙ (со злым сарказмом). Потому, что я хочу задушить этот мир! Понимаете? Вот этими руками хочу перервать глотку... не нежной, бедной Дездемоне, а вцепиться в жирную шею этого жирующего мира! (Глядя на Яго.) Но что с того, Яго? Что с того? Разве у мира сего одна-единственная глотка? Не-ет! Наш мир – многоголовая гидра! Одну башку отсеки, другая разинет пасть, цап! – клыками – и от тебя рожки да ножки!.. (Стремительно покидает сцену.)

ЯГО (глядя ему вслед). Что опять на него нашло? Смотрит тучей, рвет и мечет...

Свет гаснет

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворец Губернатора. Гостиная. Губернатор, Граф, Графиня.

Все сидят за чайным столом.

ГРАФ. Должен вам сказать, барон, это для нас незабываемое турне. Баку превращается в великолепный европейский город.

ГУБЕРНАТОР. Нефть, ваше сиятельство, нефть...

ГРАФ. Рождение такого города на юге России, на персидско-турецком приграничье – серьезное событие! А политику, проводимую вами, барон, считаю весьма благотворной для империи. Я непременно доложу его императорскому величеству об увиденном.

ГУБЕРНАТОР. Премного благодарен, граф.

ГРАФИНЯ. Однако, барон, вы ничего не сказали нам об одном бакинском феномене...

ГУБЕРНАТОР. Тем более я рад вашему открытию. И позвольте узнать, что вы имеете в виду?

ГРАФИНЯ. Араблинского, барон, Араблинского! Он действительно феномен!

ГУБЕРНАТОР. Ах, вы об этом азербайджанском актере?

ГРАФИНЯ. Это незаурядный мастер, барон. Когда я узнала, что здесь существует театр, ставятся спектакли, я было подумала: это нечто на любительском, самодеятельном уровне. Когда же узнала, что они играют Шекспира, Шиллера, я даже не поверила. Кавказ – и Шекспир? Сходила, посмотрела. Оказывается, Шекспир – драматург что ни на есть кавказский! А все потому, что есть Араблинский. Господа, я открыла для себя недюжинного художника! Даже... Даже великого художника!..

ГРАФ (со смехом). Ну, графиня у нас – натура увлекающаяся...

ГРАФИНЯ. Ну, нет, дорогой мой Виктор Петрович! Ты бы видел его Отелло! Жаль, что не пошел! Уверю тебя, Виктор, этот Араблинский – явление! Я до сих пор не видела такого Отелло!

ГРАФ (изумленно). Анна! Ты ли это говоришь?

ГРАФИНЯ. Да, представь себе! Я насмотрелась на европейских сценах разных шекспировских мавров. Но, уверяю вас, господа, все они меркнут перед этим пламенным, неистовым Отелло, родившимся тут, на театральных задворках мира, на окраине России!

ГРАФ. Ну, Анна...

ГУБЕРНАТОР. Я не столь заядлый театрал, но Араблинский воистину хорош, весьма талантлив.

ГРАФИНЯ. Ходят слухи, что иные ловкачи, выдавая себя за Араблинского, гастролируют в Стамбуле, Персии, Крыму, Казани, Средней Азии, и зашибают деньги...

ГУБЕРНАТОР. Это верно, графиня. Он невероятно знаменит. Поклонники его обожают, но злопыхателей, анонимщиков побольше... (Усмехается). Вы уже знаете все об Араблинском. Добавлю, что находятся мистификаторы-двойники не только из единоверцев доморощенных, но и армянские, грузинские, даже русские – представьте себе! – ловкачи! Выдают себя за Араблинского и морочат

публику, срывают куш, соблазняют легковых дам...

ГРАФИНЯ. А сам он, наверняка, сидит на бобах...

ГРАФ. Анна, ну где ты встречала на свете актеров при деньгах? (Смеется).

ГРАФИНЯ (обращаясь к Губернатору). Вы хоть смотрели его Отелло?

ГУБЕРНАТОР. Разумеется, графиня. Это же мне полагается по долгу службы. (Пауза.)

ГРАФИНЯ. Только лишь по долгу службы?

ГУБЕРНАТОР. Понимаю, это звучит весьма нелепо. Но, увы, я лишен возможности наслаждаться созерцанием спектакля в качестве обычного зрителя! Я служу в таком краю, на такой должности, что обязан прежде всего радеть об интересах власти, а не интересах культурной жизни...

ГРАФИНЯ. Разве одно исключает другое?

ГУБЕРНАТОР. Прошу прощения, графиня, но скажите мне, в какую эпоху, в какой период, при каком мироустройстве искусство поддерживало власть?

ГРАФИНЯ. Ой, барон, вы уж всецело прониклись политикой!

ГУБЕРНАТОР. Это не мой выбор. Я обречен на это.

ГРАФИНЯ. Итак, созерцая спектакль, вы обречены выполнять служебный долг, не получая никакого эстетического удовольствия от прикосновения к искусству?

ГУБЕРНАТОР (с улыбкой). Опасаюсь выглядеть в ваших глазах не очень приглядным существом...

ГРАФИНЯ. Для подобных опасений есть повод...

ГРАФ (со смехом). Барон, вам грозит серьезная опасность.

ГУБЕРНАТОР. Дело в том, что здесь я не могу себе позволить такое удовольствие, какое получаю в Петербурге от какого-либо великолепного русского спектакля.

ГРАФИНЯ. Ну почему же? Пожалуйста, растолкуйте эту парадоксальную вашу мысль.

ГУБЕРНАТОР. Буду откровенен с вами, графиня. Ежели сегодня Араблинский знакомит азербайджанского зрителя на его родном языке с Шекспиром, Шиллером, Мольером, Лопе де Вега, если он с их помощью находит путь к сердцу нации, то, по сути, он пробуждает нацию от... извините, но я скажу... от восточной спячки. И вот завтра, глядишь, эта самая нация взъерепенится, дескать, а чем я хуже госпожи России? Почему я должна оставаться в составе Российской империи? Почему бы мне не возродить свое былое, средневековое величие? Почему бы мне не стать независимой? Почему бы и мне самой не выбить себе место в рядах мирового сообщества? Почему бы этой нефти не принадлежать только мне? (Пауза.) Да, графиня, Кавказ – это кинжальные страсти-мордасти, резня-грызня, но не это

должно пугать нас, а брожение умов, книги, искусство, школа. Кинжалами они кромсают друг друга, а искусство их будоражит, встряхивает, пробуждает. Боюсь, что после такого признания вы сочтете меня самым отпетым, закоснелым ретроградом, графиня...

ГРАФИНЯ (раздумчиво). А разве у них, у местных жителей нет своей национальной культуры, искусства? Насколько знаю, имеющих многовековую историю. Разве они мало взрастили гениев мирового значения?

ГУБЕРНАТОР. Здесь вы правы, да, разумеется, у них богатые национальная история и культура, у них творцы искусства. Но сейчас начало другой эпохи. Наш век будет веком нефти.

ГРАФИНЯ (с досадой). Опять нефть, барон?

ГУБЕРНАТОР. Да, графиня! Ныне вирши о соловьях и розах, легенды о Лейли и Меджнуне, амурные сочинения вполне безобидны, безвредны, они не пробуждают, а, напротив, усыпляют, погружают древний Восток в сладостное забытие эстетических красот!.. И пусть! Но если Гоголь вышучивает российское чиновничество, это сегодня – проблема России! А кавказским аборигенам не должно в своих театрах смотреть Гоголя на своем туземном языке! Это русский студент, офицер, сегодняшний столоничальник может лицезить на сцене гоголевских чинуш и смеяться. Смеяться и на ус мотать! Но здешним инородцам не должно смотреть на гоголевских ляпкиных-тяпкиных, добчинских-бобчинских и зубоскалить! Ибо это уже означало бы насмешничать над империей! Гоголевский губернатор и вправду смешон! Но туземцы не должны видеть царских чиновников в столь смехотворном виде у себя на сцене!

ГРАФ. Я понимаю господина губернатора. В этих словах, в подобном подходе, вероятно, есть некая антигуманность, Анна, несправедливость, но ведь интересы державы более значимы и более важны!

ГУБЕРНАТОР. Благодарствую, граф!

ГРАФИНЯ. Но разве сегодня Араблинского носит на руках его собственная нация? Мне сказали, что ему грозят смертной расправой, страшают, изгаляются, третируют! И все – доморощенные недруги. Вы же сами сказали: его поносителей побольше числом, нежели поклонников.

ГУБЕРНАТОР. Сегодня дело обстоит так, но будет еще день завтрашний. Его императорское величество – личность гуманная, человеколюбивая, милостивая. Это вы, конечно, знаете лучше меня. Но здесь – Кавказ, графиня! Просветив Кавказ, мы можем посадить его на голову... Чем внушительнее талант Араблинского, тем он потенциально опаснее для империи. Те, кто сегодня подвергают его анафеме, завтра могут одуматься и понять его!

ГРАФ. Господин губернатор зрит в корень...

ГРАФИНЯ (пожимая плечами). Как знать... (Пауза.) Вы говорите без обиняков, барон. И это мне импонирует.

ГУБЕРНАТОР (с галантным поклоном целует ей ручку). Благодарю вас, графиня!

ГРАФИНЯ. Но, прошу прощения, я тоже не хочу утаивать от вас того, что думаю. Мне кажется несколько странным, что вы, будучи немцем по происхождению, столь ревностно печетесь об интересах России...

ГРАФ (укоризненно). Анна!..(Пауза.)

ГРАФИНЯ. Вы не обижаетесь за эти мои слова, барон?

ГУБЕРНАТОР. Да нет, совершенно! Почему же я должен обижаться на вас? Да, я барон фон Браунштейн, немецких кровей, но я служу великой Российской империи! Я служу его императорскому величеству Николаю Второму! И, с божьей милостью, буду служить и впредь! Я люблю Россию, графиня. Я, еще будучи молодым офицером, дал присягу верности Отечеству и его императорскому величеству! Россия – Отечество мое. Иначе какое бы мне было дело до этих богом забытых мест? Вы думаете, что мне так уж по душе этот грозный, зловещий, дикий Кавказ? Да, здесь дивная природа, достойная поэтического воспевания, пушкинских восторгов, да, можно, подобно нашему великому графу Толстому, идеализировать бунтарей и разбойников вроде Хаджи Мурата, но работать здесь, служить государю – дело совершенно другое, уверяю вас, графиня!

ГРАФ. Я не сомневаюсь в этом, барон.

ГУБЕРНАТОР. Мои соображения об Араблинском, его театре, его миссии не есть выражение неприязни, ксенофобии, а изъявление преданности великой Российской державе, моих дум об ее миссии! Иначе... да, я мог бы наслаждаться его игрой в роли Отелло! Господа, в воздухе пахнет войной! И это будет не региональная баталия, не стычка между двумя государствами, а заполыхает как мировая! Дай Бог мне обмануться, но я, господа, чую это всем своим существом! Карта мира перекроится! Оттоманская империя рушится. Босфор, Дарданеллы останутся без хозяина. Германия наращивает мускулы. Британский лев уже не тот, что прежде, но не хочет смириться с этим! Франция позабыла свой крах в войне с Пруссией. Когда заполыхает война, Россия не сможет остаться в стороне. Потому должна, перво-наперво, укреплять свои тылы. Кавказ – мина замедленного действия. С одной стороны – война, с другой – кавказские башибузуки, люмпены, пытающиеся расшатать основу империи. Мы не можем сидеть сложа руки и ждать, пока наше Отечество постигнет участь Османской державы.

ГРАФИНЯ. Вы меня пугаете, барон.

ГРАФ (смеясь). Ну да, тебя испугаешь.

ГУБЕРНАТОР. Не обессудьте, графиня... Я делюсь с вами мыслями, которых здесь никому не могу высказать. Я изложил их письменно и направил лично его императорскому величеству.

ГРАФ. Через голову министра внутренних дел? (Пряча улыбку.) Это не понравится Николаю Алексеевичу, не так ли, Анна?

ГРАФИНЯ. Меня не заботит, что министру понравится, а что нет...

ГРАФ (пожимая плечами). У графини нрав весьма жесткий.

ГУБЕРНАТОР. Признаться, судьбы Отечества для меня важнее недовольства господина министра Маклакова. Вы же видите: в Баку нефтяной бум. Где же русские миллионеры? Почему они не приберут к рукам бакинскую нефть? Чего они ждут? Пока они очухаются, все будет разобрано. Фонтанирующие скважины, пробуренные азербайджанцами, приносят им золотые горы. И из Европы нахлынули Нобели на запах бакинской нефти. Среди здешних бакинских нефтепромышленников ни единого русского. Азербайджанцы, евреи, армяне, скандинавы... А мы куда смотрим? Вешаем ордена на грудь местным Тагиевым, Нагиевым, Асадуллаевым, Гаджи Мамеду Таги и прочим.

ГРАФИНЯ (со скрытой остротой). Господин губернатор, эти ордена присуждает его императорское величество.

ГУБЕРНАТОР. Прошу прощения... Я, похоже, перегнул палку... (Пауза.)

ГРАФ. Я на эту ситуацию смотрю несколько по-другому, барон. Награды, регалии – вопрос не столь уж простой. Они поощряют верноподданническое рвение награжденных.

ГУБЕРНАТОР. Допускаю... Возможно, есть более глубокая подоплека. Дай-то бог. Но я, графиня, искренне сожалею, что повернул наш разговор в другом направлении...

ГРАФ. Как бы то ни было, Анна, мне очень приятно, что и здешний театр пришелся тебе по вкусу... Как фамилия того актера?

ГРАФИНЯ (чувствуется, что она вновь с воодушевлением вспоминает недавние театральные впечатления). Араблинский. Уверяю тебя, Виктор Петрович, это большой мастер!

Свет гаснет

КАРТИНА ПЯТАЯ

Театр. Сцена. Кулисы.

Араблинский, Мая, Полоний, Яго, другие артисты.

За кулисами тревожно расхаживают Полоний, Яго и другие из труппы.

ПОЛОНИЙ. Мая не пришла...

ЯГО. Очевидно, опять ей нездоровится. Бедная девушка... Чахотка вконец извела ее.

ПОЛОНИЙ. Нам бы не надо было начинать спектакль.

ЯГО. Я предупреждал Гусейна. Но ему разве скажешь такое? Начал кричать. (Передразнивая.) «Нет! Зрители собрались! Я не могу откладывать «Гамлета»! Взбеленился. И вышел на сцену...

ПОЛОНИЙ. Впрочем, когда играешь Гамлета, надо быть чуток не того...

ЯГО. Тогда ты, Полоний, сглупил, что завязал с водкой.

ПОЛОНИЙ. И не говори. Но что было делать? Гусейн из-за пьянки чуть было не растерзал меня.

ЯГО. А ты разве «просыхал»?

ПОЛОНИЙ. Теперь-то я круглосуточно трезв, а проку? (Появляется Мая.) Наконец-то!

ЯГО. Что с тобой?

МАЯ (кашляя). Да ничего...

ПОЛОНИЙ. Как это «ничего»? Тебя ноги не держат!

За кулисы входит Араблинский в гриме Гамлета.

АРАБЛИНСКИЙ (взвинченно, сердито). Ну как, пожаловала? Выбралась?

ПОЛОНИЙ. Да...

МАЯ (давясь кашлем). Я здесь...

АРАБЛИНСКИЙ (срываясь на крик). Где ты пропадала? Почему опоздала?

МАЯ. Фэтон застрял...

АРАБЛИНСКИЙ (все так же недоволено). Вышла бы пораньше... из своей хибары... Приготовься! Да поживей! Наша сцена!

ПОЛОНИЙ. Гусейн, ты не видишь? Ей не по себе!

АРАБЛИНСКИЙ (кричит еще громче). Нет! Не вижу! Я слеп! Слеп! (Устремляется к старой двери.)
Пора! Начинается! (Открыв дверь, выскакивает на сцену.)

Свет слабеет. Актеры, столпившись за кулисами, смотрят на сцену.

Реальная сцена погружается в полный мрак. Затем софисты освещают вторую, ретроспективную сцену театра Араблинского.

Он в роли Гамлета, Мая – Офелия. Первая сцена третьего акта.

ГАМЛЕТ. ...Я вас любил когда-то.

ОФЕЛИЯ (подавляя кашель). Да, мой принц, и я была вправе этому верить.

ГАМЛЕТ. Напрасно верили: сколько ни прививать добродетель к нашему старому стволу, он все-таки в нас будет сказываться. Я не любил вас.

ОФЕЛИЯ. ...Тем больше была я обманута.

ГАМЛЕТ. Уйди в монастырь – к чему тебе плодить грешников? Сам я скорее честен; и все же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет – я очень горд, мстителен, честолюбив; к моим услугам столько прегрешений, что мне не хватает мыслей, чтобы о них подумать, воображения, чтобы придать им облик, и времени, чтобы их совершить. К чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей? Все мы – отпетые плуты: ты никому из нас не верь. Ступай в монастырь. Где ваш отец?

ОФЕЛИЯ. Дома, принц.

ГАМЛЕТ. Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя. Прощайте.

ОФЕЛИЯ (не совладав с приступом кашля). О, помоги ему, всеблагое небо!

ГАМЛЕТ. Если ты выйдешь замуж, то вот какое проклятие я тебе дам в приданое: будь ты целомудренна, как лед, чиста, как свет, ты не избежешь клеветы. Уходи в монастырь – прощай. Или, если уж непременно хочешь замуж, выходи замуж за дурака. Умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы из них делаете. В монастырь – и поскорее. Прощай.

ОФЕЛИЯ (совершенно обессиленная). О, силы небесные, исцелите его!

Сцена погружается во тьму, и вновь освещается закулисье.

Актеры все также смотрят на сцену из-за старой двери.

АКТЕРЫ:

- Бедняжка совсем выбилась из сил...
- Не надо было нам пускать ее на сцену...
- Да разве возможно его уговорить?..

Араблинский входит в закулисье. Актеры хранят молчание. Он вместе с ними устремляет взор на сцену. Свет постепенно слабеет, и луч падает на Маю, которая из последних сил доигрывает эпизод.

ОФЕЛИЯ.

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого – взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных – пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом; о, как сердцу снести:
Видав бывшее, видеть то, что есть!

Маю душит кашель. Она, лишившись чувств, падает.

Высвечивается закулисье.

АРАБЛИНСКИЙ (кричит). Занавес! Дайте занавес! Живей! Публике все будет невдогад!

Один из актеров, выбежав на сцену, подхватывает

Маю на руки и уносит за кулисы.

Гаснет софит, направленный на сцену.

Маю укладывают на старом диване.

МАЯ (слабым голосом). Гусейн... не переживай... я... сейчас... приду в себя... не переживай...

ПОЛОНИЙ (решительно). Нет! Ее нельзя выпускать на сцену!

АРАБЛИНСКИЙ. Она выйдет на сцену! Я не могу прервать спектакль!

ПОЛОНИЙ (также решительно). Нет!

Мая заходится в удушливом кашле.

ЯГО (в ужасе). Кровь! Ее рвет кровью!

АКТЕРЫ:

– Мая...

– Не бойся!

– Подайте воды!

МАЯ (угасающим голосом). Гусейн... сейчас...

АРАБЛИНСКИЙ. Надо спасти спектакль! (Мечется взад-вперед.) Нельзя срывать спектакль!

МАЯ. Гусейн... Я...

АРАБЛИНСКИЙ. Молчи, Мая, молчи... Мы... сократим сцены Офелии со мною... Оставим только сцену безумия! А сцена с Лаэртом... (Тихо напевает слова из песни обезумевшей Офелии):

Ах, он умер, госпожа,

Он – холодный прах;

В головах – зеленый дерн;

Камешек в ногах.

(Кричит.) Дайте мне женское платье! Скорее! Чтоб по размеру!

ПОЛОНИЙ. Что ты задумал, Гусейн?

АРАБЛИНСКИЙ. В той сцене нет Гамлета. Я сам сыграю Офелию!

ПОЛОНИЙ. Но, Гусейн...

АРАБЛИНСКИЙ. Молчи, Полоний! Ни слова! (С горькой иронией.) Может, когда-нибудь потомки поймут, чего пришлось хлебнуть Араблинскому в нашем распрекрасном мире! Как ты думаешь, а, старик Полоний? А впрочем... нет... И потомкам этого не понять... Араблинский играл обезумевшую Офелию?.. Ну и что?!

Свет гаснет и доносятся постепенно усиливающиеся рукоплескания

зрителей. Снова загорается свет.

ПОЛОНИЙ. О, боже! Как же он перевоплотился! Как он сыграл Офелию!

ЯГО. Нет, он не артист, он... он дьявол!

Араблинский в женском платье входит через дверь за кулисы.

Актеры встречают его аплодисментами.

АРАБЛИНСКИЙ (переводя дух). Пронесло!.. (Обнимает поочередно актеров.) Пронесло! Подайте мне гамлетовский костюм! (Снова переводит дух.) Пронесло! (Подходит к дивану, наклоняется к Мае,

бережно касается ее волос). Как ты?

МАЯ (силясь улыбнуться). Полегчало...

АРАБЛИНСКИЙ. Вот поцелую – и все пройдет! (Целует ее.) Моя героиня... Героиня! (Актерам.) Аплодируйте ей! Рукоплещите героической Мае! (Актеры вместе с Араблинским дружно рукоплещут. Араблинский, вскинув руку, сжатую в кулак, скандирует). Ма-я!.. Ма-я!

Актеры вторят ему.

Свет гаснет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОЛОГА

Улица.

Глашатай, Гочи, Биби, Абдул, Бакалейщик, Редактор, Журналист, Усатый Артист, Араблинский, Молодой Театрал.

На сцене темнеет, и снова проступают силуэты снующих прохожих.

Лучи софитов, попеременно вспыхивая, выхватывают из сумрака лица персонажей. Луч падает на Глашатаю.

ГЛАШАТАЙ (размахивая газетами и билетами в руках, кричит). Новое синема! «В царстве нефти и миллионов»!.. Киносеансы на дому – «Мон-Рено» и «Микадо»! Билеты кончаются! Последние билеты! «Ревизор» Гоголя! Спешите! Араблинский – Хлестаков!..

Свет софитов направляется на Гочи и Абдула.

ГОЧИ. Послушай, Абдул! У тебя есть имя, есть честь! Как ты терпишь, что твой безусый кузен в театре вытворяет, комедию ломает!? А!?

АБДУЛ (хватает Гочи за горло). Клянусь, я не посмотрю на твои понты, глотку перерву!

ГОЧИ (задыхаясь). Коли такой храбрый, иди, своего братца прищучь!

Свет гаснет и загорается вновь.

ГЛАШАТАЙ. «Ревизор»!.. Вас ждут пикантные происшествия! Араблинский-Хлестаков заводит шуры-муры с женой и дочерью Городничего! Покатитесь со смеху, животы надорвете.

Свет падает на Редактора и Журналиста.

ЖУРНАЛИСТ (показывая Редактору свою писанину). Я придумал «развесистую клюкву». Вот, послушайте. (Читает вслух.) «По сообщению авторитетного источника, вчера господин Араблинский после спектакля «Отелло», прихватив сборы представления, отправился в казино с некой армянской пассией... И продул все деньги!» Ну, как?

РЕДАКТОР. А если он подаст иск в суд: мол, укажите «авторитетный источник».

ЖУРНАЛИСТ. Тогда вот так: «источник, пожелавший остаться анонимным». А? Шито-крыто. Имеем право – свобода слова. И губернатор о том всякий раз твердит.

РЕДАКТОР. Хорошо, уговорил! Дадим под «шапкой».

Луч выхватывает Усатого Артиста.

УСАТЫЙ АРТИСТ (просматривая газету, с горечью). Ну за что? Зачем писать такую грязную ахинею? Зачем чернить человека перед народом? Араблинский – гений! Если кому-то невдомек, но я-то знаю. Гений! Мы... мы недостойны его... Мы – мелюзга... Мы – ничтожны...

Софиты освещают Биби и Абдула.

БИБИ (растроенно). Позор нам! Гаджи показал нашим сватам от ворот поворот! (Пауза.) Сказал, мол,

Абдул – сын тети Гусейна, и потому не выдает за него дочь... Сказал, что...

АБДУЛ (раздраженно). Хватит!

Свет выхватывает лицо Гаджи Мамеда Таги.

ГАДЖИ МАМЕД ТАГИ. Я не могу выдать свою дочь за Абдула, перейму печали ваши. Я ношу на груди орден, пожалованный его величеством Николаем Вторым, люди видят во мне отца нации... Как я могу породниться с тем, чей родич в женском платье паясничает перед честным народом? Ладно, допустим, дам согласие, а дочь разве не спросит меня: мол, отец мой любезный, орденосный, всем известный, что, во всем Баку не нашлось иного жениха, что ли, выдал меня за вертопраха со сбритыми усами?

Свет гаснет и на сей раз, зажегшись, падает на идущего по улице

Араблинского и бегущего за ним Молодого Театрала.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (запыхавшись). Господин Араблинский!

АРАБЛИНСКИЙ (задержав шаг). Слушаю вас, молодой человек.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Как хорошо, что вас увидел. Простите, что подошел к вам на улице...

АРАБЛИНСКИЙ. Извольте.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Я работаю наборщиком... в типографии братьев Оруджевых. Видел все ваши спектакли...

АРАБЛИНСКИЙ. Очень тронут.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Господин Араблинский. Я бы хотел... моя мечта – поступить в вашу труппу... Хочу попробовать себя на сцене.

АРАБЛИНСКИЙ (шутливо). Значит, нашего полку прибудет... Тех, у кого в кармане шаром покати.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Нет, нет, мне хватает типографского жалованья. Я не ради денег. Для меня главное... (Патетически воздев руки, не находит, что сказать.) Главное... Вы меня понимаете?

АРАБЛИНСКИЙ. Понятно. Я рад. Рад, что у нас есть такие молодые бессребреники... светлые головы... Но театр, учтите, не только огни рампы и аплодисменты. Есть и закулисье...

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (пылко). Я твердо решил, господин Араблинский. Я сделал выбор: посвятить себя сцене. Я тоже выйду на сцену.

АРАБЛИНСКИЙ. Ну, если так, то жду вас в театре.

Свет гаснет

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Театр. Гримерная.

Араблинский, Графиня, Фрейлина.

Доносятся аплодисменты, реплики зрителей. Когда зажигается свет, перед нами предстает в центре комнаты Араблинский в образе Франца Моора из «Разбойников», вскинув голову, он произносит про себя текст какой-то роли. Стучат в дверь. Он не реагирует. Снова стук. В приоткрытую дверь заглядывает Фрейлина.

ФРЕЙЛИНА. Можно войти? (Араблинский продолжает вышептывать текст. Появляется и Графиня; вместе с Фрейлиной они переступают порог.) Господин Араблинский, графиня хотела бы повидаться с вами.

ГРАФИНЯ (несколько смутившись). Простите... Мы вам помешали?

АРАБЛИНСКИЙ (с интересом глядя на гостью). Нет, нет! Напротив. Вы оказали мне честь.

ГРАФИНЯ. Но, похоже, вы репетируете...

АРАБЛИНСКИЙ (рассмеявшись). Нет... Я беседовал.

ГРАФИНЯ (оглядевшись вокруг). С кем же вы беседовали?

АРАБЛИНСКИЙ. С Шиллером! (Пауза)

ГРАФИНЯ. Любопытно, что же он вам говорил?

АРАБЛИНСКИЙ. Гм... Говорил: браво, герр Араблинский!

ГРАФИНЯ. Вы знаете, вполне заслуженно! Действительно, браво! Ваш Моор – ярче виденных мною в Петербурге, Берлине, Париже, Лондоне!

АРАБЛИНСКИЙ (польщенно). Благодарю вас, графиня. Да... сколько на свете Францев Мооров!

ГРАФИНЯ. Я смотрела и вашего Отелло!

АРАБЛИНСКИЙ. Знаю. (Пауза.) Обратил внимание: вы сидели в ложе.

ГРАФИНЯ. А вы наблюдательны... (Пауза.) Не скрою от вас... После просмотра вашего Отелло я всю ночь не могла сомкнуть глаз. Я была чрезвычайно потрясена. Когда вы душили Дездемону, я испытала ужас... Мне чудилось, что... что ваши руки вцепились в мое горло... А я, знаете, не из столь впечатлительных натур. Вы – великий актёр, Араблинский.

АРАБЛИНСКИЙ (с той же признательностью). Благодарю вас, графиня. Ваша похвала дорогого стоит! Как хорошо, что (улыбаясь) я задушил бедную Дездемону, а не вас...

ГРАФИНЯ. Вы знаете, когда губернатор пригласил нас погостить в Баку, я поначалу, признаться, отнекивалась. До самого отъезда из Петербурга колебалась. Но как хорошо, что мы приехали сюда. Иначе я бы не увидела вас... такого мастера... И не думала, не гадала бы, что здесь, в Баку, есть актер такого масштаба. Вы и по-русски прекрасно говорите.

АРАБЛИНСКИЙ (смеется). А мой южный акцент?

ФРЕЙЛИНА (глядя на него явно зачарованно). Отелло и должен говорить с южным акцентом! (Спохватившись, виновато глядит на Графиню.) Простите...

ГРАФИНЯ. Барышня наша права. Вас должен узнать весь мир. Вы... Вам надо приехать в Петербург, сыграть в Александринском театре!

АРАБЛИНСКИЙ. А как быть с бакалейщиком Мешади Джаббаром?

ГРАФИНЯ. А кто это такой?

АРАБЛИНСКИЙ (со смехом). Тот, кто отпускает мне пиво в кредит. Сам верующий мусульманин, а торгует пивом.

ГРАФИНЯ (серьезно). Господин Араблинский! Похоже, вы себе цены не знаете.

АРАБЛИНСКИЙ. Нет, графиня, как бы то ни было, а цену себе я знаю.

ГРАФИНЯ (подойдя к окну, смотрит на бухту). Отсюда прекрасный вид на Каспий... Действительно, пейзаж вдохновляющий.

АРАБЛИНСКИЙ. Возможно. Но не меня.

ГРАФИНЯ (недоуменно). Почему? Такой актер не может обойтись без вдохновения.

АРАБЛИНСКИЙ. Отец мой, рыбац, утонул в этом море.

ГРАФИНЯ. О-о-о. Простите меня. Я ведь не знаю вашей биографии... Пока не знаю...

АРАБЛИНСКИЙ. В ней нет ничего особенного.

ГРАФИНЯ. Как знать... (Подходит к нему, становясь лицом к лицу). Вы не вправе прятать себя от мира.(Пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ. Знаете ли... Шиллер мне сказал еще кое-что...

ГРАФИНЯ (несколько нервно). Ну, что еще вам сказал Шиллер?

АРАБЛИНСКИЙ (покосившись на Фрейлину). Я это сообщу вам наедине. (Пауза.)

Графиня кивком головы велит Фрейлине удалиться.

Та, сделав книксен, повинуется.

ГРАФИНЯ. Ну? Что вам сказал Фридрих Шиллер?

АРАБЛИНСКИЙ. Спросил: ты – слепец?

ГРАФИНЯ. Что-что?

АРАБЛИНСКИЙ. Спросил у меня: разве ты слепец?(Пауза.) И добавил: разве ты не видишь, что перед тобой – такая женщина? (Пауза.) И еще...

ГРАФИНЯ. Что же еще?..

АРАБЛИНСКИЙ. И еще он сказал: ты должен любить ее!

ГРАФИНЯ. И много женщин вы любили таким образом?

АРАБЛИНСКИЙ. Быть может, я полюблю вас больше всех?! (Обнимает Графиню).

ГРАФИНЯ. Что вы делаете?

АРАБЛИНСКИЙ. То, что сказал Шиллер!..

ГРАФИНЯ. Граф сейчас ждет меня в гостинице!

АРАБЛИНСКИЙ. Пусть ждет!

ГРАФИНЯ. Вы его не боитесь?

АРАБЛИНСКИЙ. Я боюсь только одного – как бы вас не обидеть...

ГРАФИНЯ (ее приоткрытые чувственные губки подчеркнута беззащитны). Нет... Не бойтесь... не бойтесь!

Свет гаснет

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Театр. Закулисье.

Полоний и Яго.

Яго в углу заваривает чай на керосиновой плите.

Полоний уселся в старое кресло.

ЯГО. Я заварил чай на славу!

ПОЛОНИЙ. Что же поделаешь? Теперь уже у нас период чаевничания.

ЯГО. В последнее время, Полоний, ты все чего-то брюзжишь.

ПОЛОНИЙ. А что мне остается делать? Порой вот думаю: я тоже мог бы жить по-людски, иметь семью, детишек, внучат...

ЯГО (наливая чай в стаканы). Где тебе знать, есть у тебя дети или нет? Вдруг, глядишь, где-нибудь в Астрахани или, скажем, в Тифлисе – мало ли, где мы гастролировали! – объявится некий усатый увалень: папочка, я твой сын!

ПОЛОНИЙ (опечаленно). А ты недалек от истины... Где мне знать?.. Кто там у меня, как они?... Я жил сценой... Зачем? Чего ради? И в такие времена...

ЯГО (подает ему стакан с чаем). А были ли такие времена, чтоб актеры жили припеваючи? Чтоб были

довольны своим веком? (Опускается на ветхий диван.) Вряд ли...

ПОЛОНИЙ (как бы разговаривая сам с собой). Почему же я не могу жить без сцены? Ведь был парикмахером, жизнь – малина, бакинских магнатов стриг, за мной фаэтоны присылали... Почему же, стоило мне посмотреть один только спектакль – один-единственный, слышишь, Яго? – как театр меня завлек, поглотил, закрутил, как смерч! Какого рожна я бросил свое прибыльное ремесло и пошел в артисты? Ведь сцена не дала мне ничегошеньки, одни мытарства и лишения. И кто я? И что я? Никто! Я знаю, что не оставлю никакого следа в истории театра! Ни черта! Что с того, что вы прилепили мне прозвище – Полоний?.. Но я выбрал сцену...

ЯГО. Уж если ты себя считаешь столь никчемным, тогда почему же Гусейн тебя обожает, души в тебе не чаёт? А, Полоний, скажи, глупый старикашка?

ПОЛОНИЙ. Гусейн любит не меня, а мою любовь к театру.

ЯГО (наливая чай). Валлах, ты чем больше стареешь, тем больше из ума выживаешь. Аллах сотворил Гусейна в единственном числе! Нет слов! Но не будь нас, что бы он делал? Я думаю, что и я, и ты, и Мая, и прочие актеры «пахали» не меньше, пожалуй, Гусейна. Но Всевышний одарил его большим талантом! Голосом! Внешностью! Манерами! И пока существует театр, будет жить имя Араблинского! Это – заслуженное им право. Ну и как быть нам, простым, смертным служителям муз? Вот ты, Полоний, знаешь имя своего прадеда?

ПОЛОНИЙ. Прадеда?

ЯГО. Да, да.

ПОЛОНИЙ. Сейчас вспомню... Отца звали Мурсалом. Мурсал Джафар оглу. Значит, деда звали Джафаром. А прадеда? Сейчас... на кончике языка вертится... Да, вспомнил, Осман! (Колеблется.) Осман? Нет, Омар! Это уж точно! Омар! (Снова с сомнением.) Или... Осман?

ЯГО. Все же как – Омар или Осман?

ПОЛОНИЙ. Одно из двух.

ЯГО. Ладно, пусть. А как имя отца Омара или же Османа?

ПОЛОНИЙ. Пра-прадеда? Откуда мне знать? И чего ты меня к стенке прижимаешь? Что ты хочешь этим сказать?

ЯГО. А то, что по твоей логике получается, что предкам твоим в предвидении забвения потомками и вовсе не стоило плодить детей? Вот так и театр. Что ж, теперь нам опустить руки, бросить театр, мол, в будущем никто о нас и не вспомнит? Не знаю, как ты, а я вот горжусь, что все меня знают как Яго. Да, Яго был злодей, но я играл роль этого двурушника с полной самоотдачей, душу вложил в него, Полоний! Иного назовешь «Яго» – ведь оскорбится, взбеленится, воспримет это как ругань, но я горжусь этим!.. И что с того, что имя мое не впишут в летопись театра, как имя Араблинского?!

ПОЛОНИЙ. Так-то оно так. Верно говоришь. Но, знаешь ли, Яго, при всем при том, я, как подумаю обо всем этом, точит меня горькая печаль... (Пожимая плечами.) Отчего? Почему?

ЯГО. Приспичило тебе в твои годы в философию удариться.

ПОЛОНИЙ. А в какие же еще годы философствовать? Едем на гастроли, а на обратную дорогу денег нет! У лавочника Мешади Джаббара берем продукты в долг, а он, живоглот, после спектакля тут как тут, всю кассу сгребает! Уста Вартан, костюмер наш, костюмы напрокат выдает, а потом над душой висит, сукин сын: давай, плати! Гусейн ютится в гримерной, жить ему негде! Курево в лавке займа берет. Эх, что говорить! Поневоле голову ломаешь, приходится уж «философствовать», как ты изволил выразиться. Да уж, или шевели мозгами, или подыхай! Что, не так, Яго?

ЯГО. Чай твой стынет...

ПОЛОНИЙ (пригубив чаю). Так-то вот... Помнишь, в Тифлисе, в Дворянском собрании мы давали гастрольные спектакли. Как грузинская княгиня была очарована Гусейном...

ЯГО. Да, помню... Дама была в годах, а все еще цветущая...

ПОЛОНИЙ. Она презентовала Гусейну английский отрез, черный драп... А Гусейн подарил отрез мне. Я хранил его столько лет, а недавно сходил к портному Губерману, заказал костюм себе.

ЯГО (окидывает взглядом его одеяние). Сколько тебя знаю – ты все в этом старом костюме ходишь...

ПОЛОНИЙ. Ну да, обнова не готова. Губерман шьет в кредит. Мерку с меня снял, спрашивает, как карманы брюк выкроить. Я говорю: никак, карманы не нужны. Он глаза вылупил. Я ему: эх, друг Соломон, карманы для того, чтоб деньги класть. А если ни шиша, ни гроша, зачем они?

ЯГО. А он не спросил, как будешь расплачиваться?

ПОЛОНИЙ. Нет, представь себе. Он человек славный, добрый, не жлоб. Ему и в голову не пришло о деньгах заикнуться.

ЯГО (встает, поставив стакан на стол). Ну, и как насчет кармана?

ПОЛОНИЙ. Кажется, решил пришить. Но, спасибо ему, скидку на десять процентов сделал.

ЯГО. Ну-ну... Слушай, а ты не знаешь, где Гусейн?

ПОЛОНИЙ. Кажется, пошел навестить Маю. Бедняжка плоха... С постели не может подняться... Эта хворь доконала ее...

ЯГО. Хворь хворью, но и Гусейн – не сахар... Давай-ка и мы наведаемся к ней.

Свет гаснет

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната, где обитает Мая.

Мая, Араблинский, Полоний, Яго.

Мая в постели. Араблинский в углу кипятит молоко.

АРАБЛИНСКИЙ. Все будет хорошо, Мая.

МАЯ (слабым голосом). Конечно...

АРАБЛИНСКИЙ. Ты мне не веришь?

МАЯ. Верю...

АРАБЛИНСКИЙ. Все образуется...

МАЯ. Да...

АРАБЛИНСКИЙ. Вот увидишь... Я тебе еще не сказал новость: из Москвы приехали люди из фирмы Ханжонкова, чтобы снять фильм с моим участием. Фирма знаменитая. Хотят снять «Тартюфа». Мне предлагают, представь себе, сыграть Тартюфа! (Смеется.) Не Отелло, не Гамлета, а мольеровского прощелыгу. Но предложение заманчивое. Сулят хороший гонорар... я повезу тебя в Италию...

(Наливает в стакан горячее молоко.) Доктор Кязим-бек говорит, что итальянский климат тебя исцелит.

К черту театральную мороку! (Смотрит в форточку под потолком.) Впредь тебе не придется в этом полуподвале созерцать ноги прохожих! Ты выздоровеешь, Мая! Выздоровеешь!.. Вот увидишь!.. И из Италии мы не вернемся, пока ты не выздоровеешь!.. И вообще..... Может, сюда и не вернемся, а?..

Хорошо!.. Поживем, поглядим... (Подносит ей молоко.) Как ты думаешь, получится из меня Тартюф?

(подавая стакан.) Выпей пару глоточков. (Стоит перед ней, всматриваясь.) Ты что, уснула? (Пауза.)

Мая, ты спишь? (Пауза.) Мая!

Пауза.

Араблинский застывает, как вкопанный. Стук в дверь.

Входят Полоний и Яго.

ПОЛОНИЙ. Дверь оставили незапертой. Как Мая? (Смотрит на лежащую в постели Маю, переводя взгляд на окаменевшего со стаканом в руке Араблинского. В отчаянии.) Гусейн!.. (Тот безответен. Оба вошедших устремляются к кровати. Пауза. Полоний закрывает Маю застывшие глаза.) Бедная Мая... Несчастливая девочка...

АРАБЛИНСКИЙ (как бы про себя). Как птица... в мгновение ока... отлетела...

ПОЛОНИЙ. Да упокоит Бог душу её.

ЯГО (склонившись на колени, трогает руку Маю). Мая! (Внезапно вскочив, хватая Араблинского за грудки, иступленно.) И ты повинен в этой трагедии, и ты! И ты повинен в ее смерти! Сколько же можно было истязать хрупкое, больное создание!

ПОЛОНИЙ (оттолкнув Яго). Отпусти его! Прочь!

АРАБЛИНСКИЙ (в прежнем оцепенении). Как птица... Как птица упорхнула. Улетела... к своей сестричке... И к матери своей... к отцу своему...

ПОЛОНИЙ. Дадим оповещение в газету. Похороним ее на еврейском кладбище подобающим образом.

АРАБЛИНСКИЙ. Подобающим? (С иронией повторяет.) Подобающим...

ПОЛОНИЙ. Воля Всевышнего, Гусейн.

АРАБЛИНСКИЙ. Воля Всевышнего... Он сотворил жизнь, но почему же и смерть создал он? За что он обрекает людей на столько страданий? Зачем он сотворил эту несчастную дочь еврейскую? Только ради того, чтобы доставить ей мучения? Зачем? Ведь Он сотворил нас, но почему вновь и вновь подвергает нас испытаниям? Ради того, чтобы ублажить на том свете? Здесь – муки, а там – блаженство? На что же мне весы с таким диким «равновесием»?! На кой черт? Пусть их оставит Он себе!

ПОЛОНИЙ. Не богохульствуй! Возьми себя в руки, Гусейн!

АРАБЛИНСКИЙ. А что, разве я не прав? (С иронией.) Ведь ты же у нас философ, Полоний. Да, наш премудрый старый философ, разве я не прав?

ПОЛОНИЙ. Нам не дано понять смысл бытия! Ты же не можешь знать, кто в этом брэнном мире какую миссию несет!

АРАБЛИНСКИЙ (негодующе). А что же я могу знать, позволь спросить, мой горе-философ? Что же я могу постичь, о ты, всезнающий профан? Если я не знаю, кто я, зачем явился в сей мир, то зачем же я живу на свете?

ПОЛОНИЙ. Ты явился в мир во имя служения искусству! Театру!

АРАБЛИНСКИЙ. Да плевать мне на это искусство! Плевать на этот театр! Пропади пропадом такая

жизнь! Ты слышишь меня, Мая, ты слышишь? Плевать мне на такую жизнь! (Пауза.)

ЯГО. Прости меня, Гусейн...

АРАБЛИНСКИЙ. Но ты впервые в жизни повел себя как мужчина. Рубанул правду в глаза! Так что не унижайся! (Пауза.)

ЯГО. Я пойду, займусь приготовлениями...

ПОЛОНИЙ. Да, ступай, погляди, что удастся сделать... (Яго уходит.) Гусейн, нам надо похоронить Маю по их, еврейским обычаям. Я схожу, посоветуюсь с портным Губерманом.

АРАБЛИНСКИЙ. Иди.

ПОЛОНИЙ. А ты?

АРАБЛИНСКИЙ. Я пока побуду здесь.

ПОЛОНИЙ. Ты не казись... Мы все знали, что она долго не протянет.

АРАБЛИНСКИЙ. Ладно, ступай... (Полоний направляется к двери.) Полоний...

ПОЛОНИЙ. Что?

АРАБЛИНСКИЙ. Ничего. Иди...

ПОЛОНИЙ. Ты хотел что-то сказать? (Пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ. Я о том, что будем делать. Кто будет играть Офелию?

Свет гаснет

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Театр. Закулисье.

Полоний, Яго, Араблинский.

Полоний, по обыкновению, сидит на канаве, Яго прохаживается.

ПОЛОНИЙ. После смерти Маи Гусейн не в себе.

ЯГО. Не может простить себя...

ПОЛОНИЙ. Это воля Аллаха... Бог дал – Бог взял.

ЯГО. Но Гусейн в этом содействовал Всевышнему... Она исходила кровью, а он заставил ее выйти на сцену.

ПОЛОНИЙ. Мая и сама была одержима театром.

ЯГО. Не театром, а Гусейном!..

ПОЛОНИЙ. Разве это не одно и то же – Гусейн и театр? И вообще, ты, похоже, здорово себя распалил против Гусейна.

ЯГО. Как я могу быть против него, если денно-нощно нахожусь с ним? Но ведь есть понятие о человечности. Театр для меня святилище. Но нельзя приносить ему в жертву все человеческие добродетели...

ПОЛОНИЙ. Ладно, закругляйся. Он идет...

Входит Араблинский.

АРАБЛИНСКИЙ (с места в карьер, Полонию). Ты будешь Жеронтом!

ПОЛОНИЙ. Прежде всего, здравствуй.

АРАБЛИНСКИЙ. Привет, привет.

ПОЛОНИЙ. И кем ты меня прочишь?

АРАБЛИНСКИЙ. Жеронтом.

ПОЛОНИЙ. Каким таким Жеронтом?

АРАБЛИНСКИЙ (передразнивая). «Каким таким»... И многих ты Жеронтов знаешь?

ПОЛОНИЙ. Мольер?

АРАБЛИНСКИЙ. Завтра приступаем к репетициям «Плутней Скапена»! Я подготовил текст. Утром принесу. Отпечатать на машинке нет возможности. Каждый возьмет свою роль. (Яго.) А ты сыграешь Арганта.

ЯГО. Комедия? Еще и недели не прошло со дня смерти Маи, – и чего вдруг комедия? Как же мы будем увеселять публику? Ты все эти дни думал о комедии?

АРАБЛИНСКИЙ (раздраженно). Да, я думал о комедии!

ЯГО. Что ты за человек, Гусейн?

АРАБЛИНСКИЙ (срывается на крик). Я не человек! Сколько раз можно твердить! Я – артист. Слышишь? Артист! (Тычет пальцем в сторону двери.) Если не нравится – скатертью дорожка. Но куда ты уйдешь? Кому ты нужен?

ПОЛОНИЙ. Гусейн...

ЯГО. Хватит! Нельзя же столько унижать человека!

АРАБЛИНСКИЙ. И ты также не человек, слышишь, ты артист! Но артист маленький! (Показывает жестом.) Вот такой малюсенький! «Яго» нашелся! Нет еще, «Гамлет»!

ЯГО. Все! Впредь я сюда ни ногой!

АРАБЛИНСКИЙ. Счастливого пути!

Яго стремительно уходит, громко хлопнув дверью. Пауза.

ПОЛОНИЙ. Боюсь, что в конце концов ты останешься в гордом одиночестве...

АРАБЛИНСКИЙ. Боишься, что останусь один? А разве я не одинок? (Насмешливо.) А ты сам разве не одинок, о, мудрый мой Полоний? А? (Пауза. Направляясь к двери.) Ступай, верни его. (Пауза.) Ты что, не слышишь? Я прошу тебя, верни его.

ПОЛОНИЙ. Меня просить не надо. Он и без того вернется.

Свет гаснет

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Дворец Губернатора. Гостиная.

Губернатор, Граф, Графиня.

ГРАФ. Как быстро время пролетело. Осталось всего три дня до нашего возвращения в Петербург...

ГУБЕРНАТОР. Признаться, я весьма сожалею об этом. Я так привык за это время к вам (целует ручку графине), что без вас буду очень скучать. (Шутливо.) Даже театр мне не поможет...

ГРАФ. Ну, в вопросах театральные графиня ваш оппонент, барон.

ГУБЕРНАТОР (вновь целует ручку графини). Даже ее оппозиция делает мне честь!

ГРАФИНЯ (шутливо грозит Губернатору пальчиком). Ну, такими речами вы не сможете заслужить оправдание, господин губернатор!

ГРАФ. Вот видите. С характером графини шутки плохи.

ГУБЕРНАТОР. По моим сведениям, у вас было рандеву с Араблинским...

ГРАФИНЯ (смеясь). Вы прекрасно справляетесь со своими служебными обязанностями. Да, я встречалась с ним... увы, всего три раза. После «Разбойников», после «Отелло» и еще – после «Гамлета». У Араблинского чертовский талант... Его невозможно забыть!

ГРАФ. Графиня имеет в виду его искусство.

ГУБЕРНАТОР. Разумеется. Я понимаю.

ГРАФИНЯ (супругу). Я очень сожалею, Виктор Петрович, что ты не удосужился посмотреть его спектакли.

ГРАФ. Анна, ну откуда у меня такое терпение, чтобы усидеть в зале, не зная ихнего языка!

ГРАФИНЯ. Причем язык в «Отелло»? Я вот дважды смотрела!

ГРАФ. Ты – другое дело, Анна. Ты же знаешь мой характер. (Смеясь.) Меня сморит сон, и ты опять рассердишься.

ГРАФИНЯ (властно). Хватит, Виктор! Это не смешно. (Губернатору.) В сегодняшней газете «Баку» мне попало объявление: труппа Араблинского из-за материальных трудностей может распасться.

ГУБЕРНАТОР. Так ли? Я-то не обратил внимания.

ГРАФИНЯ. Я хочу помочь им.

ГУБЕРНАТОР (пожимая плечами). Что я могу сказать, графиня? (Целует ей ручку.) Могу только повторить все сказанное вам доньше...

ГРАФИНЯ. Не стоит повторяться. Я хочу переслать им пятьсот рублей.

ГРАФ. Пятьсот? Не много ли, Анна?

ГРАФИНЯ. Нет, милый мой, не много.

ГРАФ. Ты хоть анонимно перешли, чтоб петербургские кумушки не начали снова кудахтать.

ГРАФИНЯ. Виктор свет Петрович, ты знаешь, что меня никогда нисколько не заботили сплетни обывателей. Они для меня не значат ровным счетом ничего. Но я перешлю-таки анонимно. Не из-за обывательских пересудов, а чтоб не демонстрировать одолжение! Барон, вы поможете мне в этом деле.

ГУБЕРНАТОР (улыбаясь). С готовностью, графиня!

Свет гаснет

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Театр. Закулисье.

Араблинский, Полоний, Яго.

Полоний и Яго сидят за столиком, входит Араблинский, возбужденно размахивая газетой в руке.

АРАБЛИНСКИЙ. Что это за брехня? (Читает вслух.) «Вследствие материальных затруднений труппа Араблинского распадается». Кто передал в газету «Баку» эту ахинею? (Полонию.) Уж не ты ли?

ПОЛОНИЙ. Во-первых, я не охотник распространять вздор. А во-вторых...

АРАБЛИНСКИЙ (перебивая, к Яго). Ты ли?

ЯГО. Нет.

АРАБЛИНСКИЙ. Ну разве их расколешь?

ПОЛОНИЙ. Ты не дослушал. Объявление дал адвокат Иванов. Мы не можем оплатить аренду помещения. Потому хотят отменить представления.

АРАБЛИНСКИЙ. Почему не сообщили мне, что даете объявление?

ПОЛОНИЙ. Ну разве тебе можно слово сказать?

АРАБЛИНСКИЙ (швыряя газету на стол). Всем до лампочки, что труппа Араблинского распадается. Думают – ну и черт с ней!

ПОЛОНИЙ. Ну нет, любезный друг мой. (Показывая на конверт на столе.) Вот первое опровержение. Пухленький конверт; похоже, приличные денежки. И надпись: лично господину Араблинскому.

АРАБЛИНСКИЙ. Кто принес его?

ПОЛОНИЙ. Фаэтонщик Габиб-киши.

АРАБЛИНСКИЙ. А вы не поинтересовались: от кого?

ПОЛОНИЙ. Спросили, разумеется. Он сказал, что двое незнакомцев сели в фаэтон, велели подъехать к театру и передать этот конверт.

АРАБЛИНСКИЙ. Кто-нибудь догадался выйти, выглянуть, кто такие.

ЯГО. Я вышел, а в фаэтоне – никого. Они заранее рассчитались с Габибом и смотались. (Пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ. Ну-ка, распечатай, Полоний.

ПОЛОНИЙ. Но ведь это лично тебе.

АРАБЛИНСКИЙ. Открой!

ПОЛОНИЙ (распечатывая). Говорил же я, деньги. Машаллах, уйма! (Пересчитывая купюры).
Пятьдесят... сто...

АРАБЛИНСКИЙ. Считай про себя!

ПОЛОНИЙ (считая беззвучно). Ровно пятьсот рублей.

АРАБЛИНСКИЙ. А записки, бумажки с адресом – никакой?

ПОЛОНИЙ (шаря в конверте). Увы.

ЯГО. Вот диво-то! Кто же этот благодетель?

ПОЛОНИЙ. Кто бы ни был, спасибо ему. Да продлит Аллах его дни и да упокоит души усопших его. За такое добро воздастся ему сторицей...

ЯГО. При виде денег ты сразу воспрянул духом!

ПОЛОНИЙ. А как же?

ЯГО. А твоя безысходная философия?

ПОЛОНИЙ. Если есть деньги, чего там философствовать? Философия – удел неимущих. (Считая

деньги, раскладывает их.) Вот это плата за помещение. Это – за прокат костюмов. А это...

АРАБЛИНСКИЙ. Стоп, Полоний, прекрати. Ты вот мне скажи, ты веруешь в Святого Аббаса?

ПОЛОНИЙ. Да умру я за Святого Аббаса!

АРАБЛИНСКИЙ. Заклинаю тебя Святым Аббасом, при мне не веди бухгалтерию. Сто раз тебе твердил.

ПОЛОНИЙ. Но ведь, друг ты мой, я же еще при тебе вроде казначея!

АРАБЛИНСКИЙ. Так вот, слушай, «казначей». Распредели «казну» так, чтобы после латания всех «дыр» театра остаток пошел на погашение долгов всех актеров, включая и тебя, и Яго...

ПОЛОНИЙ. Ценю твое великодушие, Гусейн. Но эти деньги посланы лично тебе! И остаток – причитается тебе! (Яго.) Разве не так?

ЯГО. Безусловно!

АРАБЛИНСКИЙ (смягчившись). Разложил по полочкам... Тут театр, там – я... А кто таков я? Я и есть театр!

ПОЛОНИЙ. Куда ты гнешь? Ведь мы...

АРАБЛИНСКИЙ (перебивая). Что – «мы»? Вы, я, мы все – одно. Вы ли, я ли, нет разницы. Мы – театр! (Пауза.) Гасите все долги... Ладно, включая и мои... Если... если же что-то останется (после короткой заминки)... пригодится на надгробье... для Май...

Свет гаснет

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Театр. Гримерная. Араблинский, Графиня.

Она надевает платье. Он сидит на диване.

АРАБЛИНСКИЙ. Но ты умолчала об одном...

ГРАФИНЯ. О чем?

АРАБЛИНСКИЙ. Это ты послала деньги?

ГРАФИНЯ. Какие деньги?

АРАБЛИНСКИЙ. Пятьсот рублей.

ГРАФИНЯ. Пятьсот рублей?

АРАБЛИНСКИЙ. Ну признайся.

ГРАФИНЯ. Не понимаю, о каких рублях идет речь.

АРАБЛИНСКИЙ. Анна, это ты послала! Меня не проведешь!

ГРАФИНЯ. Ну да уж, не проведешь. Насколько ты велик, настолько же и дитя!

АРАБЛИНСКИЙ. Дитя? До сих пор мне такого не говорили. Но пакет с деньгами – твоя затея.

ГРАФИНЯ (несколько раздраженно). Я же сказала: не я! С какой стати мне посылать тебе деньги? Это во-первых. А во-вторых, если даже и послала бы, то не отчитывалась бы перед тобой. Я ни перед кем не отчитываюсь. В том числе и перед тобой, господин Отелло! (Пауза.) До нашего отъезда всего-навсего один денечек, Гусейн...

АРАБЛИНСКИЙ. Я буду всегда вспоминать тебя, Анна...

ГРАФИНЯ (с улыбкой). Не сомневаюсь! Меня забыть – дело трудное. Впрочем, знаю, у тебя в голове только разные пассии... Дездемоны, Офелии, Амалии... Но и я, сударь, Анна! Не так ли, маэстро Араблинский?

АРАБЛИНСКИЙ. Верно.

ГРАФИНЯ (посерьезнев). Сейчас дело не в этом. У меня к тебе есть предложение.

АРАБЛИНСКИЙ. Слушаю тебя, сиятельная графиня!

ГРАФИНЯ. Перебирайся в Петербург, Гусейн! (Пауза.) Навсегда. (Пауза.) Я не ради себя... не для того, чтобы ты был в Петербурге при мне... Мы ведь не влюбленные друг в друга подростки. Ты говоришь, что будешь вспоминать меня. Да и я тебя не забуду. Но пройдут годы и, наверно, я тебя буду вспоминать, скорее, как великого актера... Ты помнишь, что я говорила тебе при первой встрече? Что ты не должен держать себя в тайне от мира. Не ради красного словца сказано было. Я не бросаю слов на ветер...

АРАБЛИНСКИЙ. Знаю!

ГРАФИНЯ. Я не хочу, чтобы твой великий дар затерялся бесследно в этих богом забытых краях... Баку пребывает в нефтяной эйфории. Здесь так – пан или пропал! Или ты миллионер, или изгой... И ты пропадешь среди этих замызганных, замазученных нефтяных колодцев! У тебя добротный русский язык. Я тебя только представлю петербургскому театральному свету. И все. Остальное за тобой. За твоим талантом! Твое место – в Александринке! Я совершенно убеждена в этом, поверь мне. Там ты заблистаешь своим Отелло, Гамлетом, ты сыграешь Макбета, Лира, Ричарда, и наш театр прославится твоим именем! Я не сомневаюсь! Ты должен играть только в столице, ты непременно должен показаться Европе! Это говорю тебе я, графиня Анна Сергеевна Разумовская! (Пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ. Я не буду произносить громких слов о родине, нации, о долге перед своим народом... Нет, Анна, не это ты хочешь услышать от меня... Ты и без слов все понимаешь.

ГРАФИНЯ. Я... я могла бы тебя представить самому императору!

АРАБЛИНСКИЙ (вставая). Благодарствую, Анна. (Берет ее руку в свою.) Спасибо за то, что ты есть. Спасибо тебе за то, что вошла в мою жизнь!.. (Пауза.)

ГРАФИНЯ. Ты... ты для меня отнюдь не герой очередного моего романа... (Короткая пауза.) Кто знает, может, свидимся еще... (Араблинский пожимает плечами. Графиня порывисто целует его и собирается уйти, но он удерживает ее в объятьях.) Отпусти меня, Гусейн...

АРАБЛИНСКИЙ (расстегивая пуговицы на ее платье). Ты так спешишь расстаться с «дитем»?

ГРАФИНЯ (страстно целуя его). Я ведь только что оделась...

АРАБЛИНСКИЙ. Снова оденешься...

Свет гаснет

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Театр. Закулисье.

Араблинский, Полоний, Фрейлина.

Полоний в углу поджаривает колбасу на сковороде. Араблинский, сидя за столом, просматривает газету.

ПОЛОНИЙ. Спасибо изобретателю колбасы! Быстро и вкусно! (Наклонившись к сковороде, принохивается.) Гусейн, хочу у тебя спросить...

АРАБЛИНСКИЙ (не отрывая глаз от газеты). О чем?

ПОЛОНИЙ. Как ты думаешь, найдется ли водка на том свете?

АРАБЛИНСКИЙ. Что там на том свете, не знаю, а вот на этом, послушай, что пишут! (Зачитывает вслух.) «Почтенный мола Музаффар Гильгилани выразил подозрение, что актер Араблинский по происхождению не азербайджанец, не мусульманин, а армянин...». (Зачитывает сообщение из другой газеты.) «По сведениям из надежного источника, пожелавшего остаться анонимным, известный актер Араблинский заразился сифилисом». (Невесело смеется.) Видишь, Полоний! Читая эту «утку», народ разберет весь тираж нарасхват! А то ведь кто купит их макулатуру! (Берет другую газету, читает.) «Араблинский на сцене оскорбил Шейха Шамиля». Причем, дали в «шапку»!

ПОЛОНИЙ. Неслыханно! Ни стыда, ни совести! Мы показываем Шамиля на сцене как героя, а они вот как перевертели! Бессовестная ложь!

АРАБЛИНСКИЙ. Полоний, там, где нет совести, ложь не имеет значения. Кроме того, они это не сами настроили. Это прислужники губернатора им всучили трешку и заказали: пиши.

ПОЛОНИЙ. Во всяком случае, надо быть поосторожнее, Гусейн.

АРАБЛИНСКИЙ (читает). «Весть дошла и до Дагестана, и горцы чрезвычайно разгневались. Они грозят Араблинскому смертью».

ПОЛОНИЙ. Вот видишь?

АРАБЛИНСКИЙ (отшвыривает газету, с горькой усмешкой). Сколько можно пугать?!

ПОЛОНИЙ. Поэтому тебе надо быть начеку!

АРАБЛИНСКИЙ. У меня уже выработался иммунитет...

ПОЛОНИЙ. Зря ты благодушествуешь, зря! Разве ты не знаешь наших фанатиков?

АРАБЛИНСКИЙ. Те, кто взбудоражил дагестанцев ложной вестью, те, кто, выставив меня христианином, натравливают на меня фанатиков – вся эта несчастная шушера не понимает одной вещи: меня нельзя уничтожить! Меня не запугаешь! Я не собираюсь протянуть ноги и лечь в могилу. Так-то, Полоний, мой старинный сердобольный друг! И никогда не подумаю об этом. Порви в клочки и выбрось эти газеты! Есть в этом краю, в этой стране любящие, ценящие нас! Вот недавно на улице ко мне подошел юноша. Аккуратный такой, симпатичный, культурный. Работает наборщиком в

типографии братьев Оруджевых. Смотрел все наши спектакли. И хочет поступить в нашу труппу!

ПОЛОНИЙ. Ну, что мне сказать, право... (Гасит огонь под сковородкой.) Это готово. Я схожу, куплю овощей. И хлеба маловато.

Уходит. Араблинский прохаживается. Стучат в дверь.

ФРЕЙЛИНА (из-за двери). Можно?

АРАБЛИНСКИЙ. Пожалуйста.

Фрейлина входит.

ФРЕЙЛИНА (чуть стесненно). Здравствуйте.

АРАБЛИНСКИЙ. Здравствуйте.

ФРЕЙЛИНА. Я... принесла вам письмо...

АРАБЛИНСКИЙ. Благодарю.

ФРЕЙЛИНА. От графини.

АРАБЛИНСКИЙ. Догадываюсь.

Фрейлина достает и вручает ему письмо. Пауза.

ФРЕЙЛИНА. Через пару часов мы отбываем поездом из Баку.

АРАБЛИНСКИЙ. Счастливого вам пути! (Пауза.)

ФРЕЙЛИНА. Я хотела бы спросить у вас...

АРАБЛИНСКИЙ. Извольте!

ФРЕЙЛИНА. Это правда, что однажды на спектакль «Отелло» все билеты были раскуплены, а когда началось предсьавление, в зале оказалась одна-единственная зрительница?

АРАБЛИНСКИЙ (смеется). Да, был такой курьез! Года два-три тому назад... На гастролях в Казани. Мне сказали, мол, аншлаг, все билеты проданы. А подняли занавес, вижу, зал пуст. Только в середине партера сидит дама... Причем, в маске...

ФРЕЙЛИНА (взволнованно). Не она ли скупила все билеты?

АРАБЛИНСКИЙ. Оказалось, что так.

ФРЕЙЛИНА. И... как вы справились с ситуацией?

АРАБЛИНСКИЙ. А что было делать? Я – артист. Билеты проданы. Значит, спектакль должен состояться. И мне – играть свою роль!

ФРЕЙЛИНА (смущенно). Можно... мне остаться здесь?(Короткая пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ. Здесь – то есть в нашей труппе?

ФРЕЙЛИНА (с той же робостью и волнением). Да...

АРАБЛИНСКИЙ (взяв ее за подбородок, всматривается в ее лицо). Ты очаровательна – юна...

ФРЕЙЛИНА. Я хочу остаться с вами.

АРАБЛИНСКИЙ (качая головой). Нет!..

ФРЕЙЛИНА. Я выучу азербайджанский язык. Даю слово!

АРАБЛИНСКИЙ. Нет! Здесь ты продвнешься не далее того, чем станешь моей пассией!.. Тебе грезится романтика театра? Увы, это не так. Театр – не романтика! Театр – это пытка! Это – Голгофа! Оскорбления! Унижения! Театр – место, весьма далекое от твоих романтических иллюзий! Очень-очень далекое! (Пауза.)

ФРЕЙЛИНА. Я хочу остаться с вами...

АРАБЛИНСКИЙ. Да кто я такой? (Смеется.) Я – не принц из сказки! Я существо, очень далекое от романтических грез такой прелестной и юной девушки! Ты встретишь еще своего принца – чистого и прекрасного. Может, и графа. И ты станешь графиней, а не актрисой бездомной труппы! (Пауза.) Хотите, открою вам тайну?

ФРЕЙЛИНА. Тайну?

АРАБЛИНСКИЙ. Да. Только ее нельзя разглашать...

ФРЕЙЛИНА (взволнованно). Я никому не скажу...

АРАБЛИНСКИЙ. Я вам верю. (Понизив голос.) Я ведь и ясновидец! Вы станете графиней! И сын ваш станет знаменитым графом!

ФРЕЙЛИНА (разочарованно). Я поняла... Вы не хотите, чтобы я осталась с вами. Да?

АРАБЛИНСКИЙ. Вот что, поговорили – и ладно. Пойдемте. Пойдемте, я вас провожу, будущая графиня!

ФРЕЙЛИНА. Не утруждайте себя. Я знаю дорогу.

Она внезапно и порывисто целует Араблинского в щеку и стремглав покидает сцену. Он смотрит на письмо, которое все еще держит в руке.

Раскрыв конверт, читает вслух:

АРАБЛИНСКИЙ. «Прощай, мой очень талантливый дурак!» (Пауза. Повторяет.) «...мой очень талантливый дурак». (От души хохочет.) Ах, Анна, Анна!

Свет гаснет

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Театр. Закулисье.

Араблинский, Полоний, Яго, Молодой Театрал, актеры.

Идет репетиция «Плутней Скапена». Араблинский – за столом, остальные сидят за столом и на диване.

АРАБЛИНСКИЙ. Кто же такой Скапен? Конечно, отпетый плут! Конечно, он хитроумен... Но когда, обманув Жеронта и запихнув в мешок, он лупасит его, то по существу задает трепку не просто Жеронту, а целому сословию! Эта комедия написана чуть ли не три века назад, но, глядите, кажется, повествует о наших днях! Послушайте, что говорит Скапен. (Перебирает бумаги с текстом, берет одну страницу.) Аргант (показывает на Яго) – то есть, ты, хочешь подать иск в суд. И вот что говорит Скапен. Слушайте (зачитывает эпизод из восьмого явления второго действия.): «Что вы это говорите, на что решаетесь! Да вы посмотрите, что в судах делается! Сколько там апелляций, разных инстанций и всякой волокиты, у каких только хищных зверей не придется вам побывать в когтях: приставы, поверенные, адвокаты,

секретари, их помощники, докладчики, судьи со своими писцами! И ни один не задумается повернуть закон по-своему, даже за небольшую мзду. Подсунет пристав фальшивый протокол, вот вас и засудили, а вы и знать ничего не знаете. Поверенный столкнется с противной стороной и продаст вас ни за грош. Адвоката тоже подкупят, он и в суд не явится, когда будут разбирать ваше дело, или начнет плести всякую чепуху, а до сути так и не доберется. Секретарь прочтет вам заочно обвинительный приговор. Писец докладчика утаит документы, а то и сам докладчик скажет, будто бы он их не видал. А если вам с великим трудом удастся всего этого избежать, то и тогда окажется, к вашему удивлению, что судей уже настроили против вас их любовницы или какие-нибудь ханжи. Нет, сударь, если можете, держитесь подальше от этой преисподней. Судиться – это все равно, что в аду гореть. Да я бы, кажется, от суда на край света сбежал...». (Снова указывая пальцем на Яго.) Потом ты произносишь свои слова. Скапен вновь возвращается к судебной тягомотине. Вот, слушайте. (Входя в роль, читает.) «Да ведь чтобы судиться, тоже нужны деньги. За составление протокола нужно платить, суточные поверенному – платить. Надо платить и за консультацию, и адвокатам за речи, и за снятие копии. Надо платить и докладчику, и за определение, и за внесение в реестр, и за ускорение дела, и за подписи, и за выписки, и за отправку, да еще взяток сколько раздадите...». □ (Отрываясь от чтения с листа.) Видите? (Актеры аплодируют.) Что это – французское феодально-буржуазное общество семнадцатого века или сегодняшний день империи Романовых?

Стучат в дверь. У порога Молодой Театрал.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (снимая цилиндр с головы). Можно войти?

АРАБЛИНСКИЙ. О-о, мой молодой приятель, конечно, можно. (Полонию.) Вот тот театроман, о котором я тебе говорил. (Актерам.) Господа! Познакомьтесь с нашим новоиспеченным коллегой. Он смотрел все наши спектакли. (Молодому театралу.) Так ведь?

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (воодушевленно). Так точно!

АРАБЛИНСКИЙ. Он хочет вновь прийти в театр – уже не в качестве зрителя, а участника труппы! Причем осознает, какое бремя взваливает на себя. («Новобранцу».) Верно я говорю?

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (с тем же энтузиазмом). Совершенно верно.

АРАБЛИНСКИЙ. Но учти, на сцене страшно. На тебя будут устремлены сотни глаз.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Нет, я не боюсь. Просто немножко волнуюсь...

АРАБЛИНСКИЙ (вставая из-за стола). Что значит «немножко»? Настоящее волнение еще впереди. Вот что я тебе скажу, мой юный друг: каждый раз, как я выхожу на сцену, я волнуюсь, как никто на свете! ...Но давай-ка сперва, так сказать, прощупаем твой театральный багаж... Какой спектакль тебе полюбился больше всего?

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Конечно, «Отелло»!

АРАБЛИНСКИЙ. Тогда начнем с «Отелло». Завтра я сам буду репетировать с тобой. (Подойдя к Яго.) Наш Яго уже постарел...

ЯГО (вставая с места, шутливо). Как бы ни постарел, я еще сто молодых за пояс заткну!

АРАБЛИНСКИЙ (со смехом). Нет, друг мой Яго! Признайся, что постарел. Кто такой Яго? Молодой красавчик, безумно влюбленный в Дездемону! Отныне ты станешь правителем Кипра Монтано!

ЯГО (озвучивая слова раненого Монтано из третьей сцены второго акта «Отелло»):

«Отелло, я, к несчастью, тяжело ранен.

Мне лучше помолчать. Вам скажет все

Поручик Яго...» □

АРАБЛИНСКИЙ (Молодому Театралу). А с тобой мы будем репетировать роль Яго! Готовься! (Пауза.)

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (смущенно). Кого?

АРАБЛИНСКИЙ. Яго!

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Как же...

АРАБЛИНСКИЙ. Я сказал: завтра ты попытаешься влезть в шкуру Яго!

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Я – и Яго?

АРАБЛИНСКИЙ. Да. Ты станешь Яго. (Пауза.)

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (наивно-запальчиво). Я... знаете... презираю Яго!

АРАБЛИНСКИЙ (рассмеявшись). И правильно! Яго достоин презрения!

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ (с той же запальчивостью). Тогда почему же вы предлагаете мне эту роль? Я мечтал... сыграть Отелло. Честно говоря, потому и к вам обратился. Но вы, извините, предлагаете мне роль негодяя. Это оскорбительно. В чем я провинился, что мне оказана подобная «честь»? Разве я причинил какое зло вам, господин Араблинский?

Пауза. Все в замешательстве взирают на Молодого Театрала.

ПОЛОНИЙ. Машаллах!

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. Что вы сказали?

ПОЛОНИЙ. Я говорю: браво.

МОЛОДОЙ ТЕАТРАЛ. При чем здесь – браво? (Араблинскому.) Не ожидал от вас такого приема. Я всем доказывал, что вы – человек серьезный. Увы! Очень жаль! (Надевает цилиндр на голову.)
Прощайте! (Уходит. Пауза.)

АРАБЛИНСКИЙ. И не знаешь, рассмеяться или заплакать?

ПОЛОНИЙ. Разве это не одно и то же, Гусейн?

Свет гаснет

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Театр. Гримерная.

Араблинский, Абдул.

Доносятся аплодисменты из зрительного зала.

Голоса:

– Браво!

– Молодцы!

– Араблинский!

– Араблинский!

Араблинский в гриме Скапена входит за кулисы и, не закрывая двери, наблюдает за залом. Рукоплескания.

Возгласы:

– Араб-лин-ский!

– Араб-лин-ский!

Он возвращается на сцену. Овации.

– Браво!

– Слава Араблинскому!

– Слава!

Вернувшись за кулисы, Араблинский на сей раз прикрывает дверь.

Овации постепенно стихают.

АРАБЛИНСКИЙ. Ах ты, плут Скапен! Это надо отметить! (Достает из стола бутылку шампанского, бокал, раскупоривает бутылку. И, наливая пенящееся вино в бокал, подходит к зеркалу и «чокается» с отражением в зеркале.) Ваше здоровье, господин прохиндей! (Отпив несколько глотков, произносит несколько фраз из монолога Скапена в последней сцене.) «Ах, ах! Видите, господа, видите, в каком я положении! Ах! Мне не хотелось умирать, не попросив прощения у всех, кого я обидел. Ах, господа! Прежде чем испустить последний вздох, заклинаю вас: простите меня за все, что я вам сделал, особенно вы, господин Аргант, и вы, господин Жеронт. Ах! (Снова чокается с отражением в зеркале). Счастливого тебе пути, друг мой Скапен! (Отпивает из бокала. Снаружи доносится звук шагов. Араблинский поворачивается на звук. Дверь распахивается, входит Абдул...) Ого! Ты – и театр? (Наклонившись, достает из нижнего ящика стола еще один бокал.) Тогда давай и ты выпей бокал шампанского в честь Скапена! А то мне приходится чокаться с зеркалом! (Наливает в бокал шампанского.) Знаешь, кто такой Скапен? Впрочем, откуда тебе знать? Это – известный сукин сын! Держи! (Протягивает бокал. Абдул резким движением сшибает бокал.)

АБДУЛ. До каких же пор ты будешь срамить нас? До каких пор я буду позориться перед друзьями, врагами? До каких пор ты будешь артистничать? В бабском платье ломать комедию?

АРАБЛИНСКИЙ. До каких пор, говоришь? До конца дней. До конца жизни! (Отпив шампанского, смотрит на расплесканное вино.) Жаль это шампанское!

АБДУЛ. Ты позоришь весь наш род!

Араблинский выхватывает кинжал из ножен, висящих на стене,
и протягивает Абдулу.

АРАБЛИНСКИЙ (распалившись). Тогда бери его! Бери! И убей меня! Отомсти за весь наш род! Это не аксессуар! Ты хоть знаешь, что такое аксессуар? Где тебе знать. То есть, имитация. Но это – настоящий кинжал! Его подарил мне внук карабахского Мехтикули хана Джахангир-ага! (Исступленно.) На! Пырни меня в живот, заступник рода нашего! Меня всегда убивали бутафорским кинжалом, а ты пырни настоящим!

АБДУЛ. Не заводи меня, Гусейн! Я не могу взять грех на душу, стать убийцей кровного родича!

АРАБЛИНСКИЙ (распаляясь еще пуще). Вот видишь?! Вашей доблести хватает только на это! Языком молоть! Невежды! Темнота! Трусы! Только трепаться горазды!

АБДУЛ. Гусейн!..

АРАБЛИНСКИЙ. Усатые бабы! (Араблинский собирается вставить кинжал в ножны и вернуть на место, но тут, внезапно вскочив, Абдул выхватывает клинок из его рук и вонзает ему в грудь. Араблинский, шатаясь, берется за рукоять кинжала.) Похоже, я ошибся... У вас не только острый язык. (Медленно оседая, уронив голову, взирает на кинжал.) Могло ли прийти в голову... Джахангир-аге такое вероломство с кинжалом?.. (Падает навзничь.) Мая... встречай меня... (Пауза.)

АБДУЛ (как бы опомнившись). Гусейн! (Кричит.) Я не хотел убивать тебя! Не хотел тебя убивать! (Потрясенно вопит.) Гусейн!..

На сцене сгущается тьма.

Пауза.

Внезапно поднимается истошный крик.

КОНЕЦ ПРОЛОГА

Улица.

Жители Баку, Усатый Артист.

Крики в толпе.

Голоса:

- Уби-и-или!
- Араблинского убили!
- Убийца сбежал!
- Кто? Кто поднял руку на актера?
- Это с подачи начальника полиции!
- Шерше ля фам!
- Его убийца – собственный двоюродный брат!
- Наверно, ревнивый муж подкупил убийцу!
- Не муж, а ревнивая жена!
- Он сам искал смерти!
- Кто посягнул на него?

Луч света падает на Усатого Артиста.

УСАТЫЙ АРТИСТ (потрясенно). Нет! Никогда... никогда не поверю в это... Убить Араблинского? Это невозможно! Уму непостижимо. Слышите? Это ложь!

Из темноты доносится голос Араблинского.

ГОЛОС АРАБЛИНСКОГО. Это ложь! Я не умер! (Сцена полностью освещается. Жители Баку застыли, каждый в своей позе.) Я – бессмертен!.. Я вечен!

УСАТЫЙ АРТИСТ (показывая жестом в высоту, откуда доносится голос). Вот видите! Он не умер! Его невозможно убить! (Все застыли на месте. Лишь Усатый Артист, тыча в небо, кричит.) Вот видите? Видите?

Свет гаснет

З а н а в е с

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ЭЛЬЧИН

ТЕЛЕСКОП

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Трагикомедия

в двенадцати картинах и двух эпизодах

События, приключившиеся с ангелами, душами и людьми.

Участники

Ангелы и души

МУЖЧИНА

ЖЕНЩИНА

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ (ГАВРИИЛ)

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ (МИХАИЛ)

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ (РАФАИЛ)

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (ГАЗРАИЛ)

АНГЕЛЫ

ДУШИ

Люди

ЖЕНА

ТЕЩА

СЫН

ДОЧЬ

ДРУГ

ДАМА (СУПРУГА ДРУГА)

ДОКТОР

МЕДСЕСТРА

Место действия: земное пространство – город Баку.

Мир небожителей – перевалочная станция.

Время: август 2009 года.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Баку. Больница.

Доктор, Медсестра, Муж, Жена, Сын, Дочь, Теща,

Друг, Дама (Супруга Друга).

Муж лежит на койке, ко рту приложен мундштук аппарата

искусственного дыхания, рука подключена к системе.

Все пребывают в напряжении и тревоге.

МЕДСЕСТРА (встревоженно). Давление падает! (Срывается на крик.) Доктор, останавливается! Сердце замирает!

ДОЧЬ (плача). Папа!..

СЫН (кричит). Папа!.. Папа!..

ДОКТОР. Массаж! (Усердно массирует грудь пациента.)

ЖЕНА (давясь слезами). На кого же ты нас оставляешь?!

ДОЧЬ. Папа! Папочка!..

ТЕЩА (плача). Ой, родненький! В твои ли годы помирать!..

ДОКТОР (продолжая массаж, раздраженно). Кто их впустил сюда?!

МЕДСЕСТРА (наблюдая за системой). Да разве их удержишь?

СЫН. Папа!..

ДРУГ. Друг ты мой... друг бесценный...

ЖЕНА (в отчаянии). Ведь ты... ты... не оставишь нас?!

ДАМА. Я считала тебя братом своим!

ДОКТОР (массируя обеими руками грудь больного, кричит). Не шумите!

ДОЧЬ (всхлипывая, стонет). Папочка!

ЖЕНА. Нет, ты не бросишь нас! Не бросишь! (Рыдает.) Это тебе не к лицу!

ТЕЩА. Не судьба... увидеть свадьбу сына тебе, не судьба...

ДОКТОР (массируя с еще большим усердием). Не мешайте!

СЫН. Я хотел порадовать тебя, отец... Построить гнездо...

МЕДСЕСТРА (взвинченно, с досадой). Нет, их не угонишь...

ДРУГ (обхватив руками голову). О, бренный мир! Неверный мир! И кого ты не щадишь? Какого человека... Великого ученого!.. Великого гражданина!

ДАМА. Брат мой дорогой...

МЕДСЕСТРА. Пульс пропал!

ДОКТОР. Электрошок! Скорее! Включай!

Медсестра бежит за прибором. Врач продолжает массаж. Жена, взяв руку больного мужа, прижимает к своей груди. Теща разминает ему ноги. Сын, отвернувшись, бьется головой об стенку. Дочь плачет

навзрыд. Друг, закрыв глаза, оцепенел. Дама держит его за руку.

ДРУГ. Мы никогда не забудем тебя! Ты будешь жить в нашей памяти... в наших сердцах!..

ДАМА. Твое пустующее место вечно будет ощущаться в нашем очаге.

ДОЧЬ (ревет). Папочка!

ЖЕНА (кричит). Нет!.. Нет!

Медсестра прибегает с аппаратом. Доктор накладывает клеммы на грудь больного, и каждая конвульсия тела от зарядов электрошока сопровождается истошными вскриками:

– Папочка!

– Отец!

– Сыночек!

– Друг мой дорогой...

– Нет! Нет!

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА ВТОРАЯ

Мир духов.

М у ж ч и н а , Ж е н щ и н а , А р х а н г е л А з р а и л , а н г е л ы , д у ш и .

Все в этом пространстве белым-бело – и ангелы, и облака. Ангелы с белыми изящными крылышками, а души бескрылы. Ангелы в долгополых рубахах, – кто с портфелем, бумагами, кто с папками под мышкой, – деловито снуют-перелетают туда-сюда. Среди них изредка появляются четыре главных Архангела. Души, в отличие от ангелов, пребывают в беззаботном состоянии.

Мужчина в изумлении озирается по сторонам. Женщина, стоя поодаль, с улыбкой глядит на него. Оба облачены в белые, до пят, рубахи.

МУЖЧИНА (возбужденно). Что это такое? Где я нахожусь? Куда я попал?

ЖЕНЩИНА (ласково). Добро пожаловать!

МУЖЧИНА (удивленно уставясь на нее). Ты ли это?

ЖЕНЩИНА. Конечно, я.

МУЖЧИНА. Как же так?

ЖЕНЩИНА. А так – я самая и есть.

МУЖЧИНА. Это сон?

ЖЕНЩИНА (улыбаясь). Нет...

МУЖЧИНА. А разве... ты не умерла?

ЖЕНЩИНА (показывает пальцем вниз – на Земной шар). Там – да, умерла.

МУЖЧИНА (смотрит вниз). Как это понять – «там умерла»? А где мы находимся? Куда я попал?

ЖЕНЩИНА (усмехаясь). Как это – «куда», мой дорогой бывший муж! Вот оттуда – сюда. Когда мы находились там (показывает пальцем вниз), здешний край называли «потусторонним миром».

П а у з а.

Он все озирается.

МУЖЧИНА. «Потусторонним»?

ЖЕНЩИНА. Ну да.

П а у з а.

МУЖЧИНА. А здесь... здесь преисподняя?

ЖЕНЩИНА. Нет, мой милый.

МУЖЧИНА. Странно...

ЖЕНЩИНА. Почему же?

МУЖЧИНА. Я... я-то думал, что после смерти ты прямиком отправишься в ад...

ЖЕНЩИНА (смеется). Как всегда, ты ошибся.

МУЖЧИНА. Смеешься?

ЖЕНЩИНА. Почему бы не посмеяться.

МУЖЧИНА (удивленно). Ты, что, больше не скандалишь?

ЖЕНЩИНА. Скандалю ли? (Смеется.) Нет. Разве здесь место для свар?

П а у з а.

МУЖЧИНА (оглядывая себя). А кто напялил на меня этот балахон?

ЖЕНЩИНА. Как – кто? Господин Азраил!

МУЖЧИНА. Азраил?

ЖЕНЩИНА. Разумеется.

МУЖЧИНА (все еще тарашась). Так ты говоришь, здесь – потусторонний мир?

ЖЕНЩИНА. Именно! (Тычет рукой вниз.) Сначала оттуда воспаряют сюда.

МУЖЧИНА. Сначала?

ЖЕНЩИНА. Да. Здесь Перевалочная Станция. Здесь проводят проверку, разбираются, кого в рай отправить, а кого – в ад...

МУЖЧИНА. Боже мой!

ЖЕНЩИНА. Да, да.

МУЖЧИНА. И кто здесь проверяет?

ЖЕНЩИНА. Ангелы.

МУЖЧИНА. И как они определяют, кому в ад, а кому в рай?

ЖЕНЩИНА. Тестированием.

МУЖЧИНА. Ангелы?

ЖЕНЩИНА. Конечно. У них Центр по тестированию. Все души проходят там фильтрацию. Но у ангелов дел невпроворот, не успевают. Потому очереди длиннющие. В последнее время приток новоприбывших круто возрос... СПИД, птичий грипп, свиной грипп... Я уж не говорю о терактах... автомобильных катастрофах... Причем в последних больше преуспели женщины...

МУЖЧИНА. Ну, это понятно.

ЖЕНЩИНА. Что именно?

МУЖЧИНА. Насчет женщин и автокатастроф...

ЖЕНЩИНА. Это почему же?

МУЖЧИНА. Как женщины ухаживают за своими мужьями, так они и с авто обращаются...

ЖЕНЩИНА. Это камушек в мой огород?

МУЖЧИНА. Нет, нет, что ты... Так, значит, в последнее время очередь тут увеличилась?

ЖЕНЩИНА. Да. (Понизив голос.) Кроме того, они очень волят... Заседания затягиваются...

МУЖЧИНА (недоуменно). И ангелы тоже заседают?

ЖЕНЩИНА. Потихе ты... Конечно...

П а у з а.

МУЖЧИНА. Послушай... Может быть, я действительно вижу сон?

ЖЕНЩИНА (мягко, с улыбкой). Нет, нет, это не сон.

МУЖЧИНА. А как ты узнала, что я... прибыл сюда?

ЖЕНЩИНА. На диспетчерском табло увидела твое имя... вот и пришла.

МУЖЧИНА. Диспетчерское табло? Здесь и такое есть? (Она подтверждает кивком.) Как в аэропортах? (Она подтверждает.) Боже! Боже!.. (Постепенно он начинает вспоминать происшедшие с ним события.) Машина... да, машина сбила меня... Возле самого дома... на переходе через улицу... Друг с женой наведился к нам в гости... и я вышел проводить их... Мы немного поддатые были... А потом... Нет, что произошло дальше, ничего не припомню... Только то, что вдруг будто кто-то, ухватив меня за ногу, рванул... А потом... я... словно поднялся к потолку... не поднялся, а вспорхнул птицей... Да, да... Глянул вниз... и вижу, лежу на больничной койке, в палате. Доктор массирует мне грудь... Жена, дочь, сын, теща пришли... И друг мой с женой... Все в слезах... Хочу их успокоить, мол, со мной все в порядке, я на системе... Но они меня не слышат... Потом... что-то... кто-то меня снова дернул... потащил... я полетел в темный какой-то тоннель... Потом вместе с ним... Кто это был? Что это было? Не знаю... Я полетел у него в объятиях... и мы вырвались из тоннеля... И хлынул свет в глаза... И дальше я увидел себя здесь... (Пауза. Печально.) Бедненькие мои...

ЖЕНЩИНА. Ты о ком?

МУЖЧИНА. Как это – «о ком»? О сыне, дочке, жене, теще... (Показывая на летающих ангелов.) Это... ангелы?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА (пристально всматриваясь в ангелов, летающих между облаками.) Человек ли, душа ли – им все до лампочки! Нет, чтобы отогреть добрым словом... в такой черный мой день... Какие же это ангелы?

ЖЕНЩИНА (смеется). А какими положено им быть?

МУЖЧИНА. Какими? Уж не знаю... Наверно, им бы не мешало походить на мою тещу... Что, не веришь? Да, представь себе! Теща моя была сущий ангел!..

ЖЕНЩИНА (насмешливо). Разве человек может быть ангелом?

МУЖЧИНА. Да! Может! Ты же не видела мою тещу! (Опечаленно.) Бедненькие мои... (Пауза.) Что с ними станется? Это горе убьет их!

К о р о т к а я п а у з а.

ЖЕНЩИНА (многозначительно). А ты не очень тужи...

МУЖЧИНА. Как это «не тужи»? Ты не знаешь их... Кроткие, беспомощные создания... Совершенно не приспособленные к жизни... Каково им будет?... А я и сам... Сколько у меня было планов, задумок! (Сокрушенно.) Не судьба! (Срывается на крик.) Почему именно я должен был умереть?! Почему? В Баку население зашкалило за два, а то и три миллиона... и надо же, в тот проклятый вечер именно я

должен был попасть под машину!..

Появляется Архангел Азраил.

АЗРАИЛ. В чем дело?

ЖЕНЩИНА. Ничего... (Многозначительно.) Как всегда...

АЗРАИЛ (усмехаясь). Пройдет...

ЖЕНЩИНА. Конечно...

АЗРАИЛ (Мужчине). Как ваше самочувствие? Не томитесь. Все образуется!

МУЖЧИНА (испуганно). Кто это?. . Сдается мне... я его знаю.

ЖЕНЩИНА. Не узнал? Это же господин Азраил.

МУЖЧИНА (отшатнувшись). Это он! Он перенес меня... сюда... Это он уцепился за мою ногу, оттаскивал от системы! Аз-ра-ил!

ЖЕНЩИНА. Ты испугался? И зря! Не дрейфь!

МУЖЧИНА. Я никого не боюсь! Чего же еще бояться после смерти?! (Направляется к Азраилу, показывает на свою белую рубашу.) По какому праву вы облачили меня в этот балахон?

АЗРАИЛ (недоуменно). Это я по какому праву? (Переглядывается с Женщиной.) Он это у меня спрашивает?

МУЖЧИНА. Да, у вас! У вас, бездушного архангела!

ЖЕНЩИНА. Что ты мелешь? (Показывая на Азраила.) Да у него добрейшая душа!

МУЖЧИНА (изумленно). Душа?!

ЖЕНЩИНА. Да, да. Шелковая... гуманная...

МУЖЧИНА. Разве у ангелов бывает душа?

АЗРАИЛ (сокрушенно). Вот они какого мнения о нас! Эх, люди – человеки! Миллионы лет прошли, а ни черта вы не поняли! Сердце, по-вашему, это непременно кусок мяса... (Уходит.)

МУЖЧИНА (глядя ему вслед). Не разберешь, что это за тип? Мужчина ли, женщина ли?

ЖЕНЩИНА (хохочет). Ну, ты даешь! Да разве у ангелов есть пол?

МУЖЧИНА. А что – они бесполые?

ЖЕНЩИНА. Конечно. (Пауза.) Ты его задел за живое...

МУЖЧИНА. Злодей – он и есть злодей.

ЖЕНЩИНА. Будь он злодеем, разве обитал бы в раю?

МУЖЧИНА (удивленно). В раю? Азраил обитает в раю? (Она подтверждает кивком головы.) Я... потерял голову... не знаю, что мне тут делать, как быть. И чувствую себя как-то не так. Вроде нет меня...

ЖЕНЩИНА. Ты уже дух...

МУЖЧИНА. Дух?

ЖЕНЩИНА. Ну да!

МУЖЧИНА (пытаясь сам себя убедить). Я – дух!

ЖЕНЩИНА. Да... да... Вскоре ко всему привыкнешь.

МУЖЧИНА (ерзая). У духов... бывает вес?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА (оглядывая себя). И сколько весит дух?

ЖЕНЩИНА. 48 граммов.

МУЖЧИНА. Сорок восемь граммов? (Качается из стороны в сторону.) То-то я такой легкий. 48 граммов... А прибавить в весе не случается?

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. Я всю жизнь боролся со своим весом...

ЖЕНЩИНА. Знаю... Еще в мои времена ты каждое утро становился на весы.

МУЖЧИНА. Ты помнишь?

ЖЕНЩИНА. Как не помнить? Бывало, пойдешь в гости, наутро, обнаружив прибавку в весе, ты из-за пустяков закатывал скандал.

МУЖЧИНА. Я или ты?

ЖЕНЩИНА. Я-то при чем? Спросишь у тебя что-нибудь, а ты огрызнешься. Или буркнешь невпопад.

МУЖЧИНА. А тебе лишь бы уцепиться за слово. И пошло-поехало.

ЖЕНЩИНА. Это я-то цеплялась? (Повышая тон.) А помнишь, как однажды...

МУЖЧИНА (перебивая). Ты же говорила: здесь не место перепалкам. (Пауза.) Странно... В последнее время я часто вспоминал тебя... Может, чувствовал сердцем, что жить осталось немного...

П а у з а.

ЖЕНЩИНА. Я знаю...

МУЖЧИНА. Как ты можешь знать?

ЖЕНЩИНА (с романтической печалью). В последнее время только ты один приходил на мою могилу... В день рождения моего приносил цветы...

МУЖЧИНА (изумленно). А ты откуда это знаешь?

ЖЕНЩИНА. Я... взирала... отсюда...

МУЖЧИНА. Отсюда... можно видеть людей? (Она, все еще в наплыве романтических чувств, кивает головой). Но мы уже не люди в плоти и крови... Мы – души. Не так ли? (Она кивает.) И мы свободны от гастрономических забот?

ЖЕНЩИНА. Какая еще тебе гастрономия! Душе жратва не нужна.

МУЖЧИНА. И на базар не надо ходить...

ЖЕНЩИНА. Конечно.

МУЖЧИНА. И никаких должностей, иерархии, субординации...

ЖЕНЩИНА (со смехом). О чем ты говоришь? Душа – и должность? В сонме душ – полное равенство!

МУЖЧИНА. Верно, тут и никакого терроризма нет?

ЖЕНЩИНА (покатывается со смеху). Ах, ты, мой дорогой! Какие тут террористы? Какая душа со взрывным устройством?

МУЖЧИНА. А души самих террористов... разве их не... экстрадируют сюда же?... Или их опасается и сам господин Азраил?

ЖЕНЩИНА. Ну, ты даешь! Чего бояться господину Азраилу?! Сюда прибывают и их грешные души. Но тут для них делается скидка.

МУЖЧИНА. Какая?

ЖЕНЩИНА. Их пропускают вне очереди, без тестирования, напрямиком в ад!

П а у з а.

МУЖЧИНА (как бы рассуждая вслух). Повсюду тишь да гладь... Ни дома, ни гнезда, никаких должностей, регалий... Летаешь себе в эфире... (Раскинув руки, по-птичьему размахивает ими.) Туда-сюда, вверх-вниз, хочешь – налево, хочешь – направо... Кстати, и туалета тут нет?

ЖЕНЩИНА. Какой еще туалет? Взбрдет же в голову. Ты и раньше был такой.

МУЖЧИНА (словно не слыша ее слов). Туалета нет, платы за свет, квартплаты – нет! (Женщина подтверждает кивком.) А... как насчет секса?

ЖЕНЩИНА. Что ты городишь? Какой-то секс между душами?

МУЖЧИНА. Значит, секса нет? Что ж тогда тут есть?

ЖЕНЩИНА. Только витание в облаках... Берут за руки друг друга и витают...

МУЖЧИНА (как бы разговаривая сам с собой). За руку берешь... и предаешься мечтам... Ни от кого ничего не тайшь! И жена не подозревает тебя... И ты не должен выполнять супружеские обязанности... Просто берешь ее за руку и... витаешь... воспаряешь в мечтах... Нет никаких супружеских обязанностей!.. Вот это да! Вот прекрасная свобода! (Обращаясь к Женщине.) А как здесь с нациями? Здесь и наций нет?

ЖЕНЩИНА. Конечно, нет! Душа – она и есть душа! При чем национальность?

МУЖЧИНА. То есть... Нет разницы, скажем, между азербайджанцем и армянином?

ЖЕНЩИНА. Я же сказала: все души одинаковы.

МУЖЧИНА (взволнованно, про себя). Ты слышал? Слышал! (Всплескивает руками, имитируя полет.) Лети себе туда-сюда! Куда заблагорассудится! (Подходит к ней.) Есть ли в этих краях ресторан?

ЖЕНЩИНА (изумленно). Что?

МУЖЧИНА (с энтузиазмом). Ресторан!

ЖЕНЩИНА. На что тебе ресторан?

МУЖЧИНА. Я... я хочу тебя пригласить в ресторан!

ЖЕНЩИНА. Меня?

МУЖЧИНА. Да, тебя!

ЖЕНЩИНА (польщенная). Есть...

МУЖЧИНА (беря ее за руку). Тогда чего же мы мешкаем? Пошли! (Вдруг спохватывается.) Но...

ЖЕНЩИНА. Что – «но»?

МУЖЧИНА. Ведь... здесь ни еды, ни питья... Что же в ресторане делают?

ЖЕНЩИНА (снисходительно, с укором). Ты еще как следует не отрешился от земных представлений. По-твоему, обязательно должна быть еда?(Пауза.) Ты заказываешь, – мол, собираюсь посетить. И здесь, видишь ли, желающих оттянуться в ресторане уйма. Тыходишь. Там души прекраснейших птиц на свете... Поют, заливаются, щебечут... Перезвоны ручьев, шум водопадов... Усек, землянин? А духовная пища?

П а у з а.

МУЖЧИНА. Духовная?

ЖЕНЩИНА. Именно!

МУЖЧИНА (воодушевленно). Заказывай! Прямо сейчас! Я сейчас очень нуждаюсь в духовной пище!

ЖЕНЩИНА. А мы уже заказали.

МУЖЧИНА. Это как так?

ЖЕНЩИНА. Нас услышали. Поняли, учли.

МУЖЧИНА. Вот благодать! Пойдем, пойдем! Вкусим духовную пищу!..

Покидают сцену. Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Перевалочная Станция. Ресторан.

О н, О н а.

Пение разных птиц, журчание воды. Мужчина и Женщина сидят лицом к лицу в белоснежных облаках.

ОНА (зажмурив глаза). Ты слышишь эти звуки?

ОН (оглядываясь по сторонам). Да.

П а у з а.

ОНА. Знаешь, какие птицы здесь в особой чести?

ОН. Соловьи?

ОНА (мотает головой). Нет.

ОН. Попугай?

ОНА. Нет.

ОН. Угадал – голубь? (Она мотает головой.) Ну, какая же?

ОНА. Например, ворон.

ОН. Ворон?

ОНА. Представь себе! Знаешь, почему? Ворон не убивает, а питается падалью.

ОН. И вправду! Я и не задумывался об этом. Ты вот сейчас сказала, и я постепенно начинаю осознавать, что ворон – чудесная птица!

ОНА (удовлетворенно). Ты же уже душа. Еще многое прочувствуешь!..

Доносится карканье ворона.

ОНА (все еще с закрытыми глазами). Слышишь, как поет, какую прекрасную песню поет?

П а у з а. Ворон снова каркает.

ОН. Значит, сюда попадают души всех живых существ?

ОНА. Да.

ОН. Птиц, животных?

ОНА. А как же!

ОН. С начала возникновения жизни? (Она подтверждает.) И букашки, и мурашки?

ОНА. И даже микробов души!

П а у з а.

ОН. А как с флорой? Есть ли у деревьев душа?

ОНА. И у деревьев, и у цветов, и у трав.

ОН. Допустим, я сорвал цветок, и его душа тут же воспарила сюда?

ОНА. Да...

ОН. Их тоже тащит – доставляет сюда господин Азраил?

ОНА. Нет. Цветы и травы незачем силой отрывать от Земли... Они-то не люди. Сами, добровольно воспаряют и прилетают.

ОН (задумавшись). Выходит, мой друг был прав.

ОНА. Твой друг?

ОН. Да. Он говорил: все станет ясно после смерти. Но как же... они все умещаются здесь?

ОНА (смеясь). Да зачем душам жилплощадь? Здесь никто никого не стесняет!

ОН. И души всех ждут своей очереди – кому в рай, кому в ад?

ОНА. Разумеется. Не будь их, рай бы пустовал!

ОН. Я думаю... да, верно, были грехи за мной, не таю... Но в общем-целом я заслужил рай. (Пауза.) Как ты считаешь?

ОНА (пожимает плечами). За время моего пребывания здесь только одного человека отправили в рай.

ОН. Только одного?!

ОНА. Ну да.

ОН. И кого же?

ОНА. Мать Терезу... И та прошла после долгих дебатов, с большинством в три голоса.

ОН. Среди миллиардов – одна мать Тереза?

ОНА. Да.

П а у з а.

ОН (с затаенным смятением). А как в ад... прямиком и отправляют?

ОНА (усмехаясь). Не бойся.

ОН (вымученно). Я не боюсь.

ОНА. Вижу... В ад отправляют не сразу. Знаешь, какое у ангелов чувство ответственности? Людям этого не вообразить. До ада существуют три ступени. Те, что на первой, проходят новую проверку, выдержавшие испытания становятся кандидатами в Рай. А не выдержавшие переходят на вторую ступень. Вот таким чередом. Правда, иногда попадаются такие, которым делаются поблажки.

ОН. Какие?

ОНА. Они, как только появятся, сразу, без конкурса отправляются в Ад.

ОН (немного оробев). А меня вот попридержали.

ОНА. Говорю же тебе: не дрейфь! Сам все увидишь. Здесь, знаешь, такой Банк Информации? Кто на Земле чем занимается, что совершает, от мала до велика, – все моментально поступает в Банк!

ОН (ошарашенно). Информация за миллионы лет?

ОНА. Представь себе!

ОН. Кто же эту систему сотворил?

ОНА (удивленно). Как это кто? (Показывает пальцем вверх.) Он! (Пауза.)

Сказала же, все сам воочию увидишь. Здесь все по-иному.(Пауза.) Слышишь птиц?

ОН. Да. (Некоторое время оба слушают пение птиц, иногда прерываемое вороньим карканьем.) Что же с

тобой вдруг стряслось? Я о смерти твоей... Ты же была еще молода...

ОНА. Не знаю. Врачи говорили, скоропостижный инфаркт.

ОН. Скоропостижный?

ОНА. Да. Сердце не выдержало. В этом инфаркте и твоя немалая «заслуга».

ОН. Моя? Да ты была вся комочком нервов! Такой агрессивной, что чуть меня самого не довела до инфаркта.

ОНА. Но инфаркт схлопотала я, а не ты!

ОН. Как-то мне показали твоего второго мужа. При такой роже, как у него, человека кондрашка и хватил бы.

ОНА. Ах-ах! А твоей второй жене нет равных!

ОН (раздраженно). А ты хоть видела ее?

ОНА. Конечно.

ОН. И ее ты лицезрела с этих высот?

ОНА. Да!

ОН (понижив голос). Вот бестия! Какой была при жизни, такой и осталась! Каждой дырке затычка, за всеми и вся глаз да глаз, кто кому что сказал, что сделал, чьи окна в какую сторону смотрят...

ОНА (рассерженно). Что ты опять бормочешь под нос? Здесь свобода, кто куда хочет, туда и смотрит.

ОН. Ладно, и здесь сцепимся, что ли?

ОНА (успокоившись). Нет...

ОН (расчувствованно). Знаешь... Я был потрясен вестью о твоей смерти! Ночами не мог уснуть... Не мог поверить, что нет тебя... Жизнь казалась мне совершенно бессмысленной...

ОНА (разволновавшись). Тебе бы быть таким чутким при моей жизни...

ОН. Ты все время возникала перед глазами. И я шептал, стонал: бедная моя...

ОНА. Знаю, все знаю. Как тебе не спалось... Как ты был потрясен...

ОН (в изумлении). Да откуда тебе это знать?!

ОНА. Как – откуда? В телескоп смотрела!

ОН (опешив). В телескоп? На меня?

ОНА. А ты думаешь... ты думаешь... что я тебя забыла напрочь?..

Он хочет что-то сказать, но отмалчивается. Некоторое время слушают пение птиц. Иногда в птичий хор врывается воронье карканье.

ОН. Скажи-ка, что это за телескоп... и может ли в него смотреть любая душа?

ОНА. А как же? Здесь царит истинная демократия.

ОН. Наверно, все рвутся к телескопу, очередь растет...

ОНА. Какая очередь? Никто не пользуется этим телескопом. Он стоит себе, один-единственный.

ОН. А здесь столько людей...

ОНА. Не людей, а душ!

ОН. И сколько их?

ОНА. Где мне знать? Миллиарды...

ОН. И один-единственный телескоп. И «хвост» желающих.

ОНА. Я же сказала, нет никаких очередей. Раньше было два телескопа, еще до меня, потом один списали. Ангелы написали Ему (показывает вверх), что желающих наблюдать Земной шар нет, зачем нам держать два телескопа?

ОН. И здесь тоже... финансовый кризис?

ОНА. Да нет. Здесь и финансов не существует. Для ангелов главное – трудовые нормативы. У них времени нет, чтоб тратить его впустую. Потому накатали петицию (показывает жестом вверх), испросили разрешения сократить один телескоп...

ОН. Беспамятен человек! Неблагодарен! Ты навек оторвался от родных, близких, друзей, знакомцев! А Родина? Родина! Оторваться от священной Земли, колыбели твоей? Как можно забыть родимый край? Забыть дорогих твоему сердцу людей? Он (показывает пальцем вверх) совершит благо, когда-то, наконец, поставив жирную точку!..

ОНА. И ты хочешь, чтобы там (показывает жестом вниз), на Земном шаре, жизнь навсегда прекратилась?

ОН. Ну, это я так, к слову... (Указывает вверх.) Он такого не совершит.

ОНА. Это почему же?

ОН (понижив голос). Если жизнь исчезнет, то кто будет молиться (показывает вверх) Ему ?

Снова вторгается в пение птиц воронье карканье.

ОН. Ворон – птица ничего себе... хорошая... Но вот его карканье... немного...

ОНА. Что – «немного»?

ОН (уклоняясь от ответа). По-твоему, и карканье его прекрасно?

ОНА. А как же?

Вновь каркает ворон.

ОН. Сердце щемит... Как-то они там (показывает вниз) без меня? Что с ними станется?.. (Пауза.) Я... Я хочу вернуться на Землю! (Пауза.) Почему? Почему я должен был попасть под машину? В чем я провинился? В чем? (Пауза. Он срывается на крик.) Я хочу вернуться. Я хочу вернуться на Землю.

ОНА. А хочешь, посмотрим туда?

ОН. Куда?

ОНА. На Земной шар.

ОН. Это возможно?

ОНА. Я же сказала. Все зависит от тебя. Захочешь – почему бы нет?

ОН (вскакивает ликующе). Конечно, хочу! Конечно!

ОНА. Тогда пойдём.

ОН (воодушевленно). Идем!

Передвигаясь в пространстве вверх, покидают сцену.

Ворон продолжает каркать.

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перевалочная Станция и больничная палата в Баку.

М у ж ч и н а, Ж е н щ и н а, Д о к т о р, М е д с е с т р а.

Освещена верхняя часть сцены – Перевалочная Станция.

Нижняя часть – в тени.

Женщина тянет за собой Мужчину сквозь облачные сонмища.

ЖЕНЩИНА. Ну, иди же... Телескоп находится здесь. Будем лицезреть...

МУЖЧИНА (колеблясь). И кого... каким образом?

ЖЕНЩИНА. Кого хочешь. Телескоп покажет любую персону, которую пожелаешь видеть. Хоть Обаму, хоть Хилари Клинтон...

МУЖЧИНА. На что они мне?

П а у з а.

ЖЕНЩИНА. А хочешь, поглядим на тебя самого?

МУЖЧИНА. Меня?

ЖЕНЩИНА. Ну да. Или нет желания?

МУЖЧИНА (ошарашенно). Меня? А может, сейчас вот там... хоронят меня?

ЖЕНЩИНА. Вот и поглядим. Разве не любопытно?

МУЖЧИНА (про себя). Да, она в своем амплуа... (Иронически, передразнивая ее интонации.) Кто что делает, что говорит, кто кому доводится родней, кто разводится, у кого какие деньжата?

ЖЕНЩИНА. Что ты про себя бубнишь?

МУЖЧИНА. Я? Да нет. Ничего.

ЖЕНЩИНА. Ты и прежде был таким. Тебе говоришь что-то, а ты бормочешь...

МУЖЧИНА (вполголоса, про себя). Что было делать? Те слова, что я говорил о тебе, – разве я мог их высказать тебе в лицо?

ЖЕНЩИНА. Что ты опять мурлычешь?

МУЖЧИНА. Да ничего... проехали...

ЖЕНЩИНА (показывает на чернеющий среди белых облаков телескоп). Вот он, телескоп.

МУЖЧИНА. Почему же такой чернющий?

ЖЕНЩИНА. Его все время отбеливают, а он сам по себе чернеет...

МУЖЧИНА. Странно.

ЖЕНЩИНА. Давай-ка посмотрим на твои земные похороны. Поглядим, кто как ведет себя. Кто плачет, кто болтает, кто зубы скалит...

МУЖЧИНА. Кто ж на похоронах смеется? На моих?

ЖЕНЩИНА. Эх... Ты все еще не врубился в земные дела... Помнишь предостережение своего друга: «Все выяснится после смерти»?

МУЖЧИНА. Помню.

ЖЕНЩИНА. А сейчас самый раз – смертный час... Пошли! (Тащит его к телескопу, и оба в большой окуляр рассматривают Земной шар. Мужчина все еще в растерянности.) А ну-ка, посмотрим, где ты тут есть?

Освещается и нижний ярус сценического пространства.

Больничная палата.

Мужчина лежит на койке с подключенным аппаратом искусственного дыхания и системой. Поза не позволяет видеть его лица.

Перевалочный пункт.

ЖЕНЩИНА. Ой, ты еще в больнице!

МУЖЧИНА (смятенно). Тот человек – это я?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Меня еще не унесли оттуда? (Она мотает головой.) Как же я тут оказался? Если еще не сыграл в ящик? (Она пожимает плечами. Он всматривается в окуляр.) Знаю того врача. Жил по соседству. Специалист классный. (Сокрушенно.) Значит, и он оказался бессилен... Святая душа... Все благоговели перед ним... А жена – мать-героиня. Десять детей!

Палата.

ДОКТОР. Чудеса! Пульса не слышу. А электроника сигнализирует о слабых признаках жизни... Надо же, на нем живого места нет, а констатировать летальный исход рано... Он, так сказать, еще полностью не умер!

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА (оторвавшись от окуляра телескопа, возбужденно). Тогда какого черта меня умыкнули сюда?! (Женщине.) Слышала? Я еще не умер! (Кричит.) Я еще не умер! (Орет.) Не умер! Вы не имели никакого права сбегивать меня в эту душеприемную канцелярию! В этот летальный предбанник! Вы слышите? Не имели права! (Вскинув голову и воздев руки.) Э-ге-ей! Слышишь меня? Я не отдал концы!

ЖЕНЩИНА. Успокойся!

МУЖЧИНА (передразнивая). «Нет птицы краше ворона»... Я хочу вернуться на Землю! Нет птицы противнее ворона... Назад!.. Верните меня назад!

ЖЕНЩИНА. Не шуми! Кто же тебя отпустит? Ты еще не знаешь здешнюю бюрократию!.. Поди сюда, давай лучше поглядим на Земной шар.

Оба взирают через телескоп на подлунный мир.

Палата.

МЕДСЕСТРА. Доктор, как, по-вашему, он выйдет из комы?

ДОКТОР (показывая на койку). Этот? Нет, дорогая... Он по сути умер.

Перевалочный пункт.

ЖЕНЩИНА (тихим голосом). Слышал?

МУЖЧИНА (смятенно). Что – «слышал»? То говорит «чудеса», то – вот так...

ЖЕНЩИНА. А ты хвалил его...

МУЖЧИНА. Я знаю его как человека, хвалил его человечность... чистоту... Но в профессиональном смысле... Нельзя же твердить то одно, то другое.

Палата.

ДОКТОР. Не будь я атеистом, сказал бы, что в таком состоянии он держится только Божьей милостью.

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА. Он, оказывается, атеист!

ЖЕНЩИНА. Твой же сосед...

Палата.

ДОКТОР (потягиваясь). Эх, устал я чертовски. (Смотрит на часы.) Ого! Уже полночь!

МЕДСЕСТРА (прикрывая зевок). Я, признаться, тоже притомилась. А утром надо детей в школу проводить... обед приготовить... Хуже нет ночного дежурства...

ДОКТОР. Ну, не скажи... (Улыбаясь, с неожиданной страстью.) Я бы рад дежурить – лишь бы нам быть вместе. (Сняв очки, кладет их на живот больного, раскидывает руки.) Иди ко мне, моя джейран, лапочка моя!

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА (ошеломленно). Что на него нашло? Что он мелет?

ЖЕНЩИНА. А ты говорил: «Люди души не чают в нем»...

Палата.

ДОКТОР (с вожделением). Иди ко мне, любимая моя, иди в мои объятия.

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА (наблюдая в телескоп). Ах, ты, бабник! И это при мне... э-э-х...

Палата.

МЕДСЕСТРА (кривляясь). Нет, все кончено!

ДОКТОР. Какое там кончено! Как это кончено! Джейран мой!

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА (сгорая от досады). Да еще очки свои мне на живот положил.

Палата.

ДОКТОР. У нас все только начинается...

МЕДСЕСТРА (кокетничая). Ты просто ужас...

ДОКТОР. Ужас – это хорошо... Иди ко мне, забудем обо всем на свете. Иди, моя лапочка. (Кивая на больного.) Видишь, все на свете – тлен...

МЕДСЕСТРА. Нет... Здесь не хочу...

ДОКТОР. Разве найти лучшее место? Никого, тишина...

МЕДСЕСТРА. А он? (Показывает на койку.)

ДОКТОР. Его песенка спета. (Показывает пальцем вверх.) Он на пути туда...

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА. Ах, сукин сын! Вот ведь подлец! (Женщине.) Он не слышит меня?

ЖЕНЩИНА. Нет... Душу не услышишь.

МУЖЧИНА. Жаль... Я бы сказал ему пару крепких слов.

ЖЕНЩИНА (приложив палец к губам). Т-с-с... Здесь нельзя ругаться.

Палата.

МЕДСЕСТРА (кокетливо). Если мой узнает, он и тебя превратит вот в такой полутруп!

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА (кричит). И пусть! Пусть разделает этого старого жеребца! Пусть отмутузит так, чтоб дух из него вон, чтоб сразу сюда – и в ад напрямиком!

ЖЕНЩИНА. Не шуми!

МУЖЧИНА. Пусть муж этой изменницы отделает ее хахаля!

ЖЕНЩИНА. Черта с два! Будь ее олух мужчиной, то прищучил бы свою вертихвостку.

Палата.

ДОКТОР (улыбаясь). Моя-то меня и так прищучила. Радуюсь, когда дежурство – хоть на день отдушина. (Распаляясь.) Буду с тобой! Сердце заходится от радости – вот ночью стисну тебя в своих объятиях! Иди ко мне, моя цыпочка, лапуля моя! Забудем и твоего благоверного, и мою мегеру. Разве брак – это кабала? Ведь сказано поэтом:

Овдовець бы с тобой нам,

то-то будет шум-гам,

Отгорюем со смехом,

с грехом пополам!

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА. И этот боров наплодил десятерых детей...

Палата.

ДОКТОР. Ну, подойди! Забудем к чертям этот мир!

Они сходятся, обнимаются.

Перевалочный пункт.

МУЖЧИНА (отстранившись от телескопа, возмущенно). Ну и низость! При мне-то! Я тут лежу ни жив, ни мертв, а они... И эти очки, подлец, мне на живот кладет... Не могу я лицезреть такое!

ЖЕНЩИНА (смеясь). Ладно. Не нервничай. (Отходит от телескопа. В нижней части сцены гаснет свет.) А ты сам будто ангелочком был?

МУЖЧИНА. Я? Я такое себе не позволю!

ЖЕНЩИНА. Знаешь что, мой дорогой? Я отсюда видела, что ты там вытворял втихую.

МУЖЧИНА. Я?

ЖЕНЩИНА. Да, да.

МУЖЧИНА (чуть смутившись). Я... никогда... при мертвом... или живом... не стану делать такие вещи. За кого ты меня принимаешь?

ЖЕНЩИНА. Ладно... (Показывает пальцем вниз.) Теперь все это... осталось там... в прошлом...

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА ПЯТАЯ

Перевалочный пункт.

М у ж ч и н а , Ж е н щ и н а , А з р а и л .

Мужчина сидит на клочке облака, Женщина прохаживается вокруг него.

ОН (озабоченно-удрученно). Я умер или нет?

ОНА. Ты же слышал, что сказал доктор...

ОН (негодуя). Не упоминай при мне этого подлеца!

ОНА (усмехаясь). Эх, что ты еще видел...

ОН. Уже навидался. Что еще я должен видеть?!

ОНА (вздыхает). Видел бы то, что довелось мне! Сошел бы с ума!

ОН. А что, и среди душ есть сумасшедшие?

ОНА. Нет, нет... (Показывая вниз.) Я выражаюсь тамошним языком. Здесь нет умных и психов. Все одинаковы.

ОН. То есть все умные-разумные?

ОНА. Не знаю уж. Но все одинаковы.

ОН. А ты вот столько времени стоишь на очереди?

ОНА. А что мне остается делать?

ОН. Ну да. Блата нет... «Дяди» нет... В «лапу» не дашь... (Сцену пересекает стремительным шагом Азраил с папкой под мышкой. Мужчина вскакивает.) Пойдите! Погодите!

АЗРАИЛ (задерживая шаг). Вы со мной?

ОН (резко). Да, с вами!

АЗРАИЛ (Женщине). Почему этот тип разговаривает на повышенных тонах?

ОНА (вполголоса). Он лицезрел в телескоп Землю.

АЗРАИЛ (соображая). А-а-а... Понятно. (Тихо.) Он в шоке!

ОНА. Да.

ОН. Вы защищаете права ангелов. А права человека?

АЗРАИЛ. Мы не занимаемся правами человека. Мы только напоследок тестируем души преставившихся и делаем соответствующие выводы...

ОН. В таком случае, почему же игнорируете права душ усопших? (Показывает на Женщину.) Почему мурыжите их в очередях?

АЗРАИЛ. Не кипятитесь! У нас нет ничего тайного. Все процедуры прозрачны. Сообщу последнюю информацию: 27 триллионов 361 миллиард 597 миллионов 839 тысяч 156! Вот численность душ, которые по сей день я... эвакуировал с Земли в наше ведомство... Думаете, легко протестировать столько душ! Я еще не говорю о предшественниках человека...

ОН. Предшественниках?

АЗРАИЛ. Да. Питекантропах и прочих.

ОН (ошарашенно, Женщине). Тогда сколько этому господину лет?

АЗРАИЛ. Знаете что? Мне недосуг! (Показывает папку под мышкой.) Спешу на заседание! (Уходит.)

ОНА. У ангелов нет возраста.

ОН. А ты здесь застала еще и неандертальцев? .

ОНА. Да нет, что ты... Они давным-давно отстояли свою очередь...

ОН. Так ты говоришь, ангелы не имеют возраста?

ОНА. Нет.

ОН. А... как же они появляются на свет?

ОНА. Они не появляются.

ОН. И все-таки, откуда берутся?

ОНА (пожимает плечами). Где мне знать... Столько в мире неведомого нам...

ОН. Даже тебе?

ОНА (задетая). Ты и прежде считал меня ведьмой...

ОН. Неправда! (Пауза.) Я любил тебя!

ОНА (с затаенной горечью). Потому и развелся?

ОН. Ну, нет! Это ты развелась со мной!

ОНА. А что мне оставалось делать. Ты так себя вел, что...

ОН. А ты?

ОНА. Что я делала?

ОН. Перемывала косточки... Я возвращался с работы – и пошло-поехало... (Передразнивает.) Мы такие, а вот имярек этакие... У нас так-то, а у них этак... Мой родич не так чихнул, другой – не кашлянул... Короче, все не слава Богу. Я и сбежал без оглядки.

ОНА. Ну и как? Полегчало?

ОН. Да!

ОНА. Ты стал счастлив?

ОН. Да!.. Утром встаю, а ты бока отлеживаешь. Сам заваривал чай, сам варганил завтрак. Сам гладил брюки... И пуговицы к сорочке пришивал! Верно или нет? А вечерами уткнешься в телевизор, до полуночи сериалы колумбийские смотрела. Ты хоть раз поднесла мне стакан чаю?

ОНА. А ты?

ОН. Я?

ОНА. Да, да, ваше величество! Мне, видишь ли, положено было быть обслуживающим персоналом. А после, похоже, ты был премного доволен!

ОН. Да! Не знаю, как ты со вторым своим благоверным, а я, да, был счастлив!

ОНА. Ах-ах! Как бы не сглазить!..

ОН (печально). Теперь уже какой сглаз!.. Я – тут, а они – там.

ОНА. Вижу, ужасно тоскуешь... (Иронически.) Там тебе и чай жена подает, и теща плов сварит... Для этого ведь не семья, а прислуга требовалась... И жена, и теща в придачу.

ОН. Оставь в покое мою тещу! Она – святая женщина!

ОНА. Да ну?.. Ой ли?..

ОН (с неожиданным воодушевлением). Где ж этот небесный телескоп?

ОНА. Зачем тебе? Что случилось?

ОН. Пойдем! Пойдем, я покажу их тебе! Увидишь, какие люди на свете есть! (Ухватив ее за руку, тащит за собой.)

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Перевалочный пункт и квартира Мужчины в Баку.

М у ж ч и н а, Ж е н щ и н а, Ж е н а, Т е щ а.

Вновь освещена верхняя часть сцены – Перевалочный пункт.

Нижняя часть в тени.

На «сакральном» этаже – Мужчина, который тащит за руку Женщину.

Перевалочный пункт.

ОН (воодушевленно). Идем, идем, погляди, полюбуйся!

ОНА. Ну что ж, поглядим. (Иронически.) Может, и впрямь меня ждет сюрприз?!

Оба подходят к всевидящему телескопу и взирают через окуляр на Землю.

ОН. Вот и наша квартира.

Квартира.

В нижней, «земной» части сцены, в бакинской квартире Мужчины горит свет. Жена его перед трюмо занята макияжем. Появляется Теща.

Перевалочный пункт.

ОН. Вот она, моя жена, а вот моя теща.

ОНА. Знаю.

ОН (изумленно). Ты успела и их «протелескопить»?

ОНА (рукой пригибает его голову). Ты смотри, смотри...

Квартира.

ТЕЩА. Куда опять собралась?

ЖЕНА. В больницу.

Перевалочный пункт.

ОН (с нескрываемой гордостью). Это она меня навестить собралась.

Квартира.

ТЕЩА. Ты уже утром ходила.

ЖЕНА. Ну и что ж. Опять наведуясь.

ТЕЩА. А что за пожар, милая. Сколько же раз на дню будешь ездить?

ЖЕНА. Ну, хватит, мама.

ТЕЩА. Что хватит? Очень уж он пекся о тебе? На руках носил?

ЖЕНА (дрогнувшим от подступивших слез голосом). Ну, мама... Ты и в такой день...

ТЕЩА. А что? Неправду говорю? Да он же скупердяй, каких свет не видел! Если что требовалось купить, ему дурно становилось, побледнеет, руки дрожат...

Перевалочный пункт.

ОН (огорошенно). Что она болтает?

ОНА (полушутя-полусерьезно). Признайся уж, ты был прижимист. Я знаю.

ОН. Не я ли купил тебе пальто с каракулевым воротником?

ОНА. Ишь ты, запомнил.

Квартира.

ЖЕНА. Мама, да у него, бедняги, чуть ли не ползаработка уходило на твои лекарства!

ТЕЩА. Ах, еще не хватало того, чтоб он не покупал мне медикаменты? Ради одного лекарства он обходил все бакинские аптеки, чтобы подыскать подешевле!..

ОНА. Ну, перестань, мама!.. Ты человека и при последнем издыхании не щадишь! Он же в коме! (Плаксивая дрожь в голосе не мешает ей втирать крем.)

ТЕЩА. То, что с ним стряслось, – в воле Аллаха. Кто бы хотел, чтобы бедняга впал в такое состояние? Какой ни есть, а наш ведь, свой человек. Что поделаешь? Такой жребий выпал... Надо бы узнать, какую пенсию за него назначат...

ЖЕНА (продолжая макияж, плаксиво). Ради Аллаха, перестань, мама.

ТЕЩА. Жалеешь? Теперь всю жизнь будешь оплакивать? Ты подумай о себе! Судьба, знаешь, никого не щадит. Вот я, например. Не думала о себе. Тебе всю жизнь посвятила, чтоб выросла, была счастлива. И матерью была тебе, и отца заменила. И вот мой финал.

ЖЕНА. А чем ты обделена?

ТЕЩА. Чем? Одна-одинешенька. Бобылиха...

Перевалочный пункт.

ОН (совершенно обескураженный). Она, что, на старости лет хочет замуж выскочить?

ОНА (пожимает плечами). Не шуми!

Он вновь взирает в окуляр «потустороннего» телескопа.

Квартира.

ЖЕНА (перед трюмо, надевая парик). Ну, как?

ТЕЩА (сердито). Где мне знать! Так уж и сох он по тебе, что тебе загорелось в двадцать лет выскочить за разведенного!

ЖЕНА. Не в двадцать лет, мне было под тридцать. (Снимает парик с головы.)

ТЕЩА (передразнивая). «Под три-идцать». Ну и что с того? Да твои сверстницы только сейчас выходят

замуж!

ЖЕНА. Да знаю, знаю. А что тут сверхъестественного? Вот, наша соседка Зулейха уже в третий раз расписалась. А уже бабушка!

Перевалочный пункт.

ОН (с тем же ошарашенным видом отстраняется от телескопа). Что она хочет этим сказать?!

ОНА (продолжая с интересом смотреть в телескоп). Тише ты! Дай поглядеть!

Он присоединяется к ней.

Квартира.

ТЕЩА. То-то и оно! Зулейха умеет жить! Причем с такой физиономией. Страхолюдина. А то, как ты...

ЖЕНА. Мама! Ну что ты заладила? Есть же, в конце концов, элементарные приличия. Муж мой там в коме, а ты заводишь такие разговоры. Мне что, по-твоему, в такой ситуации в пожарном порядке искать нового мужа?

Перевалочный пункт.

ОН (взбешенный). Ну и ну!

Квартира.

ТЕЩА. Никто тебе не говорит: сейчас же выходи замуж! Но заранее подумай о себе. Эх, несчастный этот зять, мертвец – не мертвец, жилец – не жилец!.. Да он и всегда был такой – ни рыба, ни мясо.

ЖЕНА. Мама! Прекрати, ради Аллаха. (Примеривая новый парик.) А этот как выглядит?

ТЕЩА. Недурно.

Перевалочный пункт.

ОН (срывается на крик). Ты в театр собралась?

ОНА. Тихо! Здесь никто не дерет глотку.

ОН (не реагируя на ее слова). Ты идешь в больницу! Ты идешь проститься с мужем!

Квартира.

ТЕЩА. И ни черта путного не умел! А мне сюсюкал – ластился: «ана-джан!» Будто я не понимаю... (Передразнивая.) «Как ты себя чувствуешь, ана-джан?»

Перевалочный пункт.

ОН (вскинув голову, кричит). Я же от чистого сердца! .

Она вновь движением руки поворачивает его голову к телескопу.

Квартира.

ТЕЩА. Аллаху ведомо, что у него на душе было... Может, думал, когда ты сдохнешь, старая карга, когда избавимся от тебя?!

Перевалочный пункт.

ОН (вопит). Никогда! Никогда я так не думал!.. Да она и впрямь, оказывается, старая хрычовка!

Квартира.

ТЕЩА. А как мне было отзываться на его сюсюканья? Он мне: «ана-джан», а мне приходилось в ответ: «оглум... сынок...».

Перевалочный пункт.

ОН. Старая ведьма!

ОНА. Ты придержи язык! Хочешь, чтоб тебя на заседание вывели?!

Квартира.

ЖЕНА (поправляя парик). Мама! Сейчас не время перемывать косточки!

Перевалочный пункт.

ОН. Сейчас не время, а после?

Квартира.

ЖЕНА (о парике). Как, подходит?

Перевалочный пункт.

ОНА. И что ты в этой пустышке нашел?

ОН (отходя от телескопа). Хватит с меня! Не хочу смотреть больше! (Она также отходит от «виртуального» телескопа. Свет в нижней, «земной» части сцены гаснет.) Уйдем отсюда!

ОНА. Куда?

ОН. Пойдем ворон послушаем! Нет ничего приятнее на свете, чем карканье ворона!

Расталкивая кучи «запредельных» облаков, он покидает сцену.

Она следует за ним.

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Перевалочный пункт.

О н , О н а .

Пюют птицы, доносятся журчание вод, шум водопада. Они сидят лицом к лицу в окружении облаков. Каркает ворон.

ОНА. Вот тебе и ворона песня!

ОН (все еще потрясенный от открывшейся правды). Карканье ворона приятнее слуху, чем брзжание той старой хрычовки!

ОНА. Я же предупреждала: здесь нельзя ругаться.

ОНА. Называть каргу каргой – ругань? А ты твердишь: здесь гласность, демократия, прочее.

ОНА. Ты действительно, кажется, еще не стал полноценной душой.

ОН. А разве души не имеют прав? Не ущемляйте моих прав! Я хочу кричать! Я кричу! (Обратив лицо книзу, в сторону Земного шара, кричит во всю глотку). Э-э-эй, старая карга! Услышь меня! Услышь!

ОНА (ласково). Ну, не расстраивайся так. Пройдет время – забудется.

ОН. Такие вещи не забываются!

ОНА. Эх... Почему бы и нет? Все забывается, о мой бывший супруг!

П а у з а.

ОН (с некоторой робостью). Ты... ты говорила... что и за мной наблюдала... отсюда?

ОНА. Да.

ОН. И часто?

ОНА. Иногда часто, а то изредка.

ОН. И что ты замечала?

ОНА. Порой – твои дурные поступки, а порой – и благие дела.

ОН. И чего же больше?

П а у з а.

ОНА. Во всяком случае, мне хотелось, чтобы доброе перевешивало.

П а у з а.

ОН (показывая жестом вниз). Почему я там так и не удосужился пригласить тебя в ресторан? (С грустью.) Где знать человеку, что в конечном итоге он превратится в жалкую субстанцию, как ты говоришь, в ничтожные, сомнительные полсотни граммов, в прах, в пшик, упорхнет...

ОНА. В том-то и дело, чтобы, пусть даже при такой суетной неинформированности, запастись в земной жизни хорошим «послужным списком»... Именно это и проверяет здешний Центр тестирования...

Доносится карканье ворона.

ОН (оживившись). Знаешь, что? Давай-ка теперь пойдем и посмотрим твоих родственников.

ОНА (взвинченно, протестуя). Нет! Нет!.. Никогда! Я зареклась: больше никогда!.. Я никогда не прощу их! (Давится слезами.) Не напоминай мне о них!

П а у з а.

ОН (показывая пальцем в запредельные высоты). Почему Он сотворил людей такими? Сам сотворил и сам же напоследок тестирует, сортирует свои создания... Где же логика? А? (Она пожимает плечами.) Выходит, все сущее, все твари, букашки, цветочки, травинки подлежат... посмертной «сортировке»?

ОНА. Разумеется...

ОН. И каким образом?

ОНА. Не знаю. Наверное, есть и для них свои критерии...

ОН. Какие могут быть критерии для цветов?! Добродетельная роза, зловредный кактус?!

ОНА. Так людям кажется. Люди смотрят на все со своей «колокольни». Их мозги настолько поглощены самоличными интересами, выгодой, корыстью, что ничего другого и не видят.

ОН. Хорошо хоть, что на свете есть дети.

ОНА. А разве дети – не те же человеки?

ОН. Я вот что тебе скажу: сейчас такая черная тоска, такая смута захлестнули мое сердце, что только мысли о сыне, о дочери моей спасают меня, иначе бы я умер...

ОНА (иронически усмехаясь). Да ты уже умер...

ОН (беззащитно). Ну да...

ОНА. Твой сын похож на тебя.

ОН. А ты не видела мою дочь?

ОНА. Дочь твоя в маму пошла.

ОН. Нет!.. Все говорят – в меня... Теща тоже... Эта старая карга тоже говорит: как две капли воды...

ОНА. Не знаю... Может быть...

ОН. Знаешь, как тоскую по детям?.. После того эскулапа-мудака, после той старой карги, жены, которая наводила на себя марафет, в то время как я угасал в коме, – нет во мне, в нутре моем ничего, кроме лучика, исходящего от детей моих... Но... сердце мое точит страх...

ОНА. Какой еще страх?

ОН. Хочу увидеть их... но... теперь боюсь и поглядеть на них...

ОНА (смеясь). Много чего за тобой водилось, а такой опасливости я не замечала. Что с тобой случилось?

ОН. Не знаю. Не в себе я... Думаешь, поглядим на них?

ОНА. Я ничего не говорю.

ОН. Ладно... Я решился... Но давай вместе с тобой...

ОНА. Я не хочу смотреть на них.

ОН. Не хочешь?

ОНА. Да, не хочу...

ОН. Ну, прошу тебя... (Она мотает головой). Очень прошу.

ОНА. Не хочу. Ты говоришь, что ты не в себе... Я – тоже...

ОН. Я все-таки прошу... Мне боязно одному смотреть... (Она, скрепя сердце, встает). Спасибо, дорогая моя. Спасибо!

Они вместе покидают сцену.

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Перевалочный пункт (на небесах), на Земном шаре – в Баку, вначале – квартира Мужчины, затем – дом его Друга.

М у ж ч и н а, Ж е н щ и н а, С ы н, Д о ч ь, Д р у г и е г о с у п р у г а.

Появляются Мужчина с Женщиной.

Перевалочный пункт.

ОН (колеблясь). Как ты думаешь? Какими мы их... увидим?

ОНА. Очень отчетливо.

ОН. Я не о четкости. Их тоже увидим такими же...

ОНА. Какими?

ОН. Ну, ты понимаешь...

ОНА. Во всяком случае, я бы очень хотела, чтобы представшее тебе пришлось бы по сердцу твоему.

Оба подходят к «потустороннему» телескопу и устремляют взоры к окуляру. Свет падает на нижнюю, «земную» часть сцены, на Сына.

ОН (с гордой радостью). Мой сын!

Нижняя часть сцены высвечивается всецело.

Квартира.

Сын, взобравшись на стул перед книжным стеллажом, выбирает книги из полки, просматривает подряд

промежутки между страницами, приподнимаясь на цыпочки, прощупывает пространство за рядами книг.

Перевалочный пункт.

ОН (недоуменно). Что он копается?

Квартира.

Дочь, тихо подойдя, со стороны наблюдает за братом.

Перевалочный пункт.

ОН (обеспокоенно). А вот и дочка...

Квартира.

Дочь все так же следит за возней брата.

Перевалочный пункт.

ОН (с нарастающей тревогой). Что они там затеяли?

ОНА (с любопытством). Поглядим – увидим...

Квартира.

ДОЧЬ (громко). Не нашел?

СЫН (вздрыгнув и разозлившись). Ты... следишь за мной?

ДОЧЬ. Зачем же я должна следить? Разве не знаю, что у тебя в башке?

СЫН. Ты пугаешь свою голову с моей!

ДОЧЬ (плаксиво). Папа в коме, а ты...

СЫН. Ты любишь папу больше, чем я, что ли? Не слышала, что говорил врач?

Перевалочный пункт.

ОН (кричит, как бы обращаясь из небытия к детям своим). Не верьте этому врачу! Это не врач, а бабник в халате!

Квартира.

СЫН. Папа впредь превратится для нас в воспоминание... и будет жить в наших сердцах!..

ДОЧЬ (сквозь слезы). А ты... вместо того, чтобы думать о папе, ищешь деньги...

СЫН. Ну и что? Не чужие же деньги ищу! Папины, кровно заработанные. Ты мне сестра или нет? Разве не хотела бы, чтобы у меня была «тачка»?

ДОЧЬ. Да, у тебя «тачка», а у меня шиш с маслом? Теперь в Баку, знаешь, все приличные девушки на джипах, «мерсах» разъезжают...

Перевалочный пункт.

ОН (с горечью). В детстве я им столько велосипедов понакупал...

ОНА (отстраняясь от телескопа). Может, прекратим?

ОН (жестко). Нет уж... Не будем уподобляться страусам, зарывающим голову в песок... Нет... Будем смотреть!..

Квартира.

СЫН. Почему бы и тебе не занять «тачку»? Думаешь, я о тебе забыл? Сердца у меня нет, что ли? Одна-единственная сестренка, и ее жизнь – не чужая мне.

ДОЧЬ (плачет). Папа всегда обожал тебя...

Перевалочный пункт.

ОН (смятенно). А тебя разве меньше любил?

Квартира.

ДОЧЬ. Всегда потакал твоим прихотям... Что ни скажешь – считался. А кто в этом доме меня брал в расчет? (Всхлипывает.) Никого не интересовало мое мнение... Вместо меня думал и решал тоже папа...

Перевалочный пункт.

ОН (с горечью). Плохо, если о тебе думают, пекутся? Болеют душой?..

Квартира.

Доносится голос из смежной комнаты.

Сын с дочерью с этого момента переходят на шепот.

СЫН. Кто это?

ДОЧЬ. Бабушка.

П а у з а.

СЫН. Сюда, что ли, поперла?

ДОЧЬ. Да нет. Похоже, туда, куда короли пешком ходят...

СЫН (со вздохом). Никак не могу докопаться. Куда... куда папа прятал деньги?

ДОЧЬ. Я знаю, что где-то тут прятал...

Перевалочный пункт.

ОН. Боже мой! Так она, что, шпионила за мной?

Квартира.

СЫН. Где же они, а? Где? Может, мама докопалась?

ДОЧЬ. Исключено. Вчера она с бабкой шушукалась, – не нашли...

Перевалочный пункт.

ОН (кричит). Крысиная нора! Мой дом был крысиной норой! По ночам они выходили на охоту!

ОНА. Давай-ка уйдем... Не надо тебе видеть все это!..

ОН (негодующе). Нет! Надо! Это мой дом, понимаешь? Мои дети! Это моя жизнь! Я должен бежать от своей жизни? С какой стати?

Они снова погружаются в созерцание «земных» ретроспекций...

Квартира.

СЫН. Уж они докопаются! (Доносится шум воды со сливного бака в туалете.) (Пауза.) Они докопаются, а не мы! Чтоб бабушка не унюхала?.. Тогда не видать нам машины, как своих ушей! (Передразнивает.) «Это на черный день...». Будто сейчас у нас не жизнь, а малина...

Перевалочный пункт.

ОН (кричит). А чего вам не хватает? Я всю жизнь посвятил вам. А теперь что, с жиру беситесь?

Квартира.

СЫН. Я-то думал, найду деньги, куплю «тачку»...

ДОЧЬ. Только себе?

СЫН. Нет. Нам обоим. А мама с бабкой останутся перед свершившимся!

ДОЧЬ. Оставшиеся деньги – им.

СЫН. Разумеется. По-моему, сумма должна остаться приличная.

Перевалочный пункт.

ОН (с горечью). Они там еще сидели – прикидывали.

Квартира.

ДОЧЬ. Я бы хотела машину бордовой окраски.

СЫН. Сперва надо найти деньги.

ДОЧЬ. А ты не обманешь меня? Поклянись папой!

Перевалочный пункт.

ОН (истощно). Не надо клясться мной! Грош цена вашей клятве!

Квартира.

СЫН. Клянусь папиной жизнью...

ДОЧЬ. Что не обманешь?

СЫН. Что не обману.

ДОЧЬ. Ладно... Но я бы хотела, чтобы мы в первую очередь на папины деньги обустроили его могилу, поставили подходящее надгробье... А уж после, если хватит денег, купить машину.

СЫН. Конечно. Я же говорю тебе: денег должно быть навалом!

Дочь подносит стул к стеллажами, встав на него, присоединяется к поискам .

ДОЧЬ (роясь в книгах). На надгробье надо запечатлеть барельеф, а? Пусть будет папе достойная память...

Перевалочный пункт.

ОН (отстраняясь от телескопа). Нет! Я больше не желаю это видеть!

ОНА (сочувственно). Успокойся, милый мой. Вот видишь, они чтят твою память, хотят соорудить подобающее надгробье.

ОН. Да не хочу я! Не нужно мне от них никакого надгробья! Пусть копаются, пусть ищут деньги. Не доищутся. Деньги не там. Я их не так спрятал, чтоб легко было найти их!..

ОНА. Ну, все это уже в прошлом.

ОН. Спрашивается, ради чего мы жили?

ОНА. Наверно, ради того, чтобы оказаться здесь...

П а у з а.

ОН. Ты видела? Ты видела этих потрошителей... «кладоискателей»?..

ОНА. Но, знаешь, и ты был хорош... «Скупым рыцарем» своего рода...

ОН (с искренней горечью). Да ради кого я, дурень, копил эти деньги? Чтобы их забрать с собой сюда, на тот свет?!

ОНА. В истории Перевалочного пункта был один-единственный такой случай.

ОН. Какой случай?

ОНА. Однажды один азербайджанец принес сюда, покидая бренный мир, приличную сумму.

ОН (ошарашенно). Что-о?

ОНА. Да, представь себе.

ОН. А... разве он не умер... не превратился в бесплотный дух?

ОНА. Ну да, умер, и душа его воспарила в небо.

ОН. Но как же такое возможно? Принести деньги сюда?!

ОНА. В том-то и вопрос! До сих пор не могут разобраться в небесной администрации. Сколько раз созывали заседание Президиума, дискутировали, но не могли уяснить это дело. Теперь в связи с этим ангелы создали специальный научно-исследовательский институт, занимающийся изысканиями по данному прецеденту. Но до сих пор никак не могут выяснить, каким образом тот самый азербайджанец умудрился перевести сюда деньги?! Небожители так переполошились, что даже ко мне обратились, дескать, необычный экзистент доводится тебе соотечественником, может, ты дашь какой-нибудь дельный совет. А что было мне советовать? Короче, до сих пор ломают голову...

П а у з а.

ОН (показывая пальцем вверх). А Он? (Она качает головой). Он тоже не может разгадать эту тайну?

ОНА (шепотом). Увы...

П а у з а.

ОН. И куда девали эти деньги?

ОНА. О-о-о! Между ангелами такой сыр-бор разгорелся! Такой переполох... Не знали, как быть, как распорядиться.

ОН. Ну да... никаких банков... сейфов... Куда девать...

ОНА. Заседание за заседанием... Сперва хотели было отправить деньги в Ад и там сжечь в кочегарке ихней... Но потом сочли, что деньги не достойны и этой участи. Президиум вынес решение: вернуть деньги обратно. Архангел Азраил, отправляясь в очередной раз на Землю по души обреченных, забрал деньги.

ОН. Куда? В Азербайджан?

ОНА. Да.

ОН. А где же тот усопший владелец? Небось, упекли в Ад?

ОНА. Нет. Он тоже ждет очереди... Здесь – демократия, ему и двух адвокатов придали.

ОН. Он не раскрывает тайну?

ОНА. Нет...

ОН (показывая кулак). А если поднажать?

ОНА. Что ты! Разве здесь такое возможно! Ангелы, ведь, правозащитники!..

П а у з а.

ОН. Все это... ужасно. Человек может с ума сойти...

ОНА. Ты уже не человек. Ты – дух.

ОН. Тем не менее, меня охватывает ужас. (Расчувствовавшись.) Дорогая моя... нет у меня никого на свете... кроме тебя... (Робко обнимает ее за плечи.) А души не могут пожениться?

ОНА (с постепенно нарастающим романтическим настроем). Здесь просто любят друг друга. Без всяких плотских вещей. Ты же понимаешь?

ОН. Постельные дела...

ОНА. Ну да... Чисто платонически берешься за руку и предаешься грезам... обновляешься... преисполняешься прекрасных, возвышенных чувств...

ОН (закрыв глаза, фантазирует). Летишь вместе, рука за руку... Прекрасные чувства наполняют тебя... (Раскрывает глаза.) Я... я всегда любил только тебя... (Пауза.) Души не могут лгать, не так ли?

ОНА. Не могут...

ОН. Вот видишь! Воистину говорю! Я любил тебя всегда, и после того, как мы расстались...

ОНА. И я тоже здесь поняла, что никого, кроме тебя, не любила... Когда я отсюда смогла увидеть... через пустоту небытия... как ты там, на грешной земле, посещаешь мой последний приют... с цветами... каждый раз в день моего рождения... мне хотелось... мне безумно мечталось очутиться в твоих объятиях...

ОН (обнимая ее). Милая ты моя...

ОНА. Видишь... твой друг был прав, когда говорил, что все выясняется здесь... за последней чертой...

ОН. Да! (Пауза.) Как-то он теперь?..

ОНА. Ты о ком? О друге?

ОН. Да! (Пауза.) Давай-ка поглядим отсюда на его земное существование.

ОНА. Не нужно, дорогой мой.

ОН. Почему же? Где наша не пропадала! Поглядим и на него.

ОНА. Я не хочу, чтобы ты нервничал.

ОН. Но ты же его не знаешь.

ОНА. Я не хочу, чтобы опять у тебя испортилось настроение, чтобы ты страдал...

ОН (задумавшись). Как знать... Но... но я не думаю, чтобы меня ждало разочарование... Мой друг – философ, человек, глубоко постигающий жизнь. И в такую пору... в последний момент земного бытия своего старинного друга он, наверное, думает о неотвратимости судьбы, о бренности жизни... Кто знает... Но мне так кажется... Никто его не знает так, как я! Он – из тех, кто в глубине души осознает бессмысленность жизни. (Решительно.) Поглядим! Я хочу посмотреть!

Подойдя к «небесному» телескопу, смотрят сквозь окуляр.

Квартира Друга.

Вновь освещается нижняя часть сцены. Друг с Супругой – дома.

ДРУГ (надевая сорочку). Давай навестим его вместе. Заглянем к нему и скоренько вернемся. Нехорошо ведь. Что люди подумают. Есть друзья, есть недруги. Скажут: вот столько лет дружили, человек в коме, а им хоть бы хны...

СУПРУГА. Честное слово, нет у меня никакого желания... Опять одеваться, ехать в больницу, а там наберись через край отрицательных эмоций, и назад...

Перевалочный пункт.

ОН (как бы желая найти оправдание). По сути, она ведь резонно говорит...

ОНА. Я же ничего не говорю...

Квартира Друга.

СУПРУГА. Не хочется мне... Съезди сам.

ДРУГ. Ну, не мнись, одевайся, поедem... Правда, окажись я на его месте в коме, еще неизвестно, удосужился бы он навестить меня.

СУПРУГА. Не приведи Аллах! С какой стати тебе оказаться на его месте? Он-то на своем месте. Кому что на роду написано.

ДРУГ. Врач говорит, он совершенно безнадежен.

СУПРУГА. Ну, да поможет Аллах, пусть встанет на ноги... Но... как говорят, муж и жена – одна сатана...

ДРУГ. Как-никак, человек... Дай Аллах ему поправиться.

СУПРУГА. А я что говорю? Лишь бы поправился... Но... уж очень они завистливые. Помнишь, после ремонта к нам пожаловали? (Передразнивает.) «Ну и ремонтнице славное вы отгрохали!» А по глазам видно было – завидует. А его жена? (Передразнивает.) «Ах, какая прелесть, где это вы купили?» И глазищи вылупила – ого-го-го!

ДРУГ (завязывая галстук на шее). Жена-то при чем, сам он, бедолага, был завистник, это ты верно заметила. Каждый раз, посылая ему свою книгу с автографом, я предвидел, что у него портится кровь... Никто его не знал, как я.

Перевалочный пункт.

ОН. Bravo! Брависсимо, мой верный Друг!

ОНА. Я же говорила: не надо тебе смотреть туда...

ОН (упорствуя). Нет! Надо! У меня есть право на видеoinформацию!

Квартира Друга.

ДРУГ. Несчастный!.. Всю жизнь завидовал мне!..

Перевалочный пункт.

ОН (негодующе). Нет! Это ты всю жизнь завидовал мне!

Квартира Друга.

СУПРУГА. Ты прав. Он ревновал тебя к твоей славе. А ты – святая простота!

Перевалочный пункт.

ОН. Да уж, простофиля... Аферист он, вот кто! . .

ОНА. Тише ты. Здесь не положено браниться.

ОН. Аферист и есть! Я-то его знаю, как облупленного!

ОНА (прикладывая палец к губам). Т-с-с!

Квартира Друга.

СУПРУГА. А на застольях ты провозглашал такие здравицы в его честь!

Перевалочный пункт.

ОН. Я тоже в долгу не оставался!

Квартира Друга.

ДРУГ. Ну, что мне оставалось делать?.. Какая-никакая, а дружба, столько лет... Нас привыкли видеть в этом качестве, – надо с людьми считаться... Короче... Да поможет Аллах, чтобы он выкарабкался, выжил... Хотя врач твердит: он не жилец... Но... да поможет Аллах... Вставай, одевайся...

СУПРУГА (скрепя сердце). Ну что ж... Раз ты настаиваешь, пойдём.

Перевалочный пункт.

ОН (раздраженно). Не утруждайте себя!.. На кой черт мне сдался ваш визит!

Квартира Друга.

ДРУГ. Знаешь, я тебе скажу об одной своей догадке...

СУПРУГА. Какой именно?

ДРУГ. Никогда бы не стал, но сейчас уже, в последний момент, чего уж умалчивать. Да упокоит Аллах его душу...

Перевалочный пункт.

ОН (кричит). Я еще в коме! На приборах просматривается пульс!

Квартира Друга.

СУПРУГА (заинтересовавшись). Ну?

ДРУГ. Ты помнишь, еще в советские времена в Президиум союзной Академии наук накатали против меня анонимку? Якобы я написал докторскую диссертацию не сам, а с помощью оплаченного исполнителя.

Перевалочный пункт.

ОН. Куда тебе самому осилить докторскую!

Квартира Друга.

СУПРУГА (с возмущением). Конечно, помню! Как можно забыть эту пакость?

ДРУГ. Пусть грех возьму на душу, но мне показалось, что аноним, состряпавший эту кляузу, – он!

СУПРУГА. Как же наши догадки совпадают! Я тоже заподозрила его, но промолчала, боясь тебя расстроить.

Перевалочный пункт.

ОН (отрываясь от телескопа). Все! Баста! Я с этим телескопом покончил! И ты держись подальше от него! (Пауза.) Иди сюда... дорогая!.. Дай руку, и мы воспарим в полете! Как прекрасно, что я больше – не человек! (Срывается на крик.)Слышите, эй вы, земляне, я больше не человек!Я – дух! Ду-у-ух!

ОНА. Я хочу спросить тебя...

ОН (беря ее за руку). Пожалуйста, изволь, моя дорогая. Спрашивай, о чем хочешь!.. Я виноват перед тобой! Прости меня, милая! Там (показывает вниз, на Землю) я вел себя неподобающе... недостойно по отношению к тебе! Прости великодушно!

ОНА (расчувствованно). И ты... и ты прости меня... Будь я при нынешнем уме, никогда там (показывает пальцем вниз) не мучила бы тебя!

ОН. О чем ты говоришь, дорогая моя? Из-за меня... по моей вине мы расстались! Но тот виновник... был человек... А теперь я – дух! (Берет ее за руку, и они как бы витают между белыми облаками.) Ты хотела о чем-то спросить меня.

ОНА. Да нет, ничего...

ОН. Нет, дорогая, не таись... Ну?

П а у з а.

ОНА (колеблясь). Ты... ты действительно накропал анонимку в Академию?

Он останавливается и после короткой напряженной паузы продолжает вместе с Нею кружить в запредельных облаках.

ОН. Эх, дорогая... И без того человеческих грехов не счесть! Забудем о них! Забудем! Мы – духи! (Обнимает Ее.) Милая моя! Милая моя... как хорошо, что мы не можем лицезреть друг друга по телескопу!

Покидают сцену.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Перевалочный пункт. Ресторан.

Он, Она, Архангел Израил.

Пение птиц, журчание вод заполнили все пространство сцены. Мужчина с Женщиной внимают этой неземной музыке, держась за руки и как бы полулежа в пространстве между облаками.

В небесную музыку время от времени вторгается воронье карканье.

ОН. Ты слышишь, моя дорогая?... Слышишь, какую чарующую руладу выводит ворон?

ОНА. Слышу... Но...

ОН (вскинувшись). Что – «но»?

ОНА. На душе какая-то смутная тревога...

ОН. Какая-то тревога? Закрой глаза, слушай эти чарующие песни, эту музыку стихии, вкушай духовную пищу! Какое самоочищение! (Вдыхает полной грудью воздух.) Ох! Какая сладостная духовная пища! А то, тамошнее (показывает вниз), – потребление. Чревоугодничество. В ресторанах только и набивают себе пузо! Где им понять, что такое духовная пища?! Разве я не прав? (Смотрит на нее.) Что с тобой? Вроде... что-то тебя тяготит...

ОНА. Да ничего...

ОН (пылко). Дух не может быть отягощенным!

ОНА. Да... это так... однако...

П а у з а.

ОН (меняясь в лице от прорвавшейся досады). Все дело – в нем!.. Во всем виноват этот... телециклоп! Это он испортил тебе кровь... (Доносится карканье. Он, показывая жестом в сторону ворона). Вот и я не могу сполна насладиться его пением!.. А все потому, что этот проклятый телескоп не выходит из головы! (Пауза.) Ты вот в курсе здешних дел. Скажи-ка, нельзя ли избавиться от него?

ОНА (с горестным вздохом). Увы...

ОН. Обратимся к архангелам, чтоб этот телескоп тоже списали.

ОНА (с горечью). Эх...

ОН. В чем загвоздка?

ОНА. Столько коллективных обращений души предпринимали.

ОН. Коллективных?

ОНА. Ну да... взывали... просили...

ОН. Ну и? Какой результат?

ОНА. Никакой. Права душ неприкосновенны!

ОН. Но ведь они сами поднимали вопрос!..

ОНА. Ну и что с того? Права душ защищают не сами души, а архангелы. А они не могут допустить такое.

ОН. Но почему?

ОНА. Ну, допустим, когда-нибудь какая-либо душа пожелает взглянуть на подлунный мир... Как быть тогда? Ведь у нас есть гарантированное право на информацию...

ОН (подняв палец кверху, вполголоса). И Он – гарант?

ОНА (тихо). Ну да...

Каркает ворон.

ОН. Нет! Это невозможно! Невыносимо! Этот телескоп... (Кричит.) Не выходит из головы!.. Не выходит!.. Я... ненавижу его!.. (Исступленно.) Невмоготу!!! (Обхватывает руками голову.) Нет!.. Нет! Так не может продолжаться!..

С в е т г а с н е т.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Перевалочный пункт. Ночь.

М у ж ч и н а, Ж е н щ и н а, а р х а н г е л ы и а н г е л ы, д у ш и.

Сцена погружена в темноту, из темноты доносится чье-то надсадное кряхтение, кто-то пытается сдвинуть с места, своротить непосильный тяжелый предмет. Постепенно сквозь темень проступает силуэт в белой одежде; движения рук и ног передают усилие, и все громче доносится тяжелое дыхание.

АНГЕЛЫ:

– Что за шум?

– Кто это?

– Кто это расшумелся?

– Что за возня?

В отдаленных закраинах сцены вспыхивают огоньки карманных фонариков. Силуэт, белеющий во тьме, замирает. Огоньки приближаются к нему, и по мере их приближения сцена высвечивается все больше.

АНГЕЛЫ:

- Кто нарушитель тишины?
- Что случилось?
- Кто он?
- Кто вы такой?
- Что вы тут делаете?

Сцена освещена полностью – у телескопа предстает замерший Мужчина, растерянно взирающий на обступающих его ангелов. Ангелы наперебой осыпают его вопросами:

- Что вы тут вытворяете?
- Почему телескоп смещен?
- Перевернут!
- Шиворот-навыворот!
- Что за самоуправство?
- Это вы напортачили?

МУЖЧИНА (в смятении). Я... я...

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ (кружась вокруг прибора и осматривая его). Перевернут! (Мужчине.) Вы? Вы разворотили наше оборудование?

Мужчина в замешательстве отмалчивается.

ВТОРОЙ АНГЕЛ (крылом проводит по поверхности телескопа, пристально проверяет). Смещен фокус окуляра!

ТРЕТИЙ АНГЕЛ (заглядывая в окуляр). А-а-а... Земной шар видится в мелком масштабе... Ничего не разглядеть!

Постепенно на сцену сходятся Души, в том числе и Женщина.

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ. Зачем вы учинили такой произвол?!

ВТОРОЙ АНГЕЛ. Почему расфокусировали телескоп?!

ТРЕТИЙ АНГЕЛ (показывая на сонм слетевшихся Душ). Видите, как вы всполошили Души усопших?

МУЖЧИНА. Я... я сделал это во благо им... Я поменял ракурс... чтоб они созерцали Землю через окуляр дальнего обзора.

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ. Чего ради?

МУЖЧИНА. Чтобы... чтобы они видели Землю в отдалении...

ВТОРОЙ АНГЕЛ. А может, чья-то Душа желает рассмотреть родную планету поближе? Получше? Поподробнее?

МУЖЧИНА (постепенно приходя в себя). Да разве такое видано было до сих пор? (К Душам.) Было? Скажите вы? Кто-то из вас захочет смотреть (показывает вниз) туда? А?

ДУШИ (качают головами, тихо):

– Нет...

– Нет...

– Нет...

МУЖЧИНА. Что вы шепотом говорите? Говорите во весь голос! Изъявите свою волю! Хотите, чтобы телескоп оставался здесь?

ДУШИ (постепенно усиливающимися голосами):

– Нет...

– Нет!..

– Нет!!

МУЖЧИНА (Ангелам). Вы слышите?

ТРЕТИЙ АНГЕЛ (растерянно). Здесь такого не было!..

ЖЕНЩИНА. Он по неведению... Ведь он из новых...

МУЖЧИНА (постепенно распаяясь). Я хочу, чтобы все души здесь обретали духовную пищу! Чтоб не было у них никаких забот! Чтобы они были далеки (показывает пальцем вниз) от этого!..

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ (встревоженно). Вы... вы хотите совершить революцию?

ЖЕНЩИНА. Он – из новичков! Еще не адаптировался...

ВТОРОЙ АНГЕЛ. Нет уж. Это произвол!

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНЩИНА (Ему). Не спорь!

МУЖЧИНА. Почему?!

ТРЕТИЙ АНГЕЛ. Вы нарушаете права Душ!

МУЖЧИНА. Ничуть! Души не желают смотреть (показывает пальцем вниз) туда!..

П а у з а.

Души, внезапно всполошившись, поднимают шум.

– Он прав!

– Мы не хотим смотреть туда!..

– Не хотим!..

– Уберите отсюда телескоп!..

– Долой телескоп!..

– Долой источник компромата!..

– Позор!..

Ангелы, обомлев, взирают на протестующие Души. А те, подняв виртуальные кулаки, скандируют хором:

– До-лой те-ле-скоп!

– До-лой те-ле-скоп!

– До-лой те-ле-скоп!

МУЖЧИНА (кричит). Вы видите? Видите же! Вы сами попираете права Душ!

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ. Как так?

ВТОРОЙ АНГЕЛ. Мы попираем?

ТРЕТИЙ АНГЕЛ. Вы обвиняете Ангелов?

ХОР ДУШ:

– Не хо-тим!

– Не хо-тим!

– Не хо-тим!

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ (исступленно). Это бунт!

Шум нарастает. И внезапно раздается глас.

ГЛАС СВЫШЕ. Прекратите!

Шум сразу прекращается. Все, вскинув головы, взирают на небеса. Напряженная пауза. Ее нарушает ГЛАС СВЫШЕ.

ГЛАС СВЫШЕ. Пусть президиум архангелов вынесет решение!

П а у з а.

ГЛАС СВЫШЕ. Джебраил!

Архангел Джебраил выступает вперед из сонмища небожителей.

ГЛАС СВЫШЕ. Микаил!

И сей архангел выступает вперед.

ГЛАС СВЫШЕ. Исраил!

Исраил также повинуется Господнему зову.

ГЛАС СВЫШЕ. Азраил!

Архангел Азраил присоединяется к небесным архангелам.

ГЛАС СВЫШЕ. Приступайте!

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Перевалочный пункт.

Архангелы в сборе.

Расположившись напротив друг друга в запредельных облаках,
они начинают заседание небесного президиума.

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Достопочтенные господа! Заседание президиума объявляю открытым. На повестке дня один вопрос. Произошло чрезвычайное происшествие. Возмущен покой Душ. Одновременно мы подверглись наглой инсинуации. Подлежит обсудить деяние повинной Души и по верховному поручению вынести приговор. Ясно? (Архангелы кивками выражают согласие с повесткой дня.) Обвиняемая Душа, совершив самоуправство, перелопатила наводку телескопа.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Господин Джебраил, у меня замечание.

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Пожалуйста.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Мы нарушаем презумпцию невиновности. Почему мы упомянутую Душу именуем обвиняемой, когда вина ее еще не доказана?

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Я тоже обратил внимание на эту неувязку.

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Извольте, господин Исраил.

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Как вы отметили, ангелам предъявлено обвинение. Это может выглядеть так, что мы, априори, обвиняем обвиняющую нас Душу.

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Если нарушены права Душ, то налицо состав преступления.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Но сами Души толкуют свои права по-другому. Они солидарны с Душой, которую мы считаем виновной.

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Господин Микаил, думаю, причина этой солидарности ясна. Вот уже сколько тысячелетий на протяжении земной жизни их понятия о правах были чрезвычайно примитивны. Даже после переселения сюда их подсознание не может в одночасье избавиться от этого примитизма. Порой берут верх инстинкты.

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Может быть, нам стоит организовать специальный семинар и объяснить им назначение и смысл этого небесного телескопа?

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Когда они недавно возроптали таким образом...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (перебивая). Это был не ропот, а бунт! Помните, когда в последний раз произошел подобный случай, связанный с телескопом? Запомнили? Когда Тутанхамона Душа воспарила к нам...

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ (усмехаясь). Хорошо помню, коллега!.. Вы имеете в виду то, что произошло после того, как фараон посмотрел в телескоп?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Да.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Я не договорил свою мысль.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Прошу прощения.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Я тоже подумал о просветительском семинаре, который упомянул господин Израил. Они должны уразуметь, что когда-нибудь, кто-нибудь из новопредставившихся, глядя в этот телескоп, сможет увидеть, вероятно, радужные земные картины!.. И преисполнится гордостью, что жил там (жест книзу), что он был человеком! И разве можно лишать Душу такой возвышенной гордости? Нет!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (мрачно). Подобного прецедента до сих пор не замечено!

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Полагаю, такое не исключено!.. (Подняв палец, понижает голос.) Для чего Он санкционировал установку неподкупно-правдивого аппарата на небесах? Для того, чтобы когда-нибудь, кто-нибудь из смертных возрадовался Душой, переселившись в лучший мир! (Повышает голос.) Да, мы не можем лишить Душу этой радости!.. Вместо того, чтобы объявлять неопытную проштрафившуюся Душу виновной, предавать ее анафеме, будет резоннее проводить семинары и просвещать несведущих...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Господин Израил, извините меня, но вы, как всегда, либеральничаете. Какая нужда в подобных семинарах?

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Мне думается, коллега, трудно будет втолковать им то, о чем вы говорите. Кто из них поверит в то, что нелицеприятные ретроспекции нашего богоданного телескопа непременно одарят их радостью и гордостью? (Качает головой.) Это – утопия!

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Давайте примем во внимание: обсуждаемая Душа была подвижна благим намерением – обеспечить упокой преставившимся. (Со вздохом.) Признаться, случай неординарный и противоречивый...

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Вопрос в их тамошней (жест книзу) жизни...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Это не наши проблемы!

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Телескоп установлен не для того, чтобы внушать душеспасительную мораль. Какие нравоучения Душам? Они распростились с земной жизнью, превратились в иные... субстанции... Теперь это – итог. Пора держать ответ. Душам не вернуться вновь в земное бытие и «отредактировать» прожитую жизнь.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Конечно! Они вызревают там (жест в сторону Земли) и переселяются сюда!

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Точнее, они там должны созреть.

П а у з а.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Что вы хотите этим сказать, господин Джебраил?

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Меня очень занимает одно обстоятельство. Какая же силища нужна, чтобы разворотить такую махину – телескоп? Где у Души взяться такой физической мощи?

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. По правде говоря, я тоже впервые сталкиваюсь с таким феноменом...

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Я уж не говорю о революционном настрое... (Архангелы некоторое время пребывают в глубоком раздумье.) Выходит, он еще не созрел... полностью...

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ (выразительно покосившись на архангела Азраила). То есть он доставлен сюда раньше положенного срока?

Архангел Джебраил, подняв вверх перст, намекая на Всевышнего, пожимает плечами.

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Во всяком случае, вопрос архисложный...

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Я тоже так думаю...

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Данная Душа должна быть сослана назад? (Пауза.)

Ставлю на голосование. Кто за то, что она Душа должна быть отослана обратно?

Архангелы Джебраил и Азраил голосуют «за».

АРХАНГЕЛ ИСРАИЛ. Я воздерживаюсь.

АРХАНГЕЛ МИКАИЛ. Я тоже.

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ. Большинство голосов решение принято! Господа воздержавшиеся, еще раз крепко поразмыслив, могут воспользоваться правом подать апелляционную жалобу.

Все архангелы, задрав головы, взирают в космическую высь.

Доносится Глас свыше.

ГЛАС СВЫШЕ. Одобрить! Исполнение поручается Азраилу!

АРХАНГЕЛ ДЖЕБРАИЛ (с горечью вздохнув, вполголоса). Ох, и морока мне с этим Южным Кавказом!

С в е т г а с н е т .

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Перевалочный пункт.

М у ж ч и н а , Ж е н щ и н а , А р х а н г е л А з р а и л .

Пара разгуливает – витает между облаками, держась за руки.

ОН (показывая вниз). Назло им (показывает пальцем вниз) насладимся духовной нирваной! Вкусим духовную пищу! Не будем ломать голову, почему там было так, а не этак. Эх! Как прекрасно ни о чем не думать! Забудем, что ты там без конца ворчала, брюзжала, милая моя!

ОНА. А ты без конца меня уязвлял!

ОН. Да. Кто старое помянет – тому глаз вон. Мы уже не человеки!

ОНА. От твоей руки исходит такое тепло... которое, как электричество, пронизывает все мое существо...

ОН. Забудем, что это – запоздалое тепло... Забудем о том, что это безнадежно, печально запоздалое тепло... Ведь мы бесплотные души... и нам не свойственны земные печали...

ОНА. Дорогой ты мой!..

Архангел Азраил, стремительно ворвавшийся в пространство сцены, озирается по сторонам. Наконец замечает беспечно витающую парочку.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (запыхавшись). Вы здесь? С утра вас ищу!

ОНА (тревожно). Я же говорила... Чужло мое сердце...

ОН (обеспокоившись). Что случилось?

ОНА (показывая на Азраила). Ничего хорошего не предвещает его появление.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (обращаясь к Мужчине). На заседании президиума состоялось обсуждение, связанное с вашей персоной... Короче говоря, президиум пришел к выводу, что вы еще не созрели...

ОН. Что?

ОНА (хватается за сердце). Ой!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Вы должны вернуться обратно!

ОНА. Чужло мое сердце...

ОН. Обратно? То есть куда?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. На Землю! В жизнь! Вы еще не созрели! Вы вновь становитесь человеком!

ОН. Человеком?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Да!

ОН. И я должен вернуться назад?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Неужели непонятно?

П а у з а.

ОН (кричит). Нет! Нет! Я не хочу возвращаться! Я не хочу туда! (Жест, направленный книзу.) Не хочу возвращаться в жизнь!

ОНА (обращаясь к архангелу Азраилу). Он не желает возвращаться!

ОН (продолжая криком). Не хочу заново быть человеком!

ОНА. Он не хочет...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (перебивая). Это не зависит от его хотения! Таков приговор президиума Архангелов! Поняли? Пре-зи-ди-ума! Большинством голосов!

ОН (хватая архангела «за грудки»). Во всем виноват ты! Ты натворил все! Зачем ты приволок меня сперва сюда, а теперь хочешь отфутболить обратно?!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Отпусти меня, человек. Произошла ошибка. Ты еще не созрел полностью!

ОН. Но ты же Архангел Азраил! Аз-ра-ил! Не твоя ли прямая обязанность – различать созревших, как ты выражаешься, от не созревших? А? Ты же Архангел! Разве Архангелу пристало ошибаться?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (удрученно, с горькой иронией). «Архангел...». Думаешь, ангелу легко сподобиться Его (показывает вверх) всеведения? Бывают и ошибки... однажды в миллиарде, двух миллиардах случаев...

ОН (тряся архангела Азраила). Так этот один случай на миллиард, два миллиарда должен был обрушиться на мою голову!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Говорю тебе, убери руки, человек! Будешь так вести себя – схлопочешь дополнительный срок! Припечатывают полтора года жизни! Вот и будешь там, на земле, жить сто пятьдесят лет! Что тогда? Ты этого хочешь?

ОН (разжимая руки). Нет... (Женщине.) Что же мне делать? Подскажи, помоги, дорогая.

ОНА (в отчаянии, прослезившись). Я бессильна помочь тебе, милый! Вердикт Архангелов непререкаем!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (изумленно глядя на Женщину.) Впервые вижу: Душа плачет... (Сочувственно.) Успокойся.

ОН. Тогда... в таком случае... отправьте меня прямиком в Ад. Я согласен! Но только не туда. (Показывает жестом вниз.)

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Пойми же, человек. Это не в моей власти.

ОНА (давась слезами). Мы снова расстанемся... Ты – там (соответствующий жест), я – здесь.

ОН. Как я после этого буду жить на Земле? Как?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Стерпится – слюбится... Привыкнете... Все, которых я по ошибке забирал сюда, при экстрадиции... поднимали шум, противились, но спустя пару-другую дней по возвращении все забывается... И живут себе как люди...

ОН. Нет! Я не забывчив! Не беспамятен! Я не хочу жить, как человек!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (с усмешкой, Женщине). Вот видите!

ОН (беря Женщину за руку). Дорогая моя... Я люблю тебя!..

ОНА (расчувствовавшись). И я тебя люблю, мой милый.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Давайте покороче!.. Сюда перенести – раз плюнуть. А вот отсюда доставить обратно – морока...

ОН. Тогда дайте мне слово.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Какое же слово?

ОН. Обещайте, что не заставите меня долго ждать на Земле!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Ну нет, этого не могу обещать.

ОН. Почему же? Я же сам прошу...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Ну и что ж! С Земного шара, знаете, сколько таких прошений поступает!.. (Показывая наверх.) Это не в моей власти.

ОН (кивая наверх). Тогда походатайствуйте у Него...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Разве вы не знаете, что он не принимает кассаций, ходатайств...

ОНА (продолжая плачущим голосом). Знаю... Знаю... (Мужчине.) Не тужи, милый, не тужи... Я каждый день буду смотреть на тебя по телескопу...

ОН. Конечно, смотри! Смотри не в дальнем разрешении аппарата, а в ближнем... Тогда ты увидишь, как я люблю тебя! Ты будешь той единственной Душой, которая будет черпать радость от телескопических сеансов...

П а у з а.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Я жду!

ОН. Но я не смогу видеть тебя.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Закругляйтесь! А то из-за вас мне влепят выговор.

ОН (продолжая разговор с Женщиной). Увидимся ли снова?

ОНА (в слезах). Наверно... Я буду ждать тебя!..

ОН. Я вернусь... Непременно вернусь!

ОНА. Знаю, милый... Конечно, вернешься!

ОН. Я люблю тебя... Единственная моя... Верная моя... Душа моя!

ОНА. И я тебя люблю!

ОН. Простишь ли меня за былые грехи? Я был виноват, грешен... мучил тебя...

ОНА. Нет... Нет... Не казись... Я тоже была не сахар...

ОН (с внезапной тревогой). А вдруг до моего... прибытия... подойдет твой черед...

ОНА. Уступлю очередь другой душе...

ОН (Азраилу). Это возможно?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (кивает). Здесь демократия. А теперь поторапливайтесь!

ОН. Ты достойна рая, дорогая моя! Ты отправишься в Эдем!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. У меня нет времени! Я должен сопроводить вас в обратный путь!

ОН. Какой же вы немилосердный!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (тихо, про себя). Вот до чего дошло... Вот до чего дожили ангелы! Человек учит меня милосердию!.. (Громко.) Живее!

ОНА (в слезах). Ты... там... уже больше не живи... как человек...

ОН. Нет... Я никогда больше не буду человеком! Обещаю тебе! Я буду и там жить, как Душа...

ОНА. И не прячь деньги! Все трать на детей!

ОН. Клянусь жизнью! Я им и сообщу, где деньги хранятся...

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ (повелительно). Все! Баста! Кончено!

Возникает нарастающий гул, сцена постепенно темнеет.

ОН (стараясь перекричать шум). Я улетаю, дорогая! До свидания!..

ОНА. До свиданья, мой дорогой, до скорого свиданья...

Все постепенно погружается в темноту.

ОН (доносится его удаляющийся крик). Слушай вороний гай... и меня вспоминай – а-й!..

ОНА. До свиданья! До скорого!..

Воцаряется полный мрак.

ЭПИЛОГИ

Эпилог № 1

Баку, больница.

Мужчина, Жена, Теща, Сын, Дочь, Друг, его Супруга,

Доктор, Медсестра, Архангел Азраил, Женщина.

Мужчина лежит на койке. Доктор обследует его. Вокруг –

посетители из перечисленных близких людей.

С потолка на середину сцены опускается доска с надписью «Эпилог № 1»

и остается в подвешенном состоянии до конца Эпилога № 1.

МЕДСЕСТРА (кричит ликующе). Пульс появился! Доктор! Давление у пациента поднимается!

ДОКТОР (изумленно). Это чудо! Чудо!

ДРУГ (изумленно). Доктор, он оживает?

ДОКТОР (взволнованно). Похоже... так... Да... это действительно чудо! Иначе не назовешь!..

МЕДСЕСТРА (с тем же воодушевлением). Давление нормализуется!

ДОКТОР. В моей практике такого случая не было! Не только в моей – во всей практике мировой медицины!

Мужчина, приподнявшись в постели, озирается вокруг.

СЫН (радостно). Отец!

ЖЕНА (радостно). Жизнь моя!

ТЕЩА (воздев руки). Слава тебе, Господи! Благодарение! Благодарение!

ДОЧЬ. Папочка! (Кинувшись вперед, обнимает отца.)

МЕДСЕСТРА. Что вы делаете?

ДОКТОР. Так нельзя!

Мужчина все еще удивленно озирается.

МУЖЧИНА (словно очнувшись от сна). Это вы?

МЕДСЕСТРА. Он заговорил!

ДОКТОР. Это чудо! Ей-Богу, это чудодействие! Как я могу после этого оставаться атеистом?! Он же по сути умер...

СУПРУГА ДРУГА (с воодушевлением). Салам, брат мой... Хватит, столько пытал нас тревожным ожиданием.

МУЖЧИНА (кричит). Нет!.. Нет! (Все, притихнув, тарашатся на него. Он, стремительно вскочив, становится на ноги на койке.) Я хочу туда-а-а! (Показывает простертой рукой наверх.) Я хочу вернуться туда! (Подпрыгивает к потолку.) Туда-а... туда-а вернуться хочу-у-у!

ДОКТОР. Психоз!

ДОЧЬ. Папа, я боюсь за тебя!

МУЖЧИНА (все так же кричит). Я хочу улететь туда!..

СУПРУГА ДРУГА (тихо). Бедняга, он помешался.

Мужчина, спрыгнув с койки и расталкивая обступивших его, мечется по палате.

МУЖЧИНА. Я туда хочу!.. Туда!.. Туда!.. (Вскинув голову, заходится криком.) Я хочу вернуться к тебе, дорогая! Ты видишь меня? Да? Ты смотришь в телескоп?!

СЫН. Телескоп?

ДРУГ. Какой телескоп?

ТЕЩА (плачет). Ай доктор, сделайте что-нибудь, помогите...

МУЖЧИНА. Ты слышишь меня? Я хочу туда! К тебе! (Свет падает на Архангела Азраила, внезапно появляющегося из мрака, и, естественно, его никто не видит и не слышит, кроме Мужчины. После паузы Мужчина Азраилу). Это вы?

Все прослеживают его взгляд.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. А кто еще может явиться, чтобы увести вас в мир иной?

МУЖЧИНА (с радостью). Увести меня?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Да!

ДРУГ. С кем это он разговаривает?

ДОЧЬ. Папочка!..

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. После вас Архангелы Микаил и Исраил подали апелляционную жалобу...

МУЖЧИНА. О-о-о! (Воздев руки и голову, в порыве благодарности.) Спасибо вам, милосердные архангелы! Я оправдаю ваше благородное заступничество!

ТЕЩА. Вай-вай, бедный мой!..

ДРУГ. Какой кошмар!

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Президиум совета архангелов заново рассмотрел ваш вопрос и вынес новый вердикт. Я должен вас вновь увести!

МУЖЧИНА. Навсегда?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Да.

МУЖЧИНА. О-о-о! Да здравствует президиум Архангелов! Да здравствует!..

ДРУГ. Да у него сдвиг по фазе! Думает, сейчас советские времена. И он возносит дифирамбы президиуму!

МУЖЧИНА. Как гуманно... как благородно поступили архангелы, выступив с апелляцией! (Вдруг встревожившись.) А не может случиться так, что президиум еще раз пересмотрит свое решение?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Исключено! Все поставили подписи под решением.

МУЖЧИНА (кричит). Да здравствует! Да здравствует Совет архангелов во главе с президиумом!

ДРУГ. Я же говорю, у него крыша поехала.

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. И телескоп, имею честь сообщить вам, упразднен! Списан!

МУЖЧИНА. Решением президиума?

АРХАНГЕЛ АЗРАИЛ. Нет... (Поднимает перст кверху.) Он сам!

МУЖЧИНА (воздев руки). Да будет благословен Твой престол! Мудрейший из мудрейших, исполать Тебе!

ЖЕНА. Что ты говоришь, ай киши?..

ДОЧЬ. Папочка, ну на кого ты нас покидаешь!!

МУЖЧИНА (Архангелу Азраилу). Пора в путь! Поехали! Полетели! (Подскочив к койке, бросается в постель).

ТЕЩА. Что ты вытворяешь, ай бала?

МУЖЧИНА (распластавшись на койке). Поехали!

Свет, падавший на Архангела Азраила, гаснет.

Доктор торопливо берется за запястье больного и проверяет пульс.

ДРУГ. Что же с тобой творится, друг дорогой?

ДОЧЬ. Папа!..

ЖЕНА. Горе мне!

ДОКТОР. Пульс прервался...

СЫН. Отец!

ДРУГ. Друг ты мой...

П а у з а.

ДОКТОР (потупив голову, печально). Я же говорил... Чудес в жизни не бывает... Да упокоит Аллах его душу...

ДОЧЬ (кричит). Папочка!

ТЕЩА. Джан, бала... Куда ты унесся?..

МЕДСЕСТРА. Крепитесь! Да будет последним для вас это горе.

ЖЕНА (плача). На кого ты меня покинул?!

Доносится удаляющийся голос Мужчины:

– Иду, дорогая! Возвращаюсь! Возвращаюсь!

Под всхлипы, рыдания, причитания на сцене сгущается тьма. Некоторое время голоса доносятся из темноты, затем воцаряется тишина, и постепенно светлеет.

Э п и л о г № 2

Баку. Больница.

М у ж ч и н а, Ж е н а, Т е щ а, С ы н, Д о ч ь, Д р у г, е г о С у п р у г а,

Д о к т о р, М е д с е с т р а, Ж е н щ и н а.

Мужчина лежит на койке, Доктор обследует его, остальные стоят поодаль.

С потолка на сей раз свешивается доска с надписью

«Эпилог № 2» и так же остается висеть до конца Эпилога № 2.

МЕДСЕСТРА (кричит ликующе). Пульс появился! И давление поднимается!

ДОКТОР. Это чудо!

ДРУГ. Доктор, он оживает?

ДОКТОР. Похоже, что так... Да, это действительно чудо! Иначе не назовешь!

МЕДСЕСТРА (с радостью). Давление у больного нормализуется!

ДОКТОР. Такого в моей практике не было... Да и во всей мировой практике!..

Мужчина, как и в «Эпilogе № 1», приподнимается в постели, удивленно озирается, и в этот момент освещается верхний ярус сцены. Свет падает на Женщину на Перевалочной Станции, которая в телескоп смотрит на Землю.

СЫН (с радостью). Отец!

ЖЕНА (с радостью). Жизнь моя!

ТЕЩА (воздев руки). Слава тебе, Господи! Благодарение, благодарение!

ДОЧЬ. Папочка! (Кинувшись к койке, обнимает отца.)

МЕДСЕСТРА. Что вы делаете?

ДОКТОР. Так нельзя!

Мужчина все еще удивленно озирается.

МУЖЧИНА (словно очнувшись от сна). Это вы?

МЕДСЕСТРА. Он заговорил!

ДОКТОР. Это чудо! Валлах, чудо! Как же я могу после этого оставаться атеистом? По сути он же умер!..

СУПРУГА ДРУГА (воодушевленно). Салам, брат мой! Хватит, столько ты пытал нас тревожным ожиданием.

МУЖЧИНА (ошеломленно). Я вернулся? (Все, умолкнув, таращатся на него)

Это вы?

ЖЕНА (обрадованно). Конечно, мы!

МУЖЧИНА. Не может быть.

ЖЕНА. Как это – «не может быть». Мы самые и есть!

МУЖЧИНА. Ворон... Ворон больше не поет?

ЖЕНА. Какой еще ворон?

ДРУГ (тихо, Супруге). Кажется, у него сдвиг по фазе.

ТЕЩА. При чем ворона, ай бала? Это мы же тут, мы!

Пристально уставясь на Тещу, Мужчина соскакивает с койки на пол.

МУЖЧИНА (с радостью). Ана-джан! Мама!

ТЕЩА. Джан, бала!

Они обнимаются. Над головой Женщины на Перевалочной Станции доносится карканье ворона.

МУЖЧИНА (кричит). Я вернулся! Я не умер!

ДОКТОР. Он еще в шоке.

ЖЕНА (обнимая его). Ты с нами, мой дорогой!

ДОЧЬ (бросается к нему). Папа!

МУЖЧИНА (ощупывая свое тело). Я не умер! Не умер! (Обнимается с детьми.)

ДОКТОР (в изумлении, вполголоса). Совершенно здоровый человек... Я... окончательно порвал с атеизмом! Я уже не безбожник!

МЕДСЕСТРА (иронически, вполголоса). Свежо предание...

МУЖЧИНА (остановившись напротив Друга). Дружище ты мой дорогой!

ДРУГ (шутливо укоряя, грозит пальцем). Здорово ты нас напугал!

Обнимаются, целуются. «Воскресший» чмокается и с Супругой своего Друга.

С Перевалочной Станции опять доносится карканье ворона.

СУПРУГА ДРУГА (улыбаясь, шутливо-повелительно). Больше чтоб такие штучки не выкидывал! Ты слышишь?

МУЖЧИНА (расхаживая между ними с замороженным видом.) Слышу! Слышу, дорогие мои! Я снова с вами. (Остановившись перед Женой). Как ты прекрасна сегодня. (Гладит ее по волосам.) Не парик ли?

ЖЕНА. Нет, нет, мои, натуральные!

МУЖЧИНА. Как эти роскошные волосы идут тебе.

ЖЕНА (приникая к его груди). Ах, мой милый!

МУЖЧИНА (остановившись перед Доктором). Спасибо вам, Доктор. Не будь вас, я наверняка теперь был бы в покойничках.

ДОКТОР. Молитесь! (Воздевает руки.) Это Его милость!.. Я уже не атеист!

МУЖЧИНА (все так же расхаживая между ними с восторженно-ликующим видом). Как хорошо! Как хорошо, что я не умер! Я жив! Как хорошо, что есть жизнь! Как хорошо, что не те противные вороны каркают, а соловьи чарующе поют! Как хорошо, что существует этот мир! (На Перевалочной Станции каркает ворон.) Эта Земля, эта планета по имени Земной шар! Да здравствует планета Земля! Да здравствует Планета Людей!

На Перевалочной Станции каркает ворон.

С в е т г а с н е т.

ЭЛЬЧИН

КВАРТИРАНТЫ АДА

Драма в семи картинах

Действующие лица:

МУЖЧИНА

ЖЕНЩИНА

ГОСТЬ

ОФИЦЕР

Двое сотрудников НКВД

Примечание: в зависимости от режиссерской трактовки, роли Гостя и Офицера могут исполняться одним и тем же актером.

Место действия: СССР, Баку.

Время действия: 31 декабря 1937 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

На сцене темно. Тишина.

Загорается карманный фонарик, нацеленный в зрительный зал. Чуть позади вспыхивают еще два фонарика, светом послабее. Фонарики перемещаются по пространству сцены. Сквозь темень проступают силуэты энкаведешной «тройки»: один, судя по всему, старший по чину, впереди, двое идут следом. Лучи фонариков исчезают в глубине сцены.

Пауза.

Во тьме внезапно раздаются крики.

Крик ЖЕНЩИНЫ. Нет!.. Нет!..

Голос МУЖЧИНЫ. Я не враг народа!..

Крик ЖЕНЩИНЫ. Отпустите его!.. Отпустите!.. Не позволю!..

Голос МУЖЧИНЫ. Я никогда не сворачивал со сталинского пути!

Голос МУЖЧИНЫ. Совесть моя чиста... перед родиной... партией... перед товарищем Сталиным!

Крик ЖЕНЩИНЫ. Вай!..

Голос МУЖЧИНЫ. Я невиновен!

Голос МУЖЧИНЫ. Не бойтесь... Все образуется... Я вернусь!

Крик ЖЕНЩИНЫ. Не уводите его!..

Голос МУЖЧИНЫ. Я никогда не предавал партию!

Вопль ЖЕНЩИНЫ. Не-е-ет!.. Не уводите!..

Голос МУЖЧИНЫ. Это ошибка!..

Вопль ЖЕНЩИНЫ. Не уводите!..

Голос МУЖЧИНЫ. Я вернусь!..

В темном пространстве сцены еще некоторое время слышится эхо последних слов:

– Я вернусь!..

– Я вернусь!..

– Я вернусь!..

Картина вторая

Гостиная квартиры на пятом этаже. Ночь. В углу украшенная к Новому году елка. На сцене большой портрет улыбающегося Иосифа Сталина, небольшие семейные фотографии. На переднем плане стол и два стула, поодаль – кресло, повернутое спинкой к залу. Женщина, Мужчина, Гость. Женщина сервирует и накрывает на стол.

ЖЕНЩИНА (глядя на настенные часы). Уже десять!.. Где он застрял?.. Видать, опять заседают... (Горестно вздыхает.) Эх... Что тут сказать, валлах...

Снаружи доносятся шум, крики.

Крик ЖЕНЩИНЫ (из-за кулис). Нет!.. Нет!.. Не трогайте его!.. Он праведный человек!..

Женщина роняет из рук тарелку, тарелка, упав на пол, разбивается.

Крик ЖЕНЩИНЫ (из-за кулис). Не пущу-у-у!

Голос МУЖЧИНЫ (из-за кулис). Не бойся!.. Милостью Аллаха, выяснится, что произошла ошибка...

Женщина встревоженно устремляется к двери.

ЖЕНЩИНА (шепотом). Гады!.. Даже под Новый год...уводят людей... (приблизив ухо к двери, прислушивается).

Крик ЖЕНЩИНЫ (из-за кулис). Куда вы уводите его, куда? Кому сироток его растить?.. Его молитвы обернутся проклятьем вам!.. Не трогайте его!

Голос МУЖЧИНЫ (из-за кулис). Иншаллах, образуется... Успокойся, дети пугаются...

ЖЕНЩИНА (шепотом). Бедный Ахунд Сеид Рза.

Крик ЖЕНЩИНЫ (из-за кулис). Я не отпущу...не позволю увести его!..

ЖЕНЩИНА (шепотом). Бедная Зейнаб...

Крик ЖЕНЩИНЫ (из-за кулис). Не-е-ет!.. Не-е-ет! Не сиротите детей!

Голос МУЖЧИНЫ (из-за кулис). Не бойся... Иншаллах, вернусь... Какой же из меня враг народа?..

Доносится топот.

(Громко кричит.) Берегите себя! Иншаллах, скоро вернусь...

Топот приближается, затем начинает удаляться...

ЖЕНЩИНА (шепотом). Увели... (Звуки шагов, удалившись, тают в тишине. Всплакнув.) Увели... О, Аллах, за что такие мучения? (Покинув сцену, возвращается с веником и совком, сметает осколки тарелки и сгребает в совок.) Несчастливая Зейнаб... (Глянув на ходики.) Ну что это такое! Приди же наконец... Ради Аллаха, поскорей... В голову лезут всякие черные мысли... Упаси Аллах... Пусть все беды и горести останутся в 37м!.. Пусть новый, тридцать восьмой, вернет радость осиротевшим очагам! (Покидает сцену. Тихий стук в дверь. Женщина, вернувшись, устремляется к двери.) Пришел!.. (Отпирает дверь.) Наконец! Что, опять собрание?

МУЖЧИНА (входя с портфелем в руке, оставляет его). Да.

ЖЕНЩИНА. Опять разоблачали?

МУЖЧИНА (вешает шляпу, снимая пальто.) Да... (Вешает на вешалку и пальто.)

ЖЕНЩИНА (невольно срываясь на крик.). Ай аман! Когда же эта пытка кончится? И под Новый год не уймутся! Ни жалости, ни совести...

МУЖЧИНА (оглянувшись). Да ты потише.

ЖЕНЩИНА. Ну, ступай, умойся... (Помогает ему снять пиджак.) Передохни.

МУЖЧИНА. Умираю с голоду...

ЖЕНЩИНА (вздыхнув.) Ладно, не тужи, все готово... Умойся и за стол.

Он покидает сцену. Она наводит порядок на столе.

ЖЕНЩИНА (громко, обращаясь к мужу). И кого там разоблачили?

МУЖЧИНА (утираясь полотенцем, возвращается в комнату). Да потише ты... Мурсала...

ЖЕНЩИНА. Мурсала? Это которого?

МУЖЧИНА. Абилова...

ЖЕНЩИНА (потрясенно). Мурсала Абилова?

МУЖЧИНА. Да...

ЖЕНЩИНА. Да он же, бедняга, тихий-смирный человек.

МУЖЧИНА. А кто сейчас станет считаться – тихий-смирный или какой.

ЖЕНЩИНА. И его во враги народа записали?

МУЖЧИНА. И его...

Она, сокрушенно качая головой, забирает у мужа полотенце.

ЖЕНЩИНА. И что ему пришили?

МУЖЧИНА. Дескать, он – агент испанских фалангистов... то есть контрреволюционеров.

ЖЕНЩИНА. Контрреволюционеров? Да еще испанских?

МУЖЧИНА. Ну да. Агент Франко...

ЖЕНЩИНА. Франко?

МУЖЧИНА. Да. Ихнего «фюрера». Говорят, якобы готовил покушение на Долорес Ибаррури...

ЖЕНЩИНА. А кто это такая?

МУЖЧИНА. Лидер испанских коммунистов...

ЖЕНЩИНА. Ну, это ни в какие ворота не лезет – Мурсал-муаллим и Франко, и еще Долорес... как ее... Ибаррури...

МУЖЧИНА. Видишь ли, говорят, в двадцать третьем году сюда в Баку приезжал некий испанский коммунист, и Мурсал-муаллим сопровождал его...

ЖЕНЩИНА. В двадцать третьем?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Тогда ведь Ленин был еще жив...

МУЖЧИНА. Ну и что с того? (Понизив голос.) Будь жив Ленин, думаешь, НКВД и до него не добрался бы? (Как бы испугавшись своих слов, озирается; вздохнув, показывает на накрытый стол.) Давай-ка сядем за стол...

ЖЕНЩИНА. Да... Пора... но... ведь он же был коммунистом...

МУЖЧИНА. Кто? Мурсал? Что с того? Разве остальные все не были коммунистами? Говорили, что Мурсал – замаскированный агент испанских фашистов...

ЖЕНЩИНА. Нет, я о том испанце, который в 23-м году в Баку приезжал. Ты же говоришь, он был коммунистом. Мурсалу поручили, бедняге, он и сопровождал.

МУЖЧИНА. Так ведь и того испанца сочли замаскированным фашистом... С той поры, говорят, фашисты и завербовали Мурсал-муаллима...

ЖЕНЩИНА. Ну и как, все накинулись на Мурсал-муаллима?

МУЖЧИНА. Да...

ЖЕНЩИНА (насторожившись). И ты выступал?

МУЖЧИНА. Я? Нет...

ЖЕНЩИНА (обнимая его). Как хорошо, что ты есть на свете... А то недолго с ума сойти... А сам Мурсал-муаллим заикнулся хоть? Не сказал, что зря на него вешают собак? Что никакого отношения к испанским этим фашистам не имеет? А?

Короткая пауза.

МУЖЧИНА. Поднялся на трибуну, но не смог говорить...

Короткая пауза.

ЖЕНЩИНА. Почему же?

МУЖЧИНА. Заплакал...

ЖЕНЩИНА (дрогнувшим голосом). Ох, горемыка.

МУЖЧИНА. Это, знаешь, потоп... Надо быть осторожным...

ЖЕНЩИНА (вполголоса). А слух о Гарибзаде подтвердился?

МУЖЧИНА (тихо). Да...

ЖЕНЩИНА. И жену его?..

МУЖЧИНА. Да...и ее... (Еще больше понизив голос.) Якобы она привлекала женщин в «террористическую организацию» своего мужа... Завтра в газете выйдет сообщение о решении «тройки» и исполнении приговора...

ЖЕНЩИНА. Боже мой!.. Как же осиротили очаг...такого человека, светлую голову... И жена его подстать – душа-человек, такая интеллигентная, благородная... Помнишь... (Давясь слезами.) Помнишь, как-то они пришли к нам... Какой проникновенный тост в честь него (показывает на портрет вождя)... товарища Сталина произнес... Как же может такой человек быть «врагом народа»?! Двоих детишек в детдом отдали...

МУЖЧИНА. Старшего, мальчика, помнишь?

ЖЕНЩИНА. А как же! С ним что-то сделали?..

МУЖЧИНА. Не то, чтобы... Просто в Доме пионеров закатали «покаянный суд» и заставили мальчика заклеить своих родителей как «врагов народа»... И он выдал, мол, презираю маму и папу...отказываюсь от них... вырасту настоящим советским человеком...

ЖЕНЩИНА (обомлев). Надо же! А всего-то от горшка два вершка... Двенадцать лет...

МУЖЧИНА. Его заставили вызубрить, вот он и сморозил, как учили. Теперь, говорят, по всем районам республики возят его «выступать»...

ЖЕНЩИНА (сквозь слезы). О, Аллах, что за подлые времена! Что за шайтаны лиходейства! Праздник у людей...Новый год... И Ахунда самого увели...

МУЖЧИНА. Сеид Рзу? Вот горе горькое!.. Видать, кто-то очернил, «настучал»... А то бы кто о нем

вспомнил? Ведь мечеть, где он служил, лет пять как закрыли. Теперь там ботинки чинят...

ЖЕНЩИНА (с горестным сочувствием). Старый человек... аксакал... Он, бедняга, клялся, божился, какой из меня враг народа? И как Аллах терпит такое кощунство?

МУЖЧИНА. Успокойся... Не век же так мыкаться... Как-нибудь этот год переживем, проводим, а там образуется... Не может же так продолжаться вечно? (Смотрит на ходики.) Осталось до Нового года... час сорок минут. (Тихо.) Через час и сорок минут кончится год тридцать седьмой?.. Не верится...

ЖЕНЩИНА. Это сказываются в тебе переживания последних месяцев... годов... Я-то знаю...

Он крепко обнимает и целует ее.

(Тихо.) Говоришь, через час сорок минут... все образуется? И наступит тишь да гладь?..

МУЖЧИНА (вполголоса). Через час сорок минут закончится год тридцать седьмой. Закончится ли? (Еще тише.) Давай-ка садись, проводим... Этот злополучный 37-й... Вернее, выпроводим... так, чтоб никогда не возвращался...

ЖЕНЩИНА. А помнишь, в детстве нам жалко было расставаться с уходящим годом, и нам хотелось, чтоб старый год вернулся... Чтоб мы так же веселились и играли...

Короткая пауза.

Сразу после наступления Нового года, пять минут первого к нам стучали в дверь, – дедушка присылал нам целый фаэтон свежих цветов! В разгаре зимы! И в их гуще – подарки для каждого из нас.

МУЖЧИНА. Забудь об этом.

ЖЕНЩИНА. Это невозможно забыть...

МУЖЧИНА. Кто-нибудь услышит – скажут, тоскуешь по николаевским временам.

ЖЕНЩИНА. За себя я не боюсь!

МУЖЧИНА. Ты их не знаешь...

ЖЕНЩИНА. Я за тебя боюсь. Денно-ночно. Каждый раз сердце точит тревога: вернешься с работы

или... Глаз не свожу с часов и дверей. А по ночам, чуть что, скрип или стук, думаю: вот, пришли за тобой.

МУЖЧИНА. Нет. Меня им не взять, у меня алиби. Ну, давай сядем за стол. Забудем обо всем. И детство наше забудем.

Садятся за стол, лицом друг к другу.

Шампанским «грохнем», когда часы пробьют двенадцать!

МУЖЧИНА. Ну, пока мы выпьем этого прекрасного вина из Гадрута.

ЖЕНЩИНА. Ты так говоришь, будто сейчас былые времена, и все друзья, родня – в сборе, и мы вместе встречаем Новый год...

МУЖЧИНА (наливает вино в бокалы). Давай досрочно – за Новый год! Все будет хорошо!

ЖЕНЩИНА. Нет! 37-й еще не закончился. (Берет бокал.) Я поднимаю бокал за тебя! Что с того, что ты ничего не говоришь. Я-то знаю, какие кошки у тебя на душе скребут... Даже когда стучишься в дверь, ты делаешь это тихонечко, осторожненько, чтоб меня не напугать... Чтоб я знала, что это – ты. За твое здоровье, милый ты мой.

МУЖЧИНА (растроганно). За нас! Ты сказала только что... сказала... что ты их не боишься... Я тоже за себя не боюсь... Боюсь потому, что... (Еще больше расчувствовавшись.) Что ты... как бы не осталась одна как жена врага народа... и не сослали бы тебя тоже в места не столь отдаленные...

Маленькая пауза.

(Утирает ладонью глаза.) Прости...

Женщина невольно отставляет бокал, уставившись на него.

Короткая пауза.

ЖЕНЩИНА (порывисто встав с места, обнимает его). Мой милый... Любимый... Если ты говоришь вот такие слова...

МУЖЧИНА. Прости...

ЖЕНЩИНА. Нет...нет... Если ты говоришь вот такие слова...то мне больше ничего не нужно на свете! Ни-че-го!.. Одно только мучает меня, что за эти прожитые годы я не смогла подарить тебе ребенка... (Прижимает его голову к своей груди.) Ты смирился и с этим, мой милый!.. Мой единственный!.. Увы... Увы... Я не смогла дать тебе ребенка...который был бы подстать тебе...

МУЖЧИНА. Мне не нужно никого, кроме тебя... (Поднявшись, глядя на портрет Сталина, тихо.) Все равно все мы... его дети... Все мы – дети одного отца...

Пауза.

ЖЕНЩИНА. А мы ведь не выпили вино... (Берет свой бокал.) Ну, бери.

Он поднимает бокал. Раздается громкий стук в дверь. Оба застывают с бокалами в руках.

МУЖЧИНА (шепотом). Они...

ЖЕНЩИНА. Я же говорила, что 37-й еще не кончился. Чужало мое сердце...

МУЖЧИНА. Не бойся... У меня есть алиби...

Стук в дверь повторяется.

(Нервно, повывсив голос.) Кто там?

Пауза.

Кто там, спрашиваю?

Пауза.

(Подходит к двери.) Кто?

ЖЕНЩИНА. Не открывай!

Снова стучат.

МУЖЧИНА (раздраженно). Почему вы молчите? (Открывает дверь.) Кто здесь? (Никого за дверью нет. Выходит за дверь, оглядывается.) Кто стучал в дверь? (Возвращается.) Никого... наверно, ребята... Под Новый год хулиганят...

ЖЕНЩИНА (встревоженно). Нет...

Когда он, заперев дверь, хочет вернуться к столу, вновь громко стучат в дверь.

МУЖЧИНА (повернувшись к двери, раздраженно). Кто там?

ЖЕНЩИНА (истерически). Кто-о-о? Кто-о-о там?

МУЖЧИНА (открыв дверь). Кто же это? (Переступает через порог.) Что это за шуточки? Кто тут дурачится? (Возвращается.) Никого...

ГОСТЬ. Как это – никого? (Развалившись в кресле, поворачиваясь к ним.) А я?

С в е т г а с н е т

Картина третья

Та же обстановка. Ночь. Женщина, Мужчина, Гость

ГОСТЬ. Вы что, не видите меня? Почему вы орете?

Пауза.

С утра кричат, а теперь как в рот воды набрали...

МУЖЧИНА (с трудом придя в себя) Кто вы такой? Как вы сюда попали? (Женщине.) Ты видела его?

ЖЕНЩИНА (в ужасе). Нет...

МУЖЧИНА Кто же это такой?

ЖЕНЩИНА (пожимает плечами). Понятия не имею.

МУЖЧИНА. А вы что, с утра здесь прячетесь?

ГОСТЬ. Я? Прячусь? С какой стати? От кого мне прятаться? От чего?.. У меня нет тайных дел... Нет и не было!

МУЖЧИНА (ей). Он – из НКВД пожаловал... (Возмущенно, Гостю.) Ты пришел из НКВД?

ГОСТЬ. Что?

МУЖЧИНА. Ты из НКВД пришел! (Хватает его за грудки.)

ГОСТЬ (пытается вырваться) Пусти меня! Отпусти!

МУЖЧИНА (трясет его). Ты – из НКВД! Из НКВД! Да?!

ГОСТЬ. Отпусти!..

МУЖЧИНА. Прокрался...затаился тут!..

ГОСТЬ. Пусти, говорю...

МУЖЧИНА (продолжая трясти его). Чего тебе надо? Зачем пробрался сюда и затаился?

ГОСТЬ (Женщине). Помогите же! Не видите, он душит меня!

МУЖЧИНА (еще неистовей трясет незваного пришельца). Нет... Нет... энкаведешный шпик!

ГОСТЬ (вырвавшись из рук, пытается выпрямиться). Отпусти! Говорю тебе, отпусти! (Передразнивает.) «Откуда пришел, кто такой...». Да я, может, с потолка свалился. (Тычет в потолок.)

МУЖЧИНА (вдруг, обмякнув, смотрит на потолок, переводит взгляд на жену). Что он мелет?

ЖЕНЩИНА (обмирая). Я боюсь...

ГОСТЬ (поднявшись с кресла, поправляя галстук, передразнивает их). «Что он мелет?» «Я боюсь...» Что с вами? Не можете по-людски разговаривать... (Прохаживаясь, осматривает комнату.) Да... Живете неплохо... А потом жалуетесь... Другие ютятся по десять человек в коммуналке, в комнатухе, один туалет на пять семей, а вы, всего вдвоем, и такие апартаменты... Чего же еще хотите? (Мужчине). Дверь

вы оставили открытой, извольте закрыть.

МУЖЧИНА. После того как вы уберетесь вон!

ГОСТЬ (Женщине). Вот вам любезность вашего мужа! (Качая головой, идет к двери, закрывает ее.) Ведь столько любителей задарма поесть-попить...неровен час...

МУЖЧИНА (резко). Вы уберетесь отсюда или нет?

ГОСТЬ. Ох-хо-хо! Напугали! (Женщине.) И как вы с таким грубияном уживаетесь?

ЖЕНЩИНА (впившись в него глазами, в ужасе). Нет! Вы – не человек!.. У вас глаза – не как у людей...

ГОСТЬ. А чем плохи мои глаза? (Достав из кармана зеркальце, смотрит в него). Чем же отличаются мои глаза от ваших? А? Чем?

ЖЕНЩИНА (объятая тем же паническим страхом). Вы... Вы – кто? Дьявол, сатана, нечистая сила, черт? Кто вы?

ГОСТЬ (подойдя к ней, смотрит на нее, затем подступает к Мужчине в недоумении). Разве перечисленное – не одно и то же?

МУЖЧИНА. Зачем ты явился сюда?

ГОСТЬ. Разве у гостя спрашивают, зачем он пришел?

МУЖЧИНА. А кто тебя в гости звал?

ГОСТЬ. Разве бывают только гости по приглашению? Бывают и незваные. Как я! (Недовольно.) Не даете присесть, нормально поговорить...

ЖЕНЩИНА. Это шайтан!..

ГОСТЬ (Ей). Вы называете меня шайтаном, теперь я должен признаться, что я шайтан? И сказать, что я действительно, с потолка свалился? Или доказывать, что я не шайтан? (Передразнивая.) «Откуда взялся, откуда пришел?..» Я никому ничего не думаю доказывать. (Показывая на потолок.) Я не оттуда пришел. (Тычет пальцем в грудь Мужчины, подразумевая сердце.) Вот отсюда я и пришел! (Подступив к Женщине, кончиком пальца касается ее груди.)

МУЖЧИНА (ринувшись на него). Убери руки, хам!

ГОСТЬ (отстраняясь, Женщине). И вправду, как вы с таким человеком живете?

Короткая пауза.

Он же псих!

МУЖЧИНА. Сам ты псих!

ГОСТЬ. Ну, ладно, ладно, успокойтесь! (Ворча, ходит взад-вперед.) Шайтан, Дьявол, Сатана... Вельзевул... Мефистофель... Люцифер... Ха-ха... Столько имен навывдумали... Проходят годы, века, тысячелетия, а вы носитесь со своими выдумками... Стращаете друг друга Шайтаном. Если Шайтан и существует, то кто же он, позвольте спросить? Кто? Правитель преисподней! По-вашему, Шайтан-кочегар геенны огненной, по совместительству – палач... Он, видите ли, пытается грешников, он сжигает их, варит в кипящем котле... Я не сочиняю, это ваши рассказы. (Задержав шаг.) Так ведь?

Пауза.

А с другой стороны, вы говорите, что Шайтан еще и в Змея-искусителя оборачивается, Еву подбивает к греху... Да разве Ева была несмышленной малышкой? (Прохаживается.) Бог сотворил Адама, и чтоб он не томился в одиночестве, из ребра Адамова смастерил Еву... А кто была она? Взрослая зрелая женщина! Захотела бы – не стала бы вкушать это самое яблоко. Пусть бы Змей-Шайтан из кожи лез вон... (Саркастически.) «Бес попутал... Наущение Дьявола...» Чуть что – проклятье Шайтану! А как же так получается: Шайтан сам соблазняет, подстрекает на грех, и сам же потом карает их за грех? Нелепость! Этот, видите ли, придурок Шайтан вводит во грех, чтоб потом шкуру содрать с грешников? Что же он, кто же он? Мазохист ли, садист ли, черт знает что. Что за ахиною вы сочиняете? Что за чушь? (Подойдя к Женщине, трогает ее за подбородок.) Ответь же мне, о прекрасное создание!..

МУЖЧИНА (вскочив с места, отталкивает его). Не смей прикасаться к моей жене, энкаведешный холуй! Ты ничего не сможешь сделать мне! Зря тебя подослали!

ГОСТЬ (с трудом удержав равновесие). Чуть было не упал... (Мужчине) Ведите себя, как положено, слышите? Вы взрослый человек, руководитель главка в наркомате! Член, между прочим, партии! (Передразнивая.) «Кто тебя подослал?» Да никто! Я сам пришел!

ЖЕНЩИНА (беспомощно опускаясь на стул). Не знаю уж, вы шайтан или кто... но почему вы избрали нас? Почему к нам явились?

ГОСТЬ. Так вот каково ваше гостеприимство. (С обидой.) Причем под Новый год... (Сокрушенно качает головой.)

ЖЕНЩИНА. И все же – почему?

МУЖЧИНА. Он – из НКВД. Не так ли, энкаведешная крыса?

ГОСТЬ (подходит к нему вплотную). Крыса? Энкаведешная? Да?

МУЖЧИНА (чуть растерянно). А что я должен говорить? Свалились как снег на голову, среди ночи...

ГОСТЬ. Но когда вы в НКВД, при очной ставке с Гарибзаде говорили, что он один из организаторов контрреволюционной пантюркистской организации, - тогда сотрудники НКВД были не крысами, а Большими ангелочками, да?

ЖЕНЩИНА (потрясенно). Как так – ты свидетельствовал против Гарибзаде?

МУЖЧИНА. Да не слушай его галиматью! Это же проходимец!.. Провокатор! Шантажист! (Поднявшись с места, собирается накинуться на Гостя.)

ГОСТЬ (останавливает его жестом). Стой! (Мужчина застывает, как загипнотизированный.) Я не провокатор и никогда им не был! Я и не проходимец и никогда им не был! (Внушительно и резко.) Зарубите это себе на носу! Оба! Ясно?

Пауза.

Я никогда не лгал! Это тоже учтите! И еще – какая нужда мне лгать? Разве все ваши дела не построены на лжи?

Короткая пауза.

(Мужчине.) И кидаться, орать на меня не стоит! Не вы ли в подвале НКВД дали показания против Гарибзаде? Не вы ли говорили, что они создали контрреволюционную пантюркистскую организацию!.. Что Гарибзаде – один из организаторов?.. Что они готовили покушение на товарища Сталина?.. Что хотели добиться выхода Азербайджана из состава СССР? Так чего же на меня кидаетесь? Или я ошибся адресом? Или вы и знать не знаете, где находится НКВД? А? Ну говорите же!

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Ты...оговорил...его?

МУЖЧИНА (пытаясь взять себя в руки). А что я должен был делать? Он сам...Гарибзаде сам признался...

ГОСТЬ. А вы будто не знаете, как выбили из него показания? Иглы под ногти вонзали... Не знаете? Так уж и не ведаете, что творится в НКВД?

МУЖЧИНА. Знаю! Что с того, что знаю? Разве можно с НКВД «энкаведешничать»?!

ГОСТЬ (Женщине.) Только что он обзывал меня «энкаведешной крысой»... (Мужчине.) Чего же вы боитесь? У вас же алиби! Вы же застраховались!

МУЖЧИНА (в замешательстве). Откуда вам это известно?

ЖЕНЩИНА. Ты же сам говорил, что у тебя есть алиби.

МУЖЧИНА (ей). Ты ничего не понимаешь... Я сказал, что это все – ураган, смерч... надо выкарабкаться из этой свистопляски живым... Надо защищать себя! Если в наши времена ты сам не защитишь себя, никто за тебя не заступится! Кто тебя оградит? Никто. Каждый печется за свою шкуру.

ЖЕНЩИНА (все еще не может прийти в себя). Ты...оговорил Гарибзаде? Нет – не может быть... Не может быть, чтоб ты так поступил... Не может быть...

Пауза.

Почему ты молчишь?

МУЖЧИНА (срываясь на крик). А что мне было делать? Сложить лапки, не выгородить себя, чтоб и меня записали во «враги народа», объявив английским, турецким, или там монгольским шпионом, и поставили к стенке?!

ГОСТЬ. Монголия – страна социалистическая. И в СССР ихних шпионов нет!

МУЖЧИНА. Ну, пусть польским, пусть немецким... А потом меня, как этого несчастного Гарибзаде, измордовали бы, выбили бы зубы, повыдергивали усы, заставили бы признаться, что я шпион! Террорист! Националист! Пантюрист! И намеревался отправиться в Москву и убить товарища Сталина! Так, что ли? И я должен был все это подтвердить? А там – к стенке и пулю в лоб... А ты чтоб потом по миру пошла...

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Значит, ты ради меня...оговорил Гарибзаде?

МУЖЧИНА. Да!.. Да!.. Да!.. Или, думаешь, я был врагом ему? Хотел, чтоб его исколошматили как скотину? Хотел, чтоб его пустили в расход? Да кто я, по-твоему? Стукач? Доносчик? Дьявол? Шайтан?.. Что было мне делать? Что я мог? Вырвать его из лап НКВД? В подвалах НКВД – тысячи гарибзаде! По всему Союзу полным-полно таких гарибзаде – с выбитыми зубами, переломанными ребрами, искалеченными судьбами. Разве ты не знаешь этого?

ГОСТЬ. Теперь он по-другому запел...

ЖЕНЩИНА (постепенно повышая голос). Нет!.. Ты не ради меня оговорил Гарибзаде... Ты...ты...это сделал ради себя... Ты испугался их...испугался пыток...страданий...расстрела...

МУЖЧИНА. Тебе хотелось, чтобы и меня пытали? И расстреляли? Ты по одному слову этого... (Показывая на Гостя.)... авантюриста...

ГОСТЬ. Теперь я и авантюристом стал...

МУЖЧИНА. ... обвиняешь меня? А кто, скажи, не дорожит своей жизнью? Кто добровольно пойдет и положит голову на плаху – секите, казните? Кто? Я на твоих глазах днем и ночью тружусь, вкалываю, не жалею сил... Служу народу, родине, партии! Я не из оборотней с партбилетом в кармане! Ты же это знаешь! Я вступил в партию ради карьеры? И этот портрет (Показывает пальцем на портрет Сталина.) повесил не из-за страха! Я сделал это по велению сердца... Я верю в идеалы коммунизма... Но кто сегодня на это смотрит? Что стоит сегодня меня прищучить по доносу какого-нибудь сукиного сына и стереть в порошок как приспешника Троцкого или турецкого агента?! Кому я могу доказать, что я, если на то пошло, в упор не вижу Турцию? Кому могу доказать, что в борьбе против Троцкого всегда отстаивал позицию товарища Сталина? Что я никогда не принимал пантюркизма, и не приму, – кому это могу доказать? Ну, даже, допустим, докажу. Кто станет считаться с этим? (Иронически.) Почему я свидетельствовал против Гарибзаде?.. Меня же вызвали в НКВД, не по своей воле пошел. А не пошел бы – приехали бы за мной, запихнули бы в машину, как барана на убой, и увезли бы... Тебе-то что... Сидишь сиднем дома, все, как надо, а что в мире творится – не ведаешь... Витаешь в облаках... гуманными идеалами живешь... Да сейчас чихать хотели на гуманистические идеалы...

ЖЕНЩИНА. И ты чихаешь?

ГОСТЬ. Ну, хватит вам, успокойтесь!.. (Сокрушаясь.) Что за люди, ей Богу... (Мужчине.) Вы не можете говорить потише?

ЖЕНЩИНА (понижив голос, Мужчине). Так вот какие пироги... Вот оно как... Так было всегда, или... или только в последние времена?..

МУЖЧИНА. Послушай... Прости меня... Я не в себе... (Тычет в Гостя.) Этот клеветник... этот... (Не может найти слово похлеще.) Этот... негодяй вконец вывел меня из себя... Я и сам не знаю, что говорю... Прости меня...

ГОСТЬ (искренне возмущаясь). Я? Это я-то «негодяй», «клеветник»? (Подступив к Мужчине, протестующе) Нет! Я не клеветник! Не был и не буду никогда! Я никогда не вешал собак на людей! Не возводил напраслины!

Короткая пауза.

Ведь и нужды в этом не было. Какая нужда в клевете? Не так ли? (Смотрит в упор на Мужчину).

МУЖЧИНА (с ненавистью). Все твое нутро – скверна и грязь. Ложь и клевета. Тьфу на тебя! (Плюет на Гостя).

ГОСТЬ (взяв с кресла полотенце, утирает лицо, воротник). Мне...у меня больше нет слов... Вы – законченный невежа! (Женщине.) Он очень дурно воспитан!.. (передразнивая) «Все твое нутро – грязь, скверна... ложь и клевета...». Во-первых, не «твое», а «ваше». Во-вторых, где вам знать мое «нутро», как вы изволили выразиться, а? В-третьих, по-вашему, я – лжец, так? Ну, давайте разберемся, какой я лжец. (Женщине) Что он вам недавно рассказывал?..

ЖЕНЩИНА (все еще пребывая в потрясении) Мне?

ГОСТЬ. Да, да, вам.

ЖЕНЩИНА. Что вы имеете в виду?

ГОСТЬ. Его слова о собрании... Как там разоблачали Мурсал-муаллима.

ЖЕНЩИНА. Ну, говорил... Что тут особенного? Сейчас повсюду проводят разоблачительные собрания...

ГОСТЬ (с досадой). Эх... я не о том... Я все это прекрасно знаю. Выслушайте, не торопитесь. Вы спросили у мужа, выступал ли он на собрании?

ЖЕНЩИНА. Ну, спросила.

МУЖЧИНА. Хватит! Кончайте этот балаган!

ГОСТЬ. Ну нет! (Вертит пальцем у него перед носом.) Нет! Это не балаган! Вы изволили сказать, что мое нутро – сплошная скверна...ложь...клевета... Так?

МУЖЧИНА. Да! Вы с головы до пят – напичканы ложью...ядом... Ваш дух магнетически провоцирует зло...

ГОСТЬ (оскорбленно, с сарказмом). Ах, ах!.. Мой дух, видите ли, провоцирует, да еще магнетически!.. А ваш дух, надо полагать, источает исключительно добро? (Женщине.) И что он вам ответил на ваш вопрос?

МУЖЧИНА (кричит). Довольно!

ГОСТЬ (не обращая на него внимания). Он сказал, что не выступил на собрании? Да или нет, я вас спрашиваю.

Короткая пауза.

Да?

(Женщина кивает головой).

И вы расчувствовались: «как хорошо, что ты есть на свете». То бишь он (показывает на ее мужа).

МУЖЧИНА (Женщине). Я же говорил тебе... Этот стукач тайком проник сюда, затаился, подслушивал...

ГОСТЬ (не обращая внимания на него, Женщине). Ну?

ЖЕНЩИНА. Сказал, что не выступал.

ГОСТЬ (подойдя к Мужчине). Итак, вы не выступали на собрании. Не говорили, что Мурсал входил в контрреволюционную организацию Гарибзаде. И в начале собрания не поднимали руку, прося дать вам слово?

Короткая пауза..

МУЖЧИНА (отчаявшись). Кто бы вы ни были... человек, шайтан, черт, призрак... ну, когда вы уберетесь отсюда, когда?

ЖЕНЩИНА. Ты... ты и Мурсал-муаллима оговорил?

МУЖЧИНА. Да его и без того упекли бы! Это было предрешено!.. А я... я не мог отделаться молчанием... Я должен был продемонстрировать свою лояльность... чтобы защитить себя! Имею и право защищать себя или нет? Защищать свою семью... тебя... Имею право или нет?

ГОСТЬ. Да вы просто перестраховывали себя! Испугались НКВД!

МУЖЧИНА. Хватит!

ГОСТЬ. Правда глаза колет? (Передразнивает.) «Твое нутро – скверна и грязь...» (Посуровев.) Возьмите эти слова обратно!

МУЖЧИНА (с презрением). Нет! Я не беру своих слов обратно! Могу добавить: вы – исчадие зла!

Короткая пауза.

ГОСТЬ (насмешливо). Ну вот, приехали! (Обеими руками показывая на Мужчину.) Вот, видите! Я – исчадие зла... (Качает головой.) Ай-яй-яй! (Женщине.) Он говорил, что у него есть алиби...

МУЖЧИНА (Женщине). Да не слушай ты его брехню!

ГОСТЬ. Почему же не послушать? У меня есть письмо... Оч-чень идейное письмо...

МУЖЧИНА (негодующе). Нет! Не нужно!

ГОСТЬ. Почему это не нужно? Вы что, не коммунист? Вот вам партийное послание. По правде говоря, это даже мне понравилось. (Женщине.) Вы думаете, мне может понравиться всякая всячина? Вовсе нет... Но это письмецо мне понравилось... Сейчас увидите, минуточку.

МУЖЧИНА (орет). Когда ты уйдешь из нашего дома к чертовой матери?!

ГОСТЬ (пропустив его слова мимо ушей). Сие послание – показатель принципиальности, подобающей истинному большевику! Образец бдительности советского гражданина! Верх политической соз... (Прервав себя на полуслове, переводит взгляд на Мужчину.) Да?

Короткая пауза.

...кульминация политической сознательности! Партийной политической сознательности! Итак, послушайте. (Вспрыгнув на стул, начинает с пафосом читать наизусть текст).

«Дорогой товарищ Сталин! Я пишу это письмо лично Вам. Это письмо продиктовано моей беспредельной любовью и почтением к Вам, моей коммунистической совестью...».

МУЖЧИНА. Прекрати! (Женщине.) Не слушай ты его! Его подослали из НКВД! Как пить дать, НКВД!

ГОСТЬ Послушайте! (продолжает озвучивать текст). «Дорогой вождь! Хочу оповестить Вас, что подлые троцкистские выродки окопались и в наркомате, где я служу. Эти двурушники во главе с комиссаром, сколотили контрреволюционную пантюркистскую организацию и ведут подпольную деятельность в этом направлении... (Словно войдя в раж от произносимых слов, он перескакивает на стол и продолжает «декламацию».) Это контрреволюционная группа во главе с самим комиссаром и его заместителями, распространяя в Азербайджане ядовитые идеи пантюркизма, подготавливая выход Азербайджана из состава СССР в качестве суверенного государства, распространяя подлые слухи о нашем любимом вожде...» (Переводя дух, Женщине.) Здесь он не решился назвать имя товарища Сталина... (Продолжая «декламацию».) «...занимаются пропагандой идеей Троцкого, а равно как таких продажных буржуазных националистов, как лично известный Вам Расулзаде, Хойский, Юсифбейли. Они питают откровенные симпатии к фашизму...

Дорогой Иосиф Виссарионович! Я знаю, что у Вас, как гениального вождя пролетариата, работы и дел непочатый край. Поэтому я счел своим долгом довести до Вашего высокого внимания это сообщение в краткой форме. С коммунистическим приветом...». (Показывает жестом на Мужчину.) Его подпись, место работы, адрес. (Спрыгивает со стола на пол.)

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Это... правда?

Пауза.

Ты написал и отправил такое письмо?

ГОСТЬ. Есть и дата. Написано семь месяцев тому назад!..

ЖЕНЩИНА. И после твоего послания в наркомате начались аресты?

МУЖЧИНА (запальчиво). Нет! Когда я отправил письмо, комиссар уже сидел за решеткой...

Пауза.

ЖЕНЩИНА. И вправду существовала такая организация?

Пауза.

Ты выяснил, что они действительно занимаются такой деятельностью? И комиссар их возглавляет, и его заместители... Ведь и Гарибзаде был замом... Это все правда?

МУЖЧИНА. Что – правда? Сейчас какая разница – правда или кривда?

ЖЕНЩИНА. Значит...ты...дал лживый «сигнал»?

МУЖЧИНА. Да какая разница, была такая организация или не была в нашем наркомате? Никакой разницы. Только дураки могли не почувствовать, что у нас в комиссариате начнется облава... Разве ежовские «чистки» не охватили всю страну? Кто этого не ведал, кроме нашего самонадеянного наркома, который не чуял ног под собой, и его остолопов-заместителей? Наш нарком уповал на свой партийный стаж, революционные заслуги... Наивный человек! Кто сейчас посмотрит на партстаж, на былые заслуги? Он надеялся на личное знакомство с товарищем Сталиным... Будто Ежов станет докладывать вождю по каждому делу. Накатывала новая гигантская волна репрессий. Это было ясно всем, как божий день...

ГОСТЬ. О божьем дне заговорил, гляди-ка.

МУЖЧИНА (Гостю). Заткнись! Это все – козни таких, как ты! Это ваше отродье очерняет героев революции, честных и чистых коммунистов, создателей Советского Союза, оговариваете их как «врагов народа», вы объявляете их агентами империализма, вы обрекаете их на пытки и гибель, сиротите их очаги!.. Такие, как ты расстреливают безвинных, пытаются их в застенках!

ГОСТЬ (Женщине). Вот какую пламенную речугу толкает! Будто на митинге выступает разоблачительном! (Мужчине.) Этот донос товарищу Сталину накропал не я, а вы!

МУЖЧИНА. Да, я, я написал! Что с того? Какое это имеет значение? Разве из-за моего письма призрак 37-го навис надо всей страной? Разве по моему письму расстреливают поэтов, ссылают ученых в Сибирь? Разве по моему письму в Москве партработников пускают в расход пачками, маршалов, генералов ставят к стенке, старых большевиков, насмерть сражавшихся с царизмом, не щадят? Нет! Мое письмо никому никакого зла не причиняет, какое еще зло можно причинить людям обреченным и осужденным? Оно просто-напросто спасает меня, одного! Если топор палача занесен над плахой, и ты это видишь своими глазами, то должен хотя бы убрать свою голову! Если спасение чужих голов не зависит от меня, и я спасаю только свою, спасаю семью, то в чем моя вина? В чем?..

ГОСТЬ (перебивая). Ему кажется, что этот поклёп – гениальная мысль, осенившая его драгоценную голову.

МУЖЧИНА. Не твоего носа дело, что я написал, о чем я думал!

ГОСТЬ. Наивный человек!

МУЖЧИНА (указывая пальцем на него, обращается к Женщине). Откуда он взялся на нашу голову, кто его подослал... не пойму... Но он пытается шантажировать нас, опорочить нас друг перед другом... Кто он, какого поля ягода, не знаю, но он – воплощение зла! Разве ты не видишь?

ГОСТЬ (задетый). Говорит обо мне всякие гадости... (Женщине.) Разве я сказал хоть слово неправды? (Мужчине.) Выходит, правда глаза колет...

МУЖЧИНА. Тебе не понять, какие чувства я испытываю. (Распаляясь.) Палачи! Ни молодых, ни старых не щадите! Не различаете – трус ли, герой ли, свой ли, чужой ли. Ничем вас не проймешь! Ни стыда, ни

совести! Нет на вас управы, нет у нас защиты. Безбожники!

ГОСТЬ (недоуменно, Женщине). Какой же это коммунист, если о Боге вспомнил?

МУЖЧИНА. Тебя не касается, какой я коммунист. Да разве вы оставили коммунистов? Всех, считай, перестреляли, перебили, замучили, в глушь загнали, в тайге сгноили... А они даже перед лицом смерти не теряют веры в товарища Сталина!

С в е т г а с н е т .

Картина четвертая

На темной сцене раздаются нестройные шаги, доносится шум.

Разноголосые крики:

– Я не враг народа!

– Я никогда не предавал партию!

– Слышишь, Коба! Меня, вместе с тобой боровшегося за революцию, ведут на расстрел!

– Дайте подпишу все, что хотите, только оставьте в покое мою семью!

– Я вот этими руками в революцию прикончил десятки контрреволюционеров! Как же я сам могу быть контрой?!

– Я всегда был предан партии, товарищу Сталину!

– Да здравствует товарищ Сталин!

(Доносится грохот выстрела, мгновенная вспышка огня распарывает тьму.)

– Да здравствует товарищ Сталин!

Гремит выстрел.

– Да здоровствует товарищ...

Выстрел.

И сцена погружается во тьму и безмолвие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина пятая

Та же квартира. Ночь. Женщина, Мужчина, Гость. Мужчина сидит на стуле, обхватив руками голову. Женщина стоит у окна, глядя на улицу. Гость, сидя в кресле, смотрит то на хозяина, то на хозяйку.

МУЖЧИНА (кивком показывая на Гостя). Верно ты говорила... Это – не человек. (Гостю, с отвращением.) Ты – шайтан.

ГОСТЬ Я? (Жестом указывает на Женщину.) А вот же – там, такая вполне воплощенная Шайтан! Ты ее не видишь, что ли?

МУЖЧИНА. Что-о-о?

(Женщина, обернувшись, смотрит на них.)

Ты смеешь обзывать мою жену шайтаном? (Вскочив с места, готов наброситься на обидчика).

ГОСТЬ (выставив руку перед ним). Стой! Не кипятись! (Мужчина застывает на месте. Негромко и спокойно вразумляет.) Она попросту сама не ведает об этом... Естественно, и вы не догадываетесь...

Пауза.

(Переводя взгляд то на Мужчину, то на Женщину, искренним тоном.) Душа моя, не нужно диву даваться, ахать-охать. Все люди когда-то пребывают шайтанми, либо в предыдущей, либо в последующей жизни. Это неизбежно! Вы же говорите – диалектика? Не так ли? Вот вам и закон той самой диалектики!

Пауза.

ЖЕНЩИНА (спокойно). По-вашему, нет людей, которые избегнули этой участи?

ГОСТЬ. В таком случае, это не люди, а ангелы!

Короткая пауза.

Впрочем...впрочем и среди ангелов попадается немало шайтанов. (Встав, прохаживается.) Похоже мы с вами ударились в мистику... ушли в сакральные миры... (Задержав шаг, пожимает плечами) Кто знает? (Продолжает вышагивать взад-вперед.) Вместо того, чтоб говорить о своих земных делах и делишках, рассуждаем о Боге, о шайтане...дьяволе... Какое нам дело до них? Лучше вот что... (Подойдя к Женщине, останавливается перед ней.) Лучше поговорим о вашем визите в НКВД...

МУЖЧИНА (в шоке). Что-о?

Пауза.

ЖЕНЩИНА (пытаясь совладать с собой). Я не сама...меня вызвали!..

ГОСТЬ (Мужчине). Верно, ее вызвали. Не по своей воле ходила...

МУЖЧИНА (потрясенно). Почему же ты мне ничего не сказала?

ЖЕНЩИНА. Мне там велели никому ничего не говорить... Никто ничего не должен знать...

МУЖЧИНА (срываясь на крик). Я тоже – «никто»?

ЖЕНЩИНА (в тон ему). Уж не знаю, кто ты? Почему же ты мне солгал? Почему говорил, что никого не разоблачал, не чернил?

МУЖЧИНА. Я не хотел усугублять твои страдания... не хотел прибавлять новых забот семье... Что должен был я сообщить тебе? Что меня заставили дать показания против Гарибзаде? Тебе бы это понравилось?

ЖЕНЩИНА. Перестань юлить! Ты все от меня утаивал. А я, дура, в душе гордилась тобой... Утешалась, что ты со мной... Боялась, а вдруг ты... ты узнаешь об этом...

ГОСТЬ (Мужчине). Вы понимаете, почему она боялась? Потому что...

ЖЕНЩИНА (не обращая внимания на реплику Гостя). Почему ты мне ничего не сказал о том письме?

ГОСТЬ (ворчливо). Не дадут мне слово сказать...

ЖЕНЩИНА. Почему ты лапшу вешал мне на уши? Почему ты твердил, что совесть твоя чиста?

МУЖЧИНА. Моя совесть чиста!

ЖЕНЩИНА. Я теперь увидела, какая она чистая. Как стеклышко...

ГОСТЬ. Успокойтесь! Успокойтесь же! Ведь взрослые вы люди. Что на вас нашло? (Женщине.) Я знаю, вам позвонили по телефону, когда мужа не было дома, и вызвали. И вы наутро в назначенное время направились в НКВД. Когда вашего мужа не было на работе... Они знали, когда вызывать, когда звонить. И прошу вас, давайте говорить спокойно...

МУЖЧИНА (Женщине). Тебя вызывали из-за меня?

ЖЕНЩИНА. Нет!

ГОСТЬ. Ее вызывали из-за жены Гарибзаде...

МУЖЧИНА. Не могу понять...

ГОСТЬ ...чтобы она «засвидетельствовала» антисоветские, антисталинские высказывания супруги Гарибзаде, когда они гостили у вас...

МУЖЧИНА (Женщине). И ты...

ЖЕНЩИНА. А что мне оставалось делать? Пригрозили: не подпишешь компромат – вместе с мужем получишь десятую статью, сядете оба за скамью подсудимых как «враги народа». У меня не было выхода. Кого я могла докричаться? Эти рожи... когда я вспоминаю их рожи, меня и сейчас оторопь берет. Настрочили – и я поставила подпись.

МУЖЧИНА. Что написали?

ЖЕНЩИНА. Ясно – что. Дескать, всякий раз, приходя в гости к нам, она позволяла себе крамольные речи... против советской власти... Да еще пыталась и меня завербовать в подпольную организацию своего мужа.

МУЖЧИНА. И ты...

ЖЕНЩИНА. Да...

МУЖЧИНА. А ты не подумала о том, что они могут спросить, почему ты вовремя не сообщила им?

ЖЕНЩИНА. Они дали слово оставить меня в покое.

МУЖЧИНА. Да разве можно верить их слову, дуреха!

ЖЕНЩИНА. Сам ты дурак.

ГОСТЬ (качает головой). Ну вот...началось... Неровен час, разведутся!

ЖЕНЩИНА. Трое здоровенных мужиков...так зыркали на меня, будто собирались раздеть догола, каленым железом жечь и наслаждаться зрелищем... И что я должна была делать?

ГОСТЬ Потому и при втором вызове она показала против жены Гарибзаде. (Женщине.) Верно?

МУЖЧИНА. Ты и во второй раз там побывала?

ГОСТЬ. А что ей оставалось? Вызвали на очную ставку – подтвердить показания.

МУЖЧИНА (Женщине). И ты подтвердила?

Пауза.

Ее арестовали после твоих первых показаний?

ЖЕНЩИНА. Ее все равно арестовали бы, ты же это знаешь лучше меня...

МУЖЧИНА. Итак, ты подтвердила, что у нас в квартире она позволяла себе контрреволюционные высказывания... Да еще пыталась завербовать твоего мужа в подпольную организацию?

ЖЕНЩИНА (страдальчески). Ее так избили... Я с трудом узнала ее... Не знаю, узнала ли она меня?.. Лучше бы нет... С того дня я не могу уснуть. До утра молю Аллаха – пусть бы не узнала она меня.

ГОСТЬ (Мужчине). Видите? А вы думали она спит...

ЖЕНЩИНА (не слушая, о своем). Кабы она не узнала, кто оговорил ее...

Короткая пауза.

Она так держалась, будто все, что там ни говорилось, не касается ее. Что ни скажут, сразу поддакивает. Даже головы не подняла, чтоб взглянуть на меня... Все время бормотала: «Дайте мне уснуть... Дайте уснуть...».

МУЖЧИНА. А ты все написанное выдала ей в лицо?

ЖЕНЩИНА. Или ты хотел бы и меня видеть в ее состоянии, да? И ты бы пришел меня спасать – выручать? Да тебя раньше меня к стенке поставили бы!

ГОСТЬ. Откуда знать, кого из вас первым... (Остановившись у одной из фотографий на стене, всматривается.) О-о-о! Старый дружище! Очень рад тебя видеть!

ЖЕНЩИНА (резко). Это мой отец, и другом вашим быть не может!

ГОСТЬ. Это почему же? Потому ли, что он был самым распрекрасным, идеальным человеком на свете? Не так ли? (Мужчине.) Она и своего отца хорошенько не знает. (Снова глядя на снимок.) Знаешь, что это был за персонаж? (Усмехается.) О-о-о!

Пауза.

МУЖЧИНА (тыча пальцем в сторону Гостя). Он хочет нас изничтожить. Хочет, чтоб мы возненавидели друг друга... загрызли друг друга, задушили, убили!.. (Бьют часы на стене. Вздогнув.) Уже Новый год наступил? Да? (Женщине.) Кончился 37-й?

ЖЕНЩИНА. Как знать...

МУЖЧИНА. Кончился! 37-й – позади! Вот, слышишь, часы пробили 12! Кончился 37-й! Кончился! (Внезапно, ринувшись на Гостя, хватая его за горло и начинает душить.) Вот так тебя... Так! (Женщине.) Иди, помоги мне! (Женщина, чуть поколебавшись, с истошным, истерическим стоном нападает на Гостя, тот пытается вырваться из их рук. Мужчина, стискивая горло Гостю) Ты держи его за руки! За руки! (Как ни пытается, ни трепыхается Гость, хрипя, ему не удается вырваться. Наконец, обмякнув, он валится на пол. Она, присев на корточки, упирается коленом ему в грудь и прижимает его руки к полу, Мужчина все еще душит его изо всех сил.) Все!.. Кончено!..

(Оторвав руки от горла распростертого на полу Гостя, садится на пол, Женщина тоже присаживается обочь.)

ЖЕНЩИНА. Околел как собака. (С сарказмом.) Отец мой, видишь ли, был его другом... (Не сдержавшись, плюет в лицо бездыханного Гостя.) Отец мой не мог быть другом такой погани, как ты... (Мужчине.) А что с тобой, весь трясешься?

МУЖЧИНА (в отчаянии). Что мы натворили?..

ЖЕНЩИНА (с презрением глядя на Гостя). Он получил то, что заслужил.

Пауза.

С Новым годом тебя! Кончился 37-й... Но...но и от 38-го я не жду особых радостей...

МУЖЧИНА. Тебя и прежде вызывали в НКВД? (Она подтверждает кивком.) Сколько раз?

ЖЕНЩИНА. Ну, раза четыре-пять...

МУЖЧИНА. Четыре-пять?

Она кивает.

И обо мне тебя спрашивали?

ЖЕНЩИНА. Да нет... О других наших знакомцах арестованных.

МУЖЧИНА. Заставляли их тоже оговорить? (Она подтверждает кивком головы.) А может быть, и обо мне спрашивали, но велели держать язык за зубами? Потому и молчишь?

ЖЕНЩИНА. Не бойся. О тебе разговора не было.

МУЖЧИНА. А я не боюсь.

ЖЕНЩИНА. Вижу...

МУЖЧИНА. Если уж ты меня не понимаешь, то кто сможет понять?

ЖЕНЩИНА. Да. Впредь нам нужно понимать друг друга... Иного не дано. Мы в таком темном тоннеле, что не видно впереди ни малейшего лучика надежды. Не видно... Ничего, кроме тьмы...

МУЖЧИНА. Но ведь...если так поглядеть... что мы такого совершили?

Короткая пауза.

Мы просто спасли себя...

ЖЕНЩИНА. Наверно, так...

МУЖЧИНА. Или нам не надо было спасать себя?

(Она пожимает плечами.)

МУЖЧИНА. А они... там не мучили тебя?

ЖЕНЩИНА. Что ты имеешь в виду? Если побои – то нет. Не били.

МУЖЧИНА. Хочу сказать... не приставали?

ЖЕНЩИНА. Нет... если ты спрашиваешь о посягательстве – никто... (Глядя на тело Гостя.) Странно! Столько в Баку семей... почему он выбрал именно нас?

МУЖЧИНА (также поглядев на мертвого). Не знаю... А тебя вызовут еще по делу Ахунда?

ЖЕНЩИНА. Наверно... Он же сосед...

МУЖЧИНА. И что ты скажешь там?

ЖЕНЩИНА. Что велят – то и скажу.

Пауза.

МУЖЧИНА (уставившись на труп). Мы...мы убили человека...

ЖЕНЩИНА. Нет, не человека...шайтана... Ты еще этого не понял? Я сразу поняла, что он – не человек. Как увидела.

МУЖЧИНА (с горькой усмешкой). А кому мы докажем? Сообщить в НКВД, дескать, мы задушили шайтана?... А если нагрянут сюда и обнаружат его – то как быть, что говорить?

ЖЕНЩИНА. Его нельзя оставлять тут. Надо отнести и бросить на свалку, на съедение крысам...

МУЖЧИНА. Но как с пятого этажа спустишь его... причем в новогоднюю ночь! Куда его деть, куда тащить?

ЖЕНЩИНА. Надо изрубить на куски.

МУЖЧИНА (ужаснувшись). Что?

ЖЕНЩИНА. Изрубить. А после по кускам перетащить и...

МУЖЧИНА. Нет! Я этого не смогу!

ЖЕНЩИНА. Почему же? Он...не заслужил того, чтобы с ним обращались как с человеком...

МУЖЧИНА. Как-никак...он во плоти и крови человеческой...

ЖЕНЩИНА. Где топор?

МУЖЧИНА. Нет!.. Нет!.. (Женщина, поднявшись, направляется к кухне. Вдогонку ей, громко.) Нет!.. Нет! Я не смогу... не сумею... (Она возвращается из кухни с секачом и ножом в руке.)

ЖЕНЩИНА. Помоги мне!

МУЖЧИНА. Ты? Ты будешь кромсать его? Нет... Я не смогу помочь...

ЖЕНЩИНА. Трус! Ты всегда был труслив как заяц! (Она подходит к телу Гостя, отставляет нож). Сперва надо отсечь башку... (Взяв секач за топориче обеими руками, заносит вверх и, когда собирается обрушить удар, внезапно Гость хватает ее за запястья и резким движением отталкивает прочь. Она падает.)

ГОСТЬ (выпрямив спину, садится на полу. Мужчине). А ты говорил: «она не шайтан!» (Передразнивая.) «Ты...мою жену обозвал...шайтаном?!» Видел? Видел, как замахнулась топором? В куски бы изрубила! О-о-о! Да ты знаешь, что это за фурия? Ее папаша по сравнению с ней – ангелочек! (Насмешливо копирует.) «Он мой отец...он не мог быть вашим другом...» (Качает головой.) Ай-яй-яй...

С в е т г а с н е т .

Картина шестая

Та же обстановка. Ночь. Мужчина сидит на стуле, Женщина, облокотившись о стол, обхватив голову руками, сидит напротив, Гость, что-то бормоча, прохаживается по комнате.

ГОСТЬ. Славно вы отметили Новый год!.. Лучше быть не может... Отлично встретили! (Показывает на ходики.) Какое совпадение – часы пробили акkurat в тот момент, когда меня душили... Так кинулись на меня, будто нелюди! А еще разглагольствуют о высоких материях. (Разминает шею.) Все еще болит! (Достав из кармана зеркальце, всматривается.) Ну да, останется синяк... (Качает головой.) Вот ведь что выкинули! (Продолжает прохаживаться.) Я же говорю... Они и по-человечески объясняться не умеют.

Нет, чтоб сесть спокойно за стол, спокойно говорить и слушать друг друга. Нет уж, надо орать, горло драть, оскорблять, шпынять, душиить! (Потирает шею.) А еще интеллигенция...люди образованные... (Женщине, потирая себе запястье.) Я бы в жизни не подумал, что у такого хрупкого создания такая силища в руках. Так стиснули руки мне – что онемели, одеревенели. Вот, глядите, пошевелить не могу.

ЖЕНЩИНА. Я хочу все же...хочу у вас спросить... Но очень, очень прошу ответить: почему в таком огромном Баку, в таком просторном Азербайджане, в таком необъятном Союзе вы выбрали именно нас? Почему? Неужто мы самые худшие среди обитателей Баку, республики, страны? И на нас должна пасть кара?

ГОСТЬ. Во-первых, я не обязан вам отвечать. Вообще я никому ничего не должен, не был и не буду должен! Во-вторых, откуда вы знаете, что мое местонахождение только здесь? Я должен вам отчитываться, что ли? Может, сейчас, кроме вашей квартиры я нахожусь еще в сотне, тысяче, миллионах домов? Население СССР перевалило за 150 миллионов! Правда, вы, расстреливая друг друга, убавляете свою численность... Признаться, порой я сам теряюсь: кто жертва, кто палач? Не могу взять в толк. Вот с утра мы толкуем о Гарибзаде. (Остановившись.) Дай-ка и я присяду, поговорим спокойненько. (Садится в кресло.) Так вот. Избивали его в НКВД? Да. Пытали? Да. Расстреляли с женой в придачу? Да. Осиротили их детей? Конечно, значит, кем теперь является Гарибзаде? Жертвой! (Мужчине) Не так ли?

Короткая пауза.

Но минуточку, погодите минуточку. Где работал Гарибзаде шесть лет тому назад? В 1931-м? (Смотрит то на нее, то на ее мужа).

Короткая пауза.

Ладно! Я вам сейчас напомним. В 1931 году Гарибзаде девять месяцев проработал на посту генпрокурора Азербайджанской ССР. Всего девять месяцев. Но за эти девять месяцев он потребовал для 34 обвиняемых в «контрреволюционной деятельности» вынесения смертного приговора, и они были отправлены на тот свет. Сколько дней составляют девять месяцев? Тридцать умножим на девять, получается 270. Плюс еще месяца с 31 днем. Ну, скажем, пусть будет всего 275 дней. (Женщине.) Верно считаю?

Пауза.

275 разделим на число этих несчастных. Сейчас...минуточку... Более восьми... Значит, Гарибзаде каждые восемь дней отправлял на расстрел одного человека. И как тогда именовать Гарибзаде? Получается – палач...

МУЖЧИНА. В те времена расстреливали настоящую контру...

ГОСТЬ. А настоящая контра – разве не люди, товарищ дорогой?

МУЖЧИНА. Я тебе не товарищ!

ГОСТЬ. Ох-хо-хо. Да вы себя не знаете. Я же вас, знаете ли, люблю. Вы мне как родные. (Женщине.) Вы тоже. Это не суть важно, что вы хотели изрубить меня топором. Истина в том, что вы оба мне дороги. (Пальцем шутливо грозя Женщине.) Я и отца твоего очень чтил...

ЖЕНЩИНА. Вы...может, явились к нам, чтобы заключить с нами сделку?

ГОСТЬ. Сделку? Я, знаете, за целый день смеюсь только один раз. Потому выжидал момент, чтобы смех мой был кстати. Вот сейчас и настал момент. (Смеется). Вы выдумали себе новоявленного доктора Фауста, продавшего душу Мефистофелю! А на кой черт Мефистофелю сама душа? Чего она стоит? Душа ваша – как и вы сами. Вы сочинили легенду, дескать, Дьявол, вступив в сделку, берет на откуп вашу душу... Выдумали миф, развели ахиною, что все, кто подвернулся под руку, от Сократа до Бекона, от Нострадамуса до Джордано Бруно были в сговоре с Дьяволом. Да на что Дьяволу ваши души? Чтобы в грех ввести? Так и без того души ваши погрязли в грехах!..

Короткая пауза.

Кажется, я тут с вами заговорился. Сколько раз зарекаюсь не молоть языком, а опять же срываюсь... (Поднявшись, начинает ходить взад-вперед. Останавливается у стола.) Вино налито, да не выпито...

ЖЕНЩИНА (устало). Хотите выпить?

ГОСТЬ. Я? Нет. Не употребляю. (Прохаживается.) Ладно... (Смотрит на часы.) Время позднее... Я напомню вам одно событие, и на том завершу свою миссию, но покорнейше прошу вас: не передеритесь друг с другом, не оскорбляйте друг друга. Договорились?

МУЖЧИНА. Что? (Женщине.) О чем он?

ЖЕНЩИНА. Он поведаст нам некое событие, и мы, выслушав его, не должны оскорблять друг друга.

МУЖЧИНА. Причем тут оскорбления? (Поднявшись, кипятится.) Да мы до сих пор жили душа в душу! В мире и согласии! Чего ты прицепился, чего ты хочешь от нас? Ты никому ничего не должен, говоришь, а мы-то чего тебе задолжали? Почему ты не отстанешь от нас? (Все больше распаляясь.)

Ведь... Кем ты себя возомнил?.. Кто ты такой? Уполномоченный Аллаха, что ли? Чтоб нас судить, обвинять?.. Давать оценку нам? А? Нашелся судья! Самозванец! Мразь! Пусть меня судит тот, кто лучше меня! Кто имеет право судить меня! Понял?! Ты же погряз в скверне, по горло, с потрохами! По какому праву ты обвиняешь нас?! Выходит, мы должны взирать на твои распрекрасные деяния и сгорать со стыда, испытывать угрызения совести? Черта с два! (Показывает ему кукиш.) Вот тебе!..

Короткая пауза.

ГОСТЬ. Вот ваша культура! У меня нет слов... (К зрителям.) Взрослый мужчина, а как себя ведет, глядите! (Показывая на Мужчину, Женщине.) Где он получил такое воспитание? (Качает головой.) Ай-яй-яй!.. Надо же, как струхнул! (Мужчине.) Вы еще и не знаете, что я вам напомню, а уже душа в пятки ушла... Ну, тогда слушайте! (Вдруг поворачивается к Женщине.) Хотите, начну с вас?

ЖЕНЩИНА. Нет! Не желаю! (В истерике.) Оставьте нас в покое! Кто вы такой, уж не бессмертное ли существо?! И вас нельзя убить? Уничтожить?

МУЖЧИНА. Можно! Еще как! (В диком порыве набрасывается на Гостя.) На сей раз тебе не спастись! Поганый шакал! Гиена! (Снова хватает его за горло обеими руками, душит.) Теперь-то все будет кончено! «Финита ля комедия»! (Женщина устремляется к нему на подмогу. Совместными усилиями, навалившись на Гостя, они сбивают его с ног. Гость отбивается изо всех сил. Мужчина обрушивает на него удары.) Получай! Вот тебе! Вот тебе!

ЖЕНЩИНА. Надо его задушить! Души его! Души!..

ГОСТЬ (кричит). Что вы делаете? Отпустите меня!

МУЖЧИНА. Черта с два!.. Не отвертись!..

ГОСТЬ (хрипя). Вы с ума сошли!.. Отпустите!..

ЖЕНЩИНА. Не слушай его!.. Дави! Посильней!..

ГОСТЬ (вопит). Вай!.. Глаз... Глаз...выбили...

ЖЕНЩИНА. Жми! Не выпускай! (Гость, исторгнув стон, затихает, уже не в силах сопротивляться, распластывается на полу.) Ну? Окочился?

МУЖЧИНА (приложив ухо к груди Гостя). Сердце не бьется.

ЖЕНЩИНА. А может, у него и сердца-то нету?

(Мужчина поднимает руку лежащего и отпускает: рука падает как плеть.)

МУЖЧИНА. Нет, на сей раз он – испустил дух. Дал дуба... Туда ему и дорога...

ЖЕНЩИНА (брезгливо отряхивая свою руку). Руку всю замарала его кровью.

МУЖЧИНА. Ты...выколола ему глаз?

ЖЕНЩИНА. Надо бы и другой...

Короткая пауза.

МУЖЧИНА. Пальцем, что ли, выколола?

ЖЕНЩИНА. А чем еще? Пойду вымою руку... (Поднявшись, с презрением косится на Гостя.) Мерзкая тварь... (Покидает сцену.)

На сцене сгущается тьма. После паузы, когда вновь на сцене светлеет, Женщина возвращается и застывает на месте.

ЖЕНЩИНА. Где же он?

(Тело Гостя, лежавшее на полу, исчезло.)

МУЖЧИНА (продолжая сидеть на полу, в ужасе). Сгинул!

ЖЕНЩИНА. Как это – сгинул?

МУЖЧИНА (все в том же состоянии). У меня на глазах...вдруг взял и сгинул...

ЖЕНЩИНА (истерически). Нет! Он здесь!.. Он затаился!.. (Мечется по сцене, опрокидывая все вверх дном.) Найти... добить... додушить... уничтожить... искромсать на куски...

(Мужчина, поднявшись на ноги, обнимает ее.)

МУЖЧИНА. Успокойся!.. Его уже нет... Он исчез на моих глазах... моментально... в мгновение ока... истаял... растворился...

Пауза.

ЖЕНЩИНА (трясаясь). Кто это был? Что это было?..

МУЖЧИНА. Возьми себя в руки!.. Его здесь уже нет! (Сжав ее в объятьях, пытается удержать.) Видать, это было некое испытание... выпавшее на нашу долю...

ЖЕНЩИНА (содрогаясь, срывается на крик). Что он был? Кто он был? Почему выбрал нас? Почему? За что?

МУЖЧИНА (прижимая ее к груди). Ну, успокойся же! Нет его уже! Истаял... Ушел... Улетучился... Все теперь образуется...

Она, высвободившись из его рук, подходит к портрету Сталина.

ЖЕНЩИНА (тыча пальцем в портрет). Может, это был он? А? Может, он обернулся Гостем?

(Мужчина поспешно закрывает ей рот ладонью.)

МУЖЧИНА (в паническом страхе). Замолчи! Ты совсем спятила?!

С в е т г а с н е т .

Картина седьмая

Та же обстановка. Ночь. Женщина, Мужчина, офицер и два сотрудника НКВД. Женщина и Мужчина сидят за столом друг против друга.

МУЖЧИНА. Может, все это было кошмарным сном? Галлюцинацией...

ЖЕНЩИНА (пожимает плечами). Может быть...

МУЖЧИНА. Ты... ты действительно ходила в НКВД?

ЖЕНЩИНА. Да...

Пауза.

А ты написал ему (показывает на портрет вождя). письмо...

Пауза.

МУЖЧИНА. Вот так-то и настал 38-й... Что ж, то есть 37-й никогда не кончится? (Она вновь пожимает плечами). Откупорить шампанское?

ЖЕНЩИНА. Как хочешь.

Пауза.

Неужели он опять вернется?

МУЖЧИНА. Он исчез...сгинул.

Пауза.

Ты...ты вот говорила, что ночами уснуть не могла. А я, думаешь, засыпал, как только закрою глаза? Да разве я каменный?.. Ругал себя во все корки...проклинал себя... Места себе не находил... Ты не веришь мне?

ЖЕНЩИНА. Почему же? Верю...

Короткая пауза.

МУЖЧИНА. Давай-ка будем считать, что ничего не было.

Пауза.

Сердце разрывается... Как же нам вот так жить?

ЖЕНЩИНА. Не знаю... (Раздается громкий стук в дверь. Насторожившись.) Явился? (Стук повторяется.) Это он! Он!

(Мужчина, поднявшись, направляется к двери.)

МУЖЧИНА. Кто там?

Голос из-за кулис: Откройте!

ЖЕНЩИНА. Слышишь: голос.

МУЖЧИНА (тихо, ей). Может быть...

Голос из-за кулис: Откройте! Откройте же дверь!

МУЖЧИНА. Может, из НКВД?

(Она пожимает плечами. Он отпирает дверь. Входит офицер НКВД и двое сопровождающих его сотрудников. У офицера черная повязка на одном глазу.)

ОФИЦЕР . Азер Аяз оглу?

МУЖЧИНА. Да.

ОФИЦЕР . Вы должны последовать с нами.

МУЖЧИНА. Почему? С какой стати?

ОФИЦЕР . С какой – растолкуют в НКВД! (Сопровождающим.) Обыщите квартиру! Все, что есть у этой контры – выпотрошите!

(Женщина, подступив к Офицеру, пристально всматривается в него.)

МУЖЧИНА. Кто это – контра?

ОФИЦЕР. Кто? Вы!

МУЖЧИНА. Я?

ЖЕНЩИНА (не сводя взгляда с Офицера, шепотом). Это – он...

ОФИЦЕР (не обращая на нее внимания, сотрудникам). Приступайте!

(Сотрудники начинают шарить везде, по всем углам.)

ЖЕНЩИНА. Это – он! Он!

ОФИЦЕР (не обращая на нее внимания, Мужчине). Можете взять с собой небольшой чемодан с вещами.

МУЖЧИНА. Но объясните, за что? Почему?

ОФИЦЕР . Я уже сказал. Опять надо вам объяснять? (Подойдя к Мужчине, приближается вплотную, чуть ли не тыча носом ему в лицо.) Потому, что вы – один из главарей подпольной террористической шайки, окопавшейся в вашем же наркомате!

МУЖЧИНА. Я? Главарь?.. Подпольной...

ОФИЦЕР (перебивая). Да! Или это не так?

МУЖЧИНА. Конечно, не так! Я сам разоблачал эту организацию! Я первым дал сигнал о ней! Я оповестил вас, поднял на ноги! Я написал письмо товарищу Сталину!

ОФИЦЕР. Из страха, что вскоре и до вас доберемся! Хотели опередить нас? Да? Чудак-человек! Разве можно нас опередить?!

(Проводящие обыск, заграбастав попавшиеся под руку газеты, журналы, книги, бросают их в кучу на середину сцены.)

МУЖЧИНА. Я это так не оставлю! Я напишу жалобу товарищу Сталину! Я...

ОФИЦЕР (перебивая). Послушай, ты, замаскированный враг! Знаешь, что... (Схватив его за грудки, трясет.) Не смей произносить святое имя товарища Сталина своим поганым ртом! Понял! Понял ты меня, контра? Враг народа!

МУЖЧИНА. Я не враг народа!

ОФИЦЕР . Ну-ну. Я до сих пор не видел такого врага народа, чтоб сам добровольно признался в этом! Чтоб пришел и сказал: да, вот я, враг народа! (Передразнивает.) «У меня есть алиби!»

ЖЕНЩИНА. Я же говорила, это он! Это он!

ОФИЦЕР (пропуская ее слова мимо ушей). Но сколько веревочке ни виться, а конец будет! Маска будет сорвана. И им приходится расколотся. Потому, как у вас нет ни чести, ни совести. Есть ли?

Короткая пауза.

Есть у тебя совесть?

МУЖЧИНА. Я не враг народа!

ОФИЦЕР . Ты бесчестный, бессовестный человек! Ты совершил измену партии, народу, родине, простым советским трудящимся! Ты предал товарища Сталина! Идеалы коммунизма! Понял? Ты – агент японских спецслужб!

МУЖЧИНА (кричит). Я никогда не был в Японии! Я не разговаривал ни с одним японцем за всю жизнь!

ОФИЦЕР. Собирайся! Мы тебе напомним! Не то, что в Японии, признаешься, что и на Марсе побывал... Собирайся.

МУЖЧИНА. Я туда не пойду.

ОФИЦЕР. Пойдешь, как миленький! Пойдешь, дорогой.

МУЖЧИНА. Я вам не «дорогой».

ОФИЦЕР. Вот там, когда упадешь мне в ноги, спросишь, дорогой ты мне или нет.

МУЖЧИНА (с презрением, твердо). Я не упаду к твоим вонючим ногам, не взмолюсь!

ОФИЦЕР . Ладно! Посмотрим! Поглядим, чьи ноги вонючие. Поторапливайся! Тебя ждут с нетерпением! (Мужчина смотрит на Женщину расширившимися от страха глазами, переводит взгляд на Офицера и неожиданно бежит к окну. Офицер – сотрудникам) Держите его! Держите! (Они не успевают схватить и удержать Мужчину; он бросается из окна, и после звона разбитого стекла доносится с улицы тупой стук ударившегося оземь тела.)

ЖЕНЩИНА (кричит). Вы погубили его! Вы убили его!

ОФИЦЕР (сопровождающим). Олухи! Не могли удержать его! (Подойдя к окну, выглядывает вниз.) Ай-яй-яй! (Повернув голову, сотрудникам.) Ступайте вниз и погрузите его в машину! Живей! Я тоже сейчас спущусь! (Сотрудники поспешно покидают сцену.)

ЖЕНЩИНА. За что? За что вы убили его?

ОФИЦЕР (тихо). Не бойся!..

(Свет выхватывает только их лица.)

Он придет к нам!

Пауза.

ЖЕНЩИНА (шепотом). К нам? То есть куда?

ОФИЦЕР (шепотом). Куда?.. Вот туда... (Пальцем показывает на потолок.) Во-он туда... Там...к нам... Он уже в пути...

ЖЕНЩИНА. Ты... ты – он?

ОФИЦЕР . Он? То есть кто?

ЖЕНЩИНА. Недавний Гость?

ОФИЦЕР (недоуменно). Какой еще гость?

ЖЕНЩИНА. Ну, тот самый гость...который к нам явился... О... Он – это ты?

ОФИЦЕР . Ничего не понимаю.

ЖЕНЩИНА (еще больше понизив голос). Не бойся... Признайся... Ты – это он?..

ОФИЦЕР. Мне – бояться? Чего же? Я и самого Аллаха не боялся... Это вы живете в страхе... Делаете все, что заблагорассудится, а после боитесь (оказывает на потолок) геенны огненной!.. Все вы, как недоумки, денно и ночью молитесь Всевышнего, чтобы сподобил ваших родителей, братьев, сестер, любимых людей райского блаженства... И сами, каждый из вас, мечтаете попасть в рай. Испокон веков выдумываете себе борьбу Добра и Зла... И все валите на Аллаха! А что поделает Аллаху, если у вас столько грехов? Как Ему допустить вас в рай? Ведь Всевышнему помочь надобно... Даже у тех, кого вы возомнили безгрешными и праведными, столько грехов... И вы ставите Аллаха в тупик... Сами изгаляетесь друг над другом, делаете всевозможные гадости, а после говорите: проклятье шайтану? С какой стати, за что проклятье шайтану? Все жаждете рая. Во-он он, рай, там ни души, пусто... По моим сведениям, за последние три тысячи лет выискали лишь пару душ, достойных рая, да и то со скидкой... Все вы являетесь ко мне... Но...но это к тебе не относится. (Исподволь обнимая Женщину, с распалюющей страстью.) Все вы устремляетесь ко мне... И правильно поступаете... Ибо дорога ко мне – путь истинной жизни... Этот путь – первооснова, фундамент вашего бытия... Смысл всей вашей жизни, вашего существования заключается в этом самом пути!.. Впрочем, это я так, к слову... Не бери в голову... Слово не имеет никакого значения... Слово служит для прикрытия лжи... Порой вы и сами не осознаете этого... Только потом прозреваете... (Показывает на потолок.) Когда окажетесь там... Это я тебе говорю по опыту тысячелетий... (С откровенным вождением.) А топор-то ты здорово подняла... мне понравилось... (Привлекая Женщину к себе, показывает на свой глаз с черной перевязкой.) И это ты ловко проделала... Раз! – и плакал мой глаз!.. Bravo... Ты не беспокойся... это пройдет... заживет... Со мною такие вещи происходили миллионы раз... Образуется. Сама увидишь... Ты мне нравишься... Твои глаза, твои руки, твое тело... Как только увидел тебя, я понял – ты создана для меня... Ты и сама убедишься в этом... Знаешь, от твоих груди мне передается энергия, как будто ты кормишь грудью дитя...

ЖЕНЩИНА (озираясь по сторонам). Похоже, у меня начинается галлюцинация...

ОФИЦЕР (проследив за ее взглядом, пожимает плечами). Галлюцинация?

Короткая пауза.

ЖЕНЩИНА (с затаенной страстью, шепотом). Ты говоришь...ты сказал, что он явится к нам?

ОФИЦЕР. А куда еще ему деваться? (Прижимает ее к груди.) Он уже добрался, он там. (Жестом показывает в сторону окна.) Я возьму его к себе...в ученики... Он талантлив... У него есть будущность!..

ЖЕНЩИНА. Значит, он...к нам...

ОФИЦЕР Да...

ЖЕНЩИНА. К нам? Но ведь...ведь я здесь...

ОФИЦЕР . Что с того? Тебе же не вечно оставаться тут... Рано или поздно явишься... (Пытается поцеловать ее в губы.)

ЖЕНЩИНА (уперевшись руками ему в грудь, стремится отстраниться). Нет!.. Нет!..

ОФИЦЕР. Почему – нет?..

ЖЕНЩИНА. Нет!.. Нет!..

ОФИЦЕР . Почему?

ЖЕНЩИНА. Я... я боюсь!

ОФИЦЕР (показывая на потолок, страстным шепотом). Этого?

ЖЕНЩИНА. Да...

ОФИЦЕР. Зря! Думаешь, там страшнее, чем здесь? Нет! Там не страшнее, чем здесь! (Снова пытается поцеловать ее в губы.)

ЖЕНЩИНА. Нет...

ОФИЦЕР . Ну скажи же: «да»! «Да... да...».

ЖЕНЩИНА (охваченная смешанным чувством тревоги и возбуждения, шепотом). Да?..

ОФИЦЕР. Конечно...

Сцена заливается светом. Офицер, торопливо отстранившись от Женщины, подходит к окну и смотрит

вниз.

(Громко.) Ну что там у вас? Бросили его в машину? (Быстрыми шагами устремившись к двери, Женщине.) Ну, пока!.. И сами никуда не отлучайтесь!.. Наверно, и вас вызовем!..

Офицер покидает сцену, Женщина остается посреди сцены в застывшей позе.

С в е т г а с н е т .

11 декабря 2007 г.

Баку

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ТЕЮБ ГУРБАН

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Пьеса в стихах

Светлой памяти Гаджи Зейналабдина Тагиева

КАРТИНА 1

Свет на сцене постепенно убывает и гаснет. Доносится Голос, выражающий как бы размышления автора о предназначении и смысле человеческой жизни.

В финале пьесы этот голос прозвучат вновь.

Кто знает судьбу свою: как она сложится?

Чье имя останется, чье имя забудется?

Кто знает, чьи слезы по ком не избудутся?

Чья жизнь дольше жизни

прожитой продолжится?..

КАРТИНА 2

Гаджи озабоченно прохаживается по сцене. К нему радостно подбегает один из его друзей, поздравляет с удачей.

Друг

Гаджи, поздравляю! С тебя муштулуг1!

Нефть из колодца шарахнула вдруг!

Нас одарило подземное царство!

Нам привалило такое богатство!

Гаджи на радостях достает пачку денег и протягивает другу.

Гаджи

Мир вдруг расцвел! Преобразился всюду,

Благоуханным предстает мой край –

Событие это равнозначно чуду!

И мы с тобой попали будто в рай!

Друг

Аллах сподобил милостью, скажи,

За праведность, за доброту, Гаджи,

И птицу счастья ниспослал тебе,

За благо благом Он воздал тебе!

Но упаси тебя от обольщений славы,

Твори добро и чести чти уставы.

Будь совестью и гласом бедноты,

Радей о ней, верши свои труды.

Друг Гаджи уходит. На промысловой площадке работают тартальщики. Гаджи Зейналабдин издали глядит на них. К Гаджи подходит молодой гочи1 по имени Хандадаш.

Хандадаш

Скажи, Гаджи, кто недруг твой и враг,
Разделаю его я в пух и прах!

Гаджи (улыбаясь)

Врагов не знаю, друзей не считаю...

Хандадаш

Бывает друг, чуть что – и хата с краю...

Чем Хандадаш тебе бы услужил?

Мошну пустую чем бы подкрепил?..

Гаджи протягивает ему деньги.

Гаджи

Иди на промысел, трудись при мне,

Забот не будет больше о мошне...

Хандадаш

По мне, вот эти вышки – темный лес,

Ни в зуб ногой... В колодцы я не лез...

Гаджи

Работу дам по сердцу, по нутру.

Управишься! Я дело говорю!

Полно народу всякого в Баку.

Все ищут-свищут хлеба и деньгу.
Здоровых, бодрых приведи ко мне,
Сойдемся в уговоре и цене.
Калекам и недужным сообщи:
Берет на попеченье их Гаджи.
Пусть бросят побираться на дорогах,
И на господских шею гнуть порогах!
Согласен?

Хандадаш
Что не ... Согласен, благодетель.
Ты бы насчет деньжат ответил...

Гаджи
За день – по гривеннику.

Хандадаш
Правда, Гаджи? Приду... Итак, до завтра.

Гаджи
А внука дядиного впредь
Не трогай, вот тебе совет.
Ему и так постыл весь свет.

Гочи покидает сцену.

Дельцы, политиканы, фармазоны
Народ до ручки довели давно,
И тешатся в гаремах, в казино,
И ставят на кон тыщи, миллионы...
Хочу помочь, тягаясь с пошлым веком,
Остаться человеку человеком.

В это время по сцене проходят женщины в чадре.

У них у всех печальная судьба,
Жена иль мать – затворница, раба.
Вот так... за тучей прячется луна.
Чадра ль тому причина и вина?

Да пусть в чадре к учебе причастятся,
С домашним вечным пленом распростятся...
Нет фабрики... да это трудно, что ли?
Народа благо – в лучшей женской доле...

Погрузился в раздумье.

Станки из-за границы завезу.
А вот смогу ли убедить царя?
Но гласным в Думу избран я не зря.

КАРТИНА 3

Контора. Заходит мужчина, прибывший из Ардебиля.

Ардебилец

Я – ардебилец, твой слуга, Гаджи...

Припав на колени, хочет поцеловать подол сюртука Гаджи, но тот удерживает его жестом.

Гаджи

Вставай, киши. Ты лучше расскажи

В каких делах умеюч и мастак.

Женат иль холостяк?

Ардебилец

Я – кожемяка... Семья, господин, –

Одиннадцать дочурок, сын один.

Пришел с надеждой под твое крыло...

Гаджи

Отправься в Зых и обойди село,

Там есть жильё. Где любо – поселись.

Всматриваясь вдаль.

Дарю тебе. С условием: вернись

На родину, и всей семьей – сюда.

Работу здесь отыщем, не беда.

Да, Ардебиль... для нас не чуждый край,

И мы один народ, не забывай.

Ардебилец, растроганный и благодарный, уходит. Появляется ашуг с сазом, кланяется.

Ашуг

Я ашуг, пришел к вам с сазом,

С Алескера¹ вещим сказом.

(Прижав саз к груди, начинает петь на слова ашуга Алескера)

Кто ревнитель своей чести,

Тот игидом прослывет,

С другом до самой до смерти

Ложь не пустит в оборот,

Голову, что ради друга

На закланье не пойдет,

Можно заменить арбузом, –

Ничего не прогадать!

Гаджи смеется. Затем, поднявшись с места, приближается к ашугу.

Гаджи

Мугам и тар душе отрадой служат.

Но и не прочь ашуга я послушать...

А чем тебе, ашуг, я порадею?

Ашуг

Гаджи, так я садовничать умею...

Гаджи

Я сам справляюсь с садом-то моим.

Займись, ашуг, занятием другим,

Выхаживай маслиновую рощу,

Пускай и саз твою облегчит ношу...

Ашуг

Согласен я... Нас кормит всех земля...

А как насчет пристанища, жилья?

Гаджи

Построим дом... Чего нам приbedняться?..

С расходами дела я утрясу...

После короткой паузы.

А есть ли дети?

Ашуг

Мал мала... Пятнадцать...

Одни в Баку, другие же – в Ахсу...

Гаджи

усмехаясь, кладя руку ему на плечо

Всех привези, чтоб жить под общей крышей...

Коль урожай маслин взойдет достойный,

И если нас помилует Всевышний,

Открою я заводик маслобойный.

Ашуг (с удивлением)

Не думал, что маслины впрок идут...

Гаджи

Но их «зеленым золотом» зовут

В Европе. Будешь ты одет, обут...

Хоть саз ряди ты в струны золотые!

Даст сил Аллах в мои года седые,

Я старшего пострела твоего

Пошлю в Париж учиться. Каково?

Аллахом клянусь, коль я доживу,

До этого дня, то старшего сына, ашуг, твоего

Отправлю в Париж, на учебу, вестимо,
И обеспечу всем необходимым.

Ашуг

Ты бедноты воистину радетель,
Ты нации отец и благодетель!

Играя на сазе, ашуг удаляется. Заходит молодой инженер.

Инженер

Гаджи, учился я за рубежом,
Трудился инженером на чужбине,
Но поманил меня родимый дом,
И жгла тоска по родине огнем,
Хоть жил в достатке и приличном чине,
Вернулся я, поверь, не без причины.

Гаджи

Хвала и честь за ревность к очагу,
И я тебе за это помогу.
Садись, условимся же наперед.
Какой тебя устроил бы расчет?

Инженер (встает)

Червонец в месяц, в большем нет нужды.

Вполне достаточно мне за труды...

Гаджи

Женат?

Инженер

Нет. Я да пожилая мать...

Гаджи

Добро, я дам распоряженье.

Инженер уходит, входит газетчик.

Газетчик

Мое почтение, Гаджи.

Отец! Радетель! Свет моих очей!

Пришел почтить твой славный юбилей!

Живи сто лет, содействуя прогрессу!

Твой светлый лик украсит нашу прессу!

Гаджи (раздраженно)

Оставь свои пустые изъявления!

Я сам не знаю толком дня рожденья.

И где же ты узнал и раскопал?
 А может, пальцем в небо ты попал?
 Не юбилеем славен человек,
 А тем, как прожил на земле свой век...
 Ты порох, вижу, попусту потратил,
 В убытке твой окажется издатель...

Газетчик, сконфуженный, уходит.

КАРТИНА 4

Дача Гаджи Зейналабдина. Гасан бек Зардаби, Нариман Нариманов
 и Гаджи беседуют.

Гаджи

Мне по душе ваш благородный план:
 Должны учиться дети мусульман.
 Я против упразднения школ духовных,
 Но нет резона не открыть нам школ и новых.

Нариман

Тебе мы благодарны от души
 За пониманье, дорогой Гаджи!
 Достойных века не имеем школ.
 А дети учатся в домах у мллл,
 А там, прости, своя рука владыка,

Их бьют, ругают, вот в чем закавыка.
В духовных школах учим мы детей,
В которых – оскорбленья, розги, брань.
Гоняют, словно слуг, их в магазин,
Одно купи, другое принеси.

Гасан бек Зардаби

Когда затмение – лупим в казаны,
Пытаясь убыстрить полет луны...
Боимся джиннов, духов и шайтана,
Гадаем по писаньям неустанно,
Чем тешатся сородичи мои?
Бараньи, петушиные бои,
Иль действия об имамах убиенных,
Иль губят время в скорбных песнопеньях,
В какой я закуток ни загляну,
Народ мой у невежества в плену!

Гаджи

Родную речь нам возродить пора,
Тогда и в школу хлынет детвора...
Арабский знать, французский знать – не худо,
Но есть у нас родной язык покуда...

Нариман

А что до веры, поднятой на щит,
Она сплотит, она же разобщит...

Гасан бек Зардаби

Учитель должен быть кристально чистым,
Служителем народа бескорыстным.

Гаджи

Народ без просвещения – темнота,
Но и другая есть у нас беда.
Специалисты наши не у дел.
Учились за границею, в Стамбуле,
А как в края родные повернули,
Познали безработного удел...

Гасан бек Зардаби

Они пришлись у нас не ко двору...
А бекский сын гуляет на пиру.
Нам надо сеять знанья семена,
А всходам новым ласка ведь нужна...
«Лейли-Меджнун» мы знаем назубок.
Их горький жребий – драма и урок.
Пускай сыны и дочери земли
Сойдутся как Меджнун с Лейли.
Познают счастье сбывшейся мечты,

Вкушая просвещения плоды,

Лейли как врач, Меджнун

как инженер...

Нариман

... И у Гаджи послужат, например...

Гаджи

За мной не станет дело... хоть сейчас.

Гасан бек Зардаби

Тогда и девочкам за парты – в самый раз...

Нариман

Построить школу...

Обеспечить классы...

Тогда, Гаджи, выкладывай запасы...

Гаджи

Я никогда не тряся над мошной,

Когда не трачу, я и сам не свой...

Гасан бек Зардаби

Мы утомили вас, Гаджи, пожалуй,

Мир – дому, и спасибо аксакалу,

И с разрешенья вашего пойдем.

Гаджи

Для вас всегда открыты мои двери.

Они прощаются. Гости уходят. Гаджи один, в раздумье.

Гимназия женская...сказал Гасанбек...

И Дума не станет чинить нам помех,

Когда мы получим согласие царя.

Мы дело затеяли, может, не зря.

Что девушки наши? Сидят взаперти,

И чахнут без белого света цветы...

И что они видят? Поминки и той1,

И больше отдушины нет никакой.

А мир колобродит, бушует. Попробуй

Угнаться за резво бегущей Европой.

А девушки наши, подобные лани,

Томятся донныне в домашнем капкане.

Пускай же глотнут они света, свободы,

Постигнут науки и знанья щедроты!

И с ними кровинка, душа моя Сара,

И чем она детям заморским не пара?!..

Свет гаснет. Занавес.

КАРТИНА 5

Гаджи прибывает в школу. Здоровается с директором школы Ханифой-ханум.

Ханифа-ханум

Добро пожаловать.

Гаджи

Пришел я к вам с подарком, дорогие!

Дарю я вам писания благие...

(Передает книги Ханифе-ханум.)

На свете много достославных книг,

Коран священный – вот одна из них,

Внушающая нам: Аллах велик,

Завещана великим нам Пророком,

Служа потомкам праведным уроком.

Ханифа-ханум

Для полноты познаний и учебы

Нужны плоды России и Европы...

Гаджи

Да, да, согласен, светская наука,
Но все ж, важнее – воспитанье духа...

Моя мечта – увидеть дочерей –
Свободных граждан родины своей.

(Обращаясь к Ханифе-ханум)

Вы ни о чем не просите однако...

Ханифа-ханым
У нас все есть. Спасибо вам за благо.

Гаджи
А что в руках... что это за бумага?

Ханифа-ханум (смущенно)
Да девочки надумали... Прощение...
И просьбу облекли в стихотворение..
Я им твержу: родные, дорогие,
Такое не осилит и Тагиев...

Гаджи (улыбнувшись)
Труднее, чем гимназию открыть?

О чем же речь?

Ханифа-ханум (зачитывает письмо)

«Везде горят огни... как это?..

рампы,

Своих артистов поглядеть и нам бы,

Театра нет у нас. И очень грустно,

Нам не доступно дивное искусство.

Мы просим: уважаемый Гаджи.

Еще благое дело соверши.

Построй театр для родной столицы!

Мы будем благодарны: Ученицы».

Гаджи

Да я и сам подумывал об этом,

Спасибо детям. Помогли советом.

Найдутся средства... Прямо говорю,

Что за ценой любой не постою.

Но есть задача, что главнее прочих...

Где подыскать мне подходящих зодчих?

Ханифа-ханум

Но говорят, что ищущий обрящет...

Гаджи

Найдись такой, Гаджи его уважит!
Мне нужно время. Дело мне по нраву,
Театру – быть! И будет он на славу!

Свет гаснет. Звучит музыка из первой национальной оперы «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибекова.

КАРТИНА 6

Входят шотландец Вильям и сын Гаджи-Мохаммед.

Гаджи

Из Англии доставлены станки.
Благодарю вас, господин Вильям.

Вильям

Мое почтение и поклоны вам,
Я очень тронут. Ваши земляки
Весьма радушны.

Гаджи

И великодушны. Таков закон неписаный страны.

Вильям

Мне по душе пришелся Абшерон,
Суровые старинные твердыни.

Гаджи

Они – общенародные святыни.

Вильям

И женщины скрывают пол-лица,
Исполненные скромности и тайны.
Меня очаровали Мардакяны,
Седые храмы, щедрая лоза...

Гаджи

Есть у меня задумка, друг Вильям,
Вы б подыскали инженера нам
По водным, оросительным делам.
Баку давно нуждается в воде,
Да и не только. Сушь у нас везде.

Мохаммед

Приходится прокипятить сначала,
А после охлаждать и пить.
Пока, глядишь, по трубам добежала,
Успела всякой мути накопить.

Гаджи

Недолго подхватить в столице хвори,

Сравниется в цене с бензином вскоре...

Мохаммед

У нас в горах кристальные ключи...

Пей – не напьешься, хворобу лечи...

Гаджи

На севере, под кручами Шахдага,

Струится вниз целительная влага,

И если повернуть потоки к югу,

Шахдаг к Баку протянет свою руку.

Вильям

Прекрасная идея! Чем могу

Ее осуществленью помогу!

Мохамомед с Вильямом и уходят. Появляется Сона, она выглядит расстроенной.

Гаджи

Сона, в глазах твоих сквозит печаль,

На солнце тьма накинула ли шаль?

Сона

Ты знаешь, мне приснился странный сон.

Я к роднику несу твою рубашку.

Прополоскать. Тропинка по овражку.
Тут чудище вошло из-под земли,
К воде, разинув пасть! Всю выдул воду!
Пить захотелось чертову уроду!
Аллах, на злыдня кару ниспошли!

Гаджи
Я не горазд в истолкованье снов,
То, может, знак Создателя миров...
А чудища и нежить – небылицы,
Которым только в памяти пылиться.

Сона
Мечтаю я о водах Гудйалчая...
Они смягчали пряди мне, лаская...

Гаджи
А я вот реку за косы схвачу
И в мардакянский сад приволочу...
Ты вспомни – вот Фархад ради Ширин
Киркой пробил арык среди стремнин...

Сона
В твои года не быть уже Фархадом...

Гаджи

Но мы с Фархадом как-нибудь поладим.

И прибежит с подножия Шахдага

На Абшерон живительная влага...

КАРТИНА 7

Входит Мохамед. Сев с отцом в саду под деревом, заводит разговор. Сын в форме офицера.

Мохаммед

Отец... Есть слово у меня к тебе,

Товарищи просили передать...

Отец твой, мол, радеть голытьбе,

И дел благих его не сосчитать.

У нас тюрьма на Наргине, ты знаешь,

Преступников там гнобят, как хотят.

Труд каторжный. И топят, как котят...

Не докричаться... Небо проклинаешь...

Я это говорю тебе к тому...

Построй для горемык в Баку тюрьму...

Гаджи

Тюрьму? Ну нет! Уволь меня, уволь!

Не по душе подобная мне роль,

Вернись-ка в Ленкорань, в свой гарнизон,

Не знаю, есть ли в блажи сей резон...

Задумывается.

Мне вспомнилась дочь хана Натеван,
Она дошла до северной столицы,
Чтоб встречи с императором добиться.
Просить за брата, что попал в капкан...

Мохаммед

Помиловать просила у царя,
Не скажешь, что усердствовала зря...
«Простить не волен брата твоего.
Закон превыше, госпожа, всего...
Была б у вас темница в Карабахе...
Велел бы там отсиживать свой срок...»

Гаджи

«Нет, – так построим...» думая о благе
Осужденного брата – все ж в Шуше
Земля родная... и милей душе, –
Она тюрьму воздвигла за полгода
На высоте орлиного полета...

Мохаммед

И, благо, царь исполнил обещанье,
Что обронил в столице на прощанье,
И узника в Шушу перевели,

И горести чужбины отлегли,
В окно тюрьмы глядела Хан-гызы
Теперь с биноклем долгие часы...

Гаджи

Похвально поступила Натаван!

Мохаммед

Смягчи же участь грешных мусульман!

Гаджи

Ну, что ж, довел ты дело до ума...

Мохаммед

Из мельницы... не вышла бы тюрьма?..

Обнимаются на прощанье. Входит Сона.

КАРТИНА 8

Когда сцена освещается, нам предстает Гаджи, поливающий водой цветы. Появляется встревоженный Друг. Потупив голову, подходит, обнимает Гаджи, показывает конверт в руке.

Друг

Да отсохнут руки мои!

Твое горе – муки мои!
Да отсохнет мой язык!
Мохаммеда нет, ай... язык!

Гаджи, побелев лицом, с криком: «Сын мой!», вырывает конверт, прижимает к груди.

Гаджи
Как так? Я сына потерял?
Не верю!
Чем горе горькое измеряю?

Теряя равновесие, падает на руки Друга, тот укладывает его на землю, на голоса прибегают Сона и Сара, увидев происходящее, припадают к Гаджи.

Сона (Другу Гаджи)
Ну что стряслось? Какое же несчастье?

Друг
И духу нет, и мочи нет сказать...
Минувшей ночью...
умер Мохаммед...
Угас ваш сын... Угас во цвете лет...

Сона и Сара, убиваясь.

Сона (с плачем)

Сыночек...

Сара (с криком)

Брат мой...

(Свет гаснет).

КАРТИНА 9

Сад Гаджи. Он исхудал, осунулся, подавлен. В руках у него развернутая газета. Беседует с Сарой за чаем.

Гаджи

...Они несут нам «новую культуру»...

И вот, изволь: Гаджи – в карикатуру!..

Сара смотрит на газетную карикатуру, качая головой.

Сара (с горечью)

Тут власти подсюсюкала газета:

Смотри, что пишут: песенка, мол, спета.

Гаджи

Теперь пришелся я не ко двору...

И «классовым врагом», видать, помру...

Сара

Уж постарался карикатурист...

Наверно, не один испортил лист...

Гаджи

Гаджи – «верблюда» взяли за узду

И посадили в собственном саду.

Сара

А помнишь англичанина Вильяма?

Писал тебе ... и читил завет ислама.

Гаджи

Там изваяли, говорят, скульптуру,

А здесь ... состряпали карикатуру.

Сара

И кто кого сегодня воспекает!..

Гаджи

И кто кого сегодня отпевает!..

Сара обнимает отца, потом идет к самовару, приносит чай.

КАРТИНА 10

Дача Гаджи в Мардакянах, входит Нариман Нариманов, направляется к Гаджи.

Гаджи

Кого я вижу! Милости прошу!

Явился наконец-то, в кои веки...

Иль вспять, быть может,

повернулись реки?

Нариман

Гаджи, прости, такие времена...

По горло дел. Затюкали меня...

Гаджи

Ну ладно... Ты присядь и расскажи,

Как там живут державные мужи?

Нариман

Дела такие... Здесь кругом аврал...

Товарищ Ленин телеграмму дал,

Перебираюсь я в Москву. Приказ.

На повышение выдвинули нас...

Пришел проститься я с тобой, Гаджи.

Прошу: держись. Здоровьем дорожи...

Гаджи

Да ты стой! И не гони коней!

окликает Сару

Дочурка! Шевелись! Да поживей!

Немного посидим, поговорим,

Соскучился я по речам твоим...

Не можешь ли Москву свою оставить?

Кому тогда республикою править?..

Нариман

Мы сами править, друг мой, не вольны,

Верхи вершат и судьбами страны...

Надеюсь, пониманье там найду,

Напасти от народа отведу.

Довольно шаумянам править бал,

От подковерных распрей я устал.

Гаджи

Я вот служил народу с сердцем чистым,

Ваш вождь меня клеймит капиталистом...

Нариман

Поверь, назвал с подачи коммунара,

Который был дашнакского навара.

Гаджи

Но если верят шептунам вожди,

Тогда, народ, хорошего не жди.

Капиталистом обозвал меня.

Нариман

С Россией надо об руку идти,

Иначе тьмы крючков не обойти,

В Союзе будет выкарабкаться легче,

Республика, глядишь, расправит плечи,

И будет крепко на ногах стоять,

А там о большем можно помечтать...

Чем больше хлеба

В закромах народных,

Тем меньше будет сырых и голодных...

Гаджи (колеблясь)

Хочу сказать я слово не в обиду...

Не обессудь, без экивоков ложных

Скажу. Ты помнишь, в золоченых ножнах

Был меч – подарок тестя моего,

Тогда просил ты уступить его,

И командарму красных преподнес,

За доблести какие? Вот вопрос...

Нариман

Прости, Гаджи. Ефремова считать
Захватчиком, пожалуй, будет слишком.
Он был приказ обязан выполнять.
Приказ-то исходил от Ильича...
А в нем надежда бедного народа.
Не осуждай солдата сгоряча...

Гаджи

Не по душе мне новая «погода»...
Я слышал: поменяют алфавит...
Затею эту как остановить?
У нас в Тебризе, за кордоном братья,
К которым простираем мы объятья,
И так нас разобщили, развели,
А тут еще и грамоту дели...
(Пауза)
Еще прошу, ты Ленину заметь:
Что церкви зла не причинит мечеть...

Нариман

Гаджи, для Ленина мы все равны,
Как граждане одной большой страны,
Какой прок всех по вере разделять?..

Гаджи

Тебя я не хотел бы утомлять,
Но напоследок молвить не премину,
Пожалуйста, смягчись к Мамед Эмину¹.
Он сын ахунда, с праведной душой,
Поборникам свободы не чужой.

Нариман

В Лахиче, говорят, на лоне гор,
Живет, обвинил себя он в триколор.
С заветною несбывшейся мечтой,
Обиженный неласковой судьбой...

Гаджи

Хоть кто бы, кто бы справился о нем,
Куда пришли мы?
и куда идем...
Прощай, мой друг. И доброго пути...

Прощается с Нариманом, обняв его. Сара по обычаю выплескивает воду вслед уходящему.

Гаджи (про себя)

Какие грозы ждут нас впереди?..

КАРТИНА 11

Над воротами подворья текстильной фабрики Г.З.Тагиева вывешена доска с надписью: «Комбинат им. В.И.Ленина». «Красный» Ахунд в кожанке и фуражке чекиста у конторы встречает Друга Гаджи.

Друг

Ахунд, глазам не верю!

Что за вид?

Тебя сменили, как и алфавит?

Красный Ахунд

Ты про «ахунда» напрочь позабудь!

Ослеп ты, что ли? Изменился путь.

Друг

Нос по ветру решил ты повернуть...

Красный Ахунд

Ты свой язык, голубчик, придержи,

Припомни участь твоего Гаджи.

Молился я аллаху и царю,

Теперь Аллах мой – Ленин, говорю.

(Пауза)

Пока не поздно, брось

с Гаджи водиться.

Тебе, поверь, совет мой пригодится.

С Гаджи все ясно, упекут в Сибирь.

Раскрой глаза. И уши растопырь!
 А род его, наследники, со страху
 Начнут молиться новому Аллаху...

(Друг Гаджи негодуяще устремляется на оборотня)

Друг
 Да что ты мелешь, шкурник, горлопан?

Красный Ахунд
 Гаджи спасает только Нариман.

Друг
 Ты спятил, что ли? Подлая змея!
 Я душу выну мигом из тебя!

(В этот момент подбегает Гочи Хандадаш, слышавший их перебранку, и хватает Красного Ахунда за горло, тот пытается вырваться, кричит. Появляется комендант в сопровождении солдат – армян, они вырывают «Ахунда» из рук разъяренного Хандадаша, а на руки последнего надевают наручники. Комендант гневно смотрит на гочи).

Комендант (с издевкой)
 Молодец против овец,
 А на молодца и сам овца...
 Да на тебе нет лица!
 Ты, говорят, служил Гаджи?

Теперь на нарах полежи!

Солдаты, задержавшие Друга Гаджи, подходят к коменданту.

1 Солдат

А как быть с этим, командир?

Комендант

Карманы все попотроши,

«Катись колбаской!» – прикажи.

(Красный Ахунд подходит к армянскому офицеру, показывая на Друга Гаджи)

Красный Ахунд

Может, этого вы тоже...

Армянин – офицер

Улов у нас уж есть, похоже...

КАРТИНА 12

Гаджи завершает молитву-намаз, выпрямившись, подходит к окну в глубоком раздумье.

Гаджи

Я – никто без никого,

уповать мне на кого?

Кому некто, кому кто-то,

одиноким каково?..

Сара, услышав голос отца, входит в комнату.

Сара

Что ты сетуешь, отец мой,

одинокество кляня?

Разве ты один на свете?

или ты забыл меня?

Гаджи

Ах, дочурка... Просто вспомнил

очень старые стихи.

Были славные поэты...

Мудрецы и мастаки,

Самовар кипит, похоже,

Ну-ка сбегай, погляди.

Сара

Побегу. А ты немного

посиди, и не грусти.

Сбегает по крыльцу во двор.

Гаджи

Похоже, жизнь к закату подошла...

Сгорит огонь. Останется зола...
Но есть еще нетленные дела.
И есть добро, хоть и немало зла...
Я поверял отцом своим шаги...
Трудяга был башмачник мой Таги...
Я не ленился на своем веку,
И стены клал. Построить дом смогу...
Сажал свой сад. И собирал плоды,
И посылал дары для бедноты,
Всем помогал, чем мог,
насколько мог.
Сойдет на нет отпущенный мне срок.
Тогда черед уйти на упокой,
Готовиться в дорогу, в мир иной.
Уйду я со спокойною душой,
И кану в нескончаемую ночь.
Одна тревога: как-то будет дочь...

Гаджи обращает взор в сторону Киблэ.

Создатель, яви свою милость, молю,
Спаси от недуга супругу мою.
Мой ангел-хранитель на свете она,
Заботник-печальник родная Сона.
Не дай пережить мне подругу мою,

О том на закате жизни молю.
 Готов я расстаться с единой душой,
 Надеюсь, я не был народу чужой...
 И если помянут потомки добром,
 Останусь незримо я в мире земном,
 Девятый, десятый ли я разменял?
 Не знаю, годам я и счет потерял...
 Склонись надо мною, родимая тень!
 О мать моя! В зимний и пасмурный день
 На свет я родился... Был снегом одет
 Ты говорила, Ичери-шехер.
 Спасибо за этот ниспосланный дар,
 Отцу был слугою, и деду подмогой,
 И шел я завещанной ими дорогой.
 Когда посетил мир – не ведал о том,
 Когда мир покину – не знать им о том...

(Состояние Гаджи ухудшается. Неверными шагами добравшись до кровати, он ложится, смежает глаза. Доносится его шепот)

... И плоть обратится в безжизненный прах...
 На саван припас я, прости, о Аллах,
 Из бязи, что ткали ткачихи мои...
 Создатель, помилуй... благослови...
 Пускай в Мардакянах последний приют
 Устроят... и скромно земле предадут.

Последние слова Гаджи произносит по-арабски, это мусульманское изречение из священного Корана: «Воистину нет Бога кроме Аллаха...»

Сара, взяв чай на подносе и увидев отца, безжизненно лежащего на кровати, от потрясения роняет поднос. Подбежав, целует отца в смеженные глаза. С плачем выбегает во двор, кричит, повторяя услышанные от отца стихи.

Сара

Я – никто без никого,
уповать мне на кого?
Кому некто, кому кто-то,
одинокой каково?..

На крик сбегаются люди. Свет постепенно убывает и гаснет.

ЭПИЛОГ

Доносится голос автора.
Течет в Баку шолларская вода
Почти уж век потоком родниковым.
Наследие великого труда
Радетеля со жребием суровым.
И правнучки давнишних гимназисток
Взялись за скальпель, кисть или перо,
И в их глазах, счастливых и лучистых,

Тагиева бессмертное добро.
В Театре музкомедии аншлаг,
Звучат аккорды и бушуют струны,
Здесь помнят стены самый первый шаг
На сцену выходившего Меджнуна.

А рядом – Дом, истории музей,
Хранящий летопись страны огней,
Пронесший через времена лихие
Фамилию хозяина: Тагиев.
Шагают в море вышки нефтяные,
Республика вершит бессонный труд,
Влюбленные потомки молодые
По улице Тагиева идут...

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

МЕМЕ

Комедия в семнадцати картинах

Действующие лица:

МЕМЕ - 38 лет.

ПРОФЕССОР - 40 лет.

СЕКРЕТАРЬ и ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ - в одном лице - 42 года.

БАНДИТ - соперник Меме, ранее работавший у нее - 43 года.

ПРИЗРАК БАБУШКИ МЕМЕ

ГАДАЛКА - 40 лет.

ЖЕНА АНГЛИЙСКОГО МИЛЛИОНЕРА - 33 года.

ДИРЕКТОР ДЕТСКОГО ДОМА - родственник Меме - 55 лет.

СТАРИК - проситель Меме - 72 года.

МОЛЛА - 70 лет.

АРТУР - слуга лондонского миллионера - 67 лет.

ШОФЕР - родственник Меме - 27 лет.

МОЛОДОЖЕНЫ - парень и девушка, соседи Профессора 22 года.

АНГЛИЙСКИЙ МИЛЛИОНЕР - 65 лет.

ГОЛОСА соседей Профессора, гостей на свадьбе, бандитов во время перестрелки, женщины из окна и проч. - все за кулисами.

Персонажи, события и факты - вымышлены.

Картина 1

МЕМЕ, СТАРИЧОК, СЕКРЕТАРЬ, ДИРЕКТОР ДЕТСКОГО ДОМА.

Меме сидит в огромном кресле, перед ней на журнальном столике разбросаны бумаги. За спиной у Меме стоит Секретарь в очках, в галстук-бабочке, в руках - блокнот и ручка. Перед Меме, спиной к зрителям стоит, часто кланяясь, Старичок, небритый, мнет в руках дешевенькую шляпу, говорит быстро, будто боится, что его перебьют.

СТАРИЧОК. Спасибо тебе огромное, спасибо, Меме. Дай Аллах тебе здоровья и счастья, чтобы Аллах никогда не лишал бы нас твоего расположения, ты вернула меня к жизни, никто, кроме тебя не смог бы справиться с этим делом, только ты, только ты, Меме, дай тебе Аллах всех благ. Побегу, обрадую свою семью! Будем все вместе молить Аллаха о тебе, дай Аллах тебе здоровья и счастья, хорошего мужа...

Меме, не прерывая старичка, тут резко обрывает его речь.

МЕМЕ. Ладно, старик, иди.

СТАРИЧОК. Дай Аллах тебе...

СЕКРЕТАРЬ (неожиданно пронзительным голосом). Ступай старик, ступай! (Выходит из-за кресла Меме и подталкивает его к выходу).

Старичок вздрагивает от голоса Секретаря.

МЕМЕ. У него такой голос. Когда он говорит, кажется, что зовет на помощь.

СТАРИЧОК (ошалев от радости, не понимает, что говорит). Дай Аллах тебе детей и внуков...

МЕМЕ (резко). Уходи!

Секретарь уводит старичка, выталкивает его за дверь, возвращается и становится на свое место, сбоку от кресла Меме, готовый записывать любое ее слово.

МЕМЕ (задумчиво, после паузы). Что там еще?

СЕКРЕТАРЬ (заглядывая в блокнот). Участок, что вы...

МЕМЕ. Погоди! (Закладывает уши затычками). Теперь говори.

СЕКРЕТАРЬ. Участок, что вы приобрели близ города... Он ни на что не годен. Есть сведения, что через год по этой земле будет проложена магистраль.

МЕМЕ. Знаю.

СЕКРЕТАРЬ. Знаете?! И все-таки, купили?

МЕМЕ. Именно зная и купила. По дешевке. Кто владеет информацией, тот владеет миром. Не забывай. Я знаю, что делаю. Купила за гроши, а продам за... (Жестом показывает - огромную сумму).

СЕКРЕТАРЬ. Есть два покупателя на эту землю.

МЕМЕ. Хорошо. Обоим и продай.

СЕКРЕТАРЬ. Как это - обоим?

МЕМЕ. Очень просто. Одному от моего имени, другому - через подставное лицо. Тебя что, учить надо?

СЕКРЕТАРЬ. Но...

МЕМЕ. Никаких но.

СЕКРЕТАРЬ (торопливо пишет в блокноте, потом отрываясь). Но один из них (Кивает головой наверх) со связями. Могут возникнуть проблемы.

МЕМЕ. У него. Не у меня. Начнет беспокоить, тогда пусть им займутся мои ребята. Подключи адвокатов, за что я им плачу? (Сердится). Тебя, что, учить надо?! Что ты за осел, век воли не видать! Ты что, первый год у меня работаешь? Козел!

СЕКРЕТАРЬ (покорно). Слушаю, слушаю... (Торопливо записывает)

МЕМЕ (смотрит, как он пишет в блокнот). Слово «козел» не записывай. (Думает, пауза). Таким образом, по моим подсчетам, за эту землю я должна получить примерно в восемь раз больше, чем потратила. (У нее заметно улучшается настроение.) Что у нас еще?

СЕКРЕТАРЬ. Там этого директора приволокли. Детдом.

МЕМЕ. А! Веди!

Секретарь идет к двери, виляя бедрами. Меме смотрит ему вслед.

МЕМЕ. Эй, секретарь!

СЕКРЕТАРЬ. Что, Меме?

МЕМЕ. Шевели мозгами.

СЕКРЕТАРЬ. Шевелить?

МЕМЕ. Да. Мозгами. Не жопой.

СЕКРЕТАРЬ. Понял. (Подтягивается и идет уже нормальной походкой).

МЕМЕ. Эй!

Секретарь останавливается, оборачивается, с подозрением оглядывает свою задницу.

МЕМЕ. Букет приготовил?

СЕКРЕТАРЬ. Да.

МЕМЕ. Держи наготове. Этот ублюдок так обнаглел, что может явиться без приглашения.

СЕКРЕТАРЬ (ябедничает). Он у вас за спиной делишки проворачивает.

МЕМЕ. Знаю. За все заплатит! Тащи детдом.

Секретарь выходит.

МЕМЕ (одна, задумывается, неожиданно кусает кулак, бьет кулаком по подлокотнику кресла). Убью гада! Сволочь! Тварь! Человеком его сделала, и вот - спасибо. Подонок!

ГОЛОС ЗА КУЛИСАМИ. Пускайте бабочек! Музыку!

По сцене летают огромные бабочки под звуки любимой мелодии Меме. Танцуют ярко одетые, как бабочки, девушки. Она моментально расслабляется, успокаивается. Входят Секретарь с директором детдома. У директора растрепанный вид. Секретарь на ходу строит директору глазки.

СЕКРЕТАРЬ. Иди, нехороший, противный!

Директор в недоумении отстраняется от него.

ДИРЕКТОР ДЕТДОМА. Ты звала меня, Меме?

МЕМЕ. Я звала тебя?! Ты кажется, слишком высокого мнения о себе. Разве тебя не приволокли, как собаку?

ДИРЕКТОР. В общем-то, да. А почему?

МЕМЕ. Подумай.

ДИРЕКТОР (после паузы). Ничего не приходит в голову.

МЕМЕ. Не удивительно. В такую голову ничего и не может придти, (Резко меняя тон, гневно.) Чем ты кормишь детей?! Какую гадость им даешь?!

ДИРЕКТОР. Но Меме...

МЕМЕ. Молчать! Все знаю. Мой человек все проверил в твое отсутствие (Секретарю.) Вот так бывает, когда связываешься с родственниками...

СЕКРЕТАРЬ (обрадованно). А я предупреждал вас, предупреждал...

МЕМЕ. Заткнись ты тоже, (Директору.) Куда деваются свежие продукты, что я посылаю?! Где мясо, масло, картошка, овощи, фрукты? (Надвигается на директора). Смотри, с огнем шутишь!

ДИРЕКТОР. Клевета! Честное слово! (Вдруг тоже резко меняет тон.) Что ты пристала? Подумаешь - дети один раз плохо пообедали! Ты вот строишь из себя крутую бизнесменку, о будущем поколении беспокоишься... А что ты и такие, как ты, сделали для этой страны? Наши национальные достояния рассыпаны по всему свету! Я недавно узнал, что... Ужас! Сабля Кёроглу находится в лондонском музее! Наше национальное достояние в Лондоне! А такие, как ты, из-за двух кило картошки разоряются так, будто у них отняли Баку!

МЕМЕ (опешив). Ты что мелешь, козёл! Ты кому фуфло тискаешь?!

ДИРЕКТОР. Не фуфло, а факт. Сам читал.

МЕМЕ (в растерянности). Пошел вон.

Директор поспешно идет к выходу.

МЕМЕ. И если еще раз что-нибудь услышу про тебя - уволю к чертям собачьим!

Директор спешит уйти.

МЕМЕ (задумавшись, после паузы, секретарю). А что, на самом деле так? Он прав?

СЕКРЕТАРЬ. Не знаю.

МЕМЕ (сердито). Ну так узнай! Наше национальное достояние в Лондоне, а никому и дела нет... Неужели сабля легендарного Кёроглу? Должно быть, стоит кучу денег... (Пауза). Да и потом... (Пауза, напряженно думает). Нет, этим надо заняться. Что-то это крепко запало мне в голову. (Замечает секретаря, сердито). Ты еще здесь?

СЕКРЕТАРЬ. А где мне быть?

МЕМЕ. Я что тебе сказала? Что ты там пишешь?

СЕКРЕТАРЬ (читает). «Это крепко запало мне в голову».

МЕМЕ. Зачем ты это пишешь, болван?

СЕКРЕТАРЬ. Затем, что если вам что западет в голову, лучше не спорить.

МЕМЕ. Пошел прочь. И зачем я тебя держу?

СЕКРЕТАРЬ. Затем, что я сообразительный. И с чувством юмора.

МЕМЕ. Очень смешно. Иди выясняй насчет сабли Кёроглу. Доложишь!

СЕКРЕТАРЬ. Слушаю (уходит).

Меме некоторое время задумчиво ходит по сцене.

МЕМЕ. Сабля самого Кёроглу! Заманчиво, черт возьми!

Картина 2

Профессор стоит спиной к залу, за кафедрой, перед невидимой аудиторией студентов. Вытирает туфли о брюки, поправляет брюки на заднице - короче, жесты бедных неудачников. За его спиной прячется и наблюдает за ним секретарь.

ПРОФЕССОР. Дамоклов меч. Что это такое? Согласно древнегреческому преданию, меч, подвешенный на конском волосе над головой Дамокла, приближенного сиракузского тирана Дионисия Старшего, правившего в четвертом веке до нашей эры.

ГОЛОСА СТУДЕНТОВ. У-у-у! О-о-о! Четвертый век! О-о-о! Не хрен моржовый! (Студенты явно издеваются над профессором.)

ПРОФЕССОР (продолжает). Тише, тише! Дамоклов меч символизирует постоянную опасность... Меч... Меч...

СЕКРЕТАРЬ (тихо). Меч... Меч...

Раздается звонок. Голоса студентов, крики «меч! меч!», кошачий концерт, непристойные звуки в адрес профессора.

ПРОФЕССОР (кричит, перекрывая шум студентов). Продолжим на следующей лекции!

Профессор сходит с кафедры, секретарь тут же хватает его под руку.

СЕКРЕТАРЬ (кокетничая, строя глазки). Я слушал вашу лекцию, профессор. С большим, с большим (Показывает рукой.) интересом. А вы что подумали? С большим, да? Хи-хи-хи! Хулиганчик! Она произвела на меня впечатление. И вы произвели впечатление. Очень артистично. Вы, я смотрю, специалист по холодному оружию.

ПРОФЕССОР (смеется). Если вам угодно. Но я не...

СЕКРЕТАРЬ (перебивает). У нас к вам дело, дельце, делишко... (Хихикает.) Хорошо заработаете, милый профессоришко... (Хихикает.)

ПРОФЕССОР. Но вы ошибаетесь, я не...

СЕКРЕТАРЬ (мгновенно преображаясь в телохранителя, подчеркнуто грубо). Поехали! Хозяйка ждет!

ПРОФЕССОР. Какая еще хозяйка?! Нет у меня никакой хозяйки.

СЕКРЕТАРЬ. Это вы сейчас так говорите, а когда увидите ее... (Снова преображаясь в телохранителя, грубо выталкивает профессора за кулисы). Садись в машину! И запомни - лучше с ней не спорить! Потому что, если ей что втемяшится в голову, то остаются только два варианта: или сделать это, или отрубить ей голову! Сядь в машину!

Выталкивает профессора за кулисы, шум на скорости отъезжающей машины.

Картина 3

Меме сидит за письменным столом, заваленным бумагами, говорит по телефону.

МЕМЕ. Хорошо. Пусть работает. Поощрите его, дайте премию. У него большая семья и он хороший специалист. Надо поддержать. Все!

Меме кладет телефон на стол, уставленный мобильными телефонами.

Входит секретарь.

СЕКРЕТАРЬ. Он ждет, Меме.

МЕМЕ (отрываясь от бумаг, рассеянно). Кто ждет?

СЕКРЕТАРЬ. Профессор. К тому же - чистокровный еврей. Умница. Как вы приказали. Доставил. Отлично разбирается в холодном оружии. Говорит - меч, меч... (Вдруг начинает хихикать).

МЕМЕ. Что такое?

СЕКРЕТАРЬ (ябедничает). Он туфли вытирает о брюки...

МЕМЕ. Очень смешно. А ты узнал? Факт подтвердился? На самом деле сабля Кёроглу в Лондонском музее?

СЕКРЕТАРЬ (сразу становясь серьезным). Да, Меме, точно!

МЕМЕ. Посмотри мне в глаза!

СЕКРЕТАРЬ. Век воли не видать! Выяснил по Интернету. (Вытаращил глаза и не отрываясь смотрит на Меме).

МЕМЕ. Тащи его сюда.

Секретарь выходит и тут же входит с профессором.

Меме недовольно рассматривает профессора, морщится.

МЕМЕ (разочарованно). Какой-то он затюканный. Где ты его откопал?

СЕКРЕТАРЬ (поворачивает профессора туда сюда, крутит, показывает Меме, как товар). А что? Профессор, как профессор. Они сейчас все такие. Он о мечаях говорил. Лекцию читал. Спец в этой области. Разве нет, профессор? (Отходит от профессора становится рядом с Меме с блокнотом в руках.)

ПРОФЕССОР (вяло, интеллигентно сопротивлявшийся секретарю во время манипуляций). Ну, в общем, разбираюсь, но только я не...

МЕМЕ (перебивая). Тогда ты вовремя. Садись. Нет, лучше постой. Не сиди в присутствии дамы.

ПРОФЕССОР. Да я бы и не сел. (Недовольно). Я сорок минут сидел у вас в приемной. Насиделся. (Нервным жестом вытирает туфли о брюки).

МЕМЕ (внимательно смотрит на обиженного). Что это ты делаешь?

ПРОФЕССОР (нервно). Привычка.

МЕМЕ. Ничего. Скоро у тебя будут новые привычки и туфли, самые дорогие...

ПРОФЕССОР. Судя по тому, сколько я прождал в приемной, меня здесь не очень ценят.

МЕМЕ. Били тебя?

Секретарь хихикает.

ПРОФЕССОР. Не понял?

МЕМЕ. Били тебя в приемной?

ПРОФЕССОР (настороженно). Н-нет...

МЕМЕ. Чаем угостили?

ПРОФЕССОР. Да.

МЕМЕ. С конфетами?

ПРОФЕССОР. Да.

МЕМЕ. Так чем же ты недоволен? Говоришь так, будто каждая твоя минута на вес золота. Таких

профессоров...

ПРОФЕССОР. Но я не...

МЕМЕ (перебивает). Э-э, лучше помолчи. У меня сегодня трудный день.

ПРОФЕССОР. Но я не...

СЕКРЕТАРЬ (перебивает пронзительным голосом). Молчать!

Входит Бандит.

БАНДИТ. Это мне молчать?

МЕМЕ. Э! Как он прошел сюда?

Секретарь мгновенно скрывается за креслом Меме, и тут же выходит оттуда Телохранителем, уже без очков, без галстука-бабочки, без блокнота, в майке, с кобурой на груди, руки и плечи в татуировках.

БАНДИТ. Как к себе домой. Рад тебя видеть, Меме.

Меме смотрит на телохранителя, не может понять.

МЕМЕ (телохранителю). Ты же только что был секретарем. У нас что, нехватка кадров?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Нет с кадрами у нас порядок, актеров маловато.

МЕМЕ. Поди, обшманай его.

Телохранитель подходит к бандиту, обыскивает его, докладывает.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Он чист.

МЕМЕ (телохранителю). Поддай букет. (Бандиту.) Хочу поздравить тебя с почином, хоть ты и собрался

перебежать мне дорогу. Я не злюсь на тебя... Наоборот – рада, на глазах растешь.

БАНДИТ (польщен). Надо же когда-нибудь и вырасти. Не все же под твоим крылышком. У меня уже и свои крылышки, свои ребята. Кстати, мои ребята расставлены вокруг дома. Так, на всякий случай. Я ведь без оружия.

МЕМЕ. Молодец. Осторожность в нашем деле не помешает. Далеко пойдешь. Я тут приготовила тебе сюрприз.

БАНДИТ. Сюрприз? Это еще что за хреновина?

МЕМЕ. Ничего особенного. Цветы. Что еще может подарить слабая женщина?..

БАНДИТ. Ты не женщина, ты – дьявол! Цветы... (Озадаченно). На кой хрен мне цветы?

Телохранитель подает Меме букет.

МЕМЕ. Нет, нет, ты уж возьми, обидишь. (Подходит к Бандиту с радушной улыбкой, которая внезапно озаряет озабоченное до сих пор лицо Меме, делает ее женственной, подкупает).

Профессор смотрит на все это озадаченно, не понимая, что происходит. Бандит осторожно, медленно, как к змее, подходит к улыбающейся Меме, протягивает руку к букету. И тут Меме бьет его букетом по голове. Бандит падает. Профессор вскрикивает от неожиданности. Меме, склонившись над Бандитом, бьет его еще раз короткой дубинкой, которую она извлекла из букета. Телохранитель бьет бандита ногами.

МЕМЕ (тяжело дыша). Будешь знать, падла, как у меня на пути стоять. Убрать это говно!

Телохранитель за ноги оттаскивает со сцены тело бандита. Меме долгим взглядом смотрит на дрожащего профессора.

МЕМЕ. Что с тобой, профессор?

ПРОФЕССОР (не сразу). А... А что он сделал?

МЕМЕ. Разве обязательно что-то делать, чтобы тебя наказывали? Шучу, шучу, успокойся... А что

касается этого ублюдка, то он... ну, это уже не секрет... он хотел отбить у меня выгодный заказ... А что делать? Мне же надо постоять за себя. Иначе все мое растащат по кусочкам.

ПРОФЕССОР. И все-таки, за что вы его так?

МЕМЕ (кричит, внезапно рассердившись). Тебе что за дело?!

ГОЛОС ЗА КУЛИСАМИ. Бабочек! Музыку!

МЕМЕ (кричит за кулисы). Не надо! Все в порядке. (Профессору.) Ладно, скажу. Все-таки, если ты будешь на меня работать, ты должен знать мой характер.

ПРОФЕССОР. Буду на вас работать? Ну, это смотря, какая работа.

МЕМЕ. Ладно, не умничай. Будто я не знаю, что вы, профессора, беретесь за любую работу. А что касается того говна, то он хотел переманить моих заказчиков. Был выгодный заказ... Возомнил себя боссом.

ПРОФЕССОР. А?..

МЕМЕ (перебивает). Ладно, к делу. Я навела о тебе справки. Но мне хотелось бы, чтобы ты сам рассказал о себе. Чисто профессиональное. Твоя личная жизнь меня не интересует.

ПРОФЕССОР. Я историк, этнограф. Вы знаете, должен заметить, (Увлекается.) мне с ранних лет нравилось это занятие. Мне кажется...

МЕМЕ. Мне не интересно, что тебе кажется.

ПРОФЕССОР (увлекшись, не слыша ее, продолжает разглагольствовать). ...как это, не зная своего прошлого, можно жить в настоящем, стремиться в будущее?

МЕМЕ. Ты это у меня спрашиваешь?

ПРОФЕССОР (теряется). Нет... Вообще...

МЕМЕ. И правильно, что вообще, потому что здесь вопросы задаю я.

ПРОФЕССОР. А вот эта фраза пахнет тридцать седьмым годом прошлого века. Так говорили сталинские следователи подследственным...

Возвращается телохранитель с дубинкой в руках,
становится на свое прежнее место, рядом с Меме.

ПРОФЕССОР (с опаской поглядывая на телохранителя, поигрывающего дубинкой) ...избивая их... дубинками... И вообще, мне кажется, нельзя называть себя культурным человеком, не зная своей и мировой истории...

МЕМЕ. Хватит! Уроки истории оставим на потом. Сейчас – дело. Слушай, профессор...

ПРОФЕССОР (перебивает). Вообще-то я не...

МЕМЕ (кричит). Молчать!

ГОЛОС ЗА КУЛИСАМИ. Пускать бабочек?

МЕМЕ (кричит). Нет!

ПРОФЕССОР (испуганно). Извините, я кажется, перебил вас...

МЕМЕ. Еще раз перебьешь, я сама перебую тебе все кости!

Из-за кресла Меме выдвигается фигура телохранителя с дубинкой и пистолетом на груди. Меме отодвигает его жестом.

МЕМЕ. Пошел вон!

Профессор поспешно уходит, оглядываясь на Меме.

МЕМЕ (кричит). Не ты, не ты!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Не я, не я?

ГОЛОС ЗА КУЛИСАМИ. Пускай бабочек!

МЕМЕ (кричит вне себя). Не-ет!

Наступает мертвая тишина. Телохранитель и профессор боятся шевельнуться.

МЕМЕ (удрученно). Я окружена идиотами.

Вбегает шофер Меме.

ШОФЕР (воодушевленно, веселый придурок). Я здесь, тетя Меме!

МЕМЕ (кричит). Идиот! Ты уволен!

ШОФЕР. За что, тетя Меме?

МЕМЕ. Я что тебе говорила? А? Чтобы ты два часа назад заехал за ним, за ним! (Тычет пальцем в профессора.) А ты что сделал?!

ШОФЕР. Тетя, ну я опоздал немножко, ну и что, всего-то каких-нибудь два часа. Но я же ваш родственник... Вы же не прогоните меня за эту маленькую оплошность, а? Я ваш родствен...

МЕМЕ (резко перебивает). Это и плохо, что родственник. Родственники и подводят. Как сказал один мудрец, самые близкие люди и становятся нам самыми лютыми врагами. (Секретарю.) Запиши!

ПРОФЕССОР. Это Сенека сказал.

МЕМЕ (секретарю). Запиши: Сенека сказал. Мне чужого не надо.

ПРОФЕССОР. Впрочем, могу ошибаться.

МЕМЕ (секретарю). Не записывай.

ШОФЕР. Но я не лютый...

СЕКРЕТАРЬ. Лютый, лютый... (Ябедничает Меме). Шлюх по городу катает на вашем «вольво».

МЕМЕ. Таких родственников убивать надо! Позоришь меня!

Секретарь мгновенно преображаясь в телохранителя, достает пистолет.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (шоферу). Ну-ка, выйдем!

МЕМЕ (телохранителю). Я пошутила, болван! Просто прогони. Если убивать людей за опоздания, придется перестрелять весь город. (Телохранитель хватается за пистолет, выталкивает его, оба уходят).

МЕМЕ (тяжело переводя дыхание). Видишь, профессор, с кем приходится работать? На чем я остановилась?

ПРОФЕССОР. На истории...

МЕМЕ (вне себя). Не-ет!

ПРОФЕССОР (поспешно). Нет, нет, вы неправильно поняли, я хотел сказать, что вы остановились на: «уроки истории на потом».

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Бабочек?

МЕМЕ (кричит). Не-ет!

Телохранитель вбегает с пистолетом.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Меме, убить его?

МЕМЕ. Нет! Пошли все вон, кретины! Бабочек! Музыку! (Без сил валится в кресло).

По сцене летают бабочки под любимую музыку Меме. Танец девушек-бабочек. Телохранитель хватает профессора и оба осторожно, на цыпочках уходят.

Картина 4

Меме и Гадалка, потом – Молла. Меме и гадалка сидят за столом,

гадалка раскладывает карты.

ГАДАЛКА (недоуменно). Ничего не пойму, как ни кладу, все выходит дальняя дорога и любовь. Замуж выйдете скоро – вот!

МЕМЕ, Я тебя, идиотка, не на замужество гадать позвала! Брысь, подлая!

ГАДАЛКА. Но, радость моя, все же выходит хорошо. Что вы так волнуетесь?

МЕМЕ. Я волнуюсь? Сейчас ты у меня заволнуешься, чертова кукла! Поди прочь!

Появляется призрак бабушки.

ПРИЗРАК БАБУШКИ. Меме, не гони ее, пусть скажет.

МЕМЕ. Ой, Меме, только тебя сейчас не хватало. Видишь – я делом занята.

ПРИЗРАК. Ты всегда занята, но надо и об этом подумать.

МЕМЕ. Ладно, Меме, потом поговорим. Заходи попозже, как освобожусь.

Гадалка в страхе смотрит на Меме, не замечая Призрака.

ГАДАЛКА. С кем вы разговариваете?

МЕМЕ (сердито). Ну вот, видишь, Меме? Сколько раз говорила тебе, не срами меня на людях, приходи, когда я одна. Иди, родная, иди. Если ты призрак, то и веди себя, как призрак, нечего лезть в людские дела.

Гадалка испуганно поднимается, торопливо собирает карты.

ГАДАЛКА. Я... я... пожалуй, пойду.

МЕМЕ. Скатертью дорога. И чтоб я больше тебя не видела. Эй!

На окрик входит секретарь.

МЕМЕ. Проводи ее и ничего не плати. Молла здесь?

СЕКРЕТАРЬ. Да.

ПРИЗРАК (вновь появляясь). Что ты хочешь от моллы?

МЕМЕ. Пусть исхара сделает, как Коран покажет, так и поступлю.

ПРИЗРАК. Вот это правильно. Я уйду, Меме. До свидания родная.

Призрак исчезает. Секретарь входит с моллой.

МЕМЕ. Хочу предпринять одно дело, но не знаю, начать или...

МОЛЛА. Это дело угодно Аллаху? Не богопротивное?

МЕМЕ. Надеюсь, что нет.

МОЛЛА (плохо слышит). Что?

МЕМЕ (громко). Угодно Аллаху, угодно!

МОЛЛА. Нет, чай пил, спасибо. Вы лучше на мой вопрос ответьте.

МЕМЕ (кричит). Угодно! Угодно!

ГОЛОС ЗА КУЛИСАМИ. Бабочек?

МЕМЕ (кричит за кулисы). Убью!

МОЛЛА. Значит, угодно, говоришь. Что ж посмотрим, что покажет Коран.

Молла садится на принесенный с собой маленький коврик, поджав ноги, торжественно раскрывает огромный Коран.

МОЛЛА (читает из Корана). «Нет греха на тех, которые уверовали и творили благие дела – Аллах любит добродееющих». (Обращается к Меме.) Сура пятая великого Корана. Вышло хорошо. Испытаем до трех раз.

Меме молча кивает. Молла закрывает Коран и открывает его наугад на новой странице.

МОЛЛА (читает). «Мы даровали тебе явную победу». (К Меме). Сура сорок восьмая великой книги Пророка. Вышло хорошо. И еще раз (Открывает Коран на новой странице, читает.)

МОЛЛА. «Я нашел женщину, которая ими правит, и даровано ей все, и у нее великий трон». Сура двадцать седьмая. Муравьи».

Молла закрывает Коран.

МОЛЛА. Итак, что ты решила, то и предпринимай.

Молла поднимается, сворачивает коврик и идет к выходу.

МЕМЕ. Спасибо! Большое спасибо!

Молла оборачивается.

МОЛЛА. Что?

МЕМЕ. Спасибо!!!

МОЛЛА. Не слышу, доченька, говори громче!

МЕМЕ (кричит). Спасибо! Спасибо!!!

МОЛЛА. Ничего не понял.

МЕМЕ (в сердцах). Домой иди!

МОЛЛА. Конечно, помою, доченька, не беспокойся... (Уходит.)

МЕМЕ. Эй, секретарь!

Входит секретарь на корточках, в нелепом халате, похожий на карлика с маской зайца на лице, огромные уши. Становится позади Меме.

МЕМЕ (оборачивается). Ой! (Хватается за сердце.) Ты... ты, что? Спятил?!

Секретарь поднимается на ноги, снимает маску, с виноватым видом.

СЕКРЕТАРЬ. Нет, просто хотелось рассмешить вас.

МЕМЕ. О, черт! Рассмешить! Ты меня до инфаркта доведешь... Ладно. Значит, что я хотела?.. Уф! Как ты меня напугал! (Улыбается.) А! Вот что! Собирайся. Поедешь с профессором в Лондон.

Картина 5

Меме, Старичок и Призрак бабушки.

Меме в беспокойстве ходит по сцене, садится в кресло, встает, шагает взад-вперед, хватается со стола

телефон, потом, раздумав звонить, швыряет его в кресло. Входит старичок с огромным букетом, из-за которого его не видно, такое впечатление, что букет на ногах подходит к Меме. Меме сердито, подозрительно смотрит на приближающийся букет, потом соображает, что это – цветы, лицо ее проясняется.

СТАРИК. Это вам. Это тебе, уважаемая Меме. От всей нашей семьи.

МЕМЕ (завороженно). Цветы (Берет у старика букет, опускает в него лицо, вдыхает аромат цветов.) Какая прелесть! Я забыла, когда мне дарили цветы... Как хорошо! (Сама себе.) Чувствуешь себя женщиной... дамой.

Старик незаметно уходит.

МЕМЕ (задумчиво, сама себе). Как мало нужно женщине, чтобы... (Вдруг вспоминает, что была не одна, обрывает себя, оглядывается в поисках старика, не видит его.) Ушел... Спасибо, старик... Ты даже не представляешь, как меня порадовал.

Появляется Призрак бабушки.

ПРИЗРАК. Если б у тебя была нормальная жизнь нормальной девушки, так бы тебя радовали постоянно.

МЕМЕ. Ну, начинается... Зачем ты приходишь и пилишь меня? Мне и так беспокойно.

ПРИЗРАК. Это неудивительно. Посмотри на себя, у тебя нет личной жизни. Для кого ты зарабатываешь столько? Для кого работаешь? Тебе муж нужен, семья, дети... Замуж тебе надо, Меме, замуж. Тогда и заживешь спокойно.

МЕМЕ. Ой, ладно тебе, Меме, не начинай сначала. Надоело. Ты призрак и знай свое место.

ПРИЗРАК. В том-то и дело, что мне не хочется оставаться призраком. Всю свою призрачную жизнь. Я туда хочу (Показывает на небо.), к своим.

МЕМЕ. А что тебе мешает?

ПРИЗРАК (сердито). Ты мешаешь, Меме, ты! Пока ты не выйдешь замуж, пока я не увижу твоих детей, я не могу покинуть землю.

МЕМЕ (с горечью). Ну, что ты такое говоришь, Меме? Куда мне теперь замуж? Мне уже тридцать восемь лет, я иначе построила свою жизнь. Больше всего я боялась остаться нищей, бедной, сиротой, которую всякий может обидеть, и вот – перестаралась... Теперь уже я не могу оставить дело, от этого многие страдают. Ты посмотри: ведь никто вокруг не воспринимает меня, как женщину... кроме этого старичка... Для всех я – босс, я – авторитет, я – Меме!

ПРИЗРАК. А вот наденешь свадебный наряд и станешь настоящей красавицей, девушкой на выданье. Ведь ты девушка, Меме, правда? Не говори нет, ты разобьешь мне сердце.

МЕМЕ. Конечно, девушка. (Устало.) Отец не так меня воспитал, чтобы я не ждала своего суженого, своего единственного. Да уж поздно об этом, поздно...

ПРИЗРАК. Поверь мне, вовсе не...

Звонок телефона. Меме бросается к телефону.

МЕМЕ. Алло! (Призраку.) Прошу тебя, зайди попозже, я сейчас занята.

Призрак разводит руками, исчезает.

МЕМЕ (в трубку). Да, да. Поняла. Возвращайтесь немедленно.

Меме одна, некоторое время молчит, вспоминая разговор с Призраком.

МЕМЕ (задумчиво). Разобьешь мне сердце... Что она говорила? Разве у призраков есть сердце? (Пожимает плечами).

Картина 6

Меме, Профессор, Секретарь.

ПРОФЕССОР (продолжая докладывать). Да, это настоящая сабля Кер-оглу, конец шестнадцатого – начало семнадцатого веков, феодальный период нашей истории. Не подделка. По всей видимости, очень дорогая вещь. Я из этого музея три дня не вылезал, изучил саблю досконально...

СЕКРЕТАРЬ. Его даже хотели задержать (Хихикает.) Подозрительным показался охране.

ПРОФЕССОР. В кои веки повезло, выбрался за границу, не куда-нибудь, в Лондон, и ничего не увидел, кроме сабли.

СЕКРЕТАРЬ. Но саблю зато хорошо увидел.

МЕМЕ. Отлично, профессор. Хорошая работа.

ПРОФЕССОР. Но есть одна проблема.

МЕМЕ. Проблема?

ПРОФЕССОР. Да. Лондонский музей, чьей собственностью является эта историческая ценность, выставляет ее через месяц на аукцион. На эти деньги они хотят сделать ремонт в музее. Я подружился со сторожем, он мне все выложил.

МЕМЕ (в ярости). Ремонт они хотят сделать за счет нашего национального достояния. Я им такой ремонт устрою – не обрадуются.

СЕКРЕТАРЬ (шутливо, ябедничает). Они на всякий случай решили избавиться от сабли, когда заметили, как интересуется профессор (Хихикает.)

ПРОФЕССОР. Он шутит.

МЕМЕ. Я знаю, что он шутит. Это мой секретарь, и я его знаю получше тебя.

СЕКРЕТАРЬ. Нет, я не шутил, (хихикает).

ПРОФЕССОР (машет на него рукой). Проще всего спокойно купить эту саблю на аукционе. Зачем вам грабить музей? Там такая охрана, какой у вас никогда не будет.

МЕМЕ. Спокойно, говоришь? Не умничай, профессор. Я знаю, что делаю. И запомни раз и навсегда: то, что спокойно, то не для Меме! Я принципиально ограблю музей, приглашу лучших специалистов-медвежатников, никаких денег не пожалею, но сабля будет моя! Слово мужчины!

ПРОФЕССОР. Слово мужчины?

МЕМЕ. Вот именно!

ПРОФЕССОР. Но вы же... женщина.

МЕМЕ. А слово у меня мужское.

ПРОФЕССОР. Жалко денег, чтобы купить?

МЕМЕ. Нет, деньги – мусор.

СЕКРЕТАРЬ (повторяет одновременно с ней). Деньги – мусор.

ПРОФЕССОР. Неужели? Я видел, как вы этот мусор собственноручно отсчитывали мне на командировочные.

МЕМЕ. А ты бы хотел, чтобы я платила за твоих английских шлюх?

ПРОФЕССОР. Никаких... никаких вольностей я себе не позволял. Это может подтвердить ваш секретарь. Да и не мог позволить. Денег лишних не было.

МЕМЕ. Это не жадность. Просто я знаю цену деньгам. Я из бедной семьи, профессор, в детстве у меня даже игрушек не было, как у других девочек... Я умею быть бережливой, иначе я не была бизнесменом.

ПРОФЕССОР (пауза. Внимательно, изучающее смотрит на Меме). Но почему вы хотите ограбить музей? Ведь на это денег может уйти больше, чем на аукционе. Да и опасно, криминал все-таки...

МЕМЕ. Я думала об этом. Но скажи мне, профессор, что делает наше национальное достояние в Лондоне? Не обидно? Нет, надо утереть им нос.

ПРОФЕССОР (с иронией). А вы бы хотели, чтобы национальное достояние находилось бы в вашем доме?

МЕМЕ. Это было бы надежнее.

ПРОФЕССОР. И что вы решили?

МЕМЕ. Что решила? В Лондон, В Лондон, профессор! Там нас ждут интересные приключения. Вы ведь любите приключения, а? Вы же авантюрист по натуре...

ПРОФЕССОР (в ужасе). Я?!

МЕМЕ. По глазам вижу – авантюрист!

СЕКРЕТАРЬ. Еще какой! К тому же – бабник!

ПРОФЕССОР (в ужасе). Я?!

СЕКРЕТАРЬ. Бабник, бабник! В Лондоне ни одну юбку не пропускал.

МЕМЕ. О-о-о!

ПРОФЕССОР (в ужасе). Я?!

МЕМЕ. Он шутит, профессор. Успокойтесь. Итак – в Лондон!

Картина 7

Меме, Профессор, Секретарь сидят в одном ряду на аукционе.

В руках Меме аукционная табличка, она обмахивается ею.

ГОЛОС АУКЦИОНИСТА. Выставлена на торги сабля легендарного воина Закавказья, шестнадцатый век. Начальная цена десять тысяч фунтов.

МЕМЕ (профессору). Переведи. Что он сказал?

ПРОФЕССОР. Сабля продается за десять тысяч фунтов.

МЕМЕ (секретарю). Покупай! Видите, что вы наделали? Вместо того, чтобы грабить музей, мы вынуждены сидеть торговаться, как... как...

ПРОФЕССОР. Кто же знал, что на аукцион саблю выставят раньше срока?

СЕКРЕТАРЬ. Это все профессор виноват. Чуть не облизывал саблю в музее, вот они и решили, что украсть хочет, стали продавать срочно.

МЕМЕ (обмахиваясь аукционной табличкой). Хватит болтать. Живо покупай.

Профессор выхватывает у Меме табличку, поднимает.

ГОЛОС АУКЦИОНИСТА. 15 тысяч фунтов, 20, кто больше? 25, 30... Кто скажет 40? 35 тысяч, 40, 45...

МЕМЕ (в волнении). Что он говорит?

ПРОФЕССОР (волнуясь). У нас перебили цену!

МЕМЕ (волнуясь). Предложи больше!

СЕКРЕТАРЬ (волнуясь). Больше? Где у нас больше? Мы только двадцать тысяч взяли с собой! Эх, Меме! Говорил вам – берите больше, а вы – таможня, таможня... А что нам таможня при ваших связях?

МЕМЕ. Заткнись. Связи... За все платить надо... Лучше смотри, кто покупает.

СЕКРЕТАРЬ. Да, теперь смотри, кто покупает... Говорил вам держите деньги в иностранных банках,

хотя бы у нас, в международном, сейчас бы сколько надо, заплатили...

МЕМЕ. Все мои деньги в деле... Не смей мне указывать! Это еще что?! Следи за торгами!

ПРОФЕССОР. Купили! Все! Хана!

МЕМЕ. Кто?! Кто?!

ПРОФЕССОР. Хрен его знает, кто!

МЕМЕ (секретарю). Выследить! Узнать!

Секретарь мгновенно исчезает. Меме и профессор встают и идут к выходу.

Профессор искоса, долго смотрит на Меме, хочет подбодрить ее.

ПРОФЕССОР. Не унывайте, Меме. Мы еще утрем им нос!

МЕМЕ. Это кто унывает? (Тоже долго пристально смотрит на Профессора.) Не узнаю тебя, профессор. Утрем нос... хрен знает... хана... Что за непрофессорские выражения... Ничего, еще не вечер. Я привыкла идти до конца.

Картина 8

Меме и профессор в номере лондонской гостиницы.

Профессор сидит в кресле, курит. Меме стоит у окна, смотрит вниз на улицу.

МЕМЕ (смотрит в окно). Лондон... Как красиво... Какой это большой мир, а, профессор? Как хочется в нем пожить... (Сама себе.) просто пожить...

ПРОФЕССОР. А что вам мешает?

МЕМЕ. Сложный вопрос. Что мешает? Жизнь – это не то, что нам кажется, это не наше представление о жизни... Жизнь диктует свои правила, ломает слабых... и даже подчиняясь сильным, многое у них отнимает... много отнимает... простых радостей...

ПРОФЕССОР (с иронией). Где это вы вычитали?

МЕМЕ. Очень смешно.

Меме долго пристально смотрит на него, будто нашла в нем что-то новое, присматривается, профессор под ее взглядом теряется, суетится, торопливо гасит сигарету в пепельнице, обжигает палец. Она вдруг подходит к нему, он быстро поднимается.

МЕМЕ. Я ничего о вас не знаю.

ПРОФЕССОР. С вашими возможностями, вы бы могли знать все.

МЕМЕ. В данном случае, это не очень правильный путь. Расскажите сами.

ПРОФЕССОР. Почему вы обращаетесь ко мне то на «ты», то на «вы»?

МЕМЕ. В зависимости от ситуации.

ПРОФЕССОР. Не понял.

МЕМЕ. Когда ты мне кажешься слишком умным, я невольно говорю «вы».

ПРОФЕССОР. Значит, это бывает не часто. Но ведь вы называете меня профессором, хотя я и не...

МЕМЕ (перебивает). Это не важно. Знания – это еще не глубокие чувства. Природный ум может выручить в трудную минуту, а бывают знания, которые никогда не пригодятся в жизни. Человек – очень разный, непостижимый (Задумчиво.) Просыпается умным и храбрецом, а к вечеру, смотришь – трус и глупец...

ПРОФЕССОР (пристально смотрит на нее). Вы – мудрая женщина, Меме. Не зря я вас постоянно называю на «вы»...

МЕМЕ. Оставим меня в покое. Расскажи о себе.

ПРОФЕССОР. Что мне рассказать! У меня вполне обычная жизнь. Неинтересно.

МЕМЕ. Не бывает неинтересной жизни.

ПРОФЕССОР. Да? Ну, тогда слушайте. Я был мальчишкой, когда отец бросил нас и уехал. Мама умерла, когда мне было одиннадцать лет, с родными отца она не ладила, он привез ее из России, и она так и не сошлась с родней, у меня никого не оставалось и пришлось пожить в интернате. Я одинок и люблю одиночество. Вот и все.

МЕМЕ. Но... У тебя – семья? Женат? Нет, извини, я не должна была спрашивать.

ПРОФЕССОР. Ничего. Я был женат, но неудачно, и вскоре понял, что мы, как говорится в подобных случаях, совершенно разные люди.

МЕМЕ. Так разным и интересно вместе. Дополнять друг друга.

ПРОФЕССОР. Оказалось, что нет. Как видите, весьма обычная история.

МЕМЕ. А дети? У вас есть дети?

ПРОФЕССОР. Нет, детей, нет. Бог миловал.

МЕМЕ. Зачем ты так говоришь? Грех это.

ПРОФЕССОР. Вы любите детей?

МЕМЕ. Странный вопрос (Пауза.) Ты бы видел детей в детском доме. Сердце болит. Там есть малыш, три годика, протянешь руку, он сразу тянется к тебе... а глаза... в глазах у него такое ожидание... Ты видел сирот в интернатах?

ПРОФЕССОР. Конечно, видел, раз сам там побывал.

МЕМЕ. Видел. Они даже смеяться громко бояться, оглядываются – вдруг это кому-то не понравится? А ведь это дети...

ПРОФЕССОР (внимательно присматривается к Меме). Вам бы их воспитать, вы бы сделали из них стойких, сильных людей.

МЕМЕ. Не знаю. Воспитывать – это так ответственно. Я сама пробивалась в жизни, я была сильной, да, но я всегда была одна... и мне не хватало... не хватало... (Умолкает, не договорив.)

ПРОФЕССОР. Чего?

МЕМЕ. Чего? (Пауза). Догадайся. Ты же профессор.

ПРОФЕССОР. Честно говоря, никакой я не профессор, я даже пока не доцент, только защитил кандидатскую. Наконец-то, сказал!

МЕМЕ (шутливо). О! Знала бы, не обращалась бы к тебе! Это моя ошибка.

ПРОФЕССОР. Приятная ошибка.

Стоят лицом друг к другу, долгий взгляд. Меме в смущении и немного сердито отводит взгляд.

Профессор закуривает. Врывается секретарь в ластах с аквалангом, старается отдышаться, еле ходит, ласты мешают ему передвигаться. Меме и профессор в недоумении смотрят на него.

СЕКРЕТАРЬ. Меме, я узнал! Это миллионер. У него свой особняк на берегу Темзы. Можно проникнуть через реку, там есть такая труба, через нее прямо в дом можно попасть...

МЕМЕ (брезгливо пригнувшись). Чем от тебя пахнет?

ПРОФЕССОР. Это он канализационную трубу нашел.

СЕКРЕТАРЬ. Очень удобно, через реку, никто следов не найдет.

МЕМЕ. Не говори глупостей. Зачем нам через реку? Мы так войдем.

СЕКРЕТАРЬ. Да? Ах, ну да, ну да... Я не подумал (Снимает ласты и прочее.) Значит, через Темзу не будем? А мне понравилось... Все-таки, зарубежная река.

Картина 9

Меме в мужском костюме наклеивает усы, проводит рукой по волосам и вдруг обнаруживает в волосах заколку, смотрит, будто что-то вспоминая, прячет в карман. Профессор смотрит на нее удивленно.

Телохранитель готовит оружие, осматривает пистолеты.

ПРОФЕССОР. Зачем вы наклеиваете усы? И к чему этот маскарад?

МЕМЕ. Так я более в форме себя чувствую. Все же – дело мужское. И потом, если что – узнают, что среди нас была женщина, быстрее нападут на след. А так – более незаметно и безопасно.

ПРОФЕССОР. А! Значит, вы все-таки осторожны?

МЕМЕ. Осторожность украшает джигита. Вы, кстати, можете оставаться, если боитесь.

ПРОФЕССОР. Я боюсь?! Кто вам сказал? Я пойду с вами. Просто я слишком, наверное, законопослушный гражданин.

МЕМЕ. Это и видно по тому, как вы живете. Шучу. Ладно, пора! (Телохранителю.) Ты готов?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Да. (Передает ей пистолет.)

МЕМЕ (затыкает пистолет за пояс). Пошли.

Картина 10

Дом лондонского миллионера. Кромешная тьма. Меме, профессор, телохранитель наощупь

продвигаются в темноте. На полу лежит связанный, с кляпом во рту слуга.

МЕМЕ. Сколько тут комнат, черт возьми! До утра бродить будем.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Нет, я знаю расположение, надо идти в кабинет.

МЕМЕ. Мы уже были в кабинете, болван. Спроси у этого английского козла. (Кивает на связанного слугу).

Телохранитель подходит к слуге, садится на корточки,
приставляет к его голове пистолет.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Говори, английский козёл, где твой босс спрятал саблю?

МЕМЕ. Нашу саблю.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Где спрятал нашу саблю?

Слуга мычит что-то нечленораздельное.

МЕМЕ. Он тебя не понимает. Говорила тебе – учи английский...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Меме, зачем мне английский?

ПРОФЕССОР. Да откуда слуга может знать?

МЕМЕ. Все-таки, спроси его, спроси.

ПРОФЕССОР (слуге). Где сабля?

Слуга мотает головой. Входит жена английского миллионера со свечой в руках,
в ночной рубашке.

ЖЕНА МИЛЛИОНЕРА. Кто здесь? Это частная собственность, немедленно покиньте наш дом! (Еще никого не видит, спотыкается о слугу, падает, роняет свечу.) Ах, боже мой, Артур! Что вы здесь делаете? Почему вы связаны?

Слуга мычит, кивая головой на «гостей». Жена миллионера замечает Меме-мужчину, телохранителя и профессора, вскрикивает. Меме затыкает ей рот. Слуга дергается, желая спасти хозяйку. Телохранитель дает ему пинка, слуга успокаивается, Жена миллионера внимательно смотрит на Меме-мужчину.

ЖЕНА М. (страстно, с чрезмерным чувством). О! Как вы похожи на Мехмета. Если бы он не погиб в авиакатастрофе в прошлом году, я бы подумала, что вы – это он.

МЕМЕ (грубым голосом). Это еще кто?

ЖЕНА М. Мой любовник, четырнадцатый.

МЕМЕ. Людовик Четырнадцатый?!

ЖЕНА М. Любовник! Любовник!

МЕМЕ. А-а... (В сторону.) Эта потаскушка им еще и счет ведет! Тьфу!

ЖЕНА М. Вы ведь тоже турок, да?

МЕМЕ. Не твое дело, женщина! Говори, где сабля!

ЖЕНА М. Какая сабля?

МЕМЕ. Которую твой муж купил на аукционе.

Профессор и телохранитель продолжают шарить в темноте в поисках сабли.

ЖЕНА М. Он... Я не знаю... Она не в доме... Он куда-то ее спрятал...

МЕМЕ (направляет на нее пистолет). Говори, где! Убью! Считаю до пяти! Пять!

ЖЕНА М. О! Вылитый, вылитый Мехмет, такой же страстный и нетерпеливый! (Приближается к Меме, обнимает ее). Да, убей меня, убей! Я хочу умереть в твоих объятиях, умереть от сильных и ласковых рук! Убей меня!

МЕМЕ (брезгливо отталкивая ее). Э-э! С ума сошла!

ЖЕНА М. Да! Да! Я сошла с ума! Возьми меня, сумасшедшую! Я без ума от тебя, дорогой мой! О! Какой мужчина! Вы – эталон мужчины! Убейте меня, пронзите меня!

МЕМЕ (напуганная ее страстью). Ладно, ладно... Это потом. Сначала скажи мне, где твой муж прячет саблю?

ЖЕНА М. Я пока не знаю, но обещаю, узнаю и скажу вам. (Придвигается вплотную к Меме, та отстраняется.) Он скоро уезжает по делам в Америку. Я дам тебе знать, дорогой, и ты приедешь, ты завладеешь мной и... и саблей... Мы отдадимся самым изощренным ласкам, любимый... Я все для тебя сделаю... все устрою... Поцелуй... Умоляю, один только поцелуй... на прощание... Надо торопиться, мой изверг дома... Не хочу, чтобы он видел нас вместе... Один поцелуй...

Профессор и телохранитель, походив по дому, возвращаются к Меме и с недоумением наблюдают за этой сценой. Жена миллионера тянется обнять Меме-мужчину,

Меме брезгливо отстраняется.

ЖЕНА М. (страстно). Один... Прощальный...

МЕМЕ. Ладно, ладно... Только в щеку.

Жена миллионера целует ее, потом еще страстно в губы, обнимает, вдруг натывается случайно на заколку в кармане Меме, вынимает ее, и предъявляет, как улику.

ЖЕНА М. Откуда у тебя заколка эта? Чье это?

МЕМЕ (грубым голосом). Э-э! Не слишком ли рано для таких претензий?

ЖЕНА М. Но...

МЕМЕ. Никаких но... Ты просила поцелуй, ты его получила. (Вытирает брезгливо губы, выхватывает у нее свою заколку.) Позвони мне, как только...

ЖЕНА М. Позвоню, обязательно позвоню, любимый! Ты такой страстный!

МЕМЕ (телохранителю и профессору, словно оправдываясь). Врет она! Ничего не делала, клянусь, век воли не видать. С чего она взяла?

Профессор и телохранитель качают головами, подозрительно глядя на Меме.

ПРОФЕССОР (шутливо). Вот так и выясняются факты биографии.

МЕМЕ. Не говори глупости!

ЖЕНА М. Возвращайся по первому моему зову, любимый, и принеси своего птенчика.

МЕМЕ. Птенчи?.. А, да, да... Я вернусь, но если и тогда не получится, то мы тебя похитим!..

ЖЕНА М. О! Как ты дерзок! Ты угадал мое желание! Я хочу быть похищенной тобой, хочу, хочу, хочу, хочу!.. (Надвигается на Меме).

Меме, отступая, машет на нее рукой.

МЕМЕ. Пошли отсюда!

Меме, Профессор и телохранитель уходят. Жена миллионера посылает им вслед воздушный поцелуй, кружится в танце от радости, вновь натывается на слугу, чуть не падает, развязывает его.

ЖЕНА М. О! Артур, боже мой! Я совсем о вас забыла! Обещайте молчать обо всем, что здесь только что было.

Развязанный Артур молча, с достоинством кивает. Появляется миллионер. Она делает знак слуге, чтобы молчал. Тот снова с достоинством кивает.

МИЛЛИОНЕР. С кем ты тут разговаривала, дорогая?

ЖЕНА М. С Артуром, дорогой, всего лишь с Артуром.

Слуга с достоинством кивает, подтверждая ее слова.

МИЛЛИОНЕР. В ночной рубашке?

ЖЕНА М. Не переодеваться же мне специально для разговора со слугой. Да! Дорогой, я узнала, что ты купил какую-то саблю... Вечно я все узнаю от других.

МИЛЛИОНЕР. Но, дорогая, я не знал, что это тебя заинтересует. Старинная сабля для моей коллекции, только и всего. Очень дорого мне обошлась.

ЖЕНА М. Твоя страсть к старинному оружию нас разорит.

МИЛЛИОНЕР. Что ты, дорогая, до этого нам далеко.

ЖЕНА М. Но ты покажешь мне? Интересно все-таки, на что ты тратишь деньги.

МИЛЛИОНЕР. Сейчас она в банке, но скоро я привезу ее домой и повешу на стену и ты сможешь любоваться ею, когда захочешь. А теперь, спокойной ночи, дорогая, мне надо баиньки.

ЖЕНА (вздыхает). Да, да, иди баиньки, на что ты еще способен?

МИЛЛИОНЕР. Ты что-то сказала, милая?

ЖЕНА. Нет, просто вздохнула. Устала...

Картина 11

Комната профессора. На стенах – огромные, разноцветные бабочки. Входит Меме. Профессор не может опомниться от неожиданного визита Меме.

Она тоже несколько смущена.

ПРОФЕССОР. Вы? Здесь?

МЕМЕ (растерянно). Пришла вернуть книгу.

ПРОФЕССОР. Садитесь. Извините, здесь не убрано.

МЕМЕ. Ничего... А эти бабочки... Кто их нарисовал?

ПРОФЕССОР. Я рисую на досуге... Иногда продаю картины...

МЕМЕ. Как красиво! Вы – настоящий художник. Я и не знала, что у вас такой талант.

Долгая, напряженная пауза. Меме рассматривает стены.

ПРОФЕССОР. Извините, я все спросить хотел: что это за странное имя у вас – Меме.

МЕМЕ. Эй, профессор, ты слишком любопытен.

ПРОФЕССОР. Нет, нет, я так спросил, можете не отвечать, если не хотите.

МЕМЕ. Отчего же. Это не секрет. Мы с отцом так называли нашу бабушку. Когда она умерла, отец стал так называть меня. А мне нравится. Я очень любила бабушку, сейчас временами я разговариваю с ней, советуюсь.

ПРОФЕССОР. Советуетесь?

МЕМЕ. Да. Она была мудрой женщиной.

ПРОФЕССОР. Вас бабушка воспитала?

МЕМЕ. И она тоже. У меня рано умерла мать. Отец занимался моим воспитанием.

ПРОФЕССОР. Это и видно.

МЕМЕ. Что значит «это и видно»? Что ты этим хочешь сказать?

ПРОФЕССОР. Извините, просто на самом деле видно, что вас воспитывал мужчина.

МЕМЕ. Да. Он был строгий. Я в девять лет уже умела готовить. Отец приходил, я подавала ему обед. Он воспитал меня очень самостоятельной, я умела постоять за себя... Тебе интересно?

ПРОФЕССОР. Очень интересно, рассказывайте.

МЕМЕ. Правда? Просто мне не с кем поговорить об этом... А порой так необходимо бывает поговорить об отце, вспомнить его...

ПРОФЕССОР. У вас не было детства, как и у меня.

МЕМЕ. Не говорите так. Что он мог поделать? Он и так старался изо всех сил, чтобы прокормить семью. (Меме замолкает.)

ПРОФЕССОР (вдруг вспомнив, меняя тему). Для меня было неожиданностью, что вы знаете английский. Что же вы на аукционе притворялись, что ничего не понимаете?

МЕМЕ. Хотела тебя проверить. Имею я на это право? Ведь ты на меня работаешь.

ПРОФЕССОР (после паузы). Расскажите что-нибудь.

МЕМЕ (некоторое время молчит, вспоминая). Отец тяжело болел, лежал в нашей убогой комнатке... Я никогда не видела его таким беспомощным. И вдруг он говорит: «Дай мне руку»... Это было так неожиданно. Я не привыкла к ласкам, к пожиманию рук... Но я знала, что он безумно любил меня, и боялся, что если я не буду сильной, то пропаду в этой жизни... (Замолкает.)

ПРОФЕССОР (после паузы). Руку дали?

МЕМЕ. Я не решилась... Я просто взяла его за запястье... Всем своим воспитанием я не готова была к этому жесту... Стыдилась показывать чувства. Теперь жалею...

ПРОФЕССОР. Важно уметь извлекать уроки из жизненных ошибок...

МЕМЕ. Э-э! Пошла лекция!

ПРОФЕССОР. Нет, я серьезно. Тогда вы не дали руку и сожалеете, сейчас вы многим можете протянуть руку, многих можете взять за руку и вытащить из нужды. Таких бедных, как мои соседи... У нас тут двое молодых любят друг друга, как Лейли и Меджнун, а свадьбу сыграть не могут, нет денег, нет жилья... Таким бедным помогать – благородное дело... Я знаю, вы взяли шефство над детским приютом...

МЕМЕ. Да, стараюсь что-то делать...

ПРОФЕССОР. Это очень важно. Надо прислушиваться к своим чувствам. В вас много благородства, много души, хоть вы и стараетесь почему-то не показывать этого. Я наблюдаю за вами и...

МЕМЕ (перебивает). И давно наблюдаешь?

ПРОФЕССОР. С тех пор... с тех пор, как... (теряется, смущается).

МЕМЕ. Не надо. Лучше помолчи...

Смотрят друг на друга долгим взглядом.

Картина 12

Меме и Бандит. Меме сидит в своем кабинете, за столом, что-то пишет.

Входит Бандит, кривляется на ходу, строит страдальческие рожи.

МЕМЕ. Ты, я вижу, не оставишь меня в покое. Что тебе надо? Что ты кривляешься?

БАНДИТ. У меня ломка.

МЕМЕ. О! Ты, значит, еще я наркоманом заделался? Плохо. Не надо было уходить от меня. Среди моих людей даже пьяниц нет.

БАНДИТ. Послушай, Меме, зачем нам ссориться? Да, я работал на тебя. А теперь у меня свое дело. И я пришел к тебе с деловым предложением.

МЕМЕ. Выкладывай.

БАНДИТ. У меня есть покупатель на твой товар. Очень вы годный клиент. Давай вместе провернем это дело. Я и в Лондоне могу помочь тебе. Тридцать процентов твои. А? Что ты скажешь?

МЕМЕ. Скажу – проваливай!

БАНДИТ. Сорок, Меме, сорок. Это хорошая цена, клянусь честью.

МЕМЕ. Не клянись тем, чего нет.

БАНДИТ. Хватит! (корчит рожи, еле держится на ногах). Я предлагаю тебе огромную сумму. В последний раз – пятьдесят процентов! Смотри, я и сам могу добраться до сабли. Пожалеешь!

МЕМЕ. Ты мне угрожаешь!? Убирайся! Считаю до пяти. Пять! (Меме хватается за стул, размахивается, чтобы швырнуть в голову Бандита).

БАНДИТ (испуганно). Как пять?! Как пять? Сразу пять? Бабочек! Пускайте бабочек!

Меме смотрит на летающих бабочек, расслабляется, роняет стул.

Бандит, воспользовавшись этим, убегает.

БАНДИТ (кричит, убегая). Наш разговор еще не закончен!

Вдруг, не успев убежать, падает и начинает хрипеть и дергаться на полу.

Врывается телохранитель.

МЕМЕ. Убери (Показывает на бандита.) И помоги ему. Вызови врача.

Телохранитель за ноги уволакивает тело дергающегося бандита.

МЕМЕ. Секретарь!

Появляется секретарь в одеянии Смерти – длинный черный балахон с капюшоном, маска Смерти на лице, в руках – коса. Становится тихо за спиной Меме.

МЕМЕ (оборачивается, вздрагивает). Ой! Бисмиллах! Что это?!

СЕКРЕТАРЬ (снимая маску). Это я, Меме, не пугайтесь...

МЕМЕ. Ты спятил, идиот?! Что это ты нарядился? На карнавал пригласили?

СЕКРЕТАРЬ. Просто хотел пошутить. Чтобы поднять вам настроение.

МЕМЕ. Это тебе удалось. Кто пустил бабочек?

СЕКРЕТАРЬ (снимая с себя балахон). Сказали же – пускать.

МЕМЕ. Кто сказал, болван?! Ты должен слушать только меня, я здесь приказываю. Пошел вон! Узнай, кто пропустил этого убудка, и чтоб духу его здесь не было!

СЕКРЕТАРЬ. Слушаю.

МЕМЕ (массируя сердце). Да, хорош у меня секретарь. Ничего не скажешь! Эй, может, ты тоже мой родственник?

СЕКРЕТАРЬ (неуверенно). Нет.

МЕМЕ. Убирайся!

СЕКРЕТАРЬ. Убираюсь. (Уходит, тащит за собой косу.)

Меме смотрит ему вслед, вдруг начинает смеяться.

Свадьба во дворике профессора. Голоса соседей, музыка, смех.

Меме рядом с молодыми, тут же профессор, телохранитель. Голоса.

1 ГОЛОС. Счастья вам, долгих лет!

2 ГОЛОС. Наконец-то, исполнилась ваша мечта! Поздравляю!

3 ГОЛОС. Много вам детей дай Аллах! Здоровья и счастья!

ПРОФЕССОР. Я и не думал, что такое возможно.

МЕМЕ. Что именно?

ПРОФЕССОР. Что вы осчастливите наших молодых соседей, сыграете им свадьбу, купите квартиру.

Молодые, онемев от счастья, пожирают влюбленными глазами Меме.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Значит, ты плохо думал о нашей Меме? (Шутливо.) Меме, можно я его застрелю? (Достает пистолет.)

Молодые переводят влюбленные взоры на пистолет.

МЕМЕ. Нельзя. У тебя, я смотрю, чувство юмора появилось. Часто общаешься с секретарем?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Так я...

МЕМЕ. Знаю, ты с ним – одного поля ягоды.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Точно. Я теперь английский учу. Мало ли что. Вери вел! Sword – сабля. Ну, как?

МЕМЕ. Лучше бы ты занимался своим делом. (Профессору.) Все наши беды оттого, что, каждый сует нос в дела другого... Кстати, (Обращается к молодым) вот еще. (Достает из кармана ключи и передает жениху.) Ключи от машины.

Жених молча смотрит на нее, выпучив глаза, не зная, что сказать.

Невеста вдруг падает в обморок.

МЕМЕ. Вот это фокус! Не ожидала... Приведите ее в чувство.

Телохранитель обмахивает невесту носовым платком, дует на нее, Жених, как баран, смотрит на невесту. Меме отворачивается от них.

ПРОФЕССОР. А вы что же, уходить собрались?

МЕМЕ. Да. Дел много.

Невеста приходит в себя, стоит, опираясь о жениха.

МЕМЕ. Пока мы с тобой мотались по Лондонам, здесь накопились проблемы, (Подходит к молодым, целует их.) Будьте счастливы. (Жениху.) Работай и зарабатывай, но не гонись за деньгами. Слишком много – тоже плохо. Не то деньги начнут командовать тобой, станут твоим хозяином. Понял? Ну, прощайте! Кстати, профессор, а ты сам не хотел бы переехать отсюда?

Телохранитель пролезает между ними, внимательно слушает.

ПРОФЕССОР. Как-то не думал об этом. Мы все здесь – одна семья. Привык. Да и потом я обхожусь малым.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (в досаде машет рукой, мол, не воспользовался моментом). А туфли новые. (Указывает на туфли профессора.)

МЕМЕ (не обращая внимания на реплику телохранителя, профессору). Как знаешь. Потом не жалуйся, что я не ценю твои услуги. Да! Книги, что брала у тебя, скоро верну, дочитываю.

ПРОФЕССОР. Ну и как? Понравилось?

МЕМЕ. Художественная литература – грезы, как сон. Это отрывает от реальной жизни. Мало информации.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (сунув нос между ними). Угу, угу! (Кивает согласно.)

МЕМЕ (смотрит на него). Ты тоже это знаешь?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (испуганно). Нет, Меме, упаси Аллах!

МЕМЕ (сердито). А почему же ты киваешь и говоришь «угу, угу»?

Телохранитель обиженно отходит.

ПРОФЕССОР. Информация разная бывает. В тех книгах много информации для души.

МЕМЕ (шутливо). Нет, нет, душу оставим в покое. Это далеко заведет.

ПРОФЕССОР. Насколько далеко? (Подходит очень близко, заглядывает ей в глаза.) Может не следует этого бояться? Может и не нужно будет возвращаться из того далека?

МЕМЕ (сердито, не желая обнаруживать свои чувства). Ладно, я, кажется, со всеми попрощалась. (Телохранителю.) Пошли!

Телохранитель выбегает вперед Меме. Она уходит следом.

Картина 14

Меме дома. Вбегает, запыхавшись, секретарь, с телефоном в руках.

СЕКРЕТАРЬ. Меме, звонок из Лондона!

МЕМЕ. От кого?

СЕКРЕТАРЬ. От той шлюхи. Жены миллионера. Сабля!

МЕМЕ. А! Подай мне усы! (Суетится.)

СЕКРЕТАРЬ. Зачем?

МЕМЕ. Не могу менять голос без усов. Не чувствую себя мужчиной.

СЕКРЕТАРЬ (кокетливо). А с усами чувствуете?

МЕМЕ. Быстрее, болван!

Секретарь кидается, приносит усы. Меме кое-как наклеивает их и берет трубку.

СЕКРЕТАРЬ (показывая жестаами, тихо). Криво, Меме, криво! Поправьте.

МЕМЕ. Пошел прочь, болван! (Говорит в трубку мужским голосом.) Мехмет слушает.

В трубке визгливо-восторженный женский голос.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. О! Дорогой! Наконец-то! Наконец-то, этот изверг, этот кровосос, этот импотент уехал и оставил меня одну, одну, одну, твою голубку, и я вся трепещу в ожидании той счастливой минуты, когда стану твоей, когда мы сольемся в экстазе, когда...

Меме брезгливо отстраняет от себя трубку. Секретарь хихикает.

Меме рукой показывает, чтобы убирался.

СЕКРЕТАРЬ (тихо). Скажите ей что-нибудь ласковое (Дергает задом.)

МЕМЕ (плюет). Тьфу! Пошел вон! (В трубку.) Да, да, дорогая, я тоже... Но скажи мне, ты узнала о сабле?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Она здесь, дорогой, здесь и ждет тебя таким же нетерпением, как и я, только я, в отличие от сабли, сгораю от нетерпения, страсть гложет и сжигает меня с той минуты, как я увидела тебя, милый... Ты снишься мне в моих эротических снах. Обещай, что на этот раз ты будешь ласковой со мной, обещай, мой пумпунчик...

СЕКРЕТАРЬ (тихо). Обещайте! (Хихикает.) Пумпунчик!

МЕМЕ (сердито). Пумпунчик? (В трубку.) Да, да, милая, Я сейчас же вылетаю (Морщится, через силу.) в твои объятия.

Женский голос в трубке визжит от восторга. Меме швыряет телефон секретарю, в ярости срывает с себя усы.

МЕМЕ. Что? Получил удовольствие? Тьфу, поганка!

Секретарь старается выглядеть серьезным, подбирает брошенные усы, выключает телефон, вдруг, не сдержавшись, начинает хихикать.

СЕКРЕТАРЬ (хихикает). Пум-пум-чик!

МЕМЕ (сердито смотрит на него, и тоже начинает смеяться). Ладно. Хватит! (Становится серьезней.) Дело надо доводить до конца. Вылетаем ближайшим рейсом.

СЕКРЕТАРЬ. Слушаю! Слушаюсь и повинуюсь, слушаюсь и повинуюсь, госпожа Меме! (Начинает кривляться, пританцовывает.) Слушаюсь и повинуюсь! (Смешит Меме разными ужимками.)

МЕМЕ (смотрит на него некоторое время без улыбки). Спятил! Ей богу, спятил! Иди, готовься к отъезду.

Секретарь, кланяясь как клоун, уходит.

Картина 15

Лондон. Дом миллионера. Меме в усах, переодетая мужчиной, телохранитель, профессор, жена миллионера, слуга.

ЖЕНА М. О! Дорогой! Наконец-то, я могу обнять тебя! (Страстно прижимается к Меме.)

МЕМЕ (отстраняется). Сначала покажи саблю.

ЖЕНА М. Ты мне не веришь?

МЕМЕ. Ну... Все-таки... А вдруг это подделка?

ЖЕНА М. (становясь жестче). Нет, это не подделка, это очень дорогая антикварная вещь шестнадцатого века. И сначала ты поднимешься со мной в спальню, там мы все обсудим. Это мои условия! И не думай,

что я настолько глупа, что могу отдать вещь, которая стоит целое состояние, просто так в твои руки. У меня уже был один тут, принюхивался, приценивался, я его прогнала!

МЕМЕ (приходя в ярость, срывает усы). Ты еще мне будешь условия ставить, английская потаскушка! Обыскать дом! (Вытаскивает пистолет.) А ты только пикни – получишь пулю!

Жена миллионера падает в обморок. Профессор и телохранитель разбегаются по дому в поисках сабли. Телохранитель тут же притаскивает связанного слугу и кладет, как барана, у ног Меме.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Раскололся, фраер! Сейчас принесу. Эй, профессор, пошли!

Телохранитель и профессор исчезают. Меме смотрит на связанного слугу.

МЕМЕ. Ты с прошлого раза так и лежишь, связанный?

Слуга, что-то мычит, ерзает по полу. Жена миллионера приходит в себя, видит Меме, в ужасе.

ЖЕНА М. Так значит, вы грабители?

МЕМЕ. Не говори глупости. Мы забираем свое.

ЖЕНА М. Муж убьет меня!

МЕМЕ. На! Если это тебя успокоит (Вытаскивает из карманов и кидает ей пачки денег.) Скажешь, что продала.

Возвращаются профессор и телохранитель с саблей.

ЖЕНА М. Но зачем? У нас и так много денег.

МЕМЕ. Да? (Телохранителю.) Забери у нее деньги.

Телохранитель отнимает деньги у жены миллионера. Меме рассматривает саблю.

МЕМЕ. Вот она, знаменитая сабля Кёроглу! Красавица! Она вернется на родину...

Жена миллионера, вдруг вскочив, с визгом бросается на Меме, хочет отнять саблю, но Меме отшвыривает ее от себя, как котенка.

МЕМЕ. Пошла прочь, дура!

ЖЕНА М. Отдай! Это наше!

МЕМЕ (показывает ей шиш). А это видела? Выкуси!

ЖЕНА М. (в недоумении). Выкусить? А что это?

ПРОФЕССОР. Это кукиш. Означает – хрен получишь.

МЕМЕ. Молодец, профессор!

ЖЕНА М. Хрен? При чем тут хрен? Отдайте нашу саблю!

МЕМЕ (телохранителю). Свяжи ее, пока не наделала глупостей. И рот заткни.

Телохранитель мгновенно связывает жену миллионера

и кладет рядом со связанным слугой.

МЕМЕ. Пошли отсюда.

Уходят.

Картина 16

Лондон. Тихая ночная улица. Меме, профессор и телохранитель выходят с одной стороны, с другой появляется Бандит.

БАНДИТ (кричит). Меме, отдай мне саблю, и будешь жить.

МЕМЕ. Убирайся с дороги!

Бандит, Меме и Телохранитель достают пистолеты, начинается перестрелка между Бандитом с его невидимыми людьми и Меме. Меме и телохранитель отстреливаются. Грохот выстрелов с обеих сторон. Вдруг наверху с треском распаивается окно, женский крик из окна.

ЖЕНСКИЙ КРИК. Прекратите! Хватит шуметь! Ребенок заснуть не может!

МЕМЕ (профессору). Что она кричит?

ПРОФЕССОР. Говорит, мешаете ребенку спать.

Меме подносит палец к губам, достает глушитель, показывает Бандиту, надевает глушитель на пистолет, (ее примеру следуют Бандит и телохранитель.) и перестрелка, уже тише, продолжается. Ранят одного из людей Бандита, голос за кулисами кричит.

ГОЛОС. Я ранен! Эта сука в меня попала!

МЕМЕ (громким шепотом). Слушай, тебе же сказали, заткнись. Ребенок спать не может.

В перестрелке ранят Меме. Она падает.

ПРОФЕССОР (в ужасе, кричит). Она ранена! Помогите! Она ранена!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Меме, ты ранена?

МЕМЕ (с усилием). Ты разве не видишь, болван? Обязательно надо задавать глупые вопросы? Или думаешь, я легла тут отдохнуть? И скажи ему, пусть не орет.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Профессор, не ори.

Телохранитель, отстреливаясь, тащит Меме на себе за кулисы. Профессор, в ужасном волнении, вьется рядом, стараясь помочь. За кулисами раздается хлопанье дверцы машины, визг на скорости отъезжающего автомобиля.

Бандит стреляет вслед машине, кричит.

БАНДИТ. Запомни, Меме, все равно я своего добьюсь! Сабля будет моей!

Картина 17

Больничная палата. Меме полулежит-полусидит в кресле с перевязанной рукой, дает указания секретарю.

МЕМЕ. Ты все понял?

СЕКРЕТАРЬ. Да. (Торопливо дописывает в блокноте.) Все.

МЕМЕ. Иди.

Секретарь уходит. С другой стороны входит профессор с букетом.

МЕМЕ. О! Цветы! Это уже второй раз на протяжении пьесы.

ПРОФЕССОР. Пьесы? (Подозрительно смотрит на Меме.) У вас все в порядке?

МЕМЕ. Ты хочешь спросить – с головой?

ПРОФЕССОР. Нет, вообще... Как вы себя чувствуете? А почему не лежите?

МЕМЕ. Что?! Чтобы кто-то видел Меме лежащей? Не бывать этому!

ПРОФЕССОР. Да, нет... Я просто так...

МЕМЕ. Просто так... Думать надо, когда говоришь. Бабек, когда ему отрубили руку, омочил кровью лицо, чтобы палачи не видели, как он побледнел. Александр Великий в пустыне, когда у его армии не оставалось ни глотка воды, вылил последнюю воду из своей фляжки, чтобы терпеть лишения наравне со своими воинами. А ты думаешь, что я не могу терпеть боль сидя? Чепуха! Меме и не такое вытерпеть может!

ПРОФЕССОР. Вы, я вижу, успешно штудируете историю.

МЕМЕ. А как же, и вообще мне кажется странным, как не зная своего прошлого, можно жить в настоящем, стремиться в будущее?

ПРОФЕССОР. Это вы у меня спрашиваете?

Оба смотрят друг на друга и улыбаются, вспомнив разговор в начале знакомства. В палату врывается Бандит, не обращая внимания на профессора,

наставляет на Меме пистолет.

БАНДИТ. Ты еще жива? Меме, у тебя есть то, что мне нужно. Отдай. Не заставляй меня нажимать на курок.

МЕМЕ. У тебя нет ничего, что было бы нужно мне. Проваливай!

Бандит целится в голову Меме.

МЕМЕ. Стреляй. У тебя духу не хватит.

БАНДИТ. Ты просчиталась, Меме. Ты недооценила меня. Я все о тебе знаю.

МЕМЕ. Все о себе даже я не знаю.

БАНДИТ. Ты всегда была непредсказуемой, капризной девчонкой.

МЕМЕ. На этот раз ты не ошибся. Сама не знаю, как здесь очутился пистолет (Достав из-под подушки, направляет на него пистолет.)

ПРОФЕССОР. Бросьте, бросьте сейчас же! Вы же можете убить его!

Меме смотрит на профессора и под его взглядом, словно под гипнозом, медленно опускает руку с пистолетом, он выпадает из ее руки.

БАНДИТ (мгновенно подбирает пистолет). Вот так лучше. Молодец, Профессор, я не забуду твою услугу. (Щелкает курком.)

ПРОФЕССОР (в ужасе). Что вы делаете?!

БАНДИТ. Как что? Собираюсь убить ее. Посмотри на нее в последний раз, а то сдастся мне, ты на нее глаз положил.

МЕМЕ (смотрит на профессора). Да? Это правда?

ПРОФЕССОР (кивает). Да.

МЕМЕ. Я должна сказать тебе, профессор...

БАНДИТ (перебивает). Хватит болтать! Будем считать это признанием в любви. Прощай, Меме, ты не скоро увидишь своего профессора, он не будет спешить за тобой...

Бандит направляет пистолет в голову Меме, профессор бьет его по голове букетом. Бандит падает. Профессор извлекает из букета молоток.

МЕМЕ (удивленно смотрит на Профессора). Я вижу, мои уроки не пропали даром.

ПРОФЕССОР. Так же, как и мои для вас.

МЕМЕ. А молоток ты, надеюсь, не для меня приготовил?

ПРОФЕССОР. Нет, что вы! На всякий случай. Видите – пригодился.

В палату врывается Телохранитель.

МЕМЕ. Ты, как всегда, вовремя. Убери здесь.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. О'кей! (Оттаскивает тело Бандита за ноги за кулисы.)

Меме и Профессор остаются одни.

ПРОФЕССОР. Вы что-то хотели сказать?

МЕМЕ. Я? Нет.

ПРОФЕССОР. Как нет?!

МЕМЕ (вдруг вспоминает). Ах, да...

ПРОФЕССОР (радостно). Да?

МЕМЕ. Да. И думаю, эта новость тебя обрадует.

ПРОФЕССОР (сияет от радости). Да?

МЕМЕ. Я решила передать саблю Кёроглы нашему историческому музею.

ПРОФЕССОР (улыбка медленно сползает с его лица). А-а... Это хорошо. Это благородно. И это все, что вы хотели сказать мне? (Нервно вытирает туфли о брюки.)

МЕМЕ. А что же еще?

ПРОФЕССОР (нервно). Ну... Я не знаю... Скажите главное.

МЕМЕ. Эх ты... Профессор, а таких вещей не знаешь. Главное должен говорить мужчина.

ПРОФЕССОР (озадаченно). Да? Значит – я?..

МЕМЕ. Подумай. Кто из нас двоих мужчина?

ПРОФЕССОР (не очень уверенно). Я...

МЕМЕ. Вот и хорошо. Это мы выяснили.

ПРОФЕССОР. Хватит! Хватит говорить со мной в таком тоне.

МЕМЕ (пугается). Но дорогой мой, я ничего не сказала, и это мой обычный тон.

ПРОФЕССОР. Как ты меня назвала?

МЕМЕ. Не помню. А, кстати, как тебя зовут?

ПРОФЕССОР. Меня зовут – эй, профессор. Говори, как ты только что меня назвала! (подходит к ней

вплотную, забыв в руке молоток).

МЕМЕ (испуганная его необычно-решительным видом). Это вырвалось... Я не знаю, как это получилось... Это так... Не подумав... случайно... Я больше не буду-у-у-у...

Профессор склоняется над Меме, целуются долгим поцелуем.

Появляется призрак бабушки.

ПРИЗРАК. Теперь я могу покинуть тебя, Меме. Будь счастлива.

МЕМЕ (отстранив профессора). И что же? Я тебя больше не увижу?

ПРОФЕССОР. Что ты говоришь, милая?

МЕМЕ (Профессору). погоди!

ПРИЗРАК. Я уйду, Меме. Ты в надежных руках.

МЕМЕ. Это он в надежных руках.

ПРИЗРАК. Прощай, Меме. Любви тебе и счастья.

МЕМЕ. Прощай, Меме. Я буду по тебе скучать.

ПРОФЕССОР. Буду... что?.. (В недоумении.) С кем ты говоришь?

Призрак исчезает.

МЕМЕ. Так. Не обращай внимания... Это, к сожалению, больше не повторится.

Профессор целует ее. По сцене летают бабочки.

МЕМЕ (отстранив, Профессора). Смотри, бабочки! Как они здесь? Я же не велела.

ПРОФЕССОР. Это мои бабочки, дорогая. Пришло им время ожить...

АЛИ АМИРЛИ

БОГАТАЯ ЖЕНЩИНА

Перевод Амаль Ханум ГАДЖИЕВОЙ

Черная эксцентрическая комедия в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хевва Зерлинская

Сары (желтый)

Кара (черный)

Адвокат

Пехлеван Зерлинский

Элван

Нищий

1-й корреспондент

2-й корреспондент

Телекомментатор

Радиокомментатор

Фотограф

1-й Телохранитель

2-й Телохранитель

1-й голос

2-й голос

ПЕРВЫЙ АКТ

Небогато обставленная квартира, старая обшарпанная мебель.. Единственное, что привлекает внимание - это портрет мужчины аристократического вида в золотой раме. Когда открывается занавес, Кара танцует под громкую музыку. Это современный и темпераментный танец. Через некоторое время появляется, прихрамывая, Хевва. В руке у неё таз, на шее - веревочка с прищепками. Хевва недовольно смотрит на танцующего Кара, снимает веревку с шеи, уносит тазик и снова выходит на сцену, продолжая ворчать. Еще через некоторое время появляется Сары с двумя полупустыми корзинами. На нем поношенный костюм. На голове старая шляпа с помятыми полями.

САРЫ. Что за шум опять, Кара? Здесь квартира или дискотека?

ХЕВВА (забирает корзины). Что это? Это все, что ты купил?

САРЫ (кричит). А что ты думала?

ХЕВВА (перебирает продукты). И из-за этого ты пошел на базар?

САРЫ. Я не слышу, что ты говоришь. Кара, выключи эту чертовую музыку!

ХЕВВА. Довольно, Карик! (Выключает магнитофон.) У меня голова закружилась!

КАРА. В чем дело, мама? Ты не видишь, я танцую!

ХЕВВА. Послушай, чему ты радуешься? Наши корзины полные или отец вернулся домой с полными карманами?

КАРА. О боже!.. Опять началось. Где мой плеер?

САРЫ. Да ему море по колено...

ХЕВВА. Весь в тебя пошел, такой же беспечный и никчемный.

САРЫ. Это я-то беспечный? Я никчемный? Ты слышишь, Кара?

КАРА. Послушай, папа, не вмешивай меня в политику! Где мой плеер, мама? Нашел. А теперь ругайтесь, сколько хотите. (Надевает наушники плеера.)

ХЕВВА. Если бы не был никчемным, не вернулся бы из базара с пустой корзинкой. (Заглядывает в корзину.) А где капуста?

САРЫ. Денег не хватило. Купил морковь, петрушку, свеклу...

ХЕВВА. Что значит, купил свеклу? Разве борщ бывает без капусты?

САРЫ. С моей зарплатой борщ может быть не только без капусты, но и без мяса!

ХЕВВА. Сары, почему от тебя отвернулась фортуна?

САРЫ. Оставь в покое мою фортуна, Хевва! Дай мне жить нормально, свободно, как все нормальные люди.

ХЕВВА. Сары, и ты называешь это жизнью?

САРЫ. Чего ты хочешь, чего добиваешься, Хевва? Хочешь, чтобы я покончил с собой?

ХЕВВА. Почему покончил с собой? Разве ты не мужчина? Найди себе нормальную работу, как другие, зарабатывай деньги...

САРЫ. Разве я не работаю? Разве я бездельничаю? Разве не я написал ту огромную из пятисот страниц докторскую? Или не я заведующий такого большого отделения?

ХЕВВА. Да разве те, у кого голова на месте, в наше время пишут докторскую или работают в институте? Устройся в какую-нибудь фирму, займись бизнесом, будь мужчиной!

САРЫ. Я что, знаю английский язык или разбираюсь в компьютере?

ХЕВВА. Что бы я ни сказала, у него на все есть возражения. Послушай, какой же ты доктор, если не знаешь английского языка?

САРЫ. Хевва, я не в силах спорить с тобой, лучше я умру! (Снимает пиджак, ворот его рубашки порванный.)

ХЕВВА. Ей-богу, это я умру, я лопну! Карик, вынь из ушей эту чертовщину, ты уже выдохся от танца! (Хочет снять наушники.)

КАРА. Мама, я танцую хуже всех в институте, ребята смеются надо мной, дай научиться. (Уходит, танцуя.)

ХЕВВА. Весь вспотел от танца, живот к спине прилип. (Поднимает корзинки, уносит и возвращается.) Ты что, даже как Ятим не можешь? Он каждый день меняет свои машины.

САРЫ. Я не чета этому Ятиму, я ученый, у меня сто пятьдесят статей, три монографии, пойми ты это! Я не торгош! К тому же для того, чтобы заняться бизнесом, нужно иметь родственников в высшем эшелоне власти.

ХЕВВА. Разве у Ятима в верхах есть родственники? Разве он не из детдома? Ятим - сирота! Да и имя своё сменил недавно на Сахиба и отнял дом у такого человека, как Гудрет. Даже не моргнув глазом! И правильно сделал. Мужчина должен быть расторопным, а если он не таков, жена его попадет в моё положение. О квартире я и вовсе молчу. О боже, посмотри, до чего дошла внучка Зерлинского? Зубы выпали, не могу купить краску, чтобы покрасить голову! Хромаю! В наше-то время!

САРЫ. И в твоей хромоте виноват я, Хевва?

ХЕВВА. А как же? Если бы у тебя были деньги, разве я хромала бы?

САРЫ. Послушай, какое отношение имеют деньги к твоей хромоте?

ХЕВВА. Самое прямое! Можно подумать, что все они - красавицы от рождения! Вон, жена Селима Эфтибида отрезала свой огромный нос-рубильник, и он стал маленьким, как лесной орешек, меньше чем у Майкла Джексона. А плоскогрудая Чимназ? Какую себе грудь сделала, может сломать ею голову любому, а я - несчастная, потеряла даже то, что имела. И каждый мне говорит: о, как ты постарела, но не думают, что это из-за тебя я стала такой.

САРЫ. Послушай, я тут не в состоянии купить несчастную капусту, а ты хочешь, чтобы я тебе увеличил грудь?

ХЕВВА. Если жена хромает, рот у неё кривой, нос огромный, виноват в этом муж. Потому что сыр содержит овечья шкура, жену - муж.

САРЫ. А если воротник рубашки мужа рваный, кто в этом виноват?

ХЕВВА. Конечно же, сам муж.

САРЫ. Опять муж! А ты знаешь, что говорят по этому поводу англичане?

ХЕВВА. Я что, знаю английский язык?

САРЫ. Не знаешь, так послушай: англичане говорят, что за каждым счастливым мужчиной стоит женщина.

ХЕВВА. Может быть, у англичан и так, а у нас мужчина не прячется за спиной женщины. Потому что у

нас мужчина должен приносить деньги, а жена считать их.

САРЫ. Почему же тогда упомянутая тобою Чимназ зарабатывает деньги? Смотри, какой у неё бизнес! Не осталось страны, куда бы ни ступила её нога.

ХЕВВА. Да разве я могу с такой ногой ехать в какие-то страны?

САРЫ. Какое к этому имеет отношение нога, ты что, пешком пойдешь?

ХЕВВА. А как, на носилках?

САРЫ. Знаешь, Хевва, чем больше выпадает твоих зубов, тем длиннее становится твой язык. Тебя уже невозможно переспорить. Я стал несчастным в тот день, когда поверил цветистой речи своей тетушки. Ах, у неё такой род, такие корни! Золото Зерлинского... даже фотография в золотой раме. Эта фотография меня и добила.

ХЕВВА. Теперь ты так запел? Разве ты не умирал из-за меня? Разве ты не хромал из-за меня? Я лишь позже узнала, что ты здоров как конь.

САРЫ. Что поделаешь, я пожалел тебя, хотел, чтобы ты не смущалась из-за своей хромоты. Не взял в жены Нису, а она вон открыла ресторан. В тот день я шел с корзинкой картошки в руках, а она едет на меня на своём «Мерседесе». Я спросил, зачем ты так, Ниса? А она говорит: тебе и этого мало! До чего ты докатился, товарищ профессор?

ХЕВВА. А ты начал жаловаться, что нет денег, не так ли? И платок достал из кармана?

САРЫ. Говорит, разве я бы за тобой так смотрела? Разве я посылала бы тебя с корзинкой в руках за картошкой?

ХЕВВА. А что, она бы всучила корзинку тебе в зубы?

САРЫ. Почему в зубы? У неё три прислуги.

ХЕВВА. Так чего ж ты ждешь? Иди, есть кому тебя содержать!

САРЫ. Ты думаешь, я бы не пошел? Но зачем я ей теперь, когда ты выжала из меня все соки за двадцать пять лет? (Появляется танцующий Кара.) Куда деть этого бездельника, превратившегося от танцев в гончую собаку?

ХЕВВА. Ничего, возьмете нас в прислуги.

САРЫ. Да ты что? Разве из него выйдет слуга?

ХЕВВА. Весь в тебя пошел. Не может же твой сын быть похожим на Ятима!

САРЫ. При чем тут Ятим, Хевва?

ХЕВВА. При том, что он любил меня, а я отказала ему, сказала, что не выйду замуж за детдомовца. Но, видимо, совершила большую ошибку.

САРЫ. Ты глупеешь на глазах, Хевва.

ХЕВВА. От тебя учусь. (Звонит телефон.) Алло! (Обращается к Кара.) Послушай, Карик, хватит, наплясался, подойди к телефону! (Снимает с него наушники.) Телефон!

КАРА (берет трубку). Алло! Да...

ХЕВВА. Сары, если я тебя не подожгу из-за этой Нисы, я не внучка того мужчины.

САРЫ. А что, ты можешь говорить о Ятимае, а я - нет?

КАРА (родителям). Прекратите! (По телефону.) Какой юбилей, я что, поэт, чтобы отмечать юбилей? У меня что, есть деньги? Какие девушки? И она? Какой ресторан? Понимаю... Ещё чего? Откуда мне знать? Посмотрю, что скажут старики.

САРЫ. Это он про нас?

ХЕВВА. Это мы - старики, Кара?

КАРА (по телефону). Ладно, о`кей!..(Кладет трубку.) Да-а-а... Дорогой папа и не менее дорогая мама, мне нужны деньги.

САРЫ. А нам что, они не нужны?

ХЕВВА. У нас что, Кара, есть деньги? Что, твой отец зарабатывает деньги?

КАРА. Я не знаю! Если не дадите, я убегу из дома.

ХЕВВА. Что значит - убегу? Ты моей смерти хочешь?

САРЫ. Да не бойся, никуда он не убежит. Где он еще найдет таких амбалов, как мы?

КАРА. Вы не уводите разговор, мне деньги нужны!

ХЕВВА. И сколько же, Карик?

КАРА. Сколько? Ну... скажем... Сто долларов!

САРЫ (вздвигнув, падает со стула). Сколько?!

ХЕВВА (падает на стул). Ты что, откуда у нас столько денег?

САРЫ (встает). Сто долларов! Да ты в своем уме? Сынок, за сто долларов я целый месяц хожу в этот чертовый институт.

ХЕВВА. Тебе и этого много!

КАРА. Не начинайте вы свой спор! У меня юбилей, мама! Понимаешь? Вашему единственному сыну исполняется двадцать лет, а вы хотите, чтобы я опозорился перед ребятами из-за каких-то ста долларов?

ХЕВВА. Почему опозорился, сынок? Я все приготовлю. Приведешь ребят домой, я накрою стол...

КАРА. Домой? Сюда?! Послушай, женщина, разве сюда можно привести людей?

ХЕВВА. А что тут такого? Никто не может приготовить салаты лучше меня, а о винегрете я вообще молчу.

КАРА. Может, ещё и жмых? Вы что, родили меня для того, чтобы я жил в позоре? Денег нет, машины нет. Квартира в таком состоянии, словно это вокзал.

ХЕВВА. Пусть будет стыдно твоему отцу, сынок.

КАРА. Да ладно бы это! Так вы ещё и назвали меня Кара - «черный».

САРЫ. А что плохого в имени Кара, сынок? Это имя моего покойного отца.

КАРА. Да, хорошее имя: Кара Сары оглу! Черный - сын Желтого! Ребята обзывают меня цветным.

ХЕВВА. Ребенок прав. Я тогда сколько просила, давай дадим ребенку нормальное имя, не послушался! Он, видите ли, должен назвать сына именем своего отца! Люди, разве человек по имени Сары может называть сына Кара? Да и фамилия Караев!

САРЫ. А что, Хевва ханум, может быть, нужно было назвать его Зерли - позолоченный?

КАРА. Хорошо, хоть голубым не назвали.

САРЫ. Это традиция нашего народа, сынок, это менталитет.

КАРА. В общем так! Не уводите разговор, вы должны дать мне сто долларов!

САРЫ. Что же нам делать теперь, Кара? Пойти разбойничать на дороге?

ХЕВВА. Куда уж тебе!

КАРА. Мама, давай не уходи от разговора! Вон, продайте этот портрет, вы же говорили, что рама из золота? Давайте, я сам продам, я и покупателя нашел.

ХЕВВА. Что ты сказал, Кара? Продадим портрет твоего деда?

САРЫ. А почему бы и нет?

ХЕВВА. Вы сошли с ума? Вы что, не знаете, что это единственная память, остающаяся от рода Зерлинских? Причем с фамильным гербом.

КАРА. Какая память, мама? Все равно, когда вы уйдете, я её продам.

ХЕВВА. То есть как это - когда мы уйдем? Куда мы пойдем, Кара?

САРЫ. Хевва ханум, твой сын хочет сказать - после нашей смерти.

ХЕВВА. Как это? (Хватается за сердце.) Как у тебя язык повернулся, дитя моё?

КАРА. Я же не говорю - прямо сейчас. Вообще-то, рано или поздно...

САРЫ. Спасибо большое, сын мой, да будет тебе впрок имя моего отца!

ХЕВВА. Что поделать, сынок, продашь. Только после того, как похоронишь свою мать.

КАРА. Что ты обижаешься, мама? Такова жизнь - се ля ви.

ХЕВВА. Ты не Зерлинский, сынок. Я теперь поняла, что ты действительно Караев, ты его сын. Род Зерлинских заканчивается на мне. (Плачет.)

САРЫ. Ах, какая утрата!

ХЕВВА. Что ты понимаешь, Сары? Человек по имени Сары, да еще отец которого был сторожем, откуда может понять, что такое благородный род? (Сидит, прикрывшись платком.) И вообще, оставьте меня в покое.

Стучат в дверь, и заходит Нищий.

НИЩИЙ. Ради Аллаха, ради пророка, ради господина имама Хезретаббаса, дайте мне на хлеб, да благословит Аллах ваш дом... Я уже три дня как голоден, язык не вмещается в рот...

САРЫ. Откуда ты взялся на нашу голову? Что тебе надо?

КАРА. Откуда здесь деньги?

НИЩИЙ. Клянусь своим господином Хезретаббасом, у меня нет ни газа, ни воды, ни еды, казан пустой... (Пристает к Сары.) Дайте один ширван, вот уже шесть месяцев, как мяса во рту не было.

САРЫ. Один ширван? Да ты с ума сошел!

ХЕВВА. Подожди минуту! (Встает и, прихрамывая, уходит. Возвращается с куском хлеба в руке.) На, бери, ешь на здоровье.

НИЩИЙ. Послушай, что это такое?

ХЕВВА. Хлеб. Ты же говоришь, что ты голоден?

НИЩИЙ. Зачем мне хлеб, женщина? Такой солидный, как я, мужчина, вот уже сколько времени молится за вас, а ты даешь мне хлеб? У меня что, нет хлеба?

САРЫ. Вот тебе раз! А ну-ка, отдай сюда хлеб! (Забирает хлеб.) А теперь убирайся. Пока это наш дом.

НИЩИЙ. Ты что голос повышаешь? Увидел, что я одет плохо? Вы только поглядите на его дом! Это разве дом?

КАРА. Папа, это уже рэкет.

САРЫ. Послушай, ты, убирайся отсюда, пока я тебя не избил! (Толкает.)

НИЩИЙ. Это ты меня толкаешь? Поднимаешь руку на беженца? Да я тебя так прокляну, что лишишься своего сына!

ХЕВВА. Что ты хочешь, брат? Уходи! Или ты будешь проклинать нас в нашем же доме?

НИЩИЙ. Не только прокляну. Ты только посмотри на этот дом! Это разве дом, женщина? Даже я – нищий – не останусь в этом доме и на один день! Плевал я и на ваш дом, и на ваш род. Я – беженец, живу лучше вас: у меня три дома, две палатки.

САРЫ. Послушай, он обнаглел!

НИЩИЙ. Следи за своей речью! Ей-богу, поломаю этот костыль на твоей голове! Мне-то что, я контуженый человек.

КАРА. Мама, это рэкет.

НИЩИЙ. Прошли те дни, когда вы провожали нас, всучив кусочек хлеба. Даст бог, все наше будет! Захочу, даже отниму у вас эту вашу лачугу. Подумать только, до чего дошли: выгонять беженца из дома! (Уходя.) Аллах, услышь меня, обвали на их головы эту крышу! Они, видите ли, мне хлеб подают... (Уходит.)

САРЫ. Нет, в этой стране невозможно жить! Ни уважения к старшим, ни любви к младшим, женщина мнит себя мужчиной, мужчина... тьфу! Как расстроил меня этот... жулик. Аж голова заболела! Пойду, прилягу... (Хочет уйти.)

ХЕВВА. Ах, он устал! От чего ты устал? Уже продавил кровать своим лежанием.

САРЫ. Хевва, что ты хочешь? Чтобы я покончил с собой?

КАРА. Папа, зря ты убегаешь. Мне нужны деньги. Поймите, я не могу привести сюда тех девушек.

ХЕВВА. Почему, дитя моё? Мы что, прокаженные?

КАРА. Ещё хуже!

САРЫ. Астагфуруллах! Что ты хочешь этим сказать, Кара?

КАРА. Что хочу сказать? Ты, как видишь кого, начинаешь жаловаться на безденежье. А одет ты... Хуже нищего, папа.

САРЫ. И это мой сын?

КАРА. А мама беззубая! Когда смеётся, словно...

ХЕВВА. Я не буду смеяться, Кара, я заплачу.

КАРА. Что ты обижаешься, мама? Я же прав. Половина твоих волос седая, другая – желтая, третья... Я уже не говорю о том, что ты... хромаешь!

ХЕВВА. Что? Что ты сказал, Кара?

САРЫ. Прекрати, Кара! Сейчас же прекрати!

КАРА. А что, я сказал неправду? Она же хромает.

ХЕВВА. Ты слышишь, Сары? Ты слышишь?.. (Рыдает.)

КАРА. Мама...

ХЕВВА. Я что, сейчас начала хромать? Я хромая от рождения... (Рыдает ещё громче.)

САРЫ. Стоит ли из-за этого плакать, Хевва? Разве то, что ты хромаешь, тайна?

ХЕВВА. У вас обоих сердце из камня! Ведь я... ведь у нас... У нас дома из-за меня хромали все, чтобы я не переживала: и отец, и мать, и даже прислуга. Я уже была большой девочкой, но не понимала, что я инвалид. Думала, что все так ходят. Только когда пошла в школу... (Плачет.)

КАРА. Довольно, мама! Эх-х... Бессмысленно с вами говорить. Делайте, что хотите, но деньги вы должны найти. Если не найдете, я убегу или украду портрет и продам. Думайте сами! (Надевает наушники и уходит, танцуя.)

САРЫ. Довольно, Хевва, он ещё ребенок. Сам не понимает, что говорит.

ХЕВВА. О, Аллах, разве его трогает то, что я плачу? (Вытирает глаза.) Зачем я живу? Разве это жизнь? Смерть в тысячу раз лучше такой жизни!

САРЫ. Не преувеличивай, Хевва.

ХЕВВА. А ты замолчи, Сары! Ты мой враг, ты альфонс, который мечтает о доме Нисы. Замолчи, будешь

говорить после моей смерти, произнесешь речь на моей могиле. Где табуретка? (Ищет.)

САРЫ. Зачем тебе табуретка, хочешь поломать её об мою голову?

ХЕВВА. Да, поломаю об твою голову. (Бегает, что-то ищет, уходит со сцены и возвращается с табуреткой.) Если захочешь помешать, я своим криком созову сюда весь мир или же выкинусь из окна.

САРЫ. Ты в своём уме, Хевва? Разве нормальный человек бросается с табуретки? Да ещё нога твоя...

ХЕВВА. Да, я инвалидка, и нога у меня увечная. (Забирается на табуретку.) Я сказала, не подходи! (Пытается поймать петлю, висящую над головой.)

САРЫ. Хевва, не глупи! Прекрати!

ХЕВВА. Не подходи! Я не могу жить как ты, в нитье! (Пытается поймать петлю.)

САРЫ. Ева... Хевва... (Мечется по сцене.)

ХЕВВА. Я больше не могу!

САРЫ. Кара... Карик... Кара!!!

ХЕВВА. Не зови, все равно не услышит. Мать вешается, а сын с плеером в ушах танцует, а муж... от страха наложил в штаны... Будь мужчиной хоть раз в жизни, погляди, как умирает жена, как будет биться словно рыба, вися на веревке! (Не может поймать петлю.)

САРЫ. Куда ты уходишь, оставив меня? У меня что, есть возможность хоронить тебя в эти трудные времена?! И без того в долгах по уши.

ХЕВВА. Почему же ты, когда видишь Нису, бьешь копытом, словно конь? (Пытается поймать петлю.) Ты только посмотри, где эта чертова петля!

САРЫ. Ты думаешь, я не могу повеситься, Хевва?

ХЕВВА. Ты-то? Ха-ха-ха! Не смехи... Откуда такая смелость? (Ловит петлю.) Вот и наша петелька, и намылена...

САРЫ. Я смотрю, ты всерьёз, да, Хевва? (Оглядывается по сторонам и хватает первый попавшийся стул.) Ну что же! Сейчас, погоди, я докажу тебе, что я не тот человек, что боится смерти. Если я не уйду вперед тебя, пусть мне не будут впрок хлеб с сыром Кара киши.

ХЕВВА. Не дожدهшься! (Поспешно надевает на шею петлю.)

САРЫ. Изменщица! (Забирается на стул и пытается поймать веревку, висящую над головой.) Даже смерть избегает меня...

Музыка становится громче, уже не слышно, что они говорят друг другу. Появляется танцующий Кара. Увидев родителей, он снимает с ушей наушники.

Музыка замолкает.

КАРА. Погодите! Это ещё что за фокусы? Вы с ума сошли?

САРЫ. Сынок, твоя мать хочет моей смерти, я ухожу от вас.

ХЕВВА. Карик, я избавляю тебя от конфуза, я ухожу, ухожу по своей воле.

КАРА. Кто тебе позволил, мама? (Хочет подойти то к матери, то к отцу, наконец, занимает нейтральную позицию между ними.) А ну объясните мне, что тут у вас происходит? Вы что, с ума сошли? А обо мне подумали?

САРЫ. Ты не такой уж бездушный, как твоя мать. Спасибо тебе, сынок.

ХЕВВА (плачет). Я устала, Карик, устала от этой жизни, от этой хромоты. Прости меня и прощай!

САРЫ. Это так, сынок, меня добила моя докторская да и твоя мать, невозможно больше так жить!

КАРА. Ладно, допустим, что вы правы, на вашем месте и я бы выбрал этот путь, но на кого вы оставляете меня?

ХЕВВА. Карик, сиротинушка ты мой...

САРЫ. Я не смог быть тебе хорошим отцом, сынок... (На глазах появляются слезы.)

КАРА. Это я знаю, папа... Нет ни денег, ни связей...

ХЕВВА. Позор на голову твоего отца, дитя моё...

САРЫ. Твоя мать довела меня, сынок, я больше не хочу так жить.

КАРА. Погодите, а завещание вы не думаете оставить?

ХЕВВА. Какое завещание, сынок? Разве отец твой имеет могилу, чтобы у него был и саван? У него ни кола, ни двора!

КАРА. А ордер на квартиру?

САРЫ. Ордер?

ХЕВВА. Зачем тебе ордер, дитя моё?

КАРА. Съем его! Должен же я жить как-то, или вы думаете, что и я последую за вами?

САРЫ. Ты что, продашь квартиру?

ХЕВВА. Где же ты будешь жить, если продашь квартиру?

КАРА. А вот это уже вас не касается. Где ордер, Сары Караевич?

ХЕВВА. Бедный мой мальчик...

САРЫ. В папке в столе. Но не продешевлю...

ХЕВВА. Продавайте, транжирьте, но без меня. Я ушла... (Пытается оттолкнуть ногой табуретку.)
Чертова табуретка! Будто прилипла к моей ноге!

САРЫ. Нет, первым уйду я!

КАРА (кричит). Мама, папа, нельзя так! Все подумают, что это я повесил вас, чтобы продать дом! Да еще и свидетелей нет, оставьте хотя бы записку.

ХЕВВА. Ты моя умница...

САРЫ. Молодец, сынок, кто бы мог подумать?

Громко стучат в дверь.

КАРА. Кто-то пришел, нет нужды в записке, он станет свидетелем. (Хочет идти к двери.)

ХЕВВА. Не открывай, Карик, наверняка пришли за оплатой за канализацию.

КАРА. Ничего подобного, мне нужен свидетель. (Убегает.)

ХЕВВА. Слава тебе, Всевышний, хоть он оказался умнее своего отца.

САРЫ. И при смерти жалишь меня?

ХЕВВА. Но в чем дело, чего ты ждешь, почему не вешаешься?

САРЫ. Как ты будешь смотреть мне в лицо на том свете, Хевва?

ХЕВВА. Если и там мне нужно будет смотреть на тебя, зачем мне кончать с собой?

КАРА (возвращается. За ним следует Адвокат). Я не виноват, они сами захотели. Папа, вот и свидетель, тем более, он юрист.

АДВОКАТ (с акцентом). Майн готт! Неужели я пришел именно туда и вовремя?

ХЕВВА. Очень вовремя, дорогой гость, сам Аллах прислал тебя. Я уйду по своей воле, мальчик не виноват. Если вам не трудно, выбейте эту табуретку из-под моих ног, а то сил моих нет, у меня нога больная с самого детства.

АДВОКАТ. Майн готт! Неужели судьба мне наконец улыбнулась?

САРЫ. Аллах прислал вас, господин, но вы не слушайте Хевву, я должен уйти первым. Выбейте этот стул из-под моих ног.

АДВОКАТ. Вы сказали – Хевва?

КАРА. Вот видите, моей вины нет.

АДВОКАТ. Ты не сбивай меня с толку, юноша. (Хевве.) Хевва ханум, вы сказали, что у вас нога больная с самого детства...

ХЕВВА. Да, воля Аллаха, кое-кто здоров как бык, а кто-то как я...

АДВОКАТ. Боже, больше не может быть сомнений, не пропал даром мой месячный труд, мои долгие муки. (Направляется к Хевве.) Скажите, что вы есть Ева ханум Зерлинская.

ХЕВВА. Да, это я, но не Ева, а Хевва Зерлинская.

КАРА. Почему же, мама? Папа же называет тебя иногда Евой?

АДВОКАТ. Боже, Хевва Зерлинская! Я сойду с ума... (Опускается перед ней на колени.) Майн готт!

САРЫ. Что это значит, господин? Какие у вас дела с моей женой?

АДВОКАТ. Вы хотите умереть? (Обнимает её за ноги.) Снимите эту петлю, быстрее! (Прыжком хватая её.) Снимите петлю, снимите...

ХЕВВА (кричит). А-а-а... что вы делаете, я задыхаюсь... Отпустите меня!..

АДВОКАТ. Ева ханум... (Сгибается под тяжестью Хеввы и начинает качаться из стороны в сторону, точнее, это тяжесть Хеввы раскачивает его.) Хевва... Ева...

КАРА. Мама... мама... держись крепче... (Бежит за адвокатом, пытается поймать мать.) Мама, держись крепче...

САРЫ. Что вы делаете, поставьте её на место.

ХЕВВА. Отпустите меня, у меня закружилась голова... Кара... Я не привыкла быть в объятиях...

КАРА. Господин, зачем вы мешаете, у неё дела, она на пути.

САРЫ (пытается освободиться от веревки на шее). Что он делает? Послушайте, товарищ... господин...

АДВОКАТ (опускает Хевву в кресло и, не удержав равновесия, сам падает на неё). Боже... Боже...
Позвольте поцеловать вашу ручку... (Страстно целует её руку.)

ХЕВВА. Что вы делаете? Почему вы целуете меня, я замужняя женщина...

АДВОКАТ. Я знал, что найду вас! (Целует.) Как я ждал этой встречи, боже!..

САРЫ (никак не может снять петлю с шеи.) Черт... Но... Кто он такой, Ева? По какому праву...

АДВОКАТ (Хевве). Встаньте, прошу вас, встаньте.

ХЕВВА. Зачем?

КАРА. Вставай, мама, посмотрим, что он хочет сказать. Не видишь, как он убивается?

ХЕВВА. Отойдите от меня. (Встает.) Что вам нужно?

САРЫ. Кара, освободи меня от этой веревки.

АДВОКАТ. Походите.

ХЕВВА. Походить? Зачем? Как походить?

АДВОКАТ. Как? Боже, у меня дрожат руки.... Походите, прошу вас, туда – обратно, туда – обратно...

ХЕВВА. Что он говорит, Сары? Как это туда – обратно?

АДВОКАТ. Пройдитесь до того конца.

САРЫ (ещё больше запутавшись в веревке). Как это до того конца? Там же туалет! Женщина должна идти туда на глазах у всех? Карик, сейчас же развяжи эту веревку.

КАРА. Да подожди ты, папа!

АДВОКАТ. Умоляю, походите, я должен видеть своими глазами.

ХЕВВА (ходит, пытаясь скрыть свою хромоту, но это ей не удается). Вы знаете, нога у меня немного больна, с самого детства.

АДВОКАТ. Она! Она самая! Больше никаких сомнений! Походите ещё чуток... Майн готт! Как она красиво ходит, как грациозно хромает...

КАРА. Послушай, ты...

ХЕВВА. Вы что, издеваетесь надо мной?

АДВОКАТ. Я? Да как я посмею, да провалиться мне... Садитесь, прошу вас. И последнее неизбежное испытание: покажите ваши ноги. Боже, какие у неё длинные ножки!

САРЫ. Особенно правая.

АДВОКАТ. Спасибо большое, господин. Значит, левая нога короче? (Хочет поднять ей подол.) Покажите! Я должен удостовериться. Прошу вас!

ХЕВВА. Ну что вы! Ни за что!

САРЫ. Послушайте, я пока ещё остаюсь её мужем! Если смогу вылезти из петли...

АДВОКАТ. Вы не беспокойтесь, господин. Займитесь своим делом, мне нужна она, Ева ханум Зерлинская. Прошу вас, покажите свою короткую ногу, это очень важно.

КАРА. Мама, покажи же, не слышишь, он говорит, что это важно.

ХЕВВА. Как я покажу чужому человеку свою больную ногу, Карик?

КАРА. Тем более! Покажи. Он же не укусит её?

ХЕВВА. О, боже! (Поднимает подол платья.) Достаточно?

АДВОКАТ. Да, и короче, и тоньше.

САРЫ. Прикройся, Хевва, неприлично.

АДВОКАТ. Неприлично? Вы знаете, какова цена этой ноги? Боже... Я схожу с ума... Ха-ха-ха... хо-хо-хо... (Смеется как сумасшедший и, обняв ногу, покрывает её поцелуями.) Боже, боже!

КАРА. Папа, он целует ей ногу... (Смеется.) Да он же маньяк!

ХЕВВА. Отпустите мою ногу! (Встает с места.) Что вы морочите мне голову? Кто вы, в конце концов? Что вам нужно?

АДВОКАТ. Боже, я теряю голову, я же... Молодой человек, принесите, пожалуйста, стакан холодной воды.

САРЫ. Будет мыть её ножку.

КАРА. Я? Чтобы я принес воды? Мама!

ХЕВВА. Он не сможет, господин, я сама принесу. (Хочет уйти. Вдруг спрашивает.) Кстати, зачем вам вода, да ещё холодная?

АДВОКАТ. Да вы поудобнее садитесь, ханум. (Обращается к Кара.) Неси скорее!

САРЫ. Точно, он будет мыть ей ногу.

ХЕВВА. Зачем мыться? Я вчера купалась.

АДВОКАТ. Какая баня, какое купание? Я принес такую весть, что невозможно обойтись без холодной воды.

ХЕВВА (опускается на стул). Плохая новость?

КАРА (несет воду). Вот вам вода.

АДВОКАТ. Приготовьтесь! Нет, не нужно вставать. Напротив. (Торжественно.) Ева ханум Зерлинская, вы... ах, волнение душит меня...

ХЕВВА (обреченно). Плохая новость.

АДВОКАТ. Хевва ханум Зерлинская, вы наследуете миллиард долларов!

ХЕВА (вскакивает с места). Как? Вы... вы... (Падает без сознания на стул.)

КАРА. Мама! Мама-а-а...

САРЫ. Как? (Падает со стула с веревкой на шее и барахтается, задыхаясь.)

АДВОКАТ. Ева ханум! Ева ханум... да отсохнет мой язык... Выпейте воды...

САРЫ (задыхаясь). Кара... Ка-ра... сними эту петлю... Кара...

КАРА. Мама... Папа...

САРЫ. Кара, я умираю.

КАРА (снимает веревку с шеи Сары). Пospеши, папа. Мама умирает.

САРЫ. Что он сказал, Кара? Какой миллиард?

ХЕВВА (придя в себя). Ах... Что вы сказали? Сколько вы сказали, миллионов?

АДВОКАТ. Прошу вас, Ева ханум. Не сделайте нас несчастными!

САРЫ. Какой миллион, Ева, он сказал – миллиард.

ХЕВВА. Ах, я умираю! (Снова теряет сознание.)

КАРА. Мама! Mamочка!

САРЫ. Ева, Ева... Помогите! Она умирает!

АДВОКАТ. Майн готт! Ева ханум... Вы не имеете право умирать! Отойдите! Отойдите же от неё! (Наклоняется к ней.) Ева ханум... Ева ханум... Умоляю вас, откройте глаза... Она не может умереть. (Прислушивается к её дыханию.) Боже! Она не шевелится! (Голосит по-бабьи.) Скорую помощь!

Неотложку!!!

САРЫ. Доктора? Скорую помощь! (Кричит изо всех сил.) Скорую помощь!!!

КАРА. Папа, так не услышат, вызови по телефону.

САРЫ (стучит по телефону). Алло! Алло!!!

КАРА. Папа, мама умерла!

АДВОКАТ. Да отсохнет твой язык!

САРЫ. Не может быть! (Бросает трубку.) Хевва, хватит вредить нам. (Дает ей пощечину.) Очнись, будь человеком, Хевва, не будь врагом. (Снова даёт пощечину.)

АДВОКАТ (по-бабьи бьет Сары по лицу). Дикарь! Чтоб у тебя руки отсохли! Почему ты бьешь её? (Меряет пульс Хеввы.) И пульс пропал... Майн готт! Ей нужно срочно сделать искусственное дыхание, срочно!

САРЫ. Откуда, господин?

КАРА. Папа, что такое искусственное дыхание?

АДВОКАТ. Отойдите! Отойдите в сторону! Я знаю, откуда. (Приложившись губами к губам Хеввы, дует.)

САРЫ. Кара, что он делает? Мужчина, ты почему ее целуешь? (Отрывает Адвоката от Хеввы.) Мы что, сами не можем целоваться?

ХЕВВА (очнулась). Ах... я... ах. Что это было?

САРЫ. Ева... Она приходит в себя, Кара, мама ожила...

КАРА. Мама, да умереть мне за тебя, мамочка...

САРЫ. Ева, моя дорогая Ева...

АДВОКАТ (плачет). Ева ханум...

ХЕВВА. Где он? Господин! Что вы сказали, господин? Говорите толком.

АДВОКАТ. Прошу вас, успокойтесь, я сейчас все расскажу... успокойтесь.

ХЕВВА. Успокоиться? (Вскакивает с места.) Что он говорит, Кара, как я могу успокоиться? Я умру, у меня отнимется нога...

АДВОКАТ. Прошу вас, успокойтесь. Ева ханум, что тут такого? Это всего на всего деньги – грязь, но не забывайте, что судьба одного миллиарда в ваших прекрасных руках. (Страстно, с видом, не терпящим

возражений, целует её руки.)

САРЫ. Послушай, господин, ты уже переходишь все границы, я – её законный муж – не целовал её столько. (Отталкивает адвоката.) Ева, моя дорогая... (Обнимает и целует её.) Ева-а-а-а...

КАРА (прыгает от радости). Мама, мамочка, да умереть мне за тебя, мама...

АДВОКАТ. Ева ханум, наша судьба в ваших руках. (Хочет поцеловать её, но, глядя на Сары, не решается.)

ХЕВВА. А какое это имеет отношение к вам, господин?

АДВОКАТ. Имеет, ханум. Согласно договору, один процент от этой суммы мой, это желание покойной.

САРЫ. Поэтому ты и лижешь руки-ноги моей жены?

ХЕВВА. А кто эта покойная? Да и вообще, что это за наследство, что за деньги? Объясните толком!

АДВОКАТ. Я должен был сделать это сразу, но эти подняли такой шум...

ХЕВВА. Не испытывайте моё терпение.

АДВОКАТ. Наша дорогая Ева ханум! Умерла ваша родственница в Германии: Бибиханум Зерлинская фон Браун, миллионерша...

ХЕВВА. Бибиханум? Зерлинская? Да, да, вспоминаю... Лет пятнадцать назад она мне написала письмо.

САРЫ. Да. Это правда, писала, что я одна. Мол, нет у меня ни мужа, ни детей, ни близких, я хочу приехать к вам.

ХЕВВА. Да, письмо принесли люди из КГБ. От страха мы сказали, что у нас нет никакой родни в Германии, это провокация.

САРЫ. Да, тогда меня только что приняли в партию, как мы могли сказать, что у нас есть родственники за границей? Тотчас же выкинули бы из партии...

ХЕВВА. А потом и вовсе забыли о ней.

КАРА. Почему же, мама? Разве в прошлом году ты не написала ей письмо?

ХЕВВА. Ей-богу, этот ребенок умнее нас, он говорит верно. После того, как дороги открылись, я написала ей письмо, что, мол, у нас такое положение, моя левая нога больная, с рождения, пришли визу, давай повидаемся.

САРЫ. Старая карга ответила всего одним словом – «Найн!». И все!

ХЕВВА. Следи за своей речью! Что значит «старая карга»!

АДВОКАТ. Боже, какая это была благородная женщина, она была само благородство. Когда умирала, забыла все свои обиды, завещала все своё состояние Еве ханум. (На глазах появляются слезы.)

ХЕВВА. Бедная моя тетя, умерла на чужбине, в одиночестве...

САРЫ. Да будет земля ей пухом, каким она оказалась благородным, хорошим человеком.

КАРА. Мама, ты дашь мне сто долларов!

ХЕВВА. Прекрати сейчас же, дай послушать, что он скажет!

АДВОКАТ. Как я счастлив, что благодаря судьбе я встретился с той прекрасной, благородной женщиной. Когда я увидел в первый раз Бибиханум Зерлинскую фон Браун, понял, что фортуна улыбнулась мне. За день до своей смерти она велела мне найти вас непременно. Боже, сколько я ей делал искусственное дыхание, я её держал на искусственном дыхании почти полгода... Когда она закрывала свой единственный глаз, велела мне найти вас и сказала мне «ауфидерзейн»... (Вытирает глаза платком.) Боже, зачем мы живем, почему умираем?

САРЫ. Вы сказали, единственный глаз? А где же другой?

КАРА. Тетя что, была с одним глазом на лбу?

АДВОКАТ. Ах, что вы говорите? Другой её глаз был стеклянный, но невозможно было отличить его от настоящего глаза, он был ещё красивей, прозрачней, ещё голубее, более осмысленный. У покойной и одна нога, как и у вас, левая, была протезной, боже, я бы не догадался об этом, если бы не целовал эту ногу, она была ледяной.

САРЫ. Ты и ей целовал ноги?

АДВОКАТ. Что поделаешь, господин, я зарабатываю на жизнь своими ногами, иногда и через чужие ноги тоже.

КАРА. Мама пошла в неё, значит, раз хромает.

АДВОКАТ. Не только хромотой, Кара бей, и внешне они похожи друг на друга, пусть теперь не будут похожими, единственная разница в том, что бедная мадам была в годах, ей шел сто второй год, и была она совсем одинокой.

ХЕВВА (появляются слезы на глазах). Дорогая моя тетя, моя одинокая тетя, моя тетя с протезной ногой и стеклянным глазом... (Плачет.)

САРЫ (прижимает к своей груди голову Хеввы). Как она, оказывается, любила родню. Успокойся, Ева, дорогая, мы увековечим её память.

КАРА. Дадим немного денег и назовем нашу улицу именем тети Фон (Обнимает мать с отцом.)

ХЕВВА. Полноте! (Отрывает их от себя.) Дома гость. (Вытирает глаза.)

АДВОКАТ. Ева ханум, нужно смеяться, а не плакать.

ХЕВВА. Не осуждай нас, господин, мы привыкли плакать. (Хохочет громко.) Ха-ха-ха... Сары... Сарышка...

САРЫ. Ева, ты можешь постичь это умом, Ева, я – нет. Один миллиард... ха-ха-ха...

КАРА. Mamочка!

Все трое обнимаются и смеются, кружась.

АДВОКАТ. Позвольте и мне присоединиться к вам. (Кружится вместе с ними.)

ХЕВВА. Полноте, у меня закружилась голова... отпустите... Кара... Карик...

Все падают в разные стороны.

АДВОКАТ. С сегодняшнего дня ваша жизнь изменяется на сто восемьдесят градусов, Ева ханум. Я буду к вашим услугам до самой своей смерти. (Опускается на колени перед Хеввой.) Приказывайте!

САРЫ. А по-моему, господин, ваша миссия окончена. Я – муж Евы ханум.

АДВОКАТ. Что вы говорите, господин? Сейчас вам необходим собственный адвокат, чтобы управлять таким наследством. Вам нужен юрист.

ХЕВВА. Он прав. Умный мужчина. Ладно, господин адвокат, всего один миллиард и все? Больше ничего не осталось от тети Фон?

АДВОКАТ (достаёт из кармана список). Что вы говорите, Ева ханум? В Германии замок семнадцатого века, в древнем Гамбурге особняк, в Майами вилла. В Париже отель и прекрасный дворец!..

ХЕВВА (хватается за сердце). Довольно, больше не перечисляй, я не могу, нога болит...

КАРА. Вилла в Майами? Бомба! Бомба! Мама, я отмечу свой юбилей в Майами, повезу ребят туда.

САРЫ. Не могу постичь умом... вот так... схожу с ума... Ха-ха-ха. Хо-хо-хо... (Пинает мебель, стулья.) Прощай, диван, середина которого провалилась до самого пола, к черту стулья с клопами, а это вонючее кресло сожгу во дворе... (Войдя в раж, валит все предметы на пути.) Взорву и этот телевизор, показывающий все в зеленом цвете!..

Сары пинает предметы, Кара подпрыгивает, Хевва смеется.

ХЕВВА. Сарышка, осторожней, повредишь ногу, довольно!

САРЫ. Да пусть она сломается, моя нога, и я хочу хромать как ты.

Кара присоединяется к нему и начинает хромать. Все смеются.

ХЕВВА. Хорошо, господин адвокат, когда мы можем получить деньги, уж очень они нужны.

КАРА. Мама, давай получим сегодня.

АДВОКАТ. Сегодня невозможно, деньги находятся в банке, в Швейцарии.

ХЕВВА. Тогда завтра мы все едем туда.

АДВОКАТ. Нет, Ева ханум, вначале вы должны поехать со мной в Германию.

САРЫ. То есть как это – со мной, а я? Сары Караев – её родной муж?

АДВОКАТ. Вы знаете, господин, есть такие формальности, которые может выполнить только Ева ханум, с моей помощью. К тому же кроме завещания, там есть секретное письмо, которое Ева ханум должна открыть наедине.

САРЫ. Что это значит, Ева?

АДВОКАТ. В этом письме есть секретное условие, только выполнив его, Ева ханум может получить наследство.

САРЫ. А если Ева не согласится с тем условием?

АДВОКАТ. Что вы говорите? Какое условие может выстоять перед миллиардом долларов? (Касается руки Хеввы.) Вы должны немедленно открыть это письмо и согласиться на любое условие.

ХЕВВА. Но я...

САРЫ. Что он говорит, Ева? А вдруг это такое условие, что ты никогда не согласишься?

КАРА. Папа, у тебя с головой не в порядке? Речь идет об одном миллиарде долларов!

САРЫ. Замолчи ты, Кара! Я не отпущу свою жену за границу с чужим мужчиной!

АДВОКАТ. Майн готт!

ХЕВВА (решительно). Да замолчи ты, Сары! (Адвокату.) Что я теперь должна сделать, господин?

КАРА. Бомба!

АДВОКАТ. Завтра летим в Германию, в древний Гамбург.

ХЕВВА. Завтра? Почему завтра? Мы должны лететь сегодня!

АДВОКАТ. Но...

ХЕВВА. Сегодня!!!

КАРА. Ой, да!

САРЫ. Но у тебя нет денег на дорогу, Ева.

ХЕВВА. Это у меня-то нет денег?

АДВОКАТ (Сары). Боже, какой вы... простодушный! У женщины, имеющей миллиард, нет денег? Ева ханум Зерлинская, все банки, кредиты, закрытые двери давно открыты для вас, вы не в курсе. Все газеты в Германии пишут о вас. Вы вошли в список самых богатых женщин мира. Вы теперь не простая женщина. Вы богатая женщина. Вы можете открыть любую дверь ногой.

САРЫ. Побереги ножку, Ева. Не перетруждай её.

ХЕВВА. Не мешай мне. Сары! Я уезжаю! (Хочет уйти.)

КАРА. Мама!!!

АДВОКАТ. Чуть терпения, Ева ханум. Давайте, я пойду решу проблему билетов, а потом приду за вами. Вернусь в мгновение ока. А вы будьте готовы. (Уходя.) Мы улетаем сегодня! (Уходит.)

На сцене на время наступает тишина. Хевва, Сары и Кара переглядываются, и вдруг все трое, захохотав хором, обнимаются. Музыка звучит громко. Они начинают танцевать. Танец очень зажигательный. Музыка внезапно замолкает.

ХЕВВА. Успокойтесь. У меня не такая нога, чтобы танцевать, как вы, у меня закружилась голова. (Садится и обмахивается платком.) И в самом деле неисповедимы пути Господни. Я словно сплю, не

чую ног. Сары, ущипни меня.

КАРА. Мама, при мне?

ХЕВВА. Ущипни, Сары, ущипни, вдруг это сон.

САРЫ. Рука не поднимается, Ева. (Щипает.) Ева, ты для меня самая дорогая женщина.

КАРА. Конечно, её цена миллиард долларов. (Обнимает Хевву.) Мама, я отвезу ребят в Майами.

ХЕВВА. Что Майами, сынок, ты посетишь самые красивые города мира! Будешь учиться как сын Эфтибады в Оксфорде, или на прокурора, или на таможенника.

КАРА. Только не учеба, мама, я терпеть её не могу!

ХЕВВА. А кто тебе говорит – ходи на занятия, только запишешься, благодаря деньгам, да и будешь освобожден от армии.

САРЫ. А я, Ева, как с моим делом?

ХЕВВА. А тебе я куплю такой же «Мерседес», как у Нисы, и не пушу пешком за картошкой. Да, ещё открою такой же офис, как у Ятима, там и допишешь свою докторскую. Я заплачу, и ты защитишься. Где та папка?

САРЫ (достаёт из ящика стола толстую папку). Не хочу, Ева. Не хочу, не хочу эту папку, я ненавижу эту диссертацию, отнявшую у меня десять лет жизни, и все зря. (Плюет на папку.) Тьфу!!! Я уничтожу её. (Бросает на пол и начинает пинать.) Я сожгу её во дворе.

КАРА. Папа, дай и я попинаю. (Пинает.)

ХЕВВА (смеётся). Вы столько смеялись над моим дедом, а его фамилия дошла до Германии. Я поставлю ему памятник возле Домсовета, вместо того мужчины, как раз место его пустует.

КАРА. Мама, а тете Фон?

ХЕВВА. Я закажу её бюст из золота, но буду держать его дома, перед глазами.

САРЫ. Ева, нельзя транжирить деньги на такие вещи, это мотовство. Деньги нужно пустить в дело, в оборот. Было бы хорошо инвестировать в республику, фабрики, заводы. Новые рабочие места...

КАРА. Какие инвестиции, папа, люди убегают отсюда, а ты открываешь завод! Кто купит ведро, которое ты произведешь? Нам достаточно процентов с этих денег. Ой, да! Не работаешь, не думаешь, не морочишь голову, а деньги сами плывут к тебе...

ХЕВВА. Карик, мой золотой, ты умнеешь час от часу. Голос крови.

САРЫ. Вот что, Ева, если бы этот адвокат пришел на час позже, сейчас мы...

ХЕВВА. Не говори, Сары. Забудь о наших муках до сегодняшнего дня. Теперь я богатая женщина. Миллионерша.

САРЫ. Почему ты одна, Ева? А мы кто?

КАРА. Папа, почему ты обижаешься? Ты муж миллионерши. А я – её сын, правда, мама, я твой наследник? Ой, да! На самом деле это мои деньги. Да, мама?

ХЕВВА. А как же, Карик, у меня же нет другого сына! Сары, нужно охранять Карика, ещё похитят ребенка!

КАРА. Mam, мне нужен телохранитель.

ХЕВВА. Все будет, сынок, дай получить деньги, может, вообще переедем в нормальную страну. Но пусть пока соседи не знают...

САРЫ. А если они спросят, куда ты поехала?

ХЕВВА. Скажите, что поехала в Германию, повидать свою тетю, чтоб теперь я её не увидела!

КАРА. Скажем, что поехала лечить ногу.

ХЕВВА. Ей-богу, этот ребенок умнее нас!

Прибегает адвокат.

ХЕВВА. Ах, вы приехали? Так быстро? Я даже не переоделась.

АДВОКАТ. Ева ханум, поехали, едем сейчас же, я задержал самолет на час. И машина ждет у ворот, прошу вас, поторопитесь!

ХЕВВА. Вот так, сразу?

АДВОКАТ. Я таков, ханум. Меня кормят ноги.

ХЕВВА. Дайте хоть переодеться...

АДВОКАТ. Поспешите.

Все суетятся. Один снимает тапочки Хеввы и надевает ей сапоги, другой снимает её фартук, третий развязывает ей косынку и т.п.

КАРА. Мама, сними тапочки.

САРЫ. Сними чалму с головы...

ХЕВВА. Ой, нога отнялась!.. Господин адвокат, я не смогу добраться до Германии с такой ногой. Моя нога не ходит...

АДВОКАТ. Майн готт! Да я отвезу вас на руках, Ева ханум... (Поднимает Хевву на руки. Хевва кричит.) Я не дам вашей ноге коснуться земли...

САРЫ. Это уже слишком! Господин... Адвокат... (Бежит за адвокатом, уносящим Хевву на руках.)

ХЕВВА. Ах, у меня лопнет сердце...

АДВОКАТ. Поехали, Ева ханум, мы летим, мы уже летим... (Слышен гул самолета, и он становится все громче.) Мы уже взлетаем...

КАРА. Мама, держись крепче за его шею...

САРЫ. Ева, пристегни ремень безопасности...

Впереди адвокат с Хеввой на руках, за ними Кара и Сары бегают по сцене. Адвокат с Хеввой будто летят на самолете.

ХЕВВА. Я полетела, Сары, прощай, Карик... Аффидерзейн...

Гул самолета становится громче, полет продолжается некоторое время.

Свет гаснет

ЗАНАВЕС

ВТОРОЙ АКТ

То же место. Игривая и несколько напряженная музыка. Сары взволнованно прохаживается по комнате, мечется, время от времени подбегает к телефону, что-то кричит. Порой до зрителя могут донестись слова «нет!», «отстаньте!», «никогда!» Слышны голоса сквозь музыку. Владельцы голосов могут выйти на сцену

в зависимости от режиссуры.

1 ГОЛОС. Сенсация! Стала миллионершей за одну ночь!

2 ГОЛОС. Бедная женщина стала миллиардершей!

1 ГОЛОС. Говорит радио «Свобода».

2 ГОЛОС. Последние новости по «Стукачу»: миллионерша разводится с мужем?

1 ГОЛОС. Куда пойдет один миллиард, кого они осчастливят?

Сары бросает трубку и затыкает уши.

1 ГОЛОС. Сын Зерлинской Кара Зерлинский купил «Мерседес». Он отметит свой день рождения в Майами.

2 ГОЛОС. Смогут ли миллиард долларов оживить экономику республики?

1 ГОЛОС. Народ в надежде ждет деньги с Запада.

САРЫ. Хватит! Прекратите!

Музыка и голоса умолкают

САРЫ. Ей-богу, я схожу с ума... (Звонит телефон.) Алло! Да! Нет! Нет! Отстаньте, я ничего не знаю. Вы... вы... я подам на вас в суд (Бросает трубку.)

Непрерывно звонят в дверь. Сары подбегает к двери. Сначала заходит нарядный Кара, за ним следуют корреспондент, фотограф, и за ними, наконец, идет Сары.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Кара бей, ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов. Почему вы не встречаете свою маму? У вас конфликт с ней?

САРЫ. Что это значит? Разве она возвращается?

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. А-а-а... Вы даже не в курсе, Сары бей? Или вы что-то скрываете от нас?

САРЫ. Я не отвечу ни на один вопрос.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы не имеете право, согласно закону о печати журналист имеет право получить информацию у первоисточника.

САРЫ. Поздравляю вас с этим правом.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы насмехаетесь, господин, но мы можем подать на вас в суд.

В это время фотограф фотографирует Сары из разных сторон. Сары каждый раз вздрагивает и пытается убежать от объектива.

САРЫ. Отстаньте от меня!

КАРА. Что ты нервничаешь, папа? Развлекайся.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Кара бей, говорят, вы купили машину?

КАРА. Бомба! «Мерседес», шестисотый!

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Но вы же ещё не получили деньги?

КАРА. Надо уметь!

САРЫ. Довольно, Карик, выгони их отсюда!

Звонит телефон.

КАРА (поднимает трубку). Алло! Да! Нет! Какой Майами, слушай, мне сейчас до юбилея? Разве Майами организует юбилей в кредит? Потом, потом, о`кей! (Вешает трубку.)

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Очень странно, весь народ в аэропорту, ждут Еву ханум, а вы сидите дома. Как

это понять, господин?

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Может, между вами произошел конфликт?

САРЫ. Отстаньте от меня! Я ничего не знаю.

КАРА. Вы знаете, мама ни разу не звонила после своего отъезда.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Как это понять, Сары бей? Вы не ревнивы?

САРЫ. Послушайте, поймите раз и навсегда, что я не ревнив. Мы женаты с Хеввой ханум двадцать пять лет, терпеть не могу долму, больше всего люблю желтый цвет, люблю кашу с желтым имбирем...

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Откуда у вас такая любовь к желтому цвету, господин, может, это связано с вашим именем?

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Говорят, желтый цвет – символ разлуки...

САРЫ. Это уже оскорбление!

1 ГОЛОС. Муж Зерлинской любит желтый цвет. Говорят, он когда-то лежал в психиатрическом отделении.

2 ГОЛОС. Сары бей любит только желтые фрукты, в детстве он несколько раз перенес желтуху.

САРЫ. Кара, я покончу с собой.

КАРА. Папа, не сердись, это популярность ...

ФОТОГРАФ. Кара бей, окажите милость, станьте рядом со своим отцом.

КАРА (походит к Сары). Вот так?

ФОТОГРАФ. Наклоните слегка голову, улыбнитесь, не видно счастья, улыбнитесь шире, как американцы. Благодарю, работать с вами – одно наслаждение.

САРЫ. Хватит, Кара, выведи их, я устал.

КАРА. Перестань, папа, не психуй, мы должны привыкать к новой жизни.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Сары бей, по радио «Свобода» передавали, чтобы получить миллиард, Ева ханум должна выйти замуж за кого-то из рода Зерлинских. Это правда?

САРЫ. Как? Кто сказал это? У Евы ханум есть муж.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. А может, это беспокоит вас, господин?

САРЫ. Кому в голову взбрела эта бредовая мысль? Это провокация!

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. А-а-а... вы действительно не в курсе? Эта новость прошла в передаче Мирза Хазара.

КАРА. Мама с папой и так в разводе.

САРЫ (шепчет). Карик, не дури! Ты что, хочешь, чтобы теперь все газеты написали об этом? Разве ты не знаешь, что это фиктивный развод, мы развелись нарочно, из-за квартирного вопроса.

КАРА. Чего ты боишься, папа?

САРЫ. Послушайте. Пишите так, как я говорю, уже двадцать пять лет мы живем с Хевва ханум душа в душу, у нас двадцатилетний сын, вот он, Кара Сары оглу Караев. Нас не могут разлучить никакие деньги!

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы знаете, господин, трудно найти семью, которая сможет устоять перед миллиардом.

САРЫ. Прошу прощения, но вы меня достали! Кара, выпроводи их всех. Где он? Где, только что был здесь... (Ищет что-то.)

КАРА. Хватит, ребята, и без того старик разнервничался. Уходите, уходите...

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Сары бей, ещё один вопрос: если эта новость окажется правдой, что вы будете делать?

САРЫ. В первую очередь убью тебя! Где, где он... (Ищет.) Только что был здесь... Нашел! (Берет веник.) Вот он! Убирайтесь!.. Исчезните! (Выгоняет корреспондентов веником.)

КАРА. Папа, ты не бойся, мама никогда не согласится на такое условие.

САРЫ. Что? Я боюсь, Кара? Чего я боюсь, сынок?

КАРА. Вот уже сколько дней, как ты, услышав эту новость, стал как сумасшедший. Ты же боишься, папа, трусишь. Может, это враньё, газетная утка?

САРЫ. Ты прав, Кара, я боюсь, очень боюсь... (Обнимает Кара.) Деньги плохая вещь, сынок, они приносят несчастье, принуждают человека на любые поступки, тем более, один миллиард. Она снится мне каждую ночь, эта женщина.

КАРА. Женщина? Ты имеешь в виду маму?

САРЫ. Не маму, Кара, я вижу во сне Бибиханум, Зерлинскую-Браун. Она смотрит на меня своим стеклянным глазом, оставшимся открытым, качает головой, а затем показывает своей протезной ногой меня и говорит маме «Найн!».

КАРА. Найн? А что говорит мама?

САРЫ. А мама не глядит на меня и только кивает головой и говорит «Я! Я!» Боюсь, Карик, боюсь, что мама, соблазвившись деньгами, мне скажет «найн».

КАРА. Что ты говоришь, папа? Мама что, снова выйдет замуж? Да кто на ней женится?! Во рту нет зубов, голова разноцветная, хромая, старая женщина.

САРЫ. Но у неё есть деньги, Карик.

КАРА. Это так, но... Разве я соглашусь, папа?

САРЫ (ещё сильнее обнимает Кара). Не согласишься, Карик? Ты действительно не предашь из-за денег своего отца, даже из-за миллиарда?

КАРА (вырывается из его объятий и нерешительно). Конечно... конечно, деньги это... Разве мама согласится?

САРЫ. Тогда почему же она не звонит, Кара? Вот уже сколько дней, как она уехала. Она там дает интервью всем, а нам даже не звонит.

КАРА. Наверное, у неё нет времени, она же теперь не простая женщина, папа, а миллионерша. Ой, да! Один миллиард! Папа, в институте девушки липнут ко мне, а учителя говорят, что ты настоящий талант, Кара.

Шум, торопливый стук в дверь.

САРЫ (вздрагивает). Что за шум? Опять эти наглые корреспонденты?

Ещё громче стучат в дверь, шум, сигнал машины и т.п.

КАРА (взволнованно) Папа, кажется, это мама! Это мама!!!

САРЫ. Мама? Ева Зерлинская? (Взволнован и мечется.) Не открывай! Не открывай, Кара, я боюсь, я боюсь мамы... (Насильно обнимает Кара, который хочет направиться к двери.) Погоди чуток! Боже, дай мне силы.

Раздаются голоса корреспондентов, нищих, толпы. Сары и Кара прислушиваются к голосам. Голоса

смешиваются.

1 ГОЛОС. Зерлинская приехала!

2 ГОЛОС. Пропустите, я мать шехида, пропустите меня!

1 ГОЛОС. Я жду со вчерашнего дня, пропустите меня.

2 ГОЛОС. Я – беженец, у меня нет ни дома, ни еды, все 15 членов семьи инвалиды первой группы.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ (слышен его голос). У меня один единственный вопрос, я из газеты «Стукач».

2 КОРРЕСПОНДЕНТ (слышен его голос). Почему ваш муж не встречается с вами? Или вы разводитесь?

САРЫ. Мама приехала, Кара! (Ещё сильнее обнимает его.)

КАРА. Возьми себя в руки, папа, не бойся, это же мама!

1 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Тише! Сейчас не время вопросов, отойдите, дайте дорогу!

2 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Вы не слышите? Прошу вас, отойдите назад, иначе я уничтожу вас всех!

Голоса смолкают, наступает тишина. Кара с Сары обнимаются ещё крепче. Открывается дверь, заходят

1 и 2 телохранители, проверяют комнату, смотрят по углам и вдруг замечают обнявшихся Кара и Сары.

1 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Кто вы такие? Марш отсюда!

2 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Не слышите? Что уставился как баран? (Толкает их.) Быстро... Быстрее... (Хочет вывести их из комнаты.)

САРЫ. Что вы говорите, какой баран? Я её муж.

КАРА. А я её сын – Кара Зерлинский.

САРЫ. Кара Зерлинский? Сынок, что ты говоришь, почему Зерлинский? Ты Кара Сары оглу Караев.

КАРА. А что я говорю, папа?

1 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. У Евы ханум есть муж? Но говорили, что... (Обыскивает Сары, шарит по карманам.) Порядок!

2 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (обыскивает Кара). О`кей! Не стойте в середине, отойдите в угол, вот сюда, и не шевелитесь!

1 ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (говорит по рации). Опасности нет, встречаем. О`кей!

Оба телохранителя уходят. Звучит марш, зажигается свет. Входит Хевва. Она изменилась и стала совершенно другой. Она очень похорошела: белые зубы, красивый макияж. Она в шляпе с широкими полями, на ней роскошное длинное манто.

Не хромает. Сары и Кара опешили от её нового вида.

КАРА. Мама... м-а-ама... (Хочет шевельнуться, не может.)

САРЫ. Хевв-а-а... Ева ханум Зерлинская... (Осмелившись, подходит к ней.)

ХЕВВА (смотрит на них кокетливо). Что? Напоминаете мне моё имя? Почему не подходишь, Карик? (Протягивает к нему обе руки.)

КАРА. Маа... даммм... (Пройдя вперед, целует ей руку.)

ХЕВВА. А-а-а... и вы целуете мне руки?

АДВОКАТ (прибегает и будто не замечает Сары и Кара). Ева ханум... Майн готт! Вы стоите на ногах? Нет, это невыносимо, вы не жалеете себя. Вам же нельзя долго стоять. Где стул? (Обращаясь к Сары.) Ах, Сары бей, и вы здесь? Дайте, пожалуйста, стул, быстро... быстрее... Садитесь, прошу вас...

САРЫ (очнувшись). Почему ты, мы что, умерли? Дай сюда! (Хочет забрать стул.) Садись, Хевва.

АДВОКАТ (не отпускает стул). Ах, вы не сможете, Сары бей, она привыкла к моим услугам, вы не сможете усадить её. Садитесь, Ева ханум.

САРЫ. Что за вздор? Я не смогу усадить собственную жену?

Адвокат и Сары тянут стул к себе с попеременным успехом, спорят.

АДВОКАТ. Поймите, Ева ханум не простая женщина, она... боже, как объяснить? Садитесь, Ева ханум.

ХЕВВА. Прекратите, у меня устала нога.

КАРА (хватается за стул). Прекрати, папа! Садись, мама.

Хевва садится и падает в пустоту.

ХЕВВА. О, моя нога! О, я ушиблась...

АДВОКАТ. Боже.... Видите, я же говорил, что вы не сможете.

САРЫ. Чего не видеть, это ты уронил её. Ногу ушибла, Ева?

ХЕВВА. Прекратите! Карик, подними меня.

Все трое поднимают Хевву.

КАРА. Ты ушиблась, мама?

ХЕВВА. Погоди... (Ходит.) Слава богу, нога цела.

АДВОКАТ. Прошу прощения, Ева ханум, тысяча извинений.

ХЕВВА. Возьми манто с моих плеч, мне стало душно.

АДВОКАТ. Сейчас! (Снимает манто с Хеввы.)

Хевва в очень узкой, короткой юбке. На ногах сапоги на высоком тонком каблуке. Ноги у неё красивые. Грудь очень выпуклая, талия тонкая.

Сары и Кара смотрят на неё изумленно.

КАРА. Это ты, мама? Ой, да!

САРЫ. Майн готт! Тьфу.... О боже, это Хевва? Моя жена?

ХЕВВА (словно не слышит их). Как я устала... (Ходит кокетливо.) Господин адвокат, скажи народу, что сегодня я не смогу принять никого, у меня болит нога... нет, голова, голова болит.

АДВОКАТ. Слушаюсь (Уходит.)

КАРА. Мама, ты больше не хромаешь?

САРЫ. Ева, какая у тебя красивая походка, будто ты манекенша. Вообще, это ты?

ХЕВВА. А что, не похожа?

КАРА. Мама, ты похожа на молодую девушку, понимаешь?

ХЕВВА. Да я и есть молодая, это он – этот мужчина состарил меня. (Указывает на Сары.)

САРЫ. Кто? Это я мужчина, Ева?

ХЕВВА. Что, или ты в этом сомневаешься?

САРЫ. Почему ты говоришь так безжалостно, Ева, разве я не носил тебя на руках? Что же мне делать, если я не умею мастерить ногу?

ХЕВВА. При чем тут нога?

КАРА. Мама, и папу надо отдать на ремонт.

ХЕВВА. Не знаю, стоит ли вкладывать в него инвестиции?

САРЫ. Что? Инвестиция? Ты больше не любишь меня, Ева?

ХЕВВА. погоди, дай попривыкнуть. За это время я пережила больше, чем за всю свою жизнь. Я увидела уважение, почет, меня окружали восхищенные взгляды, банкиры падали к ногам, чтобы я не забрала деньги из банка.

КАРА. Ой, да! Мама, расскажи о деньгах.

Появляется Адвокат.

АДВОКАТ. Ева ханум, все в порядке, но журналисты не отстают, на них никакие уговоры не действуют.

ХЕВВА. Может быть, мне дать пресс-конференцию?

АДВОКАТ. Нет, Ева ханум, о чем вы говорите, у нас очень мало времени (Указывая на Сары.) Вы перейдите к главному вопросу.

САРЫ. Главный вопрос? Что это за вопрос?

ХЕВВА (Адвокату). Ты не указывай мне, я лучше тебя знаю, как мне поступить. Да и сам не путайся тут под ногами, иди, найди его и приведи.

АДВОКАТ. Хорошо, Ева ханум, слушаюсь. (Уходит.)

САРЫ. Кого ты ищешь, Ева, почему не говоришь мне, зачем скрываешь от нас?

За кулисами шум.

1 ГОЛОС. Вы нарушаете демократию, мы должны донести до народа.

2 ГОЛОС. Печать свободна.

1 ГОЛОС. Народ хочет узнать все про свою дочь.

ХЕВВА. Эти газетчики хуже рэкета.

САРЫ. Ты не ответила на мой вопрос.

Расталкивая друг друга, заходят сначала телохранители, за ними Адвокат и журналисты. Корреспонденты окружают Хевву. Фотограф фотографирует её. Хевва принимает разные позы, чтобы снимок получился удачным.

ХЕВВА. Ладно, у вас есть пять минут времени, задавайте свои вопросы, я не могу задушить свободную прессу.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Ева ханум, согласно информации, полученной из достоверных источников, чтобы получить миллиард, вы должны выйти замуж за мужчину с вашей фамилией. Это правда или слухи?

АДВОКАТ. Боже! Конечно же, слухи.

САРЫ. И ты, Ева, скажи, что это слухи, скажи: у меня есть муж – Сары Караев.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Тогда почему же вопрос денег остается нерешенным?

ХЕВВА (Адвокату). Отвечай ты.

АДВОКАТ. Это коммерческая тайна.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. А если это будет так, есть ли мужчина по фамилии Зерлинский, то есть из ваших родственников?

САРЫ. Конечно же, нет!

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Сары бей, мы хотели бы узнать ваше мнение, как мнение заинтересованной стороны.

САРЫ. Я не буду отвечать ни на какие вопросы.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Но мы не получили ответа на свой вопрос.

АДВОКАТ. Есть вещи, о которых сейчас нельзя говорить.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Но в чем причина?

ХЕВВА. Для этого нужно время.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Ханум, вы находитесь в оппозиции к власти?

АДВОКАТ. Нет, нет, Ева ханум не вмешивается в политику.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Говорят, вы хромаете?

ХЕВВА. Я? Хромаю? Это ещё кто выдумал? (Поднимает подол.) По-вашему, на таких ножках можно хромать? Поглядите же! (Ходит кокетливо.) Увидели?

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Ханум, один миллиард – это огромные деньги.

ХЕВВА. Знаю.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Наверняка, у вас большие планы?

АДВОКАТ. Ева ханум будет заниматься благотворительностью, к тому же это и завещание Биби.

КАРА. Я купил «Мерседес», деньги отдаст мама.

ХЕВВА. Карик! Я построю детский дом и назову его именем фон Биби.

САРЫ. Не посоветовавшись со мной? Я ведь твой...

ХЕВВА. Знаю, ты моя ошибка.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. Как это понять?

АДВОКАТ. Пять минут истекли, господа, у нас есть дела.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ. Ещё один вопрос.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ. И у меня один вопрос.

АДВОКАТ. Майн готт!

ХЕВВА. Закончили! Больше не отвечу ни на один вопрос. Выведите их, у меня нога... голова болит.

Телохранители, Сары и Кара выводят корреспондентов.

ХЕВВА. Господин адвокат, ты ещё здесь? Я же сказала тебе, иди, займись своим делом.

АДВОКАТ. Слушаюсь, Ева ханум. Да и вы отдохните, ведь выдохлись уже. Я велю, чтобы никого не пускали. Майн готт! Какие они дикари. (Уходит.)

ХЕВВА. Как, оказывается, трудно быть миллионером.

Приходят Кара и Сары.

САРЫ. В этой стране все показное.

КАРА. Он маньяк, точно маньяк.

ХЕВВА. Карик, помоги мне снять шляпу, голова заболела.

КАРА (помогает). Мама, какие у тебя красивые волосы.

ХЕВВА. Это же парик. (Хочет уйти.) Отдохну чуток, дорога меня утомила, с другой стороны эта толпа...

КАРА. Мама, объясни толком, что это за условие? Почему не дают деньги?

ХЕВВА. Карик, в другой раз, сейчас я не в состоянии, я объясню тебе с глазу на глаз.

САРЫ. С глазу на глаз? Хевва ханум, в этом доме больше нет места для меня?

ХЕВВА. Не думай, что мне легко, Сары.

САРЫ. Говори откровенно, Хевва, или это я препятствие?

КАРА. Мама, ответь, наконец, мы же беспокоимся, не видишь, что пишут газеты?

ХЕВВА (решительно). Да, рано или поздно мы должны поговорить, нет смысла тянуть с этим.

САРЫ. Да, не будем тянуть, поговорим откровенно.

КАРА. Мама, а папа?

САРЫ. Ты замолчи, Карик, я хочу услышать от неё, чтобы она сама сказала это.

ХЕВВА. Что же, услышь, Сары Караев: согласно завещанию Бибиханум Зерлинской фон Браун, я, чтобы получить те деньги, должна выйти замуж за мужчину из рода Зерлинских. До конца этого месяца. Вот и все!

КАРА. Мама, а что осталось до конца месяца?

ХЕВВА. А почему я так беспокоюсь, сынок? В противном случае все наследство перейдет в фонд борьбы против СПИДа.

КАРА. Что ты говоришь, мама, какой ещё СПИД?

САРЫ. Как это может быть, Хевва? Это одноглазая, хромая, старая карга, подцепившая СПИД в сто два года, не знала, что у тебя есть муж? Как ты можешь выйти замуж при живом муже?

ХЕВВА. Речь идет о миллиарде, Сары! В конце-то концов, у нас есть сын!

САРЫ. Что ты хочешь сказать, Хевва?

ХЕВВА. Я решила твердо, Сары: мы должны расстаться.

САРЫ. Расстаться?

ХЕВВА. И очень скоро, не ждать ничего, прямо сегодня. Время не ждет.

САРЫ. Я не согласен.

ХЕВВА. Твоё согласие неважно, мы и так в разводе.

КАРА. Мама!

САРЫ. Ева, ты разрушаешь нашу семью из-за каких-то денег? Ты в своем уме?

КАРА. Из-за каких-то денег? Ты не врубаешься, папа!

САРЫ. Кара, ты не вмешивайся в дела взрослых!

КАРА. Нет, папа, это касается меня напрямую. Разве не вы сами говорили, что я наследник?

ХЕВВА. Слава богу, этот ребенок умнее тебя.

САРЫ. Ева, ты шутишь, я не верю, что мы разводимся.

ХЕВВА. Вот поэтому ты не можешь приспособиться к сегодняшнему дню. Тебе уже пятьдесят лет, но ты до сих пор не знаешь, что в этом мире все решают деньги, а не диссертация.

САРЫ. А как же человечность, верность, духовные ценности?

ХЕВВА. Я и не ожидала от тебя других слов. Послушай, духовные ценности не могут устоять даже перед ста долларами! А ещё хочешь, чтобы я из-за какого-то никчемного мужчины лишила и себя, и эту

сиротинушку миллиарда долларов? Из-за морали? Как же ты отстал от жизни, товарищ профессор! Разве этот народ, эта толпа, собравшаяся у дверей, не закидает меня камнями? Что мне ответить этому Кара Караеву? Или ты думаешь, что он скажет мне спасибо?

КАРА. Мама, если ты не разведешься, я покончу с собой!

САРЫ. Кара, неблагодарный сын, я дал тебе имя своего отца!

КАРА. Очень напрасно! Я стыжусь этого имени. Все меня обзывают негром.

ХЕВВА. Я поменяю и твоё имя, сынок. Я изменю всю твою жизнь: твоя фамилия будет Зерлинский! Миллионер Зерлинский, как мой дед.

САРЫ. Никогда, ты слышишь, Хевва, никогда!

КАРА. Папа, ты мой враг!

САРЫ. Нет, сынок, я не враг твой, я твой отец, у которого разрывается сердце, отец, которого ты хочешь вышвырнуть на улицу...

ХЕВВА. Почему на улицу, мы же не отбираем у тебя квартиру, мы и не думаем остаться здесь, да и будем помогать тебе.

КАРА. Ну конечно! Пиши свою диссертацию, займись наукой, ты же уже старик.

САРЫ. О, Аллах, что я слышу, к тому же от родного сына, от собственной жены?

ХЕВВА. Не будь неблагодарным, Сары, у тебя не будет нужды ни в чем.

САРЫ. Знай, Хевва ханум, ты не сможешь купить меня за деньги, за взятку, я никогда не продам свою честь, к тому же своей жене, своему сыну.

ХЕВВА. Ха-ха-ха... Никогда не согласится, видите ли... (Становится серьёзной.) Сары Караев, ты думаешь, что я прежняя Хевва – беззубая, плоская, без груди, хромая женщина? Или ты плохо видишь? (Выпячивает грудь и идет к Сары.) Ей-богу, проломлю ею голову! Не забывай, что перед тобой стоит владелица миллиарда долларов Ева фон Зерлинская!

САРЫ (отступает и вдруг отворачивается от неё). Горе мне! Старая карга, подцепившая СПИД в сто два года, разрушила мою семью!..

КАРА. Папа, ты просто завидуешь нам!

САРЫ. Замолчи, Кара, замолчи, не разрывай мне сердце! (Рыдает.)

КАРА. Папа... э-э-э... хватит!! Мама нарочно выходит замуж, фиктивно, главное, чтобы деньги стали нашими, правда, мама?

ХЕВВА. Это очень серьёзный вопрос, сынок, не шутка.

КАРА. За кого же ты выходишь? У тебя же нет родных, тем более мужчин.

САРЫ (с надеждой смотрит на Хевву).

ХЕВВА. Сынок, адвокат уже давно нашел, чуть погода приведет его сюда.

КАРА. Ой, да!

САРЫ. Это ложь! Фикция! У Зерлинских нет мужчин!

ХЕВВА. Не радуйся, Сары Караев! У Зерлинских были мужчины да ещё такие! (Показывает на портрет деда.)

САРЫ. Они в прошлом! Почему же я не знаю того мужчину, где он был до сих пор?

ХЕВВА. Скоро увидишь. Вообще-то и я не знаю его, я его видела всего один раз в детстве, с трудом вспоминаю. Говорят, он родился коренастым, здоровым ребенком, весил аж семь килограммов, по-моему, он был одним из близнецов. Несчастливая мать умерла в тот же день, и детей отдали в детский дом, времена были тяжелые. И звали его, если не ошибаюсь, то ли Элваном, то ли Пехлеваном.

САРЫ. А вдруг это Шварценеггер?

КАРА. Значит, миллиард наш!

ХЕВВА. Все зависит от твоего отца-моралиста.

САРЫ. Я не соглашусь никогда, я дам интервью во все газеты и опозорю вас, это фикция, нет никакого Зерлинского, только фальшивка... ха-ха... Сенсация...

КАРА (угрожающе). Папа!!!

САРЫ. Только через мой труп!

ХЕВВА. Если будешь упорствовать, перейдем и через твой труп.

КАРА. Погоди, погоди... Послушай, ты же хотел покончить с собой?

САРЫ. Как? Ты хочешь моей смерти, Кара?

КАРА. Не я, а ты сам хотел.

САРЫ. А, может, мне умереть прямо сейчас, сынок? И вы мне поможете?

КАРА. Послушай, пойми меня, пойми, что я хочу жить как человек, хочу поехать по миру, хочу насладиться жизнью, не хочу прозябать, как ты, пятьдесят лет, хныкать, можешь ты это понять?!

САРЫ. Я не хочу ничего понимать, я мужчина в этом доме, я твой отец, я муж этой неверной женщины. Если вам так нужны деньги той ведьмы, пожалуйста, убейте меня, я разрешаю вам! Подойди, сынок, давай, растерзай меня, разорви на части. Иди и ты, изменница-жена, волчица, иди, высоси мою кровь, убей своего несчастного мужа, смотревшего на твою хромоту в течение двадцати пяти лет, а потом надень фату и выходи замуж, но только после моей смерти.

КАРА. Послушай, какой ты непонятливый человек... Тьфу! Почему мы должны убивать тебя? Залезай на ту табуретку да повесься!

САРЫ. И ты говоришь это своему отцу, сынок?

КАРА. Ты мне не отец, а враг мой!

ХЕВВА (разнимает их). Не пачкай руки в крови, сынок, он и так мертв, он не смог жить в этом мире, не понял жизнь...

КАРА. Отойди, мама, это моё дело. (Нападает на Сары.) Или помочь тебе? Надеть веревку на шею?

САРЫ (испугавшись, отступает назад). Кара... Меня, родного отца, из-за каких-то денег?

КАРА. Не говори – из-за каких-то денег. (Хватается за его горло.) Не говори! Это миллиард долларов, это вилла в Майами, особняк в Гамбурге, отель в Париже...

ХЕВВА. Оставь его, Карик. (Разнимает их.) Он не сможет помешать нам!

КАРА. Ты умрешь от моих рук, старый хрыч!

САРЫ. Ты слышишь, Хевва, жестокая женщина, сделавшая врагами сына с отцом! Ах, земля, небеса, почему вы не слышите мой крик? Почему я не умираю на месте, как я терплю все это?

ХЕВВА. Вот именно!

САРЫ. Безжалостная женщина, кровососка! Это все твоё капиталистическое нутро... Ты искала подходящий момент, чтобы растерзать меня, ты, оказывается, хищница...

ХЕВВА. Ну и прекрасно!

САРЫ. Ты погубила меня!

Вбегает Адвокат.

АДВОКАТ. Ева ханум, Ева-а-а...

САРЫ (нападает на Адвоката). Ты... ты разрушил мою семью, мерзавец, подлец... (Ударяет его.)

АДВОКАТ (кричит как женщина и хватается за лицо). Ева ханым! Остановите его, он убьет меня! (Прячется за спиной Хеввы.) Какая тяжелая рука....

САРЫ. Не прячься за спиной, мерзавец! (Хочет снова напасть на Адвоката.)

ХЕВВА. Сары! (Загораживает ему дорогу, выпятив грудь.) Ты переходишь все границы! Не забывай, что у меня есть телохранители!

САРЫ (становится жалким). Ева... Ева, пожалей меня, Ева, не губи.... Не губи.... Пожалей...

КАРА. Не жалея, мама, выгони его.

САРЫ. Неблагодарное дитя! Неблагодарная жена! (Убегает.)

АДВОКАТ. Да он же дикарь, смотрите, как он ударил меня. Кара бей, посмотрите, синяка нет? (Достает зеркало и смотрит.) Майн готт! Швайн!

ХЕВВА. Рассказывай давай.... Где Зерлинский?

АДВОКАТ. Я привел его.

КАРА. Документы в порядке? Он не женат?

АДВОКАТ. Сейчас узнаете все. Документы у меня. И зовут его действительно Пехлеван Зерлинский.

КАРА (обнимает и целует Хевву). Мама, деньги наши! Жаль, что папа ушел, сейчас у него лопнуло бы сердце от зависти. Из-за каких-то денег! Подумать только!

ХЕВВА. Кара, свалишь меня. (Адвокату.) Ты сказал, что он здесь?

АДВОКАТ. На улице, я велел ребятам смотреть за ним. Вы знаете, Пехлеван немного...

ХЕВВА. Пока не знаю ничего, замолчи и ты, когда ты говоришь, я сбиваюсь с толку. Как я волнуюсь, я вся дрожу, Карик... (Ходит, хромая.)

КАРА. Мама, ты опять хромаешь?

ХЕВВА. Это привычка. (Выправляет походку.) Как я выгляжу, Карик? (Смотрится в зеркало.) Я побледнела. Дай пудру.... Нет, румяна...

АДВОКАТ (достает из кармана румяна и протягивает ей). Пожалуйста, нанесите много, вам идет. Помаду дать?

ХЕВВА. Я давно так не волновалась.

АДВОКАТ. Ева ханум, возьмите себя в руки, нет повода для волнения, все идет как по маслу.

ХЕВВА. Приведи его! Погоди! Он знает, для чего пришел сюда?

АДВОКАТ. Нет, я хотел, чтобы вы сами посмотрели на него, вдруг он вам не понравится.

КАРА. Что он говорит, мама? Решается наша судьба.

ХЕВВА. Конечно, Карик, тебе-то что? Это я выхожу замуж, а не ты. Ладно, приведи его!

АДВОКАТ. Слушаюсь!

ХЕВВА. И я сяду (Идет в угол комнаты и принимает гордую позу.)

КАРА. А вдруг он не согласится, мама?

ХЕВВА. Не каркай, Кара, я и так дрожу, ведь я не знала никакого мужчину, кроме папы. Ах, дверь открылась! Карик, иди, стань рядом со мной.

Заходят Адвокат и Пехлеван, которого адвокат держит за руку. Пехлеван очень маленького роста, смущается как ребенок и стоит с опущенной головой.

АДВОКАТ. Иди сюда, не стесняйся, не бойся ничего.

ХЕВВА. Кто этот ребенок, господин адвокат? А где мужчина?

АДВОКАТ. Вот он самый, Пехлеван Зерлинский. Единственный и последний мужчина рода.

КАРА. Мама, он же...

ХЕВВА. Это... это.... Это единственный мужчина, оставшийся в живых из рода Зерлинских?

АДВОКАТ. На безрыбье и рак рыба!

ХЕВВА. Но, как мне известно.... Если это тот ребенок, которого я видела, он был таким коренастым, здоровым малышом при родах, да ещё весил семь кило.

КАРА. Он что, мама, после этого в весе не прибавлял?

АДВОКАТ. Что поделаешь, он же был сиротой, но... (Шепчет.) Не забывайте, что его цена один миллиард долларов. Не вспугните.

КАРА. Соглашайся, мама, соглашайся.

ХЕВВА. Проклятие шайтану! (Оглядывает Пехлевана со всех сторон.) Подними голову, сынок. Почему стесняешься? (Хватает за подбородок и поднимает голову.) Смеется. Интересно. Что ты смеешься, дитя моё? (Пехлеван молчит, продолжая улыбаться.) Не узнал меня?

АДВОКАТ. Ева ханум, он не такой....

ХЕВВА. Дай поговорить! (Снова обращает внимание на Пехлевана.) Он не похож на плохого мальчика, даже красив. А-а-а... у него и усы есть! (Гладит его по голове.) Ты не узнал меня, сынок? Посмотри хорошенько, ты должен знать меня.

ПЕХЛЕВАН (Внимательно смотрит на Хевву и вдруг кричит.) Ма-ма!!! Мама!!! (Обнимает за талию Хевву и плачет.) Мама.... Мама... мама...

КАРА. Мама, он решил, что ты его мать.

ХЕВВА (прослезившись). Не трогай, Карик, он же рос сиротой. (Гладит его по голове.) Ты сказал, что он вырос в детдоме? Поэтому и ростом не вышел, бедному не хватало витаминов. Я не твоя мать, дитя моё... (Отрывает его от себя, держа за подбородок, смотрит ему в лицо.) Посмотри на меня внимательно... (Вытирает слезы.) Посмотрел? Я...я...

ПЕХЛЕВАН (рукой вытирает нос). Кто же ты тогда?

АДВОКАТ. Сейчас мы все объясним тебе: Ева ханум твоя родственница.

ХЕВВА (вытирая глаза). Этот сирота растрогал меня.

АДВОКАТ. И она, как ты, Зерлинская.

ПЕХЛЕВАН. Зерлинская? (Хихикает.) И моя фамилия Зерлинский.

ХЕВВА. Теперь ты узнал меня?

ПЕХЛЕВАН. Да!

АДВОКАТ. Не смотрите на его рост, он умен.

ХЕВВА. Конечно, умен, из чьего он рода? Ладно, скажи мне теперь, кто я?

ПЕХЛЕВАН (смущенно улыбается). Женщина.

ХЕВВА. Да? А он прав. Ладно, какая я женщина, сынок?

КАРА. Хватит, мама!

ХЕВВА. Ты погоди, Карик! Ну, что молчишь, какая я женщина, дитя моё?

ПЕХЛЕВАН. Вышли!

КАРА. Он оборзел!

АДВОКАТ. Кара бей, они же должны познакомиться.

ХЕВВА (смеется). Итак, что у меня вышши?

ПЕХЛЕВАН (указывая на грудь Хеввы). Это.

Хевва хохочет. Пехлеван хихикает.

КАРА. Сейчас как врежу, полетишь!

АДВОКАТ. Боже, Кара бей, не осуждайте его, он же не знал материнского молока!

ХЕВВА. Бедный ребенок... обязательно открою детский дом... Ладно, сынок, ты хочешь жениться?

ПЕХЛЕВАН. Да!

ХЕВВА. Вот молодец.

КАРА. Мама, спроси, он женится на тебе?

ХЕВВА. Куда он денется?

АДВОКАТ. Пусть посмеет отказаться, его документы у меня в кармане.

КАРА. Какие документы, послушай, здесь не может быть ничего фиктивного, речь идет о таких деньгах, весь мир смотрит сюда, газеты, да и папа... самый опасный враг.

ХЕВВА. Карик прав, все должно быть по-настоящему. Сынок, ты женишься на мне?

ПЕХЛЕВАН. Да! (Обнимает Хевву.)

КАРА. Он согласен!!!

ХЕВВА. Какой симпатичный ребенок. (Гладит его по голове.) Отпусти, а то люди смотрят, мы ещё в загсе не были. (Отрывает от себя.) И я согласна. А это мой сын, Кара, с сегодняшнего дня он и твой сын.

ПЕХЛЕВАН (хихикает). Хи-хи-хи... Мой сын...

КАРА. Папа! (Обняв Пехлевана, поднимает его.) Папа, мой папочка, мой маленький папа, мой папа – кукла!.. (Кружит его.) Я буду играть с тобой, подбрасывать.... Ха-ха-ха... Папа... Папа... Мой папа...

САРЫ (влетает в комнату). Да, мой родной, да умереть мне за тебя, Кара, ты позвал меня? Я знал, что ты раскаешься. (Увидев ситуацию, растерялся.) Кара? Кто это? Что это такое?

КАРА (продолжает кружить Пехлевана). Мой папа-миллионер, мой маленький папа, мой папа-кукла...

САРЫ. Хевва, кого он называет папой? Кто это лилипут? Кого ты называешь папой, сынок? Что, твой

отец умер, да?

КАРА (ставит Пехлевана на пол). Кто этот мужчина, мама? Кто его позвал?

ХЕВВА. Не обращай внимания, Карик, он уже нечто вроде заполненного кроссворда: бесполезное, неинтересное.

САРЫ. Это я-то кроссворд, Хевва?

КАРА. Мама, я возьму фамилию маленького папы и стану Зерлинским. (Обнимает и целует Пехлевана.) Я буду подбрасывать его, целовать, буду играть с ним, я с ним...

САРЫ. Ах ты неблагодарный, бессовестный сын!

ХЕВВА. Довольно, Сары Караев, не мешай нашему счастью. Что ты дал Карику? Купил машину, подарил виллу или выучил на таможенника в Оксфорде?

САРЫ. Хевва Зерлинская, ты меняешь меня на этого карлика?

АДВОКАТ. Не оскорбляйте, господин, он не сам выбрал свой рост, он один из близнецов! Зато у него есть сын крупнее и тебя, и меня. Да ещё бандюга. Боже, уже три раза отсидел в тюрьме.

ХЕВВА. Как? У него есть сын?

КАРА. Мама, что он говорит, какой ещё сын? У нас появится совладелец?

САРЫ. Прекрасно! Очень хорошо! Ха-ха-ха... вы ещё побегаете за мной, ха-ха-ха... (Уходит.)

ХЕВВА. Господин адвокат, как это может быть, ведь он сам ребенок?

АДВОКАТ. Какой ребенок, Ева ханум, ему уже пятьдесят лет! Был женат три раза.

КАРА. Мама, теперь этот маленький хрыч станет совладельцем моих денег?

ХЕВВА. Но... но... кто же выйдет за него замуж?

АДВОКАТ. Почему же, Ева ханум, и у него есть свои плюсы.

С грохотом открывается дверь, и раздаются голоса.

ЭЛВАН (доносится его голос). Где этот сводник?

ПЕХЛЕВАН (кричит от испуга). Мама! (Прячется за спиной Евы.)

ЭЛВАН (появляется). Где этот сукин сын адвокат? Где этот бабник?

АДВОКАТ. Майн готт! (Хочет спрятаться.)

ЭЛВАН (хватает адвоката). Послушай, ты, одуванчик, ты хочешь женить моего отца, я что, умер? (Толкает адвоката и ищет.) Где этот жулик? (Выводит Пехлевана из-за спины Хеввы.) Ты здесь, отец-проходимец? Ты что, снова женишься, бабник, сукин сын? Женишься без моего разрешения?

ПЕХЛЕВАН (указывает на Хевву). Я хочу её.

ЭЛВАН. Мерзавец, ты убил мою мать, женщину весом в сто двадцать килограмм довел до чахотки, чтобы снова жениться? Да простит меня Аллах, я разорву тебя!

ПЕЛЕВАН (плачет). Но я хочу жену, Элван.

ЭЛВАН. Ну что же, бабник, хоти! Не распускай сопли! Я же сказал тебе, потерпи чуток, пусть пройдет сорок дней, женю тебя, ты же не умираешь?

ПЕХЛЕВАН. Но я хочу женщину...

ХЕВВА (Элвану). Успокойся, сын мой, тут нет его вины.

ЭЛВАН. Сын мой? Так быстро? Если у тебя есть деньги, можешь ездить на людях?

КАРА. Ты смеешь кричать на мою мать?

ЭЛВАН. А этот пижон кто такой? Смею кричать! Да и глаза ей выколю!

ХЕВВА (защищает Кара). Что вы делаете? Это мой сын! (Кричит.) Охрана!

АДВОКАТ. Прошу вас, Ева ханум, не нужно! (Элвану.) Господин Элван, сейчас я вам объясню все.

ЭЛВАН. Зря не трудись, проходимец!

АДВОКАТ. Майн готт!

ЭЛВАН. Я сам все знаю, знаю и об условии той одноглазой бабы. Послушай, я уже отсидел три раза, у меня осталось только пол-уха, слышишь?

АДВОКАТ. Дай бог, и его...(Закрывает рот.)

ЭЛВАН. Вы можете обдурить этого бабника, а не меня. Вы думаете, что если вы учились в институте, то все знаете? Да простит меня Аллах... Вы хотите пойти в загс, а потом выгнать пинком этого бабника? (Дает пинком в зад Пехлевану. Тот, не удержав равновесие, падает в объятия Хеввы.) Посмотрите на

него, умирает за бабу.

ПЕХЛЕВАН. Мама!!!

АДВОКАТ. Умоляю, не бейте его, его цена один миллиард долларов.

ЭЛВАН. Клянусь богом, знаю, я знаю все.

АДВОКАТ. Элван бей, ваши условия?

ЭЛВАН. Короче! Заключим договор: после загса половина денег уходит на Пехлевана Зерлинского.

КАРА. Пятьсот миллионов?

ХЕВВА. Что вы говорите? За этого малыша пятьсот миллионов?

ЭЛВАН. Что тебе до его роста, он, как воробей, не знает покоя, мерзавец.

АДВОКАТ. Это же грабеж.

ЭЛВАН. Я сказал своё слово. Не хотите, заберу своего дорогого отца и увезу домой, у него столько поклонниц.

АДВОКАТ. Но это совершенно безжалостное условие, Элван бей.

ЭЛВАН. У меня нет времени попусту болтать. Не согласитесь, ей-богу, задушу и убью его. Пошли! (Берет Пехлевана подмышку и уходит.)

КАРА. Я не соглашусь, пусть адвокат находит другого мужчину.

АДВОКАТ. Боже! Об этой стороне вопроса я вообще не думал. Но у нас нет другого выхода. Ева ханум, мы должны согласиться. Времени мало, мы можем потерять все деньги.

ХЕВВА. Другого выхода нет... Карик, сынок, пятьсот миллионов – это немалые деньги.

КАРА. Нет, мама, нет!!! (Рыдает.)

ХЕВВА. Господин адвокат, действительно нет другого выхода? Вы же говорили, что он один из близнецов, а может быть, другой близнец не умер?

КАРА. Пусть находит, пусть находит, дам ему два процента, даже три процента.

АДВОКАТ (запинается). Вы сказали, три процента? Вы знаете, дело в том, что другой близнец был очень красивым ребенком, и один человек забрал его из детдома и усыновил, а потом уехал, чтобы не раскрылась тайна усыновления.

ХЕВВА. Наверное, и фамилию изменил.

КАРА. Тогда мы пропали.

АДВОКАТ. Почему же, можно найти, но это риск, слишком мало времени.

ХЕВВА. Да чтоб сгорела могила фон Биби, из-за каких-то денег поставила столько условий!

КАРА. Хорошо, хоть не сказала, чтобы ты превратилась в мужчину.

ХЕВВА. Ей-богу, умный ребенок, я об этом вообще не думала.

АДВОКАТ. Майн готт! Давайте исходить из реальности: приходим к соглашению с Элваном, а сами продолжаем поиски, а с загсом повременим до последнего дня. Если вдруг не найду, Хевва ханум должна будет выйти за этого маленького, в противном случае мы можем потерять и пятьсот миллионов.

ХЕВВА. Умный мужчина.

КАРА (обнимает и целует адвоката). Отлично!

АДВОКАТ. Боже, как я испугался, Кара бей, когда он зашел в комнату...

ХЕВВА. Господин адвокат, нужно спешить. И я пойду, отдохну. Боже, как, оказывается, трудно быть миллионером. (Уходит под руку с Кара.)

АДВОКАТ. Вам-то что, вам сам бог дает, а меня кормят мои ноги. Теперь я должен искать другого мерзавца.

Свет гаснет.

Темно. Слышны голоса: «Сенсация!», «У Евы Зерлинской свадьба», «Деньги прибывают в республику», «Пропал бывший муж Зерлинской Сары Караев», «Богатая женщина убила своего мужа?», «Самый маленький ростом мужчина страны женится в четвертый раз» и т.п. Когда зажигается свет, на сцене корреспонденты, репортеры, беженцы.

НИЩИЙ. Да исцелит твои ноги мой господин Хезретаббас, сестра Ева!

ТЕЛЕРЕКОММЕНТАТОР. Дорогие зрители, да быть мне вечным вашим слугой, мы начинаем наш прямой эфир. Чуть спустя начнется свадьба века, точнее сказать, будет подписан брачный контракт. Чтобы овладеть миллиардом, Хевва ханум Зерлинская разводится с бывшим мужем Сары Караевым и выходит замуж за Пехлевана Зерлинского из рода Зерлинских, или как говорят в народе, Зырлинских-плакс. Это условие её родственницы Бибиханум Зерлинской фон Браун. Хевва ханум вынуждена пожертвовать своей семьей. На самом деле, это неслыханный доселе акт патриотизма. Скоро начнется

церемония, оставайтесь с нами.

РАДИОКОММЕНТАТОР. Дорогие и прекрасные слушатели, хочу напомнить вам, что вы слушаете радио «Сплетня». Согласно информации, полученной из достоверных источников, муж женщины-миллионерши, профессор Сары Караев не будет присутствовать на церемонии, вообще про него идут странные слухи. Есть предположение, что он покончил с собой. Адвокат Хеввы ханум подтвердил, что он и раньше несколько раз пытался повеситься. Он сказал: «Боже, какой это скандальный человек!». Конец цитаты. Но это неважно, главный вопрос в том, что в такие тяжелые времена нашей экономики великая дочь нашего народа Хевва ханум Зерлинская пожертвовала собственными интересами, даже своей семьей ради нации, ради того, чтобы миллиард поступил в республику. Прерву свой рассказ и отмечу, что тут многолюдно.

НИЦИЙ (приблизив рот к микрофону). Да одарит с головы до ног ту женщину мой господин Хезретаббас!

РАДИОКОММЕНТАТОР. Это глас народа. Судя по одежде, прошу прощения, этот господин похож на нищего. Он хочет высказать то, что на сердце. Господин, вы хотите что-то сказать?

НИЦИЙ. Что же сказать? Хочу только сказать, что да умереть мне у ног, источающих свет, той женщины, может, и я благодаря ей куплю дом, женюсь, и я обустрою свою жизнь, иншаллах!

РАДИОКОММЕНТАТОР. Спасибо большое! Да, народ живет большими надеждами, прекрасные слушатели.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ (пишет). Оппозиция прислала сообщение Еве ханум.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ (пишет). Власти держат под наблюдением женщину-миллионершу.

1 КОРРЕСПОНДЕНТ (пишет). Согласно брачному договору, половина миллиарда перейдет к новому мужу, это требование его трижды отсидевшего в тюрьме сына Элвана.

2 КОРРЕСПОНДЕНТ (пишет). Сын Зерлинской Кара бей будет учиться на таможенника в Оксфорде и, вернувшись, хочет приступить к трудовой деятельности здесь.

ТЕЛЕКОММЕНТАТОР. Да, дорогие мои слушатели, ожидается, что начнутся большие игры вокруг этого громадного состояния, уже начались странные события...

РАДИОКОММЕНТАТОР. Вот уже несколько дней Ева ханум не принимает представителей медиа... Ага, кажется, уже начинается церемония. Вы слышите звуки марша, прелестные слушатели?

ТЕЛЕКОММЕНТАТОР. Под звуки вечно актуального марша Мендельсона жених с невестой направляются к постели, прошу прощения, месту, приготовленному специально для них.

Звучит марш Мендельсона. Появляются впереди телохранители, за ними корреспонденты и все

участники массовых сцен. Люди расступаются и вперед выступают Хевва в наряде невесты и Пехлеван в костюме жениха. Они стоят на возвышении. Хевву сопровождает Кара, а Пехлевана – Элван. Народ аплодирует. Нищий причитает.

РАДИОКОММЕНТАТОР (говорит быстро). Дорогие и прекрасные слушатели, церемония начинается. Жениха и невесту сопровождают их счастливые сыновья. Царит странное волнение, да и я сам с трудом сдерживаю слезы. Невеста волнуется, говорит о чем-то с сыном. Жаль, что не слышно, о чем они говорят.

КАРА (шепчет). Мама, подлец адвокат не пришел.

ХЕВВА. Да чтоб ноги его отсохли!

КАРА. Мама, отдадим столько денег этому бандиту?

ХЕВВА. Нельзя спорить с судьбой, сынок, я вынуждена выйти замуж за этого шпингалета. Бедный Сары, где он, интересно, сейчас?

КАРА. Почему-то сегодня и я часто вспоминаю папу...

ЭЛВАН (шепчет Пехлевану). Послушай, ты справишься с такой крупной женщиной?

ПЕХЛЕВАН (хихикает). Хи-хи-хи... Она худее твоей матери...

ЭЛВАН. Не произноси имя мамы, бабник!

Звуки марша становятся громче.

ХЕВВА. Вот и все! И это наш марш. Прощай, Сары. (Вытирает глаза фатой.)

ТЕЛЕКОММЕНТАТОР. Дорогие зрители, прекрасный марш покойного Мендельсона заглушает шум. Как видите, на лицах, в глазах народа светится знак надежды и веры в счастливое будущее.

НИЩИЙ (входит в кадр). Да умереть мне за ваши ноги, сестра Ева.

ЭЛВАН. В чем дело, где представитель загса?

Слышится звук фонограммы.

ГОЛОС. Уважаемые дамы и господа, я чувствую себя счастливым, что веду передачу из загса века, и хочу поздравить наш народ с этим прекрасным, важным для нации бракосочетанием. (Раздаются аплодисменты.) Уважаемый и, я бы сказал, счастливый жених Пехлеван Зерлинский, вы согласны взять в жены Хевву ханум Зерлинскую?

ПЕХЛЕВАН (смущается). Да, я хочу женщину.

ЭЛВАН. Говори громче, папа.

ПЕХЛЕВАН (кричит). Да, я хочу женщину!

ГОЛОС. Прекрасно. А вы, Хевва ханум? Вы согласны взять в мужья Пехлевана Зерлинского?

КАРА. Мама, не отвечай, подожди ещё.

ХЕВВА. Кара, я и так дрожу, сейчас упаду в обморок.

Пауза становится причиной шума.

ТЕЛЕКОММЕНТАТОР. Прекрасные зрители, одно слово этой счастливой женщины решит судьбу одного миллиарда, и мы с вами станем свидетелями этого великого события!

ЭЛВАН (Хевве). Послушай, ответь же, мама! Ты что, решила издеваться над нами?

ХЕВВА. Вы знаете... я очень волнуюсь... Ах!... (Ей становится плохо.)

КАРА. Мама, что с тобой? Мама! Врача!!!

Поднимается шум. Все окружают Хевву. Журналисты пишут. Комментаторы спешат рассказать о случившемся, царит хаос.

АДВОКАТ (вначале слышен его голос, затем появляется и он сам). Постойте! Погодите!!!
Остановитесь!!!

ТЕЛЕКОММЕНТАТОР. Что-то случилось, дорогие зрители. Кажется, диверсия, враг никогда не дремлет.

РАДИОКОММЕНТАТОР. Прекрасные слушатели, кажется, невеста упала в обморок. Опять диверсия, опять покушение, опять террор? Всего в шаге от счастья измена народу? Кто? Может, это оппозиция?

АДВОКАТ. Кара бей! Кара бей, остановитесь...

КАРА. Мама, пришел адвокат, мама, возьми себя в руки...

Корреспонденты, комментаторы, путаясь под ногами, пытаются поднести микрофоны и диктофоны к губам говорящих.

ЭЛВАН. Этот проходимец пришел снова?

ХЕВВА (приходя в себя). Господин Адвокат, какие новости?

КАРА. Мама, он смеется, мама, он радуется...

ПЕХЛЕВАН. Мама, мамочка... Я хочу женщину...

АДВОКАТ. Боже, что за бардак? Ева ханум, нашел, я нашел...

ХЕВВА. Что? Он нашел? (Спускается с возвышения.) Кара, послушай, что он говорит?

АДВОКАТ. Остановите бракосочетание! Ситуация изменилась, я нашел его.

КАРА. Он холост?

ЭЛВАН. О ком он говорит, слушай? Ей-богу, сейчас убью всех вас. (Нападает на адвоката.)

АДВОКАТ. Майн готт! (Телохранителям.) Охрана! Хватайте его, он убьет меня, хватайте и выведите его отсюда, выведите всех, всех выгоните!

Телохранители уводят кричащего Элвана.

ХЕВВА. Всех, всех выведите.

КАРА. Никакого бракосочетания не будет, получилось недоразумение.

АДВОКАТ (вернувшимся телохранителям). Выведите всех, больше не нужен никто...

Журналисты, толпа начинают шуметь, выражая протест словами:

«Мы глас народа», «Вы нарушаете демократию», «Это афера»,

«Вы не сможете съесть эти деньги одни» и т. п.

ХЕВВА (властно). Господа, не забывайте, что это мой дом, а не пресс-клуб! (Телохранителям.) Не слушайте никакие протесты!

Телохранители выводят всех. Откуда-то выходит Нищий и припадает к ногам Хеввы.

НИЩИЙ. Да умереть мне за тебя, родная...

ХЕВВА. Это ещё кто? Я же сказала – вывести всех! Если я ещё раз увижу этого типа, вы все будете уволены!

НИЩИЙ. Вот как? Чтобы твой дом сгорел! Чтобы твой сын подох! Чтобы ты дожила до худших дней, чем я! Чтобы отсохли твои ноги, источающие свет! Чтобы тебя паралич ударил!.. (Телохранители утаскивают его волоком.) Чтобы свадьба твоего сына превратилась в траур!.. (Уводят его.)

ПЕХЛЕВАН (испуганно). Мама, мамочка... (Обнимает Хевву.)

КАРА. А ну, отпусти её, карлик!

ПЕХЛЕВАН. Мама!

ХЕВВА. Какая ещё мама? Замолчи! Не трогай его, Карик, жалко его, пусть остается, иначе его оборзевший сын убьёт его. (Отрывает Пехлевана от себя.) А ты стой смирно, молчи. (Адвокату.) Ну, говори, кого ты нашел, и какого он роста?

АДВОКАТ. Кара бей, велите принести стакан холодной воды.

КАРА. Опять холодная вода?

ХЕВВА. Не нужно никакой воды, мне уже лучше, говори быстро, не тяни!

АДВОКАТ. Майн готт! Ева ханум, его брат, один из близнецов, ваш.... Не могу я ...

КАРА. Говори же, не томи нас!

АДВОКАТ. Боже, это сказка, это бразильский сериал.

ХЕВВА. Ты что, хочешь, чтобы я выгнала тебя?

АДВОКАТ. Его брат... ваш муж... Сары Караев! (Указывая на Кара.) Его отец!

КАРА. Чей отец?

ХЕВВА. Что ты сказал? Сары его брат? Кара, держи меня... (Падает в обморок.)

КАРА. Папа? Мой отец? Папа-а-а, ха-ха-ха... (Хохочет как сумасшедший.)

ПЕХЛЕВАН. Мама...мама... (Целует.) Не умирай, мама...

КАРА. Убирайся, ты, бабник! (Схватив его за шиворот, выводит из комнаты.) Больше не показывайся здесь!

АДВОКАТ (обмахивает Хевву). Боже, что за комедия? Возьмите себя в руки, все заканчивается хорошо.

ХЕВВА. Кара... Сары... Сарышка, мой дорогой.... Где он, Кара? Вдруг он покончит с собой, Кара, быстро найди его, найди папу...

КАРА. Папа, папа... (Мечется по сцене словно сумасшедший.) Я не видел его с того времени, мама. Один раз он хотел подойти ко мне со словами «сын мой», хотел что-то сказать мне, я направил на него машину. Бедняга, как он плакал, мама!

ХЕВВА. Как? Карик, ты направил машину на папу? Ты не подумал, что он сможет покончить с собой, Кара? (Плачет.) Сары, ты мой спутник жизни...

АДВОКАТ. Не волнуйтесь, Ева ханум, я знаю, где он, к тому же он жив-здоров, но пьёт, пьёт по-черному.

ХЕВВА. Веди меня, веди меня к нему, я упаду к его ногам...

КАРА. Пойдем, мама, пойдем быстрее, а то услышит, что ты выходишь замуж, покончит с собой, и мы станем несчастными.

САРЫ (появляется пьяным). Говорят, что будет свадьба... Ага... Мои поздравления, поздравления, поздравляю.... Где невеста, где этот мерзавец Кара Зерлинский, который выдает замуж свою мать? Ха-ха-ха.... Где же этот шпингалет, этот Зерлинский весом в семь кило двести грамм, мой соперник, муж моей жены, новый отец моего сына?

ХЕВВА. Сары! Сарышка! (Хочет обнять его.)

САРЫ. Ба! Она ещё и в свадебном наряде. Счастливая невеста, которая надела фату в сорок пять лет, миллионерша? Возьмите меня своим слугой, меня, горемыку... (Рыдает.)

КАРА. Папа! Да умереть мне за тебя, папа! (Хочет обнять.)

САРЫ. Погоди, я уже умер, не буду мешать вам, сын мой, Кара бей, наследник.... Ха-ха-ха... Наследник! А где же этот маленький жених, рост которого.... Куда он полез? А может, он уже здесь, и делает своё дело? (Поднимает подол Хеввы и заглядывает. Хевва кричит.) Нету, ха-ха-ха... Заблудился.... Исчез, не видно его...

АДВОКАТ (тихо). Майн готт!

КАРА. Папа, он твой брат.

САРЫ. Мой брат? Мой? Может, и ты опьянел от счастья, как я? Разве ты не знаешь, что я одинок в этом мире? У меня ни брата, ни сестры, ни отца, ни матери, ни жены, ни сына? (Плачет.) Я умер, это вы убили меня из-за каких-то денег (Рыдает.) ХЕВВА. Сары, (Подойдя, гладит его по голове.) Сары, Кара говорит правду, Пехлеван Зерлинский твой брат-близнец.

САРЫ (словно очнувшись). А может, он мой отец, а ты моя младшая дочь?

АДВОКАТ. Почему он не может понять? Господин, у меня в руках неопровержимые документы. (Достает из кармана какие-то бумажки.) Я нашел и вашу настоящую метрику, и документ о том, что вас взяли из детдома, у меня, вот он... Вы знаете, какое ваше настоящее имя?

САРЫ (насмешливо). Может, Геюш или Синий?..

АДВОКАТ. Почему Гоюш, дорогой мой, ваше настоящее имя Элван, Элван Зерлинский.

КАРА. Ой, да! И сына дяди зовут Элван!

САРЫ. Сына дяди? У тебя что, Кара, есть дядя?

ХЕВВА. Почему ты не можешь понять, послушай, ты же доктор наук! У того карлика есть сын, и его, как тебя, зовут Элваном.

АДВОКАТ. Все заканчивается, как в бразильских сериалах, счастливо. Хеппи-энд!

САРЫ. Пехлеван... Элван... Сары... Кара.... По-моему, я начинаю понимать, почему вы так радуетесь. Ха-ха-ха.... Значит...значит, господин адвокат, если я женюсь на этой женщине, один миллиард будет моим?

ХЕВВА. Послушай, какая разница, нашим, твоим, моим? Кто мы?

САРЫ. Господин адвокат, а если я не соглашусь? Если не захочу снова жениться на этой женщине?

КАРА (нервно). Папа, у тебя действительно мозги не в порядке?

ХЕВВА. Сары Караев! Нет, Элван Зерлинский, не забывай, что тот миллиард завещали мне, женщине, которую ты называешь старухой. Без меня все вы ноль, и твой брат карлик, и ты сам!

САРЫ. Тогда зачем вам я, тратьте налево-направо. Аффидерзейн! (Убегает.)

ХЕВВА. Сары... Элван... (Бежит за ним, прихрамывая.) Сарышка... Элик... Куда ты пошел? (Хромая, уходит со сцены.)

КАРА. Хватай его, мама, удержи... (Бежит за ней.)

АДВОКАТ. Меня кормят мои ноги... (Бежит за ними.)

Под музыку несколько раз по сцене проходят впереди Сары, за ним прихрамывая, бежит Хевва, за ней Кара и адвокат. Когда сцена пустая, появляется Пехлеван.

ПЕХЛЕВАН. Мама... мама... Мамочка, я хочу женщину...

В это время прибегает Сары, хочет пройти через сцену и сталкивается лицом к лицу с Пехлеваном, он останавливается и смотрит на Пехлевана. Пехлеван как ребенок смущенно улыбается. Появляются Кара с адвокатом, увидев их в таком

состоянии, молча глядят на них.

САРЫ. Пехлеван? Это ты Пехлеван?

ПЕХЛЕВАН. Да.

САРЫ (вдруг обнимает его). Пехлеван!!!

ПЕХЛЕВАН (пытается вырваться из его объятий). Я хочу женщину.

САРЫ (отходя от Пехлевана). Ты не узнал меня? Посмотри хорошенько, Пехлеван. (Прослезился.) Посмотри внимательно, ты должен узнать меня. Если бы не было кровной памяти, ты бы не назвал своего сына моим именем, Пехлеван. Та горячая тюркская кровь, что течет в твоих венах, неужели ничего тебе не говорит? Ты же должен узнать меня... (Плачет.) Ты должен узнать...

ПЕХЛЕВАН (смотрит внимательно, прослезился и вдруг с криком бросается в объятия Сары). Папа! Папа! (Плачет.) Я узнал, папа, узнал...

КАРА. Вот чукча.

ХЕВВА. Не трогай, Карик, он рос сиротой, не видел ни отца, ни мать... (Прослезилась.) Оба сироты...

САРЫ (гладит голову, лицо Пехлевана). Нет, Пехлеван, я не твой отец, я твой брат, родной брат, старший брат, помнишь, я вышел на пять минут раньше тебя? Вспомни, брат мой.

ХЕВВА. Откуда он может помнить, он же был ребенком!

САРЫ. Ты моя опора, моя подмога, поддержка в мой черный день.

ПЕХЛЕВАН (плачет). Папа, папа...

САРЫ. Что же, Пехли, я стану твоим отцом, буду лелеять тебя как сына... (Восхищенно.) Ева, я не один, Ева, у меня есть брат, есть моя опора, Ева...

ХЕВВА. К добру бы... Сары. (Вытирает слезы.) И меня довели до слез.

ЭЛВАН (забегает). Где мой дядя? Папа, где мой дядя профессор, мой миллионер дядя, моя тетя?

САРЫ. Это Элван? Дорогой сын моего брата, брат Карика?

ЭЛВАН. Дядя... дядя... (Обнимаются.) О боже, какие у меня замечательные родственники, ей-богу... (Целует всех, и в самом конце – адвоката.)

АДВОКАТ. Боже, какой он страстный! (Вырывается из рук Элвана.) Господа, я очень рад, что вы нашли друг друга, но у нас важные дела! Если так пойдет, станет известно, что и я – ваш дедушка.

ПЕХЛЕВАН (обнимает адвоката). Дедушка... дедуля...

АДВОКАТ (отрывает его от себя). Ева ханум, вас ждет загс, это последний день. Думайте о судьбе денег.

ХЕВВА. Да, он прав, зовите их.

Громко стучат в дверь.

ХЕВВА. Кто это может быть? Я боюсь каждого стука в дверь.

АДВОКАТ (вырывается из рук Пехлевана). Отпусти, дитя моё, отпусти, пойду, посмотрю, кто это? Наверное, из загса. (Уходит.)

Все глядят ему вслед. Адвокат возвращается совершенно растерянный.

ХЕВВА. Что это, господин адвокат?

АДВОКАТ. Телеграмма, из Германии.

САРЫ. Из Германии?

КАРА. Какая телеграмма?

ЭЛВАН. Да простит меня Аллах...

ПЕХЛЕВАН. Пап...

АДВОКАТ. Боже, почему не открывается? (Открывает.) Ага, открылась... (Читает.) «Прилетаю, встречайте» (Ему становится плохо.)

ВСЕ. Кто прилетает?

АДВОКАТ. Бибиханум Зерлинская фон Браун...(Падает в обморок.)

ВСЕ. Как? Браун?

ПЕХЛЕВАН. Бибиханум Фан Зырлински-Браун? (Кричит.) Бабушка! Бабушка! Бабуля... Бабушка-а-а.

Свет гаснет.

ЗАНАВЕС

ФИРУЗ МУСТАФА

ГОД ТИГРА

Драма в двух частях

Перевод Медины ЭЛЬДАРОВОЙ

Действующие лица:

НИХАД

ТУМАШ

ЧИНАР

ЭЛАЯ

СЕВДА

ТУРФА

АГА

ЧАСТЬ 1

Опушка леса. На заднем плане палатка в зелени леса. В стороне столовая-стекляшка. Большой стол со стульями и табуретами вокруг. На зеленой траве расстелен ковер. Слышится пение птиц. Подходят ЧИНАР и АГА. ЧИНАР одет по-дорожному, АГА в костюме. Они опускают на землю принесенные с собой картонные коробки.

ЧИНАР. Значит, получается, что автомобильной дороги сюда нет.

АГА. Куда там машина, даже арба не проедет.

ЧИНАР. А как же вы сами сюда добираетесь?

АГА. Только верхом на лошади... (Смеется.) Ну, и вашим способом, то есть пешком...

ЧИНАР. Машины мы оставили там (показывает)... рядом с домиком сторожа. Не тронет ли кто?

АГА. Нет, можете быть уверены. Ничего с ними не случится. Сторож – человек надежный.

ЧИНАР. Хорошо... Хм-м-м... Наши сейчас подойдут. Скажи-ка, что можешь предложить на обед?

АГА. У нас есть все...

ЧИНАР (смеется). В лесу все должно быть натуральным, то есть в собственной «шкуре»...

АГА. Конечно... Начиная с куропаток, кончая мясом кабана, у нас есть все... И сливки, и мед, разумеется, тоже...

ЧИНАР. Мы себя еще и палаткой, как альпинисты, нагрузили. Вдруг ночью похолодает...

АГА. Не беспокойтесь, у нас есть, где переночевать. И в комнатах жарко натоплены печи.

ЧИНАР. Так мы действительно в рай попали...

АГА. Вас, значит, шестеро: трое мужчин и три женщины...

ЧИНАР. Как-то ты не так сказал про мужчин и женщин. Да, группа наша состоит из трех мужчин и трех женщин. Но все с законными женами и мужьями. Так что ни о чем таком и не думай, парень!

АГА. Что я могу подумать?.. Все приезжающие сюда – наши братья и сестры.

ЧИНАР (оглядев АГУ, смеется). Ого! Как же аккуратно ты одет!.. Не учитель ли, часом?..

АГА. Да, было время, учительствовал...

ЧИНАР. Правда? Кому же теперь здесь, в лесу, преподаешь?

АГА (многозначительно улыбаясь). Выходит, что живность лесную воспитываю...

ЧИНАР. Время от времени и двуногих не мешает уму-разуму поучить.

АГА. Ха-ха-ха (Смеется.) Это вы хорошо сказали... Юмор я люблю...

ЧИНАР. Кажется, идут... Нет, Тумаш Сафоевич идет один.

Подходит ТУМАШ, опуская на землю небольшую сумку.

ТУМАШ. Никакие красоты мира не сравнятся с красотой родной природы.

ЧИНАР. Совершенно верно, Тумаш Сафоевич... Истинно так...

АГА. Добро пожаловать в наши края...

ТУМАШ (АГЕ). И кем же ты будешь?..

ЧИНАР. Его зовут Ага. Он над всем здесь голова...

АГА. Голова – это слишком. Я – маленький человек, к услугам приезжающих сюда гостей.

ТУМАШ. Ясно. Ну, если так, то разжигай огонь и готовь шампуры, «маленький человек»!

АГА. Слушаюсь...

АГА уходит.

ЧИНАР. А где пропал Нихад с остальными?

ТУМАШ. Нихад – писатель. Читает женщинам глубоко содержательные лекции о природе.

ЧИНАР. Нихад с детства обожает природу.

ТУМАШ. Да, он – Руссо нового времени.

ЧИНАР. Руссо? Это еще кто?

ТУМАШ. Руссо – певец природы.

ЧИНАР. Ныне здравствующий?

ТУМАШ. Жив он или умер, не знаю (Смеется.) Но наш министр часто его цитирует.

ЧИНАР. Тогда, наверное, жив. Кто сейчас вспоминает сказанное и написанное умершими? Умер, считай, все кончено!

ТУМАШ. По-твоему выходит, что как только Нихад отойдет в мир иной, забудется все, что написал он? Да? (Смеется.) Ха-ха-ха! Так, что ли?

ЧИНАР. А мы на что? Разве мы умерли, чтобы Нихад был забыт? (Смеется.) Ха-ха-ха!

Подходят НИХАД, ЭЛАЯ, ТУРФА и СЕВДА с сумкой через плечо.

ТУМАШ. Прибыли? А теперь скажите мне, кто был инициатором этой поездки?

ЧИНАР. Конечно же, Тумаш Сафоевич....

ТУМАШ. А кто первым одобрил эту инициативу?

ЧИНАР. Безусловно, Севда ханым...

ТУМАШ. А претворил в жизнь?

ЧИНАР. Естественно, Тумаш Сафоевич!..

ТУМАШ. Нет... Это уже неверно, Чина. Эту инициативу сегодня реализовываем все мы вместе.

ЧИНАР. Севда ханым, вы можете продрогнуть. Разрешить что-нибудь накинуть вам на плечи, здесь не город...

СЕВДА. Спасибо... Не беспокойтесь...

ТУМАШ. Хорошо все старое, а соседи – новые (Смеется.) Кажется, соседство опережает дружбу, Чина.... Не так ли?

ЧИНАР. Так, Тумаш Сафоевич...

ТУМАШ. Вот видите... (Пауза.) Нихад, как-то неважно ты выглядишь... Устал, наверное...

НИХАД. Все нормально.

ЧИНАР. Иначе и быть не может! Здесь настоящий рай! Водопад видели? Где еще увидишь такую красоту? Нигде!..

СЕВДА. В прошлом году мы с Тумашем ездили в Швейцарию... Такая красота...

ТУМАШ. Не говоря уже о Норвегии...

ЧИНАР. Во всяком случае, здесь наша родина...

СЕВДА. Чинар, родина-то она родина. И природа ее прекрасна. Но... Как тебе сказать... Наши люди немного диковаты...

ЧИНАР. Да... Об этом и не говори...

НИХАД. А что такое с нашими людьми?

ТУРФА. В определенном смысле мне тоже не все нравится в наших людях...

ЭЛАЯ. У всех есть и хорошее, и плохое...

СЕВДА. Нет... Элая... Знаешь, речь не о хорошем и плохом. Я имею в виду менталитет.

ЧИНАР. Да, менталитет...

НИХАД. А что с нашим менталитетом?

ТУМАШ. С вашего позволения приведу пример того, насколько он жалок, наш менталитет. Вот у нас есть все. Чего стоит один этот лес. А разве мы умеем пользоваться им так, как нужно? Нет! А почему? Потому что уровень культуры нашей слишком низок... Слишком... Задам один вопрос: если бы эти деревья росли где-то в другой стране, знаете, как продуктивно их использовали бы? Почему мы должны покупать мебель в других странах? Что случилось с нашими лесами, деревьями? Пользы своей не знаем... Потому и говорю, что уровень наш очень низок.

СЕВДА. Скажешь тоже, Тумаш... Какой уровень?.. Французами мы станем, что ли? Как бы не так! В прошлом месяце мы с Тумашем были в Париже. В Париже и вправду хочется умереть... Давайте лучше сменим тему. Честно говоря, мне иногда стыдно сознавать, что я представитель этой нации. О каком уровне здесь можно говорить?..

ТУМАШ. Ну, ладно, ты ужхватила через край...

СЕВДА. Иногда я говорю Тумашу, давай уедем отсюда в какую-нибудь цивилизованную страну. Не соглашается отчего-то...

ТУМАШ. Привык я к этим местам. Если захочу, могу и послом отправиться в одну из богатых развитых стран. Но чувствую, что нужен здесь... Правда, порой нервничаю, сердце хватает, сахар поднимается... Но что поделаешь... Приходится терпеть. Служить народу – дело не простое...

СЕВДА. Но и народ должен понимать, ценить труд человека...

ЧИНАР. Брось рыбу в море, рыба не поймет, народ же будет знать.

СЕВДА. Наш народ пока еще хорошее от плохого отличить не может. И никогда не сможет... Поэтому отсюда нужно уезжать...

ТУРФА. Отчего-то в последнее время стало очень много желающих уехать за границу... (ЭЛАЕ.) Вы тоже хотите уехать?

ЭЛАЯ. Нет... (Смеется.) Мы пока никуда не собираемся.

ЧИНАР. Будь я помоложе, уехал бы. А теперь уже поздно. Но я постараюсь, чтобы дети жили в одной из этих культурных стран. Что здесь хорошего?

СЕВДА. Один из работников Тумаша недавно дом купил в Голландии... Мы тоже подумываем...

ТУМАШ. Посмотрим... Ох-ох... Что за воздух здесь... Городской воздух словно яд. Еще и шум-гам. Город и вправду – сплошные нервы. По ночам мучаюсь от бессонницы. Целую сумку лекарств ношу с собой... Да, хорошо, что вспомнил... Севда, ты захватила мои лекарства?..

СЕВДА. Можешь быть спокоен,хватила. Здесь они (Показывает на сумку.) Но мне кажется среди этой красоты они тебе вовсе не понадобятся... Отоспишься вволю, нервы успокоятся...

ЧИНАР. ...И снова станете юношей.

ТУМАШ. Ладно, как там наши приготовления?

ЧИНАР (громко). Одну минуту... Эй! Ага, как там дела?

АГА (издалека). Все отлично! Не беспокойтесь!

ТУМАШ. Однако я на сто процентов уверен, что Нихад не сможет жить за границей. И знаете почему?.. Просто потому, что здесь его читатели. Или я ошибаюсь, Нихад? Ха-ха-ха... Верно подметил?

НИХАД. Здесь не только читатели, но предки мои, корни. Вот если дуб тот вырвать из земли и посадить в другом месте, он не станет расти, ветвиться, высохнет. И я такой же: в чужой стране пропаду. Я хорошо знаю свою родословную, до девятого колена. Многие из них воевали за эту землю, кровь проливали, умирали... Их корни здесь. Значит, и я должен оставаться здесь, вместе с предками своими...

ТУМАШ. Как будто наши корни не в этой земле?

ЧИНАР. Мы тоже не с неба свалились...

ЭЛАЯ. По-моему, не стоит спорить.

ЧИНАР. Да, Элая ханым абсолютно права...

ТУМАШ. Но отчего-то молчит Турфа ханым...

ТУРФА. Я слушаю птиц... Как красиво поют.

ЧИНАР. Видите, как романтична мать моих детей?! Может, предки наши были птицами?..

Все смеются.

НИХАД. Когда-то поляны этой здесь не было...

ЧИНАР. Ты бывал в этих местах, Нихад?

НИХАД. Да... Несколько лет назад... Тогда здесь не было стольких срубленных деревьев, голых пней.

Сердце кровью обливается, глядя на эти почерневшие пни.

ЧИНАР. Не бери в голову, Нихад. Дерево не человек, чтобы сразу погибнуть от удара по голове. Видишь, сколько ростков идет из каждого пня? Оживут те деревья...

НИХАД. Молодая поросль к старым деревьям отношения не имеет. Погибшие деревья никогда не возвращаются к жизни.... Так же, как люди... Порой мне в голову приходит странная мысль.

ЧИНАР. И что это за мысль такая?

НИХАД. Отчего, думаю, деревья не ходят, как люди?

СЕВДА. Если и дальше так пойдет, деревья и ходить начнут...

ЧИНАР. А я слышал, что такие деревья где-то есть. Точно говорю...

ТУМАШ. Ладно, ладно, хватит болтать ерунду. «Ходячие деревья»... Нет еще, «бегающие деревья». У этой пишущей братии болезнь такая – окрашивать все в какой-либо цвет, придавать всему какое-то значение... Не обижайся, Нихад... Большинство знакомых мне писателей такие и есть. «Ходячие деревья»... Если бы деревья ходили, леса наваливались бы на нас. Не обижайся, Нихад...

ЧИНАР. Нет, Нихад не обидится... Чего ему обижаться? Я тоже согласен с вами, Тумаш Сафоевич. Если бы деревья могли ходить, как люди, они представляли бы большую опасность, точно такую, какую представляют сейчас люди. А потому, будь на то моя воля, я бы людей, как деревья, сажал в землю и выращивал. Вот представьте: по колено в земле дерево... нет... человек... С места сдвинуться не может, но с соседями разговаривает. Естественно, корни соседей тоже под землей. Ну, как вам?.. Что лучше – ходячие деревья или не ходячие люди?.. Конечно же, не ходячие люди!

Смех.

ТУМАШ. Чина, ты под корень подрубил идею нашего друга Нихада о «ходячих деревьях»!

ЧИНАР. Тумаш Сафоевич, я очень люблю Нихада... Тумаш Сафоевич...

ТУМАШ. Мне мысль одна пришла в голову. Как только вернемся в город, подниму в управлении вопрос. О чем? О заключении договора с зарубежными мебельными фабриками. Пусть они изготавливают мебель из нашей древесины. Наши – тупицы, а иностранцы знают цену такому дереву.

ЧИНАР. Какая прекрасная мысль, Тумаш Сафоевич. Тумаш Сафоевич...

ТУМАШ. Сколько раз говорить тебе, Чина, обращайся ко мне по имени: просто Тумаш, и все!

ЧИНАР. Не могу я к вам обращаться по-другому, Тумаш Сафоевич!

ТУМАШ. Чина, мы с тобой школьные друзья... Вместе учились, в одном квартале выросли...

ЧИНАР. Ну и что?.. Есть же субординация... Ее надо придерживаться.

Верно, к Нихаду я обращаюсь по имени. Нихад – другое дело... Но к вам... Нет, вы меня извините, Тумаш Сафоевич, это просто невозможно. И к тому же теперь вами гордятся не только школа, но и вся страна. Уверен, придет время, и вас узнает весь мир. Вы этого достойны...

СЕВДА. На этой неделе у Тумаша Сафоевича предполагался визит за рубеж...

ТУМАШ. Да, но я отложил его. Встреча с друзьями детства и юности важнее любой поездки.

ТУРФА. Вами, Тумаш Сафоевич, действительно, все гордятся. Уже за эту идею с мебельной фабрикой народ должен поставить вам памятник.

СЕВДА. Этот народ никогда не сможет отличить хорошее от плохого. Он такого сына своего, как Тумаш, до сих пор толком не знает.

ТУМАШ. Прошу меня много не хвалить (Смеется.) Похвала может голову вскружить. Не так ли, Нихад?.. (Пауза.) Ты чего молчишь обиженно?..

НИХАД. Предпочитаю слушать ...

ТУРФА. Честно говоря, читая книги Нихада Фариза, я всегда думала, что он более разговорчив. (НИХАДУ.) А теперь, не обижайтесь, я вижу, что вы несколько мрачноваты.

СЕВДА (ЭЛАЕ). Он и дома такой?

ЭЛАЯ (смеется). Нихад, ты и дома такой?

Все смеются.

НИХАД. Кажется, я везде одинаков...

ТУМАШ. По-твоему, это хорошо?

НИХАД. Элая, по-твоему, это хорошо или плохо?

Все смеются.

ТУРФА. Мне кажется, больше всех нас любит юмор Нихад Фариз.

СЕВДА. Тумаш, с одной стороны, хорошо, что мы сюда приехали. Некоторые люди объезжают весь мир, а своей страны толком не знают. Теперь я вижу, что и у нас есть красивые места...

ЧИНАР. Причем, не хуже, чем за границей.

СЕВДА. Да, верно...

ТУРФА. К тому же мы смогли поближе познакомиться.

ТУМАШ. Мы, мужчины, знакомы давно. Друзья юности. Столько и плохих, и хороших дней вместе пережили. И я рад, что в такое трудное время каждый из нас смог сделать себе карьеру...

ЧИНАР. Мать моих детей верно говорит. Чего стоит одно это знакомство. Сами мы, я имею в виду мужчин, действительно давние друзья. Но женщины наши знакомятся только теперь. Правда, с Элаей ханым я и сам встречаюсь впервые. Что же касается Севды... Она одна из самых красивых, самых примерных, самых порядочных, самых воспитанных женщин нашего народа. Моя дорогая сестра Севда ханым... Сегодня я...

ТУМАШ. Хорошо, хорошо, нечего особо расхваливать свою сестру по-родственному!..

Все смеются.

СЕВДА. Раз случай подвернулся, пусть похвалит. Правдивая хвала никого не обидит, не так ли?

ЧИНАР. Как вам уже известно, Севда ханым когда-то была моей соседкой. Вернее, их дом располагался рядом с нашим старым управлением. Я со всей искренностью говорю, что Севда ханым была самой красивой и самой воспитанной девушкой того квартала. Ей не было равных. Ей и сейчас нет равных. Тумаш Сафоевич, вы самый счастливый муж на свете. Я говорю это от души.

ТУМАШ. Наверняка, в словах ваших есть и зависти немного.

Все смеются.

ЧИНАР. Нет... Ни о какой зависти не может быть и речи... Я тоже считаю себя очень счастливым, потому что моя дорогая сестра Севда ханым вышла замуж за всем известного и всеми любимого

Тумаша Сафоевича. Пусть только готово будет угощение, и я подниму бокал за вечную любовь Севды ханым и Туиаша Сафоевича. (Громко.) Ага! Повороши-ка угли! Поторопись...

ТУРФА. Чинар, не торопи человека. Наверное, свою работу он знает лучше нас.

ЧИНАР. Это же не книги читать или с интернетом работать, чтобы я не понимал. Я всю жизнь заправлял застольями...

СЕВДА. Чинар, ты приглядывай за работой этого человека...

ТУРФА. За какой его работой?

СЕВДА. Да за любой...

Все смеются.

ЧИНАР. Севда ханым права... Контроль необходим.

СЕВДА. Почему вы думаете, что здесь, в этом лесу, нет наших врагов?

ТУРФА. Враги? У нас и враги есть?

ЧИНАР. Почему нет? Вы думаете у Тумаша Сафоевича нет врагов?.. Есть!.. И много!.. Крайне много... Конечно...

ТУМАШ, уперев в бока руки, задумчиво прохаживается.

ТУМАШ. О врагах и не говори... Их без счета.

СЕВДА. Хорошо, что Чинар немного разбирается в этих вещах. (Выразительно.) Но есть такие, которые этого не понимают, или не хотят понимать. Знаете, сколько у Тумаша завистников?! Будь их воля, живьем съели бы. Сколько раз покушались, отравить хотели. Ты, Чинар, следи за шашлычником этим, а то еще к мясу подмешает чего. У Тумаша и так хватает тех, что хлеб его едят, а тень мечом кромсают.

ЧИНАР. Ничего они не смогут сделать Тумашу! За ним стоят его друзья.

СЕВДА. Разве у Тумаша есть друзья? Не в обиду вам, брат Нихад. Сейчас слово писателя веса не имеет. Кто обращает внимание на писанину? Нужен сильный человек за спиной.

ЧИНАР. За спиной Тумаша стоит весь народ... Если будет нужно...

СЕВДА. Скажешь тоже... Что такое народ?.. Какой народ? Кто с ним считается? К тому же, не обижайтесь, наш народ завистлив и жаден.

Чувствуется, что НИХАД нервничает, поднявшись, прохаживается в стороне, набивает трубку табаком.

ТУМАШ. Разве это народ?

СЕВДА. И не говори...

ТУРФА. Отчего же?.. У нас и хороших людей немало.

СЕВДА. У нас, Турфа, никогда не порадуются за другого. Стоит Тумашу Сафоевичу перейти на новую должность, тут же пишут донос. Тумаш Сафоевич покупает новую машину – наверх летят анонимки. Тумаш Сафоевич строит дачу, возводит виллу – народ не может этого пережить. Ну, разве может быть народ таким мерзким? Отчего, вместо того, чтобы гордиться вырвавшимся вперед сыном своим, ты, народ, вставляешь ему палки в колеса? Почему?.. Стыдись, народ!..

ТУМАШ. Ты еще не сказала о тех, кто собирает компромат на меня, досье...

СЕВДА. Разве это народ?.. Какой же это народ?..

ЧИНАР. И вправду, как народ может быть таким? Нихад Фариз, о чем ты задумался? Может, найдется и у тебя пара слов об этом народе? Нашем любимом народе... Кажется, ты много расхваливал этот народ...

НИХАД раскуривает трубку.

ТУМАШ. Гмм... Народ... Посмотрите на него...

ЧИНАР. Да, я сказал «народ» и вспомнил случай один. Дело было несколько лет назад. Честно говоря, дела мои тогда шли плохо. Турфа – живой свидетель тех дней моих. Словом... Сын был маленьким, задавал много вопросов. Спрашивал, к примеру: папа, сосед наш новую машину купил, а почему у нас нет? Я отвечал: детка, он подлый человек. Сын говорил, что друг его с родителями отдыхает за границей, а мы никуда не ездим. Я отвечал, что родители его друга тоже люди подлые. О каком бы успешном, состоятельном человеке не заходила в доме речь, бедный ребенок только и слышал, что все они подлецы. В конце концов, ребенок однажды сказал, что, когда вырастет, будет подлецом. О чем ты говоришь! – возмутился я. – У всех подлецов дела идут прекрасно, – ответил он.

Все смеются.

ТУМАШ. Хороший анекдот. Не так ли, Нихад?

НИХАД. Да, неплохой... Поучительный.

СЕВДА. Ладно, поговорили, посмеялись, а теперь послушайте. У меня есть дельное предложение.

ЧИНАР. Пожалуйста, Севда ханым.

СЕВДА. Я обращаюсь к женщинам: по дороге сюда нам встретился родник. Вокруг него море желтых-прежелтых цветов... Может, сходим к нему... Не возражаете?

ЧИНАР. Какие могут быть возражения?

СЕВДА. Я о женщинах говорю, Чина!

ТУРФА. Я согласна! (ЭЛАЕ.) Давайте сходим! Сколько можно слушать мужские споры? (Смеется.) Или я не права?

ЭЛАЯ. Неплохое предложение.

ЧИНАР (громко). Ага, иди сюда!..

АГА. Слушаю вас... Но вначале хочу спросить...

ЧИНАР. Давай сначала я спрошу, а потом и тебя выслушаем.

АГА. Пожалуйста...

ЧИНАР. Скажи, в лесу этом дикие звери водятся?

АГА. Леса без шакала не бывает ...

ЧИНАР. Тогда проводишь наших девочек до родника. Идет? Теперь задавай свой вопрос!

АГА. Прошу прощения, тот мужчина не писатель ли Нихад Фариз?

ЧИНАР. Точно угадал... Он самый! Нихад, я нашел здесь твоего читателя.

НИХАД. Большая находка! (Смеется.) Вам обоим благодарность. Меня, честно говоря, в целом городе мало кто знает, но здесь...

ТУМАШ. Но здесь – в этом глухом лесу нашелся знающий тебя человек. (Смеется.) Нихад, ты должен угостить своего читателя!

АГА. Зачем же? Это я к вашим услугам. Вообще-то (НИХАДУ.) в лицо я вас не знаю. Но по голосу понял, что это, должно быть, вы. По голосу узнал. Вы ведь часто по радио выступаете. Я по ночам радио слушаю. Никогда не устаю вас слушать. Очень рад такому близкому знакомству с вами.

ТУРФА. А я, честно говоря, радио не слушаю... Но пару книг Нихада Фариза прочла с интересом.

ТУМАШ. Так, вот и второй читатель...

НИХАД. Еще одна великая находка! (Смеется.)

СЕВДА. А я не могу читать произведения наших писателей. Знаете, почему?.. Как вам сказать, есть некий примитивизм, архаизм и в них самих, и в том, что они пишут... (НИХАДУ.) Думаю, вы меня поняли. Не так ли?..

НИХАД. По-моему, вы говорите не об отдельных лицах, а вообще, о коллективе. Причем приговорами и постулатами!

ЧИНАР. Будь проклят мой отец, если я что-то понял! Ага, проводи девочек...

СЕВДА. Нихад Фариз, отложим наш разговор о литературе на потом... А пока проведем лес... Пошли... Пошли!.. Ах-хх... Отчего-то вспоминаются мне леса Испании... (Берет сумку.) Девочки, берите меня под руки... (АГЕ.) А ты иди вперед, показывай дорогу... Мужчины, пока!..

АГА и женщины уходят.

ТУМАШ (прохаживаясь). Все это время я думаю об одном. Послушайте: для чего, интересно, Аллах создает таких людей, как этот ...ну, как его зовут... Ага? О-о, Ага! Да, вот для чего он создает таких людей? (Пауза.) Разве есть какой-то смысл в том, чтобы жить в лесу, среди зверей?.. Может быть, этот человек и телевизора не видел за всю свою жизнь? Я не говорю уже о компьютере и прочем (Смеется.) Хорошо, хоть радио слушает, Нихада по голосу узнал! Ты смотри...

ЧИНАР. Верно говорите, Тумаш Сафоевич!.. Это самое настоящее животное существование!..

НИХАД. Напрасно вы так говорите о человеке, которого не знаете.

ЧИНАР. Клянусь, Нихад, Тумаш Сафоевич прав! Этот человек не смотрит телевизор, слушает только радио.

ТУМАШ. Чинар, я же сказал тебе, кончай с официозом, называй меня по имени... Да, хочу сказать, что такие люди остаются в стороне от общества, от развития. А потом мы говорим, почему наш народ таков...

ЧИНАР. Такие люди напоминают болото...

НИХАД. Это обычный человек, хранитель леса, природы... Может, к тому же, и патриот, и умница поболее нас с вами...

ЧИНАР. Скажешь тоже, Нихад. Какой у него может быть ум, какие мысли? Чем отличается он от лесного животного?..

ТУМАШ. Общество отказывается от слабых, бессильных людей. Таких только природа и может сохранить. Они же сами никогда не смогут сохранить природу.

НИХАД. Что ты имеешь в виду, говоря о силе?

ТУМАШ. Конечно, в первую очередь, ум... Потом волю... А потом уже физическую силу...

НИХАД. Я с тобою согласен: люди умные, развитые, волевые всегда достойны уважения.

ТУМАШ. Нет, речь не только о том, достойны они уважения или нет... Речь о том, что с силой все считаются. Сила всех себе подчиняет.

НИХАД (смеется). Если честно, Тумаш, я не совсем понял эту мысль твою с «подчинением». Если есть уважение к уму, то какая нужда в силе – подчинении?

ТУМАШ. Я говорю о том, что если есть судья, должен быть и осужденный.

ЧИНАР. Точно... Слабым ничего нельзя доверять.

ТУМАШ. Если дать слабым возможность, они объединятся и погубят сильных. Как в обществе, так и в природе... С этой точки зрения между человеческим обществом и дикими животными в лесу особой разницы нет. Как в обществе есть главарь, так и в лесу. В лесу главный – тигр. Здесь все с ним считаются.

ЧИНАР. Так оно и должно быть! Ни один зверь не может послушаться тигра! Тигр – это тигр!

ТУМАШ. Но человек сильнее тигра. Конечно, речь идет о сильном человеке! Он и в капкан может тигра заманить, и убить его может.

НИХАД. Мне кажется, мы путаем понятия ума и хитрости-коварства. Это же разные вещи...

ТУМАШ. Ум – по сути своей хитрость и есть...

НИХАД. Никогда хитрость не считалась положительным качеством. Да, как у людей, так и в животном мире есть свои хитрые представители. Лисица, например. Тигра же к этой группе отнести нельзя. Тигр – храбрый, отважный, бесстрашный, но никак не хитрый.

ТУМАШ. Откуда ты знаешь, что тигр не хитрец? (Смеется.) Да, я и забыл, что ты не просто писатель, ты еще и натуралист, и художник, и психолог, и философ...

ЧИНАР. Надо же, чем только не знаменит Нихад: писатель, художник, психолог, философ.. Это давно

мне известно... А теперь вот узнаю, что он еще и натуралист... Нихад, тебе за все тобой написанное давно должны были дать Нобелевскую премию. (Смеется.) Точно говорю.

ТУМАШ. Большие премии дают людям большого ума...э-э-э, людям хитроумным.

НИХАД. Честно говоря, я как-то о премиях и не помышлял никогда.

ТУМАШ. А если бы и так, дорогой, что бы изменилось? Тебе дали бы премию? (Смеется.) Ты не обижайся, Нихад. (Серьезно.) Кому сейчас книги нужны? Чина, когда в последний раз читал ты книгу?

ЧИНАР. Я вообще не помню, чтобы когда-нибудь читал. Правда, дома у меня полки ломятся от книг, и большинство из них с автографами. Но читать их желания нет. Стоит взять в руки книгу, как меня тотчас клонит в сон.

ТУМАШ. Так и скажи, что книги для тебя – лекарство от бессонницы. (Смеется.) Но для кого и для чего тогда пишет наш дорогой друг Нихад Фариз?

ЧИНАР. На этот вопрос наш друг может ответить сам.

НИХАД. Действительно, зачем я пишу? Ради денег? (Задумчиво.) Нет, сейчас на этом денег не зарабатываешь. Ради славы? Думаю, о славе мечтают только люди с комплексами. (Прохаживается, потом останавливается.) Я не в состоянии определить, ради чего пишу.

ТУМАШ. Не для народа, не ради славы, не из-за денег, тогда получается, что пишешь для себя...

НИХАД. Возможно... Может быть... Одно могу сказать, что какая-то сила постоянно заставляет меня писать. Не занимайся я писательством, может, давно уже распрощался бы с этим миром.

ТУМАШ. Я тебя понимаю, Нихад... В своих произведениях ты должен разоблачать плохих и расхваливать хороших людей.

ЧИНАР. Нихад, к какой группе относишься ты? (Смеется.) К плохим или к хорошим?

НИХАД. Деление это относительное. Бывает, что плохой становится хорошим, а хороший плохим.

ЧИНАР. В этом вопросе я соглашусь с Нихадом. В мире нет целиком плохих или хороших людей. В мире есть люди, и есть животные в человеческом облике. Люди должны тех двуногих животных пасти, заставлять работать, бить, ругать... (Пауза.) Простите, я позволил себе порассуждать при вас... Во всяком случае, я так думаю.

НИХАД. Чувствуется, что ты информирован. (Смеется.) А говоришь, что засыпаешь над книгой. Откуда же такая осведомленность? Из снов?

ЧИНАР. О какой осведомленности ты говоришь?

НИХАД. Об отношениях человек – животное...

ТУМАШ. Сейчас с помощью интернета можно получить любую информацию...

НИХАД. Чина, ты пользуешься интернетом?

ЧИНАР. Интернетом?.. (Смеется.) Ха-ха-ха... Ну, конечно... Интернет...

ТУМАШ. Чина, ты почему смеешься, что случилось?

ЧИНАР. Сказал интернет, вспомнилась смешная история.

ТУМАШ. И что за история?

ЧИНАР. Рассказать? Разрешаешь, Нихад? Ты писатель, может, пригодится тебе...

НИХАД. Говори, говори...

ЧИНАР. Есть у меня близкий друг. Конечно, не ближе вас... Ну, словом, этот друг занимает большой пост.

ТУМАШ. Что с того, что он на должности? (Нервно.) Я вижу, Чина, что ты очень уж гордишься дружбой-знакомством с этими высокопоставленными людьми. Запомни, что все существо их не стоит и миллионной доли того, что делаю я или даже Нихад.

ЧИНАР. Все верно, Тумаш. Прошу прощения, но послушайте, в чем дело: этот самый мой друг раз в месяц или в два месяца раз женится по интернету.

Все смеются.

НИХАД. Вот это да!..

ЧИНАР. Так, значит, друг мой находит в интернете адреса красивых девушек, потом переписывается, приглашает сюда, они же, девушки те, приезжая сюда, останавливаются, большинство из них, в наших отелях... Из каких только стран не приезжали сюда девушки!

Все смеются.

ТУМАШ. Нихад, у тебя есть сайт в интернете?

НИХАД. Нет...

ТУМАШ. А компьютер? Можешь им пользоваться?

НИХАД. И компьютера нет... И пользоваться не умею.

ТУМАШ. Значит, канала выхода в большой мир у тебя нет...

НИХАД. Выходит, что так.

ТУМАШ. А некто, никогда не читавший книг, переписывается со всем миром, собирает коллекцию красивых девушек, укрепляет дружеские и братские связи между народами, ускоряет глобализацию. Скажи прямо, Нихад, у кого больше заслуг перед обществом – у тебя или у этого интернетного влюбленного? Кто более достойно представляет страну нашу в мире: такой скромный писатель, как ты, или тот уважаемый друг Чины?

НИХАД. Конечно, тот высокопоставленный друг Чинара занят более важным делом. Его можно и министром иностранных дел назначить за плодотворные заслуги...

ТУМАШ. Что скажешь против правды? Ты абсолютно прав. Дело нужно поручать знатоку.

ЧИНАР. Я думаю так же, как вы. «Дело надо поручать знатоку». Сегодня мало кто так спокойно и уверенно, как вы, чувствует себя на своем месте, на своей должности. Вы, Тумаш Сафоевич, сегодня один из самых авторитетных, самых популярных руководителей в стране. Я уверен, что в ближайшее время вы займете более высокий пост. Еще сказал бы, что вы можете стать первым или вторым лицом в своей области. Я верю, что такой день настанет. Верю, что однажды мы, то есть ваши старые друзья, скажем: «Тумаш Сафоевич, мы гордимся вами». «Тумаш Сафоевич, вами гордится весь народ».

По мере того, как говорит ЧИНАР, ТУМАШ, выпятив грудь, манерно прохаживается якобы в глубокой задумчивости.

ТУМАШ. Вообще-то, вопрос о моем назначении на пост министра выносился на повестку дня. Просто всегда мешали враги. Но уверен, что в ближайшее время мне доверят очень высокий пост.

ЧИНАР. И мы в этом уверены. Мы вами гордимся, дорогой друг. (Подходит, берет Тумаша под руку, отводит в сторонку.) Тумаш Сафоевич, хочу посоветоваться с вами по одному вопросу.

ТУМАШ. Что за вопрос такой?

ЧИНАР. Начальник нашего управления постоянно болеет, не выходит на работу. К тому же возраст у него давно уже пенсионный. Говорю, может, на его место... Если сочтете нужным, конечно...

ТУМАШ. Гм-м-м... Ясно... Ты хоть знаешь, сколько стоит то место?..

ЧИНАР. Знаю, Тумаш Сафоевич, знаю...

ТУМАШ. Сможешь выложить нужную сумму?..

ЧИНАР. Конечно, смогу... (Пауза.) Только не сразу, а постепенно, в процессе работы...

ТУМАШ (смеется). Ха-ха-ха... «Постепенно»... Нет, дорогой... Кредит не положишь в мешок... Если бы речь шла о наличных, тогда еще можно было тыкаться в верха, но так...

ЧИНАР. Сейчас никто за пост наличными не платит (Пауза.) Все сидят на процентах.

ТУМАШ. Это смотря какая работа. Где-то надо заплатить сразу, а где-то можно и «постепенно», и «в процессе работы». У тебя же случай такой, что расчет надо произвести заранее. Понял?..

ЧИНАР. Понял... Понял, Тумаш Сафоевич... Ясно... Спасибо за совет...

ТУМАШ. Я объяснил тебе конкретную ситуацию. Такова объективная реальность...

ЧИНАР. Я очень верю в вашу объективность, Тумаш Сафоевич...

ТУМАШ. Конечно, ты должен верить, Чина... Сейчас вопросы о назначениях решаются очень сложно... Много условий... Много факторов... И потом не каждый человек может справиться с этим делом... Это дело для серьезных людей...

ЧИНАР многозначительно и насмешливо оглядывает ТУМАША.

ЧИНАР. И правда... Я ведь несерьезный человек... Куда мне на ответственный пост... Я...

ТУМАШ. Хорошо, что ты сам это понимаешь...

ЧИНАР (громко). Нихад, я иду к роднику...

НИХАД. Пойдем вместе.

ТУМАШ А я пока загляну в палатку.

ЧИНАР. Пока вернемся, как раз и угли в мангале поспеют.

ТУМАШ (идет). Чина, за мангалом следи сам. Понял?

ЧИНАР странным, несколько насмешливым и злым взглядом смотрит
вслед ТУМАШУ и качает головой.

ЧИНАР. Будь проклят ты, слепой шейтан!..

НИХАД (улыбаясь). Что случилось?

ЧИНАР. Ничего... Идите... Не задерживайся, Нихад, иди и ты... Я тоже сейчас приду.

ТУМАШ, за ним НИХАД уходят. ЧИНАР достает из сумки бутылку, наливает, выпивает стакан водки и уходит.

Музыка.

Лирическую мелодию сменяют взволнованные ноты. Из-за деревьев показывается голова тигра. Тигр осторожно поднимает передние лапы и какое-то время стоит на задних лапах. На глаза его падает свет, зрачки сверкают. Слышно рычание. Тигр несколько раз проделывает те же движения. Рычание нарастает. (Тигра пока никто не видит)

Тигр исчезает.

Шум.

Звуки музыки постепенно удаляются.

Все участники выбегают на сцену, задыхаясь от бега. В конце появляются сменившие одежду СЕВДА и ТУМАШ.

ЧИНАР. Погодите... Отдышитесь хоть... Что случилось?..

ТУРФА. Мы испугались...

ТУМАШ. Кто вас напугал?

СЕВДА. Из глубины леса донесся странный звук.

ЧИНАР. Вот такой? (Рычит.) Бё-о-о!..

ТУРФА. Здесь тоже было слышно?

ЧИНАР (смеется). Да нет же. Я шучу... (АГЕ.) Вы что, в лесу тигров держите?

АГА. Честно говоря, в последнее время я тоже иногда слышу рычание...

ТУМАШ (смеется). Леса без тигра не бывает! Не бойтесь, я не трусливый и безоружный, как вы.

СЕВДА. У Тумаша есть отличное охотничье ружье...

ТУМАШ. И не одно, а целых три!.. С собой я взял только одно. (НИХАДУ.) А ты каков стрелок?

НИХАД. Я в жизни не держал в руках ружья.

ТУМАШ. А если тигр бросится на тебя, что станешь делать?

НИХАД. Упаду на колени, стану умолять господина тигра оставить меня в покое...

Все смеются.

ЧИНАР. Тигра надо не умолять, а схватиться с ним...

ТУМАШ. Вот это дело!.. Настоящий мужчина бьется с тигром врукопашную... Силе надо противостоять силой.

СЕВДА. Знаете, что мне вспомнилось? Коррида, которую мы видели в Мадриде... Тумаш вырвал копье из рук тореро и в одно мгновение вонзил его в дикого быка... Испанцы оторопели.

ТУРФА. Ну, тогда нам нечего бояться!..

ЧИНАР. Там, где Тумаш Сафоевич, нет места страху! Даже в ружье нет необходимости!..

ТУМАШ. Не хочу хвалиться, но с этим лесным тигром я расправлюсь почище, чем с испанским быком... А друг наш Нихад Фариз уже сейчас готов пасть перед тигром на колени.

Все смеются.

ЧИНАР. Человек не должен становиться на колени ни перед кем и ни перед чем. Речь идет, конечно, не о слабаках, а о сильных людях. Мы ведь уже говорили об этом. Я на сто процентов согласен с Тумашем Сафоевичем!.. (Становится на колени.) Тумаш Сафоевич, у вас шнурок развязался... (Наигранно.) С вашего позволения...

ТУРФА. Чинар!.. Что ты делаешь?

ТУМАШ (отступает назад). погоди... (Громко.) Ага, иди-ка сюда, завяжи мне шнурок!

АГА (подходит). Что вы сказали? Не расслышал...

ЧИНАР. Ты что, глухой?.. Не слышишь?.. (Раздается рычание.) Не слышишь?.. (Смеется.) Слышишь?(Встает.) Ну?..

АГА (раздраженно). Слышу.

СЕВДА. Это тот самый рык.

НИХАД. И в самом деле – тигриное рычание.

ТУРФА. У меня колени дрожат.

ЭЛАЯ. Говорят, тигр нападает только на трусливых людей...

ЧИНАР. Вот спасибо, Элая ханым!.. Давайте подождем, посмотрим, на кого набросится тигр.

Пересмеиваются.

ТУМАШ. Мою обувь... (вызывающе оглядывает АГУ.) Обед готов?

АГА. Готов. (Зло смотрит на него.)

ТУМАШ (наклонившись, завязывает шнурки). Стол накрыт?..

АГА (раздраженно). Накрыт...

ЧИНАР. Все готово! (Торжественно.) Обслуживать буду я!. Сколько лет этим занимаюсь! Ну, начали!.. Ага, помогай мне!..

Музыка. ЧИНАР быстро уходит и возвращается в белом халате; на голове у него белый колпак. В руках две большие ложки, которыми он поигрывает, как мечами, ударяя друг о друга. Все смеются. ЧИНАР и АГА быстро выносят и ставят в центр большой казан. Следующая часть проходит под звуки музыки. Сцена застолья напоминает ускоренное прокручивание киноленты: участники в ускоренном темпе ставят перед собой наполненные ЧИНАРОМ тарелки и едят, наполняют бокалы, выпивают, разговаривают, смеются, хохочут. ТУМАШ обнимет и целует СЕВДУ. СЕВДА смеется. Потом все, взявшись за руки, танцуют. Музыка играет громче. Быстрый танец. Кто шуточно толкается, кто падает, кто прыгает под музыку. Затем все, кроме АГИ, уходят. АГА прибирается: собирает в стопку тарелки, наводит порядок. Слышен шум подвыпившей компании. АГА смотрит в их сторону со злостью и ненавистью. Потом уходит и он.

Появляется ЧИНАР, халат он снял, но колпак на голове. Насвистывая, прохаживается, держа руки в карманах. Звуки музыки становятся тише. Вскоре приходит СЕВДА. Какое-то время они молча, пытливо смотрят друг на друга. ЧИНАР осторожно, мягкими шагами подходит к СЕВДЕ, она в недоумении отступает и, наконец, останавливается. ЧИНАР стоит перед ней. Они стоят лицом к лицу, взволнованно дыша.

Звуки музыки отдаляются.

СЕВДА. Что такое? Что с тобой случилось?

ЧИНАР. Я и подумать не мог...

СЕВДА. Что?

ЧИНАР. Что ты когда-нибудь выйдешь замуж за Тумаша...

СЕВДА. Разве это так удивительно?

ЧИНАР. Честно говоря, удивительно... Просто уму непостижимо...

СЕВДА. Многие так думают...

ЧИНАР. Правда?

СЕВДА. Да... Все говорят, почему девушка из такой известной, состоятельной семьи вышла замуж за сироту Тумаша? Наверное, и ты так думаешь...

ЧИНАР. Наверное (Смеется.) Ах, Севда, Севда... Конечно же...

СЕВДА. Ты, слава Аллаху, семью мою знаешь лучше всех...

ЧИНАР. Да... И тебя саму тоже...

СЕВДА. Слова, что ты говорил недавно обо мне, наверняка, говорились искренне...

ЧИНАР. Наверное... (Смеется.) Ах, Севда, Севда... (Напевает)... Севда, душа моя, Севда...

СЕВДА. Что такое? Или ты смеешься надо мной?

ЧИНАР. Нет... Зачем же?... Мы – старые друзья...

СЕВДА. Не друзья, а соседи...

ЧИНАР. Соседи?... Ну, конечно, мы были соседями.

СЕВДА. Да, просто соседями...

ЧИНАР. И больше ничего!..

СЕВДА. А что еще могло быть?

ЧИНАР. Я же сказал, ничего...

СЕВДА. Конечно, ничего!..

ЧИНАР (руки в карманах, быстро прохаживается). Ни любви, ни слез, ни страданий... (Пауза.) Конечно... (Напевает.) Севда, душа моя, Севда...

СЕВДА. Какой же подлый ты человек...

ЧИНАР (резко останавливается). Конечно... Ни круизов не было, ни полетов на самолетах... Нога наша не ступала даже на порог дорогих отелей... Не так ли?.. Конечно...

СЕВДА. Ты грязный человек...

ЧИНАР (стоит, вытянувшись, перед ней)... Сколько помнишь себя, любила одного-единственного человека... Конечно... Конечно...

СЕВДА. Ну и что?

ЧИНАР. И этот человек Тумаш Сафоевич... Единственный человек, кого ты любила... Угадал? Конечно... (Напевает.) ...Конечно...

СЕВДА. Подхалим, подлец!.. «Сестрой» меня называл... Ты... Ты...

ЧИНАР. И Тумаш Сафоевич называл тебя «сестрой», когда впервые увидел со мной...

СЕВДА. Клевета!..

ЧИНАР. Разве? (Передразнивает.) «Чина, кем тебе приходится эта красавица из красавиц? Кто эта сестра?» Ну, вспомнила теперь ту встречу? И что я тогда ответил? Может, забыла? «Эта красавица из красавиц прилетела с Марса». Тумаш сказал: Чина, говори правду, кто эта сестра?.. Я же сказал, соседка это моя, сирота ты казанская... И Тумаш ушел. Помнишь?.. А потом прошло немного времени, и я увидел вас гуляющими под руку. (Берет ее под руку.) Конечно...

СЕВДА. Убери руки! Сумасшедший! Тумаш – первый и последний человек, которого я любила в своей жизни.

ЧИНАР. Да сделает Аллах любовь вашу вечной... (Отходит в сторону.) Я счастлив тем, что вижу вас счастливыми... Говорю это от души... (Напевает.) ... Конечно... Конечно...

СЕВДА. Но ты меня сейчас очень обидел, Чинар...

ЧИНАР. Ты, Севда, шуток не понимаешь...

ЧИНАР снимает с головы своей колпак и надевает его на СЕВДУ. Смеются.

СЕВДА. Ты всегда был таким. Никогда не поймешь, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно... Ты

и дома такой?.. Да?..

ЧИНАР. А это надо спросить у Турфы.

Смеются. Подходит ТУРФА.

ТУРФА. Что такое, Чинар, смеешься от души?..

ЧИНАР. Ничего.. Просто так... Севда ханым говорит, что я слишком мрачен. Я же хочу доказать ей, что могу и смеяться. И смеюсь! (Смеется.) Ха-ха-ха!.. Ну, как, получается у меня? (Смеется.) Ха-ха-ха!.. Как?.. Ха-ха-ха... Конечно... Конечно...

ТУРФА. Ну, хватит, стыдно...

ЧИНАР (смеется). Ха-ха-ха!... Ну, что, Севда ханым, могу я смеяться?..

СЕВДА. Вижу, у вас это отлично получается...(Смеется.) Ха-ха-ха...

Все смеются. Подходит ТУМАШ; чувствуется, что он немного навеселе.

СЕВДА (подходит, кладет ему руку на плечо). Слава Богу, ты как будто посвежел. Чувствуется, что здешний климат тебе на пользу. Ночью будешь спать прекрасно...

ТУМАШ (СЕВДЕ). Какая палатка наша?.. Мне нравится белая. (Снимает с головы СЕВДЫ колпак и надевает на себя.)

СЕВДА. Мы решили, что женщины будут спать в кабинах столовой, а мужчины в палатках.

ТУМАШ. Так не пойдет. Я буду спать в белой палатке. Причем со своей женой. (Громко.) И пусть кто где хочет, там и спит! Я засну, глядя на звезды.

СЕВДА. По мне, так все мы спали бы в кабинах.

ТУМАШ. Почему это?

СЕВДА. В округе могут быть волки, собаки...

ТУМАШ. К примеру, нападет на нас тигр, да?.. Пусть нападает! Сейчас я чувствую себя сильнее тигра! Постелешь мне в белой палатке, Севда!.. Я буду спать со своей женой. (Бежит за СЕВДОЙ, они смеются.) Не так ли, Севда?

ЧИНАР (ТУРФЕ). Ты только посмотри на этого мерзавца... В другое время так горячо говорит о дружбе, о товариществе... Будто он добряк такой, щедрая душа, поможет любому... На самом же деле, жадный и скупой. Подлый, низкий...

ТУРФА. Ты о ком это, Чинар?

ЧИНАР. А сколько здесь мерзавцев?

ТУРФА. Откуда мне знать? Я списков их не составляла...

ЧИНАР. Я о Тумаше, конечно...

ТУРФА. Что это вдруг?

ЧИНАР. Не захотел, подлец, маленькую просьбу мою выполнить. Денег требует...

ТУРФА. У тебя денег требует?. Для себя?..

ЧИНАР. Конечно... Думаешь, он станет с кем-нибудь делиться?

ТУРФА. Очень он собой доволен. И так высокомерен...

ЧИНАР. Это он перед женой красуется... Сильнее тигра он, видите ли... Никто лучше меня его не знает. Трус из трусов, импотент несчастный...

ТУРФА. Тише ты... (Смеется.) Стыдно спрашивать, но откуда тебе про импотента известно?

ЧИНАР. А разве по нему не видно... На гнилое яблоко похож. Какой из него мужчина, если горстями таблетки глотает?...

ТУРФА. Но вначале ты так расхваливал его: «Здесь не сядь, Тумаш Сафоевич, там не встань... Не простудитесь, Тумаш Сафоевич». А теперь совсем другую песню поешь.

ЧИНАР. Вижу, чем больше хвалю, тем больше он ног под собой не чует. Большого человека из себя строит... Пусть даже и должность у него высока. Что с того!.. Со мной свысока разговаривает, вы только посмотрите на него! Да плевать я хотел и на тебя, и на должность твою!.. Подхалимничая всем подряд, получил ты это место! Как будто я тебя не знаю!.. Вся твоя жизнь прошла на моих глазах. Мы все трое хорошо друг друга знаем. И Нихад, и он, и я... Знаем, кто есть кто...

ТУРФА. А Нихад кажется человеком порядочным...

ЧИНАР. Конечно... Нихада не сравнить с этим рогоносцем! Нихад умный, воспитанный человек... А этот – настоящий лизоблюд...

ТУРФА. В каком смысле?

ЧИНАР. Во всех смыслах...

Подходят НИХАД и ЭЛАЯ.

ТУМАШ. Великий мастер, природа тебя, кажется, пьянит?

СЕВДА. В Болгарии я видела такую же лесополосу.

ТУРФА. А мне нравится ездить по нашим краям.

СЕВДА. Эх, ты просто не видела красивых мест...

ЧИНАР. Почему не видела? Видела...

ТУРФА. Конечно, видела, по телевизору...

СЕВДА. Я не могу смотреть наши программы. Терпеть не могу эти физиономии. Поэтому мы поставили огромную антенну-«тарелку», и я смотрю другие страны.

ТУРФА. И дети смотрят за границу?

СЕВДА. Дети мои учатся за границей.

НИХАД (слегка иронично). Выходит, что дом ваш изнутри полностью держится на загранице...

СЕВДА. Почему только изнутри? Сам дом тоже построен по заграничному проекту. И мастеров мы пригласили из-за границы. И стройматериалы, и мебель выписали оттуда...

ЧИНАР. Была бы возможность, и родственников, и соседей привезли бы из-за границы...

СЕВДА (смеясь). Не только соседей, но и саму природу тоже...

ЧИНАР. Горы, леса, родники...

СЕВДА. Да-да... Именно так...

ТУМАШ. Ну, посмотрите... Наши горы, леса несколько диковаты.

СЕВДА. Природа везде похожа на своих обитателей.

ТУРФА (зло). Смотря на каких...

ЧИНАР. Это смотря кто с кем себя сравнивает...

ЭЛАЯ. Для меня самое дорогое место на земле – моя родина.

НИХАД. В действительности, весь мир – наша родина. (ЭЛАЕ.) В том числе и твоя.

Все смеются.

ЧИНАР. Причем не только для людей, но и для птиц, зверей...

ТУРФА. В том числе и для тигров.

НИХАД. Да, да... Так точно...

ТУМАШ. Интересно, действительно ли в этих лесах водятся тигры?

СЕВДА. Наши тигры (показывает на ТУМАША) рядом с нами... Так что пусть те дикие тигры побаиваются наших! Верно говорю, Тумаш?..

ТУМАШ (приказным тоном). Это всем следует уяснить. (Прохаживается.) Ночью выхожу на охоту, иду на тигра!..

ЧИНАР. Почему ночью, Тумаш Сафоевич?

НИХАД. Два тигра встретятся один на один: дикий тигр и тигр домашний...

Смех.

СЕВДА. Мой тигр сильнее всех. (Кладет руку ТУМАШУ на плечо.)

ЧИНАР (насмешливо, фальшиво улыбаясь). В этом никто не сомневается. В том числе и тигр.

ТУМАШ. Как только вернусь на работу, подниму вопрос в аппарате. Прямо в центре этого леса должна быть открыта мебельная фабрика. Как я уже говорил, мастера будут приглашены из-за границы. Пусть наши тупые граждане смотрят на их работу и делают для себя выводы. Вы себе даже не представляете, какие красивые диваны и кресла получатся из этих деревьев...

СЕВДА. И кресла те можно украсить тигровой шкурой.

ЧИНАР (подчеркнуто). Вы шкуру какого тигра имеете в виду? У нас ведь тигров много!

Смех. Подходит АГА. Внимательно оглядывается по сторонам.

СЕВДА. Что с ним?

ТУМАШ. Что это он уши наострил?

ТУРФА. Может, что случилось?

ЧИНАР. Ага, ты чего рот разинул? (Рукой приподнимает нижнюю челюсть АГИ.) Ну, слава Аллаху, кажется, челюсть твоя встала на место... А теперь рассказывай...

НИХАД. Кажется, я слышу какой-то шум.

ТУМАШ. Что за шум?

АГА. Не слышите?

НИХАД. Похоже на тигриное рычание...

ВСЕ. Что?.. Тигр?...Не может быть...

АГА. Да... Тигр... В нашем лесу водятся тигры...

ТУМАШ. Ха-ха-ха... Тигры... Ха-ха-ха... Да ладно тебе... Может, мне из палатки ружье принести? ..

Тигр... Ти-игр!.. Ха-ха-ха!.. Тигр...

Музыка. Рычание. Показывается голова тигра. Голоса смолкают. Смеющийся рот ТУМАША от удивления открывается еще больше и застывает. Тигр поднимается на задние лапы. Музыка резко обрывается. Тишина. Все бегут и прячутся в столовой. Снова звучит музыка. Звуки музыки мешаются с тигриным рычанием.

Занавес

ЧАСТЬ II

Столовая. Тревожная музыка. Все на ногах. По другую сторону широкого стеклянного фасада столовой – стоящий на задних лапах тигр. Все в ужасе. Тигр рычит, упершись в стекло. Люди в страхе и смятении мечутся внутри. Женщины жмутся к мужьям. Тигр меняет направление – двигается вправо, люди

перемещаются влево. Потом положение меняется – тигр влево, люди вправо. Слышатся взволнованные вскрики женщин «Ах!» «Ох!» и др.

ЧИНАР. Вода есть здесь? Ага, дай воды!

АГА. Здесь ничего нет, вода во дворе...

ЧИНАР. Во дворе... Во дворе много чего есть.

ТУМАШ. Ах ты, животное, скотина, почему сразу не сказал, что здесь дикие звери водятся?..

АГА. Послушай, ты, невоспитанный... Сейчас открою вот дверь и впущу этого зверя, разорвет он тебя на части, да так, что костей не соберешь...

СЕВДА. Не нервничай, прошу тебя, Тумаш... Умоляю...

ТУМАШ. Хоть ружье прихватил бы с собой из палатки... Подлец...

ЧИНАР. Мне кажется, будь здесь даже ружье, мы ничего не смогли бы сделать

СЕВДА. Почему же?... Тумаш хороший стрелок, птицу в глаз бьет.

ЧИНАР. «Птицу бьет»... Это вам не птица, а тигр... Тигр... Предположим, вы выстрелите отсюда: стекло разобьется, пуля в цель не попадет; разъяренный тигр бросится сквозь разбитое стекло и всех растерзает.

ТУРФА. Мы должны подумать и что-то предпринять... Вы только на лапы его посмотрите... А глаза... Вообще-то тигр очень красивое животное...

Тигр рычит.

СЕВДА. Посмотрите на этого красавца! «Красивое животное»... (Всхлипывает)... Ох-х-х...

ТУМАШ. Кому первому пришла в голову мысль отправиться в этот лес?

ЧИНАР. Откуда мне знать? (Насмешливо.) Кажется, автором идеи был Нихад... (Подмигивает.) А, Нихад? Ты подбросил эту идею?

СЕВДА (с вызовом). Вот вам и результат писательской фантазии...

НИХАД. Теперь уже нет необходимости искать автора идеи. Никто не может заранее знать, что произойдет с ним через минуту...

ТУМАШ. А писательское предвидение?

ЧИНАР. А философское понимание? (Подмигивает.)

СЕВДА. Он еще и художник, говорят...

ЧИНАР. Да, Нихад еще и художник...

ТУРФА. Но ведь это и вправду красивое существо. Будто кистью художника написан!..

ЭЛАЯ. Тигр нападает на трусов. (Смеется.) По-моему, среди нас трусов нет.

АГА. Имейте немного терпения!.. Не конец же света! Это просто тигр, порычит немного и уберется восвояси, пойдет по своим делам.

ТУМАШ. Заткнись!.. Не читай нам мораль...

АГА (отойдя в сторону, со злостью). Клянусь Аллахом, не стану долго думать, открою сейчас заднюю дверь и впусу этого зверя!.. Тогда поймете, с кем разговариваете!..

СЕВДА (ТУМАШУ). Разве не видишь, он контуженный какой-то... Не связывайся с ним...

ТУМАШ. Да кто он такой вообще?..

СЕВДА. Тумаш, умоляю, не сердись, возьми себя в руки... Давление поднимется... (Знаком показывает на АГУ)... Этот мужчина похож на сумасшедшего... Не видишь, он давно змеем шипит...

ТУМАШ. Я разmozжу ему голову... Тоже мне змей нашелся...

СЕВДА. Потом разmozжишь... А пока успокойся...

АГА. Мужчиной надо быть! Посмотрите на Нихада Фариза!.. Посмотрите, как спокойно и сдержанно он ведет себя. И жена его такая же благовоспитанная, как он сам. Не то, что вы... Самые пустые люди из всех здесь находящихся!.. И трусливые, как зайцы...

ЧИНАР. Что?... Что ты сказал?..

ТУРФА. Чинар, успокойся.

ТУМАШ. Будь у меня ружье, прежде чем в тигра, я всадил бы пулю в голову этой скотине!..

СЕВДА. Тумаш, не нервничай!..

АГА. Что ты сказал?.. Выстрелил бы мне в голову?! Да я сейчас тебя, как мошку, по стеклу размажу! (Бросается на него.) Сейчас я поучу тебя жизни, крот!.. Отойдите все в сторону!..

Все бросаются вперед и удерживают АГУ. Тигр рычит. Все отходят на «свои» места. Женщины снова жмутся к мужчинам.

НИХАД. Будем терпеливы. Человеку дан разум для того, чтобы в трудных ситуациях он мог поразмыслить и найти выход.

ТУМАШ. Вот и думай, и выход ищи!..

ЧИНАР. Верно говорит Тумаш: укажи нам путь!..

АГА. Если бы не этот человек (Показывает на НИХАДА.), я бы вам такой путь показал, что и во сне не приснится! Вы ведь не люди!..

НИХАД. Ага, дорогой, ты тоже имей терпение... Злостью и нервами ничего не добиться...

АГА. Ваши слова следует переадресовать вот этим мастерам слова! Совсем недавно они тут заливали всем, что ищут львов и тигров, чтобы сразиться с ними!.. Ну, вот вам и тигр!... Что ж теперь языки свои позаглатывали? Чего дрожите?.. Да вы трусливы, как зайцы и неповоротливы, как черепахи!.. Что случилось вдруг?.. Чего глазами хлопаете?..

ТУМАШ (СЕВДЕ). Ну почему ты не даешь мне придушить этого шакала?..

ЧИНАР (ТУРФЕ). Отойди-ка в сторонку, дай я проучу его!

ГОЛОСА. Ну, хорошо... хватит... успокойтесь!..

АГА. Ого! А я уж испугался. (ТУМАШУ.) Очень много развелось имитаторов героизма.

Все бросаются вперед, создавая живой заслон между ЧИНАРОМ и АГОЙ. На какое-то время воцаряется тишина. Потом издали доносится печальная мелодия.

НИХАД. Скоро дождь пойдет.

СЕВДА. При чем здесь это?..

ЭЛАЯ. Да, небо закрывается тучами...

АГА. Здесь каждый день идет дождь.

НИХАД. Странно, но тучи в небе тоже напоминают тигра. .. Посмотрите внимательно... Видите?..

ЭЛАЯ. Я вспомнила: нынешний год – год тигра... Наверное, поэтому кругом тигры. (Смеется.) Тигры

на земле, тигры на небе...

АГА. Здесь поблизости небольшое озеро. Лесник говорил, будто там водились тигры.

ТУРФА (с интересом). Где? У озера?

АГА. Ну, да...

ЧИНАР. Почему же ты об этом нам заранее не сказал, и мы бы дело свое знали...

ТУМАШ (сам с собой). Мерзавцы...

ЧИНАР. Тумаш, тебе не холодно?..

ТУМАШ (удивленно). Нет... А что?.. (Сам с собой.) До этого меня Тумашем Сафоевичем называл... Подонок...

ЧИНАР. Тогда снимай пиджак и подай его мне... Турфа, кажется, мерзнет...

ТУРФА Нет, я не мерзну...

СЕВДА. Наверное, это она от страха дрожит...

ТУРФА. Да, честно говоря, страшновато...

СЕВДА. Чинар, ты тоже дрожишь...

ЧИНАР. Не все же такие храбрецы, как твой муж...

СЕВДА. А что мой муж?

ТУМАШ. Чина, что это? Ты будто поддеваешь меня... (Снимает пиджак и отдает его ЧИНАРУ.)

ЧИНАР. Ну, во-первых, не Чина, а Чинар. И во-вторых, я тебя не поддеваю, а говорю, как есть... И третье, мы оказались здесь по твоей милости...

СЕВДА. Эй, ты, думай, что говоришь!.. Понял?..

ТУРФА. Севда, не вмешивалась бы ты в мужской разговор...

СЕВДА. Во-первых, не Севда, а Севда ханым; и потом, если ты такая умная, поучила бы мужа своего уму-разуму!..

ЧИНАР (хохочет). Ха-ха-ха!.. Ты посмотри, кто кого поучает?! Слава тебе, Всевышний! (Накидывает пиджак на плечи ТУРФЕ.)

ЭЛАЯ. Тигр очень внимательно смотрит на нас...

АГА. Тигр воспитаннее многих людей...

НИХАД. Сейчас он зарычит от души!..

ЧИНАР. Откуда ты это знаешь, Нихад?..

ТУМАШ (с издевкой). Вероятно, у них с тигром тайный сговор.

Тигр рычит, НИХАД смеется. Все в страхе смотрят на него.

СЕВДА. Чего он смеется?..

ТУМАШ. Умом тронулся, наверное...

ЧИНАР. Да, Севда, ты что-то говорила, кажется...

СЕВДА. Я говорила не с тобой, а с твоей женой...

ЧИНАР. А кто ты такая, чтобы давать советы моей жене, учить ее жить?

СЕВДА. Почему бы нет?..

ЧИНАР. Нет, ты сначала ответь мне, кто ты, что ты, чьих ты...? Другие тебя, может, и не знают, но мне-то уж вся подноготная твоя известна!

ТУМАШ. Чинар, попридержи язык!..

ЧИНАР. Вот это другое дело: не Чина, а Чинар!..

АГА. Что с ними вдруг случилось? Недавно это были совсем другие люди: по-другому говорили, по-иному пели. И вдруг ножи кровавые звенят... Клянусь, больше, чем на людей, они похожи на лесных обезьян. Хорошо, что в наших лесах нет такого зверья... У нас вот они, тигры: бесстрашные, смелые, отважные. (НИХАДУ.) Как думаете, его величество тигр долго еще будет охранять нас?... (Смеется.)

НИХАД (смеется). Это надо спросить у него! (Наружу.) Слышите, ваше величество?.. До каких пор будете обеспечивать нашу безопасность? (Смеется.)... Он молчит... Что-то призадумался...

ЭЛАЯ. Я вспомнила, Нихад, что ты родился в год тигра!...

НИХАД. Я и забыл...

АГА. И я родился в год тигра, хорошо, что напомнили...

ЧИНАР. Ну, вот, пусть родственники и улаживают дела с тигром!

АГА. При чем здесь это?

ТУМАШ (СЕВДЕ). Чинар тут что-то говорил о тебе... Объясни-ка мне...

СЕВДА. Чинар – придурок. В детстве с балкона упал, мозг повредил. Это все знали в нашем старом квартале...

ТУМАШ. Иногда и от дурака можно услышать правду...

СЕВДА (тихонько смеется)... По глазам его не видишь разве, что он больной?

ТУРФА (ЧИНАРУ). Ты совсем в грязь втоптал эту красотку... Она, правда, была вашей соседкой?..

ЧИНАР. Да... Ну и что?..

ТУРФА. А откуда тебе известно, что она за птица?..

ЧИНАР. Я же сказал – соседями были... Все, кроме меня, с ней крутили... Она сама одно время ко мне приставала...

ТУРФА. Кто мог польститься на нее?.. На человека не похожа...

ЧИНАР. И не говори...

ТУРФА. А как держится?!

ЧИНАР. Смотря при ком...

ТУРФА. А жена Нихада похожа на хваткую женщину...

ЧИНАР. Гм-м...Мне тоже так кажется...

СЕВДА. Тумаш, ну что мы забыли в этом лесу? Если бы послушался меня, были бы сейчас или на Канарах, или на островах Индийского океана...

ТУМАШ. Откуда я мог знать, что так получится? (Нервно смотрит вдаль.) Подумал, надо узнать поближе свою родину, природу... Мы и так постоянно по границам разъезжаем... Родина все-таки...

СЕВДА. Вот тебе и родина... И люди – хищники, и звери... Родина... Родина дорога нам лишь одним: денег заработать... Здесь зарабатывать, там тратить... А то заладил... родина... Несколько лет ты был без работы; и что сделала для тебя твоя родина?. Хорошо, что помогли старые папины друзья. Да и то, сам видел, не бескорыстно: столько денег, золота, брильянтов наших забрали, чтобы тебя на эту должность устроить.

ТУМАШ (дрожит в волнении). Севда, взгляни туда, тигр смотрит прямо мне в глаза ...

СЕВДА. Ну и что?

ТУМАШ. Он хочет накинуться на меня...

СЕВДА. Тигру не одолеть такого огромного стекла...

ТУМАШ. Если он захочет, одним ударом лапы разнесет его... Тигр как-никак... Тигр...

ЧИНАР (смеется). Ха-ха-ха! Тигр присмотрел себе Тумаша Сафоевича! Видимо, нашел, наконец, злодей, достойного себе союзника в этом лесу!.. Ха-ха-ха!..

ТУМАШ как сонный или пьяный человек, не отрывая от тигра взгляда, медленно и осторожно ходит вперед-назад, словно тигр его заколдовал. СЕВДА подходит к нему, вцепляется ему в плечо, старается оттянуть его в сторону, подальше от «ауры», от «зоны влияния» тигра, но ТУМАШ никак не может отвести взгляда от глаз хищника. Тигр преспокойно наблюдает за действиями ТУМАША, «своего союзника». Наконец, какое-то время тигр и ТУМАШ стоят лицом к лицу. СЕВДА испуганно отступает. Остальные в страхе смотрят то на ТУМАША, то на тигра. Необычное поведение ТУМАША, перекошенное лицо его, хлопающие глаза, дрожащие руки-ноги вызывают жалость к нему и в то же время насмешку. Чувствуется и то, что ТУМАШ все это вытворяет не только от страха, но и дурачась. Положив руку на сердце, он медленно опускается на колени. Тигр отходит назад, его не видно, но слышно рычание. Тревожные звуки музыки сливаются с тигриным рычанием. Люди всполошились, растирают ТУМАШУ руки-ноги, делают искусственное дыхание, шлепают по лицу. АГА и ЧИНАР приподнимают его, раскачивают. Потом ТУМАША снова кладут на пол. ТУМАШ открывает глаза, шевелится, встает, якобы зевает, оглядывает окружающих, словно видит их в первый раз. С опаской смотрит туда, где стоял тигр; тигра же пока не видно. ТУМАШ улыбается. Победоносно выпячивает грудь. Все смеются.

ГОЛОСА. Кажется, тигр ушел!.. Тигр пожалел Тумаша!.. Нет, тигр испугался Тумаша!..

В этот момент снова появляется тигр. Сразу воцаряется тишина. Все в страхе смотрят друг на друга. ТУМАШ с опаской становится спиной к тигру, лицом к залу. Как будто не хочет больше встречаться с ним взглядом. Молчание продолжается. Тигр спокойно подходит к столовой, кладет лапы на стекло и внимательно оглядывает тех, кто внутри. Тишину нарушает доносящийся издалека звук тяжело падающих капель: туп – тупп – туппп... Капли эти будто срываются с сосулек и падают на какой-то звонкий материал, отдаваясь эхом – туп – тупп – туппп... Потом этот звук нарастает, постепенно превращаясь в тяжелую тревожную мелодию. И тигр за стеклянной стеной столовой, словно в такт этой мелодии, не спеша начинает передвигаться кругами. Теперь он не только лапами упирается в стекло, но и лбом, по-прежнему внимательно оглядывая людей; взгляд его застывает то на одном, то на другом

лице. Вскрики женщин сливаются с тревожной музыкой. Наконец, тяжелый взгляд тигра останавливается на лице НИХАДА. Все непроизвольно отходят назад. НИХАД, будто инстинктивно, идет вперед; теперь он стоит лицом к лицу с тигром: тигр по ту сторону стеклянной преграды, НИХАД по эту. Тигр, не отводя взгляда от НИХАДА, прохаживается вдоль столовой. НИХАД тоже следит за тигром. Лицом к лицу, глаза в глаза, они двигаются в одном направлении. Их медленные, тяжелые движения напоминают замедленные кадры кино. Наконец, и НИХАД, как тигр, упирается лбом в стекло, внимательно глядя на хищника. Все находящиеся внутри с интересом наблюдают за НИХАДОМ. НИХАД проводит ладонями по стеклянной стене столовой. Тигр повторяет его движение – «вытирает» лапой стекло. Потом тигр отступает и внезапно исчезает.

СЕВДА. Урра!.. Кажется, ушел.

ТУРФА. Да нет, не похоже.

ЧИНАР. Вон он, к туше подходит...

АГА. К какой туше?..

ЧИНАР. К свежей туше барана, которую ты подвесил к дереву...

ТУМАШ. Видимо, он тоже любитель кебаба...

АГА. Как бы ни было, тигр не хуже нас знает свое меню... Но часть той тушки здесь...

ЧИНАР. Где?.. Где?..

АГА. Там, в углу.

ТУМАШ. Ну, значит, у нас есть провизия... Какое-то время еще проживем...

ЧИНАР. К тому же, на сыром мясе...

СЕВДА. Но воды нет... Губы потрескались.

ТУРФА. И у меня внутри все горит...

ЧИНАР. Ага, у тебя совсем ума нет. Отчего не проведешь воду из родника сюда, в столовую?..

ТУМАШ. И не говори...

АГА. Разве мог я знать заранее, что на нас нападет тигр? Странные вы люди...

ТУМАШ. Нихад, кажется, «друг» твой ушел с концами...

НИХАД. Не беспокойся, он скоро вернется...

ГОЛОСА: Правда, вернется?.. Ой-ой-ой... Что нам еще предстоит...

ТУМАШ. Очень жаль...

СЕВДА. О чем ты жалеешь?..

ТУМАШ. «Винчестер» оставил в палатке... Будь сейчас здесь ружье, вышел бы, всадил пару пуль в это мерзкое животное, и дело с концом.

НИХАД. Поднимать руку на такое создание – грех.

СЕВДА. Он странный человек! С каких это пор стало грехом убивать диких животных?

ТУМАШ. Говорит да... Якобы гуманист он – животных жалеет.

ЭЛАЯ. Нихад, ты обратил внимание на его зрачки?.. В них было столько грусти...

НИХАД. Аллах его знает, может, у него горе какое. Может, детеныша убили, или, к примеру, отстал от своих, заблудился... Что только не приходит в голову. Звери, как люди: это безусловно. И у них есть свои проблемы, свои беды.

ЭЛАЯ. Он мог и за помощью к нам прийти. Что с того, что рычит он, раздирает камни и стены, ярится... У бедного животного ведь нет языка сказать, что на сердце у него...

ТУРФА. Чинар, никак не могу забыть твои недавние слова...

ЧИНАР. Какие слова, Турфа?..

ТУРФА. То, что ты сказал Севде... Кажется, ты ее и вправду очень хорошо знаешь...

ЧИНАР. Тебе разговоров еще недостаточно, наверное...

ТУРФА. Вначале ты с ней по-другому обращался: «Севда ханым, здесь не сядь, тут не встань, Севда ханым, вы достойны Тумаша, а Тумаш вас». И что вдруг случилось?

ЧИНАР. Они и вправду друг друга достойны... Один другого стоят. Тумаш женился на ней из-за ее отца. (Пауза.) Отец Севды спиртом торговал. Пару раз даже в тюрьме сидел. Что ни день, то новая женщина у него была!..

ТУРФА. У кого? У отца ее?

ЧИНАР. У них вся семья порочная.

АГА. Опять слышно рычание...

НИХАД (громко). Человек на природе действительно себя чувствует совсем иначе!

ТУМАШ. «Иначе»?.. Как это «иначе»?..

НИХАД. Свободным, сильным, счастливым... Только в таких вот местах и чувствуешь, что ты часть природы. Здесь все родное: и родник, и река, и деревья... И даже муравей, и воробей, и дятел...

ЧИНАР. И даже тигр...

НИХАД. Да, и тигр тоже...

СЕВДА. Отчего же мы тогда так боимся этого «близкого родственника»?..

ЭЛАЯ. Потому что родственники тоже бывают страшными.

ЧИНАР. Как и соседи...

Смех.

ТУРФА. А мне тигры очень нравятся... Правда... Только в кино...

Смех.

АГА. Клянусь Аллахом, есть люди, которые в тысячу раз страшнее тигров. Чем тигр виноват?.. Он тоже создание Аллаха. К тому же это зверь, живущий в глубине лесов. Он не бывает все время на виду... И вот я думаю, что же такое случилось с этим зверем, если он вдруг оказался на этой поляне?.. Должна же быть этому причина. А все потому, что лес этот почти вырублен. А если леса нет, что делать тигру, куда деваться? Он вынужден идти к людям. Не так ли? (НИХАДУ.) Вы совершенно верно говорите: тигры тоже наши друзья...

СЕВДА (ТУМАШУ). Что за бред он несет?! Сейчас этот «друг» так расправится с вами, что и охнуть не успеете.

ТУМАШ (СЕВДЕ). Послушай, Чинар действительно был вашим соседом или как?..

СЕВДА. Как будто сам не знаешь?.. Как и того, что было время, когда Чинар по мне с ума сходил?.. Я же просто-напросто никогда его за человека не считала... Ни тогда, ни сейчас. Потому что он ненормальный, больной... Перед женой своей теперь выхваляется, тоже мне мужчина нашелся!.. Ограниченный, невоспитанный! Безмозглый! Больной! А ты тоже, нашел, о чем говорить!..

ТУРФА. Да нет же, Чинар... Я что-то не верю...

ЧИНАР. Чему?.. Чему ты не веришь?..

ТУРФА. В вашу с Севдой искренность!..

ЧИНАР. Разве здесь до искренности?..

ТУРФА. Да, именно сейчас мы должны быть искренни, как никогда.

ЧИНАР. Почему?

ТУРФА. Один Аллах знает, что может произойти? Может, тигр всех нас разорвет на куски и съест. Можем и с голоду здесь умереть: запаса продуктов нет, связи с миром нет... так будем хотя бы искренни в такой момент.

ЧИНАР. Ого! Искренность! О какой это искренности она говорит, интересно? Сейчас все, кто торгует совестью и честью, только и говорят, что об искренности...

НИХАД. Ага, давно ты здесь? В лесу этом...

АГА. Давно... Очень давно...

НИХАД. И как же попал ты в эти недоступные места?..

АГА. Я естествовед с высшим образованием. Какое-то время работал педагогом. Потом пришел в лесное управление работать лесничим... Дрожал над каждым деревом. Но никому до меня не было дела. Деревья рубили и рубили. Денежные люди заказывали для своих домов паркет из ценных древесных пород. Меня никто и слушать не хотел. Сколько мог я смотреть на кровавые слезы срубленных деревьев?.. Вы только посмотрите: кругом одни пни... Там, наверху, требовали с меня денег. А где мне их взять было? Рубить и продавать деревья, которые сам же вырастил? Это было не по мне. Для меня каждое дерево, что живое существо... В общем, написал заявление и ушел с работы. Покончив с лесничеством, занялся этой столовой... Да это даже и не работа... Просто привык я к этим местам... Силы воли не хватает бросить все и уйти... Вся моя жизнь прошла здесь. Среди этих деревьев и пней... Не могу расстаться... Не представляю себя без природы...

НИХАД. Так оно и должно быть. Влюбившийся однажды в природу, никогда уже с ней не расстанется. Это как первая любовь...

ЭЛАЯ. Так странно... Смотрю я отсюда на эти горы, на плывущие в небе облака, на деревья, и кажется мне, что когда-то я все это уже видела. Не ценим мы красоту родной природы...

СЕВДА (ТУМАШУ). Тумаш, ты думаешь, как нам выбраться отсюда или нет?!

ТУМАШ. Да нет же... Ты мне скажи, ваши отношения с Чинаром в какой плоскости были?

СЕВДА. Кажется, заняв свой пост, ты стал говорить со мной на языке политики!.. (Передразнивает.) «В какой плоскости?» А наши отношения «в какой плоскости» были? Может, забыл?

ТУМАШ. Не кричи... Услышать могут... Севда, дорогая...

СЕВДА. Пусть слышат!.. Будто я должна чего-то бояться?!.. Или стыдиться должна?!..

ТУМАШ. Хорошо.. хорошо... Не повышай голоса!..

ТУРФА. Чинар, что это с ними?... Так сцепились...

ЧИНАР. Оба умом тронулись ...

АГА. Лицо той женщины источает яд... Кажется, плохи дела. (Громко.) Рычание слышите?

Слышно рычание.

ЭЛАЯ. Тигр... Посмотри туда...

НИХАД. Да, кажется, снова возвращается...

СЕВДА. Ему здесь не рады!..

ТУМАШ пугливо озирается.

ТУМАШ. Не взял ружья с собою... Идиот...

СЕВДА. А вдруг ружье попадет к нему?

ТУМАШ. К кому?

СЕВДА. Тигру...

ТУМАШ (боязливо). Все может быть. (Пауза.) Но не верю, что тигр сможет выстрелить. (Громко.) Без ружья в лесу человеку делать нечего!.. (АГЕ.) Почему у тебя нет ружья?! (Потом, будто опасаясь, что тигр может его услышать, сбавляет тон.) Безоружный? Почему?..

АГА. На что мне оружие?..

ТУМАШ. Вот сейчас и пригодилось бы...

АГА. Я все равно не смог бы выстрелить в этого тигра.

СЕВДА. Было бы здесь ружье, Тумаш выстрелил бы ему прямо в глаз!

ЧИНАР. Это Тумаш такой ловкий охотник? (Раздраженно.) Да?..

СЕВДА. Да, Тумаш – настоящий охотник. (Нарочито.) Он всегда точно попадает в цель. Понял, Чинар?! Да?! Ясно тебе?..

ТУРФА выразительно смотрит то на ЧИНАРА, то на СЕВДУ. ЧИНАР сначала теряется, потом, ударив рукой об руку, хохочет.

ЧИНАР. Отлично!.. Превосходно!.. Мне нечего сказать! Тумаш – настоящий охотник: птицу в глаз бьет. А я тухлую падаль раздираю на части, да?! (Напевает.) Конечно... Конечно... Клянусь, узнав получше некоторых из людей, я предпочел бы быть животным... Нутро горит... Ага, ты не смог бы найти для меня, животного, пары глотков воды?.. Нет?.. Воды нет?.. (Берет бутылку водки.) А это что?

ТУРФА. Разве это вода?..

ЧИНАР пьет из горлышка бутылки.

ЧИНАР. Ох-х-х!.. Райская водичка!..

СЕВДА. Он пьян!..

ТУМАШ. Он давно уже бредит...

ТУРФА. Чинар, хватит!..

ЧИНАР. Я правду говорю... Вот я сейчас сам себе противен тем, что являюсь человеком... Лично я... Я должен был родиться животным. Разве есть что-либо в этом мире лучше, чем быть животным, и хуже, чем быть человеком?.. (НИХАДУ.) Нихад, умоляю, прости, то, что я говорю, к тебе отношения не имеет. Я говорю о себе... Вот чем он хуже меня, этот тигр? Он сильнее меня, красивее, и...наверное, умнее... Конечно... (Протягивает руку в сторону тигра.) Целую тебя, тигр!..

ТУРФА. Чинар!..

ТУМАШ (СЕВДЕ). Он хочет стать животным...

СЕВДА. Он и есть животное. А ты связываешься с ним, одним из животных...

АГА. Двунюгих животных и так хватает. С одной стороны, так и должно быть: когда общество превращается в дебри, человек становится животным...

ЧИНАР. У настоящего животного одно лицо, а у большинства двуногих тысячи лиц! Прости, Нихад! Еще раз повторяю, к тебе этот разговор не имеет никакого отношения!

НИХАД. Стыдно, Чинар!..

ТУМАШ. А к кому имеет отношение этот разговор?.. (Подходит к ЧИНАРУ)... Может, скажешь, Чинар, чтобы мы знали!..

ЧИНАР. Я сказал, к кому он имеет отношение... В первую очередь, ко мне самому: именно поэтому я и хотел бы быть животным! А как ты, Тумаш, не хочешь быть животным?.. Нет?.. Очень жаль!.. Большинство таких, как ты, давно уже стали животными. (Хватает ТУМАША за грудки.) Тебе это не известно?.. Вот теперь я собираюсь стать животным... Не хочу понимать того, что происходит вокруг. (Выразительно СЕВДЕ.) Я непременно стану животным!.. (Отступает назад.) Я даю вам торжественное обещание. (ТУРФЕ.) Жена, дорогая, если однажды, или даже прямо сейчас, я превращусь в животное, к примеру, в такого вот тигра, не грусти! Идет?

ТУРФА. Если так дальше пойдет, боюсь, ты, Чинар, превратишься в осла... Стыдно ведь...

ЧИНАР. Быть ослом и то лучше, по сравнению с некоторыми двуногими в человеческом обличье. (С намеком.) Да здравствует осел!

ТУМАШ. Что вдруг случилось с этим олухом?..

СЕВДА. От страха перед тигром, наверное, крыша поехала.

ЧИНАР. Осел!.. Ладно, пусть я буду даже ослом!.. Разве это плохое животное?.. У меня есть друг-писатель, он посвятил ослу большую поэму. И какую поэму!..

Загадочный взгляд, поступь резва,

Губы нежные, красивые глаза.

Отчего же тупиц и дураков

Тобою называют, дорогой осел?

Ну, как?! (ТУМАШУ.) «...дорогой осел». Тигр и осел... (Поет.) Ты и я... Конечно... Да-да-да...

СЕВДА. Турфа, отчего не натянешь поводья этого осла, не привяжешь к ноге?..

ЧИНАР. Клянусь Аллахом, вам обоим, мужу и жене, ребра переломаю!... Ведь я осел!.. (Пауза.) Нет?.. Не так?.. Тогда вы сами ослы. Слушайте и знайте: люди для вас не ослы!...

ЧИНАР наступает на СЕВДУ и ТУМАША: они пьются. Остальные преграждают ЧИНАРУ дорогу. ТУМАШ с СЕВДОЙ отходят в сторону.

ТУМАШ (СЕВДЕ). Я убью этого негодяя...

СЕВДА. Видишь же, дурак дураком... Не связывайся.

ЭЛАЯ (НИХАДУ). Знаешь, что я вспомнила, Нихад?

НИХАД. Что?

ЭЛАЯ. Помнишь, как-то пошли мы в зоопарк. Глядя на тигра в клетке, ты сказал, – дорогой родственник, сейчас мне до тебя не дотянуться, но верю, что когда-нибудь мы с тобой встретимся лицом к лицу у тебя на родине, и время то совпадет со свободой и независимостью каждого из нас. И вот теперь вы встретились лицом к лицу с тигром на его родине...

НИХАД. Что, испугалась?

ЭЛАЯ. Не очень...

НИХАД. Гм-м-м... Возможно, Элая, это тот самый тигр... Тигр, которого мы видели в зоопарке, сдержал слово и пришел сюда, в этот лес, на встречу со мной. И скоро я тоже выйду к нему...

ЭЛАЯ. Ты, наверное, шутишь

НИХАД. Нет, я говорю правду...

ТУМАШ (СЕВДЕ). Лекарства у тебя в сумке?

СЕВДА. Какие лекарства?.. Да... Поняла... Здесь. С собой ношу.

ТУМАШ. Потом примешь... Давай их сюда... Быстро... Быстро...

СЕВДА. Какое дать?.. Элениум, феназепам, инсулин, димедрол. Имован...

ТУМАШ. Давай все. Шприцы взяла?

СЕВДА. Да, взяла. Врач сказал, что инсулин всегда нужно носить с собой. Сахару доверия нет. Смотришь, и поднялся вдруг выше крыши... Не так ли?

ТУМАШ. Давай шприцы...

СЕВДА. Опять поднялось?..

ТУМАШ. Что?

СЕВДА. Давление ...

ТУМАШ. Да нет же... Мне нужны иглы от шприцов...

СЕВДА. Зачем тебе иглы?

ТУМАШ. Сказал же, нужно... Лекарства тоже, какие есть, все давай сюда...

СЕВДА. Хорошо... Хорошо... Не нервничай!.. Сию минуту... От жажды у меня губы потрескались... Вот, Тумаш, бери, все здесь...

СЕВДА передает ТУМАШУ коробки с лекарствами. Они отошли в сторону, поэтому не привлекают внимания остальных.

АГА (НИХАДУ). Порой мне на ум приходят странные мысли...

ЧИНАР. И что за мысли? (Смеется.) Поделись. Может, какие-то меры придется принимать...

АГА. У вас я, кажется, ничего не спрашивал. (НИХАДУ.) К примеру, в последнее время я часто задаюсь вопросом: для чего Аллах привел в этот мир человека? На земле все птицы-звери чем-то заняты. Все они служат природе, стараются сохранить ее. Кто землю взрыхляет, кто от вредителей очищает. В лесах есть свои «санитары». Волки, например: они очищают природу от больных и от болезней... А что человек, каковы его обязанности?.. Может, мы явились сюда, чтобы вредить природе?.. Да что природа, мы сами с собой не в ладу. Чуть ли не крови друг друга жаждем! Странно, но во многих людях кроется обезьянья хитрость, они же отчего-то стараются показать себя тиграми. Хотя, чтобы походить на тигра, надо иметь тигриное сердце. Если при виде тигра у тебя дрожат колени, значить, ты шакал... Или не так?..

НИХАД. В твоих словах есть доля правды... Мне тоже кажется, что человек еще не определился со своим местом в природе; некоторые относятся к природе не по-дружески, а как враги. Есть и такая мысль: люди пришли на землю с других планет, галактик. Может, это правда?.. Иначе почему мы так издеваемся над природой?.. (АГЕ.) Ты верно говоришь: что делать тигру, оставшемуся без своего леса? Где ему жить, где обраться?.. Появление этого тигра может быть сигналом природы нам?..

ЧИНАР. Почему нам?.. Мы чем виноваты?.. Те, кто лес вырубил, остались в стороне, а этот ненормальный зверь на нас нападает!.. Большинство зверей, как и людей, не имеют совести!

ТУМАШ отходит в сторону, поднимается на табурет и что-то выбрасывает в форточку столовой. Потом

спрыгивает на пол и хлопает.

ТУМАШ (СЕВДЕ). Ну вот, скоро все кончится!.. Конец должен быть хорошим!

СЕВДА. А вдруг тигр не подойдет к тому куску мяса? Что тогда?..

ТУМАШ. Тигр не человек, чтобы разбираться в таких уловках... По-моему, зверь этот очень голоден. Он уже переварил съеденное до того, а теперь проглотит и то, что подкинул ему я...

СЕВДА. Ты и иглы повтыкал в мясо?..

ТУМАШ. Я приготовил для тигра отличное ассорти: по горсти димедрола, инсулина, элениума и вдобавок «целительные» иглы целой коробки шприцов... Разве может быть для тигра меню лучше этого?.. Согласна, Севда?..

СЕВДА. Посмотрим...

ТУМАШ. Этим пока ничего не говори. Если Нихад и тот лесной филин (Показывает на АГУ.) узнают, какой сюрприз приготовил я для тигра, заключат с ним соглашение. (Указывая на ЧИНАРА.) Не говорю уже о том осле...

Слышно рычание.

СЕВДА. Тигр схватил мясо (Громко.) Ура!..

ТУМАШ. Мои поздравления!

ТУРФА (ЧИНАРУ). Что с ними такое?

ТУМАШ. Севда, посмотри туда... Что это за дым?.. Видишь?..

СЕВДА. Действительно, дым... Я у родника костер разожгла; дым как раз оттуда идет.

ТУМАШ. Какое пламя... Кажется, в лесу пожар.

СЕВДА. Этот лес должен сгореть, пеплом стать.

ТУМАШ. Пусть сгорят все деревья его, пусть тигры его угорят в дыму! Ураааа!... Позор трусам...

СЕВДА. Пусть от леса этого ничего не останется! Вот так... Ураа!..

ЧИНАР (громко). Что случилось?..

СЕВДА. Ничего... Просто так...

ТУМАШ. Человек даже в самые тяжелые минуты должен сохранять присутствие духа. Если тигр у дверей, так что, мы должны паниковать?

СЕВДА. Храбрецы в таких ситуациях и познаются.

ЧИНАР. Храбрецы?.. Это кто ж такие? Где те «храбрецы»?..

СЕВДА. Скоро узнаете...

ТУМАШ. Очень скоро...

ЧИНАР (подходит к НИХАДУ). Нихад, хочу от души поцеловать тебя. Я теперь понял, что ты большой человек. Как сдержан ты был все это время. И в молчании твоём видна мудрость, и в словах. Что с того, что ты бедный писатель?... Зато Создатель наделил тебя искренностью. Я – певец искренности, Нихад Фариз! Дай я тебя поцелую! (Обнимает и целует НИХАДА.) Разве каждому человеку свойственна искренность?.. Многие даже не знают, что это такое...

НИХАД. Искренность – это крылья. Человек парит на этих крыльях... Самая большая трагедия – быть неискренним.

АГА. Верно.

ЧИНАР. Послушай, Нихад, ты говоришь о полете, но многие предпочитают ползать. (С намеком.) Что на это скажешь?

СЕВДА. Кажется, этот твой бестолковый друг-писатель любит читать нотации.

ТУМАШ. Да нет, он не очень словоохотлив. Но сегодня, здесь, на природе, видимо, вернулось к нему когда-то покинувшее его вдохновение.

ТУРФА (ЧИНАРУ). Чинар, стыдно же...

ЧИНАР. В чем дело?

ТУРФА. Вопросы не к месту задаешь, бессмыслицу какую-то несешь, Чинар... Ох-х-х...

ЧИНАР (НИХАДУ). Нихад, вопрос мой остался без ответа... В связи с пресмыкающимися...

НИХАД. Кто любит летать, кто ходить, а кто ползать. Но избавиться полностью от искренности... это невозможно...

ЧИНАР. Почему?

Все смеются.

НИХАД. Потому что человек никогда не сможет скрыть от себя самого собственный грех. Можно кого-

то обмануть, кого-то предать. Но самого себя – невозможно.

ЧИНАР. А я знаю человека, который сам себя надувает... (Смех.) Почему вы смеетесь...? Вы такого не знаете разве?..

ТУРФА. Чинар, хватит...

ЧИНАР наливает и выпивает стакан водки, НИХАД курит трубку.

ЭЛАЯ. Предателей всегда мучает совесть. Хотят они этого или нет...

ЧИНАР. Мучает, конечно, если она есть!.. Ха-ха-ха... Столько бессовестных людей...

ТУМАШ взбешен, подходит к ЧИНАРУ.

ТУМАШ. Ты в чей огород камешки бросаешь все это время, а?..

ЧИНАР. Кто-то упомянул твое имя?..

ТУМАШ. Знаешь, что я сделаю?.. Я оторву тебе голову, как воробью, понял?..

ЧИНАР. Ты?.. Мне?.. Что?.. Голову?.. Что сделаешь?.. Оторвешь?.. Ха-ха-ха.. Так и оторвал!..

ТУМАШ. Не веришь?..

ГОЛОСА. Ладно вам... Успокойтесь!.. Стыдно!.. Тумаш!.. Чинар!..

АГА. Столько лет дружбы!.. Хотя бы Нихада Фариза постыдились...

ТУРФА. Тут тигры нападают, и вы еще здесь ... Мы же отдыхать сюда приехали или нет?..

СЕВДА. Тумаш, нечего разговаривать с каждым встречным, с каждым волком да собакой...

ЧИНАР. Что ты сказала, Севда ханым? Мы теперь уже и псами и волками стали?.. Конечно...

Конечно... Почему же ты раньше этих слов не говорила? (Передразнивает.) «Ты мой тигр, ты мой барс, ты мой лев...» Теперь тигр превратился в собаку?... В волка? Как скоро!.. Не посмотрю на богатство отца твоего, на должность мужа твоего, которую получил он, продавая людей, брошу вас обоих в пасть того тигра. Бесстыжие! Мразь! Пресмыкающиеся!..

Рычит тигр.

СЕВДА (ТУМАШУ). Ладно, Тумаш... Иди сюда... Не видишь разве, он пьян...

ТУРФА (ЧИНАРУ). Чинар, дорогой, прошу тебя, не злись!..

ТУМАШ (нервно смотрит во двор). Не сдох еще?..

СЕВДА. Ты о ком?

ТУМАШ. О звере том... Столько принял лекарств и уколов, а до сих пор рычит... Пусть он умолкнет, тогда я и этих заткну!.. (Громко.) Мерзавцы!..

ЧИНАР. А вот сейчас мы посмотрим, кто кого заткнет! Гад ползучий... Сейчас я так тебя протащу, что образумишься, хотя ума в тебе не было и нет.

ЧИНАР бросается вперед и хватает ТУМАША за грудки. Волоком тащит его к двери, пытаюсь выбросить наружу.

НИХАД. Чинар!

ЧИНАР. Ага, открывай дверь, сейчас я выкину это пресмыкающееся на корм тигру...

ТУМАШ. Отпусти меня!.. Прошу тебя, Чинар... Мы ведь друзья...

ЧИНАР. Конечно... Конечно, друзья...

ЧИНАР со злостью распахивает дверь столовой и снова кидается на ТУМАША. Снаружи доносится тигриное рычание. ЧИНАР волоком тащит ТУМАША к открытой двери. Остальные, схватив ТУМАША за ноги, тянут обратно, стараясь помешать ЧИНАРУ. Столовая наполняется дымом. СЕВДА бежит и закрывает дверь. Тигр, поднявшись на задние лапы, передние кладет на стекло столовой и начинает тихо скулить. ЧИНАР отступает назад, все в недоумении застывают; ТУМАШ, в жалком состоянии, лежа на полу, поднимает голову и внимательно смотрит на тигра. Голова тигра бессильно опускается на стекло, голос его хрипит. Скоро тигр уже лежит, распластавшись, хрип обрывается. Внутри столовой воцаряется тишина.

АГА. Что это с ним такое?..

ТУМАШ (поднимается на ноги). Ха-ха-ха!.. «Друг» ваш перестал дышать...

СЕВДА (смеется). А что ему оставалось после такого количества лекарств и уколов...

ЧИНАР. Подлец! Ты его отравил, да?..

АГА. Это действительно подлость!

ЭЛАЯ. Бедное животное, кажется, умирает...

ТУРФА. Мы уже привыкли к нему...

ЧИНАР. Он был шахом, султаном этого леса!.. (ТУМАШУ.) А ты кто?.. Мразь, сволочь, продажная тварь! Ты преступник! Ты должен будешь ответить за совершенное преступление!..

ТУМАШ. Ха-ха-ха!.. Преступление?..

НИХАД. Тумаш, твоему поступку нет оправдания!

ТУМАШ. Ха-ха-ха... Кажется, все вы оказались родственниками тигру!..

АГА. У бедного животного, кажется, кровь пошла изо рта...

ГОЛОСА. Лес горит!.. Посмотрите на пламя!.. Деревья в огне!..

Пожар!..

НИХАД решительно подходит к двери.

ЧИНАР. Нихад, стой!..

АГА. Будьте осторожны... Прошу вас...

ТУМАШ. Что он делает?.. Эй, ты куда?.. Нихад, погоди!.. Не пускайте его!..

СЕВДА. Не открывайте двери! Тигр может сунуться сюда...

ЧИНАР. Я тоже иду... Конечно... Конечно...

ТУРФА. Чинар, отойди в сторону... Ты пьян...

ЭЛАЯ. Нихад! Ты куда?..

НИХАД. Ладно вам! Успокойтесь... Сейчас вернусь...

Музыка. АГА и ЧИНАР сердито и зло подходят к ТУМАШУ, ТУМАШ в страхе пятится, краем глаза поглядывая на умирающего, а может, уже и мертвого тигра. НИХАД решительным шагом подходит к двери, открывает ее, подходит к лежащему на стекле тигру, поднимает его, сначала берет на руки, потом кладет себе на плечо и медленно возвращается. Все внимательно и с опаской провожают взглядами НИХАДА и тигра на его плече. НИХАД обходит комнату. ТУМАШ в страхе отступает назад. Свет падает в открытые глаза тигра, зрачки его горят, словно он все еще жив. Дым постепенно заполняет помещение. Вдалеке видны языки пламени. Голоса: «Ужас!», «Может, он жив?» «Глаза горят!», «Осторожно!», «Кажется, подход!» и др. Доносящийся издалека тигринный рык сливается со звуками музыки. Потом слышен топот и выстрелы. Присутствующие вначале хаотично передвигаются, мечутся, будто ищут выход, потом скучиваются в одном углу. Рычание приближается. Дым. Свет часто мигает, то загорается, то гаснет. Музыка.

Из книги ФИРУЗА МУСТАФЫ

«Десятистишия»

Забудь, не вспоминай

Сердце мое от горя ослепло,
Разлука гнездо в нем свила из пепла.
Не хочу я в прошлое возвращаться,
Только не могу с ним никак распрощаться.

Согреть меня не в силах и пламя костра,
Знобит меня, хоть на дворе – летняя жара.
Все мои любви в архивы заброшены,
И сам я – всего лишь витрина для прошлого.

Души опущен занавес. Тишина...

Забудь меня, милая, не вспоминай.

* **

Свидания больше не дружат со мной,

Хоть стал и короче путь расставания.

Задаюсь вопросом я, друзья, порой:

Может быть, разлука – она и есть свидание?

Может быть, не стоит былое ворошить?

Может быть, у жизни – такие устои?

И значит, не стоит пред жизнью грешить –

Стенать и страдать о прошлом не стоит.

Плачет надо мною туч пелена.

Забудь меня, милая, не вспоминай.

В мире нет лекарства от боли моей,

Да и ты страданий добавляешь тоже –

Хоть видишь неизбежный слез моих ручей,

Будто бы рубанком сдираешь с сердца кожу.

Странно, что завидует кто-то моей боли,

Жить им тоже хочется, от любви сгорая...

Не переоценивай силу моей воли,
Ресниц своих стрелы в глаза не посылай мне.

И не приходи ко мне, и не утешай.
Забудь меня милая, не вспоминай.

Звонок от Господа

У меня в квартире зазвонил телефон.
Оказалось, сам Господь меня разыскивает.
Будто бы ударом тока поражен,
Замер я, и руки бессильно повисли.

Господь спросил просто: «Как твои дела?»
Сердце сладко билось, гласу его внемля.
Стал богаче всех я – нет бедности и зла!
Подарил Господь мне и Луну, и Землю.

Я от телефона теперь не отхожу,
И звонка от Господа каждый вечер жду.

Это вам, влюбленные

Если полюбил ты – значит, полюбил.
Если снова любишь – значит, ты живешь.
Если ж мрак на сердце радости затмил,
Даже не старайся – меня ты не поймешь.

В стихах моих нехитрых каждая строка –
Для тех, что любили и любимы были,
Что знают, как любовь бывает нелегка:
Пред нею все равны – и слабые, и сильные.

Все, что написал я, – скажу без прикрас, –
Влюбленные и любящие, это – для вас.

Перевод Елизаветы КАСУМОВОЙ

КАМАЛ АБДУЛЛА

Ш П И О Н

Перевод Вагифа ИБРАГИМОГЛУ

Эпический детектив в 2-х частях, 12-ти эпизодах, с принудительным прологом и необязательным эпилогом

Ф и г у р а н т ы

Дедé Гор Гут Великий Шаман, прорицатель, демиург и Отец народа,
Газзán Хан-Салур Великий Вождь племени Здешние Огузы,
Бурла Хатун Благоверная Газзан Хана, Дочь Верховного Хана Всех Огузов
Байандур Хана,
Брюхатая эпическая блудница,
Бей Рек достославный герой,
Аррус по прозвищу «Могутный», вождь племени Тамошние Огузы,
дядя Газзан Хана по материнской линии,
Шер Шамсадин достославный герой, доверенное лицо Газзан Хана,
Бекул достославный герой, предводитель рода Рубежных Огузов.

От автора

По эпическим соображениям имена героев – персонажей литературного памятника древних тюрков «Книга Деде Гор Гута» – сохранены, однако все события, мотивы поведения и характер взаимоотношений персонажей вымышлены и являются плодом творческой фантазии автора, так что всякие возможные(?) совпадения, а также вероятные(?) аллюзии и неизбежные(!) трактовки целиком и полностью предоставляются постановщикам и отпускаются на усмотрение зрителей, буде таковые объявятся.

Действие происходит в архаические времена в ареале проживания Зদেশних и Тамошних Огузов – предков древних азербайджанцев.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ПРОЛОГ

Над колышущейся гладью степной полыни в всполохах зарницы сквозь грохот барабанов и рёв труб прорываются голоса.

Начальственный голос. Живо! Живо! Гости уже съехались!.. Сейчас Газзан выйдет к народу!!... Поторопитесь, олухи!... Куда прешь?! Забыл, что ли – белый шатер сюда, напротив зелёного...

Витиеватый голос. ... Какое величественное зрелище! Да возрадуются души предков! Живы, живы традиции! Сегодня вновь, в который раз наш хан Газзан все своё добро ... все богатство ... все благо, кроме благоверной своей супруги, конечно, венценосной Бурла Хатун, – отдаст на разграбление народу!

Ехидный голос. ... А куда он денется? Сказано: «Благо вождя – на благо народу!» Ох, и разгуляемся!.. Грабь – не хочу!!!

Предостерегающий голос. Кабы чего не вышло... Что-то не вижу гостей из братского племени Тамошних Огузов... Не позвать родного дядю на сабантуй – не к добру это, ой, не к добру...

Начальственный голос. Где черный шатёр? Черный, говорю, где? Ставь живее, что столпились, как бараны?! Ставь черный позади зелёного!!!

Простодушный голос. Скажи-ка, дядя, к чему на празднике черный шатёр? Он как-то не вписывается в разноцветье весеннего пробуждения...

Недовольный голос. Очередное новшество Газзана... Взбрендилось Великому Вождю собрать тех, кто родил сыновей, в белый шатёр, а тех, кому и так не повезло, кому Всемогущий Тенгри не дал сына,

велел сидеть в черном шатре...

Простодушный голос. И что? Достославные герои пойдут на этот позор?

Ехидный голос. А куда они денутся?! Против силы не попрешь! Подчинятся как миленькие!

Предостерегающий голос. Попридержи язык, болтун! Неприятностей захотелось?

Звонкий голос. Славься, славься, Огузский народ! Да пребудет в веках грозное имя Здешних Огузов!!!
Клинки остры, и кони наши быстры! Никому никогда не срубить Могучее Древо Огузов!!! Вур, эй! Вур,
эй! Вур, эй!!!

Задумчивый голос. Знать бы, чем всё это кончится?...

Ехидный голос. Кому надо, тот знает. Сказано: «Знающий знает про то, что знает, незнающему знание ни к чему...».

Испуганный голос. Оставь нас в покое, любезный, от тебя бедой пахнет!..

Начальствующий голос. Все по места-а-ам!

Рёв труб, пронзительный визг свирелей, бой барабанов, топот и ржание коней, лязг клинков и крики толпы поглощают голоса. Во внезапно наступившей пронзительной тишине звучит печальный голос Деде Гор Гута.

Голос Деде Гор Гута:

Куда подевались воспетые мною герои?

Убиты судьбою, укрыты землёю сырою...

Конец притязаньям, безумным желаньям, надеждам,

А мир этот бранный стоит – бесконечный, как прежде...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«...Сколько верёвочке не виться...»

Эпизод № 1

Жилище Газзан Хана. Сам хан нервно прохаживается, прислушиваясь к голосам снаружи. Входит Шер Шамсаддин.

Шер Шамсаддин. Мой хан, скоро соберутся все приглашённые. Говоря «все», я, конечно же, имею в виду Здешних Огузов, как, собственно, было обусловлено ранее. Все готово, в том числе и чёрный шатёр, будь он неладен...

Газзан. А что Тамошние Огузы? Есть новости? Как ведут себя: волнуются или... как?

Шер Шамсаддин. Никак. Всё спокойно. Во всяком случае, пока спокойно. Заварушка начнётся позже, мой хан, после всего...

Газзан. Начнётся, безусловно, начнётся. Что ж, рано или поздно, но мы должны посадить их на место. Будь, что будет. Чему быть, того не миновать (Декламирует) «Тому, что суждено случиться, не грозит случайность». Как сказано, а?! Золотые Слова!

Шер Шамсаддин. Сегодня Деде изрёк новые Слова...

Газзан. Совсем новые Слова? Возможно ли сие?

Шер Шамсаддин. Для него, мой хан, нет невозможного, ты же знаешь. Такие Слова изрёк, такие Слова... ну, просто заслушаешься...

Газзан. Что за Слова? Почему я не знаю?!

Шер Шамсаддин. Не успели доложить, потому как с пылу, с жару... Значит, так: речение новое посвящено судьбе... ага, судьбе и... и... сейчас вспомню ... брэнному миру, если не ошибаюсь... «Убиты судьбою...» Совсем новые Слова, ещё не выучил...

Газзан (нетерпеливо). «Убиты судьбою»? Ну, ну же... ну...

Шер Шамсаддин. «Убиты судьбою», именно так, «укрыты землёю сырою...»

Газзан. «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою»? Дальше.

Шер Шамсаддин. «А мир этот брэнный...», погоди, что же делает мир этот брэнный... (Вспоминает.) что же он, поганец, делает, а? Вспомнил! «Стоит»!

Газзан. Стоит?

Шер Шамсаддин. Стоит, мой хан, как прежде!

Газзан. Поразительно и восхитительно! И откуда только он берёт такие вот Слова? Ну как тут не восславить Всемогущего Тенгри, дарующего вдохновение создателю новых Слов!!! «Судьбою убиты»...

Шер Шамсаддин. «Убиты судьбою», мой хан...

Газзан. Да, да – «убиты судьбою»... «Укрыты»... Чем укрыты?

Шер Шамсаддин. «Укрыты землёю сырою»...

Газзан. ... «А мир этот бранный стоит бесконечный»...

Шер Шамсаддин. ... «как прежде»...

Газзан. «Как прежде!» Слава тебе, о, Небо! Срочно распространить эти новые Слова среди Здешних Огузов. Чтобы все прониклись великой мудростью нового речения! Ибо: всех нас убьёт судьба, всех без исключения, но вечно будет жить имя грозное О-о-г-у-у зз (Поперхнувшись, кашляет).

Шер Шамсаддин. Конечно, мой хан, без вопросов.

Газзан. Узнай, собрались наконец Здешние Огузы или нет!

Шер Шамсаддин. Ждем. Бей Рек вот-вот явится... если уже не явился. Пойду, взгляну.

Уходит.

Газзан. Всё тщетно. Тщетно. (Достает из кармана мешочек с самоцветами, перебирает их.) Делай, не делай, свершай, не свершай – всё канет в пустоту. Конец всего упирается... или опирается на смерть. «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою...» Какая глубина... Какой блеск... Какая красота... (Слышит шаги, прячет мешочек, застывает в задумчивости. Входит Шер Шамсаддин.)

Шер Шамсаддин. Хан мой Газзан!...

Газзан (словно очнувшись). Да, мой верный Шер!

Шер Шамсаддин. Все в сборе. Бей Рек в том числе.

Газзан. Что ж, идём.

Шер Шамсаддин. Минуточку, мой хан. Бей Рек настойчиво просит встречи с вами. С глазу на глаз. Говорит, есть важный разговор.

Газзан. О Тамошних Огузах ... каких-нибудь сообщений нет?

Шер Шамсаддин. Ничего, мой хан, всё тихо.

Газзан. Обманчивая тишина, ох, обманчивая!.. Так. Хорошо. Ладно. По-твоему, чего хочет Бей Рек? Что замыслил? Что за дело у него ко мне, да еще с глазу на глаз? А?!

Шер Шамсаддин. Я поинтересовался – молчит. А сам какой-то... расстроенный.

Газзан. Так. Ладно. Хорошо. Зови. Нет, погоди. Ты сказал – «расстроенный»? Так?

Шер Шамсаддин. Вроде как бы... Как это сказать? Какой-то он не такой...

Газзан. Пусть приходит. Только быстро. Гляди, солнце уже перевалило за холмы. Иди потом перекричи горлопанов... будут вопить: «Раз в год устраивают для народа праздник и тот не могут организовать по-людски». (Шер Шамсаддин выходит. Газзан один). Попробовали бы сами справиться с этой оравой! (Входит Бей Рек.) Добро пожаловать, Бей Рек! Узрел тебя – возвеселился!

Бей Рек – Рад видеть тебя в добром здравии, мой повелитель. (Преклоняет колено, воздевает левую руку, набирает полную грудь воздуха, декламирует ритуальное приветствие). О, Хан Газзан, эгей! Горы твои грозные-высокие – да не обрушатся. Древо твоё мощное-могучее, да не...

Газзан (обрывает его). Ладно, ладно, без церемоний... встань. Ну, что слышно? В смысле, что нового? Где ты пропадал, удалой молодец? Сказывают, спать ты ложишься у Здешних Огузов, а просыпаешься у Тамошних. Выходит, ты и нашим, и вашим? Ты глаз-то не прячь. Не прячь, говорю, знаю: за нас ты, за нас... А вот другая твоя сторона... с гнильцой оказалась. Имею в виду родственников жены твоей. Кстати, что слышно, что нового у родственников жены твоей, если ты понимаешь, о чём я?

Бей Рек. Вестей о Тамошних Огузах не имею.

Газзан. Так. Не имеешь, значит. Ладно. Слышал, небось, Тамошние Огузы не приглашены на традиционное разграбление.

Бей Рек. Не знаю, насколько верно пренебрежение роднёй, мой повелитель, славный Хан Газзан.

Газзан. Нет, дело не в этом. Думаю, надобно испытать их, проверить. Думаю, раскроют они нутро своё, выложат перед нами всеми истинные намерения свои. Ты-то как считаешь? Стоит испытать их?

Бей Рек. Сказано: в суровых испытаньях мужество потребно. Что же касается, скажем, Арруса – сколько его ни испытывай, всё тот же он Могутный Бранный Конь.

Газзан. Верно, верно говоришь. Так, именно так. Ладно. «В суровых испытаньях мужество потребно». Чьи это Слова, имею в виду, кто сказал? Деде?!

Бей Рек. Нет, мой хан, мои это слова, прости, коли не к месту сказано...

Газзан. Твои Слова? Так. Шаманить вздумалось?

Бей Рек. Что ты, повелитель! Куда мне до него?! А вот Аррус – твой родной дядя. Кому, как не тебе, знать его. Тебе и только тебе достоверно известен нрав его. Для всех остальных он – в тайну погружен и

тайною укрыт...

Газзан. Знакомые Слова. Ну, да ладно, слушай. Случилось это в твоё отсутствие, ну, когда ты был пленён кыпчаками. Помнишь?

Бей Рек. Как не помнить? Такое разве забудешь? Шестнадцать долгих-длинных лет томился я ... в...

Газзан (перебивает). Так вот. Собрались мы на большую охоту. Долгий предстоял нам путь, нелёгкий. Улучив момент, прямо при всех, дерзко-нагло спрашивает Аррус: «Кого оставишь верховодить ордой?» И глаз с меня не сводит. Отвечаю: «За меня останется брат мой Гара Гунн». А он промолчал, но отвернулся. И понял я: не от меня отвернулся Аррус. С того самого мига от Здешних Огузов отвратился Аррус. Такие вот дела. Ладно. Слово какое имеешь ко мне? Говори. Только, ради всего святого, побыстрому...

Бей Рек. Мой хан! Среди Огузов объявился шпион.

Газзан (рассеянно). Как? Среди Огузов объявился шпион, говоришь?!

Бей Рек. Именно так, среди Огузов объявился шпион...

Газзан. Скажешь тоже! Навет. Хочешь, однако, поделись с Шер Шамсаддином. Хотя, думаю, сейчас тебе под каждым кустом чудится шпион. Не обижайся, я имею в виду, что годы плена... слегка изменили тебя...

Бей Рек. Мой повелитель. Эту тайну мне раскрыли именно там – в подземелье крепости Байбурд. Я тоже не сразу поверил. Тоже счёл это вражеским наветом. Но потом вдумался, гляжу – не-е-ет, не навет, а чистая правда.

Газзан. Скорее – горькая правда...

Бей Рек. Именно так – горькая правда...

Газзан. А имя шпиона, конечно же, не назвали... Да они просто дурили тебя... скорее всего. Забудь, клевета это, причём самая что ни на есть наглая. Всё. Уходим.

Бей Рек. Мой повелитель, погоди. Помнишь, ты отправился в поход – неприятель тут же прознал про это. Налетел, разграбил кров твой, разорил очаг. Скажешь, не было этого?! Не увели в полон сына твоего, жену и мать твою в конце концов?!

Газзан (ревёт). Шер Шамсаддин!!!

Шер Шамсаддин появляется мгновенно.

Шер Шамсаддин (с поклоном) Мой хан...

Газзан. Шер Шамсаддин, передай народу, чтобы начинали грабить без меня. Скажи, пусть войдут в моё жилище, и каждый пусть возьмет то, что ему приглянется. Ибо не мне принадлежит всё это богатство, всё это золото, парча, оружие и камни драгоценные – не что иное есть, как народное добро, так пусть к народу же и возвращается оно. Пусть подтвердится то, что верность и приверженность обычаям всосал я с материнским молоком. Ступай!

Шер Шамсаддин. Будет исполнено. (Бей Реку) Прошу, мой хан Бей Рек...

Бей Рек. Мне ни к чему добро и ценности Газзана, когда я жизнь свою готов пожертвовать ему! И камень, брошенный в него, в своём полёте встретит прежде голову мою! И если не пойду на смерть, когда пошлёт меня Газзан, последней буду... последним буду... Короче, я всегда и везде говорил, говорю и буду говорить то, что вы слышали!!!

Газзан. Бей Рек, Бей Рек, угомонись. Так. Ладно. Шер Шамсаддин, ты ступай. Мне есть о чём поговорить с Бей Реком. А гостям скажи, что мы непременно явимся к пиршественному столу. Ты понял, о чём я?!

Шер Шамсаддин. Мой повелитель, клянусь Небом, я тоже не из тех, кто зарится на твоё добро...

Газзан. Шер Шамсаддин!!! Ты что, извести меня хочешь?! Ступай! Скажи народу, чтобы начинали грабёж!!! Слышишь?!!

Шер Шамсаддин. Да, повелитель, слышу. (Уходит).

Газзан. Такие вот дела, брат. Так, говоришь, шпион? (Задумывается, что-то перебирает в уме, подсчитывает, загибая пальцы). Так. Слушай, Бей Рек! Среди Огузов объявился шпион!

Бей Рек. Именно так, мой повелитель, именно так. Мне бы твою пронизательность!

Газзан. Ах он, выблядок! Ах, подонок! Ах, тварь! Подлец! Кто же он? Кто он, Бей Рек, скажи мне, поведай! Кто шпион?! Что тебе открыли в казематах крепости Байбурд? Кто продаёт нас врагам нашим? Кто продает Отечество за презренное золото? Кто? Кто? Среди Огузов объявился шпион... Среди Огузов объявился шпион... Кто бы мог подумать? Я, конечно, подозревал, что в последнее время всё идёт как-то не так, но чтобы шпион!!!

Бей Рек. Да уж...

Газзан. Так. Все ясно. Ты тоже подумал об Аррусе? Говори, что думаешь? Что подозрительно в его поведении? Говори же!

Бей Рек. Вроде он как-то не совсем так ведет себя. И говорит всякие такие слова. Мол, кто такой этот Газзан. Мол, мы не уступаем ему ни в родовитости, ни в удали, ни в мудрости...

Газзан. Знаю, знаю. Говорит. Говори-и-ит... Все эти слова он не просто говорит, он втягивает их в

головы своих воинов. Вот почему их нет среди нас сегодня. Ты понимаешь, о чём я? Или думаешь, мне не доносят?

Бей Рек. Что ты, мой повелитель, ты знаешь обо всём.

Газзан. А то как же? Даже не сомневайся. (Задумывается.) Видишь ли, Бей Рек... Оно, конечно, Аррус дрянь еще та, но... Нет, шпионить Аррус не станет. И вот ещё что: ведь шпион предавал не только Здешних Огузов. Шпион пакостил и Тамошним Огузам. Не так ли?

Бей Рек. Выходит, что так. Мудрость твоя, мой повелитель, уступает только твоей же прозорливости.

Газзан. Что ты имеешь в виду? (Соображает) Ну, да... ну, да... Так. Аррус повинен в другом, Бей Рек. Аррус заговорщик, это верно. Но Аррус не может быть шпионом. Ладно. Давай-ка мы сделаем так: мы возьмём и пошлём за Деде Гор Гутум. Пусть он явится и объявит нам, кто шпион, а кто не шпион. Кому, как не ему, знать про шпиона? Объявит, и дело с концом. Раз-два... и готово.

Бей Рек. Именно так, мой хан, именно. Знать всё – это его прямая обязанность. Вы приняли единственно верное решение!

Газзан. Знал бы ты, как утомительно бремя принятия решений! А слава приписывается Деде Гор Гуту. Ладно. Об этом потом. Идём, идём поглядим, что мы имеем, что потеряли в этом бренном мире. Все мы странники, Бей Рек. Все в землю ляжем. «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою...» И дело с концом... «А мир этот бранный стоит, бесконечный, как прежде...» Я тут давеча слегка перегнул, ты не шибко бери в голову. Понимаешь, о чём я? Безусловно, только и только Деде Гор Гут достоин славы мудрейшего из мудрых. Вот послушай, это из его последнего речения: «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою... А мир этот бранный стоит, бесконечный, как прежде». Каково, а? То-то и оно! Идём, Бей Рек, идём. «Убиты судьбою...» Выходит, среди Огузов мог объявиться шпион? Шпион... Что ж, объявился, так объявился... Но и мы-то не промах. Мы ещё покажем недругам нашим силу карающей десницы нашей. Но сначала надо разобраться с внутренним врагом, как ты считаешь? Скрытый враг опасней явного неприятеля... Шпион!... Как обухом по голове! Шпион объявился... Да чтоб ты...

Уходят.

Эпизод № 2

Вечер того же дня. Газзан в напряженном ожидании. Входит запыхавшийся Шер Шамсаддин.

Газзан. Разъехались?

Шер Шамсаддин. Разъехались, мой хан.

Газзан. Довольны?

Шер Шамсаддин. Довольны, мой хан, все очень довольны. С чего бы это им быть недовольными? Растащили все, что смогли унести. Главное, что Всемогущий Тенгри благосклонен к тебе! Что касается меня лично, хозяин, я, как бы это сказать... ничего себе не позволил, пальцем, так сказать, не коснулся... чтоб ты знал...

Газзан. Позови Бей Река. И сам приходи. Знаю я тебя...

Шер Шамсаддин. Благодарствую, хозяин. Будет исполнено.

Выходит.

Газзан (один, репетирует речь). Как бы там ни было, разговоры про шпиона не беспочвенны... не пустой звук. Безусловно, надо принимать меры. Так. Значит, среди Огузов объявился шпион. Всё, что угодно, можно было ожидать от Огузов, но такое!.. Ладно. Вот награда за все мои труды и бдения! Хорошо. Наказание... кара неизбежна, клянусь Небом! Доколе...

Входят Шер Шамсаддин и Бей Рек.

Проходите. Садитесь. Оба (Рассаживаются.). Разговор предстоит долгий. Так. Шер Шамсаддин!

Шер Шамсаддин (вскакивает). Слушаю, хозяин.

Газзан. Сиди, сиди. Знаешь ли ты, что сообщил мне Бей Рек?!

Шер Шамсаддин (вскакивает). Не знаю, хозяин. Мне он ничего не сказал.

Газзан. Да сиди ты! Так вот – я тебе говорю: среди Огузов объявился шпион!

Шер Шамсаддин. Как, как?

Бей Рек. Так, именно так.

Газзан. Среди Огузов объявился шпион, Шер Шамсаддин! Куда твои глаза глядели, Шер Шамсаддин?! Ты, чем ты занимался, Шер Шамсаддин?!

Шер Шамсаддин. Шпион? Среди нас? Среди Огузов? Невероятно! Уму непостижимо. Даже не знаю, что и сказать... (Бей Реку) Шпион? Объявился?

Бей Рек. Так, именно так.

Шер Шамсаддин. Право, не знаю...

Газзан. А должен бы знать! Не Бей Рек должен был сообщить мне об этом, а ты. Ты, Шер Шамсаддин! Ты же мой хлеб ешь! Ты же мой человек! (После многозначительной паузы.) Так дела не делаются...

Шер Шамсаддин (вскакивает) Мой повелитель! Клянусь немеркнущим светом Всемогущего Тенгри. Клянусь мудрейшей головой хана всех Огузов сиятельного Байандур Хана, клянусь дражайшим здоровьем твоим, клянусь святым Словом Деде Гор Гута, клянусь матерью... не знал я!

Газзан. А должен бы!

Шер Шамсаддин. А может, всё это... слухи? Враги распускают?... Вроде как бы... в целях провокации... Всё может быть...

Газзан. Никакие не слухи. Верняк. Говори, Бей Рек.

Бей Рек (встаёт). Мой повелитель...

Газзан. Сиди.

Бей Рек (садясь). Благодарствую. Итак, мой повелитель. Впервые про шпиона я услышал в заключении... в заточении, ну, вы знаете – в подвалах крепости Байбурд. Дело в том, что у наместника крепости была прелестная дочь, и она... и я... и мы... как бы это сказать... между нами... прошу прощения... как это бывает... мне неудобно говорить об этом, но вы понимаете... в общем, мы были слегка близки... Так вот, она-то систематически и детально рассказывала мне обо всем, что происходит на воле, то бишь среди Огузов...

Газзан (Шер Шамсадину) Слышишь? Систематически и детально! Они знали про нас всё и нападали в самые благоприятные для них моменты! Ты понимаешь? Ничего не понимает.

Шер Шамсаддин. Понимаю, мой повелитель, понимаю. Но с чего бы ей откровенничать с заключённым... с узником?

Газзан. Говори, Бей Рек.

Бей Рек. Ясное дело, в благодарность за... ну, за это самое, о чём мне неудобно говорить. И потом, она была уверена, что я пожизненно... навечно заключён в крепость...

Газзан (Шер Шамсадину). На это что скажешь?

Шер Шамсаддин. А кто сообщал им про нас?

Газзан. Говори, Бей Рек.

Бей Рек. Увы, как ни старался, имени шпиона выведать не смог. Долго голову ломал, ничего не надумал. И если честно, я тогда не очень-то придал этому значения...

Шер Шамсаддин. А с чего вдруг сейчас ты вспомнил про шпиона?

Газзан. Говори, Бей Рек.

Бей Рек. Да всё с того, что в последнее время меня стало смущать поведение Тамошних Огузов. Сопоставил факты, да палец так и прикусил. Ну, думаю, без шпиона тут не обошлось. И сразу же к хану нашему явился.

Шер Шамсаддин. Это же голые предположения... Как бы – личные подозрения...

Бей Рек. Вот пусть хан и рассудит

Газзан. Уже рассудил. Так. Первое. Что касается тебя, Шер Шамсаддин – если ещё раз подобное сообщение доставит мне кто-то другой, а не ты – обижайся на себя!

Шер Шамсаддин (становится на колени) Головой клянусь, хозяин, собственной головой!

Газзан. Ладно. Так. Второе. Среди Огузов объявился шпион – кто он? – ни ты, ни Бей Рек не знаете. Так? Так. Но кто-то должен знать! Так?

Бей Рек. Так, именно так!

Газзан. Предлагаю вызвать Деде Гор Гута. Как считаете? В силу сложившихся обстоятельств его присутствие крайне необходимо... Пусть явится и скажет свое веское Слово!.. Он же, как никак ... этот... как его там... ага, Ведун, следовательно, ведомо ему то, что не ведомо ни тебе... и ни тебе... Тайна сия великая есть... только ему по силам распутать эту заморочку... если вы понимаете, о чём я.

Бей Рек и Шер Шамсаддин. Понимаю, мой повелитель!

Газзан. Вот и славно. (Шер Шамсадину.) Найди его.

Шер Шамсаддин. Деде?! Но как? Никому не ведомо, где он обитает. Появляется внезапно ... когда считает нужным... изрекает Вещие Слова и... так же внезапно исчезает... Куда – кто его знает?!

Бей Рек. Именно так... Вот в чём загвоздка...

Газзан. Что бы вы делали без меня?.. Ладно. Шер Шамсаддин! Поди принеси мою шкатулку с заветным волоском...

Шер Шамсаддин выходит.

Бей Рек. Что это за шкатулка с заветным волоском, хозяин?

Газзан. Когда был избран я на ханство всенародно, и повелитель всех Огузов, мой тесть, Хан Байандур вручил мне символ власти – Бунчук Священный, Отец народа, вещий прорицатель, шаман и демиург Деде Гор Гут на власть благословил и принародно мне вручил шкатулку с этим самым волоском. А на ухо шепнул: ты не особенно-то расслабляйся, мир полон неожиданностей и не всегда приятных... В случае чего – сожги этот волосок, я тут же явлюсь, помогу, чем смогу. Вот случай и представился. Шибко интересно, получится или ... как?

Входит Шер Шамсадин со шкатулкой и тлеющей головешкой.

Бей Рек. Должно получиться...

Газзан (Шер Шамсадину). Давай сюда. Так. (Открывает шкатулку, копается в ней.) Ага, во-о-от он, да длинный какой и белоснежный, не иначе как из шкуры снежного барса. Раздуй огонь. Так. Хорошо. Начнем, благославясь. С именем великого Тенгри, дарующего нам огонь и влагу, которые... (Не договаривает, ибо волосок воспламеняется, и после яркой вспышки наступает крошечная тьма. Когда же снова возвращается свет, ослеплённые герои не сразу замечают Деде Гор Гута, возникшего между ними. Чудесное явление слегка потрепало Деде: длинные белые волосы его растрепались, в бороде и усах застряли соломинки)

Газзан (замечает Деде). Отче... неужели явился?

Деде (вычёсывая бороду). Не видишь, что ли? Вызвал, я и явился. Иль не верил?!

Бей Рек. Я... я... много чудесного видел я. Такого я не видел в жизни.

Шер Шамсадин. Я... а я... и я... как он...

Газзан (слегка оправившись). Отец наш и оплот Деде Гор Гут! Добро пожаловать! «Хош келдин» и так далее... (Преклоняет колено, воздевает левую руку, правой берёт руку Деде, трижды целует её и прикладывает к глазам. При этом шепчет...) Деде... только острая необходимость вынудила потревожить тебя... А так бы – ни за что... Ты, конечно, понимаешь, о чём я... (Встаёт, отвечает глубокий поклон.) Благословен будь твой приход. (По знаку Газзана присутствующие совершают ритуальное приветствие и застывают в поклоне.)

Деде. Садись, Газзан.

Шер Шамсадин (не разгибаясь). Мне выйти?

Бей Рек. Может, мне подождать снаружи?

Газзан. Отец?

Деде. Нет, почему же? Пусть и они подойдут поближе. Садитесь. (Все рассказываются, Деде всматривается в Бей Река). Уж ни Бей Рек ли ты? (Бей Рек вскакивает и застывает в поклоне.) Точно, Бей Рек... Удалой Бей Рек... Садись, герой. (Всматривается в Шер Шамсаддина.) Погоди, погоди, сейчас узнаю... Ган Тур Альый... нет, нет, Басат ... нет, на Басата тоже не похож... Тьфу ты! Да это же Шер Шамсадин... Старость не радость... Ты ли это, Шер Шамсадин?

Шер Шамсадин (вскакивает, застывает в поклоне.) Я! Я это, Деде! Я! Деде узнал меня, слава великому Тенгри... Что же касается старости, Деде, какой же ты старик? Я в том смысле, что ты вечно молодой, ты и теперь моложе всех... прошу прощения... молодых!

Газзан. Так. Ладно. Попрошу не отвлекаться. Дело больно щепетильное. Деде, знаешь, почему я осмелился потревожить тебя?

Деде. Знаю, Газзан, знаю. Среди Огузов объявился шпион.

Газзан. Откуда знаешь? Ничего себе, кроме меня одного, всем всё известно. Ладно. Хорошо... (После паузы) О! Когда б ты знал, как огорчило нас сие известие! Что делать нам? Кого подозревать?! Кого схватить, казнить и не помиловать?! Не знаем мы! Поведай нам. Тебе лишь одному дарует Небо вдохновение! Открыто всё тебе вообще и мир потусторонний в частности. Лишь ты рассказываешь нам под перебор печальных струн гопуза чарующие были-небылицы. Лишь ты один нанизываешь перлы слов на нить повествования так, что слушатели верят не умом, но сердцем... Лишь ты... Ты... как его там... Ладно. Скажу прямо и откровенно... Первый раз в жизни говорю: ты единственная наша надежда. В том смысле, что на тебя одного надежда, Деде. Неприятно как-то знать, что среди нас объявился шпион...

Деде. Еще бы, конечно, неприятно. И недостойно Огузов. Ибо пятнает светлое имя рода-племени. Против правды не попрешь... Горько нам, горько...

Газзан. Деде, кто он! Я имею в виду шпиона... Никто, кроме тебя, не скажет правды!

Деде. Ты спрашиваешь – кто шпион? Так?

Бей Рек. Именно так, Деде. Хан Газзан абсолютно верно ставит вопрос. Кто шпион?

Шер Шамсадин. Кто шпион? Положение сложное, Деде, сам понимаешь...

Деде. Так вы спрашиваете – кто шпион... Как я понимаю, вы хотите знать, кто шпион... Боюсь, что, узнав имя шпиона, вы так расстроитесь, что пожалеете о своей настойчивости.

Газзан. Нет, Деде, речи об этом быть не может. Повторяю со всей ответственностью: мы должны знать именно сейчас... Во имя грядущей безопасности Огузов... А грядущее – это... это... Ну, да ты сам знаешь... В общем, говори, Отец, говори!

Деде. Да-а-а, припер ты меня к стене, Газзан. Что ж, будь по-твоему. Слушай же! Есть среди Огузов женщина по прозвию Брюхатая. Не делайте наивные глаза, не притворяйтесь: вам и только вам обязана она прозвищем своим – «Брюхатая от сорока любовников блудница». Вспомнили, поди?! По молодости лет желанною была, хотя красавицей особой не слыла и обрюхатить мог её любой, кто был на то способен. Но, увы! Родить смогла лишь одного ребёнка – сына родила от блуда Брюхатая блудница. И нерастраченную нежность, ласку, любовь и все свои надежды на сына обратила бедная женщина. И без отца, чьё чадо перед нами, а имя неизвестно, растила, как могла она. Я тайну открываю днесь, владей и пользуйся, Газзан... (После паузы.) Сын Брюхатой – вот кто шпион. Знайте.

Газзан. Сын Брюхатой – шпион?! (Деловито.) Шер Шамсаддин!

Шер Шамсаддин. Слушаю, хозяин.

Газзан. Сейчас же возьми Бей Река, найдите мне этого ублюдка и бросьте его в яму. Я сам буду судить его. Да, до поры, до времени шума не поднимайте. Я имею в виду, чтобы никто ничего не прознал. Верно, Деде?

Деде. Я своё дело сделал. Теперь и вопросы ставить будешь ты сам, и ответы на них будешь искать сам, только сам. (После паузы) Зря, ох зря принудил ты меня открыть тайну...

Газзан (подручным). Чего застыли? Выполняйте! (Бей Рек и Шер Шамсаддин уходят.) Зря, говоришь, Отец? Почему – зря?!

Деде. Газзан...

Газзан. Что?

Деде. Какое наказание грозит несчастному?

Газзан. Несчастному? С чего это вдруг он стал несчастным? На этом негодяе кровь многих достославных героев. Из-за него я чуть не потерял единственного сына... Предатель и вдруг – несчастный... Как-то не вяжется – ты, конечно, понимаешь, о чём я...

Деде. Понимать-то понимаю... И всё же – несчастный...

Газзан. Опять ты за своё, прошу прощения за резкость. Что же касается наказания – пока не знаю, но думаю, что этот «несчастный» достоин такого наказания, чтобы впредь другим неповадно было шпионить. Его наказание послужит уроком всем врагам – как внешним, так и внутренним.

Деде. Боюсь, как бы тебе не пришлось взять свои слова назад.

Газзан. Ни в коем случае, никогда! Ты же меня знаешь!

Деде. Я тебя хорошо знаю.

Газзан. Мы накажем его всем миром. Шер Шамсаддин накажет. Бей Рек накажет. Бекил накажет. В

конце концов – Аррус накажет. Я сам лично накажу его. Будь уверен, Отец.

Газзан. Да не ослабнет в битвах мощная твоя десница. Я ухожу. И всё же... зря ты вызвал меня, Газзан, ох, зря...

Газзан. Это будет первый и последний шпион среди Огузов. А это, как ты сам понимаешь, залог наших грядущих побед. Грядущее Огузов...

Деде. Я ухожу. Лишь бы тебе не пришлось раскаяться.

Делает руками пассы, исчезает.

Газзан. О, Небо! Исчез. Опять исчез. (Кричит в пустоту.) Никогда! Никогда не придётся раскаиваться мне в делах и свершеньях моих! Особенно в этом деле! Так. Ладно. Единственный сын Брюхатой. Попадешь ты мне в руки. Ты мне за всё ответишь. Сдохнешь ты и сгниёшь, как и все враги Огузов. (Становится на колени.) Да будет к нам благосклонно Небо! Сохрани в славе грядущие дни Огузов, о, великий Тенгри! (Встаёт с колен.) Но только со мной, слышишь ты, со мной.

Посмеиваясь, уходит.

Эпизод № 3

Жилище Брюхатой. Сама она, сидя на корточках, перешивает пестрое лоскутное одеяло.

Брюхатая. Не к добру, ой, не к добру... Чует моё сердце... недаром с самого утра ноет... ноет... Ой, беспокойно мне... очень... очень беспокойно... Слово конца света близится... или что-то ещё хуже... Никогда со мной такого не было... Не билось так сердце... сама с собой не разговаривала... Что за напасть – единственного сына растить... Куда пошёл, где запропастился? Уйдёт и не скажет, а ты сиди и гадай... И где искать – не знаешь, и сил тех уж нет, чтобы броситься на поиски. (Стук в дверь.) Уже ночь за полночь, кого принесла нелегкая? Чур... чур меня, сердце обрывается от страха. Не открывать, что ли? (Стук в дверь.) Кто там? (Подходит к двери.) Кто стучится в мою дверь?!

Как всегда, внезапно и ниоткуда в комнате появляется Деде Гор Гут.

Деде. погоди. Не спеши. Дверь, говорю, не спеши открывать.

Брюхатая. Ой, тошно, мне! Кто это?.. Кто? А? Кто?

Деде. Я это, я. Успокойся.

Брюхатая (вглядывается). Деде?! Ты ли это?!

Деде. Узнала наконец...

Брюхатая (преклоняет колени, воздевает левую руку). Отец наш Гор Гут, эгей! Горы твои грозные-высокие...

Деде (поднимает её с колен). Довольно, сейчас не до церемоний... Отойди от двери... Не бойся...

Брюхатая. Так стучат же... Неровен час выломают дверь. Кого это принесло на ночь глядя, не знаешь? (Опомнившись, снова бухается на колени, хватая руку Деде, целуя, бормочет.) Светлые-пресветлые воды твои... да не оскудеют... не высохнут... воды ...

Деде. Да перестань ты, наконец, вот наказание (Делает пассы, стук прекращается). Идя сюда. Сядь. Выслушай...

Брюхатая (прислушивается). Ушли, что ли?

Деде. Никуда они не ушли. Я приостановил их время.

Брюхатая (не слушая его). А вдруг вернуться?

Деде. Да чтоб тебя! Не ушли они. Застыли... замерли на время.

Брюхатая. На какое время?

Деде. Тьфу ты, мать честная! Сидеть! (Брюхатая садится.) Слушай, баба ты стоеросовая! (Брюхатая прикладывает руку к уху.) Не лясы точить с тобой явился я сюда. Слушай внимательно.

Брюхатая. Слушаю, Деде, слушаю. Не нервничай, в нашем возрасте это вредно...

Деде. Слушай! Ребёнок в беде!

Брюхатая. Ребёнок? Какой ребёнок? Чей ребёнок?

Деде. Твой. Единственному сыну твоему грозит беда великая!

Брюхатая. Ой, лихо! Чужло мое сердце! Опять о нем ни слуху, ни духу! Что с ним? Где он? Скажи, Деде,

открой, Деде, сердце моё успокой, Деде!.. (Становится на колени.)... Воды твои светлые-пресветлые...

Деде. Опять ты за своё! Не время сейчас. Знай: сын твой единственный недругом стал для Огузов. Не сносить ему головы – за ней явились те, за дверью.

Брюхатая (вскакивает). Что-о-о? За что-о-о? Что он натворил такого?! Не может быть!! Подставили дитячко мое единственное лихие людишки, подставили! Напраслину возвели, подлые! Оклеветали дитячко моё ненаглядное... безответное... бесталанное!.. Ой, да что же это такое! Ой, да что же за напасть! Дитячко мо-ё-о-о-о! (Воет.)

Деде. Прекрати... Не время выть...

Брюхатая (заполюшно). Не жить мне, Деде, не жить! Ооо-о-о!

Деде. Молчать! (Брюхатая мгновенно умолкает). Напраслина, говоришь? Как бы не так: Газзану достоверно известно, что сын твой шпионил против Огузов. И ты знай: правда это. Скоро, очень скоро всех известят. (После паузы.) Да, вот ещё: я тут ни при чём и ничего поделывать не могу... Вот.

Брюхатая. Так это по его душу явились незваные ночные гости... Пришли схватить, руки заломить, скрутить, на голову мешок и в ночь, как стерво, утащить... (Жестко.) И ты ничего поделывать не можешь. Как же, это не ты ли подкидывал сыночка вверх, не ты приговаривал «чадо, чадушко моё». Или я что-то путаю? Не ты ли говорил, что этот...

Деде. Да погоди ты! Выслушай до конца, имей терпение! Надо что-то предпринять. Предпринять надо что-то. Если что-то не предпринять – беды не миновать. Сына твоего... сына твоего схватят и бросят, как принято, в яму. Суд показательный устроят, а наказание – в назидание другим – будет ужасным...

Брюхатая. Что за страшные, холодные, тяжёлые слова уста твои изрекают, Деде? О ком ты так спокойно говоришь – уж не о сыне ли моем единственном? Тебе ль не знать, как я молила небо, как жаждала и как в награду за все мучения и унижения я сына обрела?! Не ты ль, шаман великий, способствовал тому? И что теперь? Что делать мне? Заветнейшую тайну, которую я двадцать лет в своей утробе, как могла, хранила, мне изрыгнуть? Чтобы узнали все Огузы, чей это сын?! (С угрозой.) Или вместе откроем тайну – ведь тебе, Деде, достоверно известно, кто отец моего сына.

Деде. Лишь мать ребёнка знает, кто зачал его...

Брюхатая. Это точно... А надо ль знать об этом всем?..

Деде. Послушай меня, женщина. Ты же неглупая. Выслушай меня до конца, не заводись. Я пришел к тебе, чтобы... помочь... посодействовать Из любого безвыходного положения есть выход, надо только суметь воспользоваться им. Слушай сюда. Исполнишь в точности всё, что скажу – избежишь беды. Не бойся. Все будет хорошо. Тайны не для того существуют, чтобы их раскрывать. Тех, кто тайны раскрывает, ждёт...

Брюхатая. Все, что скажешь, всё, что прикажешь! Ты только путь мне укажи – не сверну с него! Будь

так, как ты говоришь – ребёнок мой, мой, только мой, больше ничей. Лишь бы оставили в покое дитя моё единственное! Нет вины на нём, Деде, ты же знаешь – не может мой сын быть шпионом!

Деде. Твой сын... твой сын шпион, женщина, не спорь, это доказанный факт. Но дело сейчас не в этом. Надо спасти его от наказания. Существует один-единственный путь спасения. Догадываешься, о чём я?

Брюхатая. Не совсем. Что это за путь, Деде? Укажи мне его, спаси и сохрани! В долгу не останусь.

Деде. Не болтай глупости! Слушай: сына твоего непременно схватят. Бросят в яму. Будут готовить судилище. Ты пойдёшь к Газзану, пойдёшь к Шер Шамсадину, Аррусу, Бекилу. Поговоришь с каждым с глазу на глаз, только с глазу на глаз. Слушай внимательно. Каждому скажешь...

Тишину разрывает грохот взламываемой двери. Грохот заглушает слова Деде Гор Гута, который торопливо договаривает на ухо Брюхатой и делает пассы. Исчезает. Брюхатая садится на корточки и сосредоточенно дошивает одеяло.

Эпизод № 4

Внутренние покои жилища Газзана. Газзан в полудрёме возлежит на подушках. Неслышным шагом входит Бурла Хатун, крадучись подбирается к мужу.

Бурла Хатун (таинственным шёпотом). Шпион – Аррусссс.

Газзан (сквозь дрёму). Нет. Сын Брюхатой.

Бурла Хатун (прежним тоном). Это дело рук Аррусааа...

Газзан (Брюхатой). Преступная группа – мать и дитя. (Очнувшись, видит жену.) А? В чем дело?

Бурла Хатун. А в том, сокол мой ясный, отрада очей и услада души моей, что больно часто ты стал произносить это имя.

Газзан. Какое имя? О чём ты?

Бурла Хатун. Да всё о том, голубь ты мой сизокрылый, всё о том. Не глухая – слышу, не слепая – вижу: произнесёшь это имя раз, из глаз десяток сыплется!.. Что, конь ты мой буланный, молодость вспомнил? Гарцуешь?

Газзан. Кто? Я?

Бурла Хатун. А то я?! Думаешь, забыла, как ты ночами бредил этим именем?

Газзан. Каким именем?

Бурла Хатун. Да всё тем же! Иль вслух произнести?! Блудодей!!!

Газзан. Что ты болтаешь? И это подруга жизни... Ну, сколько можно ворошить старое, мы же закрыли этот вопрос, госпожа ханша! Сколько лет прошло, а ты... Не ожидал. Вот сейчас она почувствует всю тяжесть карающей нашей десницы. Не об этом ли ты мечтала, душенька?!

Бурла Хатун. Говори, говори, сказать можно всё, что угодно. Нет, дорогой, не об этом я мечтала. Послушай меня: шпион не её сын. Шпион не её сын. Шпион твой дядя Аррус. Аррус и никто иной...

Газзан. За что? За что? За что? За что мне это наказание? С утра пораньше... других тем нет, что ли...

Бурла Хатун. Что, не нравится?

Газзан. Супруга ты моя благоверная, мать детей моих! А вот как встану я да со своего-то места, да как возьму да в руку правую, руку тяжелую плеть свою семихвостую! Да как пройду-прогуляю да ею по спинушке твоей да по заднице! Слушай, не выводи меня из себя... Оф-ф! Знай: сам Деде Гор Гут сказал. Деде Гор Гут! Я тут ни при чём. Вчера пришёл.. нет, возник Деде и прямо сказал: шпион её сын.

Бурла Хатун. Когда это было? Я как-то не заметила.

Газзан. Не веришь мне, спроси у Шамс ад-Дина... Он был при этом...

Бурла Хатун. Вот ещё! (Резко меняет тон, ласково.) Послушай, Газзан. Всё-таки... жалко её... эту несчастную женщину. Что ты так уставился? Да, мне жалко Брюхатую. Как-никак и она мать... «Весь мир пред матерью в долгу» – так говорил Деде Гор Гут, верно ведь?! Так почему никто не спешит вернуть нам долги? (Взрывается.) Кто вернёт мне долги?! Когда?!

Газзан. Опять ты за своё! Не болтай глупости, женщина! Кто тебе должен? Ладно. Кто отказывается от долгов своих?! О чём ты?! Вот, к примеру, именно по твоему настоянию я не пригласил на прошлый праздник дядю Арруса...

Бурла Хатун. Это я-то настояла?! Ладно. Так. Хорошо. Слушай же, муженёк, и знай: это твой родной дядя Аррус зарится на трон твой! Это твой родной дядя Аррус зарится на твой бунчук и власть над всей ордой! И мы ещё должны его в дом свой пускать?! Грабь – не хочу?! Известно мне из первых уст: дядя твой Аррус постоянно наговаривает на тебя отцу моему, интригует, во что бы то ни стало хочет сделать сына своего Басата предводителем орды. Понимаешь, о чём я?!

Газзан. И что отец?..

Бурла Хатун. А что отец? Совсем старый стал, силы уже не те...

Газзан. Не темни! Что сказал отец?

Бурла Хатун. Сказал – «посмотрим...» Да что ты пристал к папе?! Что тебе от него надо?!

Газзан. Мне?! Мне, несчастному?! Ничего мне от него не надо!.. Так. Ладно. «Посмотрим...» Что ж, теперь я знаю, что мне надо... Я ещё покажу Аррусу! Жаловаться на меня? Ладно. Папа... Дядя... Тьфу!

Бурла Хатун. Он только тем и занят, что настраивает против тебя Тамошних Огузов. Просто так всё это не кончится, супруг мой, тут межусобицей пахнет, расколом пахнет, войной...

Газзан. Что ж, пахнет, так пахнет. Я тоже не кто-нибудь – имя моё Газзан! Могучая птица Салур осеняет род наш своими крылами, ей мы поклоняемся, на неё уповаем в битве кровавой. Война – так война. Очистимся от внутренних врагов, тогда и одолеем внешних недругов. Грядущее...

Входит Шер Шамсадин.

Шер Шамсадин. Хозяин, там Брюхатая просит принять её. Слово, говорит, важное имею, скажу, говорит, только Газзану и только, видите ли, наедине.

Газзан. Какое такое «важное слово»? Да ещё наедине... У меня ни от кого секретов нет. Небось, умолять пришла, кланяться. Ясное дело. Подумаешь, «важное слово». Зови.

Бурла Хатун (в ярости). Мне здесь делать нечего! Оставайтесь наедине, обменивайтесь важными словами!! Вспоминайте былые... любовные утехы!!! Может полегчает!!! А я, несчастная, стопы направлю к папе моему и припаду в слезах к ногам его, и поделюсь позором, которым ты покрыл меня, Газзан. Ты... А ты... Пускай по ветру черному всё то, что было между нами! Что ж, продавай меня за грош, как будто я коза какая... Газзан, ах, Газзан! И если я коза, то кто же ты?! (Выбегает)

Газзан. Чтоб ей пусто было! Мне это надо? (Шер Шамсадину.) А ты что застыл, как истукан? Надо было тебе – при ней? Зови эту стерву! Не понял? Брюхатую, говорю, зови!!!

Бурла Хатун (в дверях). Вот так вот, да?! «Зови», значит?! Ладно. Будь ты хоть трижды Газзан, но я-то не кто-нибудь, я дочь Верховного Хана Всех Огузов Байандур Хана! Увидишь!! (Исчезает.)

Газзан (Шер Шамсадину). Ты ещё здесь? Ступай. Нет, погоди (Прислушивается, ждёт. Снова врывается Бурла Хатун, но не успевает она и рта раскрыть, как Газзан хватается плеть и замахивается на жену. Бурла Хатун убегает.)

Шер Шамсадин. Хозяин...

Газзан (кричит вслед жене). Не буди во мне зверя, женщина! Уходи! Уходи, куда хочешь! Дай мне заняться делами! (Шер Шамсадину.) Зови Брюхатую! Погоди. Скажи, как там... в яме... ведёт себя её сын? Что делает, что говорит?

Шер Шамсадин. Ничего не делает, ничего не говорит.

Газзан. Как так?

Шер Шамсаддин. Я в том смысле, что как лег ничком, так и лежит, не двигается – ни ест, ни пьёт и по нужде не просится. Молчит, из ямы только слышится его тяжелое дыхание – вдох, выдох, вдох, выдох...

Газзан. Так. Ладно. Как по-твоему: чего этой бабе нужно от нас? Она же прекрасно знает, что предателям, шпионам в том числе, пощады нет и быть не может. Слово важное имеет... На хрена мне её слово? Ладно. Иди. Нет, погоди. Всё-таки что она собирается сказать, как ты думаешь?

Шер Шамсаддин. Право, не знаю, что и думать, хозяин... А не прогнать ли ее вообще на

Газзан. Нет. Зови. Послушаем, что скажет. (Шер Шамсаддин выходит, тут же врывается Брюхатая.)

Брюхатая. Мой повелитель! Мой повелитель, грозный хан Газзан!! (Становится на четвереньки и, причитая, движется по направлению к Газзану.) О милосердии молитв пришла, на милость твою уповаю! О жалости молитв пришла, на жалость твою уповаю! Не жить, но умереть у ног твоих пришла, на избавление уповаю! Пощады! Пощады, добрый хан Газзан!

Газзан. Встань, женщина. У каждого мгновенья свой резон. В недобрый миг пришла ты – беспощаден он... Скажи, как ты могла допустить такое? Разве не видела ты, что добром это не кончится? Сын твой Огузам из подлости тысячу бедствий содеял... Да встань же ты, наконец!

Брюхатая. Не видела. Не думала, не гадала. Не встану. На тебя вся надежда, Хан. Мой сын не шпион. Пощади!

Газзан. Это дело доказанное. Сын твой предал Огузов. За что и будет наказан. Таков глас народа. При чём здесь я? Я всего-навсего исполняю волю народа.

Брюхатая. Ты ещё и отец, Газзан...

Газзан. Верно, отец. Отец, который едва не лишился своего единственного сына из-за предательства твоего ублюдка! Прости за резкое слово, но кто сообщал врагам обо всём, что творится у нас, кто раскрывал им наши тайны, кто ввергал Огузов в страшные испытания, о которых так красочно, но вместе с тем абсолютно достоверно повествует Деде Гор Гут под печальный перезвон струн гогуза?! Кто отвернулся от народа своего? Он, твой сын!

Брюхатая. Он – твой сын, Газзан...

Газзан. Волосы дыбом встают, как подумаешь о том, что он еще мог натворить... Ты что-то сказала?.. Да его четвертовать мало...

Брюхатая (встает с колен). Неужели ты забыл меня, Газзан. Меня – юную, красивую, желанную...

Газзан. Тише ты, замолчи.

Брюхатая. Конечно, время не пощадило нас, но память не отшибло. Иль ты забыл, Газзан, лужок

поодаль дома моего? Иль ты забыл, Газзан, про пса у изгороди дома моего? Ну, того серого волкодава... Барагчугом звали. Ну вспомни, ты же сам назвал его так. Только на тебя не лаял Барагчуг, за хозяина признавал. Вспомнил? Ну же ...

Газзан. Барагчуг...

Брюхатая. Вспомнил! Не забыл! Да разве можно позабыть те ночи, полные огня под крышей дома моего?!

Газзан. Тихо, тихо. Умоляю, говори потише. С чем ты пришла, о том говори... А то – «помнишь – не помнишь...» Дело не в этом. Ну, предположим, не забыл – что это изменит? Сын-то твой как шпионом был, так шпионом и останется...

Брюхатая. Сын-то – твой, Газзан.

Газзан. Сын твой шпион и будет сурово наказан. (Вдруг резко.) Что ты мелешь, баба ты глупая и старая?!

Брюхатая. Газзан. Долго, долго я молчала. Тайну нашу в утробе хранила. Деде сказал: лишь мать ребенка знает, кто зачал его... Ты – отец сына моего... нашего сына. Теперь ты знаешь все и волен поступать, как захочешь.

Газзан. Что она несёт? Что она болтает? Так. Ладно. Хорошо. Скажи, разве ты – не та самая блудница по прозвищу «Брюхатая от сорока любовников блудница»? От сорока! С чего это ребенок должен быть именно от меня? Скажи, пожалуйста!

Брюхатая. Сказано: лишь мать ребенка знает, кто зачал его. А я говорю: от тебя я понесла единственного сына. Теперь ты все знаешь, Хан Газзан.

Газзан. Да тише ты... Тише... Ты... ты бредишь! Нет? Так. А может, ошибка какая вышла... в подсчётах, а? Нет? Ладно. А чего это до сих пор молчала, почему не сказала?

Брюхатая. А смысл-то какой? Ну, сказала бы – и что? Был бы он богатырского сложения и нрава удалого, дело другое – воином бы воспитала его для тебя и в битвах рядом бы скакал твой сын... Этот же уродился тихим, скромным, мирным... Таким вот... мальчиком... ты поручил его мне на хранение... Всмотрись в его черты и вспомни старшего сына – как две капли воды похожи... Те же глаза – твои глаза, Газзан!

Газзан. В который раз прошу – говори потише... Так. Так. Так, так, так. Вот оно, значит, твоё важное слово!.. Знаешь, что ты сделала со мной, женщина?! Ты меня убила, ты вогнала клинок в самое сердце! Теперь я...

Брюхатая. Газзан Хан. Вот и всё, что я хотела тебе сказать. Не забывай наши встречи под луной, не забывай.

Газзан. Опять она за своё! Ничего я не забыл, успокойся! Заладила, как сорока, «не забудь, не

забуди»...нет ничего из того, что можно позабыть... Как на духу говорю... Ах, я несчастный! Кто сказал, что птица счастья существует? Все, всё против меня! Хоть бы кто... хоть разок назвал меня ангелом...

Брюхатая. Сохрани сына, Газзан....

Газзан. А, ну тебя...Так. Ладно. Кто-нибудь ещё знает об... об этом?..

Брюхатая. Нет. Никто. И никто не узнает.

Газзан. А что если Бурла Хатун? Что тогда?

Брюхатая. Не узнает, мой хан, не узнает, мой повелитель! Смилуйся, Газзан, не губи кровиночку.

Газзан. Стоп. Молчи. Молчи. Молчи, говорю тебе! Чтоб ни единой душе, ты понимаешь, о чем я?

Брюхатая. Еще бы. Это в моих интересах.

Газзан. О, великий Тенгри! В чём я провинился пред тобой?! В чём моя вина?!

Брюхатая. Не казни себя, Газзан...

Газзан. Так. Ладно. Вот что – ты ступай себе. Ступай. Завтра придёшь. Завтра. Понимаешь, о чем я? Приходи завтра. Но смотри у меня! Если кто-нибудь... Никому, поняла, никому!

Брюхатая. Кто у меня есть, кроме тебя, Газзан? Не губи сына.

Газзан. Ладно, ладно, ступай...

Брюхатая (целует Газзана в лоб). Весь мир пред матерью в долгу... (Уходит.)

Газзан (обессиленно опускается на четвереньки.) О, великий Тенгри! Что мне делать? Я как чувствовал, что сегодня меня обязательно говном обмажут ... Оказывается, это мой сын... Как мне быть, скажи, о великий Тенгри?! Да скажешь ты, наконец, хоть что-нибудь?.. Эх!

Что-то бормоча под нос, на четвереньках же уходит.

Эпизод № 5

Ночь. Вокруг ямы для преступников прохаживается Шер Шамсадин.

Шер Шамсаддин. Тишина, ах, какая стоит тишина... И поговорить не с кем... (Подходит к яме.) Эй, ты! Как ты там? Молчишь? Зря, парень, зря: все, кто попадает сюда, как правило, криком кричат, воем воют. Говорят, помогает... А ты – нем, как могила (Пауза.) Слышь, парень, мать твоя к хозяину приходила. О чём они там базарили – врать не буду, не слышал, но после встречи хан сам не свой сделался. Ай, да, Брюхатая... Да-а-а, сейчас она, конечно, не та, что прежде, и не мудрено: годы своё берут, да и ты, прямо скажем, не подарок. Согласись, что не такое это уж легкое дело – быть матерью шпиона, да к тому же разоблаченного. (В ночи слышится звук шагов.) Стой! Кто идёт?! (Из темноты выходит Брюхатая.)

Брюхатая. Доброй ночи, Шер Шамсаддин...

Шер Шамсаддин. Ты? Уж полночь скоро, чего это бродишь, как привидение? Хан спит давно. Завтра приходи. (Брюхатая направляется к яме.) Эй, эй, туда нельзя! Слышишь, женщина, нельзя!!

Брюхатая (склоняется над ямой). Дитя моё несчастное, дитя моё, дитя! Девять долгих месяцев в чреве моём тесном носила я тебя... Смотри, как посмеялась надо мной судьба-злодейка, доля горемычная!

Шер Шамсаддин. Успокойся, женщина, приди в себя. Туда нельзя. Иди домой, перетерпи до утра, приходи завтра. Глядишь, смилуется хан, позволит повидать сына...

Брюхатая. О, Шер Шамсаддин! О, мой храбрый удалец! Всё знаешь о себе самом ты и ничегошеньки не знаешь обо мне. Хотя, постой, постой, мой друг Шер Шамсаддин: и о себе самом тебе не всё известно... друг мой...

Шер Шамсаддин. Чего ты бормочешь, баба?! Какой я тебе друг?

Брюхатая. Помнится, не так давно и ты был добрый молодец. Стройный, как тополь, гибкий, как барс! Был ты красив лицом, глаза твои кипели страстью, уста алели, как маки на лужайке возле дома моего... Как молоды мы были, ты не забыл, Шер Шамсаддин? А наши встречи под луной, ты помнишь их?!

Шер Шамсаддин. Помнится, пса твоего сторожевого звали Барагчуг.. Да, да – именно Барагчуг... Как он лаял, когда лунными ночами я пробирался под крышу дома твоего... Ты была прекрасна, женщина.

Брюхатая. Из любви к тебе лаял Барагчуг. Только на тебя он лаял так.. особо. Прошли же дни, пролетели, промелькнули... Сейчас лишь на тебя уповаю, на тебя одного надежда... только на тебя...

Шер Шамсаддин. Какая надежда, тетка?! О чём это ты?

Брюхатая. Да, те дни утекли, как песок сквозь пальцы. Но кое-что осталось. Понесла я в ту ночь от семени твоего. Все эти годы я скрывала это от тебя, мой герой. Хранила нашу тайну.

Шер Шамсаддин. О какой такой тайне ты болтаешь? С ума свихнулась на старости лет, что ли?

Брюхатая. Нет. Не свихнулась. Тайна же заключается в том, что мой сын, брошенный в эту яму...

Шер Шамсаддин. Мой... твой сын...

Брюхатая. Шер Шамсаддин! Шер Шамсаддин! Оговорился ты, но это не простая оговорка – ты отец моего сына. Он – плод нашей жаркой любви, он – подтверждение нашей страсти, он – дитя той лунной ночи. Дитя мое, дитя моё... моё дитя... Не губи наше дитя. Ведь ты – отец.

Шер Шамсаддин. Как это? Как это? Постой, погоди!! Померкло всё в глазах моих! Мой сын – шпион?! Подлец я после слов твоих! Мой сын – шпион?! Готов был на кусочки разрубить, кровь алую безжалостно пролить, камнями до смерти забить, как пса, веревкой удавить – кого? Родную плоть и кровь свою... Или – шпиона, тварь дрожащую и подлую?! Короче – сына своего, который стал шпионом! Ах, Брюхатая! Ах, Брюхатая! Не стоило тебе сообщать мне эту весть! Ах, Брюхатая! Ах, Брюхатая! Не стоило тебе мою поганить честь! О, всемогущий Тенгри! Просвети и направь на путь праведный! Встань-ка ты, Брюхатая, не сиди, Брюхатая, не терзай меня, уходи, Брюхатая! Иди домой, слышишь?! Здесь не маячь. Да уходи ты, жестокая, дай мне одуматься, собраться с мыслями...

Брюхатая. Не губи его, не губи того, чья плоть от плоти, кровь от крови твоей. Слышишь, мой Шер? Смилуйся. Не губи дитя. Не губи. (Уходит).

Шер Шамсаддин. Теперь понятно. Понятно, почему он так странно смотрел на меня, когда я ему руки выкручивал... Словно... словно снег белый выпал среди лета и покрыл лицо его... Как печален был взгляд его чудных глаз (В яму.) Сын мой! Дитя моё! (Прислушивается.) Опять молчит... О, всемогущий Тенгри! Что мне теперь делать, как быть?! Как жить вообще и в частности?! Подскажи! Ты подскажи! Ну, подскажи, в конце концов...

(В ответ с небес гремит гром, льётся дождь. Шер Шамсаддин ложится у отверстия ямы и плачет...)

Эпизод № 6

Брюхатая у себя дома. Сидит, закутавшись в лоскутное одеяло.

Брюхатая. Ты слышишь меня? Неважно, ты сам сказал: лишь мать ребёнка знает – кто зачал его (Пауза.) Остался Бекил, остался Аррус. Устала я, боюсь, на Арруса сил не хватит. Как быть?

Из ниоткуда появляется Деде Гор Гут.

Деде. Делай своё дело.

Брюхатая. Явился? Сколько времени у меня осталось?

Деде. Время потихоньку-полегоньку растягивается. Сейчас твое время, но не медли, не упusti момента. Вставай. Надо поспеть к Бекилу.

Брюхатая. Но как, хозяин? Каким образом поспею? Ведь Бекил чуть ли не на том конце земли – пограничье с Гурджистаном охраняет с кланом своим. Как попасть мне туда? Не птица я, чтоб взять да полететь...

Деде. Не трать время попусту... Оглянись – ты уже у дома Бекила.

Брюхатая. Ну ты даё... ё... ёшь! (Оглядывается – позади неё – жилище Бекила.) И впрямь ты – великий шаман. (Становится на колени.) Воды твои светлые-престветлые – да не высохнут... Горы твои...

Деде. Не дури! Вызови Бекила. Скажи ему, что надо. Ну!

Брюхатая. Слушаюсь, Деде, слушаюсь! (Подбирает с земли камень, стучит в ворота.) Отзовись, герой достославный Бекил! Дома ли ты, мой Бекил, отзовись! Пришла к тебе, назад не возвращай! Слово есть до тебя! Выходи к воротам! (Ворота приоткрываются, в проёме силуэт Бекила.) Ты ли это, Бекил? (Ощупывает, узнаёт.) Он самый. Ведомо ль тебе, о мой Бекил, о том, что стряслося со мною? Взъярился хан Газзан да приказал схватить единственного сына и бросить в яму. Жизни лишить собираются злыдни сыночка несчастного, слышишь, Бекил?! Он не шпион, Бекил, поверь мне на слово. Он – горемыка, сирота да при живом отце, Бекил! Слышишь меня, Бекил? Помнишь меня, Бекил?! Стояла у ручья моя лачуга, помнишь? Лужок с зелёною травкою... Барагчуга... помнишь? Те ночи лунные... те ночи жаркие – ужели ты забыл?! Ведь это я – твоя желанная! С тех самых пор хранила тайну, никто не знал, что понесла я от тебя. Теперь же знай, Бекил: мой сын не сирота, ведь ты – отец его!

Силуэт Бекила с грохотом падает навзничь.

Брюхатая переворачивает его, хлопает по щекам.

Брюхатая. Что с тобой, Бекил? Очнись! Гляди ты, вырубился... (Трясёт его.) Очнись, герой!!! (Бекил стонет.) Очнулся. (Громко втолковывает.) Ты всё понял, Бекил? Не дай погубить сына. Ступай к Газзану, не послушает – иди прямо к Байандур Хану... Моли, заклинай, убеждай, пусть пощадит сына, ведь не безотцовщина он безродный! Он – сын героя, защитника земли родной Бекила! Не позволь им извести ребёнка, одна надежда на тебя, Бекил! Ведь ты не позволишь, не позволишь, ведь правда?! (Бекил стонет.) Вот и славно... (Прижимает его к себе, ласкает, как ребёнка.)

Деде (появляясь ниоткуда). Да оставь же ты его... Иди сюда! (Брюхатая бросает Бекила и подбегает к Деде. Тот делает пассы.) Видишь, женщина, это дом Арруса Могутного.

Брюхатая. Мы в земле Тамошних Огузов?! Не может быть? Ой, прости, прости глупую. Никак не привыкну к твоим чудесам.

Деде. Иди же! Делай свое дело. Ну!

Брюхатая подходит к дому Арруса. Деде исчезает)

Брюхатая. Аррус великодушный, как бранный конь могучий! Услышь мой глас, услышь стенания матери и без ответа не оставь. На одного тебя я уповаю, утешь меня в печали и горести моей! К стопам твоим я припадаю, не оттолкни меня, Аррус! К тебе взывает та, кого так страстно ты любил! Несчастливая старуха – вот кто нынче я! В былые времена, лаская, красавицей своею называл, кусал, щипал, душил в объятиях и снова ненасытно целовал, ты помнишь, не забыл? Ведомо ль тебе, о мой Аррус, о том, что стряслось со мною? Не знаю, за что так взъярился Газзан безрассудный, но вдруг приказал – и схватили, скрутили и бросили в яму сыночка, назвали шпионом. Когда б ты знал всю подоплёку, погромче моего завыл бы. Не знаешь? Так слушай. Племянник твой Газзан задумал известить тебя: не пригласив на сабантуй, хотел он уязвить твой дух. Теперь решил он в сердце поразить тебя. И знаешь, как? Так знай: ведь тот, кого Газзан назвал шпионом подлым и на смерть обрёл, – твой сын родной, зачатый нами под крышей дома моего.

Из дома, покачиваясь, появляется Аррус. Брюхатая бросается к нему.

Аррус Могутный, ты ли это? (Ощупывает, узнаёт.) Он самый. (Прижимается к нему.) Ты не бойся, все эти годы я свято хранила нашу тайну. Ты уж прости, что и от тебя скрыла... Эх, не уберегла я сыночка нашего, не защитила от козней завистников. Так что ты уж постарайся. И не верь злым языкам: мой сын... твой сын – не шпион. Не дай погубить его. Ты же не позволишь какому-то там Газзану восторжествовать над тобой, ведь верно?! Ты такой сильный. Ты такой умный. Ты такой...

Появляется Деде Гор Гут, отрывает Брюхатую от Арруса, волочит за собой. Во всполохах зарницы покачиваются и постепенно тают силуэты Бекила и Арруса.

Деде и Брюхатая в лачуге: Брюхатая без чувств лежит на полу, Деде хлопочет над ней.

Деде. Женщина... Женщина... Ты жива?! Отзовись. Да что это с ней?! Как бы не окочурилась...

Брюхатая (слабым голосом). Где я?

Деде. Ты у себя дома...

Брюхатая. Я заболела? (Оглядывается.) Значит, я бредила...

Деде. Нет. Не в бреду это было. Ты побывала на границе с Гурджистаном, посетила кое-кого из Тамошних Огузов. Есть надежда...

Брюхатая (вскакивает). Миленький мой Деде, родненький мой Деде! Повтори – что ты сказал?!

Деде. Никто не посягнет на твоего сына. Соберутся, устроят толковище, но о смертном приговоре никто не заикнется...

Брюхатая. Неужели... неужели получилось? Неужели все будет так, как ты сказал?

Деде. Не веришь – сама посмотри. Будет так...

Делает пассы, в мерцании неземного света являются герои, собравшиеся на Совет.

Газзан. ... Видите ли, в чём дело, достопочтенные... Тот, кого мы называем шпионом, в некотором роде, очень... очень молодой человек. А нам нужны молодые люди. Молодежь – наше будущее, если вы понимаете, о чём я...

Деде. ...Ты сделала своё дело, женщина. Погляди, что сейчас будет...

Аррус. Минуточку. Хотелось бы узнать, кто конкретно объявил его шпионом...

Шер Шамсадин. Если конкретно, то первым начал Бей Рек. Нам, конечно же, следовало принять во внимание тот факт, что уважаемый Бей Рек после шестнадцатилетнего заключения... прошу прощения... заточения в крепости Байбурд, мог, в определенном смысле, ... Ну, да ясно, чего уж тут...

Аррус. Вот именно. Стоило пробыть шестнадцать лет в плену, вернуться живым-здоровым, чтобы требовать наказания для кого-то другого. Ничего себе праведник!..

Бекил. Нет, оно, конечно, Бей Рек – славный воин, и я бы даже сказал – герой. Но и он должен, обязан доказать обвинение. Мы не можем принимать необдуманные решения. Народ нас не поймёт, а впоследствии и не простит.

Аррус. Бей Рек герой? А в чём же его героизм, хотел бы я знать? Уж не в том ли, что он благополучно отсидел шестнадцать лет во вражеском подземелье? Может быть кто-то и видит героизм в весьма сомнительном поведении Бей Река в плену, но это не может служить достаточным аргументом... (Взрывается.) Где был Бей Рек в тот страшный час, когда Одноглазый Циклоп угрожал нашему существованию? Известно, где – в объятиях байбурдской шлюхи! Где сейчас были бы все мы, если бы мой сын Басат не сразил чудище?!

Газзан. Выбирай выражения, дядя! И вообще, речь сейчас не о всяких там Бей Реках, Басатах и шлюхах,

прошу прощения. Мы тоже кое-что знаем, если вы, конечно, понимаете, о чём я... Все уши прожужжали нам этим Циклопом, честное слово! Сейчас речь идет об этом... об этом молодом человеке, который томится в яме, ожидая решения своей судьбы. А ты, дядя, заладил: «Циклоп... Циклоп» Так. Ладно. Прошу высказываться по существу и без сквернословия.

Аррус. Вина не доказана.

Бекил. Вина не доказана.

Шер Шамсаддин. Не доказана.

Газзан. Все высказались? Так. Хорошо. Что ж, хотя я волею народа, с благоволения Хана Всех Огузов Байандур Хана и с благословения Отца Народа Деде Гор Гута и поставлен над вами, мне не остаётся ничего другого, как присоединиться к общему мнению, высказанному вами же. Я ясно выразился?!

Деде Гор Гут делает пассы, фигуры героев растворяются в таинственном мерцании.

Деде. Удостоверилась, женщина? Всемогущий Тенгри сжалился над твоим единственным сыном...

Брюхатая. Слава, слава всемилостивейшему Тенгри!! Слава тебе, предвечный!! Низкий поклон тебе, Деде!

Деде. Ладно, чего уж там...

Брюхатая возбуждённо ходит, вдруг останавливается.

Брюхатая. Скажи, Деде, и что теперь?

Деде. О чем ты?

Брюхатая. Да всё о том... Так и будет мой сын безвинно до самой смерти гнить в яме?

Деде. Что ты мелешь? Твой сын – шпион! Слышишь?!

Брюхатая. Слышу, не глухая... (После паузы). Вот что, Деде... Раз уж начал дело, не бросай на половине – доведи до конца. В противном случае... всякое может случиться...

Деде (внимательно вглядывается в Брюхатую). Ишь ты... Не беспокойся, женщина: милосердию Огузов нет предела. Смотри... (Делает пассы.) И успокойся...

В мерцании лунного света становится видны Газзан и Шер Шамсаддин, стоящие у ямы для преступников.

Газзан. Шер Шамсаддин... Впереди длинная ночь... ты, бедняга, небось намаялся за день. Шёл бы ты домой. Отдохни, отоспись...

Шер Шамсаддин. Да ни в жизнь, хозяин! Разве можно?! За этим... арестантом глаз да глаз нужен. Нет, хозяин, это тебе необходимо отдохнуть, а я человек, в определенном смысле, привычный.

Газзан (про себя). Упрямый осёл (Громко.) Погода какая-то странная, сон прогоняет. (Пауза.) Так. Ладно. (Деланно зевает.) Пойду, попробую заснуть. (Уходит. Тотчас же появляется Аррус.)

Аррус. Шер Шамсаддин, как живёшь-можешь?

Шер Шамсаддин. Благодарствую. Живём потихоньку. (Пауза.) А скажи-ка, достопочтимый Аррус, почему ты вернулся с пол-дороги?!

Аррус. Да сердце что-то прихватило. И, вообще, как говорится: утро вечера мудренее. Не так ли?

Шер Шамсаддин. Так-то оно так, но, прошу прощения, ведёшь ты себя как-то не так...

Аррус. Не понял...

Шер Шамсаддин. В том смысле, что усталый ты какой-то. Иди отдохни.

Аррус. Да и сам ты выглядишь не лучше (Пауза.) Всё равно не уснуть мне... всю ночь буду бродить... вокруг да около... (Пауза.) Ты... не задерживайся здесь. Иди, поспи немного.

Шер Шамсаддин. Нет, нет. Никак нельзя. Как я могу оставить без присмотра узника?! По долгу службы я должен оставаться здесь. Ты... не задерживайся. Иди, поспи немного.

Аррус. Что, так и будешь торчать здесь всю ночь? Пожалей себя – иди домой. Хотел бы я знать, что может случиться с твоим подопечным? Улетит, что ли?

Шер Шамсаддин. Всякое может случиться по нынешним временам. Останусь на всякий случай. А тебе лучше уйти, достославный Аррус...

Аррус. Хорошо. Я уйду, почему бы мне не уйти. Уйду. (Уходит, тотчас же появляется Бекил.)

Бекил. Кто бы это мог быть? Кому не спится в ночь глухую? Это ты, Шер Шамсаддин?

Шер Шамсаддин. Я. Кому же ещё быть? А в чём дело?

Бекил. Да ни в чём... Просто интересуюсь, что ты тут делаешь? Оно, конечно, не моё дело, но у тебя что

– дома своего нет, что ли?

Шер Шамсаддин. Почему это нет? Есть. Всё, что надо, спасибо хозяину, у меня есть. Ответь мне, пожалуйста: с какой стати ты вернулся с полдороги?

Бекил. Как бы тебе сказать... Не знаю... Наверное, не захотел ночью трогаться в путь. Заключённый на месте?

Шер Шамсаддин. На месте, на месте, куда он денется? Ты вот что, найди себе место... где-нибудь... и отдохни перед дальней дорогой. Как сказал Деде Гор Гут: путь путником преодолен бывает.

Бекил. Отлично сказано... А вот ещё: когда нет путников на видимом пути, как нам узнать, тот путь ведёт или уводит? Нравится?

Шер Шамсаддин. Разве могут не нравиться речения Деде Гор Гута? Скажешь тоже...

Бекил. Это не его... Это наш местный сложил. А вот ещё...

Шер Шамсаддин. Послушай, Бекил, поздно уже...

Бекил. И правда – поздновато... Вот уж верно говорят: у ночного гостя совесть спит, наглость бодрствует... Коли так, ты давай иди домой, а я вместо тебя покараулю...

Шер Шамсаддин. Да ты что? Разве так можно? Что скажет Газзан хан? Давеча он крепко-накрепко наказал мне никуда не отлучаться отсюда. Да и он сам где-то тут... поблизости, бодрствует... Неровен час, нагрянет. Лучше всего пойдй поищи себе место для ночлега. Иди, иди. Не задерживайся. Иди. Я останусь здесь.

Бекил. Что ж, всего хорошего. Я пошел. (Уходит.)

Шер Шамсаддин (в яму). Сынок... Сынок... Молчит... Сынок, не бойся, я с тобой... (Замечает в отдалении силуэты Газзана, Арруса и Бекила, которые с разных сторон крадутся к яме.) Слышь, сынок, кто-то подбирается к нам... Кто бы это мог быть? Наверное, твои подельники решили убить тебя, в том смысле, чтобы ты не выдал их... Не выйдет! (Хватает с земли оглоблю, размахивает ею.) Пошли прочь, псы поганые! Ату их, ату! Эге-ге-ге-гей! Всех порешу! (Тени исчезают.) Вот так-то лучше!.. (Вбегают запыхавшийся Газзан.)

Газзан. Что за шум, Шер Шамсаддин?! Кто это был?!

Шер Шамсаддин. Не разобрал, хозяин. Но точно знаю: трусы они паршивые, псы шелудивые, шакалы вонючие...

Газзан. Понял, понял, уймись. Заключённый на месте? (Склоняется над ямой.) Молчит, ни звука...

Шер Шамсаддин. Замолчишь тут... Каково ему, бедняге, быть сиротой при живом-то отце...

Газзан. Что ты сказал? Как это – «сирота при живом отце»? Ты на что намекаешь? Попридержи язык,

Шер Шамсаддин!!! Дойдут твои... бредни до ушей Бурла Хатун, такое устроит, мало не покажется... Ты понял, о чём я?

Шер Шамсаддин. Не волнуйся, хозяин, это моя проблема. Будь уверен – я не подведу. Иди спать.

Газзан. – Уснешь тут...

Уходит. Шер Шамсаддин застывает, опершись на оглоблю.

Деде. Такие вот дела, женщина (Делает пассы, фигура Шер Шамсадина растворяется в темноте.)
Осталось сделать последний шаг. Не оступись, женщина!...

Брюхатая. Не оступлюсь, Деде! Два у меня защитника: в небесах – Всемогущий Тенгри, на Земле – ты, мудрейший Гор Гут! На вас уповаю! Верую!!

Деде. Твоими бы устами да мёд пить... Так вот, слушай: встанешь с утра пораньше, предстанешь перед Газзаном и вот что скажешь ему. Скажешь, что...

Вой шакалов, уханье совы, лай собак заглушают голос Деде Гор Гута.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«... а счастье лучше!»

Эпизод № 7

Внутренние покои жилища Газзана.

Крадучись, входит Бурла Хатун, оглядывается.

Бурла Хатун (шепотом). Иди сюда. Осторожно, не шуми. Неровен час, увидят. Да проходи ты.

Появляется Бей Рек

Бей Рек (шепотом) Со всем почтением моим, благая мать, Бурла Хатун. Иду, иду (Становится на колени, воздевает левую руку.) О, венценосная Бурла Хатун! О, дочь великого отца и благоверная великого супруга! Горы твои, грозные-высокие...

Бурла Хатун. Потом, потом... Не время сейчас. Молчи. Нет. Отвечай. Сначала выслушай, потом отвечай. Ты за кого? За меня ... или ...?

Бей Рек. ...или?!

Бурла Хатун. ... или за Газзана?

Бей Рек. Что слышу я, Бурла Хатун? Ушам своим не верю! О, пощади, да буду жертвою твоей. Мне ли решать такое? Я всего лишь...

Бурла Хатун. Отвечай, Бей Рек! Прямо отвечай, не играй словами, для этого нет времени. Наступил момент истины. Я хочу знать...

Бей Рек. Я за Деде Гор Гута (Пауза.) За Байандур хана (Пауза.) За тебя я, госпожа, за тебя. Я человек маленький. За тебя.

Бурла Хатун. За меня?!

Бей Рек. Так, именно так!

Бурла Хатун. Вот это – другое дело. Так лучше. Ты мужественный человек, Бей Рек. Это хорошо, что ты за меня...

Бей Рек. За кого же мне ещё быть, как не за тебя? Не сомневайся.

Бурла Хатун. В таком случае слушай, Бей Рек. Наши что-то затевают, а что – никак не пойму. Всё держат в тайне. Идет какая-то... большая игра, а хороводит Газзан. Ох, уж мне этот Газзан! Ну, ничего, ничего, ничего. Я знаю, что мне делать. (Замолкает, прислушивается.) Слышишь, кто-то идет?

Бей Рек. Почудилось. Никого нет. Не напрягайся, госпожа...

Бурла Хатун (переводя дух). А я и не напрягаюсь, с чего ты взял? (Пауза)

Бей Рек. Итак... Идёт какая-то игра, я правильно понял?

Бурла Хатун. Так, именно так. Я – вне игры. Ну и пусть! Я знаю, как я поступлю. Я воспользуюсь своим правом наследницы Байандур Хана – я потребую созвать Великий Курултай и обвиню их всех в измене!

Бей Рек (падает на колени, бьется лбом о землю). Ужас... Какие страшные дела... Я за тебя! Я за тебя! За тебя! За! За! За! (Внезапно затихает.)

Бурла Хатун. Интересы государства выше семейного счастья. (Прислушивается.) Шаги? Нет, опять послышалось... Я спутаю им все карты. Распустились больно. Так и снуют туда-сюда ... туда-сюда. Деде Гор Гут уходит – Брюхатая является, Брюхатая отвалила – Аррус припёрся... А этот дядя ... известное дело ... темная личность.

Бей Рек. Так, именно так, госпожа. Аррус однозначно враг всех Огузов, будь уверена. А этот недоумок, я имею в виду сына его, Басата ... Большое дело, победил в единоборстве Циклопа! Что теперь? На руках тебя носить, что ли? Не верю я ему, госпожа, ох, не верю. Недаром говорится: яблоко от яблони... Никого не признает, кроме отца своего, Арруса!

Бурла Хатун. Ничего, время придёт – и за себя ответит, и за отца своего!

Бей Рек. Ответит перед лицом Всех Огузов!

Бурла Хатун. Это дело – будущего ... А сейчас нам должен быть известен каждый их шаг! Тебе я поручаю проследить за ними – мы должны в точности знать, что они затевают. Подумай сам: искали шпиона – нашли шпиона, и – на тебе, притаились, ничего не происходит. И концы с концами не сходятся, слишком пёстрая компания: Газзан, Брюхатая, Аррус, Бекил, Деде Гор Гут. Что же их объединяет? Надо разнюхать, Бей Рек!

Бей Рек. Извини, госпожа, если невзначай обижу, но ... Ты говоришь «проследить»... «разнюхать»... Иными словами – шпионить, так выходит? Пристало ли воину заниматься таким неблагоприятным делом. Может быть...

Бурла Хатун. Проследишь!

Бей Рек. А не лучше ли...

Бурла Хатун. Разнюхаешь!

Бей Рек. Если я правильно понял, госпожа поручает мне, недостойному слуге своему, организовать наблюдение за действиями противника, так сказать, вести разведку?!

Бурла Хатун. Называй, как хочешь. Я тебе не Деде Гор Гут, чтобы думать о благозвучии слов необычайных. Дело делать надо, а не болтать!

Бей Рек. Так, именно так, венценосная госпожа моя!

Бурла Хатун. Факты таковы: Брюхатая чахла на глазах, а теперь вижу – ожила, проститутка старая. На что надеется? На кого опирается? Далее. Арруса на сабантуй не приглашают, смертельную обиду

наносят, а на Совет по делу шпиона он прибегает, как миленький. Бекил, этот отшельник, годами не можем вызвать его сюда, является по первому зову. Неспроста всё это, неспроста. Как ты думаешь?

Бей Рек. О, венценосная повелительница! Как глубоко ты мыслишь, куда мне до тебя. Я абсолютно согласен с тобой. Приказывай, что мне делать?

Бурла Хатун. Тише, не шуми... Стань тенью Брюхатой.

Бей Рек. Стану!

Бурла Хатун. Стань тенью Деде Гор Гута.

Бей Рек. Стану.

Бурла Хатун. Стань тенью Арруса...

Бей Рек. ... и Басата?

Бурла Хатун. Пока только Арруса.

Бей Рек. Стану.

Бурла Хатун. Узнай: почему? Для чего жив до сих пор этот поганый шпион?

Бей Рек. Непременно узнаю, госпожа моя.

Бурла Хатун. Ступай, мой верный друг Бей Рек! Пусть удача сопутствует тебе. (Целует его в лоб.)

Бей Рек. Как ты прекрасна, госпожа! (Обнимает её.) Когда б не знал, кто предо мной, подумал бы, богиня, что с небес спустилась, чтоб искусить меня! Какая красота, какая сила страсти! Никто не устоит перед тобой (Пытается завалить Бурла Хатун.) Желанная, желанная моя...

Бурла Хатун (очнувшись, вырывается). Что такое? Что ты позволяешь себе, Бей Рек?! Как можно?!

Бей Рек (падает на колени). Прости, венценосная, прости верного раба твоего! Бес попутал!!!

Бурла Хатун. Тише ты, услышат. Встань скорее...

Бей Рек. Не встану, пока не получу прощения!

Бурла Хатун (торопливо). Прощаю. Встань. Не медли, уходи.

Бей Рек (встает). Я уйду, чтоб в точности и без промедленья выполнить приказ. (Откланивается.)

Бурла Хатун. Стой. погоди. Ты давече сказал, что я всё еще... желанная. Ты не соврал?

Бей Рек (бросается к ней). Отсохни мой язык, коли...

Бурла Хатун. Хорошо, хорошо. Иди, иди, иди. (Бей Рек, поклонившись, уходит.) О, небо! Что со мной?

Скажи, ответь мне, что со мной, Тенгри? Ответь, пожалуйста... (Прислушивается.) Кто-то идет... (Убегает на цыпочках.)

Эпизод № 8

Утро, Газзан в полудрёме лежит на подушках. Ворочается, тяжело вздыхает, иногда сквозь сон зло бормочет: «Ох, уж этот Шер Шамсадин», «Проклятый Шер Шамсадин...» и тому подобное.

Крадучись, появляется Бурла Хатун, прислушивается к бормотанию мужа. Затем берет его за указательный палец.

Бурла Хатун (ласково). Так, что же натворил Шер Шамсадин?

Газзан. Тупой служака... (Стонет.)

Бурла Хатун (ласково, но слегка раздраженно). Говори, что натворил Шер Шамсадин?!

Газзан (вскакивает) Ничего! Все в порядке. Сон дурной приснился. А он которую ночь спать не ложится. Надо бы заставить его в сегодняшнюю ночь пойти домой.

Бурла Хатун. Как это домой? А службу кто нести будет? Оставить нас без присмотра не очень мудро. А тут еще этот шпион... прошлая ночь была беспокойной. Ты сам несколько раз выбегал наружу. Шум какой-то был...

Газзан. Да нет, вроде ничего такого не было. Я воздухом подышать выходил.

Бурла Хатун. Воздухом, значит? Понятно. И Аррус?

Газзан. Что Аррус?

Бурла Хатун. Аррус тоже воздухом подышать к нам приезжал? Или похвастаться новыми подвигами сына своего?

Газзан. А у тебя только один Аррус на уме! Свет на нем клином сошелся! Совет я собирал. По поводу этого ... молодого человека, шпиона то есть. На Совете присутствовали Аррус, Бекил, Шер Шамсадин... (Пауза.)

Бурла Хатун. Кто ещё?

Газзан. Больше никого.

Бурла Хатун. Станный, однако, Совет... И меня не оповестил Что решили-то?!

Газзан. Ты не поверишь, Хатун. Все в один голос заявили, что вина молодого человека, шпиона то есть, не доказана. Я прямо-таки обалдел.

Бурла Хатун. Не доказана? Какие им еще доказательства нужны? А как быть с показаниями Бей Река? А куда улетучились откровения Деде Гор Гута?

Газзан. Вот и я им об этом заявил. Что толку – остался в меньшинстве. Не доказана вина, и всё тут.

Бурла Хатун. Выходит, и на сей раз обвёл тебя Аррус вокруг мизинца...

Газзан. Мизинца? Почему мизинца?!

Бурла Хатун. Ну, пусть будет вокруг большого пальца!

Газзан. Знаешь что, Хатун? Ты глупости-то не болтай. Совет – дело серьезное, не мальчишки какие-то там собрались на него, а лучшие люди Огузов! Их слово тверже стали, решения – гранит! Грядущее...

Бурла Хатун. Это оставь для других. Чем хуже слово Бей Река? Тем не менее, на Совет его не позвали... Нет, меня ты не заболтаешь – тут что-то не так. Ты сам сказал, что правду тебе открыл сам Деде Гор Гут. Шпион должен быть наказан. И всё тут!

Газзан. Что я могу поделаться?

Бурла Хатун. Должен быть наказан. В противном случае...

Газзан. В противном случае... что?

Бурла Хатун. Пойду к папе!

Газзан. Опять за своё!..

Бурла Хатун. Не веришь? Поверишь! Припаду к стопам его, склоню головушку, скажу: Аррус Могутный оборзел – шпионов покрывает! Скажу: с врагами всех Огузов связан дядя мужа моего!

Газзан. Свет очей моих, душа моя! При чём тут шпион, какие-такие связи! Что с тобой? Под каждым кустом тебе враг мерещится. Хватит, родная, уймись. Дай пожить спокойно.

Бурла Хатун. Нет, муженёк, не мерещится мне. Вижу, ясно вижу. Уж мне-то доподлинно известно, что может сотворить враг! А если ты забыл, позови Деде Гор Гута, пусть он тебе еще раз расскажет-споёт о том, как схватили меня, как пытали, как мясом сына накормить грозили. Те испытания бесследно не прошли, Газзан!

Газзан (растроганно). Успокойся, милая. Я всё понимаю.

Бурла Хатун. Всё, да не всё. Ты никак не уразумеешь, что Аррус ничем не лучше наших заклятых врагов.

Газзан. Так. Так. Так, так, так. И ещё раз так.

Бурла Хатун. Аррус – враг! Враг! Нутром чую!

Газзан. За что мне жизнь такая! В чём грешен я, народ Огузский?!

Входит Шер Шамсадин.

Шер Шамсадин. Хозяин, пришла Брюхатая... Хатун. Хочет видеть тебя. Остальные тоже собрались, все тут. Если позволишь...

Газзан. Так. Ясно. Конечно же, все сговорились извести меня. Ясное дело. Ладно. Ну, что уставился? Зови. Брюхатую зови... Остальные пусть подождут. Нет, погоди. Брюхатая подождет. Остальные пусть войдут. Стой. (К Бурла Хатун.) Жена моя возлюбленная, а не пойти ли тебе в свои покои? Негоже тебе совать нос не в свои дела, душа моя. (Орёт.) Не выводите меня из себя!!!

Бурла Хатун. Как бы не так. Тут все дела мои, муженёк. И не пугай меня, не старайся попусту, я пуганая! Шер Шамсадин, найди Бей Река, его тоже позови.

Газзан. Бей Река? Зачем он тебе?

Бурла Хатун. Пусть придет, мне есть о чём спросить у него.

Газзан. Супруга моя благоверная, иди займись своими делами. Доколе ты, душа моя, будешь испытывать мое терпение? (Бурла Хатун поворачивается к нему спиной.) Так. Ладно. Зови и Бей Река.

Бурла Хатун. Ты слышал, Шер Шамсадин? Но сначала приведи эту Брюхатую. При мне будешь говорить с ней, о мой хан. Хочу увидеть воочию, как обрушится на неё карающий меч правосудия.

Шер Шамсадин. Хозяин?

Газзан. Какой я тебе хозяин? Ты разве не видишь, кто здесь хозяин? Повинуйся!

Шер Шамсадин выходит.

Бурла Хатун. Посмотрим, посмотрим...

Газзан. Может, всё-таки... (Бурла Хатун поворачивается к нему спиной.) Так. Ладно. Хорошо.

Входит Брюхатая. Степенно ракланивается.

Брюхатая. Мой хан Газзан, к стопам твоим я припадаю. Бурла Хатун? И к твоим стопам... тоже припадаю. О милосердии молю.

Газзан. Видишь ли, женщина...

Бурла Хатун. Видишь ли, женщина, в твоём положении не пристало ходить с поднятой головой. Ты – мать предателя, вина его безмерна, наказание будет ужасным. Горе твоё столь же велико, как грех твой. Об этом – всё. Ты лучше признайся, что тебе сказал Аррус? Знаю, встречалась ты с ним.

Брюхатая. Ничего не сказал мне Аррус Могутный, клянусь Деде Гор Гутум. Мать моя, сестра моя, моя венценосная, высокородная Бурла Хатун! Мой сын... мой единственный сын невиновен. Не шпион он, не предатель он. Тихий он, безответный он, судьбою обижен, несчастный он. Отпусти его, Газзан, пусть идёт он, куда глаза глядят. Нет у него Родины, отпусти его на чужбину. Не для него веют с горных вершин прохладные ветры, не для него... Мой хан, Газзан, не губи сына... моего. Отпусти. Прошу.

Бурла Хатун. Как можно?! Твой сын совершил величайший грех! Что скажут воины? Что скажут вожди племён, старейшины? Как на это посмотрит Байандур Хан? Как мы посмотрим в глаза Деде Гор Гуту? Ответствуй, Газзан.

Брюхатая. Ответствуй, Газзан...

Газзан. Значит, так...

Брюхатая. Газзан, ответствуй по совести!

Бурла Хатун. Погоди, погоди! Что значит «по совести»? На что ты намекаешь, Брюхатая?! Разве может быть по иному? Или ты что-то знаешь, Брюхатая?! Говори.

Газзан. Так. Ладно. Слушай, женщина, решение Совета: сын твой единогласно признан невиновным и будет освобождён. Дело закрыто. Вот так. Всё.

Бурла Хатун. Газзан?! Что я слышу?!

Газзан. Бурла Хатун! Ступай в свои покои. И ты иди с миром, женщина. Детали обговорим потом. После... Иди.

Брюхатая. Да пребудет над тобой милость всемогущего Тенгри! Счастья тебе и всех благ земных. Аминь. (Поклонившись, неторопливо уходит.)

Бурла Хатун. Газзан! Между вами снова что-то есть.

Газзан. Между мной и ею?! Иди к себе, госпожа ханша, успокойся. В мужские дела не вмешивайся. Шер Шамсаддин!

Входит Шер Шамсадин.

Шер Шамсадин. Позвать остальных?..

Газзан. Нет, скажи им, что я... Что-нибудь скажи...

Бурла Хатун. Скажи, что хан Газзан ополоумел...

Газзан (взрывается). Довольно, женщина! Вот ты где у меня!! Довольно! Пойми, наконец, я ведь тоже человек! Че-ло-век! Не железный я, не каменный! Что ты хочешь от меня?! Папой пугать будешь? Не боюсь – отбоюсь! Иди, куда хочешь, хоть к папе своему, хоть... понимаешь, о чём я? Так. Так, так, так!!! Вот что значит жениться на дочери вождя! Вот к чему это приводит! Всемогущий Тенгри! В чём я провинился пред тобою?! Почему ты оставил меня? Кому поведаю печаль мою, кого призову к состраданию? Деде! Вот кто поймёт меня! Где ты, Деде? Где? Явись!

Шер Шамсадин. Шкатулку принести?

Газзан. Какая шкатулка, болван? Разве дело в шкатулке? Один был белый волос, один! И мы использовали его! Где я найду белый волос?! А-а-а! Пропади всё пропадом! (Убегает.)

Бурла Хатун. Будь по-твоему, Газзан. Шер Шамсадин! За мной! (Уходят.)

Эпизод № 9

Лачуга. Брюхатая лежит в забытьи. Деде, завернувшись в лоскутное одеяло, сидит на корточках и перебирает струны гопуза. Одна из струн лопается. Деде пытается приладить ее.

Деде (не отрываясь от работы). Хватит прятаться. Выходи.

Из темного угла, обвешанный тряпьем, выходит Бей Рек. Неловкая пауза.

Бей Рек (глухо). Добрый вечер, Деде...(Деде молчит.) Горы твои грозные-высокие...(С мольбой.) Деде!!

Деде. Ну, что? (После паузы.) Кого выслеживал-то? Меня? Или ее?

Бей Рек. Деде...Я тут ни при чем...Нет на мне греха. Я человек маленький...

Деде. Не маленький, Бей Рек, не маленький. Уже повзрослел. О жизни твоей я песни сложил, ведь ты герой достославный... И смерть у тебя будет красивая, поучительная... И загадочная. Обещаю, потомки головы будут ломать над загадками судьбы Бей Река. И что теперь мне делать? Переписать твою судьбу заново?!

Бей Рек (еле слышно). Воля твоя, Деде...

Деде. Если бы... (Показывает на Брюхатую.) Знаешь ее?!

Бей Рек. Знаю, кто же ее не знает?

Деде. Расскажи мне о ней.

Бей Рек. Что я могу о ней рассказать?

Деде. Расскажи, что знаешь...

Бей Рек. Ну, живет она на отшибе, в лачуге... Раньше позади лачуги ее был лужок. Был у нее когда-то волкодав свирепый по кличке Барагчуг...

Деде. Еще что?

Бей Рек. Имя её позабыто...

Деде. Дальше.

Бей Рек. Осталось прозвище – «Брюхатая от сорока любовников блудница...» Помню, как на свадьбе моей дурачилась, пела и плясала, изображала в лицах и меня, и невесту мою...

Деде (безжалостно). А помнишь, кто помог тебе сбежать из крепости Байбурд?

Бей Рек (глухо). Разве можно такое забыть?!

Деде (так же жестоко). Что знаешь ты о ней, любовнице своей? Которой клялся ты вернуться!!

Бей Рек. Не знаю... ничего.

Деде. Хотел бы знать?!

Бей Рек. Пощади, не терзай меня.

Деде. Хотел бы знать?!

Бей Рек. Хотел... бы...

Деде. Так знай, герой достославный Бей Рек (Делает пассы над головой Брюхатой). Знающий знание знает...

Под воздействием движений Деде Брюхатая заторможенно, как сомнамбула, поднимается с места и движется в сторону Бей Река. Деде делает экспрессивный пасс: Брюхатая меняется на глазах – левая рука скрючивается, правая нога прихрамывает, голова трясется.

Брюхатая (другим голосом). Подайте, подайте убогой, во имя милосердия...

Деде. Женщина, кто ты? Отвечай.

Брюхатая. Я бедная...убогая, живу на подаяние...Живу из милости сородичей...Подайте...

Деде. Как имя твое?

Брюхатая. Нет имени у мне подобных. Есть прозвище...

Бей Рек (неожиданно для себя). Скажи нам!...

Брюхатая. Грязная Подстилка.

Деде. За что ты получила прозвище свое?

Брюхатая. Мой грех – любовь. Я – дочь байбурдского паши Зейнаб. Я полюбила пленника, огуза. Шестнадцать долгих лет делили мы любовь...И на излете дней счастливых я сына родила, но скрыла тайну эту и от отца, и от людей...Я помогла сбежать Бей Реку. Мечом своим он клялся, что вернется, землей сырою клялся не забыть...Предательство мое раскрылось быстро...Отец созвал Совет, и было решено: ребенка пощадить и воспитать в другой семье... Меня же, по обычаю, лишили имени...Мне выжгли чрево, чтоб не могла рожать...сломали руку, чтоб не могла взывать я к небесам...Надрезали мне жилы под коленом, чтоб по походке люди узнавали и вслед кричали: улюлю! Гляди, идет Подстилка...Грязная Подстилка!! Огузова Шалава!!!

Бей Рек (хрипло). Что с сыном стало нашим?

Брюхатая. О, мой Бей Рек! Слыхала я, что вырос он прекрасным юношей, что воином он стал бесстрашным и не раз в боях с Огузами он славой покрывал себя.

Бей Рек. Имя...Имя назови...

Брюхатая. Не знаю...

Бей Рек. Какой он из себя?!

Брюхатая. Не знаю. С тех пор не видела ни разу...

Деде. А помнишь ли Бей Река?

Брюхатая. Помню, как помнят сон...

Бей Рек. Опомнись, я не сон... (Кричит.) Не сон я... Все это было наяву!!!

Словно от удара Брюхатая вздрагивает, ее начинает трясти, она падает на пол и дергается в конвульсиях. На губах выступает пена. Деде Гор Гут делает пассы, успокаивает Брюхатую. Подергавшись немного, женщина затихает. Деде утирает ее лицо, вытирает пену.

Бей Река мутит...

Деде. Зря ты вмешался... Много еще могли б узнать...

Бей Рек (тяжело дыша). Что? Что еще сокрыто тайной?

Деде. Что? Ну, например, за что так люто ненавидит Арруса Бурла Хатун? Зачем приспичило ей сделать из тебя шпиона? И почему ты согласился?

Бей Рек. Ничего личного, Деде, ничего личного. Просто надоело мне прозябать в неизвестности. И видеть, как Аррус проталкивает к власти сына своего Басата...

Деде (сурово). Не пристало человеку чести бесчестить жену своего вождя, Бей Рек...

Бей Рек (в ужасе). И это знаешь? (Бухается на колени.) Забыл, забыл я, глупый честолюбец, перед кем стою, с кем говорю и с кем имею дело! Все ведомо тебе! Что было, есть, что будет!!! Прости, Отец, молю тебя, как блудный сын...

Брюхатая (в забытьи) ...Лишь мать ребенка знает – кто зачал его...

Бей Рек. Мне страшно, Деде...

Деде. Хочешь, поговори с ней.

Бей Рек. Нет, нет... Не хочу... (Жалостливо.) Я домой хочу, Деде...

Деде (с горькой улыбкой). Разве я держу тебя, герой? Ступай себе...

Бей Рек (помявшись). Могу ли я, недостойный, попросить о чем-то тебя, великий Гор Гут?

Деде (равнодушно). Проси.

Бей Рек. Деде... Я знаю, все в твоих руках... Нельзя ли...

Деде (так же). Можно. Иди и не беспокойся – никто ничего не узнает. Разве можно об этом слагать предания? Иди, я буду нем.

Бей Рек. Понял. Я все понял. Клянусь, Деде, никогда больше не буду иметь дел с сильными мира сего. Буду жить тихо и спокойно...

Деде. Не зарекайся. Уходи.

Бей Рек. Ухожу, Деде, ухожу. Насовсем ухожу. Прощай! (Исчезает.)

Деде. Недолго, однако, жить тебе осталось. Но умрешь достойно. Обещаю. (Брюхатая стонет.) Спокойно, спокойно, горемычная. Никого, кроме нас с тобой, здесь нет. Одни мы с тобой остались. Одни-одинешеньки. Одни, одни, одни, одни...

Брюхатая затихает, Деде берет за гопаз...

Эпизод № 10

У ямы для преступников появляется Газзан.

Газзан (в яму). Сынок...сынок. Отзовись, никого, кроме нас с тобой, здесь нет. Сейчас я выпущу тебя, сынок, потерпи.

Словно из-под земли вырастает Шер Шамсаддин.

Шер Шамсаддин. Хозяин, это опять ты? Что-то потерял или... Я имею в виду: нет ли каких приказаний?

Газзан. Да вроде нет...Устал я что-то. А ты...Шер Шамсаддин – как трехжильный, усталости не знаешь. Это хорошо. Так, так, так, еще раз так. Подышу-ка я воздухом. (Вдыхает полной грудью.) Ах, этот сладостный запах полыни!...Какой прекрасный вечер!...

Шер Шамсаддин. Так точно, хозяин, прекрасный. Полнолуние как-никак...

Газзан. Да-а-а...Ну, как дела? Что слышно?

Шер Шамсаддин. Нормально. Ничего нового. Хотя, если позволишь, хозяин, беспокоит меня...

Газзан. Что?! Что беспокоит тебя?! Говори, не тяни!

Шер Шамсаддин. Да ничего страшного... Просто мне кажется, что над этой ямой тучи сгущаются...

Газзан. Ты о чем? В каком смысле?

Шер Шамсаддин. Все думаю о событиях вчерашней ночи. Кажется мне, кто-то хочет убрать этого... несчастного. Может, думаю, бывшие хозяева его, а ? Чтобы не сболтнул лишнего?

Газзан. Ты думаешь? Так. Ладно. В таком случае его надо оберегать. Ты понимаешь, о чем я? Посягать на жизнь человека, чья вина не доказана... Это само по себе преступление.

Шер Шамсаддин. С другой стороны... И наши тоже ведут себя подозрительно.

Газзан. Конкретно.

Шер Шамсаддин. Слушаюсь. Бей Рек зачастил к ... к ...

Газзан. К ... к... к кому?

Шер Шамсаддин. Осмелюсь доложить... к венценосной...

Газзан. И что? Встречаются ... наедине?

Шер Шамсаддин. Встречаются, хозяин. Сам видел.

Газзан. Что видел? Что слышал? Обо всем докладывай!

Шер Шамсаддин. Да ты не беспокойся, повелитель, ничего такого... существенного... Как я понял, связывают его (кивает на яму) с Аррусом и Басатом.

Газзан. Аррус... Аррус... Аррус... Опять этот Аррус.

Шер Шамсаддин. Сам не свой Аррус. А почему, не пойму... Особенно не понятен его интерес к нему. (Кивает на яму.)

Газзан. Я тоже это почувствовал. Чем-то расстроен Аррус. А что Бекил?

Шер Шамсаддин. Этот тоже расстроен. И тоже крутится вокруг него. (Кивает на яму.)

Газзан (после паузы). А где сейчас...

Шер Шамсаддин. Уехал к себе. С концами.

Газзан. Так. Ладно. (Спохватывается.) Ты о ком?

Шер Шамсаддин. О нем, о Бей Реке...

Газзан. Ишь ты, какой пронцательный. Прямо второй Деде Гор Гут... Кстати, что слышно о нем?

Шер Шамсаддин. О Гор Гуте? Ничего.

Газзан. Эх, был бы у нас еще один белый волос...

Из ниоткуда появляется Деде.

Деде. Нет необходимости, Газзан, я здесь. К тому же всякий раз, когда кто-то сжигает волосок, у меня из глаз искры сыплются и затылок ломит.

Газзан. Это давление, Деде...

Деде (усмехнувшись). Может быть. (После паузы.) Что скажешь теперь? Не говорил ли я тебе, чтобы не поднимал шума вокруг шпиона? Не предупредил ли, что пожалеешь о своей настойчивости?

Газзан. Уже жалею, Деде, да так, что жить не хочется, если ты понимаешь, о чем я. Прости, прости, я оговорился. Ты, конечно, все понимаешь и все знаешь. Совет твой мудрый нужен, Деде. Отойди-ка в сторонку, Шер Шамсаддин.

Шер Шамсаддин. Хотя мне это и обидно, повинуюсь, хозяин...

Газзан. Как-то странно он себя ведет в последнее время. Что у него на уме?

Деде. Об этом хотел спросить, Газзан?!

Газзан. Нет, нет, это сопутствующее... Дело в том, Деде, что этот... молодой человек... ну, я имею в виду шпиона, хотя Совет признал его невиновным, и, строго говоря, он уже как бы и не шпион, несмотря на... Короче, что с ним делать, Деде? Как поступить? У меня голова опухла, круги перед глазами...

Деде. Это давление, Газзан.

Газзан. Да еще какое, Деде! Со всех сторон давят на меня, а я не знаю... не вижу выхода. С одной стороны, вроде бы... Но, с другой...

Деде. Не темни, Газзан.

Газзан (потупившись). Ко мне приходила Брюхатая... У меня от тебя нет тайн, Деде...

Деде. И не было, Газзан. Не терзай себя – в словах сейчас нужды нет. Слушай меня. В полночь этот... молодой человек должен исчезнуть...

Газзан. В каком... смысле, Деде?!

Деде. В том смысле, Газзан, что ты выпустишь его – пусть идет, куда глаза глядят. Матери же его строго-настрого накажи, чтобы не пыталась удержать сына. Вот тебе мой совет.

Газзан. А Бурла Хатун? Она убеждена, что все это дело рук Арруса. Грозится пожаловаться отцу, обвинить всех нас в измене. (Потупившись.) С Бей Реком снюхалась... Если все это достигнет ушей Байандур Хана...

Деде. Делай, как я сказал. Не трись. Байандур Хана предоставь мне.

Газзан. Уф, спасибо тебе, Деде, гора с плеч... Да, вот еще: тут у нас по ночам тени какие-то бродят. И все норвят к яме этой проклятой прорваться. Своими глазами видел. Ты знаешь, Деде, я не из трусливого десятка, но эти тени...они... как бы понятней объяснить... они какие-то потусторонние... Не злые духи ли, случаем, выются над головою ш... этого молодого человека?!

Деде. В полночь, Газзан, в полночь, если ты понимаешь, о чем я...

Газзан. Понимаю, Деде.

Деде. Выпустишь. Никого не будет рядом. Никто не увидит. Отпусти его на волю. Никому он здесь не нужен. А теней не пугайся... Это...это добрые духи, они охраняют парня.

Газзан. Честно говоря, и мне так показалось. (После паузы.) Ты, как всегда, прав, Деде: ему (кивает на яму) лучше исчезнуть. (Со вздохом.) Кому он здесь нужен? Так. Ладно. Я пойду, Деде? Мне еще с ... венценосной разобраться надо...

Деде. Ступай. Помни – в полночь.

Газзан с поклоном уходит.

Деде. Полнолуние... Все совпадает...

Входит Аррус.

Аррус. Мир тебе, Деде! Славен ты, мошен ты, в твоей чудесной силе сомнений нет. Как живешь-можешь, Деде? Побереги себя, ведь ты – надежда наша и опора!

Деде. Здоров будь и спокоен, Аррус Могутный. Мои благословения Басату, сыну твоему. Опора наша и надежда Тенгри, да сохранит он вас. (После недолгой паузы.) Сегодня это – насущный вопрос...

Аррус. Намек твой понимаю, не ребенок... Ответь мне, просвети: в чем провинился я? И в чем вина всех Тамошних Огузов? Газзан бессовестно клеветает на меня, ты знаешь сам!

Деде. Тенгри не любит непокорных. Уйми гордыню, а дух свой буйный рассудком укроти, Аррус Могутный.

Аррус. В чем моя гордыня? Уж не в том ли, что не могу терпеть обид, нанесенных Газзаном?!

Деде. Не чужой он тебе: племянник, сын сестры...

Аррус. Вот именно, племянник, и значит – одного мы роду-племени. А он, законам крови вопреки, нам предпочел кровь рода Байандуров. Но мы, сыны могучей птицы, Салуры мы, как птицы мы, с могучими и цепкими когтями! (Устало.) Не уважает Газзан меня, не считается со мной... Жены своей боится, подкаблучник. По ее змеиному наущению на праздник не пригласил... При чем здесь гордыня, Деде?

Деде. Нельзя, чтоб стали вы врагами. Конец такой вражды ужасен.

Аррус. А что делать, Деде? Сам рассуди. Байандур стар...очень стар...Газзан метит на его место. Он уже сейчас невзлюбил моего сына, ведь именно Басат, ты знаешь, спас народ, а не его сыночек – неженка, воспитанный под женской юбкой. Уже сейчас он всячески третирует меня, а что же будет, когда на трон взойдет? Предвидеть нетрудно...

Деде. Предвидеть нетрудно, сложней предотвратить...

Аррус. А тут еще...такое дело...

Деде. О чем ты?

Аррус. Ох, ох, грехи наши тяжкие!

Деде. Да, не скажи... Грешили в молодости мы направо и налево...

Аррус. Как? Как ты сказал?

Деде. Грех молодости прыток; нас догоняет он на склоне лет...

Аррус (потупившись). Ты знаешь обо всем...

Деде. Ну, обо всем, не обо всем, но кое-что известно.

Аррус. Взяли, бросили без суда и следствия в яму... Газзану было достаточно одного слова этого завистника Бей Река...

Деде (устало). Уймись, Аррус. Тебе доподлинно известно, что все совсем не так, как ты сказал...

Аррус. Завидует Бей Рек! Сыну моему завидует...

Деде. Какому?

Аррус (потупившись) ...Басату.

Деде. А этому (кивает на яму) хотел бы ты помочь?

Аррус. Конечно! Мне жалко мать его... Прикажи, все, что скажешь, выполню тотчас же!!

Деде. Не спеши, Аррус. Не время. Приходи сюда в полночь. Я буду ждать тебя. А сейчас ступай к себе. Желание твое осуществится в полночь.

Аррус. Ухожу, Деде. Ты сказал – в полночь. Договорились?

Деде. В полночь... в полночь... Договорились.

Аррус с поклоном удаляется. Сразу же появляется Бекил.

Бекил. Отец мой, кровь моя, Деде Гор Гут! Слава Тенгри, нашел я тебя! (Становится на колени.) Помоги! Помоги мне, великий Гор Гут!!!

Деде. Встань, Бекил. Я в курсе.

Бекил. Поверь мне и слову моему, Отец! Он (кивает на яму) невиновен!

Деде. Знаю, знаю, Бекил! Ступай к себе, не беспокойся. Иди, иди, но в полночь непременно возвращайся. Все будет по-твоему.

Бекил. Деде! Дай выговориться мне, душа моя скорбит, и мысли бурной чередой проносятся в мозгу. Я молод был...

Деде. Я тоже... Иди и не кручинься. В полночь все решится... Мы сыновей так просто не сдаем...

Бекил. Что? Что ты сказал? Я не ослышался, Деде? Повтори. Что ты сказал?!

Деде (нетерпеливо). Что слышал.

Бекил. Известно все тебе!!!

Деде. Конечно же, известно. Ступай, и в полночь приходи сюда. Я буду ждать.

Бекил с поклоном удаляется, но тут же возвращается.

Бекил. Деде, позволь все-таки мне выговориться, иначе лопнет моя голова!

Деде (обречённо). Говори, Бекил. Только, заклинаю, короче...

Бекил. Говорю, Деде! Я много думал: что б стало с нами, когда б Тенгри нам не послал тебя? Подумать

страшно! И что было бы с тобою, когда б Тенгри тебя послал бы не к Огузам, а...куда-нибудь подальше?! Что ты без нас? И кто мы без тебя?! Каким бы оказался этот мир, когда бы, предположим, не было бы нас и не было бы тебя?! (Пауза.)

Деде. Ну?

Бекил. Не знаю. Представить не могу. Все смешалось в голове, как будто во хмелю.

Деде. Иди, проспись. Но в полночь приходи. Что медлишь ты?

Бекил (задумчиво). Что-то же я хотел сказать?...Что-то важное...Судьбоносное...

Деде. Ты все сказал. Я понял все. Ступай, и в полночь приходи. Запомнишь? В полночь.

Бекил (рассеянно). Да...да... В полночь. Непременно. (Уходит в задумчивости.)

Деде (в пустоту). Шер Шамсаддин! Ты здесь, я знаю! Слышал? В полночь приходи. Не делай удивленного лица...Я буду ждать.

Эпизод № 11

Деде. Та-а-ак, значит, так. Можно считать, что и с этим делом покончили. (Словно заучивает наизусть.) «Постепенно мрак окутал все вокруг. И только полная луна тревожно металась высоко в небе. Скоро полночь. Срок настает. Полночный срок». (После паузы.) Бедовая моя, где ты, отзовись...

Голос Бурла Хатун. Не прячься, я узнала тебя, Брюхатая! Иди сюда!

Деде прячется в траве.

Голос Брюхатой. Я спешу, не задерживай меня, Бурла Хатун...

Появляются Бурла Хатун и Брюхатая.

Бурла Хатун. Не прячь глаза. Не прячь, говорю. Посмотри-ка на меня, Брюхатая!

Брюхатая (падает в ноги Бурла Хатун). Мать родная, Бурла Хатун! Сестра моя, Бурла Хатун. Когда б ты знала, что стряслось со мною!..

Бурла Хатун. Встань. Поднимись. (Брюхатая поднимается, Бурла Хатун оглядывает ее со всех сторон.) Ты ли это, красотка? Во что ты превратилась, эх тебя разнесло! А ведь была тонюсенькой, соплей перешибешь... И что находили в тебе огузы, не пойму. Всем иностранным гостям представляли, многим в постель укладывали. Послушай, а может оттого, что вырос в окруженьи чужаков, твой сын и стал шпионом? Испортили мальчонку...

Брюхатая. Пощади, Бурла Хатун, пощади. Молю. Завали свою память огромными камнями, не вспоминай те дни... Намучилась, терпела-натерпелась я, сыта по горло. Пожалей во имя Тенгри!

Бурла Хатун. А поворотись-ка к свету, Брюхатая...

Деде делает пассы, над головой Брюхатой возникает мерцающий нимб.

Бурла Хатун. Что...что это такое? О, небо! Сердце остановится сейчас! На помощь!..

Брюхатая. Мне лучше уйти. Видать, я плохо на тебя действую.

Бурла Хатун. Нет, нет, не уходи. (Нимб гаснет.) Проваливай, и чтоб ноги здесь твоей больше не было!

Брюхатая. Не надо так, высокородная Бурла Хатун...

Бурла Хатун. Ты еще учить меня будешь, девка? Чтобы духу твоего здесь не было! Ты нисколько не изменилась – шлюхой была, шлюхой и осталось. (Нимб возгорается снова.) Постой. Не уходи, останься... Заклинаю именем Тенгри – зла не держи. Верну тебе я сына в целости-сохранности...

Брюхатая. Да что это с тобой, Бурла? Ты сама не своя...

Бурла Хатун. Ты заморочила меня, ты – ведьма, Брюхатая!!

Брюхатая. Ну, чисто тронулась умом. О чем ты говоришь?! При чем здесь я?

Бурла Хатун. Виденья смутные мелькнули пред глазами... Дни прошлые... И юные года... Чужбина вспомнилась... Привиделось, как я была в плену... и враг ... Кыпчак Мелик припомнился ... И молодой Газзан... И то, что тщетно позабыть пытаюсь!!! (Пошатнувшись, грузно оседает.) Помогите мне... Подойди ко мне... Дай руку... (Лишается чувств.)

Брюхатая. Что это с ней? Вставай, очнись, Хатун! Деде... Деде, где ты? (Внезапно её осеняет.) Вот оно что, твоих рук дело! А мне что делать? Бросить и уйти? Жалко бабу: тайну какую-то носит под сердцем. (Подхватывает ее подмышки, волоком волочит бесчувственную ханшу.) Хотела знать, как чаровала я огузов? Как зажигала кровь и страстью ослепляла? Как разума лишала и дарила наслажденье? И что с

того имела я сама? И как сыночка родила? И от кого? Ты это хотела знать, глупая, спесивая гусыня? Ну, так подошла бы и без затей спросила б... (Бурла Хатун стонет.) Очнулась, что ли?

Бурла Хатун (с трудом). Подними... подними меня с земли...

Брюхатая. Ну, вот еще! За кого ты меня принимаешь? Нашла богатыря... Так дотащу.

Бурла Хатун. Стерва...стерва ты... Тьфу, окаянная... (Лишается чувств.)

Брюхатая. Так-то мне сподручней будет. Ну, раз-два, взяли! (Тащит ханшу, исчезает во мраке.)

Эпизод № 12

Между небом и землей колышется фигура Деде Гор Гута

Деде Гор Гут. И вцепится в руку материнскую, и сделает свой первый шаг в небытие несчастный наш шпион. Шагнет в туман и растворится в просторном мире... Все, как прежде.. Все, да не все, многое еще предстоит вам... А пока – ешьте, пейте, веселитесь. А думы о грядущих испытаниях бросьте – они всегда грустны... А ты, шпион, ступай себе, иди по времени, сквозь годы и века, явись во всей своей неприглядности там, далеко-далеко, донеси, если сможешь, привкус и запах Огузов... Доживешь ты, шпион, до тех времен, когда, быть может, позабудут люди предательство... продажность духа, и будешь ты для них, наверное, ожившим воспоминанием, которое, сквозь тьму веков пройдя, сотрет различия меж правдою и вымыслом... былью и небылицей... сказкой и рассказом очевидца... И станут слушать все тебя, и будут слушать долго, так долго, что вяз развесистый до неба прорастет, произойдет Вселенский листопад и шелест желтых листьев собой заменит звуки мира, и все услышат в шорохе листвы печальный шёпот: конец, конец – всему делу венец... Эх, таким уж задуман наш мир: из ничего возникши, он в ничто стремится. Куда подевались воспетые мною герои?.. Все впереди – потери... испытания... предательства... разочарования... Но – довольно. Начнем, благословясь. Завершим начатое. В добрый путь, шпион! Иди, иди, продажное дитя. Иди, иди, отважное дитя – вся вечность перед тобой. Пусть это горькое преданье закончится на этом месте, закопают в яме память о шпионе: пусть навсегда покроет тайна имя юноши-шпиона, достаточно нам знать, кто мать его... Начнем, благословясь. Торопитесь, люди – я устал. Устал... я от всего, все надоело мне. (Делает пассы.)

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

... По приказу Деде Гор Гута сверху спускается толстый-претолстый канат...

... С разных концов появляются Брюхатая ... Газзан ... Бурла Хатун... Бей Рек... Шер Шамсаддин ... Бекил... Аррус ...

... Не видя друг друга, они опускают один конец каната в яму, берутся за другой конец, становятся наизготовку и ждут сигнала...

... По знаку Деде Гор Гута начинают и...

... из ямы, как из материнского чрева, начинает подниматься сын Брюхатой:

... голый, грязный, тощий, скрюченный...

... Словно зачарованные, герои продолжают поднимать шпиона...

... Бей Река мутит, он отбегает в сторону и, содрогаясь, блюёт...

... Обе женщины корчатся в родовых схватках ...

... Шпион поднят на один уровень с Деде Гор Гутом – опомнившись, герои опускают его вниз...

... Женщины подхватывают тело, укладывают его, Бурла Хатун поливает его водой, Брюхатая оmyвает...

... Герои обступают шпиона, в нос им ударяет вонь, морщась, они отступают и только сейчас видят друг друга...

... Женщины обтирают юношу, обряжают его в чистые одежды...

... Умытый и приодетый шпион уже не вызывает жалости, но Брюхатая кладет его голову себе на колени, укачивает и, светясь радостью, неслышно напевает колыбельную...

... Словно хищный зверёк, попавший в силки, злобно озирается шпион...

... Сначала гаснет полная луна...

... Затем Деде Гор Гут растворяется в темноте...

... Потом становятся невидимыми герои...

... И вот, поцеловав сына в лоб, Брюхатая берёт его за руку и волочит упирающегося юношу за собой – в кромешный мрак.

АФАГ МАСУД

РОЛЬ НА ПРОЩАНЬЕ

(Трагикомедия в двух частях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГЮЛЬТЕКИН САРАБСКАЯ – знаменитая актриса; возраст – за 60

ХАСАЙ МУРАДОВ – народный писатель; возраст – за 70

КОНТРОЛЕР – бывший сотрудник КГБ; возраст – за 60

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК – деревенская женщина средних лет, одетая по-цыгански

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ – бойкий молодой человек, возраст – 30-35

НИЩИЙ – полноватый мужчина; возраст – за 60

Режиссер, рабочие, пассажиры и другие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Место, напоминающее вокзальный перрон. Справа виднеется установленное на колесах расписание движения поездов. Слева тянутся пустые рельсы, над ними семафор, горящий то красным, то зеленым светом. В центре на высоком столбе, похожем на фонарный, висят круглые вокзальные часы. Вокруг них расставлены фонарные столбы и скамейки.

За прозрачной стеной, на заднем плане, по ходу событий двигаются, сливаясь, тени пассажиров с чемоданами в руках.

Где-то неподалеку слышатся звуки медленно приходящего в движение поезда. Взволнованные, беспокойные голоса пассажиров, выкрики носильщиков: «Дорогу! Дорогу!», грузовыми тележками врезающих поток пассажиров, сливаются в знакомый вокзальный гул.

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Внимание! Начинается посадка со второго перрона на поезда, отправляющиеся с третьего, шестого и четвертого пути! Просьба к пассажирам – подойти ко второму перрону. Повторяю: начинается посадка со второго перрона на поезда третьего, шестого и четвертого пути...

Сцена медленно освещается. Вокзальный шум постепенно смолкает, и на перроне воцаряется тишина.

Слышится музыка из оперы «Пер Гюнт», и на сцене появляется Гюльтекин Сарабская в черной одежде до пят, напоминающей одежду трагических театральных героинь; зажав под мышкой маленький ридикюль, она везет за собой большие черные чемоданы на колесиках, высматривая себе место на скамейках. Разместив чемоданы у одной из них, она подходит к рельсам, перешагнув через барьер, спускается на пути и вглядывается вдаль. Возвращаясь, на что-то наступает, поскользнувшись, еле удерживается на ногах. Наклонившись, поднимает большую красочную афишу, читает.

ГЮЛЬТЕКИН. Это еще что?.. (Читает.) Женщина под поездом... Ох!.. Женщина, под поездом!.. Что за блажь?!.. (Кривится, зрителям.) Какая примитивщина!.. Фабула нелепая!.. (Комкает и отбрасывает в сторону афишу, окликает проходящих неподалеку рабочих с поклажей.) Эй, детка, подай-ка мне руку... Видишь ведь, застряла...

С помощью рабочих поднимается на платформу, отряхивает с себя пыль. Рабочие уходят. Гюльтекин

подходит к расписанию движения поездов, достает из ридикюля похожую на билет бумажку и сверяет написанное там с расписанием, потом кладет бумажку обратно в ридикюль, проходит и садится на скамейку рядом с чемоданами. Вынимает из ридикюля антикварное зеркальце и, глядя в него, приводит в порядок волосы и макияж.

На противоположной стороне перрона появляется Хасай Мурадов, с заросшим лицом, в поношенной одежде, напоминающий бездомного уличного бродягу. Не замечая Гюльтекин, нетвердым шагом проходит в центр перрона, останавливается напротив часов, пытаясь сверить их со своими старыми часами, однако то ли от слабости, то ли от нетрезвости своей не может удержаться на ногах и, покачнувшись, отступает назад.

Где-то неподалеку слышен стук колес и длинный гудок отъезжающего поезда. От звука гудка Хасай вскидывается и, глядя вслед невидимому удаляющемуся поезду, задумывается, достает из кармана мятый платок, вытирает им глаза, нос. Когда окончательно стихают звуки поезда, он направляется к одной из скамеек, на противоположной стороне перрона вдруг замечает сидящую на скамье Гюльтекин и, пораженный, застывает на месте. Затем, отходя осторожным шагом в сторону, «прячется» за одним из фонарных столбов.

ГЮЛЬТЕКИН (не замечает Хасая, положив зеркальце в ридикюль, тоскливо оглядывается вокруг). Ну, вот и вокзал... где веет лишь разлукой и печалью... (Внезапно меняется, с фальшивой улыбкой на лице.) Отчего же печалью?.. Быть может, наоборот?.. Быть может, веет здесь совсем иным?!.. Быть может, он и есть – единственный путь спасения от безысходности?!.. (Умолкает, сама с собой.) Нет, не так было... (Пытается вспомнить; затяжная пауза; Хасай прислушивается; слышен звук отъезжающего от одного из перронов поезда: поезд набирает скорость, удаляется и пропадает; Гюльтекин снова входит в роль, принимает другой образ, вздыхает, с тоской.) Вот и вокзал... место трагичного конца... Печалью полон он... (Умолкает, с фальшивой улыбкой.) А отчего печалью?.. Как может источать печаль начало новых начал?.. (Встает, лицо выражает бунт и победу.) Воистину!.. (Оборачивается туда, откуда пришла.) Печалью были лишь они!.. Былое – унесенное куда-то прочь!.. (Голос понижается.) Былое... унесенное куда-то прочь... (Зрителям.) ...оставив в памяти всего лишь горькую печаль... (Голос вдруг меняется, траурным тоном.) ...Не унесенное куда-то прочь, не ставшее былым... а продолжающее жить в тебе, введаясь в дух и плоть твою... (Вдруг с безумной улыбкой.) Это ли конец тех пылких, сладких грез?.. (Застывает в молчании с безумной улыбкой на лице.)

Где-то поблизости раздаются голоса вокзальных ребятишек: «Семечки-семечки!.. Хорошие семечки, дяденька!..»

Музыка стихает. Осмелев, Хасай выходит из-за фонарного столба и делает несколько осторожных шагов к скамейке, где сидит Гюльтекин, но вдруг останавливается, какое-то время нерешительно топчется на месте и снова прячется уже за другим столбом. Гюльтекин Хасая не замечает.

ГЮЛЬТЕКИН (откинувшись на спинку скамейки, переводит дыхание, душевно). ...Что все это было?.. (Задумчиво.) Яркий, слепящий свет прожекторов... (Внезапно замороженно.) ...напоминающий безмолвное, темное море, тихий зрительный зал... (Молчит, разнеженно.) ...потоки восторга и любви, льющиеся оттуда к тебе на сцену теплыми, воздушными волнами... обволакивая руки, ноги... (Прикрыв глаза, умолкает, траурно.) А дальше тишина... Тишина и темнота... (Подняв голову, смотрит вверх.) ...и шорох занавеса, медленно опускающегося откуда-то сверху топором палача на плечи... (Вдруг в ужасе.) Трагический конец, напоминающий чей-то день кончины, и запах смерти... (Опустив голову, смолкает. Откуда-то издали раздаётся протяжный гудок поезда. Вдруг на одном дыхании.) И остается лишь одно... поскорее добраться до гримерной... содрать с себя, словно кожу, все, что есть на тебе... (Нервными движениями теребит на себе одежду.) ...и броситься вон из этого чертова гнезда!.. (Пауза, вдруг обессиленным голосом.) ...Зная, что завтра туда вернешься вновь... И не только потому, что некуда тебе идти... Еще и потому... (Умолкает, потрясенная, вдруг громко, небесам.) Просто потому что... быть настоящей больше не за-хо-о-че-е-ешь!..

Гром взорвавшихся аплодисментов... взволнованные крики «Браво-о-о!..» Музыка. Гюльтекин, закрывая лицо руками, начинает раскачиваться в такт музыке, руки у лица, кружится по сцене, словно в танце. Кружась, двигается к фонарному столбу, за которым прячется Хасай. Чтобы не столкнуться с Гюльтекином, Хасай отходит в сторону, меняет место, однако избавиться от «преследований» Гюльтекин ему не удастся. Они сталкиваются. Музыка обрывается. Гюльтекин смущенно возвращается на место, садясь, исподлобья взглядывает на Хасая.

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Внимание! Начинается посадка на поезд Баку-Тбилиси, отбывающий в 19.30 с четвертого перрона. Повторяю...

Оба якобы внимательно слушают голос из репродуктора, потом деловито сверяют часы. На перроне вновь воцаряется тишина. Оба суетливо, неловко возятся на месте.

Хасай, набравшись смелости, приводит себя в порядок, делает несколько шагов к скамье, на которой сидит Гюльтекин, но, оробев, останавливается.

Гюльтекин открывает свой ридикюль и, что-то напевая себе под нос, как ни в чем не бывало, приводит в порядок макияж, в то же время исподтишка наблюдая за действиями Хасая.

Хасай, осмелев, наконец выходит из-за фонарного столба.

ХАСАЙ (сделав несколько шагов в сторону скамьи, где сидит Гюльтекин, опять останавливается, растерянно Гюльтекин). Я вот... все смотрю на вас... и хочу сказать... (Умолкает, с улыбкой опускает голову.) Вы поняли,наверно, о чем я ...

ГЮЛЬТЕКИН (подозрительным взглядом оглядывает Хасая с головы до пят, вдруг задиристо). Что, деньги нужны?.. (Не дожидаясь ответа, открывает ридикюль, достает купюру, величаво протягивает.) На вот, возьми!..

ХАСАЙ (вздрагивает). Нет-нет! Что вы?..

ГЮЛЬТЕКИН. Бери-бери, не стесняйся... (Грустно зрителям.) Уж кто-кто, а я-то знаю, что такое нужда.

ХАСАЙ (растерянно). Вы меня не так поняли. Я – не нищий... (Обиженно.) И ничего мне от вас не надо. И вообще это вот мне не свойственно. Я... просто хотел сказать... (Снова, потупившись, растерянно смотрит под ноги, вдруг взволнованно зрителям.) Что же это я хотел сказать?..

ГЮЛЬТЕКИН (переставляя чемоданы, с уставшим видом). Ну, что ты скажешь?.. Я и так все вижу...

ХАСАЙ. Видите?.. Что?..

ГЮЛЬТЕКИН (поворачивается, смотрит на Хасая). Тени под глазами. (Вдруг участливо.) Который день голодный, а, бедняга?..

ХАСАЙ (проводя пальцем под глазами). ...Это вы о них, что ли?.. Так это ведь не тени!

ГЮЛЬТЕКИН. Не тени?.. Так что же?..

ХАСАЙ. Это... (Подыскивает слова.) ...строение моего лица. С детства.

ГЮЛЬТЕКИН (скрестив руки, оглядывает Хасая). Так ты, значит, вроде как го-о-рдый, да?..

ХАСАЙ (обиженно отходит). Вы меня оскорбляете!.. (Ему вдруг становится плохо, покачнувшись, хватается за сердце.)

ГЮЛЬТЕКИН (зрителям). С каких это пор дать денег – считается оскорблением, а?.. Пожалела, помочь захотелось, не хочешь, ну и Бог с тобой! (Кладет деньги обратно в ридикюль, вдруг, заметив состояние Хасая, вскакивает, подхватывает его и тащит к скамье.) Эй-эй-эй!. Что это с тобой?.. Дорогой, я ведь...

ХАСАЙ (в бреду). ...и они так думали... и вы вот так думаете... Но ведь ошибаетесь... (Внезапно, отпрянув от Гюльтекин, нервно кричит зрителям.) Все вы ошибаетесь!!! Ничего такого не было!!! Я всегда был верен своим идеалам!.. И сейчас тоже!.. И сегодня...

ГЮЛЬТЕКИН (обнимает Хасая, тихо ему на ухо). Послушай, ты в детстве менингитом не болел, а?

ХАСАЙ (бьется в объятиях Гюльтекин). ...и душу свою... ни за что не продавал!.. Потому что... потому что верил!! От чистого сердца!!! До конца!.. До последнего дня!..

ГЮЛЬТЕКИН (волочет Хасая и сажает на скамейку, снова тихо). А желтуху не перенес случайно, а?..

ХАСАЙ (приходит в себя, садится, выпрямившись, жалостливо). Вот этого не помню. Но погодите-погодите... Кажется, припоминаю... Да-да-да, однажды, в детстве, помню, голову мне туго забинтовали... и мама... Да-а... (Завороженно.) Смотрела мама на меня откуда-то сверху и плакала...

ГЮЛЬТЕКИН (в сторону, тихо). Глядя на тебя, мне самой плакать хочется, что уж о матери твоей говорить?! (Достает из ридикюля веер и обмахивает им Хасая, зрителям.) Это у меня врожденная способность!.. Стоит краешком глаза взглянуть на человека, как тут же вижу его насквозь!..

ХАСАЙ (приходит в себя, пугливо оглядывается). ...Г-где это я?.. (Руками ощупывает себя, растерянно сам себе.) Что это было со мной?..

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, зрителям). ...Стою, значит, я однажды на остановке и вдруг вижу...

ХАСАЙ (словно впервые видит Гюльтекин, с округлившимися глазами). Вы... а вы кто... извините?..

ГЮЛЬТЕКИН (скривившись, молча смотрит на Хасая). Это я – кто?.. (Зрителям, с нервным смешком.) Да просто прохожая...

ХАСАЙ (в ужасе). Прохожая???

ГЮЛЬТЕКИН (касается рукой головы Хасая, снимая испуг). Бисмиллах-бисмиллах!.. (Зрителям.) И я вот точно так же, ну точно так же испугалась тогда. Точь в точь!.. Язык запал... (Пытаясь показать, широко открывает рот, оттягивая язык к гортани.) ...уш-шел куда-то... (Говорит невнятно, оттого что втягивает язык в гортань.) ...в глубь горла...

ХАСАЙ (лицо просияло). Ах, да-а, вспомнил!.. (Вдруг смолкает, растерянно пытается что-то вспомнить, неловкими движениями приводит себя в порядок.) Только что... я все прекрасно помнил... (Вдруг взволнованно зрителям.) А что случилось потом?..

ГЮЛЬТЕКИН (не слыша Хасая, продолжает, зрителям). ...Потом позвали врача. Доктор осмотрел мне белки глаз и сказал: «Желтуха!..»

ХАСАЙ (испуганно). Доктор?.. Ах, до-о-кто-ор...

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, зрителям). А мама, рассмеявшись, сказала: «О чем ты, детка, у нас в роду такой болезни не было... (Вдруг нервно.) У нас все померли (Вдруг со злобой.) ...от сибирской язвы!..

ХАСАЙ (радостно). ...Вспомнил!.. Клянусь этим белым светом, вспомнил!..

ГЮЛЬТЕКИН (прерывая свою речь, с недовольным лицом Хасаю). Ну, что ты опять вспомнил?..

ХАСАЙ. Знаете, что я хотел вам сказать?.. Вот только имя ваше... (Замолкает, пытаясь вспомнить.)

...все стараюсь вспомнить, никак не могу... Минуточку-минуточку... (Пытается привести в порядок волосы, задевает рукой очки, они соскальзывают с лица и падают.)

ГЮЛЬТЕКИН (наклонившись, поднимает очки, аккуратно надевает их на глаза Хасаю, участливо).
Зачем тебе мое имя, дорогой ты мой?..

ХАСАЙ. Имя?.. (Волнуется.) Но вы же не знаете... Ведь я... Я – ваш поклонник!. (Гюльтекин хоть и меняется в лице от этих слов, но сразу берет себя в руки. Музыка.) С вашего позволения... (Поднимается и становится на колени перед Гюльтекином.) ...разрешите поцеловать вашу ручку!.. (Целует руку Гюльтекина.)

ГЮЛЬТЕКИН (беспокойно оглядываясь). Встаньте. Встаньте же, прошу вас. Люди смотрят... Что скажут?..

ХАСАЙ (на коленях). Пусть говорят, что хотят!.. Вы... Ведь вы великая актриса!.. Ведь перед вами... (Подыскивает слова.)

ГЮЛЬТЕКИН (нервно, в сторону). Боже мой...

ХАСАЙ. ...перед вашим великим талантом!.. все, всё человечество должно стоять на коленях!..

ГЮЛЬТЕКИН. Прошу вас, успокойтесь... (Оглядывается по сторонам, тихо.) Возможно, вы меня с кем-то путаете... (Вдруг умолкает, вздыхает и с грустью зрителям.) Но вот с кем?..

ХАСАЙ. Путаю?.. О чем вы говорите? Ваш голос... Я узнаю его из тысяч голосов!.. (Вдруг оборачивается к зрителям, громко.)

Став камнем, травую зеленел я!..

Травой увянув, ожил хищником!..

ГЮЛЬТЕКИН. А-а, поняла... поняла, о ком речь... Вы, наверное, о той известной актрисе... Она... (Став в позу, подняв носик кверху, поводит плечами.)

ХАСАЙ. Ага-ага...

ГЮЛЬТЕКИН. Ну, так ведь я – не она.

ХАСАЙ. Не она?.. (Надевает очки, внимательно вглядывается в Гюльтекин, взволнованно обмахивающуюся веером.) Как это – не она? Те самые выразительные глаза... полный любви и ненависти суровый взгляд!.. Тот же лоб!.. (Отодвинувшись, снова всматривается в Гюльтекин, теперь на

расстоянии.) Тот же высокий, красивый лоб ученого!.. (К зрителям, с прежним пафосом.)

Две души в груди, – где поселилась печаль,

Стремятся к свободе одна от другой,

Одна – притягивается землей,

Другая – рвется в неба даль...

ГЮЛЬТЕКИН (настроение ее меняется, веер застывает в воздухе, с грустью). Она больше не рвется в небеса...

ХАСАЙ. Кто?..

ГЮЛЬТЕКИН (траурным голосом). Душа. Моя душа... (Вдруг, будто ужаленная, безумными движениями что-то ищет на себе.) ...с которых пор тут где-то прячется она, так глубоко, страдалница – душа моя!.. (Опустив голову, умолкает.)

ХАСАЙ. Что с вами? Почему вы замолчали?..

ГЮЛЬТЕКИН (входит в образ). Быть или не быть?

Что благородней – славить провиденье

И подставлять его ударам грудь,

Иль бой принять: шагнуть во всеоружьи

В пучину зла? Уснуть навек.

Уснуть... И кончено.

Поверить, что, уснув,

Избудешь сотни мук души и тела?..

Да разве можно благом не считать

Финал такой?.. Уснуть.

Навек уснуть.

И значит, видеть сны?.. Вот где барьер!..

Сомнение в том, что, сбросив пути жизни,

Мы будем сны загробные смотреть...

(Опустив голову, замолкает.)

ХАСАЙ (изумленно откидывается назад). Боже!.. Тот же голос!.. Тот же голос, что горячей волной струится по жилам моим!.. Сколько лет я не слышал его?! (Вдруг взволнованно.) Но почему?.. Скажите, в чем причина?

ГЮЛЬТЕКИН (выходит из задумчивости). Причина?..

ХАСАЙ. Почему вас не видно на сцене?.. Или пьесы вам не по душе?..

ГЮЛЬТЕКИН (вдруг меняется в лице, недовольно Хасаю). Что за глупые вопросы?.. Это что, допрос, следствие?.. Или, может, тебя адвокатом наняли?..

ХАСАЙ (смутившись). При чем здесь следствие?.. Я просто...

ГЮЛЬТЕКИН (устало открывает ридикюль). Дай вам только волю...

ХАСАЙ. Волю?.. Разве я что-то сказал?.. Обидел вас чем-то?..

ГЮЛЬТЕКИН (раздраженно, сама с собой). Кошмар какой-то... (Хасаю.) Шел бы ты своей дорогой, а? На кой черт надо было мне жалеть тебя?!..

Хасай в растерянности бредет обратно. Гюльтекин встает, нервно снимает с себя плащ.

ГЮЛЬТЕКИН (снимает булавку с платья и бросает ее в ридикюль, сама с собой). Не знаешь, куда деваться от этих надоедливых поклонников!.. Выходишь на улицу, кидаются на тебя, заходишь в магазин, лезут в рот! Не знаешь, где уж и ходить?!..

На перрон выходит продавец газет с большой, полной журналов и газет сумкой через плечо.

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (идет большими шагами по перрону). Свежие газеты! Журналы вокзальные!.. Горяченькие!.. С пылу, с жару!.. Политика и криминал!.. Жизнь и творчество поп-звезд!.. «Плейбой»!..

«Одно мгновенье жизни!» «Будь моей!»... по оптовой цене!.. (Подходит к Хасаю, щекочет его под ребрами, Хасай отступает, Хасаю тихо.) «На страже здоровья»... Для тебя пятьдесят копеек. (Хасай, заложив руки в карманы, отходит от газетчика; вдруг в чьем-то образе.)

Что в имени твоём?..

Все тот же снег...

Хронические бабочки прохлады...

И слабое свеченье век...

Остывших слез...

Молитвы и баллады

О будущем, приснившемся за день,

И призрака трагическая тень...

ХАСАЙ (продавцу газет, указывая на Гюльтекин, тихо). Ты потише немного... Спокойнее...

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (Не слыша Хасая, крупным шагом ходит по перрону, все еще в каком-то образе).

Мой непутевый друг,

Пусть никого не ранит

Взмах сатанинских крыл.

Знай, я тебя любила...

Хочешь – иди за мной,

Нет – утешайся, милый,

Вечной тоской своей...

(Взгляд его вдруг падает на Гюльтекин, он кидается к ней.) Для женщин – «Следи за собой!» Всего два маната!.. (Вдруг узнает ее, замирает на месте.) Погодите, погодите, это же... Не могу поверить своим глазам...

ГЮЛЬТЕКИН (отворачивается в сторону). О, Боже!..

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (делает в сторону Гюльтекин несколько шагов, останавливается, замороженно). Вы... (Хасаю.) Это же... (Хасай отворачивается и удаляется.) Господи!.. Какой сюрприз!..

ГЮЛЬТЕКИН (с недовольным лицом газетчику). Что вам нужно, товарищ?..

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ. Мне?.. Больше ничего... Я готов тут умереть охотно! С превеликим удовольствием!.. Скажите только слово!

ГЮЛЬТЕКИН (сурово). Если вы о журнале, он мне не нужен.

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (делает еще несколько шагов в сторону Гюльтекин и останавливается). Ведь вы... не знаете... Я... (Снимает с плеча полную газет сумку и отбрасывает ее в сторону.) ...я... (Падает на колени перед Гюльтекин.) ...люблю вас!.. (Гюльтекин и Хасай вздрагивают и смотрят друг на друга; с горечью.) Если б вы знали, как изменили мою жизнь?! В один миг, лишь миг!.. Одним жестом!.. (Стоя на коленях, изогнувшись, просовывает голову подмышку.) Сами того не зная... не имея о том понятия... (Внезапно меняет позу, подперев рукой подбородок, голосом нежной девушки.)

Мое лицо спасает темнота,

А то б я, знаешь, со стыда сгорела,

Что ты узнал так много обо мне.

Хотела бы восстановить приличье,

Да поздно, притворяться ни к чему.

Ты любишь ли меня?.. Я знаю, верю,

Что скажешь «да»...

Гюльтекин с Хасаем смотрят друг на друга.

ХАСАЙ (взяв продавца газет за руку, пытается оттащить его в сторону, тихо). С ума сошел?.. Видишь, злитесь?!.. Иди, займись своим делом!.. (Не отрывая взгляда от Гюльтекин, собирает рассыпавшиеся газеты и журналы, запикивает их в сумку, отдает ее продавцу газет и подталкивает его к выходу.) Давай-давай отсюда...

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (уходя, громко в сторону Гюльтекин). Ну, что поделаешь?.. И я уйду!.. (Неожиданно умолкает, пытаясь что-то вспомнить). Как там было?.. Да... Не стану больше строить города из слов!.. Пускай все остаются посреди степи!.. (Вырывается из рук Хасая, бросается на пол,

громко, с пафосом.)

О, друг мой непутевый!

Вод голубые ставни

Не отомкнутся больше!

Я не воскресну, милый!

Со дна мне не подняться...

ГЮЛЬТЕКИН (вздыхает, печально зрителям). Вот тебе и вокзал. Вот и выход. И здесь спасенья нет...

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (бьется в руках Хасая). Это сон!.. Клянусь, это сон!.. Не верю своим глазам!.. (Какое-то время голос его еще слышится за сценой.) ...После того спектакля я слег на неделю! Не мог в себя прийти!.. Голова шла кругом!.. (Голос его слабеет, стихает.)

ХАСАЙ (возвращается, приводя себя в порядок после потасовки с продавцом газет). В таких случаях говорят: «помилуй, Господи!»

ГЮЛЬТЕКИН (траурно, небесам).

Покажи мне укрытье... где смогла б я исчезнуть...

Чтобы было оно не могилой, не домом...

(Прикрывает глаза, будто испытывает боль.)

ХАСАЙ (осторожно). Это здешний газетчик. Не судите его строго. Большой любитель театра... (Гюльтекин стонет с закрытыми глазами, словно что-то болит у нее.) Что это с вами?.. Вам больно?..

ГЮЛЬТЕКИН (с закрытыми глазами). Да...

ХАСАЙ. Что болит?..

ГЮЛЬТЕКИН. Волосы...

ХАСАЙ. Волосы?.. Но ведь... Волосы, говорю, могут болеть?! (Задумывается, вдруг словно что-то понимая, отступает на шаг, пылливо смотрит на Гюльтекин, просветлев лицом.) А-а-а... кажется, я

начинаю понимать... Это же... Понимаю-понимаю. Вот это... то, что вы сейчас говорите... это случайно не из спектакля «Судьба актрисы», а?.. Из монолога главной героини?.. Точно! (Вспоминает.) Припоминаю... Помню хорошо. В конце она кончает с собой...

ГЮЛЬТЕКИН (открывает глаза). Кончает с собой?..

ХАСАЙ. Как вы играли это, Боже!. Кровь стыла в жилах!.. (Вдруг забирается на одну из скамеек, зрителям.)

Я не воскресну, милый,

Со дна мне не подняться.

Под покрывалом ила

Боль я смогла унять...

ГЮЛЬТЕКИН (перебивает Хасая). Что это?.. Что вы сейчас говорите?.. (Смотрит на Хасая.)

ХАСАЙ. Из той самой пьесы... «Судьба актрисы».

ГЮЛЬТЕКИН. Судьба актрисы?.. (Пожимает плечами.) Впервые слышу... (Неожиданно хохочет.)

ХАСАЙ (изумленно откидывается назад). Боже!. Тот самый смех!.. Тот самый звонкий смех!.. В нем есть что-то возвышенное!.. Мятеж!.. Победа!.. Великие поражения и вновь победа!..

ГЮЛЬТЕКИН (задумчиво, зрителям). ...Победа, когда не знаешь, нужна ли она тебе?... (Внезапно меняется; музыка; медленно поднимается на ноги, скрестив руки на груди.) Потерпеть поражение?.. Или победить?.. Или раствориться и исчезнуть в потоке неистовой судьбы?.. Или же, вырвавшись, восстать?.. (Начинает биться на месте, словно ужаленная, Хасай заворуженно наблюдает за ее действиями.) Не-ет... Умереть!.. Слиться с темнотою, спящей мертвым сном!.. (Закрывает глаза, обхватывает голову руками и извивается, как змея.) И видеть сны с победными концами!.. (Гром аплодисментов из зрительного зала.)

ХАСАЙ (хлопает, заворуженно). Гениально!..

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА (перебивает гром аплодисментов). Внимание, внимание! К сведению пассажиров!.. Начинается посадка с шестого перрона на поезд, отправляющиеся с третьего и первого пути!.. Повторяю...

ГЮЛЬТЕКИН (возвращается на свое место, падает на скамью, зрителям, тоскливо). Вот иди и живи...

ХАСАЙ (нетвердыми шагами подходит к Гюльтекин). Когда я вас увидел в первый раз... Никак теперь не могу вспомнить, где это было... Если не ошибаюсь... (Пытается вспомнить.)

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, зрителям). ...Это ведь всегда так... (Завороженно.) Едва на крыльях ощущений, чувств взлетаешь к небесам... как тут вдруг...

ХАСАЙ (лицо светлеет). ...А-ах!.. Вспомнил, наконец!.. В Ялте!.. В летнем кафе!.. Помните?.. Вам тогда было едва лишь двадцать. Вот точно так же, дрожа от волнения, я приблизился к вашему столу. Я заметил вас сразу, как только вошли вы в кафе... еще издали...

С другого перрона доносится голос из репродуктора, объявляющий рейсы.

ГЮЛЬТЕКИН (звук репродуктора выводит ее из задумчивости, с недовольным лицом Хасаю). А причем тут Ялта?

На перроне появляется женщина, продающая семечки, в длинном, напоминающем цыганское, платье. Вразвалку, метя землю подолом, она подходит и останавливается перед Гюльтекин.

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК. Семечки-семечки... Горячие семечки... Сестричка, бери, с утра нажарила. Лекарство от гастрита...

ГЮЛЬТЕКИН (садится на свое место, отворачивается). Спасибо, не нужно.

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (идет за Гюльтекин). Купи, пожалеешь, красавица!.. К тому же, в дороге будешь, щелкай на здоровье, чтоб занять себя чем-то.

ГЮЛЬТЕКИН (с недовольным лицом). Сказала же, спасибо, не нужно... (Открывает ридикюль, что-то ищет.)

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК. Семечки-то молочные, так и тают во рту.

ГЮЛЬТЕКИН (перестает рыться в ридикюле). О, Господи!.. (Продавщице семечек.) Сказала ведь, не хочу!.. Молочные они, сливочные, никаких не нужно! (Зрителям.) Ну мне это надо?..

Пока Гюльтекин разговаривает с продавщицей семечек, Хасай замечает в углу ее корзины вложенные один в другой бумажные кулечки для семечек. Поднявшись, осторожными шагами приближается к продавщице семечек сзади, протягивает руку и вынимает один из кулечков, разглаживает его,

поправляет очки, читая про себя, возвращается на место и под действием прочитанного, закрыв лицо руками, беззвучно плачет.

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК. А чего ты злишься-то?.. Так и скажи – «не хочу», и дело с концом!.. (На ходу зрителям.) Дурдом какой-то!.. Сборище сумасбродов! Ни понять, ни объяснить. (Не сводя глаз с Гюльтекин, подходит к Хасаю.) Эй, брат, ты бы хоть взял. Горячие. Купи.

ХАСАЙ (выходит из задумчивости, тупо смотрит на продавщицу семечек). Что?.. Что «хотя бы», говоришь?..

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (молча смотрит на Хасая, вдруг начинает протяжно петь). Разлу-у-ук и смерте-е-й бы не было хотя бы-ы-ы... (Показывая на корзину, тихо.) Говорю, молочные, купи, не пожалеешь. (Хасай, надев очки, качает рукой.)

ГЮЛЬТЕКИН (тихо небесам). Зачем я здесь?.. Ведь и отсюда нет выхода...

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (подходит к Гюльтекин, осторожно). Я не сказала давеча, у меня ведь и имбирь есть... тебе дешево отдам. (Вдруг узнает ее.) Погоди-ка, погоди... Уж не... (Гюльтекин отворачивается.) ...не артистка ли ты?.. Та, что обернув бедра шалью, цветы по земле рассыпает... не она ли?.. (Гюльтекин, взявшись за голову, отворачивает лицо.) Ну, ты и играешь это!.. Ах-ах-ах!!! Так понимает!.. (Вдруг, войдя в образ, с профессиональным мастерством.)

Я легковерной, может быть, кажусь?

Ну, ладно, я исправлю впечатленье,

И откажу тебе в своей руке,

Чего не сделала бы в жизни.

Все слишком второпях и стгоряча,

Как блеск зарниц, который потухает,

Едва сказать успеешь «блеск зарниц»...

Слышен гром. Хасай и продавщица семечек смотрят в небо.

Звук, напоминающий вой ветра. Свет меняется.

Странные звуки. Перрон заполняется пассажирами, потерявшими вещи, детей... Они, переключаясь,

мечутся по перрону, толкаются с чемоданами в руках.

Гюльтекин и Хасай среди них. Пулями носятся среди людей носильщики с тележками. Одна из них цепляет Хасая и, едва не волоча его за собой, сталкивается с Гюльтекином. Гюльтекин толкает Хасая в сторону.

Хасай падает и катится по перрону. Музыка обрывается.

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (собирая рассыпавшиеся кулечки). О, Господи!.. Господи!.. Чуть не умерли ведь!

ГЮЛЬТЕКИН. Что это такое? В чем дело?.. Чуть не затоптали беднягу... (Вслед уходящей толпе кричит.) Ведь все уедете!.. Убивать-то друг друга зачем?.. (Помогает Хасая подняться, отряхивает с него пыль.)

Странный звук, напоминающий звук оборвавшейся струны. На одну сторону перрона опускается темнота, напоминающая тень громадной тучи.

Все трое смотрят в небо.

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК. Слышали?..

ГЮЛЬТЕКИН (нерешительно). Что это?..

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (глядя в небо, приводит себя в порядок). К вечеру дождь обещали.

ГЮЛЬТЕКИН (уставившись в небо). Будто оборвалось что-то... Или открылось?..

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (уходя). Потому-то и говорю!.. Грызите семечки, чтоб нипочем все было!..

ХАСАЙ (уставившись в небо). Небо... потемнело...

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (смеясь). Это еще что?.. Здесь и не такое бывает... (Уходит.)

ГЮЛЬТЕКИН (смотрит в небо). Притом потемнела только эта сторона... (Проходит вправо.) ...а тут вот вроде бы ясно...

Слышится совиный крик.

ХАСАЙ (прислушивается к звуку, в ужасе). Сова... Слышали?

ГЮЛЬТЕКИН. Сова?.. (Скривившись, смотрит на Хасая.) Откуда тут, на вокзале, быть сове-то?.. Что тебе здесь – театр, цирк?..

ХАСАЙ (лицо просветлело). Театр!.. Это ведь сплошное чудо!..

ГЮЛЬТЕКИН (устало падает на скамейку, расстроено). Чудо... А ты пойдй, посмотри теперь, во что они превратили это чудо!.. Этот очаг священный... При слове «Театр!» чувствуешь лишь запах прокисшего вина!.. Чего там только не творится?!.. Из-за роли друг-другу глотки грызть готовы! Ради звания вилки глотать! А пьесы-то.. (Внезапно складывает руки у груди, дрожащим голосом, с фальшивой взволнованностью.) ...Нет-нет, не говори так, Афзальдин! Если б почувял ты охвативший сердце мое пламень, то не ценил бы так дешево любовь мою!.. Не позволил бы топтать чувства мои!.. (С ненавистью в сторону.) Тьфу!!! (Расстроено.) А настоящее искусство, мастерство осталось в стороне. (Молчит, смотрит на рельсы; слышится стук поездов с дальних путей; очнувшись, расстроено.) Ни шипения змеиногo... (Указывая на небеса.) ...ни слова Ему...

ХАСАЙ (неловко). Это... т-то, что вы только что сказали, по-моему... Конечно, если я не ошибаюсь, Метерлинк...

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, небесам с тоскою).

Туча...

Узнала ль, туча, ты меня?..

Внутри меня земля...

песком засыпаны глаза,

Последняя надежда – небеса...

Но не дотянется туда рука,

Не хватит голоса...

(Молчит, небесам.) Слы-ы-шишь меня?.. (Понижает голос.) Мне плохо здесь...

ХАСАЙ (завороженно). Ай-ай-ай!.. Это... Я о том, что вы сейчас сказали, аж дух захватывает... (Пытается вспомнить.) Напоминает и Шекспира, и Гомера...

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, опускает голову.) Не слышит...

ХАСАЙ (вдруг победно). А может, и Гёте!.. «Фауст»!.. Ну да, конечно, это он!..

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, сама с собой, тихо). Но отчего же?.. Скажи, почему ты не можешь жить?.. Ведь живут же собаки... и кошки, и мыши... Но ты... Ты жить не можешь!.. Почему?.. Ответь мне, почему?.. (Вдруг нервным криком.) Чего ж ты хо-о-чешь??? (Приходит в себя, встает и нервно ходит вокруг скамейки). Ничего-ничего... Самое трудное – начать. Вынести душу из этой страшной мельницы душ!

ХАСАЙ (завороженно). Мельница душ?.. Как это точно?!.. (Грустно, зрителям.) Удалось ли кому-либо вынести отсюда невредимой свою душу?..

ГЮЛЬТЕКИН (вдруг, подбоченясь, словно спорит с кем-то). Да-а, это не мой театр!.. Да-а, не могу я пожертвовать своим амплуа ради этой жалкой самодеятельности!.. (Неожиданно с горечью.) Ведь я ее... любовь свою вот тут хранила... (Словно держит ребенка на руках)... берегла, как ребеночка своего больного. Годами!.. (Умолкает, свесив голову.)

ХАСАЙ (подходит к Гюльтекин, осторожно). Я вас очень прошу, выслушайте меня. Или вы...

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, зрителям). Кто удостоился фонтанов аплодисментов... фейерверков восторгов?..

ХАСАЙ (расстроено). Вы не хотите меня слушать. Вижу, опять вы в роли... Снова в своем амплуа-а!.. Знаю, вы, как саму жизнь, любите сцену. Но ведь... жизнь не сцена?!..

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая). ...Но кто ценители искусства, мастерства?.. (Подражая кому-то, кривит рот.) Театр – уже не тот, что в наше время был, нынче он совсем другой!.. (В сторону.) Тьфу!.. Тоже мне, знаток театра нашелся! Больно мне нужен этот ваш театр!.. (Вдруг с тоской.) И не удержат меня больше здесь ни фонтаны аплодисментов, ни фейерверки любви! (Устало.) Ухожу я... Навсегда!..

ХАСАЙ (вскидывается, будто молнией его ударило). Как?.. Что вы сказали?..

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая). ...Не могу больше тут оставаться! (Громко, в форме заявления.) Прощайте!.. Прощай, ты – Солнце! И ты – пылающее небо!..

ХАСАЙ. Вы...Вы...

ГЮЛЬТЕКИН (вдруг иным тоном зрителям). Вы что, не верите, что ухожу, да?.. Seriously, не верите?.. Сейчас... (Кладет на колени ридикюль, открывает его и что-то ищет в нем.)

ХАСАЙ (покачнувшись, хватается за сердце). Вы... уезжаете?.. Покидаете нас... родину... и уезжаете?..

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, ищет что-то в ридикюле). Вот и билет мой ... Куда же я его положила?..

ХАСАЙ (в волнении бьется на месте). Послушайте... (Внезапно падает перед Гюльтекин на колени,

Гюльтекин вздрагивает, перестает рыться в ридикюле.) Молю вас небесами!.. Не делайте этого!.. Умоляю!..

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание-внимание! К сведению пассажиров! Начинается посадка на поезда, отходящие со второго, шестого и седьмого пути. Просьба к пассажирам подойти к перрону... Повторяю: со второго, шестого...

ГЮЛЬТЕКИН (удивленно). Что вы делаете?..

ХАСАЙ (с горечью). Пожалейте меня! Подумайте хоть об этой несчастной стране!.. О тех, кто живет вашими образами...

На перрон выходит Контролер. При виде его Хасай вскакивает и пододвигается к Гюльтекин.

Контролер прохаживается по перрону, с фонариком в руках заглядывает под скамейки, проверяет столб с часами, фонарные столбы. Подойдя к расписанию, достает из кармана огромную матерчатую салфетку и аккуратно протирает стекло.

ХАСАЙ (не сводя глаз с Контролера). ...В тот день я вот так вот с-сто-ял... тьфу, то есть, с-сидел... и вдруг вижу, кто-то... Т-такой вот... в-высокий человек в ж-железнодорожной форме...

ГЮЛЬТЕКИН (глядя на Контролера, Хасаю). Кто это?..

ХАСАЙ (в ужасе на ухо Гюльтекин). Это он!!

ГЮЛЬТЕКИН. Кто?..

ХАСАЙ (знаками пытается что-то объяснить Гюльтекин, она не обращает на него внимания; шепотом). Ф-ф-фор-ма!.. К-конт-ро-лер!..

ГЮЛЬТЕКИН (скривившись). Контролер?.. Ну и что?!.

ХАСАЙ (на ухо Гюльтекин). Я же все хочу вам сказать... но вы же не даете возможности!.. Он...Он...

ГЮЛЬТЕКИН (перебивает Хасая, Контролеру). Послушайте, вы!.. (Контролер как будто не слышит, еще более прилежно протирает стекло.) Товарищ!

КОНТРОЛЕР (учтиво подходит к скамейке, с дикторской интонацией). Добрый вечер, уважаемые зрители... тьфу... пассажиры!..

ГЮЛЬТЕКИН (подозрительно оглядывает Контролера с головы до пят, развязно). Добрый-добрый. Не

нас ли ищешь, дружок?..

КОНТРОЛЕР (теряется, но не подает виду). Нет, госпожа, для чего это мне вас искать? Я просто... выполняю свои служебные обязанности.

ГЮЛЬТЕКИН (скривившись). Служебные обязанности?.. Ты что, мойщик стекол? (Контролер теряется.) В смысле, говорю, за чистотой тут следишь, да?..

КОНТРОЛЕР (растерянно). Нет, зачем же?.. Я это... (Подыскивает слова, вдруг с наигранной искренностью.) Это... моя внутренняя потребность.

ГЮЛЬТЕКИН. Внутренняя потребность?.. Протирать стекла?.. Мало тебе работы?..

КОНТРОЛЕР. Нет, я... (Вдруг печально.) Это у меня такая дурная привычка, с детских лет. Что ни увижу, чищу, вытираю... что под руку попадет, начищаю, надраиваю до блеска (Приходит в возбуждение.) Это такое маниакально-депрессивное состояние, что...

ГЮЛЬТЕКИН (скривившись). А ты что... маньяк?..

КОНТРОЛЕР (смутившись). Нет, госпожа, вы меня не так поняли. Я просто... (Опустив голову, с фальшивой грустью.) Я ведь долго жил сиротой. Все в доме было на мне. И стекла вытирал, и полы подметал, а бывало и... (Вдруг голос его задрожал.)... туалеты...

ГЮЛЬТЕКИН. Ладно-ладно, хватит! (Тихо в сторону.) Идиот... (Обернувшись, снова оглядывает Контролера.) Но что-то ты мне не нравишься. Будто, видела я тебя где-то... (Пытается вспомнить.) В каком-то кино... или это тюрьма была?.. (Задумывается.) Ну, никак теперь не вспомню...

КОНТРОЛЕР (дергает себя за уши). Не дай Бог, что вы такое говорите, ханым?!.. Какая еще тюрьма?.. Я ведь тут с самого детства... Э-э-э... вон с каких пор работаю. Можно сказать, вырос здесь. С 14 лет работал помощником диспетчера, кормил сирот – братьев и сестер... (Опустив голову, стыдливо замолкает.)

ХАСАЙ (толкает Гюльтекин, шепотом). Это он!!!

ГЮЛЬТЕКИН (скрестив руки, смотрит на Контролера. Какое-то время все трое молчат). Ну, и что теперь?

КОНТРОЛЕР (очнувшись, растерянно). Что вы сказали?

ГЮЛЬТЕКИН. Говорю, что же ты остановился?

КОНТРОЛЕР (растерянно). Не стоять?

ГЮЛЬТЕКИН. Хочешь, стой.

КОНТРОЛЕР. Да-а? Что ж, постою.

ГЮЛЬТЕКИН (в сторону). Вот идиот! (Контролеру.) Да иди ты...

КОНТРОЛЕР (теряется.) Идти?.. Ну что ж, говорите «иди», так я пойду. Ну, хорошо, спасибо большое (Уходя.) Да благословит вас Бог.

ХАСАЙ. Не оставит он нас в покое!

ГЮЛЬТЕКИН (скривившись, залихватски). Да кто он такой?..

ХАСАЙ. Вы его не знаете. Не знаете, на что он способен (Взволнованно.) Он... ведь он не контролер!

ГЮЛЬТЕКИН. Не контролер?..

ХАСАЙ. Он... он... (Колеблясь.) Нет, я не трус. Вернее, не был им. Но жизнь... эта никому не делающая уступок жизнь во что только нас не превращает?!..

ГЮЛЬТЕКИН (зрителям, тихо). И этот тоже того... (Обернувшись, смотрит на Хасая взглядом, полным сострадания.)

ХАСАЙ (все еще смотрит вслед Контролеру). Кто-кто, а я-то знаю. И здешних контролеров я знаю. И форма у них другая...

ГЮЛЬТЕКИН (достаёт из сумки завернутые в целлофан яйца, разбивает их по одному о скамью, чистит, зрителям). Ведь все мы так ... В последнее время и мои нервы сдают (Посолив очищенное яйцо, вкладывает его в руку Хасая.) Теперь я могу расплакаться... (Комок подступает к горлу.) ... в любую минуту, и из-за чего угодно. Как-то стою я в очереди, получить зарплату, вдруг в глазах потемнело ... и почувствовала, как вот сюда... (Кладет руку себе на горло, словно душит себя.) ...будто что-то вцепилось, похожее на коготь!.. Чувствую, задыхаюсь... (Хасай с яйцом в руке удивленно слушает ее.) Хорошо, что в сумке был валидол, положила под язык, подождала...

ХАСАЙ (откусив яйцо, нехотя жуёт). Как удивительна порою жизнь!. Кто бы мог подумать?.. Кто бы мог подумать, что мы с вами встретимся именно здесь, на вокзале, этом печальном месте расставаний, и вы будете кормить меня яйцом?!..

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, чистит другое яйцо). ...Но вижу, не-ет, опять все то же удушье... (Голос понижается, вспоминает.) Тут я и вспомнила слова нашего покойного Агагусейна... (Горестно вздыхает.) Вот он в такие моменты всегда говорил: «Чувствуешь, что задыхаешься, сплюнь!.. Сплюнь так, как будто сплевываешь всю скопившуюся в душе злость и горечь!.. (Голос понижается, склонив голову, очищает яйцо.) Разве можно, сплюнув, избавиться от боли и горечи?.. Если бы все было так просто!.. (Засмотревшись, внезапно сурово.) Есть боль, от которой можно избавиться, лишь вырвав ее!!!.. (Хасай вздрагивает, давится, задыхается в кашле, Гюльтекин стучит кулаком его по спине, глядя куда-то вдаль.) Да упокойт Аллах твою душу, Агули!.. (Зрителям.) Покойный был нашим главным режиссером ровно тридцать один год. Нынешние хоть знают, что такое главный режиссер?!.. (Посолив яйцо, надкусывает его.)

ХАСАЙ (приходит в себя). ...чуть не умер... (Глядя на яйцо в руке, печально.) Мама тоже так варила яйца, точно так...

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, откусывая и жуя яйцо). ...Недавно ходила на могилу к нему... (Вдруг поворачивается к Хасаю, другим тоном.) Эй, ты не слышал про этого... Агагусейна Агавердибекова? (Не дожидаясь ответа, входит в образ мыслителя, с полным ртом.)

Кровь бьет мне в голову от ярости, клянусь!..

И кажется, что я схожу с ума...

Коль руку подниму, в живых вам не остаться,

Один из нас умрет наверняка!..

(Выходит из образа, Хасаю.) Вспомнил?.. (Достает из кулька еще одно яйцо и начинает чистить его.)

ХАСАЙ (тая, довольный, с набитым ртом). Разве это можно забыть?.. Вы – в длинном белом платье... на голове венок... Это просто легенда, легенда!.. (Лицо его светлеет.) Настанет день и здесь... возможно, на этом вот вокзале, поставят вам памятник!.. Не верите?..

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, очищает следующее яйцо и кладет его в руку Хасаю). ...В день его рождения... Гвоздики разложила под фотографией и все приговаривала: «Оставил ты меня сиротой, Агули...», – и столько потом плакала...

Расстроившись, плачет, достает из ридикюля носовой платок, вытирает глаза.

Хасай, поперхнувшись, кашляет. Издалека слышится гудок поезда. Оба внимательно прислушиваются к нему, засучив рукава, смотрят на часы. Гюльтекин снова заливается слезами.

ХАСАЙ (перекатывая на ладони яйцо, зрителям). Слезы – крик души. Душа говорит только на этом языке...

ГЮЛЬТЕКИН (всхлипывая, успокаивается, тихо, словно раскрывает тайну). Только это и сказала... (Странная музыка.) ...и тут вдруг вижу – откуда-то холодом повеяло, легким ветерком... И это в летнюю-то жару!.. (Молчит, с многозначительной улыбкой.) И тут я поняла, что это он!.. Хочет утешить

меня... (Жалостливо.) Он ведь таким и был, бедняга. Из-за всех переживал... (Расстроившись, вздыхает и задумывается.)

ХАСАЙ. Да упокоит Аллах его душу (Обиженно.) Я вижу, вам не хочется меня выслушать. Вернее, вы считаете меня пустозвоном, разгильдяем. Но я ведь не разгильдяй?! Я – как и вы... (Вдруг гневно.) В действительности, мы оба...

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, продолжает). ...Только это и сказала, как вдруг чувствую (Таинственным шепотом.) ...ветерок стих!.. (Смягчается.) Поняла, что он переживает. Ведь он таким и был!. Чувствительный к каждому слову, благодарный. (Задумывается.) Где теперь найти такого?!

На перрон опускается тишина. Слышны звуки цикад. Появляется Контролер, заложив руки за спину, крупным шагом направляется к скамейке, где сидит Гюльтекин, но на полпути останавливается, пугливо прислушивается к окружающей тишине, отходит в сторону и прячется за фонарным столбом.

ХАСАЙ (выпрямившись, садится, глядя на Контролера). Послушайте, что я вам скажу... В тот день вот... вернее, однажды... (Тихо, будто тайну открывает.) вот здесь... на этом самом вокзале... один из тех, кто далеко пошел...

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая, нервно). ...Но я сказала ему: «Ты ведь ни разу не дал мне роль Клеопатры! Или хотя бы Гертруды!.. Я ведь... (Опечаленно.)... прожила ее жизнь...

Кантата Эдварда Грига для фортепиано ля-минор. Гюльтекин, сидя, извивается, как змея, принимает различные странные позы, поднявшись на скамью, съеживается в комок. Встает, в образе Гертруды. Контролер с округлившимися глазами следит за действиями Гюльтекин.

ГЮЛЬТЕКИН. За что? За что ты так меня обидел?..

За что так оскорбил отца, сынок?..

К чему твердить о том, чего не знаешь?

Не говори: «Меня забыла ты!», я слышать не хочу.

Не говори: «Мне жаль, что вы мне мать...» – я слышать не хочу

Не будь жесток, не говори:

«Ты женщина, что спит с убийцей брата!»...

Хасай хоть и слушает Гюльтекин восторженно, но глазами ищет Контролера, который недавно следил за ними из-за столба. Поднявшись, осторожным шагом хочет удалиться, но сталкивается лицом к лицу с Контролером. Дрожа, быстро возвращается к Гюльтекин.

ХАСАЙ (не сводя взгляда с Контролера).

Любовь слепая в цель не попадет!..

Теперь сидит она под деревом,

Мечтает, чтоб возлюбленный

Был спелой мушмулой без косточек...

Контролер в ужасе отступает и скрывается.

ГЮЛЬТЕКИН (косится на Хасая). При чем тут мушмула?

ХАСАЙ (в страхе). Это же Шекспир... Продолжение вами сказанного...

ГЮЛЬТЕКИН. Шекспир?.. (Сама с собой.) Разве это Шекспир?.. (Расстроено зрителям.) Э-эх! Искусство тут – в этой стране – что-то вроде цветочной вазы, которая бывает нужна лишь в дни рождения, да и то, если цветы принесут... А им... (Неожиданно начинает трясти животом. Хасай удивленно смотрит на нее; вдруг с ненавистью.) ... вот что подавай! На что им Сарабская?! Видящая все насквозь, неистовая, гордая Сарабская?!..

ХАСАЙ (лицо светлеет). Да-да, она и есть!.. Гюльтекин Сарабская!..

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая). Ну, и черт с ними!.. Будто они нужны Сарабской?! (Изогнувшись, кому-то невидимому, стоящему рядом, кокетливо.) Теперь Сарабская сама выбирает, кому нужна она, а кому нет!..

ХАСАЙ (восхищенно). Сарабская!.. Гюльтекин Сарабская!.. (Вдруг в позе конферансье, низким голосом.) В главной роли – Гюльтекин Сарабская!..

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, словно побежденная, медленно опускается на скамью, с грустью). А

если так... кому и для чего нужны были тогда все эти комедии?!.. Походы победоносные, заканчивающиеся одинокой, холодной квартирой?..

ХАСАЙ (не обращая внимания на слова Гюльтекин). Скажу вам, само имя это приводит в смятение душу: Гюльтекин Сарабская!..

ГЮЛЬТЕКИН (не слыша Хасая). ...К чему было вынуждать свою плоть съесть всю эту тошнотворную фальшь?.. Эти выхолощенные монологи, лживые страсти... Вся эта тяготная бессмыслица... чему она служила?..

Издалека доносится стук колес и свист проходящего поезда.

ХАСАЙ (осторожно). ...Вы... все еще в роли, да?.. Или это вы сами?.. Вы меня простите, конечно, но сила вашего таланта не дает возможности различить...

ГЮЛЬТЕКИН (не слышит Хасая, с тоской). ...Ведь был у меня прекрасный дом... Уютный дом, с верандой, где по утрам я поливала цветы, пекла на кухне яблочные пироги, а вечерами ждала мужа... Дом, полный любви и покоя... Тюльпаны на окнах... свисавший со всех сторон... зеленый плющ, застекленная веранда... (Умолкает, свесив голову.)

ХАСАЙ (очнувшись). Тюльпаны?.. Странно... Ведь этот дом, о котором вы говорите... (Пытается вспомнить.) Да... так и есть. Дом с увитыми зеленым плющом колоннами... (Выходит из задумчивости.) Так оно и есть... Кажется, я видел его!.. (Вдруг в ужасе.) И будто даже жил в нем?!.. Но когда?.. Где?..

ГЮЛЬТЕКИН (с горькой улыбкой). Возможно, в том самом спектакле... (Грустно.) ...где она кончает с собой...

ХАСАЙ. Точно!.. (Вспоминает.) Так оно и есть. Освещенная веранда... белые тюльпаны на подоконниках... зеленый плющ, обвивающий колонны... (Голос понижается.) Красивая городская квартира, полная боли и страданий...

Оба задумываются. Звук поезда на ближних путях. Слышится голос из репродуктора с другого перрона.

ХАСАЙ (выходя из задумчивости). Но почему она покончила с собой?.. В конце произведения... Вот этого я не понял. Ведь у нее... я об актрисе... было все?!.. Что еще нужно человеку?.. Семья, дети,

прекрасный дом, безумно любящий ее муж... Правда, потом он влюбился в молоденькую актрису...

ГЮЛЬТЕКИН (с горькой усмешкой). Влюбился?.. (С ненавистью в сторону.) Какое гадкое слово... «Влюбился!»

ХАСАЙ. Но ведь такое бывает с женами-мужьями?! Ревность, измена... Из-за таких вот мелочей стоило ли лишать себя жизни?..

ГЮЛЬТЕКИН. Разве ей только муж изменил?.. (Грустная музыка.) ...Не сама ли себе она изменила?..

ХАСАЙ. Сама-а?.. Вы сказали: «сама»?.. Как это... (Внезапно теряет, смотрит на Гюльтекин взглядом, полным ужаса.) Однако, нет... кажется, я понимаю... Да, так оно и есть. Вы снова в роли. Опять в чьем-то образе! Эти роли вьелись в вашу душу! (С горькой улыбкой зрителям.) Видимо, избавиться от них не так-то просто...

ГЮЛЬТЕКИН (с тоскою к зрителям).

Склонившись, в воды я глядела

Свое искала в них лицо...

Все воды мимо протекли,

Лицо мое с собою унесли...

Я побежала вслед за ним...

По скалам, и камням,

Бежала – не догнала,

Я не смогла, не удержала

Ко дну ушедшего лица...

(Положив голову на спинку скамьи, беззвучно плачет.)

ХАСАЙ. Что... что с вами?.. Вы... плачете?.. (Осторожным шагом подходит к Гюльтекин, тихонько.) Я очень прошу вас, выслушайте меня до конца. Я ведь слушал вас... Часами!.. С удовольствием... Часами и годами. Слушал сердцем и глазами!

Свет меняется. Странные звуки. Хасай пугливо озирается.

Вокзальный гул. Со свистом поезда мешаются звуки плача, стоны.

Гюльтекин поднимает голову, и оба смотрят на происходящее за прозрачным занавесом. Слышится стук колес и свист медленно отходящего поезда.

ГЮЛЬТЕКИН. Что это здесь происходит?..

ХАСАЙ (с грустью). Отходит поезд... Люди прощаются...

ГЮЛЬТЕКИН. Но почему так тоскливо?.. (Испуганно.) Будто не вернуться они обратно!

ХАСАЙ (печально). Здесь все перед отъездом. И мы тоже...

ГЮЛЬТЕКИН. Печально... (Завороженно.) Все колеблется... теряет свою суть... Или меняется?.. (Поднимает голову, смотрит в небо.) И дождь уже не тот... (Раскрывает ладонь, с неба падает в нее несколько капель.) ...помутнел и он... (Тихо, задушевым тоном.) Заберет ли меня кто отсюда, увезет ли в дальние дали?.. (Смотрит на небеса.) Что мне делать?.. (Смотрит на рельсы.) Может, броситься под поезд?.. Покончить с собой?.. (Опустив голову, замолкает, приходит в себя, Хасаю.) И потом... почему я все это вам говорю?.. Вы... вообще кто?..

ХАСАЙ. Я ведь сказал вам. Один из ваших поклонников.

ГЮЛЬТЕКИН (горько усмехаясь). Поклонник?.. Чему это ты во мне поклоняешься?.. (С тоскою зрителям.)

Не знаю, как жила,

Но как я ни умру, – прости меня...

Я умереть хочу тайком,

Но коль о том узнаешь, не сердись.

Я умереть хочу с утра,

Но если все же ночью

Покину этот мир – прости меня!..

ХАСАЙ (потрясенный). Ведь это... Это же стихотворение... (Музыка.) тех далеких, грустных лет...

Перестук колес проходящего по ближнему пути поезда сменяется звуками танго 60-х годов. Хасай с Гюльтекин странно оглядывают друг друга, будто только что друг друга увидели. Хасай подходит к Гюльтекин и приглашает ее на танец. Оба танцуют.

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание, внимание! К сведению пассажиров! Со второго перрона начинается посадка на поезд Баку–Минводы! Просьба к пассажирам занять свои места. Повторяю...

Оба вздрагивают и неловкими шагами возвращаются на место.

ГЮЛЬТЕКИН (смущенно приводит себя в порядок). Хватит, Бога ради. То, что вы говорите, это мистика какая-то. А бывает она лишь в художественных произведениях.

ХАСАЙ. Вы мне не верите?.. (Пугливо озирается, полушепотом.) Сейчас открою вам одну тайну. Вы думаете, что это... вокзал?.. В действительности (Тихо.) это вовсе не вокзал.

ГЮЛЬТЕКИН. Не вокзал?..

На перроне воцаряется тишина.

Странный звук, напоминающий скрип тяжелой двери.

Гюльтекин с Хасаем растерянно смотрят друг на друга.

ХАСАЙ (в ужасе). Слы-ышали?.. Что я говорил?.. (Осторожно, тихо, чтобы никто не услышал.) Это та самая территория, где время течет вертикально...

ГЮЛЬТЕКИН. Вертикально?.. (Косится на Хасая.) В каком это смысле?

ХАСАЙ (прижимает палец к губам). Т-с-с!!.. Нас слышат...

ГЮЛЬТЕКИН (растерянно, осторожно). Кто, э?

ХАСАЙ (тихо на ухо Гюльтекин). Я о тех, кто ушел... переселился в мир иной. Кто, перейдя на другую сторону, остался тут с нами, плечом к плечу, глаза в глаза...

Странные звуки. В глубине несколько человек проносят на плечах гроб. Гюльтекин с Хасаем их не видят. Хасай встает и осторожно прохаживается вокруг скамьи, садится рядом с Гюльтекин и настороженно оглядывается вокруг.

ГЮЛЬТЕКИН. Опять ты начал?.. Мне и так не по себе. Я ведь перед дорогой...

ХАСАЙ. Вы мне не верите? Но вот они... (Пугливо оглядывает все вокруг.) ...все здесь... (Кому-то невидимому, «стоящему» рядом, тихо, с почтением.) Добрый вечер. Извините, Бога ради, все это время сижу к вам спиной... (Вдруг вскидывается, якобы почувствовав кого-то с другой стороны, с глубоким почтением.) Здравствуйтесь, извините, не заметил... (Указывая на кого-то невидимого, на ухо Гюльтекин.) Знаете, кто это?..

ГЮЛЬТЕКИН (насмешливо). Кто?

ХАСАЙ (шепотом). Сурлаков!..

ГЮЛЬТЕКИН (нахмурившись). Кто он?

ХАСАЙ. Мой друг по партии. (Громко, чтобы кто-то услышал.) Как-то проходил я случайно мимо Аллеи почетного захоронения. И вдруг вижу, какой-то человек в черном костюме, на лацкане депутатский значок, тихонько идет мне навстречу...

ГЮЛЬТЕКИН. Чего тебя понесло в Аллею почетного захоронения?

ХАСАЙ (опускает голову, стеснительно). Так просто... я часто прогуливаюсь там (Внезапно заворуженно.) В последнее время меня сильно тянет туда почему-то. Даже не знаю, как это получается?.. Утром просыпаюсь, выхожу на улицу... (Приходит в ужас.) ...и вдруг вижу, что, покружив, вновь оказываюсь в Аллее почетного захоронения... А в последние дни, в последние несколько дней... Направляюсь в Аллею почетного захоронения, и вдруг оказываюсь здесь...

ГЮЛЬТЕКИН (заворуженно, зрителям). ...И я так... Встаю я утром, одеваюсь, наряжаюсь и иду на бульвар... А потом смотрю, я – в театре...

На перрон выходит нищий в рваной одежде с полным мешком за спиной.

НИЩИЙ (прихрамывая, вода по воздуху руками, прохаживается вдоль перрона). Да пошлет вам Бог легкую дорогу. Благополучно вам доехать. Да не будет у вас недовольства местом своим. Земля под головами вашими да будет легче пуха лебязьего... (Подходит к Гюльтекин.) Да воздаст вам Бог по нуждам вашим. Скорейшего исполнения желаний ваших... (Гюльтекин достает из ридикюля деньги и сует их в руку нищего. Тот слепыми движениями водит рукой по лицу Гюльтекин, вдруг в чьем-то образе.)

Эти ночные огни,
 Как и улицы,
 Одиноки и пугливы...

С фонариком в руках

Брожу по улицам,

Как маленький Гаврош...

ГЮЛЬТЕКИН. Ну да... (Берет нищего за плечи, разворачивает его лицом к Хасаю, и он мелкими шажками идет к Хасаю.) Какая любовь к театру?!..

ХАСАЙ (достаёт из кармана мелочь, вкладывает ее в руку нищего, поворачивает его за плечи и направляет в сторону выхода, глядя ему вслед). Он не нищий.

ГЮЛЬТЕКИН. Не поняла.

НИЩИЙ (проходя). Да пошлет вам Бог достаток... минуют вас тяжкие дни... Процветания вам... Изобилия...

ХАСАЙ. Преподаватель он. Преподаватель вуза. Несчастный, был когда-то заведующим кафедрой. Потом стал депутатом.

ГЮЛЬТЕКИН. Депутатом?..

ХАСАЙ. Потом имущество его конфисковали. За то, что брал деньги с преподавателей и студентов.

ГЮЛЬТЕКИН (глядя на нищего). Да ты что?.. А с преподавателей-то зачем?..

ХАСАЙ. За то, что ставили оценки студентам без его ведома.

ГЮЛЬТЕКИН (смотрит нищему вслед). А глаза отчего ослепли?..

ХАСАЙ (глядя вслед нищему). Не слепой он, прикидывается слепым.

На выходе нищий положил мелочь в кошелек и исчез из виду.

ГЮЛЬТЕКИН (сложив на груди руки, тоскливо оглядывается вокруг). Эх-х, кому все это нужно?.. Эти мраморные колонны... эти бронзовые столбы, эти скамейки, привезенные из Италии... (Пауза, голос понижается.) ...лишь только сидя на них, вспоминаешь, что ты человек?..

ХАСАЙ (проверяя металлические части скамьи). В Аллее почетного захоронения точно такие же. Опускаясь на них, человек чувствует себя в правительственной ложе.

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая на Хасая внимания, задумывается, без настроения). Порой, всмотревшись в зеркало, говорю сама себе: «Ну кому нужна ты, Сарабская Гюльтекин? Кому?.. Ведь ты... всю жизнь свою им отдала!.. А что сделали они?..»

ХАСАЙ (печалится, достает из кармана носовой платок, прижимает к глазам, зрителям). И я так же... бродя по улицам, видя отражение свое в витринах, говорю: «Ты ли это, Хасай Ниязович?!..»

ГЮЛЬТЕКИН (внезапно преображается, закрыв глаза, кричит, с театральным пафосом). О-о!!! Мои глаза!!! (Хасай вскакивает, Гюльтекин движениями слепого водит руками в пустоте, низким басом.)

Прощай, Солнце, пылающее небо!..

Не наступит больше утро!

Не увидеть мне весны в цветах!

ХАСАЙ (берет ее за плечи). Что с вами? Откройте глаза!.. Глаза откройте!..

ГЮЛЬТЕКИН (выпрямившись, открывает глаза). Ты что?.. Не понял, что ли?.. Ну это же из «Легенды слепого»... (Садится на место, достает из кулька яйцо, чистит его, Хасаю.) А говорил «все знаю наизусть». (Хасай молчит, опустив голову, смущенно топчется на месте, посолив яйцо, Гюльтекин протягивает его Хасаю, Хасай берет яйцо, садится рядом с Гюльтекин и неохотно жует.)

ХАСАЙ (с трудом проглатывает, обиженно). Не помню. Возможно, не смотрел.

ГЮЛЬТЕКИН (незаметно наблюдает, как Хасай ест, грустно про себя). Эх-х, и тебя мать родила... бессонными ночами сидела у колыбели... (Вдруг меняется, входит в образ заботливой матери.)

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание, внимание! Прибытие поезда Астрахань-Баку ввиду неблагоприятных погодных условий задерживается на два часа. За дополнительной информацией можете обращаться в справочное бюро на первом этаже третьего перрона. Внимание, внимание...

Хасай, вздрогнув, заходится в кашле.

ГЮЛЬТЕКИН (бьет кулаком по спине Хасая, указывая на репродуктор). Надоели со своими идиотскими объявлениями!.. (Хасай приходит в себя, вытирает слезы, пытается привести себя в порядок.) Голос свой

ей пришелся по душе. Да разве это голос?.. Так она настоящих голосов не слышала!.. (Внезапно, изогнувшись, в каком-то образе, оперным басом Хасаю.)

Так делаешься трусом от ума-а...

Так дерзости румянец выцветает-е-ет...

(Вдруг вскакивает в другом образе, куда-то вдаль.)

Айда, храбрецы, на площадь, айда!.. (Умолкает, тихо сама себе.)

Нет, спутала... это из «Джаваншира»... (Вспоминает.) Да!.. (Бросается вперед, осторожными шагами преграждает путь пытающемуся ретироваться Хасаю, тихо, склонившись к уху его.)

Лоренцо, Лоренцо, позови Лаэрта...

Скажи, опасно этой ночью

Во сне увидеть странника морского...

(Хасай пытается, вырвавшись, убежать, но Гюльтекин не дает ему такой возможности, конец стиха произносит на одном дыхании.)

Скажи, чтобы не мешкал, лишь на него надежда,

А если не успеет, ждет нас гибель!..

(Выходит из образа, переводя дыхание, Хасаю.) Ну как?..

ХАСАЙ (с трудом проглатывает застрявший в горле кусок). Если не ошибаюсь, это Шекспир.

ГЮЛЬТЕКИН (тащит Хасая за рукав к скамье, сажает на прежнее место. Под воздействием образа не может устоять на месте, ходит туда-сюда с горящим взором, будто что-то ищет вокруг). Было время, я – в роли Джульетты... и плакал весь зал!.. (Опустив голову, потупившись, медленно выходит на середину

сцены, молчит какое-то время, вдруг поднимает голову, молодым, звенящим голосом.)

Лишь это имя мне желает зла.

Ты б был собой, не будучи Монтекки.

Что есть Монтекки?.. Разве так зовут

Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?

Неужто больше нет других имен?

Что значит имя? Роза пахнет розой...

Хоть розой назови ее, хоть нет...

(Падает на колени, кланяется, слышатся бурные аплодисменты.)

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание, внимание! К сведению граждан пассажиров! Просьба соблюдать на перронах правила гигиены! Обертки мороженого и конфет, бутылки от воды и лимонада выбрасывать в специальные контейнеры для мусора! Повторяю...

Появляется Контролер. Одной рукой он хватает за ручку самый большой чемодан, другой Хасая за куртку.

КОНТРОЛЕР (со служебным рвением). Дорогу-дорогу, граждане пассажиры!

ГЮЛЬТЕКИН (преграждает ему путь). А ну-ка, стоп! Куда это вы, позвольте спросить?..

КОНТРОЛЕР. Отчего же не позволить? Дезинфекция!.. (Показывает на репродуктор.) Не слышали, что ли?

ГЮЛЬТЕКИН (руки в боки, идет на Контролера). Поставь его на место!.. На место, сказала!..

КОНТРОЛЕР (в одной руке чемодан, в другой – Хасай, отшатывается назад). Ханым, разве только что вы не слышали, что сказали?.. Вы что, тифом заразиться хотите?..

ГЮЛЬТЕКИН (продолжает идти на Контролера, взяв его за грудки, угрожающе). Ты, дезинфектик!.. Уж больно усердствуешь тут!.. Тебя, оказывается, что-то гложет, покоя не дает!.. Или дверью хвост прищемило, а?.

КОНТРОЛЕР (вздрагивая, подбирается, растерянно). Хвост?.. (Оглядывается через плечо.) Какой еще

хвост?..

ГЮЛЬТЕКИН (вдруг сурово). А ну, ставь его на землю!.. Ставь, говорю, негодяй! А не то...

КОНТРОЛЕР (не оставляет ни чемодан, ни Хасая, лицо его внезапно меняется, тихо, с хитрецей). А не то что?..

ХАСАЙ (в руках Контролера, повиснув, как на вешалке, жалобно Гюльтекин). Спасите меня!.. Умоляю вас... не давайте ему унести меня!..

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на Хасая). ...А не то тебе такое устрою, что родная мать не узнает!..

КОНТРОЛЕР (передразнивает). Ой-ой-ой!.. Как страшно!..

ГЮЛЬТЕКИН (подбоченясь). Ах, значит, так?!.. Не боишься, да?.. Ну, коли ты мужчина, не оставяй своей поклажи!

Контролер приподнимает чемодан и Хасая еще выше. Гюльтекин, взяв его за грудки, трясет что есть силы. Контролер, не дрогнув, бросает чемодан и Хасая. Хасай падает лицом вниз и не двигается.

КОНТРОЛЕР (отступая назад, указывает на Хасая). Да вы убили его!..

ГЮЛЬТЕКИН (кидается к Хасаю, падает на колени, обнимает его голову, Контролеру). Посмотри, что ты наделал, негодяй!.. Если с ним что случится, считай себя мертвецом! (Смотрит на Хасая, печально зрителям.) А я... и имени его не знаю...

КОНТРОЛЕР (направляясь к выходу). Не знаешь, а во все вмешиваешься!

ГЮЛЬТЕКИН (кладет голову Хасаю на грудь, прислушивается к сердцу, взволнованно). Будто и не бьется сердце... (Плача, вдаль.) Лю-ю-ди!.. Помогите!!!

КОНТРОЛЕР (на выходе, тихо). Не ори, стерва!.. (Осторожно оглядываясь по сторонам.) Не собирай сюда народ! Уладим все между собой... (Уходит.)

ГЮЛЬТЕКИН (прижимает бездыханную голову Хасая к груди, с тоской обращается к небесам). А говоришь «Терпи!»... «Живи, терпи...» Скажи же, как?.. (Глядя на струящийся сверху поток света.) Ведь Ты любил меня?!.. (Вдруг нервно.) Но не говори «так же, как и всех!..» (Смягчается.) Ведь меня любил Ты по-другому?!.. (Понижает голос.) Теперь Ты просто говоришь: «Терпи...» «Терпи, пока не закончится этот мутный дождь... пока не засверкает солнце...» А оно по-прежнему за облаками...

Прижав к себе голову Хасая, умолкает. Звук скорого поезда, бурные аплодисменты, перрон погружается в темноту.

ЗАНАВЕС

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Та же местность, похожая на вокзальный перрон.

Ночь... Лампочка горит лишь на одном из фонарных столбов.

Гюльтекин в длинном черном плаще, сидит на коленях в полосе падающего от фонаря света... Дождь льет лишь в той части сцены, где сидит Гюльтекин.

Хасай на освещенной части сцены, надев очки, сидит на скамейке, читает смятые страницы, достав их из нагрудного кармана. Читая, обхватывает лицо руками и молча плачет.

Слышен перестук колес проходящего где-то поблизости поезда.

ГЮЛЬТЕКИН (поезду).

Не заметив нас, промчался поезд –

Поезд дальних далей...,

Расскажи, как там, – далече?

Какие там цветут цветы?

Какие листья-лепестки?

С появлением Контролера вся сцена освещается.

КОНТРОЛЕР (направляется к Гюльтекин). Ай ханым, сестрица дорогая, что ж вы тут такое вытворяете?.. Что вам здесь, театр, цирк?.. Ну, нельзя же так, радость моя!. Ведь всему есть свой предел!.

ГЮЛЬТЕКИН (поднявшись, отряхивается, идет на Контролера, будто по рингу). Так значит, дезинфекция, говоришь, еще не закончилась, да?..

КОНТРОЛЕР (в недоумении, замерев, елеиным голоском). Да я не о том, сестрица. Говорю, все эти стихи и все такое, ну, не вокзальное это дело. Как бы там ни было, общественное место все-таки. Народ тут разный. Кто уезжает, кто прибывает. Вот стою я тут с самого утра и за вами наблюдаю. Вы и пяти минут спокойно не сидите, народ к себе привлекаете. (Опасливо оглядевшись по сторонам, неожиданно нервным криком.) Мешаете следить за общественным порядком!..

ГЮЛЬТЕКИН. Общественный порядок?.. (Зрителям.) На него посмотрите... на этого блюстителя порядка!.. (Бьет Контролера в грудь, отталкивает его.) Несчастный... ты хоть смысл слова «общественный» понимаешь?..

КОНТРОЛЕР (пятясь назад, сохраняет равновесие, оправляет на себе одежду.) А вы... понять не могу, кто вы вообще такая, а?..

ГЮЛЬТЕКИН. Это я-то кто такая?.. (Зрителям.) Вот наглец! Хамство какое!.. Это мне надо спросить у тебя: «Сынок, да кто ты такой, что загнал нас тут в угол, в глотку вцепился, слова сказать не даешь», а он, видите ли, наезжает...

КОНТРОЛЕР. Да кончатся разве ж ваши речи, чтоб вам высказаться не давать?!.. Ни стихов уж, ни песен не осталось. Толпу сюда приманиваете. Голову всем морочите!.. Одни там плачут, другие смеются!..

ГЮЛЬТЕКИН (приближаясь к Контролеру, неожиданно с уличным апломбом). Браток, а ты, кажется, меня и вправду не знаешь!.. (Хватает его за ворот, начинает трясти.) Так не знаешь меня?..

КОНТРОЛЕР (мотая головой). Не-э-т...

ГЮЛЬТЕКИН (перестав трясти). Поклянись, что не знаешь!

КОНТРОЛЕР (в недоумении). Умереть мне, не знаю. Но... скажу вам, вот так вот, как бы, слегка кого-то будто... (Окидывает Гюльтекин взглядом сверху донизу.) напоминаете... Была одна актриса. Но давненько ее не видно. Честно говоря, даже не знаю, жива она или умерла!. И имя у нее было такое странное... (Пытается вспомнить.)

ХАСАЙ (вскочив на ноги, возбужденно Контролеру, косясь на Гюльтекин). Что вы такое говорите? Что значит «была»? Есть!

КОНТРОЛЕР (подозрительно оглядывая Гюльтекин). Е-е-сть?.. Ну и прекрасно. Да хранит ее Бог.

ГЮЛЬТЕКИН (взяв Контролера под руку, отводит его в сторону, тихо). Слушай, клянусь, скажешь правду, мне до тебя и дела не будет. (Шлепает ладонью по своей щеке.) Клянусь, не шучу!

КОНТРОЛЕР (испуганно). К-ка-кк-ую еще правду?

ГЮЛЬТЕКИН (чуть тише). Что тебе от него надобно? (Указывая на фонарной столб.) Вот этим светом клянусь, ничего тебе не сделаю.

КОНТРОЛЕР (жалобно). Ханым, ведь я сказал вам. Мне нужны всего лишь его документы. Проверять документы у пассажиров – мой служебный долг, ханым!

ГЮЛЬТЕКИН (морщась). Служебный долг?

КОНТРОЛЕР (отступая назад, так же клятвенно бьет себя по щеке). Сдохнуть мне, если вру! Не дай Бог, появится тут кто-нибудь из начальства, так конец мне... Вмиг выгонят с работы, как пить дать!

ГЮЛЬТЕКИН (передразнивая). Да что ты говоришь?.. Хорошо, что в начальники не выбился... а то тут камня на камне не оставил бы. Ну, поручили тебе присматривать за этим крохотным местешком, ну и что? Что ж ты людям житья не дашь? Это место тебе что... от предков твоих досталось, что ли?..

КОНТРОЛЕР (отводя Гюльтекин в сторону, тихонько). Вы не знаете, ханым. (Кивает в сторону Хасая.) А мы его хорошо знаем. Он из нашего вокзального контингента. День и ночь пропадает тут. В то время как...

ГЮЛЬТЕКИН (перебив его). А что тут такого? Ну, ждет, видимо, кого-то. На тебе, что ли, сидит?.. (Оба, повернувшись, смотрят на Хасая. Хасай под их взглядами вытягивается по стойке смирно.)

КОНТРОЛЕР. (Тихо.) Это вам так кажется. Никого он не ждет. У него нет никого!.. (Шепотом.) Этот человек – бомж!..

ГЮЛЬТЕКИН. Бомж?.. (Повернувшись, смотрит на Хасая, Хасай приводит себя в порядок. Оглаживает, отряхивает одежду на себе.)

КОНТРОЛЕР (вздыхнув, с сожалением). Что поделаешь? Жизнь!.. В свое время большие должности занимал. Ящик наград имеет. (Меняется в голосе.) А теперь... (Ехидно усмехается.)

ГЮЛЬТЕКИН. Что теперь?..

КОНТРОЛЕР. В смысле, время, говорю, уж настало, пришел черед... Улавливаете, да?.. (С ехидной улыбкой зрителям.) В такие моменты уже ни ордена, ни медали не помогают...

ГЮЛЬТЕКИН. Медали?.. (Смотрит на Хасая, тот, вскочив на ноги, руки в карманы, начинает насвистывать, глядя вверх, в небо.) Так, говоришь, у него и медали есть?

КОНТРОЛЕР. Да целый ящик!..

Контролер подходит к Хасая, распахивает на нем пиджак. Подкладка пиджака с обеих сторон увешана орденами и медалями.

Гюльтекин в ужасе вздыхает. Хасай, одернув пиджак, запахивается, начинает нервно ворчать что-то

себе под нос.

КОНТРОЛЕР (зрителям). Опана!.. Я и говорю, таков вот итог служения народу!.. Сколько киркой ни махай, конец диктует свое! Иди потом, как Толстой, на вокзал и там того самого...

ГЮЛЬТЕКИН (смотрит на Хасая). Кирка? Он что, нефтяником был?

КОНТРОЛЕР. Был бы нефтяником, горя б не знал. (Зрителям.) Отправили бы сейчас его на Нефтяные Камни, нашел бы он там себе, где копать, что бурить... (Смотрит на Хасая, вздыхает.) Писателем был несчастный. Столько книг понаписал, что сейчас хоть и рвет их весь вокзал на кульки для семечек, конца и края им нет. В одну его трилогию... название у нее какое-то... только в нее одну можно завернуть пятьдесят тонн семечек! (Протянув руку, вырывает мятый листок из рук Хасая, нервно рвет на кусочки, бросает на пол.) Ну, как можно было столько понаписать, а?.. Совесть бы имел.

ГЮЛЬТЕКИН (глядя на Хасая). Ах, вот оно что-о-о?! Так бы и сказал, да... (Вдруг, узнав Хасая.) Погоди-ка, погоди, это ведь...

КОНТРОЛЕР (с наигранной грустью). Он самый.

ГЮЛЬТЕКИН (с ненавистью). И псевдоним у него был какой-то странный.

КОНТРОЛЕР (грустно). Хасай Дильгир. То есть Удрученный...

ГЮЛЬТЕКИН (глядя с ненавистью на Хасая). Да, да, точно, Дильгир. А мы в издевку звали его «Дылгыр».

КОНТРОЛЕР. Все о нефтяных скважинах писал... припоминаете?.. (С пафосом.) «Краса моя, скважинка! Чернушка ты моя!..» (Изменив голос.) Чернушка! (Зрителям.) Да разве ж бывает красавица черного цвета?.. Притом из тяжелого металла?.. (Смотрит с упреком на Хасая.) Всему есть мера!..

ГЮЛЬТЕКИН (с кислым выражением лица). Разве это он написал?.. (Косится на Хасая.)

КОНТРОЛЕР. Он, он... (Продолжает, с пафосом.) «Краса моя, щедро одарившая родину мою!..» (Вдруг повернувшись к зрителям, поет оперным голосом.)

Душа моя, Баку, родина-мать,

Создан ты мощью коммунизма...

Черная кровь твоя свет льет во тьму,

Открывая пути к светлому дню...

ГЮЛЬТЕКИН (скривившись, Контролеру). И это он написал?..

КОНТРОЛЕР. Да нет, это писал другой мой клиент, царство ему небесное, теперь уж ему не писать...

ГЮЛЬТЕКИН (отведя Контролера в сторону, тихо). Ладно уж, что было, то прошло. Оставь ты его в покое. Как никак, старый человек... одной ногой в могиле.

КОНТРОЛЕР. А я что говорю?! Не дай Бог, возьмет и упадет тут, отбросит концы, что мне тогда делать?.. Как выпутываться из всего этого? Разве не скажешь мне: «А ты куда смотрел?..»

ГЮЛЬТЕКИН. Не умрет, не бойся! (Повернувшись, смотрит на Хасая. Тихо.) Ей-Богу, не умрет. Такие живучими бывают. Да знаю я его близких, позвоню, придут, заберут. (Подходит к скамейке, открывает ридикюль, достает деньги и вкладывает в ладонь Контролера.)

КОНТРОЛЕР (бережно кладет деньги в карман). Ладно уж, что сказать-то, вам виднее. Если беретесь за него, другое дело. (Уходит, прихватив и волоча за собою расписание движения поездов и один из фонарных столбов.) А то соловья ведь баснями не кормят.

ГЮЛЬТЕКИН (скрестив руки, смотрит на Хасая). Такие вот дела, господин Дильгир. Многоуважаемый Хасай Ниязович!.. (Хасай ищет, куда бы спрятать лицо.) А я-то думаю!. (Передразнивая.) Неподражаемый ма-а-астер!.. Судьба актри-и-сы!

Слышен шум отходящего, где-то поблизости набирающего ход поезда.

ХАСАЙ (расстроено). Зря вы так думаете. Это... Все, что я говорил... мои искренние убеждения.

ГЮЛЬТЕКИН (не обращая внимания на сказанное Хасаем). ...А я-то гадаю, с чего это такая хвала, восторженность?.. У тебя, Хасай, оказывается, прекрасные актерские способности!. Браво-браво... (Идет к Хасаю.)

ХАСАЙ. Вы ошибаетесь!.. О вас я всегда был такого мнения. (Тихо, глядя вслед Контролеру.) А этому не верьте. Он – сотрудник госбезопасности!.. В отставке!.. Надоел тут всем!.. Никак не избавится от старых привычек. Цепляется к каждому. Досье на всех собирает ...

ГЮЛЬТЕКИН (вдруг, схватив Хасая за ворот, притягивает к себе, обжигаящим шепотом). Хоть сейчас признайся, негодяй: это ты заставлял меня годами играть всю эту мерзость? (Громко, трясая Хасая.) Ты, да?.. Т-ы-ы???..

ХАСАЙ (пытаясь высвободиться из рук Гюльтекин, задыхаясь). Н-не п-пони... маю, о чем вы-ы?!.

ГЮЛЬТЕКИН. Прекрасно понимаешь, негодяй! Не придуривайся! Ничто на этом свете не остается безнаказанным... Ты сейчас за все ответишь, сволочь...

ХАСАЙ (задыхаясь). Пус-тите... ды-шать... не могу...

ГЮЛЬТЕКИН (продолжая его трясти). Говори-и! Рассказывай, ничтожество!..

ХАСАЙ (задыхаясь). Что-о го-о-ворить?.. Пус..ти..те... я... ска-а-жу... с-сей-час же скажу... д-дайте ска... за-ать... В те вре-е-мена...

ГЮЛЬТЕКИН. Да, именно в те времена!.. Когда ты гордо рассиживал со своей семейкой... (Передразнивая.) в правительственных ложах!.. (Отталкивает Хасая, тот пятится, чуть не падая.)

ХАСАЙ (задыхаясь, не переставая кашлять). Ло-о-жах??. Вы... это о каких ложах, не понимаю?..

ГЮЛЬТЕКИН. Не понимаешь, да?.. (К зрителям, с нервным смешком.) Вы только посмотрите на эту наглость людскую!.. (Хасаю.) Не помнишь, значит, да? (С ненавистью.) Я говорю о тех ложах, где сидел ты на бездарных своих премьерах... глядя на всех сверху вниз!.. (Неожиданно, сложив руки на груди, с фальшивой наигранностью.) Симузар!.. Если бы ты почувствовала биенье сердца моего, бьющегося любовью к нашей родине, если б поняла смысл любви моей к родным лугам, к хрустальным родникам, озерам... то и ты б всю жизнь свою без остатка посвятила бы эстафетной борьбе между звеньями!.. (Выйдя из образа.) Тьфу!

ХАСАЙ (вздвогнув, растерянно). Это... разве... это мое произведение? Не припоминаю...

ГЮЛЬТЕКИН. Не припоминает!.. Ничтожество, разве кто-нибудь способен запомнить этот бред? (Вдруг остановившись, зрителям, с горькой печалью.) Только я одна это и помню... они все продолжают гнить во мне... время от времени вырастать изнутри, как грибы, покрывшиеся зеленой плесенью... (Понизив голос.) Нет от них спасения...

ХАСАЙ. Заплесневелые грибы? (Виновато.) Если вы о моей последней пьесе, то я ее... если вы помните, потом ведь переделал?!.. (Закашлявшись.) Учитывая ваш внутренний потенциал, добавил туда еще два новых монолога. А вы заупрямились, помните, что сказали?..

ГЮЛЬТЕКИН (с горькой иронией). Внутренний потенциал?.. Ударница труда, бросившая мужа, проигравшего соцсоревнование, и умчавшаяся на БАМ! Вот это, по-твоему, мой внутренний потенциал?.. Умри, Сарабская!..

ХАСАЙ (расстроено, с назиданием наставника). Вы неправду говорите. Если хотите знать, вершины актерского мастерства, апогея творчества вы достигли именно в те годы. (Нежно.) В тех самых нелюбимых вами образах!

ГЮЛЬТЕКИН (не слушая Хасая, ходит по сцене). Я же... извергающая пламя, полу-зверь, полу-человек... витающая в безднах своих ощущений... пленница сцены... (Останавливается, гневным взглядом окидывает Хасая.) Посмотри, во что ты меня превратил?!..

ХАСАЙ (отпрянув). Это не так!.. Это вовсе не так. Поговорим откровенно. Ведь в те годы вы меня и слушать не хотели!.. Только Шекспиром и бредили...

ГЮЛЬТЕКИН (идет на Хасая). ...Это ты заставил меня жить тем, чем я жить не хотела... Во имя своих мелких, ничтожных амбиций!.. Ради славы! Жажды почета! Где она теперь... эта твоя слава? Может, достанешь?.. На плечи накину... душу согреет...

ХАСАЙ (отступая, возбужденно). Ведь все было не так!.. Выслушайте меня до конца! В те годы было время такое. Литература была идеологическим оружием, и вот по той причине...

ГЮЛЬТЕКИН (по мере того, как она приближается к Хасая, начинает гаснуть свет, неожиданно с нервным криком). ...Убийца! Убийца!.. Убийца-а-а!!!

Свет меняется. Странные звуки. Звук грома.

ГЮЛЬТЕКИН (стоит, словно пригвожденная своим громогласным голосом, с печалью). Ведь каждый раз я болела... после каждого представления впадала в депрессию... а иногда и в постель ложилась... ворочалась, залечивая душевные раны, пыталась все очиститься от этой бездарной словесной мешанины...

ХАСАЙ (в ужасе). Что... вы такое говорите?.. Ведь я... Умоляю, выслушайте меня до конца...

ГЮЛЬТЕКИН (не слыша Хасая, зрителям). ...Ночами сводила счеты с жизнью... а утром снова возвращалась к тебе – в театр... Куда ж мне было деваться?.. (С горькой иронией.) Было ли где приютиться в этой бесцельной бессмысленной жизни?..

ХАСАЙ. ...Вы и тогда меня не слушали, и сейчас слышать не хотите. (Зло.) Вы вообще хоть кого-то слышите?..

ГЮЛЬТЕКИН (не слыша Хасая, опустив голову, молчит. Вдруг, будто в бреду). ...Что это?.. Бессмысленное стремление, ведущее к пропасти... Любовь к жизни... (С отвращением оборачивается к Хасая.) Любви той надо бы перейти в ненависть!..

ХАСАЙ (вкрадчиво). ...Ведь я тогда написал последний вариант и бросил его к вашим ногам! А вы... помните, прилюдно разорвали его на мелкие клочки и разбросали по лестнице, в театре... Чтобы унижить меня, оскорбить! В то время как...

ГЮЛЬТЕКИН (очнувшись, перебивая Хасая, решительно). Довольно, закончим этот разговор. Что было, то прошло... и быльем поросло. И я уже вне театра, и вы...

ХАСАЙ (смущенно). Я понимаю. Я виноват перед вами, простите. Заставлял вас играть роли... словом, заставлял вас, как говорится, жить жизнью, которой вы жить не хотели... Но ведь и меня принуждали?!..

Да, и над моей головой висел топор палача... острый меч идеологии мог снести голову с плеч долой. Вы уж и это учтите...

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Внимание! К сведению пассажиров. Заканчивается посадка на поезда, отправляющиеся со второго, третьего и шестого пути! Просьба к пассажирам занять свои места!

ГЮЛЬТЕКИН (очнувшись). Наш объявили, давай, быстрее, собираться надо (Кидается к своим чемоданам, начинает складывать в них вещи.) Пора идти!.. Возможно, это последний поезд... (Запихивает, как попало, в чемодан свои вещи, вдруг задумчиво, с печалью.) Был бы тот неблагодарный человеком, что было бы мне тут делать?.. (Жалобно.) Сидела бы дома, как все барыни, пироги пекла, детей бы купала...

ХАСАЙ (вкрадчиво). Простите, вы не сказали. (Вдруг, возбужденно.) Куда это вы собрались?...

ГЮЛЬТЕКИН (бессильно откидывается на скамейку, печально).

О, сколько перевоплощений?!

Но это, видимо, конец...

И я теперь уже иная.

Такой останусь до конца...

(К небесам.) Дай, Господи, мне силы снова!..

Чтоб вновь могла себя любить!

Дай силы мне!..

Чтобы могла любить себя – такую!

(Понизив голос.) И пусть сейчас никто меня не любит,

Дай снова сил самой себя любить...

Гул землетрясения... Грозовые раскаты, сверкание молний.

Сильный ветер разбрасывает по перрону вещи Гюльтекин, вывалившиеся из чемодана.

ГЮЛЬТЕКИН (смотрит в небеса, сложив руки на груди). Услышал... Он меня у-слы-ы-ша-а-ал!!! (Голос

ее отдается эхом.)

ХАСАЙ (испуганно озираясь кругом). Вы... что это вы наделали?..

Вой ветра все усиливается, Хасай ищет, где бы ему пристроиться, но, не сумев преодолеть сопротивление ветра, падает, катится по перрону.

ГЮЛЬТЕКИН (рухнув на колени, сложив ладони у груди, в небеса). Господи!.. О – Слышащий меня! Великий Создатель!.. (Голос ее звучит все тише.) Пожалей, помилуй нас – Свои Творенья!.. Избавь меня от этих мук... (Голос все понижается.) Мне плохо где-е-есть!..

Сверкание молний, все усиливающийся вой ветра и грохот раскатов грома. По всему перрону несутся высыпавшиеся из чемоданов Гюльтекин разноцветные перчатки, шляпы, зонты...

Откуда-то издали доносится шум мчащегося скорого поезда и его истошный гудок. Хасай, поднявшись на ноги, идет в сторону шума.

Чудные вспышки света. Все усиливающийся перестук колес поезда и его гудок.

Свет меняется. Музыка. Хасай идет на свет, потоком разливающийся по перрону, достигая световой полосы, растворяется в ней.

ГЮЛЬТЕКИН (во всю мощь кричит исчезающему в световой полосе Хасаю). Сто-о-о-ой!!!.. Ку-у-да-а-а???.

Шум удаляющегося поезда и гудок заглушают голос Гюльтекин.

Свет меняется. Гюльтекин бежит за Хасаем и попадает в световую полосу. Перестук колес скорого поезда и гудок постепенно отдаляются и стихают. Становится темно. Пауза.

Знакомая мелодия из оперы «Пер Гюнт». Гюльтекин, волоча ноги, идет к середине сцены. На сцене никого не видно, кроме Гюльтекин и нескольких ее валяющихся чемоданов.

ГЮЛЬТЕКИН (сделав несколько шагов, останавливается, куда-то в пустоту). Не удалось... Творение, названное Тобою «Человек», Тебя не осознало... Всё погрязло во грехах... что повлекло за собою все

новые и новые грехи... (Жалостливо в небеса.) Быть может, все это Тебе и надоест когда-то... и ты уничтожишь этот мир... решив потом создать его заново?.. (Молчит, в небеса.) Решишь?.. Даже если вновь распнут на кресте самого Тобой любимого?..

Ветер, поднятый проходящими поездами, развеивает волосы Гюльтекин.

Свет меняется. Появляются человеческие силуэты со свечами в руках.

Все молятся.

Голоса вдруг смолкают, включается свет на сцене и в зрительном зале. Гюльтекин вскакивает.

На сцене появляются люди в служебной форме. Они начинают восстанавливать «перрон» – приводить его в тот вид, в каком он был в начале представления, устанавливают на сцене фонарные столбы, вокзальные часы, выкатывают стенд с расписанием движения поездов...

ГЮЛЬТЕКИН (вздрыгнув от яркого света). Ай!.. Это... (Морщась под ярким светом прожектора.) Что это такое?.. Где это я?.. (Растерянно смотрит по сторонам, зрителям.) Я... Простите, Бога ради... Мне и в голову не могло прийти... что... Оказывается... (Растерянно смотрит то на рабочих, то в зрительный зал, поспешно приводя себя в порядок, поправляя волосы.) Ведь я... Я ведь билет покупала?!.. (Оглядывается по сторонам.) Странно. Но я, правда, честное слово, ей-Богу, покупала билет. В СВ. В спальный вагон. Не верите?.. (Показывает на чемоданы.) А вот и мои чемоданы...

На сцену выходит Режиссер, рядом с ним Помощник.

РЕЖИССЕР (увидев Гюльтекин, вздрогнув, останавливается, нервно Помощнику). Опять она тут... Кто впустил?.. (Гюльтекин, увидев Режиссера, в растерянности хочет куда-то бежать, спрятаться, но не может найти, куда, поэтому мечется на месте.) Ну сколько можно говорить, объяснять?.. Это уже просто невыносимо. Так работать нельзя!. Ей-Богу, нельзя!.. (Кричит куда-то за кулисы.) Есть тут какой-нибудь сторож или нет?.. Я с вами!!! (Швырнув бумаги, что держал в руках, на пол, нервно уходит.)

Рабочие, оставив инструменты, подходят к Гюльтекин. Взяв ее чемоданы и ее саму под руку, ведут к выходу.

ГЮЛЬТЕКИН (вырываясь). Вы... что вы делаете? Куда вы меня ведете?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ (неся чемоданы). Не обижайтесь, Гюльтекин ханым... (Показывая в ту сторону, куда ушел режиссер, тихо.) Не разрешает! Сами видите, ругается. Потом ведь и нам достается!

ГЮЛЬТЕКИН (вырвавшись, останавливается). Вы что, меня из театра гоните?.. Меня, Гюльтекин Сарабскую, из театра гоните?.. Сарабскую – всю свою жизнь посвятившую этому театру?.. (Рабочие, не принимая во внимание ее слова, вновь подхватив ее под руки, ведут к выходу.) Вы ответите за это!.. Пустите!.. (Она сопротивляется, но рабочие продолжают волочить ее к выходу.) Пустите, говорю!.. А то сейчас...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Зря это вы. Мы тут ни при чем. Ну, кто мы здесь такие?..

ГЮЛЬТЕКИН (высвободившись, подбоченясь). Вы что думаете, я вот из-за этого всего умираю, что ли?.. Да плевать мне на ваш театр!.. (Вдруг, жалостливо.) Разве не он меня довел до этого?..

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ (схватив Гюльтекин под руку, тянет к выходу.) Сегодня он вообще злой. Ведь он всегда такой в дни премьеры. Вы же сами знаете...

ГЮЛЬТЕКИН (остановившись, как пораженная молнией). Премьера?.. Опять премьера? Сынок, земля пришла в движение... с неба сыплются камни градом, все огнем полыхает... а вы тут чем заняты?.. (Рабочие продолжают вести ее к выходу.) Возгораются леса... (У выхода, заметив афишу «Женщина под поездом», останавливается.) Ах, вот она – ваша премьера!.. Женщина под поездом!.. А кто же бросится под этот поезд, а?..

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ (ведя Гюльтекин к выходу). Сейчас зрителей в зал начнут впускать... Сцену надо освободить...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Ну, так же тоже нельзя... Ведь вас с таким почетом проводили, портрет ваш на самом видном месте в фойе повесили, сами же видели. Ну ей-Богу, ну, какие человеку еще почести нужны?..

ГЮЛЬТЕКИН (вырвавшись из рук рабочих, растерянно зрителям). Да я и сама не знаю, зачем я сюда пришла!.. Я ведь... (Жалобно.) на вокзал собиралась! (Рабочие, подхватив ее под руки, волокут.) Слушайте, вы что, не верите мне?.. Серьезно, не верите?.. (Рабочие утаскивают ее со сцены. Какое-то время ее голос доносится из-за сцены.) А ну, клянись, что не веришь!.. Скажи «не верю»!..

После того, как за кулисами стихает голос Гюльтекин, рабочие возвращаются на сцену, продолжая выстраивать декорации. Тут из глубины сцены появляется Гюльтекин Сарабская, она будто ищет свой потерявшийся веер, найдя его, смахивает с него пыль.

Рабочие ее не видят, присев у одного из фонарных столбов, они усердно что-то чинят. Один из них тяжело вздыхает.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ (крепит столб, это ему не удается). Ну вот. Опять на том же месте... И в прошлый раз именно тут заело, а обвинили меня. (Поднимается в возбужденном состоянии.) Надоело... вот наплевать на все, и уйти к чертям!.. Натерпелся уж...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Я же говорил, в мастерскую надо везти. В конце концов упадет кому-нибудь на голову...

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Кронштейн надо бы принести... Может, что-то и получится. (Поднявшись, идет к выходу, на выходе, другому рабочему.) Чего уселся, устался, как баран?.. Пошли, поможешь... (Рабочие выходят.)

ГЮЛЬТЕКИН (подоткнув длинный подол, с трудом поднимается на платформу, отряхивается, обмахиваясь веером, подходит к афише, читает). «Женщина под поездом...» (Зрителям.) Вы на их аппетиты посмотрите!.. Вон на что замахнулись?!.. (Вдруг громко, за кулисы.) И кто сейчас под поезд бросаться собирается?.. Вы-ы?.. (С презрительным хохотком.) Да уж!.. (С горькой иронией.) Комары вы несчастные!.. (Снова за кулисы, громко.) Худоба – это еще не мастерство!.. На них посмотрите... Под поезд они бросаться будут!.. (Неожиданно замолкнув, опускает вниз веер, виновато поворачивается к зрителям, жалобно.) На это способна лишь я! (С грустью.) Гюльтекин Сарабская – женщина, всю свою жизнь живущая под колесами! Актриса, годами кончавшая с собою на сцене!.. (Вдруг, презрительно.) Слепая летучая мышь, привыкшая жить лишь под ярким светом прожекторов! (Жалобно.) Пленница восторженности и любви... (Замолкает, вдруг, зрителям, жалобно.) Вы... меня больше не любите?.. Я ведь... Я ведь та же... (С упреком.) ...та самая – Гюльтекин Сарабская, которую годами вы любили... аплодировали стоя... (Вдруг игривым тоном.) Лишь руки немного постарели... и чуточку растолстела!.. Ну и что с того?.. (Потрясенно.) Душа-то ведь не растолстела!... (Глядя в потолок зрительного зала, в ужасе.) Вон, она... висит опять на потолке, смотрит на меня... Ждет... (В потолок.) Сию минуту. Покажу сейчас, как бросаются под поезд... (Вдруг совершенно другим голосом, зрителям.) Не верите?.. Правда, не верите?.. (Оглядывается по сторонам, будто что-то ищет.) Сию минуту. (Прикрыв лицо веером, ритмично стучит каблуками.)

Музыка. Гюльтекин какое-то время отбивает ритм каблуками на месте, затем, играя веером, начинает кружиться по сцене, словно в танце Кармен.

На сцену с инструментами входят рабочие, увидев кружащуюся по сцене Гюльтекин, удивленно останавливаются. За ними виднеются Хасай, Контролер, Продавщица семечек, Продавец газет, Нищий и актеры, исполняющие эпизоды. Молодые актрисы восторженно смотрят, как, кружась в танце, двигается по сцене престарелая актриса...

На сцену выходят Режиссер с Помощником, увидев Гюльтекин, он тоже замирает на месте.

Гюльтекин исполняет самый грандиозный танец за всю свою сценическую жизнь...

Звуки аплодисментов, восторженное «браво-о-о!..» смешиваются с аплодисментами стоящих на сцене.

Режиссер нервно передает бумаги Помощнику и, ворча, уходит со сцены.

Гюльтекин продолжает танцевать свой танец победы.

...Слышится перестук колес, гудок идущего издалека поезда... На рельсы падает свет. Гюльтекин, кружась в танце по перрону, двигается к рельсам...

Свет меняется. В мерцании света и тьмы видно, как Гюльтекин бросается под поезд.

Крики ужаса смешиваются с шумом колес и свистом промчавшегося поезда...

На сцене темно и тихо. Постепенно зажигается свет. Рабочие вместе с другими актерами поднимают с рельсов бездыханное тело Гюльтекин. Кладут его в центре перрона.

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (в ужасе). Она умерла?..

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (приложив голову к груди Гюльтекин, смотрит полным ужаса взглядом). Дыхания нет...

КОНТРОЛЕР (заложив руки в карманы, идет на правую сторону сцены). Я так и знал. Чувствовал, что-то здесь должно произойти...

ОДНА ИЗ МОЛОДЫХ АКТРИС (грустно). Это была ее самая лучшая роль...

ХАСАЙ (повернувшись к зрителям, грустно). Она была великой актрисой...

НИЩИЙ. Она – последняя из могикан!..

Музыка. На сцену вслед за венками с траурными лентами выходит режиссер.

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР (подойдя тяжелым шагом к одному из венков, поправляет ленту, потом, шагнув вперед, печальным голосом, зрителям). Культура страны понесла большую утрату...

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (вдруг, в ужасе). Постойте! (Главный режиссер, прервав свою речь, оборачивается.) Она не умерла!.. Она не умерла, посмотрите! Она дышит!..

МОЛОДАЯ АКТРИСА (с горькой усмешкой, продавщице семечек). Это вам так кажется.

КОНТРОЛЕР (склонившись над Гюльтекин). Вы хотите сказать, что она притворяется мертвой?..

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК. Почему притворяется?.. Думайте, что говорите! (Ласково смотрит на Гюльтекин.) Она просто не в себе... Не видите, как побледнела?! Посмотрите на цвет ее губ... В таком возрасте что только с человеком не происходит?!

МОЛОДАЯ АКТРИСА (положив руку на грудь Гюльтекин, растерянно). Да, есть сердцебиение...

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ (с просветлевшим лицом, зрителям). Возможно, она сыграла кончину Анны Карениной, роль, которую мечтала сыграть всю жизнь!

НИЩИЙ (зрителям). Да, она всю жизнь мечтала сыграть Анну Каренину... Ну, вот и сыграла!

ПРОДАВЩИЦА СЕМЕЧЕК (возбужденно). Что стоите?.. Врача надо вызвать!

Все растерянно, с возгласами «Врача!», «Врача!» мечутся в панике.

ХАСАЙ (глядя на Гюльтекин). Подождите!.. По-моему, она... (Улыбаясь, оглядывается по сторонам.)

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР (растерянно глядя то на Хасая, то на Гюльтекин). Что?.. (Вдруг, нервно.) Вы что, хотите сказать, что она... (Умолкает, глядя на окружающих.)

Все смотрят друг на друга. Музыка.

ЗАНАВЕС

В пьесе использованы стихи - У.Шекспира, В.Гете, Ф.Руккерда, Р.Ровшана, В.Баятлы

ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ

ПОКАЯНИЕ

(Драма в 2-х частях)

Действующие лица:

ВЭТЭН – в прошлом участник войны в Карабахе

ФЕРГАНА – его жена

ГЮЛЬЯЗ – его дочь

МУРАД – друг детства и юности Вэтэна, вместе воевали в Карабахе. В настоящее время – бизнесмен

РЫЖИЙ – водитель Мурада

КЕРИМ – врач

Стихи Сеида Нигяри в переводе С. Мамедзаде.

Стихи Мусы Джалиля в переводе В. Ганиева.

Часть I

Слышна негромкая мелодия. По мере того, как в зале медленно гаснет свет, на сцене высвечивается, размыто и неярко, небольшая комната. В глазах рябит от обносившегося мужского, женского, детского белья разных цветов. Оно развешано на бельевых веревках, протянутых вдоль и поперек комнатухи.

Над всем этим, чуть позади, тускло горит голая лампа. Это – одна из палат недостроенного здания большого больничного комплекса, заселенного беженцами. Шаткий старый стол, колченогие табуреты, в дальнем углу на пластиковой бочке из-под пищевых продуктов электроплитка на два гнезда, занавес, перегородивший часть комнаты и выполняющий роль ширмы, за ним старая кушетка с облезлой обивкой. Нетрудно догадаться: обитатели комнаты тут же готовят, едят и спят. Постель на кушетке разобрана, ее только что покинули: одеяло откинута в сторону, подушка примята. Появляется Гюльяз, за ней, чуть отстав, Фергана.

ГЮЛЬЯЗ (раздраженно). Мама, ну почему они пришли? Я совсем этого не хотела! Зачем? Зачем? (рыдая, садится).

ФЕРГАНА. Гюльяз, что с тобой? Совсем свихнулась? Одноклассники пришли навестить тебя, гостинцев набрали, а ты сидишь, насупив брови.

ГЮЛЬЯЗ. Нет и нет! Я, мама, не хотела, чтобы они приходили, не хо-те-ла... (плачет навзрыд).

ФЕРГАНА. Доча, объясни мне свое «нет»? Что за фортели ты выкидываешь?

ГЮЛЬЯЗ (повела руками в стороны). Разве сюда можно приходиться? Видела бы ты их дома?! У Севды вилла, ах, а про Орхана я вообще молчу.

ФЕРГАНА. Ну и на здоровье! Я-то думаю, с чего моя девочка мрачнее тучи. Она, видите ли, смущается, ей стыдно. Будто бы они и не знают, что мы горького племени – беженцы... Или по твоим обносам не видно, что ты не из богатой семьи? Времена сейчас, доченька, другие: от постороннего глаза не скрыть ни богатство, ни нищету. По внешнему виду, по лицу видно, какого полета пташка.

ГЮЛЬЯЗ. Я совсем не об этом, мама... (плачет).

ФЕРГАНА. Перестань реветь, Гюлюш, не то такое тебе устрою, сама рада не будешь! Не посмотрю, что болеешь. Мы – беженцы! Этим все сказано, и всем об этом известно. Своей волей притопали мы сюда? Все оставили: дом, нажитое добро, скотину, чуть не в исподнем, еле живыми выбрались, доползли сюда... Кому не нравится – пусть не здороваётся! Ничего, не растаем – не сахарные! Бога благодарить надо, что нашли приют в этом недострое. Другие оказались в безводной степи, полной ползучих тварей, шакалов. Будь благодарна, детка, не гневи Господа.

ГЮЛЬЯЗ. А Орхан? Он ведь тоже беженец. А такой домище ему отец отгрохал.

ФЕРГАНА. Отгрохал дом, говоришь? Хорошо, пусть и дальше себе грохают. Не возьму только я в толк – откуда беженцы такие берутся?.. Чем богаты тем и рады (гладит плечо дочери). Отец твой и так весь в заботах, не прибавляй ему хлопот. Утри свои слезы, доча...

ГЮЛЬЯЗ (обнимает мать). Почему, мама, мы должны жить так? Ты – врач, на работу устроиться не можешь. Отец – инженер, а работает чернорабочим. За что нам такое?...

ФЕРГАНА. Эх, знать бы, где найдешь – где потеряешь... Чего нам не хватало? Дом – не хуже царских хором, да и получше твоей виллы будет. Боже, ниспошли кару на головы злодеев! Что потеряли мы в этих краях?

ГЮЛЬЯЗ. Мама, мне ночью бабушка приснилась...

ФЕРГАНА (с удивлением). Бабушка? Яхшы нэнэ?

ГЮЛЬЯЗ. Ну да, вижу ее сидящей под нашим навесом, увитым виноградной лозой.

ФЕРГАНА. Под нашим навесом? Гюлюш, ты помнишь тот навес?

ГЮЛЬЯЗ. Как же не помнить, мама! Мне тогда было... пять лет. Часто в снах вижу наш двор, мне никогда его не забыть.

ФЕРГАНА. И нашу стеклянную веранду помнишь? Обвитую плющом, будто ее Гюлэбэтин обнесла коврами, а ткать она большая мастерица была. С раннего утра и до позднего вечера плющ покрывался цветами.

ГЮЛЬЯЗ. Помню, мамочка, все помню. И качели, на которых я так любила качаться. Еще бабушка раскачивала меня и пела колыбельные песни.

ФЕРГАНА. Гюлюш, и это помнишь?! (Утирает выступившие слезы). Отец вечерами после работы выносил самовар во двор, а бабушка затягивала свое любимое баяты: «Слаще папы с мамой зазнобушка моя»... Прости, Господи, ребенок рядом, а я чушь всякую несу...

ГЮЛЬЯЗ. Я не ребенок. Мне уже четырнадцать.

ФЕРГАНА. Ну-ну... Лучше про сон свой доскажи. Дальше-то что было?

ГЮЛЬЯЗ. Так вот, вижу, у бабушки в руках большая гроздь винограда, с блестящими-блестящими ягодками. Бабушка отрывает по одной виноградине и ест...

ФЕРГАНА. Покойница, да покойна будет ее душа, обожала белый виноград, в особенности дамские пальчики.

ГЮЛЬЯЗ. ...Бабушка ест ягодки, а по щекам слезы текут. Я хочу подойти, расцеловать, обнять ее, так она, нет, говорит, не приближайся, захвораешь, внучка.

ФЕРГАНА. Виноград к слезам... А я, как увижу ее во сне, знаю, к добру она мне снилась, к радости.

ГЮЛЬЯЗ. Но ведь это мой сон был – не твой.

ФЕРГАНА. Верно, Гюлюш. Знаешь, и ко мне Яхшы нэнэ приходила этой ночью. Зашла сюда, оглядела наше жилище, покачала головой и говорит: «Что с вами, кто же в таком месте селится?»... Дай-то Бог, все образуется. Ну, ступай, ложись и укройся, не то опять простынешь.

ГЮЛЬЯЗ. Ох, мамочка, как надоело мне валяться. (Тем не менее, послушно легла в постель, укрылась одеялом).

ФЕРГАНА (гладит ее по голове). Прочь, прочь сглаз, красивая ты у меня, дочка, день ото дня хорошеешь (целует в лицо, в лоб)... Где запропастился Вэтэн? Надеюсь, деньги он раздобыл, если нет, ей-Богу, будет опять себе душу рвать... (Выходит).

Звучит печальная мелодия. Заходит Вэтэн. Он совершенно седой, лицо заросло многодневной щетиной. Сквозь убогий внешний вид в нем еще просматриваются былая красота, стать.

ВЭТЭН. Вот я и дома... Бейся как рыба об лед, вкалывай, вой, теряй близких... Только ради того, чтобы превратиться в беженца, изгоя. Ребенок болеет, а у меня на лекарства денег нет. (Раздвигает ширму и смотрит на спящую Гюльяз. Достает сигарету, прикуривает, но потом, спохватившись, мнет пальцами, кладет обратно в пачку). Потеряна земля, мой очаг остыл, пуст мой дом, в прошлом почет и уважение. Ничего не осталось, ничего...

Снова звучит печальная мелодия. Вэтэн проходит к большой репродукции с видами Гарабаха, смотрит на нее. Заходит Фергана. В руках у нее лохань, полная постиранного белья. Заметив мужа, Фергана застывает, он же, не зная о ее присутствии, читает стихи:

Омрачилась весна, жизнь моя западня,
 Всюду мор и разор, вы услышите меня,
 Боль в груди, как ожог, посмотри, Гарабах,
 Жжет тоскою-огнем Нигяри, Гарабах.

Фергана с грохотом опускает лохань с бельем на низкую табуретку. Вэтэн вздрагивает, оборачивается на шум.

ФЕРГАНА. Все стихи читаешь?

ВЭТЭН. Не понял?...

ФЕРГАНА. Говорю, опять за свое?

ВЭТЭН. Не стихи это, жена. Душа волком воет по родной сторонке, кручинится, стонет, плачет, а вот отпустить – не отпускает.

ФЕРГАНА. Кроме Гарабаха, у тебя других забот нет, Вэтэн?

ВЭТЭН. Отчизна, Гарабах – мои заботы, боль и печаль...

ФЕРГАНА. Спустишься на землю, оглянись вокруг (выговаривая мужу, Фергана со злостью развешивает белье на веревки). Может, о нас вспомнишь, озаботишься жизнью семьи, а?

ВЭТЭН. Только о вас и думаю, мои дорогие. Не видишь, ярюсь я, похуже бездомной собаки?

ФЕРГАНА. Пстой, пстой, значит, денег ты не достал?

ВЭТЭН. Ни денег, ни работы. Хозяин сказал, что разорился, остановил стройку. Что нам оставалось делать? Говорит: «Я вас больше не держу, идите с Богом, может, подвернется что-нибудь получше». А денег не дал.

ФЕРГАНА (недоуменно). Как же так? Что ты говоришь? С нами-то что будет? Дочке нужны лекарства, хорошая еда. И доктор говорит о том же.

ВЭТЭН. Поверь, у меня сердце разрывается видеть ее хворой.

ФЕРГАНА. Вэтэн, умоляю тебя, столько терплю, жду, может, наконец, устроишься на какую-нибудь дельную работу. А ты читаешь стихи Сеида Нигяри, держишь траур по Гарабаху. Может, хватит, а, родненький мой?

ВЭТЭН (с удивлением смотрит на нее). Что такое ты несешь, Фергана? Я, что, по свадьбам, кабакам шастаю? Может, еще и по Гарабаху запретишь мне тосковать?

ФЕРГАНА. А кто по нему сейчас тоскует? Был Гарабах, да сплыл! Удавиться теперь нам? Почему ты, как и остальные, не хочешь найти доходную работу. Ладно, Вэтэн, черт с нами, но о двух наших детках подумай?

ВЭТЭН. А что я делаю, если не думаю о них? Смотри, на кого я стал похож. Говоришь, будто тебе самой на Гарабах наплевать. Забыла, говоришь, его? Если так, то почему, оставь тебя одну, – ты сразу в слезы горячие? Думаешь, раз на работе, так не замечаю?

ФЕРГАНА (со злостью встряхивает белье и чуть ли не швыряет на веревку). Видно, ты привык горевать, пускать нюни, даже кейфуешь от этого. Лучше не стихи читал бы и лил слезы, делом занялся бы, заработал.

ВЭТЭН. Фергана, и это говоришь ты? Мне, вкалывающему с утра до вечера? Что случилось?

ФЕРГАНА (отложив в сторону пустую лохань, садится на табуретку). Многое случилось, многое

изменилось, Вэтэн. Человек может терпеть страдания год, ну, пять лет, но не до скончания же жизни своей?.. Перед тобой здесь были одноклассники Гюлюш. Стоило им уйти, как наша дочка в слезы. Знаешь, почему, Вэтэн? (Плачет). Лучше провалиться бы мне сквозь землю, говорит, но чтобы не видели они нашего убожества.

ВЭТЭН (подался в сторону, где спит Гюльяз). Гюлюш плакала? Из-за такой мелочи моя дочь проливала слезы?

ФЕРГАНА. Плакала? Рыдала навзрыд, Вэтэн...

ВЭТЭН. Не пойму я вас. По-вашему получается: беженцы должны по-княжески жить. Ай-яй-яй, не поселили нас в «Хайат Редженси»...

ФЕРГАНА. Не знаю, где нас не поселили, но в теперешней нашей жизни, в том, что ютимся на пяточке одной из комнатушек в недостроенном здании, кроме себя, винить некого. Да за один несчастный год мало-мальски шустрый человек догадался бы и подсуетился, но перебрался бы из этого приюта, изменил бы к лучшему житье-бытье. А мы сколько лет здесь живем?

ВЭТЭН. Как мне твое «житье-бытье» к лучшему изменить, Фергана? Заняться разбоем?

ФЕРГАНА. Этого не хватало! Работу найди, которая приносит бы небольшой, но постоянный заработок, Вэтэн.

ВЭТЭН. Как? Ну, скажи, как?

ФЕРГАНА. Ох, не знаю – как. Другие как-то находят... Возьми себя в руки, пройдишь, поспрашивай: ты же мужик – не я. Подойти к другу своему Мураду. Вы же с ним – не разлей вода были: одни мысли, одно прошлое, одна война на двоих. Он же тоже из беженцев, вот давеча его по ящику показали. Счастливец, так разбогател, что сам горемычным беженцам продукты раздает. А народ не нарадуется его щедрости, милосердию.

ВЭТЭН. Он с молодости все мечтал о почете, преклонении.

ФЕРГАНА. Ну и что, ну и пусть. Он тоже ведь все оставил в Гарагышлаке и бежал, как все. Но почему-то сейчас не пресмыкается, как многие, не ходит с протянутой рукой. И живет не в пример нам: сыт, одет, и дом – не развалюха, не вагон, что по лету жаровня, в зиму – холодина несусветная. Не нравится, что гоняется за почетом и уважением? Плохо это, да?

ВЭТЭН. Что мне сказать, Фергана? Каждый имеет свой вид на жизнь, свою жизненную философию. Я Мурада, поди ж ты, с десяток лет не встречал, скорее всего, и не встречу больше. Он давно и меня, и Гарабах наш забыл...

ФЕРГАНА. Не верю, не способен он забыть тебя. По крайней мере, добро щедрой души Яхшы нэнэ не забудет. В благие дни ищи – свищи его, зато в дни ненастные только покойная твоя мать становилась

ему опорой. Грех этого не помнить.

ВЭТЭН. А кто меня вытащит из моих бед? Беда же черным метит людей, не обошла и меня...

ФЕРГАНА. Вэтэн, родной, прекрасно знаешь – я никогда не лезла в твои дела, что домой принесешь – на том и спасибо, как поступал, так поступал – твое дело. Но, миленький ты мой, так больше продолжаться не может. Я не о нас, а детях говорю, о будущем их надо подумать. Ей-Богу, хуже сирот живут... Иди к Мураду, попроси у него работы, не может он тебя ни с чем назад воротить. Вы же с юности вместе, в зачатом Степанакерте в войну выжили, друг друга выручая. Захочет – не сможет тебя Мурад забыть.

ВЭТЭН. Не сможет, да? Ты – дитя малое, не видела еще изнанки жизни, потому настаиваешь на своем.

ФЕРГАНА. Ой ли, так и не видела? Жизнь в этой дыре – не изнанка жизни?! Может, Вэтэн, ты забыл, как я зимой выбиралась из Ходжалы в Агдам? Спасала детей наших от армянских пуль: одна малютка на руках, старшая рядышком семенит. Кто, если не я, пятнадцать дней во дворе агдамской мечети встречала машины с окоченевшими трупами, выстанывала твое имя, высматривая среди тебя среди них?! Не я ли тебя, в конце концов, нашла и вытащила из кузова трактора, доверху заполненного изувеченными телами? И ты еще говоришь, я не видела изнанки жизни... (очень тихо, обращаясь к самой себе, произносит) В одну ночь я поседела, Вэтэн...

ВЭТЭН. Тогда ответь мне, что ж тебя, выжившей, добравшейся, спасшейся, в нашей сегодняшней жизни не устраивает? Ворчишь, ворчишь...

ФЕРГАНА. Ну, пойми же, родненький, не ворчу я, ради тебя терпела и впредь буду терпеть, но в чем повинны наши детки? (Понижает голос). У дочурки неладно с легкими, боюсь, не затемнение ли, не дай Бог. Я же врач, и мне не нравится ее простуда, да перейдут мне ее болезни.

ВЭТЭН. О Боже! Мне, наводившему шорох на весь Гарабах, не найти денег на лекарства для дочери?!

ФЕРГАНА. Гордец и бахвал ты – вот кто...

ВЭТЭН. Вай, в чем мое бахвальство?

ФЕРГАНА. Или я не права? Искать работу тебе зазорно, пасуешь, гордость свою бережешь. Понимаю, тебе стыдно, тогда почему хотя бы к Мураду не обратиться. Не надо выпрашивать у него, просто скажи, ай Мурад, дела мои, мол, идут не ахти как. Пусть даст тебе работу, пристроит по знакомству. Не сиди сиднем, найди, да, его, разузнай, где живет. Придешь, скажешь, шел мимо, дай, думаю, зайду, повидаюсь... Хочешь, я все устрою...

ВЭТЭН. Сиди и помалкивай, женщина. Забываться стала? (Какое-то время оба сидят, не проронив ни слова). Нет, никогда не смогу этого сделать. На кой леший я ему сдался? Хотел бы, давно сам меня нашел, ну, просто из интереса, что ли. Бог знает, в каких он сейчас высотах летает, с кем сидит, якшается. Что ему до нищенствующего Вэтэна?

ФЕРГАНА. Не говори за него. Кто сказал, что Мурад не захочет знаться с тобой?

ВЭТЭН. Хотел бы – давно объявился. Если закадычные друзья, живя в одном городе, не встречаются три года, пять лет, десять, значит, их дружба иссохла на корню: вырви и брось.

ФЕРГАНА. То же самое Мурад может сказать о тебе. Ведь ты избегаешь встречи с ним, хотя знаешь его адрес и даже видел его пару раз. В тебе больше вины, Вэтэн.

ВЭТЭН. Ну и слава Богу – вывели на чистую воду.

ФЕРГАНА. Значит, к Мураду ты ни ногой, да?

ВЭТЭН (немного помедлив). Не-е-т, не пойду!

ФЕРГАНА. Хочешь, чтобы заживо сгнили в этой норе? И себя, и детей под корень изведем, да?

ВЭТЭН. Ни мы с тобой, ни дети наши не хуже, но и не лучше моей мамы Яхшы, моей отчизны Гарабаха и родного села Гарагышлак.

ФЕРГАНА. Все верно, тамошние погибли сразу, мы же здесь будем вымирать медленной, мучительной смертью. Будем читать стихи Сеида Нияри и плача загибаться (Фергана развесила остатки белья и вышла).

Вэтэн достал сигарету, зажег ее. Фергана вернулась, села рядышком и подолом вытирает слезы. В дверь стучат, оба невольно вздрагивают.

ВЭТЭН (поворачивается к двери). Утри слезы и посмотри лучше, кого несет нелегкая в столь поздний час.

ФЕРГАНА (на ходу приводя лицо в порядок). Наверное, Гюльдэстэ, я должна ее дочери укол сделать, а они сами тут как тут.

Фергана открывает дверь. В дверях она видит одетого с иголки во все белое человека. Это – Мурад. Фергана узнает его и стоит, обомлевшая.

ФЕРГАНА. Мурад?!

ВЭТЭН (вскакивает с места). Мурад?!

Они оба, недоумевая, уставились на Мурада.

МУРАД. Чего застыли, не признали? Фергана? Вэтэн? Братка?

Все молчат. Фергана и Вэтэн смотрят на радостное лицо Мурада, на его костюм.

ФЕРГАНА. Клянусь Богом, это Мурад, родной ты мой, э! Слышь-ка, Вэтэн, твой друг пришел.

ВЭТЭН (расстроенный, смущенный). Сил нет подойти. (Осматривает себя, потом Мурада, словно приглашая его сравнить внешний вид обоих). Слово чужой человек стоит передо мной.

МУРАД. Какой-такой чужой, э? Вэтэн, братишка мой!

Оба бросаются друг другу в объятия.

ВЭТЭН. Мурад, Мурад! (рыдает).

Разомкнули объятия. Расчувствовалась и Фергана. Мурад достает из бокового кармана белоснежный, под стать костюму, носовой платок, протягивает другу. Вэтэн берет платок, тут же возвращает обратно, затем, протянув руку, снимает со спинки стула в грязных разводах полотенце, утирается им.

МУРАД. Неужели ты?! От которого волчье племя в страхе и ужасе металось в лесах Гарагышлака?

ФЕРГАНА. Бессовестные вы оба, не стыдно вам, и меня заставили плакать. (Все так же подолом вытирает глаза).

ВЭТЭН (торопливо, еле сдерживая чувства). Не верю своим глазам, Мурад. Как я ждал этой встречи, таил от всех грусть и тоску по другу. Даже Фергане словом не обмолвился. Вспоминал тебя, и сердце щемило, все переворачивалось внутри. А теперь, вот, могу сказать, не стыдно, раз ты в мою босяцкую дверь постучался... (Расчувствовался, прижал к лицу полотенце, чтобы заглушить рыдания).

МУРАД. Да ладно, будет. Чего ты так расплакался?...

Крепко обнимает Вэтэна, громко пошлепывая его по спине.

ВЭТЭН (Вэтэн освобождается от объятий друга, дрожащими руками пытается зажечь сигарету). Ради Бога, прости меня, Мурад, жизнь так прижала, и я – ее жалкое создание. Нервы как натянутая струна, чуть что – сразу в слезы. Увидел тебя, и душа, воющая скорбью по родине и другу, засияла серебристыми лучиками. Отец говаривал: «Госка не лепешка – свернуть трубочкой и съесть». Прости еще раз...

МУРАД. Бог простит, брат. Давненько искал я тебя, где свил гнездо, не знал. Веришь, столько людей на дню встречаю-провожаю, разговариваю, но никто с тобой не сравнится. Есть у меня, к счастью, друзья, знакомые, но никого из них с Вэтэном даже рядом не поставлю. (Внимательно вглядывается в Вэтэна).

ВЭТЭН. Что, трудно узнать? Я сильно изменился...

МУРАД. Кости были бы целы, а остальное поправимо.

Как будто ищет кого-то. Дверь открывается, в нее входит Рыжий. В руках у него две-три корзинки, доверху наполненные.

РЫЖИЙ. Салам алейкум.

МУРАД. Что еще за салам, э? Где тебя носит? Заноси, заноси... Вэтэн, узнаешь красавчика?

ВЭТЭН. Рыжий?! Сын дяди Хусейна?

МУРАД. Ну да, он самый... Накостылял же нам сполна его покойный отец за налеты на виноградники ...

ФЕРГАНА. Упокой, Господи, душу его...

Радостные Вэтэн и Рыжий, который все еще держит в руках тяжелые корзины, обнимаются.

МУРАД. Э-э-э, да поставь же ты, наконец, эти корзины, Рыжий.

РЫЖИЙ. Мурад бек, клянусь Богом, растерялся (кладет корзины на пол), не пойму никак: Вэтэн это – не Вэтэн?..

МУРАД. Меньше болтай, лучше корзины отнеси на кухню...

ФЕРГАНА. Не беспокойся, Мурад. Рыжий, оставь корзины здесь: одна комната у нас и кухня, и спальная, и гостевая.

МУРАД. Ничего страшного. Сердце было бы открытое, чего у Вэтэна, слава Богу, не отнять!

Фергана переставляет корзины в один из углов комнаты.

ВЭТЭН. С ума сойти, что за день сегодня! От радости места себе не нахожу.

ФЕРГАНА. Мурад, у нас не очень уютно, прости, ради Бога (подолом протирает стул). Садись, чисто. Рыжий, а ты вот сюда присаживайся.

РЫЖИЙ. Нет, сестричка, я должен уйти.

ВЭТЭН. Как это уйти, Рыжий? Нечего, давай, садись, сто лет не виделись.

РЫЖИЙ. Ай братишка, не сердчай, у меня дел по горло. Мурад бек столько всего поручил.

МУРАД. Вот бездельник, а? Иди, иди, займись делами. (Вэтэну) Рыжий не брешет: у ребенка заканчиваются занятия, так его домой надо отвезти.

ФЕРГАНА. Хотя б стакан чаю выпил...

РЫЖИЙ. Не-а, сестричка, не могу. Я – трудящийся, лучше пойду, с делами управлюсь (собирается уходить).

МУРАД. Эй, дождись моего звонка, не разъезжай на машине впустую, отвезешь ребенка, и – к дому...

РЫЖИЙ. Слушаюсь, бей! (Уходит).

С его уходом наступает молчание. Вэтэн и Фергана чувствуют некоторую неловкость, поскольку стали свидетелями сцены диалога между Мурадом и Рыжим.

ФЕРГАНА (спохватившись, разряжая обстановку). Сейчас чай поставлю...

МУРАД. Нужды в чае нет. Загляни-ка лучше в корзины. Рыжий очень хозяйственный и дотошный в таких делах... Посидим вот с братишкой, как говорится, за рюмочкой-другой, душу изольем, чай, сто лет не виделись, вкусим, чего Бог послал...

ВЭТЭН. Мурад, миром клянусь, напрасно накопил всего. Думаешь, раз нет у нас своего дома, так и куска хлеба не найдем? Не срами ты нас...

МУРАД. Пусть враг твой осрамится, Вэтэн! Нежданный гость со своей котомочкой ходит.

ФЕРГАНА. Двери наши для тебя всегда открыты, братишка. Богом клянусь, перед твоим приходом о тебе говорили. Будто услышал ты и пришел.

ВЭТЭН. Ладно, Фергана, раз гость со своим вещмешком пришел, подсуетись на стол.

ФЕРГАНА. Вы поболтайте пока, а я – мигом...

Фергана расторопно выкладывает содержимое корзины на стол. Потом приносит тарелки, ножи, вилки. Мурад, взяв Вэтэна под руку, тянет его к авансцене.

МУРАД. Вэтэн, мне никак не верится. Куда пропал, ни слуху, ни духу?..

ВЭТЭН. Мурад, многое изменилось за эти годы, я изменился ... Порой сам себя не узнаю. Быть беженцем на своей земле – горькая участь... Тебя считают пришлым, второсортным, смотрят сверху вниз, от стыда удавиться готов. Столько всего накопилось в душе, даже не знаю, придет ли время или кто-то, чтобы высказать накипевшее? Браток, как ни верти, мое положение – не ахти что. Чего я болтаю столько: только посмотри на меня – и все станет ясным...

МУРАД. Виноват я перед тобой, что не нашел тебя раньше: потерял из виду. Признаюсь, каких-то пятьдесят лет назад я подумал было, что ты..., что тебя... Язык не поворачивается сказать.

ВЭТЭН. Не стесняйся, Мурад, говори. А я и есть почти что труп. Не зря же дед в ссылке нарек меня именем – Родина. Я – смертельно раненая Родина без Гарабаха. К жизни меня вернут только земля предков, воздух карабахский, его родники со студеной водой. Но они все в руках врага.

МУРАД. Гарабах – не только твоя родина, друг. Разве мы на чужбине? Здесь ведь тоже наша земля.

ВЭТЭН. Нет, Мурад, пусть мир станет раем, но он пуст без Гарабаха... Ты знаешь об этом лучше меня.

МУРАД. Да-а-а... Гарабах... Гарабах... Гарабах!..

ФЕРГАНА. Мурад, Вэтэн, идите к столу, все готово.

МУРАД (смотрит на стол). Ба, чудеса и только! Фергана, какая же ты искусная стряпуха!

ФЕРГАНА. Ай Мурад, откуда в этом приюте взяться искусной стряпне? Все утекло сквозь пальцы, как песок: дом, хозяйство, хлеб и соль...

МУРАД. Да ладно тебе! (усаживается за стол). Даже Рыжий не создаст такого чуда на столе.

ВЭТЭН. Жаль, Рыжего нет: перекусил бы слегка, вспомнили бы былое... Мурад, где ты его нашел? Вы же такие разные?

МУРАД. Давненько он возле меня крутится. Мою машину водит, домашнее хозяйство на нем, опять же, жену, детей подвезти. Ему можно доверять. Но главное, он знает свое место. Сам же видел – ушел, потому что понимает: каждый сверчок – знай свой шесток. Одним словом, вкалывает на меня и мою семью...

ВЭТЭН (смутился). Ты имеешь в виду... Но ведь и я вкалываю.

МУРАД. Ты? Вкалываешь? Не смей меня, Вэтэн. Хоть сто лет корчуй камни, суши болота, вали лес – пахарем не будешь. Ты – Вэтэн, мой близкий друг с самого детства. (Открывает бутылку водки, разливает по рюмкам). Садись ближе, и пусть туговая водка развяжет нам языки. Твоя любимая. Помнишь, покупали у Арсена. Дочка еще у него была, Кнарик? Так и сохла по тебе...

ФЕРГАНА. Все змеюки одинаково опасны, чтоб им пусто было.

МУРАД. Боже мой, будто века прошли с тех пор. Помнишь, как мы взобрались на самую вершину Гырхгыза? Весь мир тогда был у нас в кармане.

ВЭТЭН. Как не помнить? Все помню. Мы еще поклялись на той вершине в любви и верности Гарабаху, беречь землю пуще жизни.

МУРАД. Молодые были, наивные. Думали, будущее Гарабаха зависит только от нас одних. Да ну, Вэтэн, этот разговор без конца и края. Выпьем лучше за встречу через десять лет (пьет).

ВЭТЭН. Давненько я не пил, но сейчас выпью. (Пьет.) Ничего себе! Сразу в голову ударило!

Фергана сидит в отдалении и внимательно следит за столом, время от времени меняет блюда, уносит пустые.

МУРАД. Ладно, сидим, пьем, кушаем, а я так и не спросил: как кому живется-можется? Где тетя Яхшы? (Наступает тишина). Что? Она...?

ФЕРГАНА. Тетя Яхшы погибла на выходе из села. Осколком мины ей прошило грудь ...

МУРАД. А я ничего не знал, клянусь! Царствие ей небесное. (Вернул рюмку на стол, отстранился от стола). Прости меня, Вэтэн. В какое странное время мы живем. Кто бы сказал лет пятнадцать назад, что

жизнь тети Яхшы остановит пуля, выпущенная армянином. Как так получилось? Вы же, вроде, должны были выбраться целыми и невредимыми.

ВЭТЭН. Она у меня на руках скончалась, Мурад. Бедная женщина показала мне окровавленную рану на груди, сказала: «Положи сюда свою ладонь»... (Вэтэн закрыл лицо руками). Ее голову я поддерживал руками. С каждым мигмом силы оставляли ее: дыхание становилось прерывистым, блеск в ее глазах тускнел, из тела уходило тепло. Я плакал, и слезы по капле падали на мамино лицо. Свет луны отражался в этих каплях, превращая их в прозрачные серебристые жемчужинки, которые испускали вокруг яркие лучики. Вдруг я отчетливо увидел свое отражение на этом серебре, жалкое, испуганное лицо, и не узнал себя! Куда делся Вэтэн, известный в округе молодец, уважение и слово которого были непререкаемы?!.. Мать открыла глаза, и в них я увидел вопрос, а ответить на него не смог. Меня словно засосало в воронку вселенского одиночества, безысходности. Хотел криком разбудить набаты всего мира, чтобы родные-близкие прибежали на призывный звон и помогли мне. Но голос, зов мой никто не услышал: он отчаянно метался внутри меня, застревал в горле... Постепенно лунный свет стал гаснуть в материнских глазах, ее ресницы больше не вздрагивали. Она, ее душа были на пути к Небесному Престолу, унося в своих глазах мой образ, схваченный ее последним взглядом...

МУРАД. Братишка, прости меня еще раз. Тетя Яхшы была и мне матерью. Упокой, Господи, ее душу, кроткая, мягкая женщина была, характером смиренная, душою милосердная. Да падет Божья кара на головы убийц. (Берет рюмку и залпом опрокидывает в рот).

ВЭТЭН. Надеешься на Бога? Мы сами, Мурад, разве не в силах стать врагу той самой карой? Чего мы еще сидим и ждем? Почему не возьмемся за оружие и не встанем в строй? Гарабах мы уже вернули, потому вокруг такие довольные, самоуверенные лица, да?..

Раздается сигнал вызова мобильного телефона Мурада.

МУРАД. Алло?.. Да, слышу... Как? Нет, э, я уже в самолете... Да, в Нью-Йорк... Ты меня лучше не зли, а! Десять тысяч долларов – что за деньги?... Найди где-нибудь... Нет, как вернусь, сам тебе позвоню... Лады, всего хорошего, мобильник выключаю, стюардесса здесь сердится, слышь, как бранится?... (Выключает телефон.)... Никак не отстанет! Любит поболтать...

ВЭТЭН. До своих я полз трое суток. И все три дня меня неусыпно преследовал изголодавшийся волчара. Близо не подходил, все больше издалека. Я же старался собрать остаток сил, чтобы не заснуть от усталости. Тогда-то я стал свидетелем удивительной, ужасной картины. Еще издали я видел, что лощина, вблизи которой я полз, была усеяна безжизненными телами, вблизи же я увидел, что на снегу лежат старики, женщины, дети. Разум отказывался верить, сердце мое сжалось от ужаса и боли. Я знал, встречал их еще живыми, хоть с трудом, но узнал и здесь. Наши односельчане, их было большинство, еще беженцы из Армении, нашедшие кров и очаг в Гарагышлаке, скитальцы, месхетинские турки из Узбекистана. Я понял: в ту ночь, когда я схоронил свою мать в земле у реки, подлый враг подверг

выходивший из города гражданский люд неистовому, ураганному огню. Никому не удалось выбраться живым. В неглубокой лощине, вдоль русла высохшей реки: тут и там бесформенными пятнами лежали трупы, будто Всевышний по понятной одному ему прихоти разбросал черные речные камни на белый снег. Разъяренный волк, забыв обо мне, переходил от одного лежащего тела к другому. Я же высматривал глазами Фергану и детей... Человек – странное существо. Даже в море кровавых слез надеется на что-то, ищет и ждет... Голодный, со впалыми боками волк, отфыркиваясь, продолжал свои поиски, я же начал понимать: ему нужны не мертвечина, изуродованные, окровавленные тела, а человек с мало-мальски бьющимся пульсом – живой! Я молча наблюдал за уставшим, изверившимся в свою удачу животным. Наконец, волк, не найдя себе добычи, развернулся в мою сторону, сделал несколько шагов. Я увидел, как шерсть вокруг ушей и на холке ошетичилась, его уши странным образом ушли назад, глаза остекленели. Затем он повернулся, сорвался с места и бросился к возвышенности над лощиной. Взобравшись на самый верх, волк поднял узкую морду к небу и взвыл жутким воем. Вой разорвал необычную мертвую тишину, нависшую над лощиной с ее жуткими обитателями. У-у... у-у... Животный вой взметнулся к серому, зимнему небу, принявшему и поглотившему его в своих глубинах... Не переставая выть, волк заметался, закружился на месте в каком-то диком дьявольском танце... Господи, взмолился я, не оставь моих детей, спаси и сохрани...

Какое-то время все сидят в скорбной тишине, боясь ее нарушить.

МУРАД. Дружок ты мой сердечный, мир уже не тот, время диктует свое. Гарабахская проблема вышла за границы нашей земли, она в центре внимания и интересов могущественных держав, о ней говорит весь мир. Одни мы, даже если захотим, не сможем ее решить.

ВЭТЭН. Если захотим? Сомневаешься в нашем хотении?

МУРАД. Вэтэн, ты, как и в молодости, все препираешься, споришь...

ВЭТЭН. Да нет же, Мурад, тебе одному, как родному, говорю. И потом, чувствую, что по жизни ты приподнялся, вхож в верхи. Потому и спрашиваю: мы потеряли земли из-за своей бездарности, беспечности? Разве мы сами, беспомощные и несчастные, пустили бы валандаться в наших чистых ручьях ишаков, а свиней на наши угодья и пастбища, где они рылами испоганили бы нашу священную землю? Могли мы устоять безоружные перед танками, пушками и градами, а?... Что-то примолк ты, как провинившийся школяр. Нет, чтобы и тебе сказать: ведь ты тоже прожил те дни... Бесхозные мы были, как и вся страна. Но упреки и позор достались нам, бедолагам. Теперь же, чтобы вернуться в родную сторонку, в наш райский край, выпрашиваем разрешения у других стран. Мурад, стану я твоей жертвой, этого я не понимаю, вот это ты мне и объясни...

ФЕРГАНА. Ай, Вэтэн, впервые за столько лет твой лучший друг пришел, а ты пристал к нему со своими вопросами? Других тем нет?

МУРАД (смеется). Фергана, пусть его, выговорится. Теперь я узнаю прежнего Вэтэна, бунтаря, романтика, фанатика.

ВЭТЭН. Ты что, издеваешься надо мной?

МУРАД. Боже упаси, наоборот, радуюсь, Вэтэн, что еще находятся люди, думающие о нашей земле... Мир без романтиков был бы скучен...

ВЭТЭН. Скучен? (С удивлением) Выходит, сказанное мною вызывает лишь интерес, лечит от скуки, да? К бесчисленным новым ресторанам, барам, домам торжеств – для общего счета и, так сказать, расширения кругозора, надо прибавить подобных мне?

Мурад делает вид, что ему весело, отмахивается.

МУРАД. Уф, не хватит тебе? Еще немного, и ты выгонишь меня из дома.

ВЭТЭН. Ты это называешь домом? Это, Мурад, – нора для изгоев, которые здесь не живут, а за-жи-во гниют. Горемыки, что бежали от армянского насилия, мучений, пыток, издевательств. Поменяли шило на мыло... Знаешь, с каким презрением смотрят на нас окружающие? Пусть Фергана скажет...

ФЕРГАНА. Вэтэн, не время сейчас для таких разговоров.

ВЭТЭН. Не хочешь рассказать. Не потому ли, что приход Мурада дал тебе надежду. Думаешь, он отсюда нас выгасит, даст мне работу, да?.. Не обижайся, Мурад, говорю, как есть.

ФЕРГАНА. Вэтэн, родненький, зачем так говоришь? Мало чего я натерпелась здесь?

МУРАД. Говори, Вэтэн, говори...

ВЭТЭН. Что ты хочешь услышать?.. Удивляем мы наших соседей, то бишь местных, тем, что дети наши, худо-бедно одеты, но ходят в школу. Делаем свадьбу в недостроенном здании больницы, приводим в больничные палаты под руки невесту – опять их удивляем. К удивлению добавлю еще их насмешливый взгляд, с которым они встречают-провожают нас. Будто нам нет нужды женить молодых, рожать детей, растить, обучать их. Хоть кто раз подумал, сколько человек потеряла каждая горемычная семья, побирающаяся по долам и весям? Надо, чтобы мы все выродились под корень, да? Чтобы не взошла молодая поросль, да?! Не станет завтра нас, кто тогда разожжет потухший очаг в родном доме?

ФЕРГАНА (вытирая слезы на глазах). Мурад, перед тобой тут были одноклассники нашей дочки. Клянусь прахом наших отцов, видел бы ты их растерянные глаза, то, как они оторопели, когда прошли в комнату. Дочка не выдержала, сдерживая слезы, проводила гостей, а потом разрыдалась, отказалась идти в эту школу.

ВЭТЭН. Притом, что она отличница в классе, его гордость.

ФЕРГАНА. Мне так стало ее жалко. Бедняжка, ... с трудом успокоила. А ведь у нее сейчас самая интересная, сладкая пора детства. Радоваться и радоваться, а она...

ВЭТЭН (повернувшись к Мураду). Слезы Гюлюш, смущение, стыд, испытанные ею перед своими друзьями, – те же слезы, тот же стыд и позор всего нашего народа за потерю наших земель, отданных на поругание.

Гюльяз высунулась из-за занавески, с интересом прислушивается к разговору родных с дядей в белом костюме. На ней ночная сорочка.

МУРАД. Да, что-то я слышал от сына... Пстой, пстой (сконфузившись), забыл ее имя.

ФЕРГАНА. Нашу дочку зовут Гюльяз, тетя Яхшы ее нарекла, а ты звал ее Гюллю.

МУРАД (ударяет себя ладонью по лбу). Точно, вспомнил! Гюллю, да, да! Что с ней, сама-то она здесь?

Гюльяз выходит из-за занавески, идет к Мураду.

ГЮЛЬЯЗ (радостно). Дядя Мурад!!

МУРАД. Ну, ты, молодец! Вы заладили тоже: дитя, дитя. Честь честью – взрослая девушка (обнимает Гюльяз). Увидел ее и сразу же вспомнил. Кажется, Гюллю учится с моим сыном, с Орханом.

ФЕРГАНА. Какой Орхан? Тот красивый мальчик?.. Святой Боже, я-то думаю, чего это я его как сына привечаю.

МУРАД. Что у нее болит, Фергана? Температура есть?

ВЭТЭН. К вечеру повышается... (пьет водку).

МУРАД. Меня не мог подождать?

Вэтэн не отвечает, наливает и снова пьет.

ФЕРГАНА. Хватит, Вэтэн, давно не пил же.

ВЭТЭН. Точно подметила. А закусь? Не помню, когда видел и пробовал на зуб этакую вкуснятину.

МУРАД (все еще обнимая Гюльяз). Где у тебя болит?

ГЮЛЬЯЗ. Нигде, только кашляю...

МУРАД. Фергана, а что врач? Подожди, ты же сама доктор...

ФЕРГАНА. Воспаление легких у нее, Мурад. Врач настаивает на госпитализации, но куда нам в больницу?

МУРАД. Воспаление легких – не шутка, сама по себе не уходит. Нужны антибиотики, строгий режим лечения, усиленное питание...

ФЕРГАНА (смущаясь, опускает голову). Утром Вэтэн как раз и собирался...

ВЭТЭН (не давая договорить жене). Мурад, друг, представь себе, что твой братишка Вэтэн не смог купить лекарств дочери и вернулся домой с пустыми руками... (Зажигает сигарету.)

МУРАД (обращаясь к Гюльяз). Иди, ложись, у тебя лоб горит. Быстренько, а дядя Мурад сделает что надо.

Неожиданно для всех Гюльяз целует в щеку Мурада и быстро скрывается за занавеской.

МУРАД (шутливо). Вот щас я тебе, проказница! Кокетка растет! Достает мобильный телефон, набирает номер). Рыжий, ты где? Хорошо, давай к Кериму. Сдурел, Рыжий? Доктора Керима не знаешь? Скажи, надо срочно к больному, и вези сюда. Доиграешься, Рыжий, хочешь, чтобы прогнал тебя, как собаку?! Я у Вэтэна, в общежитии. Машину веди аккуратно. (Дает отбой). Керим – профессор, мертвого оживит. С утра ни слова не сказали, а то бы давно уже... Ребенок весь горит, а мы здесь в проблемах мировых, блин, ковыряемся (наливает себе водки и залпом пьет).

ФЕРГАНА. Да хранит Господь детей твоих, Мурад.

МУРАД. Друг мой ненаглядный, нормальный человек сначала приведет в порядок свой дом, потом двор и только потом уже выйдет за калитку и займется землей.

ВЭТЭН. Видно, я не нормальный...

МУРАД. Перестань перечить. Я пришел не изводить тебя, и чтобы я ни говорил, принимай мои слова, как слова родного, близкого человека. Испытание вам ниспослано, через которое вы обязаны пройти с честью.... Давай лучше выпьем: хватит об одном и том же. Друг, э, твой пришел! Мы же босиком в штанишках обегали поля и веси Гарагышлага, собирали оставшиеся после жатвы колосья для домашней птицы. Забыл, что ли?

ВЭТЭН. Неужели это был ты? Кого мама усыновила, с кем я побратался?

МУРАД. Сильно изменился? Совсем не похож?

ВЭТЭН. Выпьем... Может, тутовка остудит мои нервы (выпивают).

МУРАД (только сейчас заметил тар, висящий на стене). Тот самый тар? Тар дедушки Аттархана?

ВЭТЭН (улыбаясь). Из всего добра только его и вынесли.

ФЕРГАНА Скажи, кто вынес...

ВЭТЭН Сама уж сказала...

МУРАД Молодчина, Фергана! Тар этот прошел через две ссылки и всю Среднюю Азию?

ФЕРГАНА. Незабвенная тетя Яхшы перед выходом из села попросила меня, если сможешь, мол, спаси тар, нашу семейную реликвию. Я же, безмозглая, вместо сменного белья детям его и схватила. Теперь представьте: Эйвазик на руках, дочка рядом, одежды разодраны, в грязи, три дня, три ночи пробирались то лесом, то ползком по равнине и вышли к Агдаму, прямиком на кладбище цыган. Я, дети и тар в руках... (залилась смехом). Кто скажет, что с мозгами у меня все в порядке?.. (Залилась смехом. Смеются и остальные. Обстановка несколько разряжается).

МУРАД. Слушай, что я вспомнил. «Ах, птицы, живете вы жизнью свободной. Можете петь и вить гнезда, где угодно». Не помнишь, Фергана?

ФЕРГАНА. Еще как помню! Стихи Мусы Джалиля. В школе на всех концертах и торжественных собраниях я читала их.

МУРАД. А Вэтэн на таре сопровождал твоё выступление. Возьми-ка тар, Вэтэн.

ВЭТЭН. Не получается у меня. Забыл я, Мурад, как играть. Отвык я, струны не узнают мои пальцы, не хотят звучать.

МУРАД. Ради меня. Прошу. Хочу снова вспомнить, прожить те дни. Я так нуждаюсь в них.... Аж зубы сверлит от тоски.... Какие прекрасные дни были, Вэтэн...

Вэтэн снимает со стены инструмент, устраивается поудобнее, ласково проводит рукой по грифу, деке и начинает исполнять «Сегях» – один из классических азербайджанских мугамов. После музыкального проигрыша Фергана встает, подходит к Вэтэну и начинает исполнять стихотворение Мусы Джалиля «Лишь бы была волюшка».

ФЕРГАНА.

За лагерем простерлось к лесу поле,

Отбивка кос там по утрам слышна.

Вчера с забора, залетев в неволю,

Нам пела пташка добрая одна.

Ты, пташка, не на этом пой заборе.

Ведь в лагерь наш опасно залетать.

Ты видела сама – тут кровь и горе,

Тут слезы заставляют нас глотать.

Ой, гостья легкокрылая, скорее

Мне отвечай: когда в мою страну

Ты снова полетишь, свободно рея?

Хочу я просьбу высказать одну.

В душе непокоренной просьба эта

Жилищею была немало дней.

Мой быстрокрылый друг! Как песнь поэта

Мчись на простор моих родных полей.

Свободной песней пленного поэта
 Спешу, моя крылатая, домой.
 Коль сам погибну на чужбине где-то
 Но будет песня жить в стране родной!

(Гаснет свет).

ЧАСТЬ II

Там же. Мурад стоит у стены и рассматривает старые фотографии, расставленные в большой раме. Вэтэн облокотился на тар и стоит, задумавшись. Фергана чуть в стороне внимательно наблюдает за друзьями. За занавеской доктор Керим осматривает Гюльяз. Тут же стоит и Рыжий, ожидая распоряжений Мурада.

МУРАД. Ты смотри, это же мы, Вэтэн! Сохранился-то как! У меня такого нет. Снимали на молотье. Сколько нам тогда было?

ВЭТЭН. Тринадцать. Фотограф Иса у нас еще за фотку ведро пшеничного зерна взял.

МУРАД (смеется). Да, помню. Тетя Яхшы крепко его тогда отчитала, бесстыдник, где это видно, чтобы за одну фотографию брать ведро пшеницы? Во время войны за такие выкрутасы ссылали в Сибирь. Бедная женщина, как огня боялась одного слова «ссылка».

ВЭТЭН. Мечтала, что ее сын станет большим человеком. Кабы видела сегодняшнюю нашу жизнь...

МУРАД (не слушает его, все его внимание на фотографиях в рамке). А вот и Фергана. Клянусь прахом отца – это она. Господи ж ты, Боже мой, как же мы изменились?

ФЕРГАНА. А эту признал? Чего молчишь? Не она ли тебя свела с ума, заставила носиться по летним пастбищам Гырхгыза, собирать цветы?

МУРАД (мигом сник, расстроился). Она везде меня подводила.

ФЕРГАНА. Кто бы ни была... Она мать твоего сына.

МУРАД. Ну и что? Все в далеком прошлом. Орхан не признает ее как мать.

ФЕРГАНА. Где она сейчас?

МУРАД. Не имею понятия. Мне все равно – где... Лучше поговорим о другом: неверные люди недостойны, чтобы о них говорили.

РЫЖИЙ. Мурад бек, может, я пойду, а?

МУРАД. Терпежу нет? Подождем, что доктор скажет.

ФЕРГАНА. Да сядь же ты, наконец, Рыжий! Будто не знаешь нас, да? (протягивает ему низкую табуретку). Садись. Чего форсишь, будто вовсе и не беженец ты?

МУРАД (хохочет). Получил свое, Рыжий? Сядь!

РЫЖИЙ. Не дай Бог, попасть ей на язык. Резанет – не сносить головы.

ФЕРГАНА (с сожалением и грустью). Рыжий, э-эй, другие времена настали, и на язык мы кроткие...

Рыжий садится на табуретку. Из-за занавески выходит доктор Керим. Он в белом халате, на лице марлевая маска, которую он снимает на ходу.

МУРАД. Доктор, ты, прямо, как из операционной вышел.

КЕРИМ. Мурад бек, врач в любой обстановке остается врачом. Где могу я руки помыть?

ФЕРГАНА (показывает доктору на дальний угол комнаты, где стоят ведро и таз). Вот, здесь... (Поливает воду доктору на руки).

КЕРИМ. Все чисто, прекрасно.1

ФЕРГАНА. Извините нас за условия...

КЕРИМ. Учту на будущее. (Вытирает руки). Значится, так! Ситуация достаточно серьезная, но опасности нет. Молодой организм, правильный курс лечения полностью восстановят здоровье. (Достает из портфеля блокнот, ручку).

МУРАД. Доктор, можете за десять дней поставить ребенка на ноги?

КЕРИМ. С Божьей помощью! Очень хорошо, прекрасно... Питание должно быть на высоте: мед, масло, через силу не кормить, пусть ест, когда захочет. Знахари утверждают: человек, независимо от времени и

места, должен утолять свой аппетит, потому что лучшего советчика, чем сам организм, в мире не сыскать. И какую пищу принять – организм сам знает.

МУРАД. Отлично, доктор Керим, обожаю такие темы. Врач начинает лечение своим словом. Слышал, Вэтэн, что сказал доктор?

ВЭТЭН. Хорошие слова, но я хотел у доктора спросить...

КЕРИМ. Все чисто, прекрасно.

ВЭТЭН. Организм голоден, а есть нечего – тогда что?

КЕРИМ. Этот вопрос, сынок, не ко мне, а к диетологам. Короче, хоть я повидал много чего такого, в данном случае посоветовать ничего не могу.... Возьми рецепт. (Протягивает рецепт Мураду. Тот передает Рыжему).

МУРАД. Рыжий, поезжай к Хашиму в аптеку. Скажи, племянница Мурада приболела, пусть подберет по рецепту лекарства, и мигом обратно.

РЫЖИЙ (вскакивает как по команде «смирно!»). Слушаюсь, Мурад бек! (Собирается выбежать из комнаты).

МУРАД. Куда ты, стой! Профессора забыл! Доктор Керим, спасибо вам большое, успокоил нас, да и как правильно питаться научил.

КЕРИМ. Все чисто, прекрасно.

МУРАД. У моих двоюродных сестер постарайся быть сдержаннее и поменьше общайся с Гёзель и Пакизой. Уж слишком их мужья тяжелые, ревнивые и без юмора. Наскучит им слышать твои поговорки, заведутся, доведут себя до белого каления – тогда берегись! (возвращается к остальным). Ежедневно, пока окончательно не выздоровеет моя племянница, будешь приходить сюда. Ежедневно! Понятно, доктор?

КЕРИМ. Не сомневайтесь!

МУРАД. Вот и хорошо.

КЕРИМ. Все чисто, прекра...

МУРАД (на раскрывая рта). Доктор, не надо.... Вот оплата вперед за лечение (Сует деньги доктору в карман халата).

КЕРИМ (стреляет глазами в направлении, где исчезли деньги). Все будет сделано как надо. (Фергане.) Каждый день в это же время буду у вас. Мурад бей, с вашего разрешения я удаляюсь.

МУРАД. Да, но помните о моих сестрицах и их мужьях, профессор.

КЕРИМ. Разумеется, разумеется.

МУРАД. Рыжий, давай, в путь. И чтобы одна нога здесь...

РЫЖИЙ. Другая уже – там, бек! (выходит).

МУРАД (Вэтэну и Фергане, передразнивая доктора). Все чисто, прекрасно. Ничего страшного, все обойдется.

ФЕРГАНА. Да хранит Господь твоего сына, Мурад.

Вэтэн молчит. У Мурада вид человека, скучающего от безделья.

МУРАД. Та-а-к, посмотрим, чего хочется-можетя нашей больной? (аккуратно отодвигает занавеску. Гюльяз лежит в постели, завернувшись в одеяло под самый подбородок.) Ну, как дела, Гюллю? (кладет свою ладонь на лоб девочки).

ГЮЛЬЯЗ. Хорошо, дядя Мурад (ее пробивает кашель).

Вэтэн, стараясь ступать неслышно, вешает тар на стену, идет к выходу.

ФЕРГАНА. Куда ты, Вэтэн?

ВЭТЭН (бросая косой взгляд). Туда.

ФЕРГАНА. Куда это – туда?

Вэтэн, не отвечая, выходит, Фергана за ним.

МУРАД. И кашель твой пройдет (садится на край постели). Скоро встанешь на ноги, придешь к нам.

ГЮЛЬЯЗ. Дай-то Бог!

МУРАД. Как так, «дай-то Бог»? Посоветоваться с Ним хочешь?... Что читаем? (Берет книгу, раскрывает. Это Коран). Какая тяжеленная!

ГЮЛЬЯЗ. В третий раз перечитываю.

МУРАД (смеется). Может, еще и молиться начнешь, как твоя покойная бабушка?

ГЮЛЬЯЗ. Только вам одному скажу: я давно уже молюсь. Когда в доме остаюсь одна...

МУРАД. Никому не раскрою твоего секрета.

ГЮЛЬЯЗ. И вовсе это не секрет, дядя Мурад, правда, ... Молиться пока, как надо, не могу. Правда, жалко?

МУРАД. Не знаю, Гюлю. В этом мире жизнь по законам веры приносит одни несчастья.

ГЮЛЬЯЗ. Несчастья? (задумывается). Сперва надо бы выяснить, что такое счастье, а что – несчастье.

Возвращается Фергана. В руках у нее чайник. Услышав разговор Мурада с Гюльяз, неслышно подходит к ширме, слушает.

МУРАД. Какая ты умница! Подарок хочу тебе сделать, да вот не знаю, какой?..

Гюльяз неожиданно привстает с постели и обнимает Мурада за шею.

ГЮЛЬЯЗ. Милый дядя Мурад, забери нас отсюда, найди папе работу, боюсь я, очень боюсь... Как могу, буду за вас молиться, только заберите нас отсюда... (Плачет).

ФЕРГАНА. Гюльяз, как ты можешь?

МУРАД. Не надо, не трогай ее. (Нежно гладит плечи и голову девочки). Пусть говорит, что хочет и просит, чего ее душе угодно.

ГЮЛЬЯЗ. Дядя Мурад, если бы ты не пришел, мы... я.... (разрыдалась).

ФЕРГАНА. Мурад, не слушай ты ее. Пусть Бог меня покарает – сейчас отец вернется... Мурад, прошу тебя, не слушай ее, она еще ребенок...

МУРАД. Гюльяз, обещаю тебе без молитв и клятв. Очень скоро вас отсюда заберу, устрою твоего папу. У вас будет хороший дом, папа будет покупать тебе красивую одежду, ты ни в чем не будешь нуждаться. (Растроганный, нежно отрывает руки девочки от своей шеи, укладывает ее в постель, задвигает занавеску, вытирает навернувшиеся на глаза слезы).

ФЕРГАНА (тоже утирая слезы). Ради всех святых, Мурад, извини ты нас, прости меня...

МУРАД. Фергана, перестань.... Где Вэтэн?

Гаснет свет. Через какое-то время свет загорается. Мурад и Фергана сидят молча... Заходит Вэтэн.

ВЭТЭН. Как наши дела? Нравится вкус счастья, который занес сюда рыцарь на белом коне, а?

МУРАД. Рыцарь на белом коне? Я, что ли? Насмехаешься над своим братом? Или мой белый костюм тебе...

ВЭТЭН. Не дай Бог, так, к слову пришлось. На белом «Мерсе», в белой одежде – хочешь, не хочешь, на ум рыцарь на белом коне лезет.

ФЕРГАНА. Убрать со стола, принести чай, ребята?

ВЭТЭН. Нет, нет.... Пусть на столе остается как есть. Хочу напиться и не могу.

МУРАД. Я сейчас такой тост скажу: не выпивши, опьянеешь. Вэтэн, садись.

ВЭТЭН. Садимся (Придвигается близко к столу, садится). Будем как гиганты слова и мысли, любящие обсуждать великие проблемы за едой. Ныне в названиях ресторанов, домов торжеств достаточно имен с благословенными местами Гарабаха. Толстосумы, состоятельная публика поднимают за столами тосты во славу и величие Гарабаха, а голь босяцкая за всей этой вакханалией следит по телевизору. Никому невдомек: чем больше мы поднимаем бокалы за Гарабах, тем больше мы отдаляемся от него, предаем его забвению. Как говорится, прибили мы батю, а теперь выпьем и за упокой его души.

МУРАД. И что теперь? Не говорить тостов?

ВЭТЭН. Не говорить! Тему родины вообще не трогать!.. Мурад, с утра о хозяевах только и талдычим, но ты, как я помню, всегда был человеком, любящим рассказывать о своих успехах. Поговорим о тебе: как тебе удалось так высоко подняться, ведь и ты нашего роду-племени, беженского?

ФЕРГАНА. Вэтэн, по-моему, ты уже выпил достаточно, не хватит?

ВЭТЭН. Хочешь сказать, я пьян? Фергана, каким бы забитым я в твоих глазах ни был, я все тот же Вэтэн. Правда, немного обносился внешне, но тот же.

МУРАД. Давай поговорим обо мне. (Подходит к авансцене.) До Баку я добрался гол как сокол и не поверил, будто Баку – столица истекающего кровью Гарабаха. Ведь сказано: Родина подобна человеческому телу. Занеможет одно место – все тело чувствует, а в нашей большой столице я боли такой не почувствовал. Изумился, растерялся, оторопел. Что было мне делать, куда податься скитальцу, оставившему землю предков, потерявшему дом, имущество, друзей, брошенному с малышом на руках

бесчестной женой? Но я взял себя в руки, Вэтэн, допёр: наша роль – выйти победителями в войне за родную землю – решалась не нами. Мы были пушечным мясом. Нас просто использовали, отдали на заклятие, прикрыв главную, невидимую нам цель – борьбу за власть. Разобравшись в этом, я знал, что надо делать. Понимал, что тем самым я перехожу некую черту, за которой оставляю свои убеждения, свое прошлое, и обратной дороги у меня нет. Даже в оправдание нашел устраивающую меня формулировку: судьба Гарабаха, мол, решалась без нас и помимо нас, наша война, кровь, пролитая воинами и безвинными жертвами, оказалась напрасной. Убедив себя в этом, влез в бизнес по обмену военнопленных. Подвернулся случай, и я решил кинуть на деньги, полученные для обмена пяти-шести авторитетных армян, посредника с той стороны Рубена. Задушил в себе голос совести, убил его во избежание возмездия, исчез на время с поля зрения партнеров, а когда все улеглось, вышел в свет чистеньким, при деньгах. Нашел дело, вложил в него добытый капитал, начал крутиться-вертеться. Знаешь, все разом вокруг меня изменилось с крайнего знака «минус» на большой, жирный «плюс». Жаль, понял я это слишком поздно, но понял же. Хочу, чтобы и ты теперь понял меня. (Медленно возвращается к столу, садится). Это не тост, а признание рыцаря на белом коне, предназначенное только для твоих ушей.

ВЭТЭН. Значит, по твоим словам выходит, что Гарабах – иллюзия, химера, блеф?

МУРАД. Вэтэн, прошу тебя, не тяни ты меня в политику. У меня сугубо личные интересы, свой бизнес. Сам видишь – и без Гарабаха живем и ничего...

ВЭТЭН. А наша клятва, данная на вершине Гырхгыза? Стало быть, и она – пустышка, детская игра? Получается, без Гарабаха нужно и можно жить? (В сильном раздражении). Да, вижу, подобные тебе могут жить без него...

МУРАД. Вершина горы, туговая водка, чистый воздух, одним словом – романтика. Продукт, так сказать, былых мимолетных дум и мечтаний...

ВЭТЭН. Выходит, я не сдержу обещания, данного мною матери, похороненной в воронке от разорвавшейся мины, да? Не хватит ни чести моей, ни достоинства мужского?

МУРАД. Кому ведом ход событий... Мы не могли представить себе развала империи Советов, но... Без надежды мир обезлюдел бы, ни одно дерево не было бы посажено.

ВЭТЭН. Ты на самом деле сильно изменился, Мурад. Притчи Пророка приводишь в пример. Обращаешься к Корану...

МУРАД. Все так, Вэтэн. Не более года, как перестал молиться, точнее, после одиннадцатого сентября.

ФЕРГАНА. После одиннадцатого сентября?..

ВЭТЭН (смеется). Причем тут одиннадцатое сентября и твои молитвы?

ФЕРГАНА. Ах, я поняла, это день атаки террористов на две башни...

МУРАД. После того дня мир стал намного другим. Да к тому же большинство моих деловых партнеров американцы, что, сам понимаешь, нельзя не учитывать. (Вэтэн заливается громким смехом. Под его состояние подпадают и начинают также смеяться, сначала Мурад, затем Фергана).

МУРАД (сквозь смех). Надо идти нога в ногу с миром, стараться не отстать от него.

ВЭТЭН. Мурад, по старинке скажу тебе, что с башкой у тебя не все в порядке.

МУРАД. Ладно, ладно, не устраивай мне допроса, все равно мы говорим на разных языках... По стопочке?

ВЭТЭН. Ну тебя к черту! (вытирает слезы). Давай, тогда, может, пойму всё-таки тебя.

Выпивают. Входит Рыжий, в руках у него объемистый пакет с медикаментами.

ФЕРГАНА. Рыжий, нагрузили мы тебя. (Берет у него пакет). Сядь, поешь немного, ради всего святого.

РЫЖИЙ. Не, не, не... Я вошел в роль.

ВЭТЭН. Ай Рыжий, ты артист, чтобы в роли входить, выходить?

ФЕРГАНА. Мурад, ну, чего тебе стоит, пусть сядет. Небось, у бедняги с утра крошки во рту не было.

МУРАД. Садись, не форси, да. Вижу, глазами бутылку ешь. Сухое горло хлеб дерет?

ВЭТЭН. Он же за рулем!..

РЫЖИЙ. Мурад бек, но...

МУРАД. Да ну, будто выпившим он за руль не сядет?! Кто, э, остановит нашу машину? Садись. Фергана, принеси-ка граненый стакан.

ФЕРГАНА. Сейчас...

РЫЖИЙ. Не надо, сестричка, у меня персональный (достаёт из внутреннего кармана стакан, наполняет водкой).

МУРАД. Каков молодец! Настоящий профи, э!

РЫЖИЙ. Моя мера объема – один стакан. Ваше здоровье, Мурад бек. Да не оскудеет ваша длань. (Выпивает).

МУРАД. Вот тебе и Рыжий. А когда-то стервец двух армянских «языков» в охапке притащил, герой. Теперь же стакан таскает. Не я, так алкашом и валялся бы где-нибудь под забором.

РЫЖИЙ (пережевывая). Ты меня под забором и подобрал, Мурад бек, забыл что ли?

МУРАД. Валяй, расскажи, пусть послушают.

ФЕРГАНА. Ешь, давай, Рыжий, знаем уж.

Вэтэн зажигает сигарету.

РЫЖИЙ. Могилкой своего отца Хусейна клянусь, всем рассказал, и вы послушайте. Было у меня два-три постоянных собутыльника и финтифлюшка одна, русская. Чертовка, киряла – не угонишься!..

ФЕРГАНА. Неужели ты так жил, Рыжий?!..

МУРАД. Поймай, еще не то расскажет, Фергана.

РЫЖИЙ. Собрался я после застолья прилечь. Прижался, как обычно, спиной к стене, лицом же... (смеется трескуче, надрывно, как пьяный). Лучше смолчу, стыдно, Фергана рядом... (повторно наполняет свой стакан).

ВЭТЭН. В таком состоянии он сядет за руль?

МУРАД. Пусть только посмеет! Сам поведу, через полчаса нажрется и вырубится на заднем сиденье.

ФЕРГАНА. На кой тебе такой шофер?..

МУРАД. Не осуждай, Фергана. Он мне сторонку родную напоминает. От него дымком тандыров пахнет...

ВЭТЭН. Неужели алкаш заменяет тебе родную землю?

МУРАД. Ай Вэтэн, смотришь на все однобоко.... Давай, Рыжий, что дальше было?

РЫЖИЙ. Значит, вдруг чувствую, лечу куда-то. Хороший, думаю, продавец «Агдамчик» мне продал. Лечу себе, мне нравится, и про девку не забываю: ты, говорю, крепче за меня держись, не то упадешь, превратишься в навозную лепешку. Летим вдвоем, балдеем. Открыл я один глаз, через пьяную пелену вижу человека во всем белом, стоит, уставившись на меня. Клянусь могилкой отца, подумал, он из тех, из ангелов, спустился на землю по своим делам. Пригляделся – нет, человек из костей и плоти. Я на него, мол, чего торчишь здесь, я на своей земле и сплю у родной стенки. Нельзя, что ли? Ничья же она, Божья стенка...

МУРАД (смеется). Я же ответил, что это тебе не стог сена Гарагышлага, куда ты похрапеть частенько сбегал с молотьбы.

РЫЖИЙ. Ты, спрашиваю, Мурад бек?

МУРАД. Вставай, говорю, собери грязное шмотье в пакет. Ты не у стены валяешься, а в моей бане. Смой с себя грязь, переоденься в нормальную одежду.

ФЕРГАНА. Пощади, Господи, рабов своих.

РЫЖИЙ. С тех пор я возродился, человеком стал. Посмел бы я быть другим при беке моем...

ВЭТЭН. А до тех пор кем ты был?

РЫЖИЙ. Сказал ведь, да! Алкашом был, подзаборным алкашом.

МУРАД. Рыжий, поел, принял свою норму? Давай топай в «Мерседес», похрапи на сиденье. Со стенкой не спутаешь, шалопай? Я еще немного поболтаю с Вэтэном.

РЫЖИЙ. Мурад бек, хочу одну здравицу сказать, разреши, именем твоего единственного дитяти прошу, достойного твоего наследника.

МУРАД. Да ты обнаглел, Рыжий.

ВЭТЭН. Пусть говорит, Мурад, не обижай его. Здесь же не гостиница пятизвездочная, чтобы пустомелить.

ФЕРГАНА. Говори, Рыжий, ты у себя дома.

МУРАД (смирившись, махнул рукой). Ну чего ж там? Валяй...

РЫЖИЙ (наполняя стакан). Не выпью, но здравицу скажу – душа через край переливается. Вэтэн, увидел тебя и обалдел, клянусь могилой отца. Не такой жизни ты заслуживаешь...

МУРАД. Не дури, э! Что с Вэтэном?

ВЭТЭН. Пусть говорит, Мурад, не мешай.

РЫЖИЙ. Вэтэн, на кого ты похож? Где те широкие плечи, испепеляющий Кнарлик огненный взгляд? Ты шагал, и земля тряслась под тобой. Чего не придешь к Мураду беку, не выложишь перед ним свои заботы, горе. Вон, скольких он устроил, дал заработать на краюху хлеба, да паду я жертвой моего бея. Хочешь и дальше заживо гнить в этом приюте бедолаг и горемык? Разве общежитие – твое место, да?

МУРАД. Рыжий, прогоню тебя взашей! Хватит, убирайся! Здравницу он говорит, видишь ли...

ВЭТЭН. Остынь, Мурад, это мой дом, пусть говорит. Продолжай, сын дяди Хусейна, развяжи милый

свой язык. Говори, выверни мне душу, растопчи меня, чтобы я сдох.

РЫЖИЙ. Все скажу, э, даже больше. Ты же знал, где его найти, а он нет. Хорошо еще, Фергана, сестренка, догадалась прийти... Молодец...

Вэтэн вздрагивает. Фергана закрывает лицо руками. Мурад наотмашь сильно бьет по лицу Рыжего. Тот вываливается из-за стола, падает и, пьяно шатаясь от выпитого, пытается встать.

РЫЖИЙ. Мурад бек, ты меня ударил?!..

МУРАД (одним махом выставляет Рыжего за дверь). Прочь с глаз! В машину!!.. (Поворачивается к Вэтэну.) Вэтэн... (не знает, что сказать, замолкает. Наступает длинная тягостная пауза).

ВЭТЭН. А я тебе поверил, думал, на самом деле ты искал меня. Господи, разрадовался, как дитя. Даже заплакал... Нет, Мурад, меня не исправить. Давеча ты хорошо сказал. Как там, романтик?

МУРАД. Я обязательно нашел бы тебя, Вэтэн. Искал тебя, поверь. Клянусь жизнью Орхана, искал.

ФЕРГАНА. Вэтэн, родненький... (Замолкает на полуслове).

МУРАД. Подумаешь, что в этом такого? Кто в беде поможет, если не брат брату? Ведь на сегодня не я, ты нуждаешься во мне!

ВЭТЭН. Тут ты прав, конечно, я нуждаюсь в тебе. Но не деньги мне твои нужны, а мне душа твоя, нутро, как воздух, которым мы дышали. Столько раз представлял нашу встречу, разговаривал про себя с тобой, потом пенял, укорял себя за слабость. Если ты мелькал на экране телевизора, то я старался не выдать своих чувств перед Ферганой и дочкой, делал вид, что занят, нет времени посмотреть на тебя, а мельком так и зыркал в твою сторону, ел тебя глазами, каждое твое движение ловил, каждое слово. Возмущался, когда ты врал, лукавил, и ждал, ждал, ждал тебя... (Передразнивая Рыжего.) Спасибо Фергане! Наконец-то свела нас...

ФЕРГАНА. Послушай, Вэтэн, миленький...

МУРАД. Фергана тут ни при чем, не вини ее. Будущее ваших детей заставило ее найти меня. Правильно поступила, хорошо сделала.

ВЭТЭН. Перед выходом из дома я захватил с собой пистолет, когда-то подаренный тобою. Думал, не найду денег, так его продам... Не смог, не хватило духу расстаться с твоим подарком. Еще я подумал: этот пистолет – единственная ниточка, связывающая меня с Гарабахом.

МУРАД. Напрасно! Я на твоём месте продал бы, чтобы купить лекарства. Земля предков, земля предков... Нет больше той нашей земли! А здесь тебе не отчая земля, не родина? Живи да здесь! Что, детей, которых ты породил на свет, с мучениями вытащил из рук врага, теперь задушишь, убьешь, стена «Родина, Родина»?! И это ты называешь жизнью? Один ребенок больной, другой в интернате,

сам ты... Чего это ты взвалил на свои плечи заботу о родине? Может, вкушаешь больше всех от ее богатств? Взвесь все «за» и «против», уйми свою спесь, умерь свое большое чувство достоинства, зайди ко мне. Обещаю, через два месяца и вашего следа не останется в этой зловонной дыре. (Достает из кармана плотно свернутый пакет, кладет на стол). Это – аванс, в долг, назови, как хочешь, отдашь потом. Приоденься и зайди ко мне. Ты меня понял? Как брата прошу, как друга умоляю, требую, наконец...

ВЭТЭН (встает с места). Мурад...

МУРАД. Ни слова больше! Молчи и слушай! Встань, расправь плечи, ходи прямо, смотри открыто, как прежде: ты заслужил это право больше любого другого. Это шанс, братишка, который даю я, твой побратим. Слышал? Жду тебя. (Уходит).

Сцена погружается в темноту. Затем постепенно высвечивается комната с Вэтэном. Он курит, слышен кашель Гюльяз. Фергана со шприцем в руках выходит из-за ширмы, с беспокойством смотрит на Вэтэна.

ФЕРГАНА. Слава Богу, сбили температуру.

ВЭТЭН (тушит сигарету в пепельнице). Почему же кашляет?

ФЕРГАНА. Воспаление легких не та зараза, чтобы совладать с нею за пару дней. Дай Бог, дней через десять окончательно поправится. Доктор тоже так считает.

ВЭТЭН. Да будет так...

ФЕРГАНА. Ты тоже вставай, умойся, побрейся, сходи в парикмахерскую, а то шея вся заросла.

ВЭТЭН. Схожу. (Закуривает новую сигарету).

ФЕРГАНА. Опять за сигарету? Нас-то пожалей, не трави дымом. Из-за дочери окна держу закрытыми, чтобы опять ненароком не простыла. (Вэтэн со злостью раздавливает сигарету в пепельнице). Всю ночь ты вместо сна дул одну сигарету за другой. Вон, аж усы пожелтели! Вставай же, приведи себя в порядок. Поедем на ярмарку у метро, одежду новую купим.

Вэтэн никак не реагирует, встает, выходит из комнаты. Из-за ширмы появляется Гюльяз, закутанная в старый домашний халат.

ГЮЛЬЯЗ. Ма-ам, папа согласен? Купите ему новый костюм?

ФЕРГАНА. Знать бы... Все молчит, чтоб у Рыжего язык отсох. Просил кто тебя, сирота деревенская, языком молоть? Эх, душа босяцкая...

ГЮЛЬЯЗ. А папа – что, ругал тебя?

ФЕРГАНА. Если бы так – еще ничего. Молчит, даже не спросит, с чего это я подалась туда.

ГЮЛЬЯЗ. Не бойся, мама, я утром помолилась.

ФЕРГАНА. Хворая и молишься?

ГЮЛЬЯЗ. Просила у Господа раздобрить папино сердце. Пусть подумает о нас и пойдет к дяде Мураду.

ФЕРГАНА. Ты же давеча говорила, что не можешь читать молитвы. Что так, вдруг – научилась?

ГЮЛЬЯЗ. Откуда-то нашлись нужные слова, словно язык мне развязали, расстроилась от радости, заплакала. Это было чудо, мама?

ФЕРГАНА. Не знаю, доча. То лишь Всевышнему ведомо. Может, ради тебя смилостивится, наконец, Господь над нами, явит нам свою благодать и защиту, избавит от напастей.

ГЮЛЬЯЗ. Мама, почему ты волнуешься? Думаешь, папа так и не пойдет к дяде Мураду?

ФЕРГАНА (вздыхает). Э-эх, дочка, знала б – сказала. Всю ночь не сомкнул глаз, присосался к сигаретам. Одна надежда на Бога, как Он захочет, так и будет. Если же не пойдет, весь мир переверну с ног на голову. Хватает мне встречным-поперечным задницы колоть.

ГЮЛЬЯЗ. Мама, пойдете на ярмарку, так мне туфли осенние купите? Все уже давно в них ходят, а я в истрепанных босоножках в школу бегаю. Не забудете, тридцать пятый размер?

ФЕРГАНА (в шутку). Уговорила – куплю, посмотрим еще, как оно выйдет-то... (Озирается на дверь). Ложись в постель, деточка, не то опять простудишься. Легко одета, да и дом холодный.

ГЮЛЬЯЗ. Мамочка, тридцать пятый, а... (Заходит за ширму).

ФЕРГАНА (вслед ей). Сейчас яичницу тебе быстро соображу. Болтун Рыжий накопил всего.

Фергана выходит. Входит Вэтэн. Лицо все еще мокрое после умывания. В задумчивости включает транзистор, услышав доносящуюся из динамиков музыку, тут же выключает. Заходит Фергана с подносом в руках. Выставляет завтрак на стол. Гюльяз тоже здесь.

ВЭТЭН (тяжело встает, подходит к столу). Вижу, все хорошо рассчитала.

ФЕРГАНА. Может, объяснишь, Вэтэн?

ВЭТЭН. Да так... К слову пришлось (Протягивает руку к дочери, с аппетитом уплетающей яичницу, нежно гладит ее по голове). Идешь на поправку, дочка.

ГЮЛЬЯЗ (прижимается к руке отца). Как давно ты меня по голове не гладил...

ВЭТЭН. Бабушкины у тебя волосы: мягкие, блестящие, как шелк. (Начинает есть, но неожиданно перестает).

ФЕРГАНА. Что, почему не ешь?

ВЭТЭН (встает, снова садится, будто готовясь что-то сказать). Вроде все в сборе, жаль, правда, малого, нет. Ну, ничего – он еще ребенок. Принеси мне деньги.

ФЕРГАНА. Те, что Мурад оставил?

ВЭТЭН. А других денег в доме нет...

ГЮЛЬЯЗ (радуясь). На ярмарку! На ярмарку!

Фергана проходит за ширму, быстро возвращается с толстым конвертом в руках. Передает Вэтэну.

ВЭТЭН (не трогая конверт). Положи вот сюда, на стол. (Фергана делает, как сказал Вэтэн). Сегодня же вернем деньги обратно, сегодня же.

ФЕРГАНА. Как так?

ВЭТЭН. Лучше молчи, Фергана, от греха подальше, не то сожгу деньги, а с ними и халупу нашу к чертовой матери. Воевали, проливали кровь, костями ложились за каждую пядь и оставили земли под пятой врага. Цену благодатного, плодородного, цветущего края, данного нам милостью Божьей, мы так по достоинству и не поняли. А значит, не все сделали, что было в наших силах, не умерли все до одного, чтобы защитить Гарабах. Лишились своих очагов и стали изгоями. И вот оно, наше Божье наказание, – здесь, в этой комнате.

ФЕРГАНА. Ай Вэтэн, родной мой, знаем все, что хочешь сказать нам, но сейчас...

ВЭТЭН. Я к Мураду не пойду. Таких, как я, сотни, тысячи, и если мы все набьем брюхо, зажиреем, кто же тогда отчизной озаботится? Кто Гарагышлаг, Гарабах освободит? Думаешь, мой друг, – нет, мой старый друг, – сидит и плачет по Гарабаху?

ФЕРГАНА. Вэтэн, по-твоему выходит, во имя патриотизма наши дети должны сдохнуть с голоду?

ВЭТЭН. Лично я ради сытого брюха не хочу превратиться во второго Рыжего. Я не хочу быть книгой воспоминаний старого друга, которую он время от времени будет в чувствах листать, запивая сладостное прошлое тутовкой. Как я жил, так и буду жить. Нищим буду, на рынок рабочей силы пойду, но только думая о Гарабахе, горюя по нему, мечтая о нем. Мои дети будут поститься, голодать, ходить в заплатках, босые, но вырастут не на греховном, рабском хлебе и воде. (Замолкает и садится к столу). За ночь так и не сомкнул глаз, не идет сон – и все. (Ухмыляется чему-то своему, потом достает из кармана

пиджака пистолет). Со вчерашнего дня ношу в кармане, лишь сейчас вспомнил о нем.

ГЮЛЬЯЗ. Папа!

ФЕРГАНА. Чтоб мне пусто было, Вэтэн! Что это ты задумал?

ВЭТЭН. Не бойтесь, видите ж, я цел и невредим. (Подбрасывает пистолет в руке, играет с ним). Пару раз взвел курок, а он, гад, не выстрелил. Хотел бы разом покончить со всем, но потом передумал. Не знаю, может, смерть моя была бы лучшим выходом: помогла бы как-то выбраться из обрыдлой жизни. Мурад бек наверняка не бросил бы вас одних. Так часто бывает: предавший свои идеи человек становится впоследствии очень чувствительным, милосердным, помогает обездоленным, словно замаливает свои грехи перед Господом. Не давеча ли Мурад бек подобно рыцарю оказался тут кстати для совершения очередных добрых дел?

ФЕРГАНА. Боже, убей меня! Вэтэн, родной мой! (плачет). Ноги б отнялись у меня, когда к нему собралась.

ВЭТЭН. Не виню тебя, Фергана, не виню и бедную дочку свою, доверчиво прижавшуюся к дяде Мураду, расточавшему ей свои обещания. В Коране, что читает Гюльяз, имеется один стих. В нем говорится, что Он создал человека слабым. Так оно и есть: мы слабы, и низменные желания всегда одолевают нашу душу.

ФЕРГАНА. Что еще за желания, Вэтэн, миленький? Мы требуем чего-то, хотим чего-то?

ГЮЛЬЯЗ. Папочка, неправильно я поступила, согрешила, попросив дядю Мурада. Бес меня попутал, папа...

ФЕРГАНА. Нам без тебя никак, Вэтэн, да паду я твоей жертвой! (пытается осторожно взять пистолет у Вэтэна).

ВЭТЭН. Не трогай! (отодвигает руку). Сказал же, нет, не буду я кончать себя. Пока Гарабах не освобожден, не имеем мы права даже на самоубийство, иначе – позор, трусость, предательство.

ГЮЛЬЯЗ (страстно, шепотом молится). Боже, убереги от беса меня, не впускай в мою душу раба, папе моему дай силы, не обойди его своей милостью... (плачет).

ВЭТЭН. Выбор за вами: деньги Мурад бека, его посулы устроить вам шикарную жизнь, или я, Вэтэн, с истерзанным сердцем, – рабочий-поденщик. Как скажете – так и будет. Выберите меня, тогда все ваши надежды, будущее я возьму вот в свои мозолистые руки, не хныкая, не жалея, не ворча. (Напряженная, долгая пауза. Гюльяз безостановочно кашляет, деньги все еще лежат на столе).

ФЕРГАНА (не смотрит на Вэтэна). Мне надо идти: уколы ждут... (выходит).

Вэтэн приближается к ширме, из-за которой слышен кашель Гюльяз.

ВЭТЭН. Земля открыта для человека. Взамен же за свою щедрость просит от него немного: рождения и воспитания сына человеческого, доброжелательности между людьми, соблюдения простейших законов проживания в цивилизованном обществе, запечатленных в скрижалях раз и навсегда века назад. Природа последовательна и вечна в верности своим законам созидания, человек провозглашенные же им самим законы топчет. В этом его великая неблагодарность, великий грех. Следовать природе своим жестким вечным законам – значит, оберегать саму себя: не уничтожать созданное, обеспечивать преемственность явлений и вещей. А человек изобретает все новые средства уничтожения и заливают весь мир кровью... И со временем сам же забывает о совершенном зле. Как же быть тогда?

Вэтэн переводит взгляд с денег на пистолет и обратно. Стихи, звучащие по ходу всей пьесы, подхватываются мелодией, превращаются в песню, разносятся вокруг. Нам же слышны последние строчки стихов Сеида Нигяри:

Посочувствуйте мне и услышьте меня,
 Нет спасенья от бед, ах, услышьте меня,
 Омрачилась весна, жизнь моя западня,
 Всюду мор и разор, вы услышьте меня,
 Боль в груди, как ожог, посмотри, Гарабах.
 Жжет тоскою-огнем Нигяри, Гарабах...
 Нигяри! Тайну в сердце держать мне доколь?
 Изболелась душа! Стих пусть выкричит боль:
 Боль в груди как ожог, посмотри. Гарабах.
 Жжет тоскою-огнем Нигяри, Гарабах!

Вэтэн берет пистолет и выходит за порог. На сцене гаснет свет.

Перевод Шаига ГУСЕЙНОВА

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ

ИГРА ДЛЯ ДВОИХ

Пьеса в 2 частях, 9 картинах

Совместный проект Акутагавы, Кортасара, Мрожека, Мураками и Гарачухи

Действующие лица

Он (во II части – Ми-Ми).

Она (во II части – Ли-Ли).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Комната с непритязательной обстановкой. Стол, умывальник, диван, телевизор. Женщина около 35 лет, мужчина 40 лет.

В глубине сцены окно, слева – дверь (или наоборот; все в зависимости от построения сцены).

Когда открывается занавес, персонажи предстают ведущими о чем-то разговор, при этом она занята мытьем посуды, а он, сидя на стуле, почитывает газету.

Романтическое настроение.

ОНА (моя посуду). ...Он лежал на боку, спиной ко мне. Я прикрыла лицо полотенцем, заслоня глаза от солнца. Вдруг он мне говорит: если у тебя ломит тело, дай помассирую. А по сути искал предлога... чтоб потрогать меня...

ОН (не отрывая взгляда от газеты). Она задремала... Пухлые ножки блестели под лучами солнца. Вдруг мне почудилось, что передо мной рыба, и мне захотелось погладить ее. Но солнце било в глаза, и я не смог... потому...

ОНА. В этом состоянии он был так смешон... Делал вид, что массирует мне ноги, а сам исподволь все поглядывал на меня... ел глазами... Такой паинька... будто молил меня... как маленькая преданная собачка... (Смеется. Пауза.). На берегу резвилась, бегала ребягня... Я мысленно уподобила их своим детям.

ОН (вставая с газетой в руке, смотрит в направлении предполагаемого окна). До утра я не смог уснуть... Дома соврал, что перегорел на солнце. Наутро отправился к ее дому. Налетающий ветер хлестал по калитке их двора, створки болтались туда-сюда, ветер взметал тучи песка, и песчинки забивали мне глаза... Она подошла к окошку, поглядела-поглядела... А у меня глаза щиплет, я протираю их, пытаюсь выковырнуть песчинки... Потом она исчезла... ветер не дал мне насмотреться на нее.

ОНА. Он так и ушел, не сказав ни слова...

ОН. Мы снова встретились на том же месте... Я в какой-то момент попытался поцеловать ее... не позволила... Я не нашел ничего лучшего, как встать и уйти...

ОНА. Я убрала полотенце с лица и посмотрела ему вслед... и увидела загорелые докрасна волосатые ноги и мелькающие пятки...

ОН. Когда я вернулся, ее уже не было. Там, где она лежала, остался силуэт на песке. Стало не по себе. Ведь каких-то пару минут назад я гладил ее гладкое, казалось, шелковое тело. И вдруг она, выскочив из моря, подбежала ко мне, хотелось обнять ее, но не решился.

ОНА. Я слышала его дыхание, ощущала биение его сердца. От его дыхания исходил запах холодянки. Я хотела, чтоб он крепко обнял меня, поцеловал...

ОН. Это произошло через пару дней. Она билась в моих объятиях, как рыба, вытщенная из воды.

ОНА. ...А потом я не пошла на свидание. Нарочно... Наверное, он прождал меня до вечера. Мне показалось... что он ждет меня, окунувшись в море. Я уподобляла его Бисею . Мой Бисей... Солнце клонилось к закату... Но он ждал меня. И я хотела, чтобы он ждал меня до самой смерти... Потом... потом он заставил меня смягчиться...

ОН. Я чувствовал, что захлебываюсь... Но не хотел выбираться из воды... Потому она подспела... Может быть, из жалости...

ОНА (задумчиво). Может, ему нужна была опора. (Пауза.) Может быть... Кто знает...

ОН. Кто знает?..

ОНА. С первого дня наобещал мне золотые горы... Говорил, когда у нас будут дети, я их буду одевать с иголочками. (Мечтательная улыбка на ее лице сменяется серьезным выражением).

ОН. ...А звезд на небе тогда было так много... Я впервые в жизни видел так много звезд...

ОНА. Потом все переменялось... даже дни моего рождения запомнил... Жаркие ласки сменились холодом, цветы – колкостями. И годовщины нашей свадьбы не вспоминаются больше. (Ставит посуду на место, громко звякая тарелками). Скоро сказка сказывается...

ОН (иронически). Если бы все сбывалось, то в мире царили бы тишь да гладь...

ОНА. Вот так он всегда говорил, когда дела не клеились.

ОН. Она всегда рисовала идиллию: ты приходишь с работы, – бегу встречать, пальто перенимаю, на вешалку вешаю, ты за газету, я – к буфету, «извольте чаю», кормлю, угощаю... «куда, куда вы удалились?..» Все забыто, дело закрыто... (Сворачивает газету в трубку).

ОНА (раздраженно). Люди стареют, память слабеет... Беспмятство приходит.

ОН (возмущенно). Это я-то беспмятный?

ОНА (с усмешкой). Да кто с тобой разговаривает?

ОН. А о ком же ты полчаса уже толкуешь?

ОНА. Я? Конечно... о прекрасном принце, некогда певшем мне дифирамбы... Уж не о такой старой перечнице!

ОН. Я? Старая перечница? (Срывается на крик.) Я-то?

ОНА (напевает, желая подразнить его). «Вечером из такси я сошла, побежала я в осень, к моему недотепе...»

ОН (ехидно). Вечерком, с ветерком в голове...

ОНА (насмешливо). Ну и пусть, я не обижаюсь. Привыкла. (Продолжает напевать, переиначивая слова песни на свой лад). «А потом, убежав от него, я пронзила словами толстокожего друга...»

Пауза.

С улицы доносятся крики: «Карабах»! Она идет к окну и закрывает ставни.

ОН. Оставь открытым. Дышать нечем.

ОНА. А мне холодно.

ГОЛОСА: «Карабах! Карабах!»

ОН. Что за шум?

ОНА. Изволь сам выглянуть.

ОН (выглядывает в окно и, возвращаясь, иронически). Идут отвоевывать Карабах. А другие оспаривают это право...

ОНА. Наконец-то, честь в них заговорила. А ты сиди сиднем, может, яйца снесешь... И то ладно, будет чем прокормиться... Спрашивается, какого рожна ты вышла замуж за этого сироту, нет, чтобы за врача, юриста, прокурора... Зачем? Чего ради?

ОН (со злой насмешкой). Да, в самом деле, какого черта?

ОНА. Прах на мою голову! Где было знать! Думала, вот он, мой Рембрандт, а я его Саския... Ради него и готового жениха отвергла, кольцо вернула. Бедная мама, как ни уговаривала, – я ничего слушать не хотела.

ОН (передразнивая). Слушать, видите ли, не хотела. А я? Думаешь, осчастливила меня? Как ты вошла в этот дом, – все прахом пошло. И муза, так сказать, приревновала, сбежала к небесным покровителям. Это еще куда ни шло. Боюсь, как бы она не переметнулась к штукатурам-малярам. Тогда беда. Теперь каждый, кому не лень, хулит меня. Запомнили, что здесь, в этой стране, я совершил революцию в живописи...

ОНА (повысив голос, с сарказмом). В бывшей стране! Умерла она. Ныне – время обновления. Тебя и родные дети не хотят признавать.

Пауза.

ОН (ностальгически). Та страна была прекрасна... Вечером мы с нетерпением ждали начала киносеанса... Я сравнивал ее с Шерон Стоун...

ОНА (мечтательно). ...А я его – с Ричардом Гиром. Да... он был неотразим.

ОН. Эх, молодость, молодость... Что ни говори, мы прожили ее счастливо...

Пауза.

ОН (серьезно). Ей-Богу, мы из ума выжили. А все из-за детей. Ты и сама впала в детство... капризничаешь... Ну вот же, спровадили их в село. А все равно покоя нет беднякам...(Подходит к ней и гладит ее по голове).

ОНА (преклоняет голову к его груди, озабоченно). Недавно Джейхун звонил, распелся, ах, ты моя хлопотунья, лопотунья. А я ему: ах, мой маленький – удаленький... (Резко отстраняясь.) А потом реву... Оплакиваю долю свою... (Голос у нее взвывается.) Вот до какой жизни довел ты свою единственную-неповторимую... Ни дать, ни взять, старуха... А мои ровесницы еще замуж не выходили.

ОН. А мои ровесники – многодетные отцы, что ли?

ОНА. Это тебе знать. У тебя что ни день, то новое увлечение.

(Он направляется к окну, чтобы открыть, оступившись, падает, она кидается к нему; он, поднявшись на ноги, постанывает, садится, она приседает перед ним на корточки, участливо заглядывая в глаза).

ОНА. Ушибся?

ОН. Нет.

ОНА. Как это нет? Вижу же – больно! (Разглядывает его голень.) Кровоподтек... Дай, перебинтую.

ОН. Говорю тебе – не болит.

ОНА. Ладно, не хорохорься. (Приносит бинт, йод, он продолжает охать; она перевязывает ему ушибленную ногу, он гладит ее по голове; она прикивает головой к его колену; он, расчувствовавшись, целует ее волосы).

ОН. Моя Мадонна.

ОНА. Мой Ричард Гир.

ОН. Моя Шерон Стоун...

ОНА. Мой Бандерас...

Пауза.

ОНА (выпрямляется). Солнце взошло... Наутро, после моего переселения к вам, твой отец подарил мне Солнце.

ОН. Отец был щедр.

ОНА. Оригинальный способ прикрыть свою бедность... Посмотрим, что ты мне подаришь к годовщине нашей свадьбы.

ОН. Это сюрприз. (Встает и, подойдя, целует ее).

ОНА (иронически). Да неужели?.. (Вдруг переводит взгляд в сторону окна.) Там кто-то маячит.

ОН. Где?

ОНА. Там (показывает на угол).

ОН. Я ничего не вижу.

ОНА. Ты никогда ничего не видел.

ОН. Да кто же там?

ОНА. Он...

ОН. Кто – «он»?

ОНА. Ну, просто так сказала. Там никого нет. Мне померещилось...

ОН. Тебе всегда мерещится...

ОНА. Как то есть «всегда»? Хочешь сказать, что я рехнулась?

ОН. Я так не говорил.

ОНА. Но так выходит.

ОН. Не цепляйся за слова.

ОНА. Если хочешь знать правду, – там кто-то все же есть.

ОН. Ну, кто же, кто?

ОНА. Горлинки. Парочка влюбленная. (Смеется.) Я их стесняюсь...

ОН. Тогда поди закрой окно.

ОНА. Изволь сам.

Стучат в дверь.

ОН. Открой.

ОНА. Почему я?

ОН. У меня нога болит...

ОНА. А говорил – не болит.

ОН. Теперь заныло.

ОНА. Я перевязала – потому?

ОН. Я так не говорил.

ОНА. Хотел сказать.

ОН. Тебе не угодишь... (Направляется к двери, погода возвращается.) Нищенка.

ОНА. Чего ей надо?

ОН. Говорит, сына из тюрьмы выпустили, и она дала обет, если выпустят, пойдет побираться...

ОНА. И ты развесил уши?

ОН. Я не мог не поверить.

ОНА. Дал ей денег?

ОН. Да, но она отказалась и даже обиделась: «мало».

ОНА. А за что ее сына упекли?

ОН. Говорит, за убийство.

ОНА (с удивлением, в котором сквозит мрачная ирония.) Ну, вот, чьи-то мужчины хоть счета сводят, прикончить умеют...

ОН. Может, мне начать... с тебя?

ОНА. С меня? Не беспокойся, я сама из-за вас наложу на себя руки... Под поезд в метро брошусь...

ОН. Ну-ну... давай... там уже оркестр выстроился на перроне...

Пауза.

Он включает телевизор.

ОНА. Вот-вот... любуйся себе на этих голозадых красоток.

ОН. Эх... кайфуют люди в Европе...

ОНА. Куда уж нам... вкусить...

ОН. Захочешь – сможешь.

ОНА. Да я все равно когда-нибудь сбегу от вас куда глаза глядят.

ОН. Сбегать ты умеешь.

ОНА (взвинченно). Опять начинаешь?

ОН (спохватившись, идет на попятную). Нет, нет!..

ОНА (дрогнувшим голосом). Горе мне, горе... Из-за тебя докатились мы до жизни такой... Кабы не твой змеиный язык... Сейчас я сидела бы себе под инжировым деревом и лакомилась плодами... Сейчас, наверное, уже поспел инжир... Там, у нас во дворе... Из-за тебя..

ОН. Причем тут я? Ты бы лучше прикрывала свои ножки...

ОНА. С какой стати? Ножки у меня очень даже ничего. (Показывает свои ножки.)

ОН (смягчившись). Что верно – то верно...

ОНА. Ты хочешь, чтобы и он увидел их?

ОН. Ты о ком?

ОНА. О том самом.

ОН. Нет, не хочу. А ты сама?

ОНА. Я... боюсь.

ОН. Откуда он взялся?

ОНА. Не знаю... Хочешь, чтобы я рассказала?

ОН. Раз уж начала.

ОНА. А ты не возревнуешь?

ОН. Так, чуть-чуть. К тому же, какое это имеет значение.

ОНА. Ага... Хочешь сказать, не будешь ревновать?

ОН. Я так не говорил. Просто чувства потускнели.

ОНА (задумавшись). Потускнели... Мне сдается, у тебя их не было никогда.

ОН. Чего?

ОНА. Того самого. Вернее, было да сплыло... Хочешь, расскажу? (Не дожидаясь ответа, продолжает.) ...Я всегда жду тебя с работы, сидя у окна. (Подходит к воображаемому окну.) Скучаю. И живу каким-то предчувствием...

Пауза.

Он появился из-под дерева. Густо-зеленого цвета... ужасно уродливый. Подполз к дверям, застыл, стал стучать (Может прозвучать стук в дверь.) Я затряслась от страха. Потом дверь сама по себе отворилась. Он ползком направлялся ко мне... (Здесь роль может быть исполнена третьим актером или сымитирована самими персонажами, или же можно предоставить зрителям самим вообразить происходящее)... Глазки такие маленькие. Взирает на меня. Вроде просил, молил. Глаза напоминали глаза давнишнего парня на пляже... Я обомлела. Потом он начал ластиться ко мне. Язык у него – как клей. Думала: воды просит. Подала воды – не выпил. Дала хлеба – не берет. Уставился на меня. «Чего ему надо?» Потом услышала всхлипывание. Гляжу – у него потекли слезы. Он плакал. Мне стало его жаль. Он был такой беспомощный и жалкий. Я тихо подошла к нему, стала гладить голову, лицо. Сперва меня прохватила оторопь. Потом страх рассеялся. Прижала его голову к груди. Он продолжал плакать, но беззвучно. Сердце у меня заколотилось. Стала целовать его. А он все крепче жался ко мне. Хотел словно войти в меня. Так крепко обнял, что не помню, чтоб кто-то меня обнимал столь страстно. Я стала любить его. И в это время он стал дрожать. И убрал руки от меня. Упал оземь и стал извиваться. И его, и меня душили слезы. Потом он исчез. Все показалось мне сном. Мне кажется, что причиной его исчезновения стало то, что я полюбила его... С того дня я каждый день слышу его плачущий голос, но самого не могу увидеть... И когда ложусь с тобой в постель, мне чудится, что он наблюдает за нами...

Пауза.

Он когда-нибудь придет, поэтому я хочу вместе с тобой уйти из этого дома.

ОН. От судьбы не убежишь... Но если хочешь знать правду...

Пауза.

ОНА. Ну? Договаривай.

ОН. Ты не обидишься?

Она пожимает плечами.

ОН. Это... симптомы шизофрении... Твои фантазии превзошли даже голливудские «страшилки».

ОНА. Нет... я чувствую, что он... где-то здесь. Ты не сможешь это почувствовать, потому что мужчины никогда не осознают такие вещи.

ОН. Ради Аллаха, выкинь из головы эту чепуху! Все это лишь плоды твоего больного воображения!

ОНА. Но... он был... правдошный... скользкий... как змея...

Пауза.

Иногда мне кажется...

ОН. ...да, да, что он – Бисей, стоит на берегу моря и ждет тебя. Ты мне об этом твердила полсотни раз... И если хочешь знать правду, то я и сам видел его!..

ОНА (изумленно). Ты? Видел? Его?

ОН (подтверждает кивком головы). Он стоял поодаль и поглядывал на тебя. Похоже, рисовал твой портрет. Потом вошел в воду и поплыл. Мне вдруг захотелось настичь его и утопить. Задушить и кануть в пучину.

ОНА. И ты?

ОН. Может быть, я мог бы изменить, вразумить его. Но не хватило времени. Точнее, духу.

ОНА. Между тем не так уж трудно было изменить.

ОН (возбужденно-нервно). Знаю, ты сейчас скажешь: человек как биологическое существо обречен на трансформацию... прочее... Но не забывай, что эти суждения ты слышала от меня.

ОНА. Тогда потрудись – изменись!

ОН. Сию минуту! Но с условием: закрой глаза, и пока не скажу, не открывай их.

Она закрывает глаза. Он достает из шифоньера пиджак, облачается, извлекает из шкафа шампанское, бокалы, ставит на стол, гасит свет, зажигает свечу.

ОН. А теперь можешь открыть глаза!

Она открывает глаза.

Госпожа, приглашаю вас в ресторан.

ОНА. В ресторан?

ОН. Да. (Показывает на стол). Это мой сюрприз. Ресторан устроим у себя дома.

Она недовольно косится на него.

ОН. Верно, это будет не лоджия приморского ресторана, и пламя свечи не будет романтично трепетать от дуновения моряны. Но сегодняшний вечер непременно останется у нас в памяти.

ОНА (смеется). А как же официант?

ОН. Нет проблем. Сию секунду. (Достает из кармана галстук-бабочку. Закрепляет на шее.) Вот тебе и официант. (Картинно демонстрирует себя. Она изумленно лицезреет его. Он сервирует стол. Нарезает хлеб. Она тем временем кружится в танце, напевая мелодию. Он достает из холодильника колбасу, сыр).

ОН. Это – холодные закуски. А горячие блюда поставлю на газовую плиту. (Наливает шампанское в бокалы.) За твое здоровье!

ОНА (чокается). За тебя! За нас!

Он достает сигареты, предлагает ей, дает ей прикурить; она, сделав затяжку, закашливается; он легонечко постукивает ее по спине, потом бегаёт за водой; она, оправившись от табачной «незадачи», смотрит в сторону воображаемого окна.

Ах, ты явился, милый! Я давно ждала тебя. Узнала... По глазам... Ты приглашаешь меня на танец? (Танцует с воображаемым партнером.) Где ты пропадал до сих пор?

Воображаемый Некто отвечает ей.

ОНА. Где? В Народно Зброско?

Некто повторно произносит это название.

ОНА. А-а... На родине Мрожека? Ах, как славно... Тогда ты... террорист?

Некто как бы слушает ее.

ОНА. Но здесь все поголовно антитеррористы...

Пауза.

О, какая убогая жизнь. Наверно, в Народно Зброско хорошо... Там все свободны.

Пауза.

Ты хочешь забрать меня с собой? Нет, нет, куда уж. У меня есть муж.

Она, как бы колеблясь, но продолжая танцевать с виртуальным партнером, покидает сцену. В этот момент появляется Он в прежнем облачении, без галстука-бабочки. Не застав ее, недоумевает.

ОН. Где ты, дорогая моя? (Нет ответа. Пауза.) А, понял. (Достав из кармана «бабочку», прикрепляет на шею. И, войдя в роль официанта, обращается как бы к мужу хозяйки дома.) Простите, ваша супруга просила передать, чтобы вы ее не ждали, она больше не вернется.

Женщина появляется вновь, танцуя с закрытыми глазами. Он идет ей навстречу. Она натывается на него и... открывает глаза.

ОНА. Ах, мой дорогой, я уже затосковала по тебе. Где же ты был? В Народно Зброско?

Он, хотя и ошарашенный, не подает виду и танцует вместе с ней.

ОН (приблизившись, вдыхает запах ее волос). Узнаю любимый аромат. Твои волосы пахнут легким бризом...

(Примечание: в этих диалогах нет никакой страстности, все статично, зыбко, оба как бы пребывают во сне, взоры – отсутствующие.)

ОНА (кокетливо). Ой... твои ресницы щекочут мне щеку... Перестань...

ОН. Давненько мы не обновляли твой гардероб. Теперь в моде короткие ночнушки. Каждый день рекламируют...

ОНА (взъерошивая его волосы). Ты становишься желаннее, когда у тебя короткая стрижка.

Некоторое время постояв лицом к лицу, Он отводит голову, заглядывая ей в глаза.

ОН. Может, поменяем спальню? Свет машин выводит меня из себя...

ОНА. А раньше мы оба любили свет фар... (Пауза.) Мы упивались, лаская друг друга под светом ночных фар...

ОН. ...Я с нетерпением ждал наступления ночи... чтоб увидеть белизну твоего тела.

Пауза.

Они расходятся по разным углам комнаты. И, как бы не находя слов, мнутя, теребят край стола или ковыряют какой-либо предмет интерьера.

ОНА. А что если нам махнуть куда-нибудь далеко? (Статичность сменяется динамикой, воодушевлением.)

ОН. Отличная идея. Но куда?

ОНА. В Народно Зброско.

ОН. Это где такое Зброско? Да еще «Народное»?

ОНА. Место чудесное. Мэри со своими только что вернулась оттуда.

ОН. А кто такая Мэри?

ОНА. Да я о Марьям. Там ее все звали «Мэри». Знаешь, что она рассказывает? Говорит, что туда съезжается удивительная публика. И все меняют имена на клички. И все говорят, что заблагорассудится, хочешь, и мы махнем туда? А через месяц – домой. А?

ОН. Да, хочу... Но на сей раз – порознь...

ОНА. То есть?

ОН. То есть сыграем в игру...

ОНА. В игру?... (Пауза. Напевает.) «Что наша жизнь? Игра-а-а...»

ОН. Договорились?

ОНА. А как же дети?

ОН. Пусть они играют в свои игры. Каждому – своя игра.

ОНА. Идет! Играем! Причем самую-самую новенькую! (Воодушевленно вскакивает с места, увлекая и его за руку.)

ОН (радостно.) Итак, мы летим разными авиарейсами, в разное время, в один и тот же город...

ОНА. Летим!

ОН. И там знакомимся...

ОНА. Случайно...

ОН. Хочешь, поменяем и свои имена. Скажем, Лала – Ли-ли, а Микаил – Ми-Ми...

Прожаживаясь, они продолжают диалог.

ОН. Нас представят друг другу.

ОНА. Мы можем поменять и профессии.

ОН. Почему бы и нет.

ОНА. Обрастем новыми знакомыми.

ОН. Их и искать не придется.

ОНА. Потом поделимся впечатлениями о них.

ОН. Но окружающие не должны знать, что мы муж и жена.

ОНА. Столько совпадающих фамилий...

ОН. Никто не придаст этому значения.

ОНА. А если вдруг произойдет непредвиденное? Ситуация переменится?

ОН. Условимся о правилах игры.

ОНА. И никто не должен их нарушать.

ОН. Давай не будем зарекаться...

ОНА. Увы, люди переменчивы...

ОН. Но мы же любим друг друга.

ОНА. Да. Тогда...

ОН. Тогда...

ОНА. Первое: отправляемся врозь.

ОН. Второе: останавливаемся... гм... в одной гостинице, но в разных номерах.

ОНА. С условием – пользоваться всеми благами отдыха.

ОН. Третье условие: ни в чем друг друга не упрекать и не подкалывать.

ОНА. Не закатывать сцен!

ОН. Четвертое: видимся только для того, чтобы обменяться впечатлениями...

ОНА. Ни под каким соусом игру не прерываем...

ОН. В финале все становится на свои места, и мы вместе летим домой.

ОНА. Никогда не забываем о третьем условии...

ОН. После возвращения продолжаем делиться впечатлениями о проведенных днях, о новых знакомствах... каждую ночь... вспоминаем... слушаем музыкальные звуки в морских раковинах... Прекрасно... романтично... Не так ли?

ОНА. Чудесно...

Пауза.

Ах... Народно Зброско... Море... Я всегда мечтала об этом...

ОН. Авиарейсы туда – дважды в неделю. Я вылечу... в четверг. А ты – в субботу...

ОНА. Да. Но не забывай о третьем пункте.

При последних словах они приближаются к кровати.

ОН. Поехали! (Обнимает ее. Оба в радостном порыве падают на кровать. Свет гаснет.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В этой части персонажи фигурируют как Ли-Ли и Ми-Ми. Соответственно меняется и их облачение.

Картина вторая

Пустая сцена. Голос диктора-информатора: «Внимание! Самолет, совершающий рейс номер 751 по

маршруту Хазаристан-Народно Зброско, совершил посадку».

Появляется Ли-Ли с дорожным саквояжем и направляется к двери справа. Эта же дверь ведет в номер гостиницы.

Погодя появляется с таким же саквояжем Ми-Ми и устремляется к двери на левой стороне.

Картина третья

Воображаемый пляж, его приметы обозначены тентом, двумя шезлонгами и столиком.

Пауза.

С левой стороны появляется Ми-Ми, одетый налегке, по-летнему, на плече – полотенце.

(Примечание: в этой части диалоги преимущественно статичны и официальные.)

Ми-Ми здоровается с предполагаемой пляжной публикой: «Salud! Salud! Servus! Guten Taq!». Приложив ладонь к глазам, всматривается в зрительный зал и говорит:

– Очаровательный пейзаж! По одну сторону лес, по другую – море! Не нагладишься...

Доносится мерный шум прибоя.

Пауза.

Предполагаемый персонаж отзывается на слова Ми-Ми:

– Совершенно верно. Стоит совершить такой дальний путь ради такой красоты!..

Из-за кулис появляется Ли-Ли в дачном облачении, со шляпой на голове, с полотенцем, перекинутым через плечо, – она направляется в левую сторону, то есть к морю.

ЛИ-ЛИ (здороваясь с Ми-Ми). Salud!

МИ-МИ (изумленно). О... Вы – из Хазаристана? (Не дожидаясь ответа.) Я тоже из тех краев. Позвольте представиться: Ми-Ми. Геолог.

ЛИ-ЛИ. Ми-Ми... (Пауза.) ... Геолог... Романтичная профессия... А я – Ли-Ли. Кардиолог.

МИ-МИ. Значит, по сердечной части... Мне кажется, все женщины – врачи от рождения. Даже, я бы сказал, исцеление... Панацея мужчин...

ЛИ-ЛИ. Лестное признание! Вы очень великодушны... Тогда я так понимаю, что в ваших геологических изысканиях имеют место и поиски панацеи?

МИ-МИ. Мужчины – искатели панацеи по определению.

ЛИ-ЛИ. Позвольте не согласиться. Не все. Например, здесь есть одна особа. Дипломат-неудачник. С утра до вечера спорит со своей женой. А жена говорит, что он даже и ширинку как следует застегнуть не может. (Смеется, Ми-Ми присоединяется к ней).

МИ-МИ. Вам идет смеяться...

Ли-Ли с радостным вожделением ждет продолжения комплиментарных слов.

МИ-МИ. Ваш смех завораживает... И имя у вас прекрасное... Я бы принял вас за итальянку, не знай вашего имени.

ЛИ-ЛИ. Вы правы... В моих жилах примесь итальянской крови. Отец – турок, мама – русская, а дед по матери – итальянец. Дедушка и дал мне имя. Это у нас в обычае.

МИ-МИ. Можно позавидовать вкусу вашего дедушки.

ЛИ-ЛИ (в порыве радостных чувств кружится). Здешние места действительно прекрасны. Море – очарование. А уж прибрежные пески... Они прогревают все тело... изгоняют остуду многих-многих лет...

МИ-МИ. Бесподобный ландшафт!..

ЛИ-ЛИ (как бы собирая ракушки). Таких огромных ракушек я не видывала. (Поигрывая воображаемой раковиной в руке.) Мы с мужем условились... (Спохватившись, обрывает себя на полуслове.) Условились с бывшим мужем... собрать коллекцию ракушек. Ведь и ракушки имеют половую принадлежность...

Пауза.

МИ-МИ. Завидую вашим ракушкам... Может, в них некогда теплилась жизнь...

ЛИ-ЛИ (задумчиво, печально). Может, они обитали на затонувших судах...

МИ-МИ. Эти слова мне кажутся такими знакомыми...

ЛИ-ЛИ. Наверно, когда-то вы их слышали... А может, даже знакомы с морской стихией...

МИ-МИ. Я ни разу в жизни не видел моря...

ЛИ-ЛИ. Но вот уже столько дней я замечаю, как вы хорошо плаваете. Мне сдается, что вы человек моря.

МИ-МИ. Спасибо за комплимент. Но я действительно вижу море впервые.

ЛИ-ЛИ. Во всяком случае, вы ведете себя как человек бывалый... В том числе и в отношении прекрасного пола... (Грозит пальчиком.) Я обратила внимание... недавно... вы завели разговор с одной неулыбой... Признаться, я даже осердилась на вас. Что он, думаю, нашел в этой кривоногой мымре... фу... Не женщина, а доска стиральная... У таких особ, знаете, не только злой язык, но и сама кожа горчит...

МИ-МИ. Совершенно верно. Если хотите знать правду, то она сама «пришвартовалась» ко мне, насилу отделался. (Смеется.) А то, что вы приревновали меня к ней, доставляет мне удовольствие. Признаюсь, что я не решался к вам подойти. Сегодня вот дал себе слово, что познакомлюсь с вами во что бы то ни стало... Как хорошо, что вы предоставили мне шанс... (Делает реверанс.) Позвольте вас пригласить к столу.

ЛИ-ЛИ. О, вы настоящий джентльмен. (Сняв шляпу, садится в шезлонг.) Садитесь и вы.

МИ-МИ. Благодарю. Ради такой прекрасной дамы я готов часами стоять на ногах... Но, как говорится, в ногах правды нет. (Садится.)

(В этом эпизоде Ми-Ми может принести напитки из «закадрового» бара.)

МИ-МИ. Ну что вы можете сказать об этих краях?

ЛИ-ЛИ. Благодать! «Народно Зброско» – прелесть! Люди здесь совершенно свободны. Порой мне кажется, что я попала в рай.

МИ-МИ. Да, действительно райский уголок.

ЛИ-ЛИ. О, вы еще не видели... Побывавшие здесь не хотят возвращаться к себе. Я уже не говорю о море... Стихия... Оно – как страстные натуры...

МИ-МИ. Ваши глаза напоминают море... А волосы – солнце...

ЛИ-ЛИ (разыгрывает смущение, меняет тему). А вы не хотели бы показать мне здешние достопримечательности? Ведь, насколько знаю, вы уже здесь успели побыть немало дней.

МИ-МИ. К чему такие официальности?

ЛИ-ЛИ. А-а, понятно. (Встает и берет его под руку.)

МИ-МИ. С большим удовольствием.

Картина четвертая

Рокот моря. Пустая сцена. Из-за кулис доносятся звуки, – впечатление, будто играют в пинг-понг. Выходит Ли-Ли, утирая полотенцем лицо, садится за столик. Официант подает ей коктейль. Появляется Ми-Ми.

МИ-МИ. Вы хорошо играете в пинг-понг.

ЛИ-ЛИ. Мне кажется, вы нарочно даете мне фору и проигрываете. В особенности сегодня... Причины не знаю... Но, во всяком случае, мне приятно.

МИ-МИ (как бы не придавая значения ее словам). Какое сегодня тихое море... (Садится напротив нее). Похоже на выражение вашего лица... ясное... безмятежное... Только легкая рябь... как колебание ваших волос...

ЛИ-ЛИ. Спасибо за комплимент.

МИ-МИ. Говорят, комплимент вроде поцелуя сквозь вуаль...

ЛИ-ЛИ (улыбнувшись). Есть в этом доля истины.

МИ-МИ. Но тебе жаль одарить меня даже одним поцелуем... Остались считанные часы до нашего отъезда. А ты не хочешь осчастливить меня.

ЛИ-ЛИ (смеется, встает). Мужчину делает счастливым женщина, не так ли? Но вы, мужчины, никогда не признаете этого... Неблагодарные. (Сцену пересекает воображаемая пара, и Ли-Ли, показывая на нее, продолжает.) Какие они счастливые. Аж зависть берет.

МИ-МИ. Действительно. Как мало нужно человеку, чтобы быть счастливым.

Пауза.

ЛИ-ЛИ (озорным тоном). Мне не по душе жить в гостинице. Я уже вторые сутки предпочитаю обитать вот в той палатке. (Показывает рукой.) Плеск ночного моря для меня звучит как прекрасная музыка.

МИ-МИ. Вы затронули мою больную струнку... (С сентиментальным пафосом)... Если хотите знать, я по ночам слежу, как грациозно вы входите в свою палатку... и до утра... вместе с вами... то есть... как бы вместе... слушаю дыхание моря... И мне порой чудится, что я слушаю не море, а ваше ровное дыхание... И вижу вас во сне... подхожу... но вы исчезаете... как мираж... не дотянуться... не достичь...

ЛИ-ЛИ. О, какое приятное признание... Какие завораживающие слова! Давно я не слышала таких слов.

МИ-МИ. Вы достойны этого. (Берет ее за руку. Она отнимает свою руку. Он повторяет попытку и на сей раз она хоть и смущается, но не противится.)

Они встают, и одновременно звучит проникновенная музыка, они танцуют и так, танцуя, направляются к двери, то есть к выходу со сцены. Этот же проем предстает входом в палатку Ли-Ли; у палатки – дерево. Она задерживается на пороге, он, уставившись на нее, не хочет отпустить ее руку; Ли-Ли входит в палатку, и мы видим только ее руку, удерживаемую Ми-Ми. Затем и он входит в ее «жилище»; оттуда, из воображаемой палатки, доносится ее голос, сопровождаемый или заглушаемый музыкой. – Ох... Ми-Ми... Нет... Не надо...

ГОЛОС МИ-МИ: ...Я на берегу слышу не дыхание моря, а только твое... хочу испытать твое дыхание... Ты в моих снах...

ГОЛОС ЛИ-ЛИ: Ох... Какие прекрасные слова... Нет... Ми-Ми... Не надо... Мне щекотно... Мужчины... все такие... Ах, хитрец... Это тоже игра? Потому ли мне проигрывал?.. Ты... хочешь... меня... изнасиловать... Признайся... скажи, что хочешь изнасиловать... Я и без того раскусила тебя... Ах ты, лис-с... (Голос прерывается. Музыка продолжает звучать.)

Картина пятая

Появляются на сцене вдвоем, рука в руке.

ЛИ-ЛИ. Совсем не хочется расставаться с морем...

МИ-МИ. Жаль, что до конца моего отдыха остается всего три денечка...

ЛИ-ЛИ. Ты обязательно должен уехать?

МИ-МИ. Другого выхода нет, сама знаешь, обратно билеты не принимают. Побыл месяц – пора и честь знать. Здесь такой порядок.

ЛИ-ЛИ (вздыхает.) Ах... жаль... Мы только-только стали узнавать друг друга. (Пауза.) Давай не будем заикливаться на этом... Впереди еще три дня... и насладимся оставшимся временем. Пошли... (Увлекает его в сторону палатки. Из-за кулис доносятся смех, звуки поцелуев.)

Картина шестая

Лунная, звездная ночь. Он и Она устремляются навстречу друг другу, радуются, как дети, берутся за руки. Кружатся, целуются-милуются, болтают без умолку; оба в шортиках.

Диалоги продолжаются в озорном, взбалмошном духе.

ОНА. Ты не забыл о третьем пункте?

ОН. Не упрекать друг друга...

ОНА. И не закатывать сцен.

ОН. Начинай ты.

ОНА. Нет, ты.

ОН. Нет, первой – ты.

ОНА. Что мне сказать... Мой знакомец – истинный джентльмен. У него есть все, что необходимо мужчине.

ОН (обиженно). Хочешь сказать, что...

ОНА. Чур! Третий пункт!

ОН. Понял, понял... (Закуривает сигарету.) Все читается в твоих глазах. Когда ты счастлива – глаза твои сияют. Даже по укладке угадывается настроение.

ОНА. Волосы у него черные, как ночь... Тело – литое, как у античных статуй... (При этих словах, кружась, приближается к нему, хватая за тенниску, беспечно-озорным тоном:) А как у тебя? (Щупает его торс, ерошит волосы.) Да, недурно скроен... А глаза у моего...

ОН. Что мы заладили: мой-твой. Будто что-то делим.

ОНА (хохочет). Никак ревнуешь?

ОН. Да нет, конечно. Просто...

ОНА. Просто ты не хочешь меняться. Как всегда...

ОН. Хочу сказать, что мне доставляет удовольствие видеть тебя счастливой...

ОНА. Ты бы рассказал о Ли-Ли... Как она, что она...

ОН. Ли-Ли... (Пауза).

ОНА. Ну? Что молчишь?

ОН. «Ли-Ли...» У тебя это имя звучит так, будто устами медовыми каждый звук вылизан... Ты лучше вот так шепчи «Ли-Ли» и ни о чем не спрашивай...

ОНА. Только «Ли-Ли». Плутиска! (Смеется.) Стало быть, все в ажуре. А в обычные времена ты бы не признался... Да, славная игра... настоящая...

ОН. Я бы сказал: правдошная. Знаешь, я как будто начал жить заново... Окунулся в море восторга, в стихию упоения... плыву... лечу... (Раскинув руки, как крылья, размахивает ими, кружится.) И правда, свобода – выше всего. Достаточно один раз преобразиться... преодолеть обыденность...

ОНА. Мы каждую ночь...

ОН. Понимаю. Все смугляночки – исчадия «Декамерона»...

ОНА. Ой, не смущай... не приземляй... Мы каждую ночь, покинув палатку, бродили по взморью, прислушиваясь к музыке стихии, к ветру, поющему в раковинах...

ОН. А мы... каждую ночь созерцали звездное небо с балкона, ища свою звезду. Я ищу и твое небесное светило... Иногда меня разбирает смех при мысли о том, что мы обитаем в ста метрах друг от друга и так счастливы...

ОНА. Сеньор, а у вас есть и балкон?

ОН. Да. Представьте себе. Целых два балкона.

ОНА. Вот и славно.

ОН. Все прекрасно.

ОНА. С чем и поздравляю. Я хотела, чтобы нам обоим было хорошо. Стало быть, удалось.

ОН. Я бы не хотел, чтобы мне было лучше, чем тебе. Но не забывай о третьем пункте. (Нежно.) Ли-Ли похожа на морскую фею...

ОНА. Да? И в каких тонах она видится тебе?

ОН. В ней – все оттенки... вся палитра... волосы – огненные струи... губы – алые кораллы...

ОНА. Ми-Ми – истинный поэт.

ОН. А ты – его Муза. Я же говорил, рано или поздно моя Муза прилетит к кому-то... (Смеется.)

ОНА. И не ошибется адресом...

ОН. Надеюсь...

ОНА. У нас остается три дня... Мой... он... мне сказал, что посвятит меня во многие тайны.

ОН. И ты, в свою очередь, меня...

ОНА. Разумеется. А ты мне поведаешь об «огненных струях» и «алых кораллах».

ОН. Конечно. Не беспокойся ни о чем. И о третьем пункте. (Берет ее за руку.) Может быть, выпьем виски по этому случаю?

ОНА. Виски?.. Фу... Ты отстал от жизни. Он меня угощал лучшей текилой.

ОН. О! Какой джентльмен!

ОНА. Итак, до встречи в самолете!

ОН. До встречи!

Они расстаются в радужных чувствах и расходятся по разным углам сцены...

Картина седьмая

Гул моторов самолета.

Сцена воспроизводит уже знакомую нам квартиру; кровать, тумбочка, ночник. Он и Она с саквояжами в руках. Молча разуваяются и садятся порознь на краешке кровати. Откуда-то доносится музыка, сопровождавшая их счастливое общение на прекрасном взморье... Оба вслушиваются... И под звуки мелодии, звучащей с нарастающей силой, встают и устремляются друг к другу, он берет ее за талию, она кладет руку ему на плечо, и они танцуют. (Движения статичны.) Она прикивает головой к его плечу. Через мгновение, подняв голову, Она произносит ласково: «Ми-Ми...» Он отзывается: «Ли-Ли».

Музыка затихает, и одновременно слабеет и гаснет свет.

Финал повторяется в ином виде.

Картина восьмая

Они входят в квартиру. Извлекают, каждый из своего саквояжа, раковины с моря, кладут на тумбочку. Она осматривает квартиру, будто незнакомое жилье. Выдвинув ящик тумбочки, заглядывает в него.

Часы бьют 12 часов ночи. Звучит музыка их недавних безмятежных дней. Они молча сближаются и начинают танцевать. Погода он достает из саквояжа шампанское, раскупорив бутылку, разливает по бокалам. Они поднимают бокалы.

ОН. За нашу любовь, Ли-Ли!

ОНА. За нашу любовь, Ми-Ми!

Она достает из саквояжа банку, хлеб, делает бутерброд, он помогает ей, и рука его касается ее руки, они невольно тянутся друг к другу, и их губы сливаются в поцелуе. В порыве нахлынувших чувств оба, не раздеваясь, валятся на кровать, поспешно и невпопад расстегивая пуговицы (необязательно продолжение процесса до конца). Гаснет свет. Пауза...

Картина девятая

Сцена освещается. Персонажи сидят в «придуманном» ресторане, знакомом по первой части (У зрителя может создаться впечатление, что Он и Она никуда не уезжали.) Вновь пьют шампанское, закуривают, глядя друг на друга.

ОНА. Как ты думаешь, что произойдет после их возвращения?

ОН. Они все поняли. Что же можно дальше предпринять?

ОНА. Всегда что-то можно сделать. Он (Ми-Ми) теперь не может все оставить, как было. Достаточно взглянуть на его лицо, чтобы это почувствовать.

ОН. Я не сомневаюсь, что и Она (Ли-Ли) не хотела бы, чтобы все оставалось по-прежнему. Оба они это осознали. И не столь трудно представить, что они предпримут.

ОНА. Ты прав. Это не столь уж трудно. Я предвижу, как они поведут себя.

ОН. Наверно, и они, как мы, не спят и, пряча глаза друг от друга, ведут разговор. Пытаются вести... И уже не находят, что сказать друг другу. Наверно, именно Он, как Мужчина, проявит инициативу. Встанет... (Поднявшись со стула, идет к кровати, открывает тумбочку), выдвинет ящик, достанет лекарство в синей коробочке. Вот так. (Делает то, о чем говорит.)

Она подходит к нему, берет у него коробку.

ОНА. А она, вот так вот пересчитает таблетки и разделит поровну. Это ее, так сказать, компетенция, хозяйкина. По 16 таблеток на каждого. (Передает ему половину таблеток.) Переговариваясь, садятся на кровать.

ОН. Они будут глотать таблетки по две, не спеша, поджидая друг друга и запивая водой.

ОНА. Таблетки, наверно, горькие?

ОН. Может, кислые.

ОНА. Может и так.

Пауза.

Не спеша глотают таблетки, запивая водой.

Пауза.

ОН. Потом они лягут в постель.

ОНА. Погасят свет. Аллах знает, зачем.

ОН. Наверно, для того, чтобы больше не просыпаться... И солнце больше не упадет им в глаза...

ОНА. И ветер не будет забивать песком их глаза...

ОН. И они унесут все эти воспоминания с собой...

ОНА. ...Чтобы не расставаться с ними... И... больше не менять себя...

ОН. Они погасят свет и обнимутся... Я точно знаю... (Поворачивается к ней, и Она – ответно.)

Примечание: персонажи могут обниматься и не в лежащих позах то есть, без лежания в кровати, а стоя на ногах и как бы опираясь друг на друга. В этой версии диалоги должны выглядеть иначе и звучать, примерно так:

ОН. Потом они обнимутся.

ОНА. Чтобы опереться друг на друга.

ОН. Чтобы не потерять друг друга до конца жизни...

ОНА. И после... (Обнимает его и, протянув руку, гасит ночник.) Вот так, да?

ОН. Да, вот так!

КОНЕЦ

Май 2000г. – май 2004г.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ

ЦЕЗАРЬ

Синтетическая драма в двух частях

Самая главная борьба – борьба с собственными страстями...

Тому, кто не смог превозмочь свои страсти, нет места в Божьем царствии...

Из священной книги

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЦЕЗАРЬ

БРУТ

ИСТОРИЯ

ДЬЯВОЛ

КЛЕОПАТРА

САРА (НЯНЯ КЛЕОПАТРЫ)

НАЛОЖНИЦЫ

ПОМПЕЙ

ЛЮЦИЙ

СТРАЖНИКИ

СЕНАТОРЫ

Примечание 1. Время и место событий не обозначены. Все носит условный характер. Нечто подобное, возможно, происходило в начале 90-х и 2000-х годов прошлого века в Азербайджане. С веками в мире ничего не изменилось, изменились только технические условия и идеи.

Примечание 2. В сценах с участием Цезаря может звучать хоровая музыка, напоминающая молитвенный напев:

Великий и справедливый Цезарь! Пусть твои войска будут бесчисленными, меч острым, а казна полной. Пусть конь твой не споткнется, меч не притупится, а дороги твои всегда будут открыты. Боже все милостивый, слава тебе!

Примечание 3. В этой пьесе Дьявол не появляется на сцене, он произносит свои реплики из-за занавеса, но по усмотрению режиссера он может появляться на сцене и в ключевые моменты стоять за спиной своей жертвы. Например, когда Помпей в гневе хватается за меч, Дьявол держит меч за рукоятку и советует Помпею не торопиться. И тому подобное.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1-я картина

На сцене темно. Посредине сцены стол, за которым сидит мужчина в черной мантии и капюшоне (История), у него в руках книга...

ИСТОРИЯ. Две тысячи лет назад на родине Богов в Древнем Египте, а также в Риме, где находилась Божественная Гора, произошли интересные события.

И теперь, по прошествии более двух тысяч лет, те события вновь повторяются: дворцовые интриги, борьба за власть, победы и поражения. История всегда играет роль безмолвного наблюдателя, а народ всегда ищет справедливого правителя. Но такие правители встречаются крайне редко. Интриги всегда развязываются из-за власти и женщин. Женщины и власть – эти понятия неразделимы. Кто-то считает власть невинной девственницей, а кто-то – безнравственной женщиной. Понимаю, что мои объяснения могут утомить вас, но вы обязаны выслушать меня. Это необходимо. Если кого-то оскорбит моя правда, пусть покинет зал прямо сейчас.

Итак, вернемся на две тысячи лет назад. Условность пространства и времени – основная задача. Представьте, что те события произошли не в Древнем Египте и Риме, а здесь, в этом зале. Сидите тихо и смотрите. (История встает и сбрасывает капюшон. Перед нами лучезарный седовласый старец.)

В древней столице все смешалось. Дворцовые междоусобицы, гражданская война. Страна приносилась в жертву придворной вражде и политическим интригам. После того, как Великий Цезарь отрекся от власти, ушел на юго-запад страны и укрылся под покровительством Богов, положение стало еще хуже. Дьявол завладел людскими душами...

(История прерывает свой рассказ, на сцене появляется Дьявол в дирижерском фраке.)

ИСТОРИЯ. Фу... только тебя не хватало. Я и так знал, что ты стоял тут над душой. Вы узнали его? Как говорится, вспомнишь ..., вот и оно. Говори, что хотел, и исчезни!

ДЬЯВОЛ. Мне нечего сказать. В священной книге, пардон, в моем свидетельстве о рождении написано, что меня зовут Дьявол. Мой отец – Огонь, мой творец – Господь, место рождения – Небо, место жительство – Земля. Время от времени я навещаюсь к Творцу, чтобы отчитаться перед ним. Потому что, когда Творец велел покинуть его царство, он наказал мне выполнять свою миссию на земле. Да, все это произошло по Его воле... (Указывает на небо.)

ИСТОРИЯ. Ладно, хватит пустословить. Иди, займись своим делом.

ДЬЯВОЛ. Да, пойду, пожалуй. У меня столько дел... (Дьявол кланяется зрителям, перед тем, как покинуть сцену, оборачивается к ним и говорит) Я буду там, за занавесом. Если что понадобится, не стесняйтесь.

ИСТОРИЯ. Итак, начнем с символа власти – прекрасной Клеопатры. (Звучит музыка. Круг на середине сцены освещается, и видна Клеопатра. Она облачена в древние египетские одежды, на голове – корона, в руке – скипетр.) Клеопатра крепко сидит на своем троне. Но это не значит, что она не ест, не спит, не видит снов. Просто она не двигается с места, чтобы никто его не занял. Например, ее младший брат Птолемей. А теперь покажем вам сценку из жизни Клеопатры. Клеопатра молода, красива, немного капризна. Капризность свойственна молодости.

Темнеет. История уходит со сцены. Освещение.

Клеопатра на своём ложе просыпается и зовет няню.

КЛЕОПАТРА (сонным голосом). Сара!

Входит Сара.

САРА. Я здесь, великая царица, Богиня красоты.

КЛЕОПАТРА (зевает, потягивается). Сара, он снова приходил.

САРА. Кто?

КЛЕОПАТРА (мечтательно). Он, принц на белом коне. Он так гордо стоял под лучами солнца. Молодой, красивый, стройный...

САРА. Тебе не следует мечтать о нем, царица.

КЛЕОПАТРА. Почему? Разве я не выйду замуж? Я выйду за такого, что мне сами Богини позавидуют.

САРА. Не богохульствуй, царица! Тебе лучше заснуть.

Клеопатра неохотно кладет голову на подушку.

КЛЕОПАТРА. Принеси мне моего кота. Он умнее и преданнее всех.

Сара уходит.

Темнеет.

2-я картина

ИСТОРИЯ. В то смутное время весть о славе и красоте Клеопатры распространилась по всему древнему миру, включая Рим, Галлию и даже место, где мы сейчас сидим. Все хотели завладеть Клеопатрой. А Цезарь в это время был на юго-западе страны под покровительством Богов. Он сам был властелином своих страстей. А Боги любят тех, кто может превозмочь свои страсти.

Задняя часть сцены освещается. Цезарь спит на нарах. Ангелы охраняют его сон. С улицы доносятся все более усиливающиеся крики: «Да здравствует Цезарь!»

Он справедлив, как Нуширеван, страшен, как Рустам Зал. Ложась спать, он кладет под голову свой двухконечный меч. По его мнению, один конец меча – награда, а второй – наказание. В истории мало таких правителей. История зиждется на их плечах. Он как отшельник – целыми днями, сидя в своей комнате, о чем-то размышляет. Он думает о том, откуда у него любовь к власти и женщинам – от Дьявола или Творца.

ДЬЯВОЛ (высовывается). Не спешите. Придет время, я и его собью с пути.

Ангелы, окружившие Цезаря, постепенно встают и становятся вокруг трона, словно совершают молитву. С улицы громко доносятся слова «Виват король». Звуки постепенно усиливаются. Цезарь внезапно просыпается. Голоса умолкают. Ангелы покидают сцену.

Входит Брут.

Цезарь встает.

ЦЕЗАРЬ. А, это ты? Какие новости?

БРУТ. Народ тебя зовет, Цезарь!

ЦЕЗАРЬ (рассказывает по сцене). Знаю, я видел их во сне и слышал их голоса наяву. (Поворачивается к Бруту.) Кстати, я слышал, ты умеешь толковать сны.

БРУТ. Если ты пожелаешь...

ЦЕЗАРЬ. Ну, тогда скажи, если кто-то во сне склеивает разрубленного на две половины человека, и тот оживает, что это значит?

БРУТ. Расчлененный человек символизирует расколотую страну. Боги посылают тебе знак, что только ты можешь снова объединить ее. Но сначала надо дать свободу народу. Народ этого хочет.

ЦЕЗАРЬ (сдержанно). Народу нужны права, а не свобода. Свобода – это еще не все. (Подходит к окну. Смотрит на митингующих. Их голоса не умолкают: «Да здравствует Цезарь! Да здравствует справедливый Правитель!») Мой дорогой народ. (Вздыхает.) Хочу посмотреть в глаза своему народу. Я скучаю по их любви...

БРУТ. Мне кажется, Боги поручили эту миссию именно тебе и указывают на то, что настало время. По воле Богов тебя вызывают в столицу. Да к тому же... (нерешительно, тихим голосом) нас могут опередить!

ЦЕЗАРЬ (громко). Если все в руках Творца, нас никто не сможет опередить. Надо верить в судьбу...

Пауза.

БРУТ. Народ любит тебя, Цезарь. Ты ему сейчас нужен! Ты умен и мудр.

ЦЕЗАРЬ. Любовь расколотого народа не может быть цельной. Сначала освобожденный раб пытается отомстить своему хозяину. Надо дать ему эту возможность.

БРУТ. Любовь народа к тебе объединит их. Мы должны поехать в столицу.

ЦЕЗАРЬ (громко). Если правителя на вершину возносит народ, всегда есть опасность свалиться оттуда. Правитель должен сам возвысить народ, чтобы и самому всегда быть на вершине.

ДЬЯВОЛ (высовывает голову из-за занавеса.) Все правители мечтают о вечности, поэтому всегда держат при себе летописцев. А этот потомок Адама говорит не для вечности, а всего лишь для своего помощника.

БРУТ. Знаю, что они тотчас же могут арестовать тебя и бросить в темницу. Поэтому держат в заточении и не выпускают из этой провинции.

ЦЕЗАРЬ. Ты думаешь, я боюсь темницы?! Я даже смерти не боюсь, но кому нужна глупая смерть! Разве я могу доверить им любящий меня народ?

БРУТ. Я лучше всех знаю, насколько ты отважен, Цезарь, но боюсь, потом может быть поздно.

ЦЕЗАРЬ. Мы должны подождать.

БРУТ. Чего ждать?

ЦЕЗАРЬ. Они сами вызовут меня в столицу.

БРУТ. А если не вызовут?

ЦЕЗАРЬ. Вызовут, я уверен в этом! Ведь жажда власти заставила их забыть о Боге. Забыть Бога – значит потерять волю. Многие сенаторы и военачальники мечтают о власти. Но они не стоят и гроша. Легко победить войско, у которого много начальников. Надо ждать, Брут, ждать! Одно из имен Творца – Терпение.

Уходит со сцены.

Темнеет.

3-я картина

На сцене появляется История.

ИСТОРИЯ. Помпей, только что лишившийся трона, снова хотел вернуться к власти. Многолетняя власть его предшественников была разрушена. Помпей сходил с ума по Клеопатре. И для победы над соперниками опирался на несколько сотен сподвижников. (Слышны голоса с улицы «Аллах Велик!», «Аллах Велик!») Помпей хотел с помощью Клеопатры укрепить свою власть и уничтожить врагов. Он думал, что власть – самая большая на свете сила. Упрямый, как бык, нетерпеливый Помпей. (Появляется Помпей в древней римской одежде. Он выглядит усталым и лишенным надежды.) Усталый и лишенный надежды Помпей. Он во всем надеется на себя, а не на Богов. В этом главная причина его несчастий.

Дьявол выбегает на сцену.

ДЬЯВОЛ (обращаясь к Истории). Пожалуйста, покиньте сцену, вы портите общую атмосферу. История была беспомощна, когда произошли эти события. Она лишь наблюдала за происходящим. (Делает дирижерский жест.) А я вселял в людей надежду, разжигал в них жажду вечной власти и желание женской страсти.

ИСТОРИЯ (пожимает плечами). Может быть, и так...

История уходит. Дьявол садится рядом с Помпеем.

ПОМПЕЙ (зычным голосом). Кто ты?

ДЬЯВОЛ. Я – твой друг.

ПОМПЕЙ. Если бы я сейчас действительно не нуждался в друге, то прогнал бы тебя, как собаку.

ДЬЯВОЛ. Бездна надежды убивает человека, великий Помпей.

ПОМПЕЙ. Откуда ты узнал, что я лишен надежды?

ДЬЯВОЛ. Глаза для того, чтобы видеть, уши для того, чтобы слышать, великий Помпей.

ПОМПЕЙ (иронически). Великий!

ДЬЯВОЛ. Когда-то и я был любимым ангелом Бога, у нас с тобой много общего. Я претендую на роль

Творца, а ты мечтаешь о вечной жизни. Но есть лишь один путь к вечной жизни. (Смотрит испытующе на Помпея. Помпей не выдерживает его взгляда.) Да, я знаю. (Встает.) Я знаю, о чем ты мечтаешь.

ПОМПЕЙ. Это несложно было узнать.

ДЬЯВОЛ. Но ты не знаешь, как достичь своих желаний. Невозможно овладеть Клеопатрой, надеясь лишь на поддержку своих немногочисленных сторонников.

ПОМПЕЙ. Не болтай лишнего! Голову снесу! (Хватается за меч.)

ДЬЯВОЛ (вкрадчиво). Этим ты ничего не добьешься, но если возьмешь себя в руки, я подскажу тебе, как завладеть Клеопатрой и добиться вечной жизни. В древнем предании говорится, что, завладев самой красивой из женщин, великой царицей Клеопатрой, можно добиться вечной жизни. Но для этого нужно, чтобы она тебя полюбила. А чтобы она тебя полюбила, ты должен бросить к ее ногам голову ее главного соперника за престол. Клеопатра сама хочет лишиться его головы, но чужими руками. Ты избранный.

ПОМПЕЙ (глаза красные, как у быка). Кто он?

ДЬЯВОЛ. Маленький ребенок. (Ходит вокруг Помпея.) Птолемей!

ПОМПЕЙ (хватается за меч). Я вмиг отсеку ему голову.

ДЬЯВОЛ. Тогда иди, он на башне.

Помпей уходит.

ДЬЯВОЛ (хлопает в ладоши, потирает руки). А теперь посмотрим, как уважаемая История предотвратит это. До сих пор никто не хочет верить в то, что я корректирую историю. А вы всегда проклинаете меня. В своей священной книге часто упоминаете мое имя, ругаете меня, когда ваши дела идут плохо. А вы не думали, что я отомщу вам за это? До свидания. Но я не уйду далеко, я буду вместе с вами следить за происходящим и иногда по долгу службы вмешиваться в события.

Уходит.

Темнеет.

4-я картина

На сцене появляется История.

ИСТОРИЯ. Я не смог остановить Помпея, и он отрубил голову невинному ребенку. Башня осталась без предводителя и сдалась врагам. Может, малыш и был виноват, ведь он любил играть с короной своей сестры, хвастал ею, считал себя гордостью страны. У него был магический голос. И это не нравилось Клеопатре.

История уходит. Появляется Сара. Круг освещается. Клеопатра на троне.

САРА. Пришел Помпей, царица!

КЛЕОПАТРА. Помпей?!

САРА. Да, Клеопатра. Он принес тебе подарок.

КЛЕОПАТРА. Впусти его!

Трубят в рог. Появляется Помпей, не входя в круг, он приветствует Клеопатру.

ПОМПЕЙ. Да здравствует Царица цариц!

КЛЕОПАТРА. Чем обязана вашему визиту, великий Помпей?

ПОМПЕЙ. Я пришел сюда не милостынню просить, меня привело сюда совсем другое дело.

КЛЕОПАТРА (иронически). Интересно! Какое дело может быть у неудачливого полководца?

ПОМПЕЙ (разъярен, как бык). Как знать, Клеопатра!

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). Возьми себя в руки, великий Помпей !

ПОМПЕЙ (успокаивается, кладет руку на грудь, садится на одно колено). Я хочу оберегать тебя, Клеопатра. Клянусь мечом, моя цель – убереечь престол от опасности.

КЛЕОПАТРА (иронически). Странно. И как же ты собираешься это сделать?

Помпей бросает мешок к ногам Клеопатры.

КЛЕОПАТРА (с насмешкой). Великий Помпей хочет оберегать мой престол при помощи мешка золота?

ПОМПЕЙ (гордо). Содержимое этого мешка дороже золота.

КЛЕОПАТРА (обращаясь к Саре). Развяжи мешок!

Сара развязывает мешок и вскрикивает.

Клеопатра смотрит в мешок и тоже кричит.

КЛЕОПАТРА. Птолемей, мой брат?! По какому праву ты убил его?

ПОМПЕЙ. Он был угрозой твоему престолу.

КЛЕОПАТРА. Но я не хотела его убивать.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). Хотела, Клеопатра!

КЛЕОПАТРА (громко). Нет! (И потом тише.) Я лишь иногда сердилась на него. А в душе я хотела, чтобы он утонул в Мертвом море. А этот (указывает на Помпея) жестоко убил его.

ПОМПЕЙ. Он даже не почувствовал боли.

КЛЕОПАТРА (успокоившись). Не почувствовал? О Боги, вы ведь знаете, что в этом нет моей вины. (Пауза.) А что ты хочешь, Помпей?

ПОМПЕЙ. То, что я вам скажу, должны слышать только вы, царица.

Клеопатра хлопает в ладоши. Сара уходит. Дьявол исчезает.

КЛЕОПАТРА. Я слушаю тебя, Помпей.

ПОМПЕЙ. Я люблю тебя, царица. Путь к вечной жизни лежит через наш союз.

КЛЕОПАТРА. Значит, ты убил его ради своей похоти?

ПОМПЕЙ. Ты ведь тоже этого хотела, Клеопатра.

Хочет зайти в круг.

КЛЕОПАТРА. Стой!

Помпей подходит еще ближе.

КЛЕОПАТРА. Стражники!

Входят стражники. Помпей вытаскивает меч, накидывается на них.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). Не торопись, Помпей, это должно произойти лишь с согласия Клеопатры.

Помпей останавливается. Вкладывает меч в ножны и,
по-бычьему мыча, уходит со сцены.

Темнеет.

5-я картина

На сцене появляется История.

ИСТОРИЯ. Уйдя от Клеопатры, Помпей пришел к Дьяволу, желая заколоть его.

Глубина сцены освещается. Помпей и Дьявол.

ПОМПЕЙ (разгневан, вытащил меч из ножен). Мерзавец, ты обманул меня!

ДЬЯВОЛ (ехидно). Возьми себя в руки, Великий Помпей. Мертвому я не смогу тебе помочь. Я сказал тебе правду. Просто забыл про одну важную вещь.

ПОМПЕЙ. Какую?

ДЬЯВОЛ. Когда в четырнадцатую ночь на небе появится луна, ты должен войти в ее спальню. Так говорится в древнем предании.

ПОМПЕЙ. Это невозможно! Вход во дворец строго охраняется.

ДЬЯВОЛ. Отважный Помпей не сможет проникнуть во дворец? Я не верю! Но это можно уладить. Я усыплю охранников. Поверь мне, Помпей, Клеопатра с нетерпением ждет тебя. Она видит тебя в своих снах.

ПОМПЕЙ. Она сама тебе сказала об этом?

ДЬЯВОЛ. Сказала или не сказала, какая разница? Главное, что я читаю ее мысли. Ну, давай же, Великий Помпей, Клеопатра ждет тебя в своей спальне.

Темнеет.

ИСТОРИЯ. Я неоднократно предупреждал Клеопатру, чтобы она не двигалась со своего места. Но она не послушалась меня и, как всегда, пошла спать, чтобы видеть сладкие сны.

Задняя часть сцены освещается. Клеопатра спит на своем ложе. Лунный свет. Помпей устало входит в апартаменты Клеопатры и встает у нее в изголовье.

КЛЕОПАТРА (сонно). Ах, это ты?! Я так ждала тебя, мой принц!

Помпей ложится рядом с ней.

Клеопатра гладит его лицо и вдруг, проснувшись, вскрикивает.

КЛЕОПАТРА. Это ты? Ах, мерзкий бык! У моего принца волосы не жесткие, как у тебя. Твой мерзкий запах изо рта я почувствовала даже во сне. Исчезни! (Помпей насильно пытается обнять ее. Клеопатра сопротивляется.) Мерзкий подонок! Сара! Сара! Стража!

Слышны шаги и голоса стражников. Помпей выпрыгивает из окна и убегает. Входит Сара и стражники. Сара бросается к Клеопатре.

САРА. Что с тобой, Богиня красоты?

КЛЕОПАТРА (ее волосы растрепаны). Он приходил.

САРА. Кто? Снова принц на белом коне?!

КЛЕОПАТРА (отрицательно качает головой). Нет! Этот мерзкий бык!

САРА. Помпей?!

КЛЕОПАТРА (утвердительно кивает). Он хотел изнасиловать меня. Свою животную похоть... (Плачет.) Они все такие? Когда он убил моего брата, это не так сильно рассердило меня, как сейчас...

ИСТОРИЯ. В эту минуту в сердце Клеопатры родилось одно чувство.

КЛЕОПАТРА. Мечь! Нужно отомстить всем мужчинам! Нужно поднять их друг против друга! Этим миром должны править только женщины.

САРА (хочет возразить). Возьми себя в руки, царица!

КЛЕОПАТРА. Смерть Помпею! Смерть всем мужчинам! (Клеопатра не в себе, кричит на стражников.) Исчезните!

Стражники торопливо уходят.

САРА (гладит голову Клеопатры). Богине красоты нельзя так нервничать!

КЛЕОПАТРА (плаксиво). Люций! Где он?

САРА. Септимий Люций? Твой двоюродный брат?

КЛЕОПАТРА. Да он! Он любил меня. Сходил с ума по мне. Позови его сюда. У меня есть к нему дело.

САРА (кланяется). А ты поспи, Клеопатра. Я не оставлю тебя одну. Утром вызовем сюда Люция. А теперь спи, дорогая.

Сара садится рядом с Клеопатрой.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса смотрит на зрителей). Женщины похожи на меня. В ярости очень свирепы.

Темнеет.

6-я картина

ИСТОРИЯ. Итак, Люция, сходящего с ума от любви к Клеопатре, вызвали во дворец. Упрямый, но мягкосердечный Люций. А незадолго до этого к нему пришел Дьявол, боявшийся гнева Помпея.

Глубина сцены сцены освещается. Дом Люция.

Он пьян, спит на кровати. У него тонкая борода.

Появляется Дьявол.

ДЬЯВОЛ. Да здравствует великий Люций!

Люций приоткрывает глаза. Он думает, что видит сон, и рукой отгоняет Дьявола.

ЛЮЦИЙ. Исчезни, Лукавый!

ДЬЯВОЛ. Гнать того, кто принес тебе добрую весть, да еще и называть его Лукавым! Это может разозлить Богов, Люций!

ЛЮЦИЙ (встает). Кто ты?

ДЬЯВОЛ. Я же сказал, что принес тебе добрую весть.

ЛЮЦИЙ. В последнее время я не верю добрым вестям. У нас принято гонцов с добрыми вестями сбрасывать с горы на съедение волкам.

ДЬЯВОЛ. Я хотел поговорить о Клеопатре. Но если ты не хочешь, я, пожалуй, пойду. (Хочет уйти.)

ЛЮЦИЙ (оживившись). О Клеопатре?

ДЬЯВОЛ. Ты же не веришь добрым вестям.

ЛЮЦИЙ. Нет, постой. (Дьявол не двигается с места). Это она тебя послала?

ДЬЯВОЛ. Нет, я пришел сюда по собственной воле. Просто я люблю вовремя предупреждать друзей.

ЛЮЦИЙ. Я слушаю тебя.

ДЬЯВОЛ. Клеопатра завтра с утра пошлет к тебе человека.

ЛЮЦИЙ. Откуда ты знаешь об этом?

ДЬЯВОЛ (смеется). Великим полководцам не пристало задавать такие наивные вопросы. До сих пор я думал, что Помпей избран Богами. Но оказалось, что это не так. Ведь он не верит в них.

ЛЮЦИЙ. А Клеопатра?

ДЬЯВОЛ. Клеопатра не любит его. (На недоверчивый взгляд Люция.) Я сам видел... Ты – избранный. Так гласит древнее предание. Человек, завладевший Царицей цариц, Богиней красоты, получит в награду вечную жизнь. И этот человек должен быть из царской семьи. Я три раза видел этот сон. (К зрителям.) На самом деле я давно не вижу снов, так как не сплю по долгу службы.

ЛЮЦИЙ. Не говори глупостей, а то тебя повесят.

ДЬЯВОЛ. Ради друга я готов и умереть. Но я говорю правду. Если бы она не любила тебя, то не посылала бы за тобой человека.

ЛЮЦИЙ. А если тот человек не придет?

ДЬЯВОЛ. Я дам голову на отсечение, если он не придет... (Наклоняет голову.) Ладно, я уйду.

ЛЮЦИЙ. Постой. Расскажи, что это был за сон?

ДЬЯВОЛ. Ты же не веришь в сны!

ЛЮЦИЙ. Во всяком случае, это интересно.

ДЬЯВОЛ. Я видел, как ты вместе с Клеопатрой на белой божественной колесницеходишь в столицу. Небо излучает яркий свет. Клеопатра дает тебе яблоко, и все громко кричат: «Да здравствует бессмертная чета – Царь и Царица!»

ЛЮЦИЙ. Ты трижды видел этот сон?

ДЬЯВОЛ. Да, трижды.

ЛЮЦИЙ. Три у нас считается священной цифрой.

ДЬЯВОЛ. Твои приметы являются подтверждением моего сна. У избранника Клеопатры была тонкая, как у тебя, борода, и ветер сплетал ваши волосы.

Люций гладит бороду. В это время стучат в дверь.

ДЬЯВОЛ. Начинает светать. Боги не должны меня видеть. (Исчезает.)

Входит Сара.

ЛЮЦИЙ (радостно). О, Сара, няня Богини красоты, Царицы цариц, добро пожаловать!

САРА. У нас мало времени, Клеопатра ждет тебя.

Люций смотрит на зрителей, радостно уходит со сцены.

Темнеет.

7-я картина

Клеопатра сидит на троне. Входит Сара.

САРА. Он пришел, Клеопатра.

КЛЕОПАТРА. Впусти его.

Сара уходит. Входит Люций. На его лице нет и следа от вчерашней попойки.

У него торжественный вид.

ЛЮЦИЙ. Приветствую тебя, Царица цариц, Богиня красоты. Я к твоим услугам.

КЛЕОПАТРА (ласково). Подойди ближе, Люций. (Люций входит в круг.) Ты прекрасно знаешь, что без моего позволения никто не может приблизиться ко мне.

ЛЮЦИЙ. Это так, прекрасная Клеопатра.

КЛЕОПАТРА. Я хотела поговорить о Помпее...

ЛЮЦИЙ. Насколько я слышал, вы его очень торжественно встретили, царица.

КЛЕОПАТРА. Может, и встретила бы, но... (Люций смотрит на нее непонимающе.) Но он оказался еще более мерзким, чем я думала. Сейчас он меня не волнует. Я хочу рассказать тебе о своем сне.

ЛЮЦИЙ. Сон? Странно...

КЛЕОПАТРА. Да, это был странный сон... Я видела, что мы, то есть ты и я – под покровительством Богов...

ЛЮЦИЙ (радостно). Входим в столичные ворота...

КЛЕОПАТРА (привстав). Люди нас радостно встречают. Все кричат: «Дарители вечной жизни!».

ЛЮЦИЙ. Наши волосы сплелись, как вечная неразлучная сила...

КЛЕОПАТРА (радостно). Да, верно... Откуда ты знаешь это?

ЛЮЦИЙ. Я тоже видел этот сон. (Клеопатра подходит к нему ближе.)

КЛЕОПАТРА. Вначале я думала, что это лишь совпадение. Но я видела этот сон три раза подряд и поняла, что это судьба.

ЛЮЦИЙ (подходит к ней еще ближе). Клеопатра, дорогая! (хочет обнять ее)...

КЛЕОПАТРА (рукой останавливает его). Еще не время.

ЛЮЦИЙ. Почему же? Мы ведь избранные, и мы любим друг друга.

КЛЕОПАТРА. Да, это правда. Но сначала ты должен поклясться.

ЛЮЦИЙ. Приказывай, моя повелительница!

КЛЕОПАТРА. Поклянись при Саре и стражниках! И при нем (указывает на Историю и зовет Сару). Сара! Пусть стражники тоже придут. (Входят Сара и стражники.) Поклянись, что пока не отомстишь за меня, не будешь упоминать о браке и не войдешь ни в этот круг, ни в мою спальню.

ЛЮЦИЙ. Клянусь, Клеопатра!

КЛЕОПАТРА. Поклянись как следует!

ЛЮЦИЙ (становится на колени, поднимает правую руку). Клянусь Божественным Повелителем, я выполняю все твои приказания и не прикаснусь к тебе, пока не отомщу.

КЛЕОПАТРА. В противном случае, пусть копья этих стражников пригвоздят меня к воротам дворца!

ЛЮЦИЙ. В противном случае, пусть копья этих стражников пригвоздят меня к воротам дворца!

ВСЕ. Аминь!

КЛЕОПАТРА (надменно, гордо и немного ожесточенно). Я хочу голову Помпея. Голову этого мерзкого быка, хотевшего изнасиловать меня.

ЛЮЦИЙ (в замешательстве). Но...царица...я ...не могу нарушать закон...без суда и следствия...Боги могут разгневаться.

КЛЕОПАТРА. Ты поклялся, Люций! Будь верен своей клятве! А теперь можешь идти. Мы отметим это событие красным вином.

ЛЮЦИЙ (в замешательстве). Клеопатра, я...

КЛЕОПАТРА. Стражники, пригвоздите его к дверям! (Стражники поднимают копья и подходят к Люцию). Будь верен своей клятве, Люций!

Люций убегает со сцены.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса, обращаясь к зрителям). Ну что, не верите? Не верите, что воин с душой поэта мог так легко обмануться? Не забывайте, что он поклялся Клеопатре, завораживающей мужчин.

ИСТОРИЯ. К сожалению, все было так.

Темнеет.

8-я картина

ИСТОРИЯ. Септимий Люций искал Помпея, а Помпей искал одурачившего его Дьявола.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). Я всегда был у него за спиной, но он ни разу не оглянулся, чтобы увидеть меня.

ИСТОРИЯ. Септимий Люций нашел его спящим. Помпей изменился, похудел. Он был не опасен.

Глубина сцены освещается. Люций стоит над головой спящего Помпея.

Помпей встревожен. Часто стонет. Сердце Люция смягчилось. Он не хочет убивать Помпея. В эту минуту к нему подходит Дьявол.

ДЬЯВОЛ. Убей его, пока не поздно!

ЛЮЦИЙ. Я не могу.

ДЬЯВОЛ. Ты поклялся. Чтобы завладеть сердцем Богини красоты и добиться вечной жизни, ты должен выполнить обещание! (Люций в замешательстве.) Ну же, давай, вонзи меч ему прямо в сердце. Вспомни прекрасный лик Клеопатры. Если ты не сделаешь этого, то больше никогда не увидишь ее. (Люций вытаскивает меч, он словно заколдован.) Ну же, вонзи его! (Люций вонзает меч в сердце Помпея.)

Глубина сцены темнеет.

ИСТОРИЯ. Помпей обезумевшими от ужаса глазами посмотрел на Люция и испустил дух. Люций не хотел его убивать, но любовь к Клеопатре и настойчивость дьявола заставили его сделать это. Люций плакал.

Люций плачет.

Темнеет.

9-я картина

Клеопатра лежит на своем ложе. Наложницы делают ей массаж.

Входит Сара.

САРА. Септимий Люций пришел, Клеопатра.

КЛЕОПАТРА (привстав). Пусть войдет.

Входит Люций.

ЛЮЦИЙ. Да здравствует Царица цариц, Богиня красоты!

Клеопатра встает с постели. Она в нижнем белье.

Люций кидает мешок к её ногам.

ЛЮЦИЙ. Я пришел, любимая! Его больше нет. Больше этот мерзкий бык не притронется к тебе, он повержен.

Клеопатра подходит к Люцию и берет его за руки.

КЛЕОПАТРА. Ах, дорогой Септимий!

ЛЮЦИЙ. Я сделал все, что ты велела, Клеопатра.

Хочет ее поцеловать. Клеопатра оказывает сопротивление.

ЛЮЦИЙ (непонимающе). Что случилось?

КЛЕОПАТРА (сдержанно и хладнокровно). Ты торопишься, Люций, и это мне не нравится.

ЛЮЦИЙ. Это потому, что я люблю тебя, Клеопатра.

КЛЕОПАТРА. Ты нарушил законы, Люций. Ты убил человека и запачкал руки кровью. Ты заслужил ярость Богов, ты преступник!

ЛЮЦИЙ (недоумевая). Я сделал все это ради тебя, Клеопатра.

КЛЕОПАТРА. Значит, ради меня ты готов нарушать законы, убивать людей?

ЛЮЦИЙ (в замешательстве). Я не понимаю тебя, Клеопатра. Этот мерзкий бык разгневал тебя, причинил боль, твой разум...

КЛЕОПАТРА. Ты хочешь сказать, что у меня помрачился разум...причинил боль, говоришь!? Ну, тогда вылечи мое сердце, возьми мою боль! (Люций смотрит на нее недоумевающе.) Ступай, Люций, отнеси это Цезарю. Пусть он увидит отсеченную голову своего врага. (Задумчиво.) Цезарь долго оберегал меня. Я не забыла его доброту. Теперь мы будем в расчете. А потом... (Пауза...Она задумывается.) Ступай, Люций, беги, отнеси это Цезарю. Ты не до конца выполнил свою миссию. (Люций не двигается с места.) Люций, ты поклялся при свидетелях. Если не исполнишь моего желания, то никогда не сможешь овладеть мною. Пока жив Цезарь, ты не сможешь овладеть мною. Не так ли, Сара? (Сара утвердительно кивает. Клеопатра, обращаясь к Люцию.) Мне позвать стражников? Глупец! Цезарь наградит тебя за этот дар. Я уверена в этом. Он не забывает хорошее. Пусть назначит тебя на какую-нибудь должность. (Кричит.) Ну же, ступай! Что стоишь?!

Люций торопливо покидает сцену.

КЛЕОПАТРА (наложницам). Вы тоже исчезните! Что встали, как вкопанные?! (Наложницы торопливо уходят. Саре.) Они все одного поля ягоды. Думают лишь о том, как утолить свою страсть. А потом готовы выбросить тебя на улицу, как безнравственную женщину. Иди, Сара, задвинь занавес. Я хочу уснуть, чтобы снова увидеть моего принца на белом коне. Он чем-то похож на Цезаря, но намного моложе его... Пусть они тоже уйдут (показывает на зрителей), а потом придут.

Сара задвигает занавес.

Конец первой части

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Занавес поднимается. На сцене появляется История.

ИСТОРИЯ. Цезарь постарел. Сейчас сидит в своей келье и размышляет над тем, что происходит в его

стране. Когда-то процветающая страна теперь превратилась в арену борьбы и политического соперничества. Народ с нетерпением ждет возвращения Цезаря.

ГОЛОС НАРОДА. Да здравствует Цезарь! Да здравствует справедливый повелитель!

История уходит. Задняя часть сцены освещается. Цезарь стоит перед окном.

Входит Брут.

БРУТ (поклонившись). Цезарь, пришел Септимий Люций, он хочет тебе что-то сказать.

ЦЕЗАРЬ (повернувшись к Бруту, пытается вспомнить). Септимий Люций – воин с душой поэта. Когда-то я вытащил его из темницы...

БРУТ. Да, верно, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ. Пусть войдет.

Входит Люций. Кланяется.

ЛЮЦИЙ. Да здравствует великий Цезарь!

ЦЕЗАРЬ (задумчиво). Великий Цезарь?!

ЛЮЦИЙ. Я принес тебе дар от Клеопатры.

ЦЕЗАРЬ (удивленно). Дар?!

ЛЮЦИЙ (поклонившись). Голову Помпея!

ЦЕЗАРЬ. Голову Помпея?! Клеопатра не решилась бы на такое.

ЛЮЦИЙ. Это правда, Цезарь, я отсек ему голову. Клеопатра жаждала мести.

ЦЕЗАРЬ. Почему?

ЛЮЦИЙ. Потому что он был моим... точнее, твоим соперником.

ЦЕЗАРЬ. Значит, ты и мою голову мог бы с легкостью отсечь? Ведь я соперник Помпея.

ЛЮЦИЙ. Я не это хотел сказать, Цезарь!

ЦЕЗАРЬ. Бедный Помпей, мы с ним долгое время воевали вместе, и именно с моего благословения он все эти годы правил страной. Я и подумать не мог, что его ждал такой конец.

ЛЮЦИЙ. Между нами, Цезарь, в свое время и ты многих людей наказывал.

Цезарь многозначительно смотрит на Люция,
а тот напряженно ждет, что скажет повелитель.

ЦЕЗАРЬ. Как во всякой ненависти есть любовь, так и во всякой любви должна быть жестокость. Правитель делает это для того, чтобы держать народ в узде. Когда предательство, ложь и подлость остаются безнаказанными, общество превращается в стадо животных, пожирающих друг друга.

ЛЮЦИЙ. Я надеюсь на твое милосердие, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ. Ступай, Люций, и заberi с собой свой дар, он мне не нужен. Я не могу опуститься до мести. Сейчас в моей душе нет ни к кому презрения.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). Кроме меня.

ЛЮЦИЙ. Цезарь, я...

ЦЕЗАРЬ. Я сказал, можешь идти. Я сам позову тебя, когда понадобится.

ЛЮЦИЙ. Ты справедлив и мудр, Цезарь.

Уходит.

БРУТ. Ты его отпустил, Цезарь. Он же твой враг!

ЦЕЗАРЬ. Жизнь без врага не стоит и гроша, Брут.

Темнеет.

10-я картина

Клеопатра на троне. Входит Люций.

ЛЮЦИЙ. Прости, царица, что я вошел в твои покои без разрешения.

КЛЕОПАТРА. Дорогой мой кузен, я горю от нетерпения услышать новость, с которой ты пожаловал ко мне.

ЛЮЦИЙ. Это неприятная весть, царица. Цезарь отказался от моего дара. Я не увидел в его глазах ни любви, ни ненависти к власти.

КЛЕОПАТРА. Цезарь постарел?!

ЛЮЦИЙ. В его взгляде были забота и обеспокоенность, царица.

КЛЕОПАТРА. Это признак мудрости, Люций. Жаль, что в тебе этого нет.

ЛЮЦИЙ. Прости за дерзость, Богиня красоты, но ты дала мне слово.

КЛЕОПАТРА. Значит, Цезарь отказался от дара и не спешит прибыть в столицу.

ЛЮЦИЙ. Да, это так, царица.

КЛЕОПАТРА. Тогда нужно подразнить Цезаря. Следует обратиться к Судьбе.

Вбегает Сара.

КЛЕОПАТРА. Что случилось?

САРА. С юга пришли плохие вести, царица. Сириус, которого ты назначила главным военным командующим, поднял бунт и приближается к столице.

Клеопатра многозначительно смотрит на Люция.

КЛЕОПАТРА (обращаясь к Люцию). Ты говоришь, что любишь меня, Люций.

ЛЮЦИЙ (поклонившись). Да, царица, люблю всем сердцем.

КЛЕОПАТРА. Я выйду за тебя только при одном условии.

ЛЮЦИЙ. Приказывай, царица.

КЛЕОПАТРА. Усмири этого подлеца.

ЛЮЦИЙ. Я готов головой рискнуть, царица! Но...

КЛЕОПАТРА. Без но...

ЛЮЦИЙ. Ты часто меняешь свои решения, Клеопатра.

КЛЕОПАТРА. Решения для того, чтобы их менять. Но в этот раз ты можешь быть спокоен, Люций. Ну же, ступай, времени мало...

Люций, поклонившись, уходит.

САРА (взволнованно и одновременно удивленно). Это правда, царица? Я говорю о браке.

КЛЕОПАТРА (спокойно). Надо выиграть время, Сара. Сейчас нам это очень нужно.

Темнеет.

11-я картина

Клеопатра сидит на троне. Входит Сара, она очень взволнована.

САРА. Он сбежал, Клеопатра. Бунтари приближаются к столице.

КЛЕОПАТРА (спокойно). Сбежал? (Сара утвердительно кивает головой. Клеопатра встает и начинает ходить.) Его любовь не длилась и года. Он не смог оберегать меня. Сара, по-твоему, стоит ли из-за этого горевать? (Сара отрицательно качает головой.)

Пауза.

САРА. Его последними словами были: пусть придет Цезарь, с ними может справиться только он. А я вернусь позже. На все нужно время. Цезарь уже стар, ему немного осталось.

КЛЕОПАТРА (Саре). Скажи сенаторам, чтобы приготовились. Мы отправляемся в путь.

САРА. Ты приняла мудрое решение, моя Клеопатра.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). На самом деле данное решение принял я. Я должен доказать, что у каждого в душе живет жажда власти.

Темнеет.

12-я картина

ИСТОРИЯ. Итак, Септимий Люций сбежал. А до тех пор ему ни разу не удалось войти в покои Клеопатры. Ему не хватило смелости. Но он по-прежнему хотел воссоединиться с Клеопатрой и думал, что после того, как старик Цезарь устранит воинов, представляющих опасность для трона, одержать над ним победу будет нетрудно. А в столице ситуация была настолько напряженной, что Клеопатра вынуждена была вызвать туда Цезаря. Но гордый и надменный Цезарь предоставил все воле Богов. Наконец Боги позволили Цезарю прибыть в столицу, но лишь после того, как к нему пришла Клеопатра с несколькими сенаторами, которые в свое время предали Цезаря.

История уходит. Задняя часть сцены освещается. Цезарь, как всегда, стоит перед окном. Входит Брут. Он взволнован.

БРУТ. Она пришла к тебе, Цезарь! (Цезарь вопрошающе смотрит на Брута.) Клеопатра!

ЦЕЗАРЬ (спокойно). Клеопатра?

Брут утвердительно кивает.

БРУТ. Я хочу еще кое-что сказать тебе, Цезарь, но боюсь.

ЦЕЗАРЬ. Не боятся только глупцы и мертвецы.

БРУТ. Они вместе с Клеопатрой. (Пауза. Цезарь терпеливо ждет.) Сенаторы. Они когда-то предали тебя.

ЦЕЗАРЬ (иронически). Хотят замолить свои грехи? (Пауза. Суровым и торжественным голосом.) Пусть войдут!

Звуки барабанов. Клеопатра в роскошном одеянии, в сопровождении четырех сенаторов появляется на сцене. Она на паланкине. Паланкин держат сами сенаторы. Клеопатра держится гордо и спокойно.

ДЬЯВОЛ (из-за занавеса). Прекрасна, как солнце, спустившееся с небес на землю. Здесь я бессилен. Я готов преклониться перед ее красотой. А если бы пожелала, я отдал бы за нее жизнь. Чтобы не опозориться и не изменить своим убеждениям, я вынужден прикрыть лицо. (Прикрывает лицо руками.) Если бы я завидовал людям!... Но я завидую лишь Богам... (Уходит.)

Сенаторы опускают паланкин на землю. Клеопатра встает и нерешительно подходит к Цезарю. Цезарь, величественно стоя, смотрит на нее. Внезапно Клеопатра падает перед ним на колени.

КЛЕОПАТРА. Ах, Цезарь!

ЦЕЗАРЬ (строго). Встань, Клеопатра! Я ненавижу женские слезы, умиляющие мужчин!

КЛЕОПАТРА. Цезарь, клянусь землей и небесами, я долго ждала тебя, но ты отказался от меня. Мне даже сказали, что ты умер (Плачет.) Клянусь Богами, Цезарь, они как грязные животные. Они думают лишь о том, как утолить свою страсть. Они должны знать, что не каждый справится с такой силой, как я. Они думают, что женщина – лишь объект вожделения мужчин. Овладел ею, и кончено. Но ты не такой, мой Цезарь. Ты меня хорошо понимаешь. Я тебя знаю с детства.

ЦЕЗАРЬ (немного смягчившись). Встань!

Клеопатра перестает плакать, чуть приподнимает голову и молящим взглядом смотрит на Цезаря. Долгая пауза. Они словно после долгой разлуки хотят вдоволь насмотреться друг на друга.

КЛЕОПАТРА. Я не вправе ставить условия, Цезарь. Но я вынуждена это сделать. Я встану лишь, если ты вернешься в столицу.

СЕНАТОРЫ (в один голос). Просим тебя, Цезарь!

Цезарь поднимает Клеопатру. Смотрит на нее. Клеопатра берет его под руку. Торжественным шагом, под лозунги «Да здравствует великий Цезарь!»,

они входят в круг.

Темнеет.

13-я картина

ИСТОРИЯ. Вернувшись в столицу, Цезарь усмирил бунтарей, но не стал их наказывать, не забывая при этом об осторожности. Он знал, что люди не умеют ценить доброту. Эту ночь он не спал до утра. О чем он думал, сказать трудно. Наверное, о судьбе этого прогнившего государства.

Задний план освещен. Цезарь сидит на троне. Он о чем-то думает.

На сцене появляется Брут и, не заходя в круг, кланяется.

БРУТ. У тебя красные глаза, Цезарь. Кажется, ты не спал. Мне сказали, что у тебя до утра горел свет. Но не стоит волноваться, Цезарь, мы усилили охрану.

ЦЕЗАРЬ. Подойди ближе, Брут (Брут подходит к нему. Пауза.) Труссы всегда боятся опасности. Ты очень боишься смерти?

БРУТ. Ради тебя...

ЦЕЗАРЬ (встает). Я имею в виду твои убеждения. (Брут молчит.) Почему-то мне показалось, что я не должен спать эту ночь. В комнате было душно. (Пауза.) Я не боюсь смерти, я смогу посмотреть ей в глаза. Но я говорю о другом. Смерть помогает лучше понять жизнь, ценить жизни других людей.

Звуки труб.

БРУТ. Звуки труб указывают на то, что нам пора отправляться в путь, Цезарь. (Цезарь вопрошающе смотрит на Брута, не понимая, куда они должны идти.) Сегодня слушания в Сенате. Ты должен пойти туда, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ. Слушания? (Пауза.) А что за слушания? (Строго.) Они хотят услышать о своем предательстве?!

БРУТ (нерешительно). Они интересуются, какими званиями ты их наградишь.

ЦЕЗАРЬ (задумчиво). Звания? (Пауза.) Звания?! По-твоему, они достойны их?

БРУТ. Это ты решаешь, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ (немного сурово). Все решает Он. (Указывает в небо.)

БРУТ. А ты его Пророк.

ЦЕЗАРЬ. У Творца лишь один Пророк.

БРУТ. Я хотел сказать, что ты повелеваешь от его имени.

ЦЕЗАРЬ. Я принимаю решения по воле Божьей и по желанию своего народа. Но иногда народ сам не знает, чего хочет (указывает на зрителей.). Надо распустить Сенат, потому что там сидят не политики, а торгаши.

БРУТ (настороженно). Они могут разгневаться, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ (иронически). Разгневаться? (Пауза.) Разгневаться можно на врага... (расхаживает) если они считают меня врагом, это самое слабое оружие.

БРУТ. Я хочу сказать...

ЦЕЗАРЬ (поднимает руку и резко прерывает его). Хватит! Выступать против тех, кто борется за власть и славу, невежественно, Брут!

БРУТ. Ты справедлив и великодушен, Цезарь!

ЦЕЗАРЬ. Быть великодушным к предателям и изменникам?! Мы с тобой часто говорили об этом дне, помнишь?

БРУТ. Как я могу забыть твои слова, Цезарь?

ЦЕЗАРЬ. Тогда скажи: какое наказание ждет рабов, восставших против своего хозяина, убивших своего повелителя?

БРУТ (тихо). Смерть, Цезарь! Смерть.

ЦЕЗАРЬ. Не слышу.

БРУТ (осмелев). Смерть, Цезарь.

Долгая пауза.

Цезарь начинает расхаживать.

ЦЕЗАРЬ. Смерть! На твоём месте любой ответил бы так же. Все думают о вероятных вещах, а я стараюсь делать невозможное. (Пауза.) Если я проявлю великодушие и не накажу их, народ обидится на меня. А если я накажу их, как того требует закон, это не понравится Творцу... Ведь и награду, и наказание посылает Он. (Пауза.) Я их... (Пауза. Многозначительно смотрит на Брута, строго.) Призываю к исповеди. (Громко.) К исповеди, Брут! Слышишь, к исповеди!

БРУТ (испуганно). Народ может не понять твоего великодушия, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ. Бог все видит. (Пауза.) Народ рано или поздно поймет меня. Ведь все происходит у них на глазах. (Указывает на зрителей.) Народ любит не беспощадного, а сильного и справедливого повелителя. (Пауза. Громко.) Пока я правлю этой страной, здесь будет царить любовь, а не страх! Пусть слышат все! Человек должен направлять силу на любовь, а не на ненависть!

БРУТ (нерешительно). А Сенат?

Цезарь не отвечает, осуждающе смотрит на Брута.

Круг темнеет. Входит Дьявол.

ДЬЯВОЛ (хлопает в ладоши). Вот это настоящая суматоха. События теперь будут развиваться еще напряженной. Цезаря еще многое ждет впереди...

ИСТОРИЯ. Жаль, что люди никогда не прислушивались к истории. Они думали, что могут творить историю по своему желанию.

Круг освещается. Знакомые нам сенаторы. Они что-то горячо обсуждают. Дьявол делает реверанс зрителям и удаляется за занавес.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОР. Его слава растет день ото дня. Он умнее, чем мы думали. Он хочет распустить Сенат.

ВТОРОЙ СЕНАТОР. Я ненавижу его потому, что он знает, чего хочет.

ТРЕТИЙ СЕНАТОР. Он должен считаться с нами. Лучший способ показать свое недовольство – взяться за оружие.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОР (презрительно). Ждать равноценно смерти.

ПЕРВЫЙ СЕНАТОР. Он должен уйти!

ВТОРОЙ СЕНАТОР (от злости кусает губы). Надо что-то делать. Смысл жизни в мести.

ТРЕТИЙ СЕНАТОР. Надо предупредить людей, чтобы двинули войска с фронта.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕНАТОР. Повторяю: ждать равноценно смерти!

Темнеет.

14-я картина

Цезарь перед окном. Входит Брут. Он очень взволнован.

БРУТ. Они тебя предали, Цезарь! (Потерянно.) Они отозвали войска с фронта. Враг атакует со всех сторон.

ЦЕЗАРЬ (все так же сдержанно). Я ждал этого. Не стоит искать прекрасный цветок в гниющем саду, Брут. Это удел романтиков. Я никогда не доверял им. (Громко.) Тот, кто однажды предал свой народ и своего правителя, сделает это еще раз.

БРУТ. Ты прав, Цезарь. В священных книгах говорится... (Продолжение не слышно.)

ДЬЯВОЛ (со стороны). На свою священную книгу не очень-то надейтесь. Некоторые ее главы я сам лично исправлял.

ЦЕЗАРЬ. Дьявол завладел душами противников, они при вас говорят одно, а за спиной – другое. Они двуличные шарлатаны... (Обращаясь к Бруту.) Ты боишься Дьявола, Брут?

БРУТ. Будь он проклят!

ДЬЯВОЛ (обращаясь к зрителям). Вот видите! Я же говорил: когда у вас что-то не так, вы тотчас проклинаете меня!

ЦЕЗАРЬ (словно не слышит его). Они клянутся и грешат, грешат и опять клянутся!

БРУТ. Ты прав, мудрый Цезарь.

ЦЕЗАРЬ. Перенесите лагерь за город. Нам лучше быть ближе к фронту. Я сам встану во главе войска. Пусть принесут мои доспехи.

Темнеет.

15-я картина

Цезарь задумчиво ходит по кругу. Входит Брут.

БРУТ (взволнованно). На юге страны они готовят бунт, Цезарь. Ты помнишь, как наказал группу воинов за то, что они сбежали, бросив фронт.

ЦЕЗАРЬ (останавливается). Наказание – это страшное слово, Брут. Я всего лишь призвал их вернуться на правильный путь. Когда люди не могут усмирить свои чувства, они прибегают к оружию. Это признак слабости.

БРУТ. Им сказали, что ты тяжело болен.

ЦЕЗАРЬ. Клевета – страшная сила. Предатели это хорошо знают. Но ложь остается ложью. (Пауза. Ходит по комнате.) Поднимите верных нам людей. Скажите, что Цезарь с ними.

БРУТ. А как же фронт? Врага трудно остановить!

ЦЕЗАРЬ (задумчиво). В древние времена король одной страны был тяжело болен. Ему сказали, что враг у порога, так как знает, что он при смерти. Как ты думаешь, что сделал король? (Смотрит на Брута, тот молчит.) Он надел доспехи и велел привязать его к коню так, чтобы враг не знал о его болезни. Это

было очень неожиданно для вражеского войска.

БРУТ (радостно). Увидев короля, они разбежались...

ЦЕЗАРЬ. А что касается бунтарей... (Пауза.) Чтобы натравить хищных животных друг на друга, одному из них бросают падаль. (Громко и сурово.) Подкупите самого жадного и самого продажного из бунтарей. Дайте ему все, что он захочет: золото, должности. Запомни, Брут: неподкупных людей нет, просто у каждого своя цена. Завтра мы отправимся в путь. Народ всегда идет за сильным полководцем!

Темнеет.

16-я картина

Военный лагерь Цезаря. Входят Цезарь и Брут. Оба в военных доспехах.

Цезарь выглядит усталым.

БРУТ. Мы прорвали передний край противника и, не дав ему перейти через реку, остановили его. Теперь они не знают, что делать. Они сообщили нам, что хотят заключить перемирие.

ЦЕЗАРЬ. Враг всегда остается врагом. Если враг хочет перемирия, нужно воспользоваться этим для перерыва. Но нельзя забывать, что этим воспользуемся не только мы, но и они тоже.

БРУТ. Мне кажется, стабилизировав ситуацию внутри страны и усмирив бунтарей, великий Цезарь захочет вновь начать войну.

Пауза.

ЦЕЗАРЬ (задумчиво). Ты говоришь о бунтарях, ситуации в стране... (Пауза.) Душераздирающее зрелище. Когда видишь невежественность соотечественников, сначала злишься, а потом, успокоившись, призываешь их на праведный путь. Но они не слушают тебя. Но если бы мы не усмирили бунтарей вовремя, то не выиграли бы битву. Сила народа многое значит, Брут! Народ сам их накажет.

Пауза.

БРУТ. Ты был прав, Цезарь. Войско, у которого много начальников, напоминает волчью стаю.

ЦЕЗАРЬ. Моя интуиция говорит, что ты хорошо знаешь врага. Поэтому ты останешься здесь, а я должен вернуться в столицу. Мы должны воспользоваться перемирием и укрепить войско.

Уходят.

17-я картина

На сцене появляется История.

ИСТОРИЯ. Люций, которого так великодушно простил Цезарь, не отказался от своей сделки с Клеопатрой, и у него были свои планы. Дьявол хорошо знал об этом и пришел к нему.

Задняя часть сцены освещается. Дьявол подходит к Люцию.

ЛЮЦИЙ. Опять ты? Что ты хочешь?

ДЬЯВОЛ. Не я хочу, а ты, Люций. Или твоя любовь к Клеопатре уже прошла?

ЛЮЦИЙ (оживившись). Я никогда не забывал ее.

ДЬЯВОЛ. Я говорю о том же. Сейчас подходящее время. Клеопатра ждет тебя, Люций. Ты должен выполнить свою миссию. Цезарь должен умереть. Сейчас у тебя есть возможность завладеть престолом. Помощник Цезаря Брут остался на фронте.

ЛЮЦИЙ. Я больше не верю тебе

ДЬЯВОЛ. У тебя нет другого выхода.

ЛЮЦИЙ. Я не смогу.

ДЬЯВОЛ. Сможешь ради Клеопатры.

ЛЮЦИЙ (тяжело вздыхает). Ах, Клеопатра!

Темнеет.

18-я картина

В честь победы раздаются звуки труб.

Входит Цезарь. Клеопатра сама его встречает.

КЛЕОПАТРА. Слава Великому Цезарю! Гонцы принесли весть о твоей победе. (Подходит к Цезарю, берет его за руку, прижимается к нему.) Ах, Цезарь! (Входит Люций. Он хочет ударить Цезаря сзади. Клеопатра видит его и кричит.) Цезарь!

Цезарь, почуяв опасность, быстро поворачивается и хватает Люция за руку.

Меч падает на землю.

ЛЮЦИЙ (растерянно). Клеопатра? (Цезарь изумленно смотрит на Клеопатру. Люций идет к ней.) Разве не ты сама приказала мне бежать из страны и сказать, чтобы к власти пришел Цезарь! Мы должны были пожениться после того, как все кончится. Ты же сама мне это обещала. Рассказывала мне свои сны, говорила, что мы избранные.

КЛЕОПАТРА (иронически). Эх, поэт, поэт! (Строго.) Стой! Не подходи, Люций! Ты проиграл! (Цезарь удивленно смотрит на Клеопатру, не понимая, в чем дело.) Все не так, как ты думаешь, Цезарь! Этот глупец верит в несуществующий сон.

ЛЮЦИЙ. Несуществующий? Ты выдумала его?

КЛЕОПАТРА. Это Сара услышала его за дверью. (Зовет Сару. Входит Сара.) Не так ли, Сара?!

САРА. Да, царица. Я услышала про сон в то утро, когда пошла звать Люция.

ЛЮЦИЙ. Но твои глаза говорили другое, Клеопатра!

КЛЕОПАТРА. Когда ты пришел, я специально порезала палец. Почувствовав запах крови, ты возжелал меня. У тебя закипела кровь. Мужчины падки на запах крови. Я заметила твой страстный взгляд и испугалась. (Дьявол потрясен хитростью Клеопатры. Он жует ворот своего костюма.) О Цезарь, я

раньше хотела и твоей смерти. Думала, что все мужчины одинаковы. Но потом, увидев твою доброту, я передумала. Ты обращался со мной как с порядочной женщиной. А все эти игры я затеяла для того, чтобы вернуть тебя в столицу. Ты своим терпением всех нас переборол. Прости меня, Цезарь!

Пауза. Цезарь начинает рассказывать. Все с нетерпением ждут, что он скажет. Он подходит к Клеопатре, гладит ее по голове.

ЦЕЗАРЬ (заботливо.) В твои годы так думать естественно, Клеопатра. Ты еще очень молода. А они тебя не ценят.

КЛЕОПАТРА. Ах, великодушный Цезарь! (Молчание.) А что ты будешь делать с ним? (Указывает на Люция.)

ЦЕЗАРЬ. Пусть идет, куда хочет. Я знал, что Люций слаб и труслив. От таких людей не стоит ждать опасности. А тебя нужно передать в надежные руки.

КЛЕОПАТРА. Я хочу только тебя, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ. Меня? А как же принц на белом коне? Моложе, сильнее и красивей меня!

КЛЕОПАТРА. Ты знаешь об этом?

ЦЕЗАРЬ. Ты сама говорила мне о нем в детстве.

КЛЕОПАТРА (радостно). Ах, Цезарь! (Обнимает его.) Не бросай меня!

ЦЕЗАРЬ (гладит ее по голове). Я должен идти. Пора. Пришло время. Пусть Брут останется на фронте. Перемирие с врагом временно. А ты жди принца на белом коне.

КЛЕОПАТРА (подняв голову, смотрит на Цезаря). Он придет?

ЦЕЗАРЬ. Конечно, придет. И будет оберегать тебя.

КЛЕОПАТРА (радостно). Молодой, сильный, красивый. И немного похож на тебя. Принц на белом коне.

ЦЕЗАРЬ. Он завершит то, что я не успел: объединит нашу страну, укрепит державу! Подарит людям свободу и благополучие. Я посеял такое семя, плоды которого народ еще долго будет пожинать. Я верю ему как самому себе. А теперь мне нужно идти.

Цезарь мягко отталкивает от себя Клеопатру. Она не хочет отпускать его. Цезарь уходит. Клеопатра

смотрит ему вслед, потом бежит в ту сторону, будто видит принца на белом коне, и протягивает к нему руки.

КЛЕОПАТРА (радостно). Он пришел! Цезарь сдержал обещание!

Ударяет молния. Дьявол, схватившись за голову,
торопливо убегает со сцены, чтобы его не видели Боги.

ДЬЯВОЛ (бежит). Боги увидели меня...

ИСТОРИЯ (закрывает книгу). Все произошло именно так.

Занавес

Конец

Май – начало октября 2007 года.

Перевод Ляман НАМАЗОВОЙ

САМИД АГАЕВ

ША'АБ

(Пьеса в двух действиях)

Действующие лица:

ША'АБ – кахрамана, мать Халифа (в прошлом греческая рабыня), 40-50 лет.

МУКТАДИР – халиф, сын Ша'аб, 18 лет.

ФУРАТ – вазир, 55 лет.

АЛИ – главный вазир, 70 лет.

МУНИС – исфах-салар (главнокомандующий, бывший раб, евнух), 30 лет.

МУТАЗЗА – принц-наследник, сводный брат ал-Муктадира, 50 лет.

ХАКАН – вазир.

КУШУРИ – хаджиб-ал-худжаб (главный церемониймейстер).

ЗЕЙНАБ – служанка.

ЙАКУТ – надим (сотрапезник халифа).

НОВРУЗ – катиб (секретарь).

АББАС – Алид (прямой потомок халифа Али).

Стража, хаджибы, слуги, рабы, солдаты, писцы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Время действия – первая половина X века. Дворец халифа, тронный зал, в середине кресло с высокой спинкой, справа – возвышение, завешанное прозрачной тканью.

Слышно карканье ворон, слуга из рогатки стреляет по ним.

На сцене: Ша'аб и Кушури.

КУШУРИ. Прошу тебя, кахрамана, займи свое место, все уже собрались, ждут, когда я их позову.

ША'АБ. Ты хочешь сказать, что я должна знать свое место. Удивляюсь я твоей дерзости, как смеешь ты говорить такие слова матери халифа.

КУШУРИ. У каждого в жизни есть свое место.

ША'АБ. Ты хочешь сказать, что мое место за занавеской?

КУШУРИ. Прости, кахрамана, я прошу тебя сесть туда, где ты обычно сидишь, а вообще, в философском смысле, действительно у каждого есть свое место.

ША'АБ. Тоже мне философ выискался, не смей меня, хаджиб. Философия появилась на моей родине, в Греции, а ваши философы дальше стен мечети ничего не видят, в твоём случае – дальше занавески (проходит и садится за занавеской). Я просила повесить более прозрачную ткань.

КУШУРИ. Я заменил, кахрамана.

ША'АБ. Но мне ничего не видно, а значит, и меня не видно. Я – как голос из-за занавески.

КУШУРИ. Видны твои очертания, кахрамана, прозрачной ткани не бывает, проще снять ее вообще, а этого делать нельзя.

ША'АБ. О, Господи, за двадцать лет я так и не смогла привыкнуть к тому, что живу в мусульманском мире. Ну, где эта свора, зови их. Мало того, что я прихожу первой, сижу за занавеской, как прокаженная, так я еще должна ждать их.

КУШУРИ. Тебе, кахрамана, вовсе не обязательно присутствовать.

ША'АБ. Заткнись, я лучше знаю, что мне делать. Если бы я не присутствовала на заседаниях дивана, все эти вазирсы и министры, пользуясь добротой моего сына, давно бы разграбили эту страну. Зови их.

Кушури подходит к дверям и раскрывает их. Входят Фурат и Али ибн Иса. Войдя, кланяются занавеске и замирают в почтительной позе. Слышно карканье ворон. На Фурата падает птичий помет, он вытирает голову и кричит слуге:

ФУРАТ. Эй, ты, собачий сын, целься как следует.

Наступает долгая тишина, затем из-за занавески раздается голос ША'АБ.

ША'АБ. Ну, что как воды в рот набрали, говорите.

Вазирь переглядываются.

ФУРАТ. А что говорить, кахрамана?

ША'АБ. Докладывайте, как обстоят дела в государстве.

ФУРАТ. Но повелителя еще нет, разве совещание пройдет без него?

ША'АБ. Мой сын появится с минуты на минуту, докладывайте.

АЛИ. Бюджет...

ША'АБ (перебивая). Я заметила, что каждое заседание дивана начинается с одного и того же слова. Бюджет, бюджет. Что бюджет? Опять бюджет, я слышать больше не могу этого слова. Ну, что у нас опять с бюджетом?

АЛИ. Дефицит, кахрамана.

ША'АБ. Вот это второе слово, я его больше слышать не могу, почему у нас вечный дефицит бюджета?

АЛИ. Тебе ли этого не знать, кахрамана.

ША'АБ. На что это ты намекаешь, вазирь?

АЛИ. Я хочу сказать, что ты присутствуешь на всех совещаниях и тебе ли не понимать, что такое дефицит бюджета?

ША'АБ. Я понимаю, что такое дефицит бюджета, я не понимаю, почему это происходит? Разве налоги не собираются?

АЛИ. Налоги собираются, но дефицит – это когда расходы больше доходов, то есть мы, я хотел сказать, государство, тратим больше, чем зарабатываем.

ША'АБ (перебивая). Не так громко, вазир, у меня и так голова болит с утра.

ФУРАТ (подмигивая Али). У нас, кахрамана, тоже с утра головы болят.

ША'АБ. Возможно, только у нас головы болят по разным причинам. У вас – с похмелья, а у меня – от переживаний.

АЛИ. Ты, Фурат, за себя говори. А я, кахрамана, кроме того, что не пью, уже несколько лет еще соблюдаю добровольный пост в течение дня.

ША'АБ. Зря ты напоминаешь мне об этом, я об этом и так не могу забыть. Я знаю, что пост ты соблюдаешь из-за того, что остался жив после неудавшегося заговора против моего сына, ты ведь поддержал этого бездарного поэта, принца Мутазза. Я бы на твоём месте заточила себя в домашних стенах в благодарность Господу за то, что тебе сохранили жизнь.

АЛИ. Я его не поддерживал, я просто сказал, что и у него есть права на престол. А с арестами и ты неплохо справляешься, кахрамана, я и так год просидел в заключении под твоим присмотром совершенно безвинно...

ША'АБ. Ещё бы, я на твоём месте не дерзила бы, а придержала язык. Кто знает, не придется ли тебе опять оказаться под моим присмотром. Кстати, Фурат, к тебе это тоже относится.

Оба кланяются.

Появляется халиф Муктадир, окруженный телохранителями, все падают ниц, видно, что Ша'аб за занавеской делает то же самое. Муктадир садится на трон и делает знак главному хаджибу, халифу подносят чашу с водой. Он долго и жадно пьет, переводит дыхание, начинает обмахиваться рукой. Двое слуг за его спиной начинают двигать опахалами, и Муктадир опускает руку. Все внимательно следят за этой процедурой. Наконец, Муктадир кивает Кушури, и тот объявляет о начале заседания.

ХАЛИФ (держась за лоб). Уф-ф, что-то так жарко с утра. Вы о чем-то говорили до моего появления, продолжайте, а я послушаю.

АЛИ. Мы говорили о дефиците бюджета. Нужны деньги, а казна пуста.

ХАЛИФ. Нельзя ли начинать заседание с чего-нибудь отвлеченного, с каких-нибудь приятных вещей, с пустяков, а потом переходить к делу, а ты сразу о проблемах. Так нельзя.

АЛИ. Нам нечем платить жалованье.

ХАЛИФ. Нельзя ли подождать с выплатой?

АЛИ. Речь идет о жалованье войскам. Безопасность страны и престола часто зависит от таких пустяков, как своевременная выплата жалованья. Тот, на кого ты рассчитываешь, должен быть доволен своей жизнью: меньше вероятности, что он тебя предаст. А тому, кто не хочет кормить свою армию, рано или поздно приходится кормить чужую.

ХАЛИФ. Постоянно слышу одно и то же – нет денег, нет денег. Интересно, что делал в таких случаях мой отец? (Поворачивается к занавеске.)

ША'АБ. У твоего отца не бывало таких случаев.

ХАЛИФ. Почему?

ША'АБ. Думаю, потому что у него были другие вазирь.

АЛИ. Смею напомнить, что я уже был вазиром при вашем муже. И все старания прилагал для того, чтобы сберечь и умножить казну. Халиф Мутаид умер, оставив после себя девять миллионов динаров. И моя заслуга в этом бесспорна.

ША'АБ. В том, что он умер?

АЛИ. В том, что он скопил столько денег.

ША'АБ. Это правда, но я говорю про деньги, а не про твои заслуги. Мой муж собирался отлить камень из золота и установить у ворот, но смерть помешала ему. Да упокоит Аллах его душу.

Все набожно проводят ладонями по лицу.

ФУРАТ (иронически). Конечно, твои «заслуги» бесспорны, разве не ты отменил в Мекке налоги? Лишил казну поступлений, а теперь экономишь, подсчитываешь корм у гусей на прудах, как бы лишнего не насыпали.

АЛИ. Что касается Мекки – это было не экономическое решение, а политическое, Кораном предписано несколько налогов, а именно, земельная десятина, налог с неверных – джизья и садака. Их я оставил, а косвенные отменил, но только для Мекки. Это священный город, почему мекканцы должны платить налог на виноградную лозу, если там практически никто не пьет, не делает вино. Зато теперь там славят повелителя, а паломники разносят это по всему миру.

ХАЛИФ. Это, конечно, хорошо. Но я не услышал ответ, почему все-таки у моего отца хватало денег, а у меня нет. Кто может ответить на этот вопрос?

ФУРАТ. Позволь мне, повелитель. Всегда так получалось, что путаница между лунным и солнечным календарями из-за их несоответствия позволяла собирать налоги чаще, чем один раз в год. Но как-то раз на прогулке твоему отцу бросилось в глаза, что пшеница на полях стоит еще зеленая, а налоги уже начали поступать в казну. Лунный календарь отменить нельзя было из религиозных соображений, тогда он приказал привести налоговый календарь в соответствие с солнечным. Налоги, конечно, уменьшились. Теперь мы пожинаем плоды этого великодушного решения, ограничены в средствах.

ХАЛИФ. Мой отец поступил справедливо.

ФУРАТ. Несомненно, хвала ему.

АЛИ. Позволь мне, господин, высказать свое мнение.

ХАЛИФ. Говори, мы слушаем тебя.

АЛИ. Необходимо сократить расходы, главное не то, сколько мы зарабатываем, а то, сколько тратим, тратить мы должны меньше, чем зарабатываем, а у нас наоборот.

ФУРАТ. К чему эти прописные истины, говори, что ты предлагаешь.

АЛИ. Я скажу, если меня не будут перебивать.

ХАЛИФ. Фурат, не перебивай его, дай сказать.

ФУРАТ. То, что он говорит, знает каждый ребенок, пусть дело говорит, а не отнимает время у нас.

АЛИ. Я предлагаю сократить штат чиновников по каждому министерству на тридцать процентов, а кое-где – и на сорок.

ФУРАТ. Откуда такая точность?

АЛИ. Из расчетов, кстати, твой аппарат можно сократить на пятьдесят процентов, все равно этого никто не заметит. Кроме того, я предлагаю урезать расходы на содержание двора.

ША'АБ. Что ты хочешь этим сказать, Али, предлагаешь ограничить нас в еде и питье? Если ты постишься, это не значит, что и другие должны.

АЛИ. Нет, кахрамана, но я ежемесячно отпускаю на ваши расходы 61930 динаров, а между тем любой желающий может прийти к дверям гарема, который подчиняется вам, и купить самые изысканные кушанья; то есть еда и питье в таком избытке, что ваши слуги торгуют ею.

ША'АБ. Значит, ты, вазир, за счет моих расходов предлагаешь восполнить дефицит бюджета Халифата.

АЛИ. Не только твоих, кахрамана, а всех абсолютно. Оглянитесь, вельможи друг перед другом соревнуются в роскоши. Недавно я послал слугу с пустяковым поручением, так ему пришлось ждать полчаса для того, чтобы перейти дорогу. Кто бы, вы думали, не давал ему перейти улицу – свита Назука, начальника полиции, процессия которого состояла из более чем пятисот слуг, факельщиков,

меченосцев. Откуда у жалкого выскочки столько денег? А я могу объяснить, откуда у него такое богатство. Чтобы устроиться на службу в полицию, необходимо заплатить, а затем ежемесячно сдавать начальнику определенную сумму, а начальник, в свою очередь, платит своему начальнику, в конечном итоге все стекается к Назуку. А мы сетуем, почему нет порядка в Багдаде, почему всюду разбойники. Потому что для того, чтобы вернуть свои деньги, полицейский должен виноватого отпустить за деньги, а невинного посадить, чтобы и его потом тоже отпустить, и тоже за деньги. Служба в полиции – весьма выгодное занятие. Поэтому после наступления темноты на улицы Багдада лучше одному не выходить, полицейским не до охраны порядка, они деньги зарабатывают.

ХАЛИФ. Если человек невиновен, зачем же он платит?

АЛИ. Потому что за то время, что он проведет в тюрьме, он готов отдать все, чтобы его выпустили.

ФУРАТ (с издевкой). А может быть, досточтимый Али и нашего повелителя ограничит в расходах?

АЛИ (в запальчивости). Да, и господина тоже, но не по причине экономии, а по причине его здоровья, ибо я считаю, что эмир верующих неумерен в потреблении напитков и еды, обильной специями – посмотрите, какое красное у него лицо.

ХАЛИФ. Нет, клянусь Аллахом, я не делаю этого, не ем острой пищи. Мне добавляют только чуть-чуть мускуса в хушканадж.

АЛИ. О, эмир верующих, это удивительно, учитывая, что только на мускус я отпускаю ежемесячно триста динаров.

ХАЛИФ (хмурясь, строго). Полагаю, ты сейчас же отправишься на кухню, расскажешь управляющему, что между нами произошло, и отстранишь его от дел.

Али кланяется и идет к выходу. У самых дверей халиф окликает его.

ХАЛИФ (смеясь). Вернись, не стоит этого делать. Может быть, эти деньги им необходимы, чтобы прокормить свои семьи. Это же такая малость!

Вазир кланяется и возвращается на свое место.

ХАЛИФ. Так на чем мы остановились?

Все задумываются, наступает тишина, затем Али говорит.

АЛИ. До этого мы говорили о том, что чиновники погрязли в роскоши, и это неудивительно, учитывая ту «шерсть», что они стригут с мусульман.

ФУРАТ. Опять он за свое. Я понимаю, откуда у тебя такая навязчивая идея, ты постишься целыми днями, следовательно, твой аскетичный взор весь остальной мир воспринимает не иначе, как погрязший в роскоши. Ты же сам – скряга, посмотри, как ты одет, где ты купил эту одежду, в лавке старьевщика? Не подобает вазиру ходить в одежде простолюдина.

АЛИ. Вазир украшает то, что он носит, а не наоборот.

ФУРАТ. Мир так устроен, как говорится, у кого похлебка пустая, а у кого – жемчуг мелкий. Как ты этого не поймешь – это принцип неравенства.

ХАЛИФ. Молодец, Фурат, это ты правильно подметил. Ну, продолжай, наверное, у тебя также есть дельные предложения по бюджету.

Фурат (кланяясь). Да, мой господин, я привел с собой одного человека, который готов ссудить нам один миллион динаров на год.

ХАЛИФ (обращаясь к Али). Вот, вазир, бери пример с Фурата, какие вопросы он решает, а ты все подсчитываешь, сколько мускуса украли поварята, сколько корма голуби съели. Я даже слышал, что ты уменьшаешь расходы воска на свечи с увеличением светового дня. Не к лицу вазиру заниматься такими мелочами. Ты должен мыслить в государственном масштабе.

АЛИ. Да простит меня повелитель, но я радею не о собственном доме, а о твоём; кто-то же должен заботиться об этом, все с мелочей начинается, малые причины имеют великие следствия.

ХАЛИФ. Ну, хорошо-хорошо, не обижайся, лучше скажи, что ты думаешь о предложении Фурата?

АЛИ. Я скажу, когда услышу, что этот человек требует в обеспечение кредита. Просто так только соседи друг другу одалживают, и то не всегда.

ФУРАТ. Он просит дать ему на откуп налоги с Вавилона.

АЛИ (бьет в ладоши). Так я и думал. С Вавилона за год можно собрать три миллиона.

ФУРАТ. Что же ты в этом году не собрал три миллиона? Это сделка. Человек дает деньги сейчас и надеется получить прибыль через год, а может, не получить, тогда он обанкротится.

ХАЛИФ. Какое предложение есть у тебя, Али?

АЛИ. Вам нужно внести в казну собственные деньги. Или кахрамана может сделать это. Я не вижу другого выхода

ША'АБ. Твоя дерзость, вазир, переходит все границы, либо ты от ежедневного поста сошел с ума. Между прочим, мой врач говорит, что от неумеренных постов люди глупеют, потому что мозги в голове истощаются. У меня, конечно, есть небольшие сбережения, отложенные на старость, но не такие, чтобы я могла одалживать их целому государству. Я надеюсь, что мой сын, а ваш господин, примет правильное решение и не позволит разорить ни свою мать, ни государство.

ХАЛИФ (после долгой паузы). Фурат, позови его. (Фурат выходит и возвращается с евреем: толстый человек, пейсы на лице, на голове кипа.) Мы принимаем твое предложение, и мы дадим необходимые ручательства. Иди. И закончим на сегодня.

Фурат выводит еврея, говоря ему:

ФУРАТ. Десять процентов мне отдашь, как договорились, не забудь, а.

Фурат и Али кланяются и, пятась, покидают аудиенц-зал. Наср-ал- Кушури, проводив их, хочет закрыть дверь, в этот момент в дверях появляется принц Мутацца. В нерешительности Кушури преграждает ему путь.

ША'АБ (выходя из занавеса, изумленно). А этот откуда взялся?

ХАЛИФ. Кто?

ША'АБ. Принц-заговорщик, которого ты должен был казнить. Почему он жив до сих пор?

ХАЛИФ. Мама, от страха за свою жизнь бедняга слегка тронулся рассудком, теперь он только безобидный поэт. Я пощадил его. Пропусти его, хаджиб.

Кушури отступает в сторону. Мутацца останавливается, не доходя до трона.

ХАЛИФ. Зачем ты встал так рано, Мутацца, тебе же не нужно участвовать в этих невыносимых совещаниях?

МУТАЦЦА. Я не вставал, я еще не ложился.

ША'АБ. Вот как, и чем же ты занимался, замышлял новый заговор?

МУТАЗЗ. Нет, кахрамана, я гулял, наблюдал за звездами, думал и записывал стихи.

ХАЛИФ. Так прочитай же нам скорее.

МУТАЗЗА (декламирует).

Вставай, сотрапезник, хлебнем-ка в потемках

Предрассветной мглы, пока не наступило утро,

Или оно уже настало, ведь я вижу Плеяды на небе,

Белые, как стопа мертвеца, виднеющаяся под саваном.

ХАЛИФ (добродушно). Начало хорошее. Но конец больно мрачен.

ША'АБ. А я думаю, что в самый раз, возможно, принц увидел свое будущее.

МУТАЗЗА. Мы все там будем, кахрамана, эта чаша не минует никого.

ША'АБ. Да, только было бы лучше, если бы ты поменьше напоминал нам об этом. Было бы лучше, если бы ты, открывая рот, произносил что-нибудь жизнеутверждающее.

МУТАЗЗА. Я учту твои пожелания, хотя это будет нелегко, бытие определяет сознание, а мое существование отравлено страхом смерти.

ХАЛИФ. Тебе нечего бояться, ты под моим покровительством.

Ша'аб выходит из-за занавеса, лицо закрыто вуалью, и стремительно удаляется.

МУТАЗЗА (произносит ей вслед).

Как легко ты идешь, приносящая смерть,

Надо бегством спастись, благочестье обрести.

Раньше я сомневался, теперь убежден:

Пусть не дьявол она, но послал ее он.

ХАЛИФ. Я не расслышал, что ты сказал.

МУТАЗЗА. Пустое, это стихи.

ХАЛИФ. Повтори громче, я люблю стихи.

МУТАЗЗА.

Как прекрасна сонная вода,

Лотос на поверхности пруда,

День, расширив влажные зрачки,

Смотрит на тугие лепестки.

ХАЛИФ. Да, ты верно подметил, я тоже обращал на это внимание, только выразить не мог. Сколько раз, бывало, пируешь всю ночь, а когда рассветает, оставишь кубок, подойдешь к пруду, а там этот самый лотос, символ забвения. И вдруг на тебя нахлынут чувства, и ты стоишь и смотришь на сонную гладь пруда, а слов нет, чтобы выразить его красоту. Хорошо, если на ум придут слова какого-нибудь поэта. (после короткой паузы). Вот, например:

Утром сладостней вино, опьянение слаще,

Пусть оно нас осенит, счастьем настоящим.

Замечательно сказано, верно?

МУТАЗЗА. Это мои стихи.

ХАЛИФ. Вот видишь, а я и не знал. Ты вот что. Приходи пировать ко мне, прямо сегодня и приходи.

МУТАЗЗА. Благодарю.

Халиф встает и уходит в сопровождении свиты.

МУТАЗЗА (оставшись один). Что это, милосердие к побежденным? Узурпатор добр к законному наследнику. Да, иначе как объяснить, что я до сих пор жив?

Тайны свои мне откроет земля,

Хотя и сама-то не знает о многих.

Вероятно, поэтому и я не испытываю к нему ненависти. (Подходит к трону, дотрагивается до него, задумчиво.) Ша'аб – эта безвестная греческая рабыня из гарема моего отца, одна из тысячи его наложниц. Как смогла она так возвеличить себя и собственного сына? (Уходит, декламируя.)

Наш хозяин бурдюки на свет выносит,

Чаши наполняет перед каждым,

Дважды он нас выпить не попросит,

Пей, коли душа горит от жажды.

Сцена вторая

Покои халифа.

Муктадир с обвязанной головой возлежит на подушках, на возвышении. Рядом сидит Ша'аб, в руках у нее чаша.

ША'АБ. Мой сын, ты огорчаешь меня.

ХАЛИФ. Мать, я сам огорчен до невозможности, головная боль может огорчить кого угодно.

ША'АБ. Возьми, выпей.

ХАЛИФ. Что это?

ША'АБ. Лимонный сок со льдом.

Халиф садится, пьет, лицо его обретает страдальческий вид.

ША'АБ. Ты очень много пьешь, от этого у тебя болит голова. Все ясно, как белый день, я не понимаю, зачем ты собственноручно обрекаешь себя на такие страдания. Все же очень просто: если ты не пьешь, у тебя не болит голова.

ХАЛИФ. Мама, хватит, мне и так тяжело, какая кислятина.

ША'АБ. Вот как ты со мной разговариваешь, неблагодарный, ведь ты жизнью своей обязан мне.

ХАЛИФ. Этот факт, мама, я не могу оспорить даже при желании: ты меня родила.

ША'АБ. Я не об этом. Твой отец, да упокоит Аллах его душу, как-то раз застал тебя в компании сверстников, тебе было семь лет, ты забавлялся, раздавая виноград, лежащий перед тобой. Он приказал казнить тебя. Я вымолила тебя.

ХАЛИФ. Прости, мама, но мне с трудом верится в это. За что же он решил предать меня смерти? За то, что я угощал друзей виноградом? Да это смешно!

ША'АБ. Твой отец рассудил иначе. Он сказал, что в этом возрасте свойственна жадность, а значит, став халифом, ты разбазаришь все государство. Поэтому, чтобы этого не случилось, тебя следует умертвить. Кстати, насчет государства он оказался прав.

ХАЛИФ. И это говорил мой отец, мама, ты ничего не напутала?

ША'АБ. Я еще в здравом уме.

ХАЛИФ. Я хочу сказать, ты уверена, что именно он является моим отцом?

ША'АБ. Как ты смеешь оскорблять свою мать! Я буквально вырвала тебя из рук палача, отвела в сторону занесенный над твоей головой топор. Он был государь, в первую очередь.

ХАЛИФ. Зря ты это сделала, по крайней мере, я бы избавился от сегодняшней головной боли. О, Аллах, ну почему у меня так болит голова?!

ША'АБ. Пить меньше надо, сколько можно тебе повторять.

ХАЛИФ. Но у моих надимов не болит голова.

ША'АБ. От того, что они пьют на дармовщину. От дармовщины никогда не болит голова. Кроме того, ведь ты им еще платишь жалованье за то, что они пьянствуют с тобой. У кого же будет болеть голова при таких условиях? У тебя, сын мой, есть два способа избавиться от головной боли. Первый – это начать пить на дармовщину, но это невозможно, в нашем государстве ты единственный человек, который не может себе этого позволить.

ХАЛИФ. А второй?

ША'АБ. Бросить пить.

ХАЛИФ. Я так и знал.

ША'АБ. Твой отец не пил, он был набожен, почему ты пьешь, я не могу этого понять.

ХАЛИФ. Мой отец был чистокровный араб, а я наполовину грек, а твои земляки любили выпить.

ША'АБ. Муктадир, я пришла поговорить с тобой о серьезных вещах.

ХАЛИФ. Как, я думал, что мы уже закончили разговор.

ША'АБ. До этого мы говорили о пустяках. Ты должен избавить нас от Мутазза.

ХАЛИФ. Мама, он никому не причиняет вреда, он – тихий поэт, слегка тронувшийся умом, к тому же он мне симпатичен.

ША'АБ. Хочу напомнить тебе, что Мутазза – человек, устроивший дворцовый переворот. И если бы ему удалось удержаться на троне, ты был бы казнен.

ХАЛИФ. Я не хочу мстить, к тому же он совершенно безобидный человек.

ША'АБ. Речь идет не о мести. Известно ли тебе о том, что в львиной стае новый самец, став вожаком, убивает всех львят мужского пола.

ХАЛИФ. Какая жалость, но от зверей трудно ожидать благоразумия.

ША'АБ. Напротив, новый вожак убивает мальчиков как раз по причине благоразумия, чтобы избавиться от внутренних врагов, ведь львенок вырастет и прогонит состарившегося вожака.

ХАЛИФ. Мама, Мутазза старше меня в два раза, когда я состарюсь, он уже сам умрет.

ША'АБ. Я надеюсь, он умрет раньше, и я приложу к этому все старания.

ХАЛИФ. Кроме того, в нем тоже течет кровь пророка, такая же, как и во мне, если я ее пролью, найдется тот, кто захочет пролить мою, к тому же мы казнили всех заговорщиков.

ША'АБ. Мутазза представляет опасность самим фактом своего существования, им могут воспользоваться твои враги, неужели ты не понимаешь этого?

ХАЛИФ. У меня есть враги?

ША'АБ. У действующей власти всегда есть враги, никогда не забывай об этом. Ты слишком беспечен. Пока я рядом, тебе ничего не грозит, но я не буду жить вечно.

ХАЛИФ. Хорошо, я подумаю об этом. А сейчас прошу тебя, оставь меня, от разговора с тобой у меня еще больше разболелась голова.

ША'АБ. Нет, я не уйду, пока ты не дашь слова, что выполнишь мою просьбу.

ХАЛИФ. Хорошо, я подумаю об этом, только не мучай меня.

Ша'аб уходит, не говоря ни слова.

МУКТАДИР. Обиделась, у моей матери ужасный характер, никогда нельзя знать, на что она обидится. Ненавижу принимать решения. Тем более такие, от которых зависит человеческая жизнь. Что теперь делать, ума не приложу. Я ведь пригласил этого бедолагу на ужин. И зачем только он попался ей на глаза? Попробую заснуть.

Сцена третья

Канцелярия Фурата. Сидят несколько писцов.

1 ПИСЕЦ. Фурат был очень доволен своим поваром, так этот повар, надеясь на его расположение, пришел к нему с просьбой о материальной помощи в десять динаров. Тем не менее, Фурат ему отказал, сказав ему: «если у тебя есть дело, которое ты можешь решить с катибом, реши его с ним, не доводи до вазира».

НОВРУЗ. Попал я Фурату под горячую руку. Накричал он на меня и велел сделать постатейный расчет бюджета. Я просидел взаперти несколько суток, выверил расчеты и представил ему. Он взял расчеты у меня из рук, пробежал глазами, не задав ни одного вопроса, не проверив ни одного расчета, кинул его мне и набросился со словами: «Это разве расчет? Разве это документ, разве это сличение и сопоставление?! Клянусь Богом, если бы не твоя молодость и не мое уважение к твоим родителям, я заставил бы тебя сожрать эту бумагу и приказал бы сжечь тебя, облив нефтью. Неужели ты думал провести такого, как я? И это меня, состарившегося в расчетах! Да я каждую ночь перед тем, как заснуть, высчитываю в голове доходы с Ирака и доходы всего мира. Неужели тебя ввело в заблуждение, что я ослабил поводья, в которых держал тебя? Переделай свои расчеты и знай, между прочим, что ты только что вернулся с того света». Но меня не испугала его болтовня, он ни черта не смыслит в бухгалтерском деле. Поэтому я пошел, кое-что вычеркнул, другое поменял местами, а затем вернул ему отчет. Он взглянул в него, рассмеялся и вскричал: «Молодец, это уже другое дело! Видишь, спустил бы я тебе в первый раз, во второй бы в тебе не проснулась совесть».

Умолкает. Раздается дружный смех.

Появляется Фурат, смех прекращается.

ФУРАТ. Я смотрю, вам всем тут весело живется, сукины дети. Попробую-ка я догадаться о причине вашего смеха. Одно из двух, либо у вас мало работы, либо у вас слишком большое жалованье. Из этого следует, что вам нужно прибавить работы и уменьшить жалованье. Пожалуй, я так и сделаю. Ну, кто-

нибудь хочет высказаться, ну, самый смелый. Новруз, говори, я слушаю.

НОВРУЗ. Господин, у нас очень много работы, мы пишем, не покладая рук с раннего утра и до позднего вечера, и жалованья нам хватает только на то, чтоб прокормить наши семьи.

ФУРАТ. А разве вы выдаете справки просителям бесплатно, что-то я не припомню такого случая.

НОВРУЗ. Мы же не все себе берем, должны тебе, господин, сдавать половину.

ФУРАТ. Хорошо, что вы еще помните об этом. Мы сейчас как раз подошли к самому интересному. Что это за деньги вы стали сдавать в последнее время? Что это – пособие для бедных?

НОВРУЗ. Кахрамана ввела новый порядок, документы, выходящие из нашего ведомства, в обязательном порядке должны заверяться в ее канцелярии. Это удорожает их стоимость для просителя. В то же время документ, который выходит из ее канцелярии, не нуждается в нашей визе. Многие уже смекнули, что дешевле обращаться сразу туда, поэтому мы сдаем меньше денег.

ФУРАТ. Сколько человек получили должности в этом месяце?

НОВРУЗ. Восемнадцать, но только три были утверждены в нашей канцелярии, пятнадцать патентов продала кахрамана.

ФУРАТ. Кажется, я дал маху.

НОВРУЗ. Что, господин?

ФУРАТ. Верно говорят – и на старуху бывает проруха.

НОВРУЗ. Что, господин?

ФУРАТ. Ничего, давай разгоняй своих бездельников, рабочий день кончен, нечего показухой заниматься, все равно толку от вас никакого. А сам останься. Прощения есть?

НОВРУЗ. Да, господин, один человек предложил восемь миллионов дирхемов за должность наместника Ирана.

ФУРАТ. Ты торговался с ним?

НОВРУЗ. Да, господин, больше он не может дать.

ФУРАТ. Подготовьте указ о его назначении.

НОВРУЗ. Дело в том, что действующий наместник пообещал шесть миллионов за то, чтобы его оставили.

ФУРАТ (ненадолго задумавшись). Скости каждому по два миллиона и подготовь указ о назначении их обоих. (Оставшись один.) Вот как все вышло. Халиф умер, не успев назначить наследника, мы все

думаем, что будем жить вечно, успеем всё, но смерть не спрашивает, успел ли ты составить завещание, она приходит внезапно и забирает тебя. (Обращаясь к залу.) Кстати, ко всем относится. Я, и никто иной, убедил тогдашнего главного вазира сделать выбор в пользу Муктадира. Я сказал ему: «Нельзя делать халифом того, кто знает дом одного, имение другого и сад третьего; того, кто общается с людьми, кого жизненный опыт сделал проникательным человеком». Вазир понял меня и на престол был посажен Муктадир. Закон был нарушен, несовершеннолетний не может управлять халифатом, и главный кади Багдада расстался с жизнью, отказавшись присягнуть ему. Однако я просчитался. Мать мальчика, Ша'аб, вместо того, чтобы жить в свое удовольствие, заниматься женскими делами, тут же принялась вмешиваться в дела правления, она смещает и назначает на посты людей по своему усмотрению, сама продает должности и опережает всех в разграблении государственной казны. Кто бы мог подумать? Что делать, ума не приложу. А главное, когда Мутацца совершил переворот, я остался верен Муктадиру, хотя моя жизнь висела на волоске. И ни слова благодарности. Надо что-то делать, иначе мне скоро нечем будет кормить свою семью. Пойду к Али, потолкую с ним.

Сцена четвертая

Канцелярия Али.

Али сидит, прислонившись спиной к занавешенной тканью нише и диктует катибу, который сидит, скрестив ноги, и записывает на дощечке.

АЛИ. К нам поступают сведения о том, что в Византии притесняют пленных мусульман. Наше обращение к императору Константину не возымело действия, поэтому мы требуем от вас употребить все свое влияние для защиты мусульман, вплоть до угрозы отлучения императора от церкви. Если вы потерпите неудачу, то вы вместе со своим приходом будете изгнаны из халифата. Сделайте два экземпляра: один отправьте патриарху Антиохии, другой – католикосу Иерусалима.

Входит Фурат.

ФУРАТ. Мир тебе, Али!

Али (неприятно). Что привело тебя ко мне?

ФУРАТ. Нам нужно поговорить.

АЛИ. Мы уже разговаривали сегодня.

ФУРАТ. Отпусти катиба, разговор только для твоих ушей.

АЛИ. Я еще не закончил.

ФУРАТ. Брось, поздно уже.

АЛИ (после долгой паузы, катибу). Ты свободен.

ФУРАТ (проводив взглядом катиба). Не бережешь ты себя, тебе ведь уже семьдесят исполнилось? Ну да, мне пятьдесят пять, а ты на пятнадцать лет старше меня, хотя ты в хорошей форме. Осанка, как у юноши. Конец дня, а ты хоть бы спину согнул. Правда, злые языки говорят, что ниша за занавеской набита подушками, а?

АЛИ (отстраняясь от занавески). Говори, зачем пришел.

ФУРАТ. Время позднее, я вижу, ты устал, поэтому не буду тратить время на красноречие, буду краток. Прежде всего я хочу отдать должное твоей дальновидности.

АЛИ. Будь краток.

ФУРАТ. У нас возникла проблема, вернее, возникла она давно, но сейчас приобрела угрожающие для нашего благосостояния формы.

АЛИ. Еще короче.

ФУРАТ. Ша'аб. Она продает должности налево и направо, она торгует ими так, словно она не мать Халифа, а старшина рынка. Она отнимает наш хлеб.

АЛИ. Не надо обобщать, я никого еще не принимал на работу за деньги, в отличие от тебя. Я не назначаю портных начальниками ведомств в ущерб государству. А потом мы удивляемся, как это начальник развалил работу ведомства.

ФУРАТ. Ну, во-первых, это был не портной, а брадобрей, хотелось человеку сделать приятное, отблагодарить за службу, во-вторых, неужели сам ты свободен от ошибок?

АЛИ. А торговца батистом ты назначил кади Басры.

ФУРАТ. Я был обязан ему. Я скрывался в его доме в период немилости у Мутадида. Я назначил его судьей, потому что он был неграмотным и не мог работать ни сборщиком налогов, ни секретарем, ни начальником полиции, ни наместником. Но он оказался неплохим кади, потому что он был честен, а это лучше, чем грамотный, но мошенник.

АЛИ. Тем не менее, ты оказал ему дурную услугу. Ведь после того, как ты в очередной раз очутился в опале, правитель Басры снял его с должности и бросил в тюрьму, где он и умер.

ФУРАТ. Что ты хочешь сказать, что если бы он был грамотный, то он не умер бы в тюрьме? Или его не сняли бы с должности после моей отставки?

АЛИ. Я хочу сказать, что если бы не ты, этот бедолага продолжал бы торговать батистом и был бы сейчас жив.

ФУРАТ. Это судьба. Но не тебе упрекать меня в гибели людей. Я помню, как ты из-за своей безудержной страсти к экономии приказал уменьшить содержание цемента, вследствие чего рухнула опора моста. Погибли строители.

АЛИ. Она рухнула вовсе не из-за этого, а из-за того, что цемент был украден. Если бы они положили столько, сколько я предписал, ничего бы не случилось.

ФУРАТ. Когда ты уменьшал содержание цемента, ты должен был учесть и то, что неминуемо часть украдут, процент воровства.

АЛИ. Возмутительно, ты предлагаешь узаконить воровство!

ФУРАТ. Ты, Али, все время пытаешься уличить меня в ошибках. Я хочу тебе одну вещь сказать: для государства лучше, когда его дела идут с ошибками, чем когда они правильны, но стоят на месте. Но давай не будем спорить по мелочам, я не затем к тебе пришел. Я ведь начал с того, что выразил восхищение твоей дальновидностью. Ты был прав, поддержав Мутазза, а я просчитался, поставив на Муктадира.

АЛИ. Знаешь, что, не вмешивай меня опять в эту историю. Я никого не поддерживал, я лишь сказал, что у принца Мутазза достаточно прав на престол халифата, потому что, в отличие от тебя, я всегда говорю то, что думаю, а мои слова извратили. Говори, что ты хочешь, и закончим этот разговор.

ФУРАТ. Не пора ли нам избавиться от этой женщины?

АЛИ. Прежде чем избавиться от этой женщины, нужно избавиться от ее сына, а я не собираюсь участвовать ни в каких заговорах, мне, как ты уже сказал, за семьдесят, мне пора думать о душе. Лично мне никто не мешает справлять свои обязанности, взяток, в отличие от тебя, я не беру, поэтому не вижу причин, которые могли тебя заставить прийти сюда.

ФУРАТ. Но ты же думаешь о государстве! От правления Муктадира один вред. От десятиmillionной казны, оставленной его отцом, не осталось ни одного дирхема, он все промотал. Мы вынуждены брать в долг, чтобы выплатить жалованье войскам. По ночам он пьянствует, а днем у него голова трещит с похмелья. Удивляюсь, как быстро он превратился в пьяницу.

АЛИ. Вот как ты заговорил, а может быть, ты скажешь о вреде, который ты приносишь государству.

ФУРАТ. Это разные вещи.

АЛИ. Конечно, разные. Муктадир тратит собственные деньги, а ты – казенные.

ФУРАТ. Перестань обличать меня, разве ты свободен от греха?

АЛИ. Да, я свободен от греха, я не беру на службу христиан, я не разрешил своим сыновьям занимать высокие посты, я не проделываю фокусов с финансовыми кредитами.

ФУРАТ. Править государством – это и есть искусство фокусника, если хорошо и уверенно проделывать их, они становятся политикой. Однако я вижу, что не нахожу понимания. Оставляю тебя наедине с твоими подушками, только не прижимайся к ним слишком сильно. (Уходит, говоря в сторону). Ты пожалеешь, что отказал мне.

Сцена пятая

Ша'аб и служанка Зейнаб.

ША'АБ. Беспокойство изводит меня. Немудрено, с таким беспутным сыном, удивляюсь, как я жива до сих пор. Одно только восстание этого Мутацца, наверное, отняло у меня полжизни. До сих пор не могу вспомнить без содрогания, сколько я тогда страху натерпелась. Я тогда спасла сыну жизнь второй раз, спрятала его в гареме, куда восставшие не посмели сунуться, не стала ему напоминать об этом, пожалела его самолюбие. Если бы им удалось схватить мальчика, халифом теперь был бы Мутацца. Мне сказали, что после неудавшегося переворота он был так потрясен, что двинулся рассудком. Я так давно его не видела, решила, что его давно уже нет в живых. И вдруг он появляется, живой и невредимый. Не могу спокойно видеть его, я не верю в его безумие. Эй ты, возьми благовоние, потри мне виски.

Служанка подходит к Ша'аб, сидящей в кресле с высокой спинкой, начинает втирать масло ей в виски, затем массирует ей плечи.

ЗЕЙНАБ. Кажется, вы поправились, кахрамана.

ША'АБ (передразнивая ее). «Кажется, вы поправились». Нет бы, что-нибудь приятное сказала, и так я нервничаю с раннего утра, ты еще будешь мне гадости говорить. В каком месте я поправилась?

ЗЕЙНАБ. Здесь и здесь, и еще в бедрах.

ША'АБ. Пошла прочь отсюда.

Служанка уходит и тут же возвращается.

ША'АБ. Чего тебе еще нужно?

ЗЕЙНАБ. Там в приемной вазир Ал-Фурат, просит принять его.

ША'АБ. Мы с ним уже виделись сегодня, что ему еще понадобилось?

ЗЕЙНАБ. Чтобы это узнать, нужно позволить ему войти.

ША'АБ. Не умничай, я смотрю, язык у тебя стал слишком длинным.

ЗЕЙНАБ. Сказать, что вы не сможете принять его?

ША'АБ. Пусть войдет, этот лис явился неспроста.

Служанка выходит и возвращается с Фуратом.

ФУРАТ. Мир тебе, кахрамана. Я, пока ждал в приемной комнате, вдруг вспомнил тот день, когда впервые тебя увидел. Ты была боязливой девочкой, тебя только привезли с невольничьего рынка, и еще не было решено, куда тебя определить, в гарем или на кухню, ты сидела, прижав к груди узелок, в котором было что-то, видимо, ценное для тебя.

ША'АБ. Смена белья и щетка для волос.

ФУРАТ. Но потом выяснилось, что на кухне нет мест и тебя отправили в гарем. Велика воля случая. Сколько лет минуло с тех пор, двадцать?

ША'АБ. Я вижу, у тебя хорошая память. Что это тебя вдруг потянуло на воспоминания? Решил напомнить мне, что я безродная рабыня, а ты из знатного рода Бану Фурат?

ФУРАТ. Как могла ты подумать так, кахрамана. Мои мысли имели философский аспект, я думал о том, что ничтожные причины могут иметь великие следствия.

ША'АБ. Как вы любите все философствовать. Подумать только. А что ты подразумеваешь под словосочетанием «ничтожные причины»? Не меня ли?

ФУРАТ. Бисмиллах! Я имел в виду случай, ведь могли бы тебя не купить в тот день, и все сейчас было бы иначе. Ту покупку оплачивал я, и я прекрасно помню, как ты понравилась мне, я даже подумывал, не оставить ли тебя себе, пока тебя не увидел Халиф Мутаид.

ША'АБ. Тебя следовало бы высечь за подобную дерзость, несмотря на твой сан; не знаю, что удерживает меня от этого.

ФУРАТ. Вероятно, то, что ты женщина.

ША'АБ. Фурат, я даже боюсь подумать о том, что ты, потревожив мой покой, явился только для того, чтобы напомнить мне о моей несчастной юности. Если это так, то тебе придется испытать силу моего гнева.

ФУРАТ. Когда твой муж приказал арестовать меня – ну, ты помнишь эту пустяковую мою провинность, казенные деньги случайно оказались у меня дома. Единственное, что скрашивало мои дни, это то, что я сидел в твоей тюрьме. Лучшей тюремщицы, чем ты, кахрамана, у меня не было, если ты прикажешь меня арестовать, я с радостью подчинюсь тебе. Но я пришел по делу, очень важному.

ША'АБ. Так переходи же к делу вместо пустопорожней болтовни. Ты, Фурат, сегодня особенно многословен.

ФУРАТ. Мои люди докладывают, что принц Мутацца был замечен в обществе вазира Али ибн Иса.

ША'АБ. Что из этого следует?

ФУРАТ. Я думаю, что сказал достаточно, ты упрекаешь меня в многословии.

ША'АБ. Продолжай.

ФУРАТ. Если ты настаиваешь. Али был одной из главных фигур, поддержавших восстание Ал-Мутацца.

ША'АБ. Что еще?

ФУРАТ. Твои соплеменники, кахрамана, греческие философы, говорили: умному достаточно. А ты очень умна. Больше я ничего не скажу, потому что никаких фактов нет, досужие домыслы, а на это и ты горазда.

ША'АБ. Я вижу, ты невысокого мнения о моем уме. По-твоему, я горазда только на досужие домыслы.

ФУРАТ. Я оговорился, прости.

ША'АБ (после недолгого молчания). Ну что ж, я поразмыслю над твоими словами. Ты хорошо сделал, что сказал мне об этом. Чем мне отблагодарить тебя?

ФУРАТ. Мне ничего не нужно, я это сделал бескорыстно.

ША'АБ. Я не доверяю людям, которые говорят, что им ничего не нужно, потому что впоследствии выясняется, что им нужно все. Пока что твои слова вызывали у меня доверие, не порть этого впечатления, говори, почему ты сказал про Мутацца и Али ибн Иса.

ФУРАТ. По той же причине, кахрамана, я им не доверяю, они оба бессребреники, они оба выпячивают свое бескорыстие, один в вопросах власти, другой в вопросах (Фурат засмеялся, не находя нужные слова) ... других вопросах. Это не может не вызывать подозрений, тем более, что ибн Мутацца, который прикидывается сумасшедшим, не настолько тронулся умом, чтобы не пить. Ну, посуди сама, можно ли

назвать сумасшедшим человека, который при этом любит женщин и вино? Он завятый выпивоха-поэт, а Али не только не пьет, он даже и не ест в течение светового дня, словно он соблюдает рамадан без срока. А что касается литературы, мне помнится, как во время одной официальной аудиенции он так накричал на филолога Афшана, что бедолагу хватил удар на месте, и тот умер. Что же у них общего? К тому же он все время повторяет, что у Мутазза есть права на престол.

ША'АБ. Не очень-то ты меня убедил, еще доводы есть?

ФУРАТ. Я богатый человек, Ша'аб, к тому же занимаю третий по значению пост в халифате, я заинтересован только в одном, чтобы ничего не менялось. В стабильности. Перемены не в моих интересах.

ША'АБ. А вот это уже похоже на правду.

ФУРАТ. В таком случае разреши мне удалиться.

ША'АБ. Ты куда-то торопишься, Фурат?

ФУРАТ. Домой, мой маленький сын не засыпает, пока не ухватит меня за палец.

ША'АБ. Сколько ему?

ФУРАТ. Два года.

ША'АБ. Надеешься увидеть его зрелость, ты не молод?

ФУРАТ. Все в руках Всевышнего.

ША'АБ. Много говорят о твоей благотворительности. Я слышала о том, что ты строишь больницу на свои деньги. Платишь жалованье поэтам. Будто бы любой человек, придя к тебе в дом, может получить кусок хлеба. Отчего такая щедрость?

ФУРАТ. Несколько лет назад я увидел во сне хлеб, до которого, как ни пытался, не мог дотянуться. С тех пор в моем доме хлеб раздают бесплатно.

ША'АБ. Иди, Фурат, я буду думать о том, что ты сказал.

Сцена шестая

Мутазза и Зейнаб.

ЗЕЙНАБ. Ты сегодня грустен, не читаешь стихов, мне скучно, может, ты разлюбил меня?

МУТАЗЗА. Почему всякий, узнав, что человек – поэт, тотчас просит, чтобы он читал ему стихи, а у музыканта – чтобы тот играл. Ведь при знакомстве с палачом никому не придет в голову попросить его достать топор и отрубить кому-нибудь голову. Ладно, не надувай своих прелестных губ, я прочитаю то, что сегодня сочинил.

О, ветер отчего края, родных пустынь и урочищ,
Уж лучше забудь меня, если дум развеять не хочешь.

ЗЕЙНАБ. А повеселей что-нибудь?

МУТАЗЗА (задумчиво).

Жизнь прошла и отвернулась, я забыл, что знался с лаской,
И седин моих сверканье никакой не смоешь краской,
Ненавистен стал мне старец с бородою белоснежной,
Как же этакое старца полюбить красотке нежной?

ЗЕЙНАБ. Я просила что-нибудь повеселей, мне не нравятся такие стихи. И вовсе ты не старый, и я тебя люблю, все неправильно. Но если ты не будешь веселить меня, то я уйду, так и знай. Ну же, прочитай что-нибудь про любовь.

МУТАЗЗА.

Напой меня прохладой золотистого вина,
Полоса на небосклоне влажной мглой обрамлена,
А созвездия похожи в дивном сумраке нетленном
На серебряные бусы, окаймленные эбеном.

ЗЕЙНАБ. Слушаюсь, мой принц. (Наливает из кувшина вино и подносит Мутаззе.) А еще?

МУТАЗЗА. Я сегодня попался на глаза матери халифа, до сих пор мне удавалось избегать ее. (Берет чашу в руки и произносит)

Случая не упустить пить вино с подругой,

На заре, когда встает солнце над округой,
 Утром сладостней вино, опьянение слаще,
 Пусть оно вас осенит счастьем настоящим.

Сегодня эти строки читал Муктадир, не зная, что они принадлежат мне. Он пригласил меня на пир сегодня вечером, но я не пошел, сдаётся мне, что это был бы последний пир в моей жизни.

ЗЕЙНАБ. Ты опять стал грустным, я уйду сейчас. Кахрамана меня накажет, если узнает, что я была с тобой. Я рискую, а ты вместо того, чтобы развлекать меня, только печалишься.

МУТАЗЗА. Ну, прости меня, я не буду грустить. Давай выпьем.

ЗЕЙНАБ. Я не пью вина.

МУТАЗЗА. Оно даст нам веселье.

ЗЕЙНАБ. А я не нуждаюсь в этом, чтобы обрести веселье, а тебе, я вижу, даже вино сегодня не помогает, а я и так весела, вот посмотри (кружится, танцует и поет)

С нами флейта сладкозвучная бродила,
 Лютня радостно о счастье говорила,
 И кувшины, как танцоры в тесном круге,
 Хоровод вели, сплетая в танце руки,
 А потом – кувшины к кубкам прижимались,
 А потом - на стол слугою подавались,
 А потом - как дождик нас под облаками
 Осыпали тихо розы лепестками.

(Останавливается.) Как интересно, ведь ты принц, и ты любишь меня. Если бы твоя судьба сложилась иначе и счастье улыбнулось тебе, то я была бы сейчас кахрамана. (Подражая Ша'аб, командует.) Эй вы, там не стойте, а стойте здесь, танцуйте, услаждайте меня! (Мечтательно.) Да, и наш сын стал бы халифом.

МУТАЗЗА. Это не факт, что он стал бы халифом, ведь я же не стал халифом.

ЗЕЙНАБ. Почему, расскажи мне?

МУТАЗЗА. Трон должен был занять я, но вазирьы предпочли мне Муктадира, боясь за собственное благополучие. Удивительно, вазирьы и министрьы, которьых назначает халиф , чтобы они управлiali страной и думали о благе народа, ни во что не ставят интересы людей и вскоре начинают управлять халифом. Так хвост, отяжелевший от грязи, вдруг начинает управлять собакой, заносить ее влево, вправо. И тогда некие силы затеяли переворот. Но как я на пятом десятке мог ввязаться в эту авантюру? Я поэт и философ. Мне не нужна была власть, я поддался на уговорьы, подумав, что, став халифом, облегчу жизнь простого народа. Переворот удался, но я усидел на троне лишь одни сутки. Не знаю, что посулила Ша'аб генералам, что они встали на ее сторону. В суматохе обо мне забыли, вернее, никто не посмел взять на себя ответственность и предать меня смерти, а Муктадир был слишком мал для мести. Его мать еще не была такой всесильной, как сейчас. Я иногда разговариваю сам с собой. Кто-то подслушал и объявил меня безумцем, и все вздохнули с облегчением. Какой с безумца спрос?

ЗЕЙНАБ. Кажется, сюда идут. Я спрячусь.

Убегает. Входит Кушури в сопровождении двух стражников.

КУШУРИ. Мир тебе, Мутазза, повелитель приглашает тебя разделить с ним вечернюю трапезу.

МУТАЗЗА. А я было подумал, что ты пришел арестовать меня.

КУШУРИ. Ты ошибся.

МУТАЗЗА. Тогда к чему эта стража?

КУШУРИ. Исключительно для безопасности, время позднее. По ночам в Багдаде шалют разбойники. Халиф хочет быть уверен в безопасности своего гостя.

МУТАЗЗА. Мой отец хорошо относился к тебе.

КУШУРИ. Я помню добро, господин, прости, но я на службе. (Понизив голос.) Тебе ничего не грозит.

МУТАЗЗА. Ну что ж, ты меня убедил, я готов следовать за тобой. (Оглядываясь на занавеску, за которой скрылась Зейнаб.) Правда, у меня тут одно важное дело намечалось, но я думаю, оно подождет моего возвращения.

Уходят, появляется Зейнаб.

ЗЕЙНАБ. Как же, подождет оно твоего возвращения. Ты будешь там на пиру веселиться, а я, как дура, ждать твоего возвращения, дудки. Пойду-ка я к себе, неровен час, кахрамана хватится, накажет, а было

бы за что. Только и успел стихи мне почитать, ничего мне не подарил. Поэты – странные люди, хуже них только военные, те даже стихов не читают, а сразу руки распускают. А лучше всего дело иметь с купцами. Они, правда, жадные, но если их раззадорить, то можно раскрутить на подарки. Ладно, пойду к себе, вечер не удался, а так все хорошо началось.

Уходит.

Сцена седьмая

Пир в покоях халифа. Низкий стол накрыт яствами, в стороне сидят музыканты, танцовщицы. Кроме Муктадира, который уже изрядно пьян, за столом находятся еще несколько человек. Служанки обносят их вином.

ХАЛИФ. Вот говорят мне, что от вина болит голова, это неправда, она болит, если ты не пьешь вина. У меня весь день болела голова, а как только я выпил, боль прошла.

Входит Мутацца.

ХАЛИФ. А вот и наш поэт! (Обращаясь к присутствующим.) А вы знаете, что поэты – это посредники между людьми и Аллахом. Вот один из них сегодня будет моим гостем. Но он не только поэт, он еще и принц крови, (смеется) мой соперник, у нас с ним были разногласия, но они в прошлом. Мы с ним почти что братья, правда, от разных матерей (помедлив) и отцов, но все равно. И он сын халифа, и я сын халифа. Садись, Мутацца, налейте вина нашему поэту. А это мои надимы, хотел бы я быть на их месте, ты знаешь, Мутацца, что я плачу им жалование за то, что они здесь едят и пьют каждый день задарма. Чтобы быть справедливым, должен сказать, что они тоже в какой-то мере страдают, счастье полным не бывает, ведь каждое утро их головы трещат от похмелья. Но, с другой стороны, я ведь тоже мучаюсь, причем бесплатно. Давайте выпьем за нашего гостя. (Пьют.) До твоего прихода я рассказывал своим гостям, ну тем, кто еще не видел, о своем дереве с золотыми и серебряными листьями, оно стоит посреди оловянного пруда, а на нем сидят механические птички и поют чудесными голосами. Хочешь, покажу тебе?

МУТАЦЦА. Я видел это дерево и не мог налюбоваться.

ХАЛИФ. А ты не очень торопился ко мне, Мутацца. Чем это ты был так занят, что мне пришлось посылать за тобой? Учти, повелитель не любит повторять дважды.

МУТАЗЗА. Я был с женщиной.

ХАЛИФ. Если бы я знал, не стал бы тебя отрывать от такого важного дела. Надеюсь, она тебя дождетя.

МУТАЗЗА. Я тоже надеюсь. А в свое оправдание скажу, что воспитанные люди знают, что не всякое приглашение надо воспринимать буквально, особенно если оно не подтверждено. Мусульманский этикет. Это может быть элементарная вежливость. Чтобы не получилось, как с одним человеком.

ХАЛИФ. Расскажи нам.

МУТАЗЗА. Некий катиб вернулся с работы домой и увидел, что в доме ни еды, ни питья. Расстроенный, он вышел на улицу, прислонился к забору. В это время мимо ехал всадник, он поздоровался с катибом, и тот из вежливости сказал: «Сойди с коня, будь моим гостем». Всадник тут же спешился и спросил: «Куда мне привязать лошадь»? – «К моему длинному языку», – ответил смущенный катиб.

ХАЛИФ. Это поучительная история. А вот послушай, что произошло с моим катибом на прошлой неделе. Расскажи, Йакут..

Один из сотрапезников начинает рассказывать.

ЙАКУТ. На прошлой неделе катиб повелителя с двумя Алидами отправился на лодочную прогулку по Тигру. В одной из протоков на них напали разбойники, они гнались за ними и кричали: «Давай сюда мужа распутницы». Катиб, не потерявший присутствия духа, заметил: «Господа, они, видно, давно следят за нами, иначе откуда им знать, что наши жены распутницы». Все хохотали так, что вызвали замешательство у разбойников. Благодаря этому им удалось уйти.

ХАЛИФ. Давай поговорим о чем-нибудь. О петушиных боях, например, или о торговле с хазарами. Мне недавно прислали из Египта черного козла с белым выменем, который дает молоко. И черную птицу, говорящую по-персидски и по-индийски. Мутазаза, не прочтешь ли ты нам стихи?

МУТАЗЗА. Пожалуй, думаю, они будут уместны на этом застолье.

Тех, кто любит наслажденье,

Укорять нельзя, поверьте.

Что такое жизнь? Мгновенье!

Миг, украденный у смерти!

Сколько раз благоразумный

Ум терял в застолье с нами,

То в него с вином безумным,
Влил огнепоклонник пламя.
Это пламя разгоралось
От вина, что, чуть играя,
Год за годом очищалось,
Крепко силы набирая.
И сейчас с улыбкой ясной
Нас газель обносит с лаской,
До чего ж она прекрасна,
И в любви, и в гневе страстном!
И вино клокочет пенно,
Как у вспоротого горла,
Чтоб, в воде остыв мгновенно,
Золотиться в кубках гордо.

ХАЛИФ. Прекрасно. Немного смущает концовка, от такого образа желание пить пропадает. Я заметил, что в твоих стихах начало всегда радостное, а конец печален.

МУТАЗЗА. Твое замечание очень ценно для меня, повелитель, я слышал, что ты хорошо разбираешься в поэзии и сам пишешь стихи.

ХАЛИФ. Ну что ты, какие стихи, мне далеко до тебя. Зарифмовываю письма, которые отправляю в провинции своим наместникам – это сейчас модно. Лучше расскажи еще какую-нибудь поучительную историю.

МУТАЗЗА. На пиру истории, рассказываемые меж кубками, должны быть короткими, чтобы не испытывать терпение пьющих, мне же на ум ничего не приходит короткого. Я предлагаю выпить за твое здоровье.

ХАЛИФ. Нет, так не годится, это нам дозволено говорить тосты прозой, а ты произноси тосты стихами. Но не готовые, а прямо сейчас сочиняй, чтобы и мы были к этому причастны. Потом мои надимы будут рассказывать о том, как вдохновили тебя.

МУТАЗЗА. Импровизировать? Хорошо, я попробую (задумывается).

Под сенью виноградных лоз мы напивались допьяна

Лицо возлюбленной моей во тьме мерцало как луна.

(Пьют под одобрителные возгласы.)

ХАЛИФ (говорит уже с трудом, частыми паузами). Меня все время спрашивают, зачем ты до сих пор жив... Скажи-ка, Мутазза, насколько... ты искренен, возглашая тост за мое здоровье, убеди меня в... том, что я поступил правильно, сохранив... тебе жизнь, что мне не следует опасаться... тебя.

МУТАЗЗА. Я совершенно искренне желаю тебе здоровья.

ХАЛИФ. Прекрасный ответ... но мне вдруг подумалось... что ты ни разу не назвал меня повелителем, скажи... откровенно, не считаешь ли ты себя более достойным посоха пророка?

МУТАЗЗА. Стоит ли ворошить прошлое?

ХАЛИФ (повышая голос). Прошлое ворошить не стоит, но и забывать его не следует, ты покушался на мой престол, на мою жизнь, я хочу знать правду.

МУТАЗЗА. Я не покушался на твою жизнь. Я хотел восстановить справедливость. Я такой же наследник, а раз так, значит по рождению у нас равные права, поэтому я и не называю тебя повелителем. Ведь ты сам сказал об этом. Судьба выбирает одного, им оказался ты.

ХАЛИФ. Ну что же, благодарю тебя за искренность, а ты не так прост, как мне казалось. (Долгая пауза.) Однако небо, кажется, светлеет, и я чувствую усталость. Пойду к пруду (иронически) – погляжу на лотос. (Поднимается, уходит, за ним остальные, кланяются и расходятся.)

МУТАЗЗА (оставшись один). Кажется, я сболтнул лишнее, до чего же сложно все время притворяться и держать язык за зубами. Какая смертная тоска мною овладела, надо гнать ее прочь.

В глубине сцены слышатся шум, голоса, бегают люди, голос глашатая: «Беда, беда! Скорей сообщите повелителю: на Мекку напали карматы, черный камень Каабы украден! Аллах разгневался на нас!»

ДЕЙСТВИЕ 2

Сцена первая

Заседание Дивана. Присутствуют халиф, Ша'аб, Кушури, Фурат, Али.

ША'АБ. По вашим лицам я вижу, что вы приготовили для меня неприятное известие. Ну, говорите.

ФУРАТ. Страшное бедствие обрушилось на халифат.

ША'АБ. О, Аллах, что еще случилось?

ФУРАТ. Язык не поворачивается сказать о нем.

ША'АБ. Однако он повернулся, чтобы напугать меня. Говори же скорее, неведение еще хуже.

ФУРАТ. Черный камень Каабы украден.

ША'АБ. Что ты несешь, кому он нужен?

ФУРАТ. Карматы напали на Мекку, они пропустили паломников в город, но затем ворвались туда, вырезали всех и увезли камень.

ША'АБ. Даже не знаю, что и сказать. Я, конечно, не буду убиваться из-за какого-то камня, но боюсь, что это расстроит моего сына. Только этого нам и не хватало.

Появляется халиф в окружении свиты, садится, оглядывает всех.

ХАЛИФ. Докладывайте, что у нас на сегодня. Надеюсь, все хорошо, и я услышу то, что укрепит мой дух.

ША'АБ. Увы, повелитель, у нас большие неприятности.

ХАЛИФ. Сколько раз я просил начинать с хороших новостей. Ну, что еще случилось?

КУШУРИ. О, эмир правоверных, карматы напали на Мекку, вырезали людей, похитили храмовые сокровища и увезли черный камень Каабы.

ХАЛИФ. Мама, ты это называешь неприятностями, это страшное несчастье для всех мусульман.

Ша'аб пожимает плечами.

ХАЛИФ. А тебе, Кушури, я прикажу заклеить рот. Я уже не помню, когда слышал от тебя что-нибудь хорошее. Как это могло произойти, кто объяснит мне?

ФУРАТ. Повелитель, карматы давно стали бедствием для страны, они грабят торговые караваны, паломников, совершающих хадж. Недавно вернулись несколько человек из числа тех, кто был захвачен ими в плен во время хаджа, они провели в плену два года. Их считали погибшими, за это время их жены повыходили замуж, а имущество поделили родственники.

ХАЛИФ (с интересом). И что же эти бедолаги стали делать?

ФУРАТ. Судятся. Часть имущества им вернули, правда, некоторые жены отказались возвращаться.

ХАЛИФ. Почему?

ФУРАТ. Можно спросить у них, если прикажете.

ХАЛИФ. Не надо. Что делалось для того, чтобы усмирить их?

ФУРАТ. Кого, жен?

ХАЛИФ. Причем здесь жены? Карматов.

ФУРАТ. Безопасностью паломников, равно как и налогами Мекки, занимался благочестивый Али ибн Иса.

ХАЛИФ. Али, как ты мог допустить такое?!

АЛИ. Я долго вел переговоры с карматами, но результатов это не дало.

ХАЛИФ (раздраженно). Вот как! Я спросил, а ты ответил. (Передразнивая) Результатов это не дало... И ты, верно, полагаешь, что вопрос исчерпан. Я удовлетворен, а ты пойдешь домой. Нет, так просто тебе это не сойдет с рук.

ФУРАТ. Вместо того чтобы принять действенные меры, он занимался тем, что заигрывал с ними. Теперь мы пожинаем плоды его переговоров.

ХАЛИФ (в сторону занавески). Что мне с ним делать?

ША'АБ. Его надо арестовать, это будет поступок государя, мудрый и решительный. Али давно уже создает только видимость работы. Все его рвение направлено против мелочей. Человек с жалованьем в двадцать динаров в час тратит несколько часов, чтобы сэкономить десять динаров на гусином корме.

ХАЛИФ. Арестуйте его.

Кушури делает знак охране, вазира арестовывают и уводят.

АЛИ (кричит). Повелитель, ты совершаешь ошибку, я преданный тебе человек...

ХАЛИФ. Фурат, ты займешь его место. А на твое нужен дельный человек, какие будут предложения?

ФУРАТ. Я могу предложить своего сына Муххасина, несмотря на свою молодость, он умен и энергичен.

ША'АБ. Мы наслышаны об энергии твоего сына. До меня давно уже доходят слухи о жестокости, которую он проявляет к попавшим в зависимость от него людям, выколачивая из них деньги. Кроме того, одного вазира из Бану Фурат достаточно для халифата. (Фурат кланяется.) У меня есть достойная кандидатура на этот пост, его зовут Хакан.

ХАЛИФ. Хорошо, я утверждаю его. Где командующий моей армией, где Мунис?

Появляется Мунис.

МУНИС. Я здесь, повелитель.

ХАЛИФ. Немедленно выступай, разбей карматов и верни священный камень Каабы.

МУНИС. Повелитель, регулярная армия не может воевать с разрозненными отрядами бедуинов, они не вступают в бой. Пока я выступлю из города и разверну полки, они скроются в пустыне. Здесь необходимы другие действия, оперативная работа, разведка. Их надо выследить, заманить в ловушку и уничтожить.

ХАЛИФ. Ну так придумай что-нибудь, ты у нас военачальник, стратег. И чтобы о карматах я больше не слышал.

КУШУРИ. Повелитель, что делать с Али?

ХАЛИФ. Отдайте его Муххасину, сыну Фурата, пусть подвергнет его пыткам. Если умысел не будет доказан, пусть заплатит штраф и удалится в столь желанную его сердцу Мекку – она сейчас, как никогда, нуждается в его заботе.

Сцена вторая

Ша'аб в окружении служанок. Одна расчесывает ей волосы, две другие полируют ногти. На сцене стоит некий предмет, накрытый тканью.

Ша'аб жестом удаляет всех, за исключением Зейнаб.

ША'АБ. Ну, что там подельывает Мутацца? Что-нибудь узнала?

ЗЕЙНАБ. Ничего особенного.

ША'АБ. Рассказывай все, как есть.

ЗЕЙНАБ. Гуляет, пьет вино, читает стихи.

ША'АБ. Какая прелесть, райская жизнь у нашего заговорщика: вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, он пьет и гуляет. Рассказывай все, как есть – с кем он встречается, что говорит?

ЗЕЙНАБ. По его словам, от него все шарахаются, как от прокаженного, поэтому встречается он только со мной. А говорит он следующее:

Ведь нынче я ложе в ночи разделяю с тоскою,

Мне очи бессонница красит сурьюю.

ША'АБ (оборачивается, удивленно смотрит на служанку). Ты решила шутки шутить? Смотри, дошутишься!

ЗЕЙНАБ. Ты же сама велела рассказывать все, что он говорит.

ША'АБ. Стихов читать не надо, я их не люблю. Он с кем-нибудь видится?

ЗЕЙНАБ. На свидания он приходит один, (с подтекстом) помощник ему пока не требуется.

ША'АБ. Попридержи язык. (После недолгого раздумья.) Пожалуй, тянуть с этим больше нельзя. Вот, возьми. (Протягивает ей склянку.)

ЗЕЙНАБ (удивленно). Что это?

ША'АБ. Накапаешь ему в вино.

ЗЕЙНАБ (в ужасе). Нет, я не смогу этого сделать.

ША'АБ. Почему?

ЗЕЙНАБ (запинаясь). Я...я...не знаю, мне жаль его.

ША'АБ (грозно). Зейнаб, не влюбилась ли ты в него? Я послала тебя шпионить за ним, а не влюбляться!

ЗЕЙНАБ. Прости меня, Госпожа! Пощади его! Он такой несчастный и безобидный.

ША'АБ. Ты слишком многого от меня просишь – и его пощадить, и тебя простить. Ты уж выбери что-

нибудь одно. Но если ты отказываешься сделать это для своей госпожи, значит дорога тебе на невольничий рынок. Я велю продать тебя, мерзавка, пастухам, погонщикам верблюдов!

ЗЕЙНАБ (моля). Госпожа, не продавай меня, ты же сама была когда-то рабыней!

ША'АБ. Думаешь, напомнив мне об этом, ты разжалобишь, нет, только рассердила меня, потому что я всю жизнь пыталась забыть об этом. Прочь ступай и помни, что тебя ожидает, если ты ослушаешься! (Зейнаб хватает склянку и убегает. Ша'аб хлопает в ладоши.) Позовите сюда нового вазира и моего секретаря.

Появляется вазир, кланяется.

ША'АБ. Как, говоришь, тебя зовут?

ВАЗИР. Хакан, кахрамана.

ША'АБ. Хакан, ты еще не отблагодарил меня за свою новую должность.

ВАЗИР (падает ниц). Кахрамана, глубину моей благодарности нельзя измерить ничем.

ША'АБ. Ты напрасно это, зачем впадать в крайности, измерь ее дирхемами или лучше золотыми динарами. Ты знаешь, сколько стоит твоя должность? Ты принес нам эту сумму?

ВАЗИР. Я принесу деньги на этой неделе.

ША'АБ. Зачем же откладывать, иди домой и возвращайся скорее. Впрочем, чтобы не утруждать тебя, я пошлю с тобой своего слугу: тебе, как вазир, не к лицу таскать такие тяжести, да и на улицах беспокойно. Иди. Да, и приглядывай за Фуратом: если что-нибудь заметишь, дай мне знать.

Вазир кланяется и уходит.

ША'АБ. Позовите Фурата. (Подходит к предмету, стягивает ткань, открывается гипсовый бюст Ша'аб. Появляется Фурат, кланяется, обращаясь к бюсту, но, разглядев, пугается, произнося: «Бисмиллах».)

ФУРАТ (поворачиваясь к Ша'аб). Мир тебе, кахрамана, как светел твой лик.

ША'АБ (смотрится в ручное зеркало). Что ты хочешь этим сказать? Что я побледнела? Вообще-то я довольно смугла для гречанки, если только на фоне моих темнокожих девушек кажусь светлой.

ФУРАТ. Это только гипербола, я хочу сказать – ты так прекрасна, что от твоего лица исходит свет.

ША'АБ. Что это ты комплименты расточаешь?

ФУРАТ. Я всегда так считал.

ША'АБ. Я как раз об этом хотела поговорить, раз ты так считаешь, наверное, ты согласишься с тем, что память обо мне надо увековечить.

ФУРАТ. Это прекрасно, может быть, ты учредишь благотворительный фонд или построишь больницу за счет своих средств? Люди будут тебе благодарны, и память о тебе останется в веках.

ША'АБ. Фурат, ты заблуждаешься, считая, что люди способны на благодарность. Как это тебе удалось в твоём возрасте сохранить такую непосредственность? Я бы даже сказала – наивность?

ФУРАТ. А что с моим возрастом, мне всего пятьдесят пять лет, я собираюсь взять себе ещё одну жену.

ША'АБ. Для женитьбы много ума не надо, Фурат. Но некоторая связь между умом и возрастом всё же существует. В пятьдесят пять пора бы уже расстаться с иллюзиями. Или ты думаешь, что, раздавая людям хлеб, добьёшься любви народной?

ФУРАТ. Не только хлеб. Каждый, кто покидает мой дом после захода солнца, получает зажжённую свечу, чтобы освещать свой путь.

ША'АБ. Ну да, во мраке жизни. Знай, вазир, что втайне они тебя ненавидят за то, что ты богат настолько, что можешь раздавать хлеб. Милостыня всегда оскорбляет, вернее, унижает берущего. Так что ты можешь продолжать заигрывать с чернью сколько угодно, а мне по душе другие способы. Я выписала из Греции ваятеля, чтобы он изваял меня и чтобы мой бюст, в смысле, облик, запечатлённый в камне, вот это (показывает на макет), а не то, что ты подумал, вперив свой бесстыжий взор, и чтобы этот памятник украшал дворцовую площадь Русафа. Он попросил немного, сто тысяч золотых динаров.

ФУРАТ. Кахрамана, это очень большие деньги, у нас сейчас нет лишних средств, всё расписано, этой статьи не предусмотрено в бюджете.

ША'АБ. Фурат, я не для того уволила Али ибн Иса, чтобы теперь от тебя выслушивать попреки в расточительстве. Или ты теперь унаследовал его скардность?

ФУРАТ. Кроме того, наша религия запрещает изображать людей.

ША'АБ. Я не мусульманка, на меня этот запрет не распространяется. Но довольно. Иди, вазир, и поразмысли над моими словами, я уверена, ты найдёшь деньги для памятника. Или, может быть, ты считаешь, что я не достойна этого?

ФУРАТ (покорно). Я думаю, кахрамана, что в халифате нет человека, более достойного памятника, чем ты.

ША'АБ. Ответ правильный. Халиф – это наместник пророка, а я его мать. Памятник не Ша'аб, речь идет о символе. Ты все понял?

ФУРАТ. Да.

ША'АБ (смотрит на него). Чего ты ждешь?

ФУРАТ (мнется). Кахрамана, ты все время говоришь о моей благотворительности. Дело в том, что я занимаюсь ею все меньше и меньше. Скажу откровенно, с тех пор, как ты стала назначать людей на должности, мои доходы сильно поубавились. Не могли бы мы как-то договориться, чтобы мне тоже что-то оставалось.

ША'АБ (насмешливо). Нет, вазир, я не договариваюсь с людьми, которые мне подчиняются. А если ты еще раз осмелишься заговорить со мной об этом, я сделаю так, что тебя уволят. Ты меня понял?

ФУРАТ. Да, госпожа.

ША'АБ. Иди.

Фурат уходит, недовольно качая головой. Ша'аб ходит по сцене. Затем останавливается перед своим бюстом, сложив руки на груди, подперев подбородок. Входит Мутацца. При виде его Ша'аб вздрагивает. Мутацца наклоняет голову в приветствии.

МУТАЦЦА. Мир тебе, Ша'аб. Любуешься?

ША'АБ. Можешь называть меня кахрамана.

МУТАЦЦА. Я попробую, если это поможет сохранить мне жизнь.

ША'АБ. Я вижу, что ты потерял покой в страхе за свою жизнь. Есть одно действенное средство – представь, что ты уже умер, что ты уже на небесах, и ты избавишься от беспокойства, перестанешь изводить себя.

МУТАЦЦА. Пробовал, не получается, не хватает воображения. Все равно страшно.

ША'АБ. Чего же ты так боишься? Все к тебе благосклонны, даже мой сын, у которого больше всего причин опасаться тебя.

МУТАЦЦА. Тебя. Потому что все, кого ты упрекаешь в благосклонности ко мне, всего-навсего признают существующие правила, порядок вещей, их природу. Вазирь, министры, двор и даже твой сын понимают, что нельзя лишать жизни принца крови, и только ты – человек со стороны, чужестранка, лишена этого понимания. Халифа можно свергнуть, но его нельзя предавать смерти. Изолировать – да, лишить свободы – да. Но не убивать. Потому что это создает прецедент, и вслед за этим наступает хаос.

ША'АБ. Поэтому были убиты халифы Осман и Али, благодаря порядку вещей, существующим правилам?

МУТАЗЗА. Имамы Осман и Али были убиты вопреки правилам, и это привело к бедствиям, посеяло распри между мусульманами, которые не утихают до сих пор.

ША'АБ. Это ты сейчас так рассуждаешь, а я бы посмотрела, что бы ты сделал, если бы тебе удалось удержаться на троне? Как бы ты поступил с моим сыном?

МУТАЗЗА. Я бы не причинил ему вреда.

Шааб отворачивается к своему изваянию.

МУТАЗЗА. Хорошая лепка, похоже получилось. И главное, эта гипсовая голова, – она искренняя.

ША'АБ (надменно). Что ты хочешь этим сказать?

МУТАЗЗА. Она лишена чувств, в том числе милосердия, в силу своей природы и, в отличие от тебя, не скрывает этого.

Ша'аб, смерив его взглядом, уходит, ни слова не говоря.

МУТАЗЗА (оставшись один). Кажется, я опять сболтнул лишнее... В очередной раз. Меня как будто кто-то тянет за язык, удивляет меня самого то, с каким упорством я заигрываю со смертью. (Уходит, декламируя.)

Вино и мед, вино и мука,

И скорпионов круговерть.

Смерть – это попросту разлука,

Разлука – это просто смерть.

Сцена третья

Заседание дивана. Халиф , Кушури, Ша'аб и др.

КУШУРИ. Багдад объят превеликим страхом перед карматами, все базары закрыты. Люди ропщут, близится месяц зу-ль-хиджа, а дороги, ведущие в Мекку, перерезаны. Велика опасность народных волнений.

ХАЛИФ. Меня удивляет, что мы вновь говорим о карматах, разве с ними еще не покончено? Что ты молчишь, Кушури?

КУШУРИ. Повелитель, в зале есть люди, которым по должности полагается отвечать на такие вопросы. Я лишь докладываю о происходящем.

ХАЛИФ. Я от тебя еще не слышал ни одной доброй вести за последнее время, а знаешь ли ты, как в древности поступали с вестниками беды?

КУШУРИ. Знаю, повелитель, но беда от этого не становилась радостью, проблемы это не решало.

ХАЛИФ. Хорошо, хорошо, я не так глуп, как ты думаешь. Где командующий?

МУНИС. Я здесь, повелитель.

ХАЛИФ. Я приказал тебе разогнать карматов.

МУНИС. Они сами разбегаются, как только я выступаю из города и разворачиваю свои полки. А гнаться за ними, углубляясь в пустыню, рискованно. Гарнизон состоит из наемников-тюрок, не привычных к таким условиям, карматы же – выходцы из Аравийской пустыни, они себя чувствуют в ней, как рыбы в воде.

ХАЛИФ. Подожди, подожди, это я уже слышал от тебя, но еще я слышал про разведку, про засады. Что-нибудь сделано? Или ты будешь мне только о причинах твоего бездействия рассказывать? Отвечай коротко: да или нет.

МУНИС. Нет, но я как раз разрабатываю...

ХАЛИФ. Довольно, помолчи, ты утомил меня. Хакан, ты у нас свежая голова, ну-ка, скажи, что нужно делать?

ХАКАН. Я лучше послушаю, повелитель. Как ты скажешь, так и надо сделать.

ХАЛИФ. А за что же ты деньги получаешь?

ХАКАН. Я еще ничего не получал, наоборот, свои отдал. Мне их еще вернуть надо.

ША'АБ. Тебя не об этом спрашивают.

ФУРАТ. Повелитель, ответ прост, надо сделать одно из двух: или успокоить народ, или усмирить карматов.

ХАЛИФ. Да чего же ты умен, Фурат, мы здесь собрались, думаем, а никому это и в голову не пришло. Но сдается мне, ответ не так прост, как ты говоришь.

ФУРАТ. Повелитель, логика простая, надо идти по пути наименьшего сопротивления, раз не можем справиться с карматами, значит, надо справиться с тем, с кем можно справиться, то есть с народом. Надо разогнать их по домам, и пусть там сидят до тех пор, пока не успокоятся, я думаю, что войска уж со своим народом-то справятся?

МУНИС. Для того, чтобы разогнать народ, существует полиция, совсем не обязательно применять войска.

ХАЛИФ. Вообще-то я думал, что полиция нужна для того, чтобы защищать народ. Но скажи, Мунис, ты не можешь справиться ни с внешним врагом – карматами, ни с внутренним – разбойниками, ни со своим народом, а для чего ты нужен? Для чего я содержу армию, из-за которой у меня в бюджете хронический дефицит?

МУНИС. Армия – опора власти, я нужен для вашей безопасности. Я считаю, что необходимо увеличить гарнизон еще как минимум на тысячу человек, тогда мы предоставим конвой паломникам.

ША'АБ. Крепость трона не определяется количеством солдат. Ты, Мунис, прежде чем просить об увеличении гарнизона, позаботился бы о боеспособности имеющейся армии, до меня доходят слухи, что твои офицеры продают обмундирование на сторону, разворовывают провиант, а солдаты ходят в обносках, голодают.

ХАЛИФ. Это правда, Мунис?

МУНИС. Повелитель, клянусь, раньше такого не было, но жалованье у офицеров маленькое, к тому же получают они его с задержками. Надо увеличить денежное довольствие и выдавать его вовремя.

ХАЛИФ. Поэтому ты и с карматами не можешь справиться, у твоих офицеров одна забота – деньги. Воевать надо как следует, тогда и деньги будут. Ты очень расстроил меня, я буду думать о тебе, и мысли эти не будут радовать мое сердце. Прочь с глаз моих.

Мунис кланяется и уходит.

ХАЛИФ. Надо поискать ему замену, зачем мне генерал, который не может выполнить мой приказ. Примите меры против карматов, если я еще раз о них услышу, вы все об этом пожалеете. Заседание закончено. Все свободны.

Входит Мутаза.

МУТАЗЗА. Повелитель, позволь мне участвовать в сражении с карматами.

ХАЛИФ. Ты удивил меня, Мутаза, ты поэт, не военный.

МУТАЗЗА. Я принц крови, араб, я воин по рождению. Мне в жизни приходилось заниматься не только литературой, я участвовал в боях с карматами вместе с отцом.

ХАЛИФ. Но ты не молод, не лучше ли остаток жизни провести в покое, нежели подвергнуть себя опасности на поле боя, для этого есть солдаты, пусть каждый занимается своим делом.

МУТАЗЗА. На мне печать отверженного, меня все избегают, со мной боятся разговаривать из боязни попасть под подозрение. Я с радостью променяю такой покой на смерть в бою.

ХАЛИФ. Ну что ж, ты убедил меня. Правильно говорят: шараф-ан-насаб, благородство заложено в крови. Завтра я объявлю о назначении тебя командиром полка, а может, даже исфах-саларом, а Муниса выгоню.

Сцена четвертая

Халиф и Ша'аб.

ША'АБ. Сын мой, я хочу предостеречь тебя от поспешных решений.

ХАЛИФ. Но я же еще не снял его, я только сказал, что буду думать об этом.

ША'АБ. Это еще хуже, никогда не объявляй о своих намерениях, тем паче, когда дело касается таких важных вещей, как отставка генерала, это очень опасно.

ХАЛИФ. Но я же не при нем это сказал, вряд ли кто-то осмелится передать ему мои слова.

ША'АБ. Стены передадут ему твои слова, и он будет думать о том, как защитить себя от твоего гнева, и как бы защита не перешла в нападение.

ХАЛИФ. Мама, о чем ты говоришь? Что может мне угрожать? Я духовный властитель всех мусульман, а он – всего лишь мой слуга, внука, которого я сделал генералом.

ША'АБ. Сын мой, именно таких людей и надо опасаться больше всего. Тех, кого облагодетельствовал. Ведь добро они причисляют не к достоинствам благодетеля, а к своим заслугам, а вкусив достатка, они очень боятся вернуться к прежней жизни. За спиной Муниса тысячи вооруженных людей, или ты забыл, как прятался под моими юбками во время восстания Мутацца.

ХАЛИФ. Мама, я прекрасно помню, что обязан тебе спасением, и не обязательно каждый раз напоминать мне об этом.

ША'АБ. Я напоминаю об этом для твоего же блага, чтобы ты не был так беспечен. Ведь я же не буду жить вечно, когда-нибудь меня не станет, кто тогда о тебе позаботится?

ХАЛИФ. Мама, довольно, ты еще меня переживешь.

ША'АБ. О, Аллах, не слушай его, не ведает, что говорит.

Воздевает руки вверх.

ХАЛИФ (насмешливо). Ты же не мусульманка, что это ты к Аллаху обратилась?

ША'АБ. Бог един, иначе какая бы толчея творилась на небесах – Христос, Вишну, Кришну, Иегова, Яхве, Будда, кто там еще.

ХАЛИФ. Я вижу критическое знание в твоих речах. Мама, может быть, тебе принять участие в религиозных диспутах в Соборной мечети?

ША'АБ. Положение не позволяет.

ХАЛИФ. Если ты так здраво судишь о небесах, может быть, ты скажешь, как быть с паломниками? И объяснишь, почему такая напасть случилась именно в мое правление, при отце же карматы вели себя смиренно?

ША'АБ. Они всегда себя так вели, и твой отец нещадно истреблял их. Его терпение лопнуло, когда бедуины засыпали песком колодцы с водой по пути следования караванов. Паломники были вынуждены пить верблюжьей мочой, чтобы не умереть от жажды, но людей все равно погибло много. Пойманных вождей-бедуинов кормили солью, привязывали на берегу Тигра, под палящим солнцем, где они погибали от жажды. О них долго не было слышно, а сейчас опять подняли голову.

ХАЛИФ. А кто их ловил?

ША'АБ. Войска.

ХАЛИФ. Почему же мои войска не могут этого сделать?

ША'АБ. Потому что твоего отца войска боялись больше, чем карматов. А тебя они не боятся, потому что все время видят тебя пьяным.

ХАЛИФ. О чем бы мы ни говорили, ты обязательно все сведешь к пьянству. Давай лучше поговорим о том, что делать с паломниками.

ША'АБ. Что касается паломничества. Я вообще не вижу необходимости в этом изнурительном и опасном мероприятии. Каждый раз во время хаджа гибнут сотни людей.

ХАЛИФ. Мама, мы говорим о паломниках, а не о хадже.

ША'АБ. О паломниках. Я удивляюсь тем, кто странствует через пустыни и глухие места, чтобы найти дом Аллаха и святыню, только из-за того, что там есть следы пророка. Почему они не пройдутся по собственным стремлениям и страстям, чтобы обрести свои сердца, где есть следы Аллаха.

ХАЛИФ. Мама, давай не будем углубляться в теологию, я, в отличие от тебя, правоверный мусульманин.

ША'АБ. Суфии, например, призывают людей к «аклы хаджу», к умственному хаджу. Кстати, я надеюсь, ты пошутил по поводу Мутазза?

ХАЛИФ. Как знать.

ША'АБ. Сын мой, я умоляю тебя...

ХАЛИФ. Мама, довольно.

ША'АБ. Вот это у тебя хорошо получается, затыкать рот своей матери. Продолжай в том же духе. Когда я умру, посмотрим, кому ты будешь затыкать рот. (Уходит.)

ХАЛИФ (воздевает руки к небу). О, Аллах!

Сцена пятая

Мутазза в черном кафтане, на поясе кинжал, в руке меч. Входит Зейнаб.

ЗЕЙНАБ (удивленно). Принц, что случилось, ты не ждешь меня?

МУТАЗЗА. Почему ты так решила?

ЗЕЙНАБ. Обычно ты лежишь, пьешь вино, играешь на танбуре. Что это у тебя в руке, оружие?

МУТАЗЗА (делая выпады). Это мой меч, мне не разрешается носить его во дворце. Я могу упражняться только в своих покоях.

ЗЕЙНАБ. Кажется, ты даже трезв?

МУТАЗЗА. С вином покончено, я ухожу на войну. Мой брат проявил добрую волю, позволил мне умереть на поле брани.

ЗЕЙНАБ. Значит, ты уходишь умирать! Чему же ты так радуешься – грядущей смерти?

МУТАЗЗА. Я скажу тебе, что смерть надо принимать с благодарностью. Потому, что это второе по значению событие в жизни человека. Люди боятся ее, не ведая, что это такое. Наверное, они так же боялись и рождения, но забыли об этом. Хотя, если разобраться, рождение приносит человеку гораздо больше страданий, нежели смерть, которая, если верить хафизам, сулит райскую жизнь в садах Эдема, в окружении вечно девственных дев и источников, бьющих вином.

ЗЕЙНАБ. Теперь я понимаю, отчего ты так радуешься, меня одной тебе мало.

МУТАЗЗА. Нет, дорогая, просто я победил свой страх. Знаешь, что мне сказала твоя госпожа? Она сказала мне удивительную вещь: «...не бойся, представь, что ты уже умер, и твой страх исчезнет». Я представил.

ЗЕЙНАБ. И что же?

МУТАЗЗА. Она оказалась права, и, как это ни странно, я даже стал испытывать к ней чувство, отдаленно напоминающее благодарность.

ЗЕЙНАБ. А как же я, тебя не печалит разлука со мной? Ты больше не любишь меня?

(Мутазаза подходит к ней и гладит ее по щеке.)

МУТАЗЗА. Я не могу больше так жить, я нуждаюсь в переменах и ничего не могу тебе обещать, потому что я бесправен. У тебя все будет хорошо. (Зейнаб плачет.) Успокойся.

ЗЕЙНАБ (в нерешительности). Лучше... выпей... вина. (Наполняет кубок вином, улучив момент, опрокидывает туда склянку.)

МУТАЗЗА. Нет, я больше не пью вина.

ЗЕЙНАБ. В последний раз, на прощанье.

МУТАЗЗА (смеясь). В первый раз красавица уговаривает меня выпить, обычно я уговаривал красавиц выпить. Ну что ж, не могу отказать женщине... (пьет.) Какой странный вкус... Как мне нехорошо

(обнимает Зейнаб и сползает к ее ногам)... Вино отравлено... Зачем ты это сделала?

ЗЕЙНАБ (тихим голосом). Она сказала, что иначе продаст меня пастухам... прости.

МУТАЗЗА (умирая). Что ж, это уважительная причина.

Зейнаб стоит, закрыв лицо руками, затем убегает.

Сцена шестая

ША'АБ (сидит одна в задумчивости, долгое молчание, наконец, тяжело вздохнув). О, Аллах (запнувшись)... не знаешь, кому направить просьбу. О, Господи, защити моего сына, направь его на путь истинный. Удержи его от пьянства, если он хотя бы один день не пил, его суждения стали бы такими же, как и у его отца, великого государя. Что же делать? Из-за этих проклятых карматов Мутаид оказался на смертном одре с разбитым сердцем. Я не позволю, чтобы это произошло с моим сыном. Надо что-то делать. (Замолкает, после долгой паузы хлопает в ладоши.) Эй, кто там, Фурата ко мне.

Появляется Фурат.

ФУРАТ (кланяясь). Кахрамана, я полон внимания.

ША'АБ. Фурат, ты теперь главный вазир, я жду твоих предложений. Что мы будем делать с карматами?

ФУРАТ. Если врага нельзя одолеть, с ним надо договориться.

ША'АБ. Али это стоило поста.

ФУРАТ. Потому что он не сумел договориться.

ША'АБ. А ты сумеешь?

ФУРАТ. А я сумею.

ША'АБ. Ну что ж, действуй.

Фурат кланяется, уходит.

Сцена седьмая

Канцелярия Фурата.

НОВРУЗ. Господин, по твоему приказу доставлен заключенный из тюрьмы.

ФУРАТ. Давай его сюда. (Стражники вводят арестанта.) Ведь ты кармат, не так ли, тебя сейчас отпустят. Дадут одежду, коня. Возвращайся к своим и передай, что вазир Фурат готов обсудить с ними условия безопасного проезда паломников. Торопись, я буду ждать ответа.

Заключенного уводят.

НОВРУЗ. Господин, другой человек, за которым ты посылал, прибыл.

ФУРАТ. Пусть войдет.

Появляется человек, лицо закрыто платком на манер бедуинов.

ФУРАТ. Как тебя зовут?

ЧЕЛОВЕК. Аббас.

ФУРАТ (смеясь). Это твое настоящее имя?

АББАС. Могу я узнать, что тебя так рассмешило?

ФУРАТ. У меня есть достоверные сведения, что тыходишь в организацию алидов. Человек по имени Аббас борется против режима Аббасидов. Согласись, это смешно. Но это хорошо с точки зрения конспирации.

АББАС. Я не вхожу ни в какие организации. Я географ, странствую по миру, составляю карты

местностей.

ФУРАТ. Ну, вот видишь, ты сам признался в том, что ты шпион.

АББАС. Я сказал, что я географ.

ФУРАТ. Полагаю, ты составил план подхода к дворцу халифа. Я могу нарисовать тебе пару потайных ходов. В случае штурма они вам понадобятся.

АББАС. Господин, ты меня явно с кем-то путаешь. Я вполне доволен существующей властью.

ФУРАТ. Потомки имама Али будут довольны существующей властью только в одном случае – если властью станут они сами. Но довольно пустых разговоров. Я могу арестовать тебя, но делать этого не буду, у меня есть для тебя поручение. Передай «человеку с родинкой», кажется, сейчас он у вас главный, что Фурат поможет ему занять трон халифа.

АББАС. У меня много знакомых с родинкой. Допустим, что я передам одному из них твои слова, но почему он должен верить тебе? Не окажутся ли твои слова приманкой, чтобы заманить его в ловушку?

ФУРАТ. Причин две. Первая – казна пуста, а когда тот, кто сильнее тебя, испытывает нужду в деньгах, он может отобрать их у тебя. Меня это беспокоит. Вторая – мать халифа сильно урезала мои доходы, и аппетиты ее растут. А я привык жить на широкую ногу.

АББАС. Каковы будут твои условия? Что ты потребуешь для себя?

ФУРАТ. Условие одно-единственное, я должен остаться главным вазиром. Бану Фурат пятьдесят лет дает вазиров халифату, и мы служим стране верой и правдой.

АББАС. Почему же ты хочешь предать своего господина?

ФУРАТ. Я не предаю своего господина, я просто защищаюсь от его матери. Его конец все равно неизбежен. Им недовольны все, начиная от простого народа, кончая военными. А это чревато большими беспорядками. Если «человек с родинкой» согласится, дайте мне знать. Я пошлю за ним свои носилки в Куфу, в них он беспрепятственно доберется до Багдада. А во время праздника я провозглашу его халифом, а нынешнего мы напоим так, что он придет в себя только на том свете. Иди.

Человек уходит. За ним Фурат. В стене или в любом другом предмете появляется отверстие, а в нем лицо соглядатая (Хакана).

Сцена восьмая

Кушури, Халиф, Ша'аб, Фурат, Хакан.

ХАЛИФ. Что за шум, он не умолкал всю ночь, я ужасно спал. Может быть, народные волнения уже начались, а вы от меня скрываете?

КУШУРИ. Не тревожься, повелитель, это Багдад празднует Пасху.

ХАЛИФ. Пасху? Но это же христианский праздник, неужели в Багдаде так много христиан?

КУШУРИ. Празднуют его все жители Багдада, в том числе и мусульмане. Точно так же потом христиане и евреи празднуют вместе с мусульманами Новруз и Гурбан-байрам, а мусульмане и христиане празднуют вместе с евреями Пурим.

ХАЛИФ. Вот как. А какие еще праздники иноверцев отмечают мусульмане?

КУШУРИ. Кроме того, все мусульмане Багдада отмечают Вербное воскресенье, в Египте его называют Днем оливы; страстной четверг, который еще называют чечевичным четвергом, потому что христиане в этот день едят чечевицу. Четвертого декабря жители Багдада празднуют день Святой Варвары, двадцать пятого декабря – рождение Христа. Крещение в Египте называется праздником погружения, христиане в этот день купаются в реках, а мусульмане на них смотрят.

ХАЛИФ. Как это трогательно, какое завидное единение простого народа.

КУШУРИ. Да, государь, повод выпить – прекрасная возможность для объединения.

ХАЛИФ. Что у нас сегодня, какие государственные дела я должен решать в такую рань?

КУШУРИ. Один бунтовщик приговорен к смертной казни, тебе надо утвердить приговор.

Халиф тяжело вздыхает, делает знак рукой. Вводят человека, закованного в цепи.

ХАЛИФ (долго разглядывает его). Интересно, кем ты был до того, как избрал этот гибельный путь?

Узник молчит, стражник заносит над ним плеть, но Халиф останавливает его движением руки.

ХАЛИФ. Я бы не молчал на твоём месте, следующая возможность поговорить тебе представится только

на небесах.

БУНТОВЩИК. Я был крестьянином.

ХАЛИФ. Как это прекрасно, ты, наверное, пахал землю, собирал урожай. У тебя были дом, жена, дети. И ты от этого отказался. Зачем?

БУНТОВЩИК. Народ влачит жалкое существование. Гнет спину от зари дотемна, налогов столько платим, что от урожая остается только на то, чтобы не сдохнуть от голода. Где справедливость? Разве это завещал вам пророк Мухаммад?

ХАЛИФ. А ты думаешь, свергнув меня, ты получишь справедливость? Или ты думаешь, я не хочу справедливости? Ты ошибаешься. Дело не во мне, а в самих людях. Ты думаешь, мне много надо, или я с собой что-то унесу в могилу? У меня самого нет денег, я вынужден занимать их у еврея, чтобы заплатить жалованье войскам. Я у тебя ничего не отнимаю, все мои потребности – это еда и одежда. Все остальное уходит на содержание государственного аппарата и при этом каждый из чиновников, начиная с вазира, кончая ничтожным писцом, удерживает у себя малую толику из налогов, которые ты платишь, и для простого народа ничего не остается. И справиться с этим нет никакой возможности. Все берут взятки, вымогают взятки, воруют. Воруют даже из моей кухни, у первого лица государства. Я ем, как воробушек, а списывают огромные суммы на кухню, а ты хочешь, чтобы тебе что-то досталось. Несчастный человек! Ты вспомнил Пророка Мухаммада, а знаешь ли ты о том, что через полчаса после его смерти никого не было рядом с ним, кроме его жены. Всеми овладела суета, о нем забыли, все бежали устраивать собственное благополучие. Этот мир изменить нельзя. Ты можешь изменить себя, приспособиться.

БУНТОВЩИК. А если я не хочу приспособливаться?

ХАЛИФ. Тогда ты должен умереть. Уведите.

Халиф делает знак, и пленника уводят. Входит Фурат.

ФУРАТ. Хорошие новости, повелитель. Мне удалось договориться с карматами. Они будут пропускать все караваны паломников.

ХАЛИФ. Как это тебе удалось?

ФУРАТ. Надо будет платить им, по динару с головы...

ХАЛИФ. Ты паломников как овец считаешь, по головам.

ФУРАТ. Я оговорился, прости мое косноязычие, по динару – за каждого человека и полдинара за каждого верблюда.

ХАЛИФ. И ты считаешь это хорошей новостью. Ты договорился о том, что люди будут платить разбойникам за священное право совершать хадж. Ты предлагаешь узаконить то, что считалось преступлением. Ты удивил меня, Фурат.

ФУРАТ. Прости мне мою дерзость, повелитель. Хадж – дорогое удовольствие, об этом даже в Коране сказано, деньги есть – иди в Мекку. Люди все равно платят за провиант, за воду, за верблюдов, за охрану, одним динаром больше, одним меньше... Кроме того, в этом их, казалось бы, возмутительном требовании есть некоторая, ну, не то чтобы справедливость, но логика. Триста лет назад великая мусульманская религия вышла из песков Аравии, из бедуинских шатров. Сами же бедуины по-прежнему терпят лишения в своей бесплодной пустыне. Ведь платим же мы пенсию курайшита, хашимитам. Почему бы не платить бедуинам, тем более, что за эти деньги они берутся еще и охранять паломников? Еще они готовы обсудить цену, за которую вернут камень Каабы.

ХАЛИФ. Это возмутительно. Я с негодованием отвергаю это предложение.

ША'АБ. Повелитель, прошу тебя, не спеши с отказом. Эти деньги не ты будешь платить, а сами паломники, дело серьезное, люди недовольны, мы не можем обеспечить их безопасность.

ФУРАТ. Что передать им, повелитель?

ХАЛИФ. Пусть подождут, а ты иди к себе, я сообщу о своем решении.

Фурат кланяется и уходит. Халиф подходит к занавеске.

ХАЛИФ. Когда ты перестанешь вмешиваться?

ША'АБ. Я пытаюсь предостеречь тебя от поспешных и неправильных решений.

ХАЛИФ. Хватит, мама, я не мальчик, у меня своя голова на плечах. Я не буду договариваться с разбойниками.

ША'АБ. Надо соглашаться, главное – выиграть время, не потерять лицо перед народом, если нельзя устранить карматов силой, надо даже пойти на то, чтобы платить за паломников из своих денег. Снимешь эту проблему, затем арестуешь Фурата.

ХАЛИФ. Ты считаешь, что его нужно арестовать? Почему?

ША'АБ. Хакан, расскажи, что ты знаешь.

ХАКАН. Повелитель, у меня есть достоверные сведения, что Фурат под предлогом переговоров с

карматами послал свои носилки в Куфу, на них должны доставить в Багдад «человека с родинкой», алида. Во время праздника Фурат собирается провозгласить его Халифом, а тебя арестовать.

ХАЛИФ. Вот оно что, теперь мне все понятно. (Оборачивается к занавеске.) Убедилась, вот к чему приводят осторожность и промедление. (Кушури.) Отправь стражу к Фурату, пусть его арестуют и предадут смерти, и его сына тоже. А ты, Хакан, иди, я вознагражу тебя за службу.

Хакан уходит.

ША'АБ. Послушай меня, сын мой, не торопись арестовывать Фурата. Надо выждать время. Пусть он договорится с карматами, надо успокоить народ. Нельзя убирать всех сразу. У тебя не осталось ни одного дельного вазира.

ХАЛИФ. Довольно, мама, не вмешивайся, я сам знаю, что мне делать. Кушури, подготовь еще один указ – об отстранении Муниса от должности. Мне не нужен исфах-салар, который не может справиться с горсткой диких кочевников. Я назначу Мутазза командующим, от него пользы будет больше, чем от этого евнуха.

ША'АБ. Повелитель, Мутазза умер.

ХАЛИФ. Как умер? (Оборачивается к Ша'аб.)

ША'АБ. Он был найден мертвым в своих покоях. Следов насильственной смерти на теле не обнаружено. Почему ты так смотришь на меня? Он был уже не молод, много пил, наверное, сердце не выдержало.

ХАЛИФ. Ну, что же, тогда я сам возглавлю армию и очищу дорогу паломникам. Отправь стражу, пусть арестуют Муниса, посидит в тюрьме, потом я разжалую его в рядовые, пусть с азов постигает военную науку. Никто ничего не хочет делать. Халиф должен заниматься финансами, разбойниками, паломниками. Для чего я содержу этот огромный государственный аппарат, все эти министерства, ведомства? Никто ни за что не отвечает, но все хотят получать жалованье, во что бы то ни стало, все воруют, берут взятки. Всех выгоню.

ША'АБ. Сын мой, Мунис опасен, не загоняй его в угол.

ХАЛИФ. Мама, иди к себе, я буду жить своим умом.

ША'АБ. Ты выгоняешь меня?

ХАЛИФ. Нет, просто с делами на сегодня покончено, все свободны. Я хочу отдохнуть. Принесите вина, закусок, пришлите сюда музыкантов, танцовщиц.

Сцена девятая

Ша'аб уходит. Слуги вносят столы, уставляют их вином, закусками. В зал вбегают девушки, звучит музыка, они танцуют. Халиф пьет, кружится вместе с ними. Свет гаснет. Танцевальная музыка утихает, а вместо нее начинают слабо звучать барабаны. Свет зажегся. Виден Муктадир, спящий на подушках. Входит Ша'аб, опускается рядом с ним, гладит его по голове. Халиф с трудом просыпается, хватается за голову.

ХАЛИФ. Моя голова раскалывается. Что это за звуки, пусть немедленно прекратят. Мама, почему у тебя такое лицо, только не начинай опять. Ну, заснул я здесь, выпил лишнего, подумаешь. Когда умолкнут эти барабаны? Эй, слуги!

ША'АБ. Сын мой, нам угрожает смертельная опасность. Мы должны немедленно бежать.

ХАЛИФ. Мама, что за шутки спозаранок?

ША'АБ. Это не шутки, ты слышишь эти барабаны, это приближается враг, это боевые барабаны.

ХАЛИФ. Это что, сон, приснится же такое.

ША'АБ. Это не сон, это гораздо хуже.

ХАЛИФ. Какой враг, откуда он взялся?

ША'АБ. Мунис поднял бунт против тебя.

ХАЛИФ. Разве его не арестовали?

ША'АБ. Его солдаты обезоружили стражу. Я говорила тебе, нельзя выдавать своих намерений, надо было применить хитрость, надо было арестовать его здесь, одного. Теперь надо спасаться бегством.

ХАЛИФ. Что за глупости, мама, не думал, что ты такая трусиха. Изменник заплатит сполна за свое предательство.

ША'АБ. Сын мой, войска на стороне Муниса.

ХАЛИФ. Почему же мне не доложили об этом?

ША'АБ. Докладывали, но ты был пьян и веселился.

ХАЛИФ. Как это возможно, чтобы мои войска перешли на сторону мятежного генерала?

ША'АБ. Ты задолжал им жалованье за два месяца.

ХАЛИФ. И что же, никого не осталось?

ША'АБ. Два полка гвардейцев твоей личной охраны.

ХАЛИФ. Сколько их?

ША'АБ. Тысяча.

ХАЛИФ. А у Муниса?

ША'АБ. Около пяти тысяч.

Халиф уходит в глубь сцены.

ША'АБ. Куда ты?

ХАЛИФ. Я сейчас вернусь.

Ша'аб мечется по сцене, заламывая руки, грохот барабанов замолкает и вновь возникает, но уже в другом ритме. Появляется халиф в боевом облачении. Черный кафтан, плащ, расшитый серебром, на поясе меч.

ША'АБ. Что ты надумал?

ХАЛИФ. Я приму бой.

ША'АБ. Ты сошел с ума, у них солдат впятеро больше, чем у тебя!

ХАЛИФ. Хусейн с семьюдесятью воинами бился против трехтысячного войска Язида. Я такой же имам, как и он.

ША'АБ. Да, и чем же он кончил, твой Хусейн – его разрубили на куски.

ХАЛИФ. У меня тысяча воинов, на мне плащ пророка, у меня меч пророка. Я обращаю их в бегство.

ША'АБ. Это безумие. Надо бежать, я уже все приготовила, кони запряжены, у меня есть деньги, нам их хватит надолго.

ХАЛИФ. Я не собираюсь никуда бежать, это мятежники будут бежать от моего гнева. Иди к себе, мама, разговор окончен, мне нужно помолиться перед боем.

Ша'аб уходит, опустив голову. Халиф становится на колени и воздевает руки к небу. Слышен шум сражения. На сцене появляется много людей, сражающихся на мечях. Среди них халиф Муктадир. На него нападают со всех сторон, один из хаджибов пытается закрыть его своим телом и, сраженный, погибает, через некоторое время падает замертво халиф.

Сцена десятая

Ша'аб сидит в кресле, опустив голову, ее волосы седые, рядом, у ее ног, стоит корзина.

ША'АБ. Так странно, сбылись все мои мечты, мой сын стал халифом, я достигла высокого положения, и чем все это кончилось. Мой мальчик умер, и мне незачем больше жить. Это я погубила его. Зачем я стремилась к этому, зачем согласилась на то, чтобы он стал халифом, в конечном итоге это привело его к смерти. Мне говорят – твой сын погиб, как герой, на поле брани, и ты должна жить и хранить о нем память, но у меня нет сил, чтобы жить без него. Они говорят – все записано на досках предопределения, никто не в силах изменить свою судьбу, но я в это не верю, если бы я не согласилась, он не был бы халифом, а был бы только моим сыном, живым. Но я хотела добра для него... Они говорят – вся слава мира досталась ему, он вершил судьбу народов. А что ему теперь эта слава? Лучше быть живым, чем знаменитым. Царь Соломон сказал: «Живая собака лучше мертвого льва...». Как дева Мария ради Христа, так и я пришла в этот мир для того, чтобы родить этого мальчика. В нем был весь смысл моей жизни... Его отец, Мутаид, посетил меня только один раз, немудрено – в нашем гареме было больше тысячи женщин, когда он вспомнил обо мне, я уже была беременна и вот-вот должна была родить. Всю оставшуюся жизнь я посвятила моему мальчику, и теперь его нет со мной. (После долгой паузы вдруг произносит.)

Теперь я ложе в ночи разделяю с тоскою,

Мне бессонница веки красит сурьюю.

(С ужасом.) Господи! Почему ты вложил эти слова в мои уста?! Это же стихи Мутаза, принца, которого я убила. Ты напоминаешь о моем грехе, я знаю, что мне нет прощения, но я защищала своего мальчика, ради него я могла уничтожить любого, весь мир. Я не могла допустить, чтобы Муктадир по своей доброте и наивности допустил его к командованию войсками. Мутаза мог повернуть их против нас.

Пойми меня, если не хочешь простить. (Долгая пауза.) Моя родина – это остров в Эгейском море, я жила там до двенадцати лет. Лучшего места нет на земле. Холмы там покрыты соснами, а сосна у нас особенная, со светлой корой. На нашем острове всегда была необыкновенная тишина, и начиналась она сразу за деревней. Чтобы послушать ее, я часто убегала из дома и попадала в царство тишины. Сосны, заливы, тишина – и море, лишь иногда повстречается в холмах пастух со стадом коз или сборщик смолы. Нигде больше я не ощущала такого благодного одиночества. И я никогда не боялась, страх был чужд нашему острову. Страх появился, когда на острове высадились пираты и пленили всех, кого можно было продать на невольничьем рынке, защитить нас было некому, малочисленный гарнизон не смог оказать им серьезного сопротивления. Когда корабль отделился от острова, мой младший брат прыгнул в воду и вплавь добрался до берега, и оттуда погрозил кулаком пиратам, я тоже могла последовать за ним, я плавала лучше, чем он, но почему-то не сделала этого. Еврей-работорговец привез меня в Багдад и продал во дворец халифа Мутадида. Я долго жалела, что не прыгнула в воду, до тех пор, пока не стала матерью халифа. Тогда я поняла, что так было предопределено, что мне была уготована высшая участь, но теперь я опять жалею... Столько лет прошло, но до сих пор, когда я вспоминаю свой остров, мне кажется, что я маленькая девочка, и вот-вот раздастся голос матери, зовущей меня домой. И самое удивительное, что все время звучит музыка (Обращаясь к залу.) Вот, слышите?

Звучит греческая музыка, что-то вроде «Сиртаки». Ша'аб встает и начинает танцевать. Музыка утихает, Ша'аб замирает в танцевальном па, затем опускает руки, медленно подходит к креслу, опускается в него, поворачивает голову набок. Свет гаснет, затем на авансцене появляется Кушури в свете прожектора, задник покрыт тьмой. Таким образом, сцена разделена на две части. В руках у Кушури корзина, он в простом платье.

КУШУРИ. С тех пор, как погиб ее сын, она живет затворницей, удалилась от людей, живет одна в этой глуши, все свои деньги потратила на благотворительность, отказалась от пищи, ничего не ест, только зря продукты таскаю туда и обратно... Напрасно она это делает, мертвому этим не поможешь... А себе вред причинить можно. У нее всегда было слабое здоровье, несмотря на сильный характер. Так часто бывает... Она постоянно говорит одно и то же: «Мой мальчик умер, зачем мне теперь жить». Я ей: «Умершие живут в наших мыслях, они живы до тех пор, пока мы думаем о них». А она как будто меня не слышит, одно и то же твердит: «Это я виновата, это моя вина, на мне его кровь». А я ей очень умно сказал: « Не кори себя, ты здесь ни при чем. Все в руках Аллаха, Всевышнего. Никто не в силах изменить его волю. Твой сын погиб мученической смертью, его будут чтить так же, как чтят имама Хусейна. А она мне: «У меня теперь нет сына, это было единственное, что у меня было в этой жизни, теперь меня с ней ничего не связывает». И с ней теперь так тяжело разговаривать, десять вопросов ей задашь, а она на один ответит... Да... когда она на меня кричала, было лучше.

Темнота понемногу рассеивается, и в глубине сцены видна фигура Ша'аб. Она сидит в кресле с высокой

спинкой, с закрытыми глазами, повернув седую голову набок. У ног ее стоит корзина, такая же, как и в руках Кушури. Он подходит, приветствует и садится рядом. Заглядывает в корзину.

КУШУРИ. Мир тебе, кахрамана. Ты опять ничего не ела, так нельзя, изводишь себя. (Пауза.) Да-а... А я тебе говорил, что мне дали отставку. Да-а... Я немного скопил на старость, вот теперь проживаю эти деньги. А когда они кончатся, буду улицы мести. Сын мой содержать меня не станет. Вот ты в прошлый раз сказала, что теперь у тебя никого нет. Не знаю, что лучше, остаться одному, как ты, или иметь такого сына, как мой. Да. Ты слышала, новым халифом избрали Кахира, и знаешь, почему? Потому что у него матери нет уже в живых. (Смеется.) Смешно, правда, вот сколько страху ты на них нагнала. И, знаешь, что он сделал первым делом? Ни за что не догадаешься? Казнил Муниса. Он сказал, что предавший одного господина, предаст и другого. Его зарезали в отхожем месте, как овцу. Такова цена предательства. Ведь это твой покойный сын, да будет доволен им Аллах, сделал Муниса исфах-саларом. А кто он был – раб, жалкий евнух... Помнишь, как главный кади Багдада, унизив его прилюдно, потребовал у него справку от повелителя о том, что он действительно отпущен на волю... Ну, что тебе еще рассказать? Али живет теперь в Мекке, как ты помнишь, покойный повелитель позволил ему удалиться в Мекку. И знаешь, что он сделал, он и там учудил. В Мекке всегда была очень скверная вода, пить невозможно было, так он починил им водопровод за свои деньги. Вот странный человек, и взятки никогда не брал. Столько лет вазиром был и ничего не нажил. Все-таки у него с головой не в порядке было... Я принес тебе спелых фиников, урожай этого года, поешь, прошу тебя... Зима в этом году холодная, говорят, что может даже снег пойти. (На сцену начинают падать снежинки.) Я, пожалуй, пойду, еще дела есть в городе... Если тебе что-то нужно, скажи, я принесу. (Берет старую корзину, оставляет новую.) До свидания, кахрамана... кахрамана... (Наклоняется, пристально всматривается в лицо Ша'аб, дотрагивается до ее руки и отдергивает руку. Помедлив, берет и вторую корзину. Сделав несколько шагов, опускается на колени, воздевает руки к небу, произносит:) О, Аллах, прости ей, смилуйся над ней, даруй покой ей и отпусти ей все прегрешения ее. Прими ее с почетом, сотвори пристанище ее просторным; омой ее водой, снегом и градом. Очисти ее от заблуждений, окружи ее семьей и спутниками более достойными, нежели те, что окружали ее на земле. Позволь вступить ей в Сад Райский и избавь ее от мук могилы и пламени адского. (Начинает читать молитву Фатиху.) Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала Аллаху, Господу миров... (Далее звучит голос певца, поющего эту молитву.)

МЕХМАН МУСАБЕЙЛИ

СКАЗКА-ПЕРЕСКАЗКА

Пьеса

В 3-х картинах с прологом и эпилогом

Перевод Вагифа ИБРАГИМОГЛУ

Действующие лица:

Сказитель-Исказитель

Голос Строгого Зрителя

Заяц

Зайчиха

Зайчонок, их сын

Див всех Дивов

Див-Див, его сын

Баба Яга, она же Бабай Ага

Кавказская Овчарка, она же Сероватый Волк

Синий Див

Красный Див

Рассеянный Охотник

Восточная Принцесса

Действие происходит на сцене Театра Строгого Зрителя.

ПРОЛОГ

Пустая сцена Театра Строгого Зрителя. Всё убрано-прибрано, во всём ощущается стремление к порядку и расчётливости.

В одном углу сцены аккуратно собраны элементы декорации, в другом разложен всевозможный реквизит и бутафорские предметы, в центре развешаны яркие сценические костюмы.

Когда на сцену выходит Сказитель-Исказитель, вспыхивают огни рампы, и это приводит его в несказанный восторг.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Ой, как красиво! Ну, просто прелесть, как красиво! (Обходит сцену.) Так и хочется сочинить что-нибудь такое-эдакое... невероятное... занимательно-развлекательное... поучительно-наставительное!.. И чтобы все сразу-вдруг... волшебным образом ожило, задышало, задвигалось, заиграло, за... за... одним словом – воплотилось на этой сцене...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Мечтать не вредно...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (мечтательно). Да-а-а! Театр – это место, где мечты сбываются!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Это еще как посмотреть...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (очнувшись). Ой! Кажется, я здесь не один. (Озирается.) Простите, кто вы, то есть я хотел сказать – где вы?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (с усмешкой). Так «кто я» или «где я»? Уточни свой вопрос.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (подумав). Кто вы?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (торжественно). Я – Строгий Зритель, и это – мой Театр!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Понятно. А скажите, пожалуйста, где вы?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (так же торжественно). Я – везде и повсюду!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Не понял...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (раздражённо). Вот бестолковый! Я везде и повсюду, то есть, я и на этой сцене, и в этих декорациях, и в этих костюмах, и в этом свете, и... и... Словом, везде и повсюду. Понял?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Не совсем... Насколько я знаю, зритель – это тот, кто сидит в зале и смотрит, то есть зрит на сцену...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Вот именно! Ты же не дал мне договорить... (Торжественно.) Но главным образом – я в зале, и я очень строг и разборчив! Учти!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (оглядывает зал). Ой, как вас много!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (довольно). Иначе и быть не может!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Ой, и все вы смотрите на меня одного!.. Ой!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Что с тобой?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Мне... мне... мне страшно!..

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Чего это?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Разве не понятно? Столько строгих глаз смотрит на меня, а я не знаю, что делать... Я весь словно одеревенел, руки-ноги не слушаются, а мысли путаются...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Успокойся, не ты первый, кто теряется на сцене Театра Строгого Зрителя. Возьми себя в руки. Ну!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Взял.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Соберись с мыслями!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Собрался.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Закрой глаза!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Закрыл.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. И начни воображать что-нибудь такое-эдакое, невероятное, занимательно-развлекательное и поучительно-наставительное. И всё, что тыобразишь, волшебным образом оживет, задышит, задвигается, заиграет, за... за... одним словом, воплотится на этой сцене.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (открывает глаза). А вы уверены, что...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Глаза-то закрой. Не был бы уверен, не предлагал бы!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Я хотел сказать, а вы уверены, что у меня получится?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ясней выражайся. Что «получится»?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Ну-у-у... Получится ли у меня вообразить... представить... нафантазировать?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Так вот ты о чём... Об этом не беспокойся, любой может вообразить, представить, нафантазировать, но воплотить всё это можно только у нас – в Театре Строгого Зрителя! Понял?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (открывает глаза). Понял...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Глаза-то закрой. Это – главное условие: воображать надо с закрытыми глазами.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Закрыл.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. А теперь – доверься мне!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Доверился.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Делай всё, что я скажу!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Я готов!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (командует). Кру-угом! Шагом марш! На месте – стой! Вытяни руки! Возьми стул! Кругом! Шагом марш! На месте – стой! Поставь стул! Обойди его! Садись!

Сказитель-Исказитель выполняет команды Голоса Строгого Зрителя и усаживается на авансцене.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А дальше?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Начни воображать! И чтоб мне не подсматривать! И учти – на посторонние мысли не отвлекаться, глаз не открывать, во всём слушаться меня. Понял?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Понял.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Вот и славно. Начинай!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Можно, я начну так? «На земле или на небе, кто-то был, а кто-то не был».

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Можно. Начинай!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Я волнуюсь. Давайте произнесём зачин вместе, а?!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Глаза-то закрой. (Подумав.) Ну ладно, вместе, так вместе. Три, четыре... (Вместе с Сказителем-Исказителем.) «На земле или на небе, кто-то был, а кто-то не был...»

Под звуки волшебной музыки сцена Театра Строгого Зрителя приходит в движение. Взмывают элементы декорации, порхают костюмы, разлетаются реквизит и бутафорские предметы.

Постепенно хаотическое движение упорядочивается и...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

...на сцене Театра Строгого Зрителя возникает заснеженный зимний лес и бревенчатая избушка.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Та-а-ак, допустим. (Пауза.) Ну, а дальше-то что? Ты давай, дружок, активней воображай. Чья это избушка? Кто в ней живёт – волк или лиса? А может, мышка-норушка?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Честно говоря, я не совсем это представлял. Оно как-то само вообразилось. Мне и самому интересно, кто-кто в теремочке живёт?..

Дверь избушки распахивается и оттуда вылетает большая морковь.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ага, раз морковь, значит в избушке живут зайцы. (Пауза.) Ну, а дальше?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Сейчас, сейчас, секундочку...

Из распахнутых дверей выходит рогатый и пузатый Див-Див.

ДИВ-ДИВ. Не хочу морковки! Не буду есть эту гадость! Вот где у меня (Проводит рукой по горлу.) сидит ваша морковь! Сколько можно, а? Я вам что – соковыжималка, что ли?!

В дверях избушки появляется Зайчиха.

ЗАЙЧИХА. Сыночек, миленький, ну, чем же тебя кормить? Ты только скажи, папа всё достанет. Может, капуста, а?

ДИВ-ДИВ (топнув ногой, уходит и сразу возвращается). И капуста надоела! (Уходит.)

ЗАЙЧИХА. Ушёл. (В избушку.) Слышишь, ушёл наш сыночек!

В дверях появляется Заяц.

ЗАЯЦ. Ушёл, и скатертью ему дорожка! Злыдень, сам с ноготок, а лопает побольше моего!

ЗАЙЧИХА. Выбирай выражения! Не лопает, а кушает!

ЗАЯЦ. Он не кушает, он пожирает! И даже не пережёвывает!!!

ЗАЙЧИХА. Ты говори, да не заговаривайся и не перезаговаривайся! Во-первых, он совсем не с ноготок. Во-вторых... а вот что во-вторых, я забыла. В конце-концов, какая разница, что я помню, а что забыла?! Главное, разве ты сам не видишь, что наш зайчонок перерос нас с тобой вместе взятых?

ЗАЯЦ. Твоих лап дело! Перекормила ребёнка, а теперь не помнишь, что во-вторых! Вот увидишь, дождёмся и в-третьих, и в-четвёртых, и в-пятых-десятых! Ступай в дом! (Зайчиха заходит в избушку.) «Мой зайчонок»... «мой беленький-пушистый...» Как бы этот переросток нас самих не проглотил... (Заходит в избушку.)

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Ага, значит, в этой избушке живут зайцы.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Так-то оно так, только странно всё это...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Что тут странного?! Ребёнок вырос. Взрослый уже и хочет жить по-своему. А родители его не понимают. Вот он и ушёл из дому. Пошёл странствовать по свету! Ума набираться, впечатлений всяких... Я так думаю.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Как-то странно ты думаешь, дружок. Что-то здесь не так. Слушай, а может...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Тихо! Кто-то идёт. Как интересно!

Див-Див волоком волочит потерявшего сознание Рассеянного Охотника и укладывает его перед

избушкой.

ДИВ-ДИВ. Вот это я съем с удовольствием. По всему видать, оно вкуснее морковки! Ну и наемся же я!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (придя в себя). Что вы собираетесь делать?

ДИВ-ДИВ. Ого! Оно разговаривает, надо же! (Рассеянному Охотнику.) Во-первых, здравствуйте.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Здравствуйте...

ДИВ-ДИВ. Во-вторых, лежите смирно, как морковь, а я буду вас лопать, то есть кушать с аппетитом. В-третьих...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (в ужасе). Меня?! Кушать?!

ДИВ-ДИВ. Ага!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Не-е-е-ет! (Вскакивает.) Меня нельзя кушать!

ДИВ-ДИВ (удивлённо). Почему это?

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Потому, что я несъедобный, ибо я Человек! Понимаешь? Я – Человек!

ДИВ-ДИВ. Звучит гордо...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Вот именно! Ты не сможешь меня слопать!!!

ДИВ-ДИВ. А это мы еще посмотрим! (Бросается на Рассеянного Охотника.)

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Не надо смотреть!!!

Рассеянный Охотник отпрыгивает в сторону и от страха начинает

бегать по кругу.

ДИВ-ДИВ (бегаёт за ним). Стой! Куда ты?! Не убегай – ты мне понравился! Я съем тебя с чувством, с толком, с расстановкой!!!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (на бегу). Я – Человек! Я – Человек! Я – Человек!

ДИВ-ДИВ. Вот заладил! Сто-о-ой!!!

В дверях избушки появляются встревоженные Заяц и Зайчиха. Рассеянный Охотник прячется за их спины.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Милые, дорогие, белые, пушистые! Объясните этому... этому...

ЗАЙЧИХА. ...Зайчонку...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. ...этому так называемому зайчонку, что и как! Он не должен кушать меня!!!

ЗАЙЧИХА. Послушай маму, сынок. Во-первых, он – Человек. Во-вторых, ты – зайчонок. А зайцы, как известно, людей не едят. Следовательно, ты не можешь кушать этого Человека. (Рассеянному Охотнику.) Ну как?

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Очень убедительно и вполне логично!

ДИВ-ДИВ. Но ведь я – голоден! Я кушать хочу! Чем же мне перекусить?!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (выталкивает вперёд Зайца и Зайчиху). А вот хотя бы ими!

ЗАЯЦ. Чем тебе перекусить? Перекусить хочешь? Так я тебе сейчас перечислю, что ты можешь перекусить!

ЗАЙЧИХА. Не надо! Он же ребёнок!!!

ЗАЯЦ. Теперь я буду воспитывать этого ребёнка! Слушай сюда! Ты можешь перекусить: а) ветку, б) сук, в) ствол дерева! Можешь, в конце-концов, прикусить язык или свой палец, но кушать ты будешь: а) морковь, б) капусту, в) траву! Слушай, сынок, не выводите меня из себя!!!

ЗАЙЧИХА. А ты не выходи из себя! Оставайся в себе и объясняй дальше, только с чувством, толком и расстановкой!

ЗАЯЦ. Хорошо. (Указывает на Рассеянного Охотника.) Он – Человек! Люди не съедобны! Понял?!

ДИВ-ДИВ. Не совсем...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Я – Человек! К тому же я охотник! Позор мне, позор! Дожил, зайцы защищают меня! Где?! Где моё ружьё?!

ДИВ-ДИВ. А что это такое?

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Ну-у-у... Как бы объяснить?... Это такая длинная штуковина из дерева и железа с дулом... Где оно?!

ДИВ-ДИВ. Там, в кустах валяется...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Подождите минуточку. (Уходит.)

ЗАЯЦ (Зайчихе). Вот они – плоды твоего воспитания! (Див-Диву.) Ты хоть понимаешь, глупый зайчонок, что сейчас этот человек с ружьём вернётся и всех нас пере...

ДИВ-ДИВ. ...кусит?

ЗАЯЦ. ...перестреляет!!!

Выбегает Рассеянный Охотник, решительно наставляет ружьё на зверей.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (грозно). Срочно уведите его в дом, а не то всех перестреляю! В гневе я страшен! Ну?!!

Заяц и Зайчиха заталкивают упирающегося Див-Дива в избушку.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. «Съем»... «Перекушу...» Не родился еще тот, кто может безнаказанно перекусить мною! (Подходит к Сказителю-Исказителю.) Представляешь? Сорок лет без малого я ем зайцев, а тут зайцы на меня губы раскатали! Мне кажется...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Потом, потом расскажешь! Ты, вот что, ты уходи отсюда...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Куда?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А куда подальше!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Понял. Ухожу. (Уходит.)

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Видишь, что ты наворотил? Глаза-то не открывай, рано еще. Сказку спасать надо. А я ведь тебя предупреждал, Сказитель ты наш Исказитель, что как-то странно ты воображаешь.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Да я и сам понимаю, но ничего поделать не могу...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. А ты напряги, напряги воображение-то, дружок...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Сейчас, сейчас, секундочку!..

Голос Див-Дива из избушки. «Так чем же мне перекусить?»

Голос Зайца из избушки. «Табуреткой!»

Голос Зайчихи из избушки. «Нельзя табуреткой!!!»

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Да замолчите вы! Сосредоточиться мешаете!!!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Думай, думай, не отвлекайся!

Из-за кустов появляется Кавказская Овчарка, подбегает к Сказителю-Исказителю и кладет к его ногам палку-поноску.

КАВКАЗСКАЯ ОВЧАРКА. Фу, еле нашёл! (Пауза.) Хозяин, поощрить бы надо верного пса. Ну, хотя бы кусочком колбаски...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (нащупывает палку-поноску, бросает её за кулисы). Апорт!

Кавказская Овчарка убегает за палкой.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ну и фантазия у тебя, между нами...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А что? Отличная Овчарка...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ну, скажи на милость, откуда взялась в глуши зимнего леса Кавказская Овчарка?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А ведь верно! Опять напортачил!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ты, это, давай срочно перепортачивай. Подумай, кто может появиться в лесу, ну, скажем, лиса, медведь, волк...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Волк! Пусть будет Волк!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Почему именно Волк?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А он на Овчарку похож, а я люблю кавказских овчарок!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Будь по-твоему!

На сцену выбегает Сероватый Волк, переделанный из Кавказской Овчарки. Озирается, замечает Сказителя-Исказителя

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Послушай, приятель, я голоден! Очень голоден!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. И ты, Волк?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Не перебивай! Я так голоден, что готов съесть тебя, несмотря на то, что ты сидишь с закрытыми глазами.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Меня есть нельзя!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Чего это?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Долго объяснять.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. А кого можно?

Из избушки выскакивает Див-Див и кричит в распахнутую дверь.

ДИВ-ДИВ. Ну, сколько можно говорить! Не буду я есть морковь, не хочу и не бу-дууу!!!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А вот его можно. Приятного аппетита!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Спасибо, браток!

Сероватый Волк подходит к Див-Диву и фамильярно хлопает его по плечу.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Слышь, ты – я голоден...

ДИВ-ДИВ (оборачиваясь). Представь себе – я тоже...

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Пред-став-ля-юююю-уууу...

ДИВ-ДИВ (облизываясь). Ну, и как же мы поступим?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Стоп! Стоп! Открой глаза!

Сказитель-Исказитель открывает глаза – сцена тотчас же погружается в темноту, освещен только сам Сказитель-Исказитель.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. В чем дело-то? Опять что-то не так?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Все совсем не так! Точнее – совсем все не так!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Слишком уж вы строги ко мне! .

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Или ты забыл, я – Строгий Зритель! Ну что это за фантазии, все голодны, все хотят съесть друг-друга...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Ну-уу, положим, не все...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Не перечь! Закрой глаза! Перезагрузи свою фантазию, перенастрой воображение на другой лад.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Попробую. Итак, представим себе дворец...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Представим...

Картина вторая

Огромные ворота дворца Дива всех Дивов. Возле них прохаживаются стражники – бравого вида Синий Див и замухрышка Красный Див.

СИНИЙ ДИВ (жалобно). Я устал... мне надо отдохнуть... поесть... поспать...

КРАСНЫЙ ДИВ (строго). Перестань ныть! Не забывай – мы на посту.

СИНИЙ ДИВ. И долго нам еще... поститься?

КРАСНЫЙ ДИВ. Пока нас не сменят!

СИНИЙ ДИВ. А может, про нас забыли? Третьи сутки сторожим ворота, а от кого? Кто осмелится напасть на Дива всех Дивов, великого и ужасного повелителя здешних и тамошних дивов, ифритов и

прочей нечисти?!

КРАСНЫЙ ДИВ. Не рассуждай! Неси службу и гордись!

СИНИЙ ДИВ. Я устал гордиться... (Всхлипывает.) Не гожусь я для этой службы... я домой хочу, к маме...

КРАСНЫЙ ДИВ (отвешивает ему оплеуху). Маменькин сынок!

СИНИЙ ДИВ (плачет в голос). Больно мне, больно!..

КРАСНЫЙ ДИВ (отвешивает вторую оплеуху). А сейчас?

СИНИЙ ДИВ (сквозь слезы). Первая была больней, а вторая обидней.

КРАСНЫЙ ДИВ. Третью хочешь?

СИНИЙ ДИВ. Не хочу! Не хочу! Ты – нехороший! Ты – плохой! Я домой хочу-у-у...

Красный Див выхватывает меч и заносит над головой Синего Дива.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ну что это такое? Открой глаза!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Дайте досмотреть, это так интересно!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Кому говорю – открой глаза!

Сказитель-Исказитель открывает глаза и тотчас же сцена погружается в темноту, освещен только Сказитель-Исказитель.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Что на этот раз вам не понравилось? Вам не угодишь...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. И где ты видел таких Дивов?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. В своем воображении, я так вижу!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Сейчас же увидь... вообрази, как положено!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А как положено?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Стражники должны быть храбрыми...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Храбрыми.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. ...бдительными...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Бдительными.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. ...неутомимыми...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Неутомимыми.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. ...и уважать друг-друга.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Уважать друг-друга. Понял. Попробую представить.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Попробуй. Глаза-то закрой.

Сказитель-Исказитель закрывает глаза. Сцена освещается. У врат прохаживаются Синий и Красный Дивы.

СИНИЙ ДИВ. Послушай, брат, ты чего-нибудь боишься?

КРАСНЫЙ ДИВ (подумав). Нет, ничего и никого. А ты?

СИНИЙ ДИВ (подумав). Представь себе – я тоже.

Молча прохаживаются.

КРАСНЫЙ ДИВ. Послушай, брат, а ты хоть раз терял бдительность?

СИНИЙ ДИВ (подумав). Нет, ни разу в жизни. А ты?

КРАСНЫЙ ДИВ (подумав). Представь себе – я тоже.

Молча прохаживаются.

СИНИЙ ДИВ. Устал, небось, а?

КРАСНЫЙ ДИВ. Я не знаю, что такое усталость. Я – неутомим!

СИНИЙ ДИВ. Я тоже.

КРАСНЫЙ ДИВ. Я тебя уважаю.

СИНИЙ ДИВ. Я тебя тоже.

Под вой труб и грохот барабанов распахиваются ворота и оттуда, стеной и заламывая руки, появляется Див всех Дивов.

СИНИЙ ДИВ И КРАСНЫЙ ДИВ (вытянувшись в струнку). Слава Диву всех Дивов, повелителю и владельцу всего того, что...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ай, перестаньте! Не до церемоний мне!

СИНИЙ ДИВ. В чём дело, повелитель?

КРАСНЫЙ ДИВ. Хотите поговорить?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А что толку?! Судьба жестоко наказала меня, послав мне девчонку в образе сына!!

СИНИЙ ДИВ. Мудрёно сказано. Я не понял.

КРАСНЫЙ ДИВ. Я тоже.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ах, Синий ты мой Див! И ты, Красный мой Див! Что тут непонятного?! Мой. Сын. Ест. Морковь!

КРАСНЫЙ ДИВ. Ну и что? В детстве я тоже ел морковь. Чтобы рахита не было. Гляди, каким вымахал!

СИНИЙ ДИВ. Я тоже. И дети мои едят морковь. Вкусно и полезно. Одни витамины!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Так-то оно так, но всё дело в том, что он ест одну только морковь! И ничего, кроме моркови!!

СИНИЙ ДИВ. Мяса не ест?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Наотрез отказывается!

КРАСНЫЙ ДИВ. И рыбы не ест?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ни под каким соусом!

СИНИЙ ДИВ И КРАСНЫЙ ДИВ (хором). Какой ужас!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Что мне делать? Кто поможет мне? О горе, горе мне!

СИНИЙ ДИВ. Повелитель, поручи его нам, мы живо из него дурь выьем... То есть, я хотел сказать – из

него настоящего Дива сделаем!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ай, сделайте, что хотите, только верните мне сына, негоже Диву всех Дивов без достойного наследника жить!!! (Кричит в ворота.) Сына сюда!

Из ворот с морковью в руке выходит Зайчонок.

ЗАЙЧОНОК (с поклоном). Ты звал меня, отец?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (раздражённо). Звал, звал... (Взяв себя в руки.) Сын мой! Гляжу я на него (указывает на Синего Дива.) – много подвигов совершил он на земле, мало показалось, взмыл в небо синее, всех врагов победил, имя громкое заработал – «Синий Див»! Гляжу на него (указывает на Красного Дива.) – огня красного-жгучего не устрасился, закалился в огне, имя славное заработал – «Красный Див»! Смотрю на тебя – высоты боишься, огня страшишься, мяса не ешь, рога не растут, и сам с ноготок... Как назвать тебя?! Имя какое дать?! Сверстники твои мечами рубятся, палицами дубасят, копьями колят, а ты морковь из рук не выпускаешь! (Выхватывает из рук Зайчонка морковь, с отвращением выбрасывает её за кулисы.) Какая гадость!

ЗАЙЧОНОК (всхлипывает). Моя морковь...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Сейчас же перестань – Дивы не плачут! (Дивам.) Богатыри мои! Как мне излечить его, подскажите средство!

СИНИЙ ДИВ. Может, посадить его на диету? Мясную...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Пробовал, не помогает...

КРАСНЫЙ ДИВ. Да гони ты его в три шеи...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Олух! А что делать с морковью?! Все амбары забиты этой гадостью. Это всё мать его – ребёнок... не мучай... пройдёт. Не проходит!!!

КРАСНЫЙ ДИВ. А что если... (Умолкает.)

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ну? Договаривай!

КРАСНЫЙ ДИВ. А что если, говорю, к Бабе Яге за помощью обратиться?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. К Бабе Яге, говоришь?

КРАСНЫЙ ДИВ. К ней. Она же старая-престарая, жизнь повидала, хитрости набралась. Может, поможет...

ЗАЙЧОНОК. Не надо! Я боюсь Бабы Яги! (Плачет.)

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Перестань плакать, трус!

СИНИЙ ДИВ. А ведь Красный брат дело говорит, повелитель. Прикажи – я мигом за ней слетаю!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (подумав). А, была, не была! Только мигом! Время пошло.

СИНИЙ ДИВ. Разгон не в счёт! («Разбегается» и исчезает за кулисами.) Поехали!

Оставшиеся, задрав головы, следят за «полётом» Синего Дива.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Полмига прошло.

Все в обратном порядке следят за «прилётом» Синего Дива. Зайчонок вздрагивает от грохота за кулисами.

КРАСНЫЙ ДИВ. Тютелька в тютельку. В миг обернулся.

На сцену выходит Синий Див. За спиной его удобно устроилась Баба Яга.

СИНИЙ ДИВ. Приехали!

БАБА ЯГА (ворчит). Я бы и сама могла прилететь, хоть в ступе, хоть на метле... Ну, в чём дело, какая во мне нужда объявилась?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Дело в моём сыне...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Открой один глаз!

Сказитель-Исказитель открывает один глаз. Тотчас же все персонажи замирают в неподвижности.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Эх, на самом интересном месте!..

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ты, дружок, думай, когда воображаешь.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А что?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ну, какая может быть Баба Яга среди дивов? Путаешь всё, искажаешь. Так не пойдёт, слышишь? Срочно убери Бабу Ягу, понял?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Понял. (Закрывает и открывает глаз. Баба Яга исчезает.) Убрал. Ну и что теперь делать?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Перескажи этот момент сначала. Но чтоб всё было как положено!

Сказитель-Исказитель закрывает глаз, персонажи оживают.

КРАСНЫЙ ДИВ. А что если... (Умолкает.)

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ну? Договаривай!

КРАСНЫЙ ДИВ. А что если, говорю, к Бабай Аге за помощью обратиться?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. К Бабай Аге, говоришь?

КРАСНЫЙ ДИВ. К нему. Он же старый-престарый, жизнь повидал, мудрости набрался. Может, поможет...

ЗАЙЧОНОК. Не надо! Я боюсь Бабайки... (Плачет.)

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Перестань плакать, трус!

СИНИЙ ДИВ. А ведь Красный брат дело говорит, повелитель. Прикажи – я мигом за ним слетаю!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А, была, не была! Только мигом! Время пошло.

СИНИЙ ДИВ. Разгон не в счёт! («Разбегается» и исчезает за кулисами.) Полетели!

Оставшиеся, задрвав головы, следят за «полётом» Синего Дива.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Полмига прошло.

Все в обратном порядке следят за «прилетом» Синего Дива. Зайчонок вздрагивает от грохота за кулисами.

КРАСНЫЙ ДИВ. Тютелька в тютельку. В миг обернулся.

На сцену выходит Синий Див. За спиной его удобно
устроился шаман Бабай Ага.

СИНИЙ ДИВ. Прилетели!

БАБАЙ АГА (укоризненно). Я бы и сам мог объявиться, хоть силой мысли, хоть силой духа... Не спрашиваю, в чём дело, ибо знаю, какая нужда во мне.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И ты справишься с бедой моей?!

БАБАЙ АГА. В два счёта.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Так начинай же, о великий Бабай Ага!

БАБАЙ АГА. Так слушай же, о великий Див всех Дивов! Твой сын, согласно традиции, должен сразиться и победить того, кто сильнее его. Это раз. Ты собираешь свой народ, устраиваешь пир, и я нарекаю твоего сына именем побеждённого. Это два. Вот и все дела.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Ладно. Что посоветуешь, о, мудрейший Бабай Ага? В смысле, кого ему сподручней победить?

БАБАЙ АГА. Обычно герои начинают с быка.

ЗАЙЧОНОК. Ой, мамочки...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ну, это ты загнул, шаман. Куда ему с быком справиться. Моему, прошу прощения, недомерку подойдёт что-нибудь поменьше...

БАБАЙ АГА. Ну-у-у, ну, тогда пусть сразится с круторогим белым бараном!

ЗАЙЧОНОК. Ой, мама...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не справится.

БАБАЙ АГА. С круторогим чёрным бараном.

ЗАЙЧОНОК. Ой, мама...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не справится.

БАБАЙ АГА (раздражённо). С зайцем.

ЗАЙЧОНОК. Мама.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Проблематично.

БАБАЙ АГА. Тогда остается одна только мышка-норушка!

ЗАЙЧОНОК. Ой, мышка...

СИНИЙ ДИВ. Повелитель, выбирай зайца!

КРАСНЫЙ ДИВ. Да, повелитель, в мышиную норку он не пролезет!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Убедили. Пусть будет самый крупный бойцовский заяц. Повелеваю начать ристалище. Трубите трубы, бейте барабаны! Мой сын вступает в неравный бой с грозным противником! После его победы – великий пир-празднество! А потом всем...

СИНИЙ ДИВ. Повелитель, прежде надо зайца подходящего найти...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Так найдите же!

КРАСНЫЙ ДИВ. Поискать-то можно, только вот где? Последние десять лет я зайца натурального в глаза не видел...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Это не моя проблема. Вам приказано, вы и выполняйте. (Отходит в задумчивости.)

СИНИЙ ДИВ. Бабай Ага, найди нам зайца!

КРАСНЫЙ ДИВ. Только самого крупного бойцовского зайца!

БАБАЙ АГА. Да, вот сейчас брошу всё и пойду искать вам зайца! Я – шаман, я – с духами общаюсь, зайцы не моя профессия! Вам приказано, вам и искать. Всё.

СИНИЙ ДИВ (падает на колени). Молим тебя, великий Шаман Бабай Ага! Мудр ты и всеведущ! Ведомо тебе все в этом и в том мире! Помоги!

КРАСНЫЙ ДИВ (падает ниц). Если не ты, то кто? Ты наша надежда и опора!!! Помоги!

БАБАЙ АГА. Ладно, ладно. Встаньте. (Дивы вскакивают на ноги, Бабай Ага отводит их в сторону, сконфуженно.) Видите ли, в чем, так сказать, заковыка... Дело в том... дело в том, что я... мягко говоря... подзабыл, как выглядят эти самые зайцы. Дайте мне словесный портрет зайца, может, что и

получится...

СИНИЙ ДИВ (задумчиво). Насколько я помню, заяц ушастый...

КРАСНЫЙ ДИВ. ...хвостастый...

СИНИЙ ДИВ. ...четвероногий...

КРАСНЫЙ ДИВ. ...зубастый...

СИНИЙ ДИВ. ...бегает быстро...

КРАСНЫЙ ДИВ. ...живёт в лесу...

СИНИЙ ДИВ. ...по деревьям не лазает.

БАБАЙ АГА. Окрас?

СИНИЙ ДИВ. Не понял.

БАБАЙ АГА. Цвет шерсти какой?

КРАСНЫЙ ДИВ. Насколько я помню, скорее чёрный, чем белый...

СИНИЙ ДИВ. Я бы сказал, скорее белый, чем чёрный...

БАБАЙ АГА. Значит, серый...

СИНИЙ ДИВ. Я бы сказал, сероватый.

БАБАЙ АГА. Ладно, попробуем, хотя за результат не ручаюсь. (Начинает бить в шаманский бубен, всё убыстряя темп, впадает в экстаз.)

Ты – зверюга ушастый, хвостастый,

По лесу не шастай –

Явись, явись!!

Ты – зверь зубастый, клыкастый,

Услышь мой приказ ты –

Явись, явись!!

Ты – заяц сероватый, нечесаный, лохматый, пугливый, вороватый, хромой, косой, горбатый...
(Останавливается, переводит дух.)

Короче, явись!

Гремит гром, сверкает молния, свистит ветер. перед шаманом на четвереньках стоит донельзя изумлённый Сероватый Волк.

ЗАЙЧОНОК. Ой, боюсь, боюсь, боюсь!!!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Перестань бояться, трус, это всего-навсего заяц! Видишь, он тоже боится тебя!!!

СИНИЙ ДИВ (Красному Диву). Послушай, брат, я что-то сомневаюсь. Он какой-то, как бы это сказать...

КРАСНЫЙ ДИВ. ...ненормальный заяц.

БАБАЙ АГА. В чём дело? Чем недовольны?

КРАСНЫЙ ДИВ. Извини, великий шаман, но это вроде как бы и не заяц...

БАБАЙ АГА. Вот тебе раз! Вы же сами описали, смотрите: ушастый, хвостастый, сероватый. (Сероватому Волку.) Эй, ты в лесу живёшь?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. В лесу.

БАБАЙ АГА. По деревьям лазаешь?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Не лазаю.

БАБАЙ АГА. Ну вот, значит, ты кто?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Я голоден.

БАБАЙ АГА. Вот именно! Перед нами распространённый вид голодного зайца.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Перед поединком накормить надо бойцовского зайца.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Хоть овчаркой назовите, только накормите, пожалуйста!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Что значит «назовите»? Ты разве не заяц по происхождению?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. По происхождению я Волк, зайцем стал после того, как увидел зайца...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Что за ерунду он несёт? (Дивам.) Разберитесь!

КРАСНЫЙ ДИВ. А ну, выкладывай все начистоту! Не то башку тебе снесу!

СИНИЙ ДИВ. Отойди, брат! Послушай, дружок, сейчас ты мне всё расскажешь – подробно и чистосердечно. Да?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Таких зайцев я отродясь не видел...

КРАСНЫЙ ДИВ. Опять ты за своё?

СИНИЙ ДИВ. Успокойся, брат. А ты ясней выражайся.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Куда уж ясней. Здоровый, лохматый, и рога... рога, ну, прямо как у вас...

КРАСНЫЙ ДИВ. Я тебе сейчас покажу рога!!! Правду выкладывай!!

СИНИЙ ДИВ. Не горячись, брат. Он выкладывает. А ты, дружок, продолжай, продолжай.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Я был голоден. Я хотел его съесть. Он, оказывается, тоже был голоден. И он захотел съесть меня.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Заяц захотел съесть волка? Что за бред?!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Я – Волк, он – Заяц. Он напал на меня. Я еле ноги унёс.

БАБАЙ АГА. С чего ты взял, что он – заяц?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Он сам сказал.

БАБАЙ АГА. Мало ли кто что скажет! Кто что скажет – всему верить можно?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Он вышел из избушки, где живут зайцы и разговаривал с зайцами на заячьем языке.

БАБАЙ АГА. А вот это уже убедительно. (Диву всех Дивов.) Он не бредит.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (задумчиво). Значит, большой, лохматый, рогатый...

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. ...и голодный.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Веди!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Куда?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. К зайцу твоему!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК И ЗАЙЧОНОК (вместе). Я боюсь!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не бойся, я с тобой!

СИНИЙ ДИВ И КРАСНЫЙ ДИВ. И мы!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (указывает на Сероватого Волка). Взять его! (Дивы хватают Сероватого Волка.)
Показывай путь, Сероватый Волк! Куда идти?!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Туда... (Теряет сознание.)

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. За мно-о-о-ой!

Браво маршируя, все следуют за Дивом всех Дивов. Сказитель-Исказитель с закрытыми глазами пристраивается к процессии.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Стой! А ты-то куда?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. За ними... Интересно же посмотреть, что будет.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Глаза-то открой!

Сказитель-Исказитель открывает глаза.

Тотчас же декорация исчезает, и сцена пуста.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (обиженно). Ну во-о-от...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ты, вот что, ты пойдя, отдохни минут эдак пятнадцать. И мы отдохнём от твоих фантазий. (Торжественно.) Антракт!

Сказитель-Исказитель, неловко раскланявшись перед публикой,
уходит за кулисы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина третья

Доедая пирожное, на сцену выходит Сказитель-Исказитель. Проходит на свое место, удобно устраивается, прислушивается. Звучит третий звонок. Свет в зале гаснет, и тотчас же слышится Голос Строгого Зрителя.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Отдохнул, сказитель ты наш доморощенный?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А я, собственно, и не уставал. (Доверительно.) Знаете, когда я был маленьким, то в театре больше всего любил антракт: можно было побегать, порезвиться, а самое главное, поесть в буфете бутерброд или пирожное. В театре они во сто раз вкуснее!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Возможно. Ближе к делу. Продолжать будем?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. А как же! Непременно!!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ну, так продолжай. Глаза-то закрой!

Сказитель-Исказитель закрывает глаза. Тотчас же на сцене возникает панорама заснеженного леса с избушкой. Из избушки выходят Заяц, Зайчиха и Див-Див, через плечо на ремне у них подвешены коробки.

ЗАЯЦ. Моррроженное! Моррроженое! Эскимо, шоколадное, пломбир тоже!

ЗАЙЧИХА. Пирожки! Пирожки горячие! А вот кому пирожки?!

ДИВ-ДИВ. Пирррожное! Пирожное! Эклер, зефир, наполеон!

Троица движется в сторону зала.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Стоп! Открой один глаз!

Сказитель-Исказитель открывает один глаз. троица замирает и стоит неподвижно.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (виновато). Прошу прощения, сорвалось, я не хотел... Вернее, хотел, но не сейчас... Словом, извините, я больше не буду!..

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Верни их сейчас же в избушку!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Секундочку! (Троице.) Вернитесь сейчас же, пожалуйста, в избушку!

Троица, недовольно ворча, возвращается в избушку.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Продолжай, только без выкрутасов!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Конечно, обязательно, непременно!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Глаз-то закрой!

Сказитель-Исказитель закрывает глаз.

Тотчас же в избушке разражается перебранка.

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Вы меня не понимаете и не хотите понять!

ГОЛОС ЗАЙЧИХИ. Я тебя понимаю, сынок! Но и ты пойми нас...

ГОЛОС ЗАЙЦА. Замолчи, мать! Послушай, сын! Ты можешь ясно изложить свои требования?

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Куда уж ясней! Я. Хочу. Кушать. Я. Голоден. Я. Не. Буду. Есть. Морковь.

ГОЛОС ЗАЙЧИХИ. А капусту?!

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. И капусту тоже!

ГОЛОС ЗАЙЦА. Ну, тогда съешь нас!

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. А завтра?!

ГОЛОС ЗАЙЧИХИ. Будет день, будет пища. Что-нибудь найдёшь...

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Ладно, уговорили...

ГОЛОС ЗАЙЦА. Эй-эй-эй... Ты что это? Я же в переносном смысле... Ты собираешься съесть родных папу и маму?

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Другого выхода нет!

Шум борьбы, крики, рыки и... тишина.

Из избушки выходит Див-Див, поглаживает огромный живот и икает.

ДИВ-ДИВ. Да-а-а... Такие вот тела... то есть дела!.. Ничего, будет день, будет пища!..

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Стоп! Загони его обратно!

Див-Див исчезает в избушке.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (виновато). Он меня не слушается...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Это уже слишком! Сейчас же перескажи этот момент, да чтоб без фокусов у меня!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Без фокусов, так без фокусов...

Дверь избушки распахивается, оттуда с мешками за плечами появляются

Заяц и Зайчиха.

ЗАЯЦ (в дверь избушки). Прощай, сын! Сил наших нет больше жить с тобой в одной избушке! Оставайся один! А мы попытаем счастья в соседнем лесу!

ЗАЙЧИХА (со слезами). Не поминай лихом, сыночек! Мама будет скучать по тебе! Прощай, мой маленький, прощай, мой нежный, ласковый...

ЗАЯЦ. Будет тебе, будет! Долгие проводы, лишние слёзы! В путь, мать, на новое постоянное место жительства! Прощай, неблагодарный сын!

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Идите, идите, скатертью вам дорожка! Я голоден! Я есть хочу!!!

Заяц и Зайчиха торопливо уходят. Тотчас же с противоположной стороны появляется Рассеянный Охотник.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (нюхая огромный букет). Что за прелесть эти цветы! Весь лес усыпан ими... Хотя, что это я говорю? Сейчас зима... А где же это я насобирал такой роскошный букет? Где, где, где? Вспомнил, в цветочном магазине купил. А для кого? Вот тебе на, забыл. Вернусь-ка я в цветочный магазин и спрошу у цветочника, для кого я купил этот роскошный букет? (Нюхает.) Что за прелесть эти цветы! (Уходит.)

Из избушки выходит Див-Див.

ДИВ-ДИВ. Ушли... И вот я остался один. Никто не заставляет меня есть морковь и капусту, но сытней от этого не стало. (Подходит к Сказителю-Исказителю. Тот испуганно ёжится.) Не бойся, тебя я не съем... (Подумав.) Если точнее, съем в последнюю очередь. Ты на меня не обижайся – голод не тётка! И не дядька... И не... (зевает.) ...пойду-ка, посплю, во сне меньше есть хочется. (Уходит в избушку.)

На сцену выходит Рассеянный Охотник.

На этот раз в руках у него два букета.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (нюхает цветы). Что за прелесть эти цветы! И цветочник молодец, напомнил, что один букет для Зайца, а второй для Зайчихи. В благодарность за то, что они спасли меня от чудовища! (Подходит к двери, стучит.) Есть кто в доме?!

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Никого нет...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Как жаль... А вы не могли бы передать мои букеты...

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Сказано же – никого нет!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Я слышал, не глухой. Не могли бы вы передать мои букеты Зайцу и Зайчихе, когда они будут дома?

ГОЛОС ДИВ-ДИВА. Ну, ладно. Сам напросился!!! Я выхожу!

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Стоп! Опереди его! Немедленно!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ (недовольно). Шагу ступить не даёт... Будет сделано.

В дверях появляется Див-Див.

Вид у него странный – он будто под гипнозом.

ДИВ-ДИВ. Слушаю вас.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Извините, мы раньше не встречались?

ДИВ-ДИВ. Нет, не встречались.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Но ваше лицо мне знакомо. А моё вам?

ДИВ-ДИВ. Нет, не знакомо.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Странно. Допустим, мы не знакомы. Но Заяц с Зайчихой здесь живут или нет?

ДИВ-ДИВ. Нет, не живут.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Выходит, я ошибся адресом?

ДИВ-ДИВ. Да, выходит.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Значит, букеты вы им не передадите?

ДИВ-ДИВ. Нет, не передам.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. А вы не скажете...

ДИВ-ДИВ. Скажу. Они переехали в соседний лес.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Спасибо. Так я пойду?

ДИВ-ДИВ. Пожалуйста. Да, вы пойдёте...

Рассеянный Охотник, что-то бормоча под нос, уходит.

Див-Див вздрагивает и приходит в себя.

ДИВ-ДИВ. Что за наваждение?! Что со мной такое творится?! Отпустить еду, которая сама постучалась в дверь! (Вглядывается в глубину леса.) А может, он еще вернётся? (Подумав.) Непременно вернётся! И на этот раз от меня не уйдёт! Надо только вид соответствующий принять... (Подумав.) Придумал! (Довольно потирая руки, уходит в избушку.)

За кулисами раздаётся топот ног марширующей колонны. Немного спустя на сцену вступают Див всех Дивов, Зайчонок, Бабай Ага и Синий Див с Красным Дивом, несущие Сероватого Волка. Колонна проходит мимо избышки и исчезает в противоположных кулисах. Топот ног обрывается. На сцену возвращаются Синий Див и Красный Див с Сероватым Волком на руках.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Здесь. Точно здесь. Вот избышка та самая. А ещё в углу сидел некто с закрытыми глазами.

СИНИЙ ДИВ (оглядывается). Верно. Вон он, некто с закрытыми глазами. (Опускают Сероватого Волка на пол.) Слышишь, брат, зови повелителя!

КРАСНЫЙ ДИВ (Сероватому Волку). Ну, смотри – если и на этот раз ошибся! (Убегает за кулисы.)

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК (жалобно). Я вас довёл до места... Можно я уйду?

СИНИЙ ДИВ. Куда?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Куда подальше! (Пытается отползти.)

СИНИЙ ДИВ. Лежать! Здесь всё решает наш повелитель. Понял?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК (скулит). Понял... понял, чего уж тут непонятного...

На сцену выходит Красный Див.

КРАСНЫЙ ДИВ. Сюда, повелитель, мы, кажется, нашли то, что искали.

На сцене появляется Див всех Дивов и тащит из-за кулис упирающегося Зайчонка.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И откуда только сила у тебя взялась?!

ЗАЙЧОНОК. Что за глупые фантазии? Почему я должен непременно с кем-то биться?! Не хочу, не вижу в этом никакого смысла!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Погоди, увидишь!

КРАСНЫЙ ДИВ. Повелитель! Вот избушка, а вон некто с закрытыми глазами. Все сходится.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Этот не в счёт... Погоди, а где великий шаман Бабай Ага? Потеряли? Как мы без него?!

СИНИЙ ДИВ (кричит за кулисы). Бабай Ага-а-а! Где ты? Отзовись!

Все присоединяются к нему и хором взывают к Шаману Бабай Аге, который неожиданно появляется у них за спиной.

БАБАЙ АГА. Да здесь я, здесь.

Все испуганно оборачиваются.

КРАСНЫЙ ДИВ. Как ты... это... в общем... мы тебе туда... а ты – отсюда... Как?

БАБАЙ АГА. Круг дал. Земля-то, она круглая.

СИНИЙ ДИВ. Не может быть!

БАБАЙ АГА. Может. Земля круглая и к тому же вертится.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ты хоть и великий Шаман, но это загнул. земля вертится! Тоже, выдумал эдакое.

БАБАЙ АГА. Не выдумал! Вертится она, вертится!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не вертится!

БАБАЙ АГА. Вертится!

СИНИЙ ДИВ И КРАСНЫЙ ДИВ (вместе). Не вертится!

БАБАЙ АГА. Вертится!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (в ярости выхватывает меч). Перечить мне, Диву всех Дивов?! На колени! Сейчас же откажись от своих вздорных слов или глазом не успеешь моргнуть, как я снесу твою глупую башку! Ну?!!

БАБАЙ АГА (падает на колени). Отказываюсь! Отказываюсь!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (довольно). Вот и славно! Так-то спокойней.

БАБАЙ АГА (поднимаясь с колен, в сторону). А всё-таки она вертится.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Видишь, сынок, что значит сила убеждения?! (Оглядывается.) Сынок! Сынок! Где ты?! Сбежал, дивёныш! Пока мы тут спорили, он смылся! (Дивам.) Найти и привести! Живо!

СИНИЙ ДИВ И КРАСНЫЙ ДИВ (вместе). Есть найти и привести. (Хватает за шиворот Сероватого Волка.) Ищи, ищи!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК (жалобно). Я – Волк, я не овчарка...

КРАСНЫЙ ДИВ. Разговорчики!

СИНИЙ ДИВ. Повелитель прикажет – болонкой станешь. Ищи!!

Сероватый Волк принохивается.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Странно, зайцем пахнет...

КРАСНЫЙ ДИВ. Ты не рассуждай, ты покажи, где он.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК (указывает в сторону Сказителя-Исказителя). Вроде там...

Дивы подходят к Сказителю-Исказителю. За ним спрятался Зайчонок.

КРАСНЫЙ ДИВ. Нашли, нашли!

СИНИЙ ДИВ. Выходи, мы застукали тебя!

ЗАЙЧОНОК (прижимается к Сказителю-Исказителю). Спрячьте меня! Я не хочу биться! Я домой хочу, к маме!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Увы! Я бессилен...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Глаза-то не открывай.

Дивы волокут упирающегося Зайчонка к Диву всех Дивов.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Всё! Терпение моё лопнуло! Вызывайте этого (указывает на избушку.) зайца – или кто он там – на поединок!

СИНИЙ ДИВ (осторожно). Повелитель...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. В чём дело?

СИНИЙ ДИВ. Осмелюсь заметить, что в данной ситуации целесообразно...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Короче!

СИНИЙ ДИВ. Сыночка-то надо экипировать...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Яснее!

СИНИЙ ДИВ. Обрядить бы надо к бою, вооружить и всё такое-прочее...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И только сейчас ты вспомнил об этом, олух?! Где я тебе возьму всё такое-прочее в глухом лесу?!

КРАСНЫЙ ДИВ. Осмелюсь заметить...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Короче и ясней!

КРАСНЫЙ ДИВ. Шаман Бабай Ага всё может. Ты только прикажи.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А ведь верно. (Бабай Аге.) Давай, великий Шаман, тряхни стариной, если ты понял, о чём я.

БАБАЙ АГА. Понял. Мне это раз плюнуть.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Так плюй скорей!

Бабай Ага делает пассы руками, бьёт в бубен, кружится и плюёт за кулисы. Тотчас же оттуда вылетает большой мешок.

БАБАЙ АГА. Пожалуйста.

Дивы вынимают из мешка рогатый шлем, латы, щит и меч и сноровисто обряжают покорившегося судьбе Зайчонка.

СИНИЙ ДИВ. Чутьочку великовато, но сойдет.

КРАСНЫЙ ДИВ. Конечно, сойдет, главное – щит и меч по росту...

ЗАЙЧОНОК. Папа, папа, выслушай меня , дай слово молвить...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Коротко и без сантиментов!

ЗАЙЧОНОК (обращаясь ко всем). Скажите мне, досточтимые герои и мудрецы. Где тут логика?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. О чем это он?

БАБАЙ АГА. Он говорит, что мы поступаем, прошу прощения, глупо и не по правилам.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А ну-ка объяснись, умник.

ЗАЙЧОНОК. Постараюсь. Вот, пришли мы в чужой лес, столпились перед чужой избушкой, толком не знаем, кто-кто в той избушке живет, никакого зла этот неизвестный нам не причинил, у нас к нему никаких претензий нет. Так?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Допустим.

ЗАЙЧОНОК. И вот постучимся мы к нему, тук-тук-тук. Здравствуйте, мы ваши враги, пришли сразиться с вами.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не вижу ничего глупого, захотели и пришли.

ЗАЙЧОНОК. Да? А вдруг он не захочет, не пожелает, откажется от схватки? Что тогда? Весь ваш план теряет всякий смысл.

БАБАЙ АГА. А ведь он прав, нужна какая-то причина, повод, на худой конец...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Повод? Пожалуйста, ты подходишь к двери, колотишь, бум-бум-бум! И грубо так говоришь: эй ты, тот, который живет в этой развалюхе! Проваливай, я буду жить в ней, ибо она мне понравилась. Все дела.

ЗАЙЧОНОК. Все, да не все! А вдруг тот , который живет в этой избушке, испугается и уступит свое жилье без боя? С кем мне тогда биться? С этим немощным Волком, что ли?

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Не-е-ет, со мной биться нельзя, я голоден... измучен... и вообще... не впутывайте меня в свои разборки. (Диву всех Дивов.) Повелитель, прикажи мне удалиться. Я с удовольствием исполню твой приказ.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (подумав). Нет, повелеваю остаться. Всякое может случиться, может, сгодишься для дела какого.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Я виноват лишь в том, что хочется мне кушать...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Умолкни, баснописец! А вы что застыли как истуканы? Думайте, думайте! Ищите достойный повод или, на худой конец, причину. Начали!

Все застывают в задумчивости. Долгая пауза.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ (шепотом). Ну, так и будем в молчанку играть?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Думают всегда молча. Неужели не ясно?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ясно-то ясно, а вот до чего они додумаются, вот в чем вопрос. Намек понял?

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Какой намек? Разве вы на что-то конкретное намекали? Не уловил.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Вот тугодум! Говорю открытым текстом: ты сам должен придумать и вообразить какую-нибудь вескую причину для единоборства Див-Дива и Зайчонка.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. «Вескую» – это как?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Вескую – значит серьезную и красивую.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Это невозможно.

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. В театре все возможно. Пусть появится принцесса...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Почему принцесса?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Ну, хотя бы потому, что наш зритель любит, чтобы на сцене появлялась принцесса. Сужу по опыту: как только на сцене появляется принцесса, все – и в зале, и на сцене, и за кулисами оживляются...

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. И откуда же она появится?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. А это уже твоя забота, вернее – фантазия. Но чтоб серьезно и красиво. Начинай!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Секундочку! Начал.

Тотчас же распахивается дверь избушки и оттуда выбегает

Восточная Принцесса.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. На помощь! Спасите!

Все оживляются.

ЗАЙЧОНОК. Ой! Принцесса! Какая красивая!!!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И верно – принцесса! На помощь зовет, слышали? Чего же вы застыли, принцесс не видели?

СИНИЙ ДИВ. Видели, но такой красивой...

КРАСНЫЙ ДИВ. ...такой нарядной...

СИНИЙ ДИВ. ...в жизни не видели!

БАБАЙ АГА (подходит к Принцессе, церемонно раскланивается). Позволь приветствовать тебя, о, лунолика, со станом-кипарисом, высокородная, по всему видать, принцесса!

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Позволяю.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Сразу видно происхождение! Вы видели!

БАБАЙ АГА. Вослед за приветствием всемилостиво позволь поинтересоваться, как ты здесь оказалась и от кого тебя надо спасать?

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Позволяю.

БАБАЙ АГА. Я уже поинтересовался, о, сладкоголосая, и хотел бы услышать твой ответ...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И мы. И горе тому, кто заставил тебя страдать!

СИНИЙ ДИВ И КРАСНЫЙ ДИВ. Горе, горе тому!!!

ЗАЙЧОНОК. Не мешайте же! Мы слушаем тебя, Принцесса!

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Да будет ведомо вам, благословенные мои, надеюсь, спасители, что я – дочь великого и блистательного шаха Абу Кабира, повелителя многих земель вокруг и около моря-океана. Зовут меня – принцесса Гульгонча. Да вы присядьте, история моя длинная, рассказывать ее мне придется много дней и ночей...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А нельзя ли покороче, о, прекрасная Гульгонча?

ЗАЙЧОНОК. Отец, не перебивай принцессу, дай выслушать всю историю!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Тебе только сказки слушать! Дело не ждет, или ты забыл, зачем мы здесь?! Мы тебя слушаем, но желательно в кратком изложении, о, прекрасная...

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. ...Гульгонча.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Вот именно.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Что ж, вкратце все обстояло так: я вышла погулять в наш прекрасный сад на берегу моря-океана, воздухом подышать, цветами полюбоваться, как вдруг откуда ни возьмись, налетел он...

ЗАЙЧОНОК. Кто?

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Чудовище по имени Див-Див...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Как, как?

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Див-Див кровожадный – злое существо с ушами зайца. Оно схватило меня и потащило. Много ли мы шли, мало ли, криво ли, прямо ли, но упрямо преодолевал похититель ущелья и холмы, реки и озера, пустыни и степи...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (нетерпеливо). ...и притащил тебя сюда, да? Ах, он злодей! Сейчас, сейчас мой сын покарает наглое чудище, и имя славное в бою обретет!

ЗАЙЧОНОК. погоди, отец! История еще не окончена. Продолжай, прекрасная...

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. ...Гульгонча.

ЗАЙЧОНОК. Я знаю. Продолжай же!

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Продолжаю. Никто из наших богатырей не решился броситься в погоню, никто не осмелился вступить в бой с чудищем препоганым. И только мой верный Серый Волк в одиночку догнал похитителя у самой избушки, – вот здесь, на этом самом месте вступил он в бой неравный, но, увы и ах, не смог одолеть противника, ибо много дней провел он в пути, без еды и отдыха, даже полинял слегка. Да вот, кстати, и он, (указывает на Сероватого Волка.) мой верный Волк!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Я?! Ага, вот почему я голоден, измучен и расстроен! (Диву всех Дивов.) Все так и было, клянусь шкурой!

БАБАЙ АГА. Что-то здесь не так, концы с концами не сходятся.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Так мы их и сведем! А потом мой сын разрубит этот узел своим острым мечом. (Зайчонку.) Вот и повод для драки... то есть, я хотел сказать – для боя справедливого и во благо – обнаружился. Вызывай чудище на поединок, сынок, твой час пробил!!

ЗАЙЧОНОК. А не лучше ли...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не лучше! (Дивам.) Стучитесь в дверь, пусть он выйдет!

Дивы подбегают к двери избушки, колотят рукоятками мечей.

СИНИЙ ДИВ. Эй, ты, как тебя там...

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Чудище страшное, жестокое и злое...

КРАСНЫЙ ДИВ. Кто бы ты ни был – выходи на бой!

Двери избушки распахиваются, в проеме появляется заспанный Див-Див. На рога у него натянута самодельные заячьи уши.

ДИВ-ДИВ (зевая и потягиваясь). Что за шум, а драки нет?!

СИНИЙ ДИВ. Будет, будет тебе драка!

КРАСНЫЙ ДИВ. Конец твой пришел, чудище!

ДИВ-ДИВ. Ты на себя посмотри! Тоже мне, красавчик!

КРАСНЫЙ ДИВ. Но, но, прикуси язык, а не то...

ДИВ-ДИВ (наступает на Красного Дива). Что «не то?»

КРАСНЫЙ ДИВ. А то! (Наступает на Див-Дива.)

СИНИЙ ДИВ. Стоп, стоп! (Див-Диву.) Драться ты будешь не с ним, а вот (указывает на Зайчонка.) с ним!

ДИВ-ДИВ. С какой стати?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А с такой стати, что похититель принцессы должен быть наказан! И ты будешь наказан моим сыном!

ДИВ-ДИВ. А я-то за что должен быть наказан?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Вот олух! Ты же и есть похититель принцессы!

ДИВ-ДИВ. Я?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Нет, я!

ДИВ-ДИВ. Ничего не понимаю. Какую-такую принцессу? Когда?

БАБАЙ АГА. Слушай, не придуривайся. Она нам всё рассказала.

ДИВ-ДИВ. Кто?

БАБАЙ АГА (указывает на принцессу). Она, принцесса...

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. ...Гульгонча.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А мой сын вступается за неё, вызывает тебя на бой, убивает и обретает имя славное.

ДИВ-ДИВ. Кто?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Вот заладил! Мой сын, вот он!

ДИВ-ДИВ (оглядывает Зайчонка). Этот, что ли?

БАБАЙ АГА. Этот, этот. Давай, принимай вызов, не задерживай нас.

СИНИЙ ДИВ. Что, струсил?

КРАСНЫЙ ДИВ. Поджилки, небось, трясутся?

ДИВ-ДИВ. Вызов-то я приму, но с двумя условиями.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Говори.

ДИВ-ДИВ. Во первых, я голоден, а на кухне у нас шаром покати. Условие первое, сначала накормите меня.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. А второе условие?

ДИВ-ДИВ. Этот недомерок, то есть ваш сын, вооружён, а я нет. Условие второе: или вооружите и меня, или пусть он разоружится.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Принимаю оба условия. (Бабай Аге.) Накормить его!

Бабай Ага делает пассы руками, бьёт в бубен, вертится и плюёт за кулисы. Тотчас же оттуда к ногам Див-Дива падает мешок. Див-Див развязывает его и достаёт оттуда морковь.

ДИВ-ДИВ (в ярости). Ненавижу морковь! Вот где она у меня! Не буду есть морковь! Лучше буду драться на голодный желудок!

СИНИЙ ДИВ. Не любишь морковь?

КРАСНЫЙ ДИВ. А сын повелителя любит морковь...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Странно и подозрительно... (Зайчонку.) Разоружайся, сынок, на кулаках биться будете...

ЗАЙЧОНОК. Не хочу я драться! Я не люблю драться! Оставьте меня в покое, вы – кровожадные существа!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не упрямясь, сынок! Мы с таким трудом нашли этого подходящего зайца. Не бойся, он трус!

ДИВ-ДИВ (гордо). Я не трус! Я никого не боюсь! (Срывает с головы самодельные уши.) Вот!

СИНИЙ ДИВ. Рога! У него рога!

КРАСНЫЙ ДИВ. Кого-то он мне напоминает...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И мне...

БАБАЙ АГА. И мне...

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. И мне тоже...

КРАСНЫЙ ДИВ. Прости за дерзость, повелитель, но он напоминает мне тебя...

СИНИЙ ДИВ. И мне...

БАБАЙ АГА. И мне...

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. И мне... Можно я уйду, повелитель?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Сидеть! Что-то здесь происходит такое-эдакое невероятно-необъяснимое...

ДИВ-ДИВ. Всё! К бою, недомерок! Да, у меня ещё одно условие: побеждённый будет съеден победителем. (Зайчонку.) Слышишь, ты, олух?!

БАБАЙ АГА. Знакомая интонация...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И мне...

СИНИЙ ДИВ. И мне...

КРАСНЫЙ ДИВ. И мне...

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. И мне тоже...

ДИВ-ДИВ (Зайчонку). Надеюсь, ты будешь вкуснее этой отвратительной моркови!

ЗАЙЧОНОК (в ярости). Никто не смеет оскорблять морковь в моём присутствии! Держись, ты, рогатый пузатый чурбан!

Набрасывается на Див-Дива, изо всех сил колотит того по груди кулачками. Див-Див отвечает Зайчонку оплеуху, рогатый шлем слетает с головы Зайчонка, являя взору присутствующих длинные заячьи уши.

ДИВ-ДИВ. Погоди, погоди... Кого-то ты мне напоминаешь... А, какая разница! Всё равно съем! (Наступает на Зайчонка.) Съем! Съем!

На сцену выходят Заяц и Зайчиха с огромными, тяжёлыми мешками за спинами.

ЗАЙЧИХА (бросает мешок). Остановись, сынок! Не ешь его... (Вглядывается в Зайчонка, растерянно.) Мы тебе консервы принесли... всякие... вкусные... (Зайцу.) Отец, мне плохо! Ты... ты... посмотри на него... (указывает на Зайчонка.) у него уши... уши. (Падает в обморок.)

ЗАЯЦ (бросает мешок, подхватывает Зайчиху). Что с тобой, мать?! (Вглядывается в Зайчонка.) Мне тоже плохо! (Падает в обморок.)

ЗАЙЧОНОК (вглядевшись в поверженных Зайца и Зайчиху). Мне тоже... (Падает в обморок.)

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Мне тоже... (Падает в обморок, её подхватывают Синий Див и Красный Див.)

ДИВ-ДИВ. Папа, мама, что с вами?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Кто это?

ДИВ-ДИВ. Мои родители – Заяц и Зайчиха...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Трусливые заячьи души! (Спохватившись.) Погоди, погоди... Так, выходит, что и ты... этот... как его... заяц?..

ДИВ-ДИВ. Выходит.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (в крайнем замешательстве). А где же твои уши? И почему ты не лишился чувств от страха? А он, (указывает на Зайчонка.) в обмороке... и уши у него как у них, а у тебя рога как у меня, хотя ты заяц, а не див, как мы... Почему?

ДИВ-ДИВ. Не знаю, я есть хочу...

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Я тоже...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Да погоди ты! Ничего не понимаю, мой сын – дивёныш, а рогов у него нет, и он любит морковь. А этот – их сын, значит – зайчонок, но ушей у него нет, и он ненавидит морковь... Поди разберись! Бабай Ага! Ты что-нибудь понимаешь?

БАБАЙ АГА. Тайна сия велика есть, непостижима и неподъёмна для ума моего. Я – пас, повелитель! (Исчезает.)

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Кто-нибудь объяснит мне – в чём дело?!!

СИНИЙ ДИВ. Пусть она (указывает на Принцессу.) объяснит...

КРАСНЫЙ ДИВ. У неё складно получается...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Так приведите её в чувство...

ДИВ-ДИВ. ...олухи!

Див всех Дивов и Див-Див внимательно вглядываются друг в друга. Дивы приводят Принцессу в чувство.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА (изумлённо озираясь). Где я? Кто вы?

СИНИЙ ДИВ. Ты – в лесу. Мы дивы: я – Синий, он – Красный.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА (замечает лежащих на полу зайцев). А почему зайцы лежат? (Смотрит на Дива всех Дивов и Див-Дива.) А это кто такие? И почему они так похожи друг на друга? Что здесь происходит?

СИНИЙ ДИВ. А это мы у тебя хотим спросить...

КРАСНЫЙ ДИВ. Расскажи, у тебя всё серьёзно и красиво получается.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА (в замешательстве). Лес... зайцы... Дивы цветные... Я среди них... Как я здесь оказалась?... Ничего не понимаю... Неужели меня заколдовал злой волшебник Эрлик?! И я никогда не увижу мой сад... мою маму... моего папу... Никогда-никогда... Ах! (Падает в обморок рядом с зайцами.)

СИНИЙ ДИВ. Ну, вот, и эта туда же...

КРАСНЫЙ ДИВ. Привести её в чувство, повелитель?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Не стоит, толку от неё никакого!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. И от меня тоже, повелитель! Можно я...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Можно, прочь с глаз моих!

Сероватый Волк, прихватив один мешок с консервами, исчезает за кулисами.

КРАСНЫЙ ДИВ. Ну вот, остались только мы – дивы...

СИНИЙ ДИВ (указывает на Див-Дива). Всё-таки кого-то он мне напоминает...

КРАСНЫЙ ДИВ. Да-а-а! Есть в нём что-то родное, близкое...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (задумчиво разглядывает Див-Дива). Безусловно, родное... Рога... стать... нрав... И морковь не любит...

ДИВ-ДИВ. Ненавижу морковь, на дух не переношу!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. И я о том же! А ну, скажи: «олухи».

ДИВ-ДИВ. Ну, олухи...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Нет, с чувством скажи, с толком, с расстановкой.

СИНИЙ ДИВ. Громко скажи...

КРАСНЫЙ ДИВ. С выражением...

ДИВ-ДИВ. Не учите меня, олухи!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Вот! Вот! И голос! Голос в душу проникает! Как вспоминанье лучших дней!.. И сердце любит... (смотрит на Зайчонка.) и страдает. Почти стыдась любви своей...

ДИВ-ДИВ (иронично). Ну-у-у, развёл лирику!..

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (спохватившись). Ты прав! Негоже нам, дивам, нюни распускать!

ДИВ-ДИВ. А у меня слюнки текут! Я голоден! Можно, я их съем?

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Всех сразу?

ДИВ-ДИВ. А что здесь такого?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Но... но ведь среди них твои отец и мать! Как можно съесть своих родителей?

ДИВ-ДИВ. С чувством, с толком, с расстановкой...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Но... но ведь там мой сын! (Задумывается.) Мой сын?! А мой ли это сын? Надо разобраться...

ДИВ-ДИВ. Чего тут разбираться? Поделим на четверых и дело с концом!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ты так думаешь?

ДИВ-ДИВ. Не думаю, знаю! Ну?!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Погоди, погоди...

ДИВ-ДИВ. Чего же годить? Они же сами в рот так и просятся...

СИНИЙ ДИВ (прислушивается). Чу! Шаги в лесу!

КРАСНЫЙ ДИВ (прислушивается). И песня слышится лихая...

ДИВ-ДИВ. Удачный день! Еда сама так и прёт!

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Давайте спрячемся. Чует моё сердце, что развязка близка! Ну, живо!!

Все прячутся в избушке. Коверкая и перевирая мелодии знакомых песен, с букетами в руках появляется Рассеянный Охотник.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК (нюхая цветы). Что за прелесть эти цветы! Хожу-брожу по лесу, в соседний лес сходил, а они всё так же источают нежный и тонкий аромат... Погоди, а зачем это я ходил в соседний лес, а? Вспомнил. Искал Зайца и Зайчиху, чтобы вручить им эти букеты в благодарность за... за... за что? (Думает.) А, какая разница! Лишь бы было за что! А оно наверняка есть, коли я брожу с двумя букетами этих прелестных цветов! (Замечает лежащих на полу.) Так. Вот Заяц. Вот Зайчиха. А это, наверняка, их сын – Зайчонок. А это что за прелестное создание? Похожа на Принцессу. Наверное, погостить приехала. (Считает.) Раз, два, три, четыре. А букетов два. Как же быть? Ага! Надо разделить два букета на четыре. Погоди, погоди, ведь два на четыре не делится! Тогда надо... надо разделить один на два, (делит букет.) получилось два! И другой делим на два, получилось два, в итоге четыре! Вот и славно! (Любуется букетами.) Что за прелесть эти цветы! (Кладет букет на грудь Зайчихи.) Это вам! (Кладет букет на грудь Зайца.) А это вам! (Кладет букеты на грудь Зайчонка и Принцессы.) А это вам и вам! Не стоит благодарности. Всего хорошего, я пошел...

Лежащие на полу вдыхают аромат цветов, чихают и приходят в себя.

ЗАЙЧИХА. Что за прелесть эти цветы! Апчхи!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Будьте здоровы!

ЗАЯЦ. А чего это мы разлеглись? Апчхи!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Будьте здоровы!

ЗАЙЧОНОК. Пахнет морковью. Апчхи!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Будьте здоровы!

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Благоухание подобно аромату нашего цветника. Апчхи!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Будьте здоровы!

ЗАЯЦ (замечает Зайчонка, вскакивает на ноги). А это кто такой? Мать, ты только погляди! Апчхи!

ЗАЙЧИХА. Ахти! Кто ты, прелестное дитя? Апчхи!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Что за нелепые вопросы? (Зайцу и Зайчихе.) Это ваш сын. (Зайчонку.) А это – твои родные папа и мама. Вспомнили?

ЗАЯЦ (указывая на Принцессу). А это кто? Наша дочь?

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Пусть будет ваша дочь. Вы только посмотрите на нее, ну не прелесть ли?

ЗАЯЦ. Прелесть-то она всегда прелесть. Но это не наша дочь, у нее нет вот таких ушей...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Зато у него есть. Значит, он ваш сын.

ЗАЙЧИХА. А скажи-ка, сынок, ты морковь любишь?

ЗАЙЧОНОК. Обожаю!

ЗАЯЦ. А капусту?

ЗАЙЧОНОК. Капусту обожаю больше!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Погодите, погодите... Вы сказали «капуста?» Да, вы сказали «капуста» (Мучительно вспоминает.) Капуста, капуста, капуста... Вспомнил!

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Расскажите, что вы вспомнили. Только складно, серьезно и красиво, пожалуйста...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Это было недавно, нет – это было давно. Мой друг Аист разносил младенцев. Вы ведь знаете, что детей приносит Аист. Так вот, в тот год младенцев было много, а Аист

один. Работы по горло, еле успевал, бедняга. И я решил помочь своему другу, ведь я очень люблю детей, особенно маленьких, пухленьких, агусеньких, агугу, ты мой маленький, ты мой сладенький...

ЗАЯЦ. Не отвлекайтесь, пожалуйста.

Из полуоткрытой двери избушки Дивы с интересом прислушиваются к словам Рассеянного Охотника.

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Прошу прощения. Так о чем это я?

ЗАЙЧОНОК. Вы решили помочь своему другу Аисту...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Ах, да. Спасибо. Аист согласился и дал мне двух младенцев. Одного белого, пушистого, ушастого, другого бурого, лохматого, рогатого. Первого велел положить в капусту – там его найдут родители, а второго попросил отнести в лес и оставить в зарослях можжевельника, у ворот двorca. Ведь я же охотник, мне лес как дом родной. Бывало, идешь по лесу, а вокруг тебя...

ЗАЯЦ. Не отвлекайся, охотник, не томи!

ЗАЙЧИХА. Пожалуйста, ближе к делу!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Как сейчас помню! Я перепутал: рогатого положил в капусту, а пушистого в кусты можжевельника! Фу! Аж на душе полегчало!

ЗАЙЧИХА. Значит...

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Это ваш сын. Все просто.

ЗАЯЦ. А тот... ну, который рогатый... он, выходит...

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ (выскакивает из избушки). ...мой сын!

ДИВ-ДИВ. Отец! Я знал, я знал, что ты найдешь меня! Я знал, что я не заяц! Я Див и сын Дива всех Дивов!!! Какое счастье!

РАССЕЯННЫЙ ОХОТНИК. Ну, да. А что это вы так разволновались? Сначала все запуталось, а теперь распуталось. Все просто.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Я нашел сына! Я счастлив!

ЗАЯЦ. Я нашел сына! Я счастлив!

ЗАЙЧИХА. Иди ко мне, родненький ты мой!

ЗАЙЧОНОК. Мама! Папа! Я люблю вас!

ДИВ-ДИВ (Зайцу и Зайчихе). А вы простите меня за грубость, я не хотел, это все от того, что я – Дивеньш!

ЗАЙЧОНОК (Диву всех Дивов). И вы простите меня за все, ведь я – Зайчонок!

Все обнимаются и целуются.

СИНИЙ ДИВ (Красному Диву). Слышь, брат, а меня слеза прошибает!

КРАСНЫЙ ДИВ. И меня тоже!

Оба радостно плачут. Из ниоткуда появляется Бабай Ага. Он что-то говорит – торжественно и величаво, но в радостном гуле голосов его голос неслышим.

БАБАЙ АГА (кричит). Тихо! (Все умолкают, глядя на Бабай Агу). Короче, ты, повелитель, собери всех и устрой пир на весь мир по случаю счастливого обретения сына! Не забудь пригласить и эту счастливо воссоединенную семью.

Все радостно галдят и продолжают обниматься и целоваться.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. А я? Что будет со мной? Я тоже хочу домой! Я так давно не видела маму...

Из-за кулис выходит сытый, бодрый и довольный Сероватый Волк.

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. А я на что? Живо домчу тебя до берега моря-океана, домой – во дворец славного Абу Кабира. Садись, Принцесса, эх, прокачу-у-у!

Принцесса запрыгивает за спину Сероватого Волка.

ВОСТОЧНАЯ ПРИНЦЕССА. Прощайте, друзья! Всех вам благ и семейного счастья! Будете в наших местах – заходите, буду рада! (Сероватому Волку.) Поехали!

СЕРОВАТЫЙ ВОЛК. Держись, принцесса!

Под дружные аплодисменты присутствующих резво убегает со сцены.

ДИВ ВСЕХ ДИВОВ. Ну, все по домам!

ВСЕ (вместе). По домам!

БАБАЙ АГА. А попрощаться!

Все начинают прощаться друг с другом.

БАБАЙ АГА (указывает на зал). А про них – наших строгих, но доброжелательных, внимательных и благодарных друзей – забыли?!

Все выходят вперед и, взявшись за руки, раскланиваются со зрителями.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец! (Открывает глаза, все исчезают.)

ЭПИЛОГ

Сцена пуста. Сказитель-Исказитель мечтательно разглядывает сцену Театра Строгого Зрителя. Сверху падают три яблока,

Сказитель-Исказитель поднимает их.

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. ...С неба упало три яблока. Одно мне, второе тому, кто сказку рассказывал, ну, а третье...

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. ...тому, кто подсказывал!

СКАЗИТЕЛЬ-ИСКАЗИТЕЛЬ. С удовольствием. А где ты?

ГОЛОС СТРОГОГО ЗРИТЕЛЯ. Я здесь, в зале, где же мне еще быть?

Из зала на сцену поднимается Строгий Зритель, принимает от Сказителя-Исказителя яблоко и раскланивается со зрителями.

МАКСУД ИБРАГИМБЕКОВ

РОЛС-РОЙС ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Пьеса

Действующие лица:

СЕЙМУР ХАНЛАРОВ – известный поэт и эссеист.

МАРЬЯМ – жена Сеймура.

МЕНЗЕР – теща Сеймура.

ТАРЛАН САЛАМОВ – московский миллиардер.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК.

1-Й ТАМОЖЕННИК.

2-Й ТАМОЖЕННИК.

ТАЙГЕР – журналист.

ЗАФАР ТАГИЕВ – эксперт аналитического центра «Турян».

НИКОЛАС АСПАРУХ – шеф-куратор.

ВРАЧ.

Друзья и знакомые.

Геи, лесбиянки.

Непримиримые политруки.

Дом Тарлана Саламова в Москве. Звучит развеселая зажигательная мелодия «Вазгалы». За накрытым столом в доме Тарлана Саламова собралась компания. Нестройный застольный шум замолкает, когда берет слово хозяин дома.

САЛАМОВ. Дорогие друзья, наверное, при всем желании вы не можете представить себе, как я рад, что сегодня я вижу вас всех вместе в своем доме. Я люблю Азербайджан, но каждый раз, думая о своей родине, я первым делом непременно вспоминаю всех вас. Потому что именно в вас, в тех, кто сидит за этим столом, я вижу самое дорогое для меня, что осталось в Баку. Сегодня я познакомился с Сеймур-беком. То, что он принял мое приглашение, для меня высокая честь. Мы не были знакомы, но мне кажется, я знаю его давно. Я горжусь тем, что этот замечательный человек сегодня с нами. Дорогой Сеймур! Я читаю ваши стихи, перечитываю их, я восхищаюсь вашей поэзией и публицистикой. У меня есть все ваши книги. Мне много о вас рассказывали, о ваших поступках, и я, будучи здесь, горжусь тем, что на моей родине, в Азербайджане, живет великий гражданин, мой современник. Все знают, что вы ничего не боитесь и всегда говорите правду...

СЕЙМУР (шутливо). Это не совсем так. Все приятные небылицы обо мне придумывают друзья. На самом деле, я с самого раннего детства очень пугливый, всего боюсь, а соврать пытаюсь при первой же возможности.

МАРЬЯМ (Сеймуру). Скажи, что ты шутишь!

САЛАМОВ (усмехается). Прекрасно, прекрасно!.. А теперь я прошу вас всех на несколько минут прервать наше застолье и спуститься со мной этажом ниже, там нам подадут десерт, а заодно я покажу вам свою коллекцию.

Просторное помещение гаража на первом этаже. Это своего рода смотровая площадка со столиками перед «сценой», на которой расположились в один ряд десятка два роскошных старинных автомобилей.

САЛАМОВ (доволен произведенным впечатлением, показывает). Это «Астон» 1939 года, «Роллс-ройсы» 1938, 51 и 54 годов, «Кадиллак» 1941 года, «БМВ» из первой серии выпуска, «Мерседесы» 1934 и 1952 годов и так далее. Все эти машины на ходу и не нуждаются в ремонте. (Обращается к Сеймуру). Какая из этих машин на ваш взгляд лучшая?

СЕЙМУР (окидывает взглядом ряд сверкающих деталями машин). Я не очень разбираюсь в

автомобилях, но мне кажется, все они прекрасны. На меня они производят впечатление уникальных ювелирных изделий. Каждая красива в своем роде.

САЛАМОВ. Поистине, невозможно предугадать ответ поэта! (Обращается к жене Сеймура). А вам какая из них нравится больше остальных?

МАРЬЯМ (подходит к «Роллс-ройсу»). Эта. Просто чудо. Даже не верится, что она старинная, выглядит как новенькая.

САЛАМОВ. У вас прекрасный вкус. Этот «Роллс-ройс» целиком и полностью ручной сборки. Машина, действительно, как новая, она на ходу, ни в одном месте нет следов ржавчины, ни одна деталь не заменена... (Открывает дверцу.) Про-шу вас, сделайте мне одолжение, сядьте.

МАРЬЯМ (садится на переднее сиденье). Какая удобная и просторная... (Присматривается.) Здесь металлическая табличка, а на ней написано, что в 1951 и 1952 годах ездила Ее Величество королева Великобритании. (Звучит гимн «Боже храни королеву!».)

САЛАМОВ. Так оно и есть. В те годы машина принадлежала королеве Англии, позже ее владельцем стал один знатный англичанин-коллекционер. Последние пять лет она стоит здесь. А с сегодняшнего дня она будет принадлежать вам. Уважаемый Сеймур-бек, прошу вас принять от меня этот скромный подарок. Пользуйтесь на здоровье.

СЕЙМУР (решительно). Нет, нет, это невозможно. С какой стати? Это очень дорогая вещь...

САЛАМОВ. Делать подарки придумал не я. Люди одаривали друг друга и до нас, и будут это делать всегда. Это удовольствие. Почему же вы хотите отказать в этом удовольствии мне? А то, что вещь дорогая, это еще с какой стороны посмотреть. Делая вам подарок, я ведь ни в чем себе не отказываю и ни на какие жертвы не иду. Если у вас нет оснований считать меня недостойным человеком, возьмите этот «Роллс-ройс», я дарю вам его от чистого сердца.

СЕЙМУР. Да, да, конечно. Но это так неожиданно. Спасибо.

САЛАМОВ. У вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности? Очень хорошо. Я на несколько минут вас покину, пусть снимут копию паспорта. (С паспортом в руке выходит из гаража).

СЕЙМУР. Абсолютно нелепая ситуация, а что делать не знаю. (Обращается к жене). А ты что думаешь по этому поводу?

МАРЬЯМ. Думаю, что машина очень хорошая. Надо поблагодарить Саламова.

СЕЙМУР. А я думаю о том, что я в ответ никогда не сумею сделать Саламо-ву равноценный подарок. Неприятное ощущение.

ДРУГ СЕЙМУРА. Ты нервничаешь, потому что плохо знаешь Саламова. Это в его стиле. Мой «Мерседес», на котором мы сюда приехали, подарил мне он. Просто так, без всякого на то повода, взял и подарил новенький «Мерседес». И БМВ Мишке Бардину, правда, на день рождения. И Поладу

Поладову тоже. А Зауру Атамалибекову взял и подарил шикарную дачу в Шувелянах. Такой уж характер. Ты не стесняйся, у него миллиардов побольше, чем объединенный возраст двух твоих детей и одного моего в придачу. А машина эта действительно дорогая. Этот «Роллс-ройс» раритет. Один коллекционер из Далласа предлагал за нее миллион шестьсот тысяч долларов, но Саламов продать отказался. Я читал об этом в интернете. А в том, что он его подарил тебе, ничего странного нет. Человек постоянно перечитывает твои стихи, знает их наизусть. Мечтал о встрече с тобой.

САЛАМОВ (вернувшись к гостям, возвращает Сеймур паспорт). В поне-дель-ник оформят документы, а еще через два дня машину самолетом отправят в Ба-ку. Я вижу, что вас что-то все же смущает. Поверьте мне, этот подарок такой пустяк...

СЕЙМУР. Весьма значительный пустяк.

САЛАМОВ. Я много повидал в жизни и сейчас для меня стали важными ценности, о которых я раньше даже не подозревал. И одна из ценностей это та, что в наши дни в Азербайджане есть такие люди, как вы, мой дорогой Сеймур-бек. Наши друзья могут подтвердить, что свое мнение о вас я высказывал и до нашего знакомства. Кстати, я намеревался сделать вам куда более интересный подарок, чем автомобиль, но по чисто техническим причинам не успел. Вы сколько еще дней собираетесь пробыть в Москве?

СЕЙМУР (торопливо). Мы улетаем первым утренним рейсом.

САЛАМОВ. Жаль. Все-таки удобнее улетать днем, а еще лучше вечером. Вам не кажется?

МАРЬЯМ. Дело в том, что мы торопимся. Моя мама в больнице, она очень сильно больна. Сегодня ее не позвали к телефону, и мы с Сеймуром очень беспокоимся.

САЛАМОВ. Я желаю ей скорейшего выздоровления. Это великое счастье, когда родители живы. Вы знаете, я человек интуитивный и уверен, что в ближайшем будущем с вашей мамой ничего плохого не случится... А вот и шампанское! Друзья, вечер продолжается.

Больничная палата. Звучит мелодия «Сенсиз» Узеира Гаджибекова. Негромко, чтобы не разбудить Мензер-ханум, врач разговаривает с Сеймуром и Марьям.

ВРАЧ. Мы считаем, что у вашей мамы нервное истощение. И что не менее важно, она потеряла всякий интерес к жизни. Это не болезнь, а состояние, на фоне которого организм теряет способность сопротивляться. Она почти не двигается и полностью перестала реагировать на окружающую среду. Меня это очень тревожит. И с каждым днем это состояние апатии и безразличия усиливается... Извините, я вас ненадолго оставлю. (Уходит).

МАРЬЯМ. Бедная мама. Это так на нее непохоже. Подумать только, «не реагирует на окружающий мир».

СЕЙМУР. Да, грустно. Она всегда была такой... оживленной. Всем интере-совалась. Всем, всем...К сожалению, видимо сыграл свою роль и возраст, как-никак восемьдесят четыре года.

МАРЬЯМ. Я тебя прошу, не преувеличивай, маме пока еще восемьдесят три. Какой это возраст? Другие в восемьдесят три в теннис играют.

СЕЙМУР. Где это они играют в теннис?.. Ладно, ладно, извини, это я от неожиданности, теннис так теннис, не буду спорить.

МАРЬЯМ. Ты лучше скажи, что мы будем делать с «Роллс-ройсом»?

СЕЙМУР. Поставим в гараж. По городу ездить на нем нельзя, слишком уж у него парадный вид, продать невозможно, потому как подарок Тарлана Саламова. Будем раз в месяц приглашать друзей на праздник «Роллс-ройса» и в такие дни выкатывать его для обозрения из гаража.

МАРЬЯМ. Значит, «Роллс-ройс» в гараж? А куда мы будем ставить нашу машину?

СЕЙМУР. Другого выхода нет. Нельзя, чтобы экипаж английской королевы пылился на солнце, в то время как единственный гараж занят каким-то потрепанным «Хундаем».

Неподвижная до того Мензер-ханум, рывком приподнявшись, принимает в кровати позу атакующей кобры. В это же время в палату входит врач. Остановившись в дверях, он во все глаза наблюдает за происходящим.

МЕНЗЕР. Откуда он взялся - «Роллс-ройс» английской королевы? О чем вы говорили?

МАРЬЯМ (бросается на шею матери). Ах, мамочка, как я рада тебя видеть!

МЕНЗЕР. Я тоже! (Видимо всласть пообнявшись, отстраняет дочь.) Так при чем здесь королевский «Роллс-ройс»? Кто-нибудь скажет наконец, откуда он взялся?

СЕЙМУР. Обычное дело. Нам его подарили.

МЕНЗЕР. А причем здесь королева?

СЕЙМУР. Раньше на нем ездила королева.

МЕНЗЕР. Слава Богу, наконец-то сбылась моя давняя мечта!

МАРЬЯМ. Ты мечтала о «Роллс-ройсе»?

МЕНЗЕР. Я мечтала о чуде. А как оно выглядит, не знала. В моем возрасте о чуде можно только молча мечтать.

СЕЙМУР. То есть можно считать, что вы мечтали ездить на машине королевы? Ваша мечта вот-вот сбудется. Это приятно.

МЕНЗЕР. Ты напрасно улыбаешься, Марьям. Сеймур, вы знаете, кем был мой дед?

СЕЙМУР. Это знает весь город. Ваш отец был директором Главпочты.

МЕНЗЕР. И дворянином. В то время почтмейстер непременно должен был быть дворянином.

СЕЙМУР. Известное дело. Я вас понимаю. Вы мечтали о чем-то необычном и прекрасном, что возвышается над нашим серым обыденным миром рядовых граждан.

МЕНЗЕР. Я имею на это право. А сегодня я думаю о том, как в новом платье и в новой шляпе через полтора месяца сяду в этот «Роллс-ройс» и поеду в Бузовны на юбилей своей подруги интриганки Гюльтекин. Вы не представляете, сколько крови она мне испортила только лишь за последние шестьдесят пять лет. Машина остановится во дворе, водитель в фуражке откроет дверь, я выйду, и все ее гости увидят, кто приехал в машине королевы.

МАРЬЯМ. Мама, но у нас же нет водителя.

СЕЙМУР. Вот это как раз пустяки. Машину поведу я. Надену форменную фуражку, и поедем. Не пойму только, причем здесь гости Гюльтекин?

МЕНЗЕР. А я хочу, чтобы все они увидели, как у Гюльтекин начнутся от зависти конвульсии. (Энергично изображает руками и отчасти телом конвульсии Гюльтекин.) По всему телу... Я знала, что этот день наступит!

ВРАЧ. Поразительно! Полчаса назад у нее не было сил приподнять голову... (Обращается к Сеймуру.) Как вы этого добились?

СЕЙМУР. Моя жена считает, что ее мама может играть в теннис. Что вы по этому поводу посоветуете?

ВРАЧ (от неожиданности сбивчиво). Теннис?! Что могу сказать... Самое главное не перегреться на солнце. А так, конечно, если не злоупотреблять, то все эти спортивные игры – теннис, волейбол и баскетбол – очень полезны для организ-ма, особенно для растущего.

МАРЬЯМ. Мама, мы с Сеймуром хотим, чтобы после больницы ты до осени пожила у нас. Да, Сеймур?

СЕЙМУР. Конечно, тем более что вероятно машина уже на следующей не-де-ле прибудет в Баку. И вы должны при этом присутствовать. У вас будет время сшить новое платье. И шляпку тоже.

МАРЬЯМ. Доктор, когда маму выпишут из больницы?

ВРАЧ. Судя по ее состоянию, возможно, завтра.

Завокзальное отделение таможни. Звучит песня из «Бременских музы-кантов»: «Мы раз-бо-бо, разбойники, разбойники! Пиф-паф, и вы покойники, покойники!»

В холле сидят двое молодых сотрудников, пьют чай и слушают музыку. Появляется Сеймур. Здоровается с таможенниками. Показывает одному из них уведомление.

СЕЙМУР. Вы не скажете, к кому я могу обратиться с этим?

1-й ТАМОЖЕННИК (пробегаёт глазами уведомление). А, понятно. Вам к начальнику отдела. Обеденный перерыв заканчивается, и он появится с минуты на минуту. Садитесь, пожалуйста. Выпейте чай.

2-й ТАМОЖЕННИК (рассматривает уведомление). Значит, это вы полу-чатель «Роллс-ройса». В Баку есть несколько «Роллс-ройсов», но такую модель раньше мне видеть не доводилось. Потрясающая машина! Вся из себя как подводная лодка. Когда мы перегоняли ее из аэропорта на стоянку таможни, перед каждой остановкой на красный свет вокруг нас собирались прохожие и любовались ею.

СЕЙМУР. Представляю себе, как на ней будет приятно ездить по городу.

2-й ТАМОЖЕННИК. Да, да, очень приятно. Можно сказать, машина, но одновременно музей. Поздравляю!

Появляется старший таможенник. Здоровается с Сеймуром. Обращается к подчиненным:

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Что происходит? Кто это включил?

1-й ТАМОЖЕННИК (удивленно). Я... Мы в перерыве всегда включаем музыку.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. А я, что, против музыки? Дело разве в му-зы-ке? Это что за слова такие – «разбойники, покойники. (Пародирует). К нам не под-ходи! К нам не подходи!». Безобразие! Что люди о нас подумают?! Сколько прекрас-ных песен о любви, природе, а тут разбойники и так далее. (Жестом приглашает Сеймура к своему столу.) Сотрудники тем временем бесшумно удаляются.

Ст. ТАМОЖЕННИК (находит в картотеке бумаги, протягивает Сеймуру). Распишитесь, пожалуйста.

СЕЙМУР (просматривает бумаги). Я могу получить машину?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Вас проводят на стоянку. По дороге заплатите тамо-женный сбор. Касса рядом, на нашем этаже, уплатите по счету и берите машину. Она на ходу и в баке 20 литров бензина.

СЕЙМУР (вынимает из кармана бумажник). Таможенный сбор - это сколько?

Ст. ТАМОЖЕННИК (протягивает ордер). Вот здесь указано 17 тысяч ма-натов.

СЕЙМУР (он озадачен). Не понимаю. Посмотрите, пожалуйста, вот здесь в сопроводительном документе написано, что стоимость машины пять тысяч долларов. Здесь же подпись и печать представителя российской таможни.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Пять тысяч?

СЕЙМУР. Пять тысяч. Написано черным по белому цифрами и прописью.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Пусть пишут, а вы не обращайте внимания. Сколько лет везде писали, что Ленин жив, вечно будет жить, а где? У нас теперь рыночная экономика в условиях демократии.

СЕЙМУР. Не буду спорить. Но мне интересно, откуда взялось это число - 17 тысяч?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Компьютер. Это компьютер определил размер таможенного сбора 17 тысяч.

СЕЙМУР. А вы подумайте сами, без компьютера. Мне прислали подарок, с объявленной стоимостью в пять тысяч, а я должен заплатить за него семнадцать тысяч! Вы считаете это правильным?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Мы здесь самодеятельностью не занимаемся, для того и компьютер завели. Все абсолютно правильно и законно.

СЕЙМУР. Ладно. Тогда с вашего разрешения я пойду. (Возвращает себе-сед-нику бумаги и ордер.) Извините за беспокойство. (Встает.)

ТАМОЖЕННИК. Вы не берете машину?... Но почему?

СЕЙМУР. По очень уважительной причине. У меня нет семнадцати тысяч. Ни при себе, ни дома.

Ст. ТАМОЖЕННИК (он удивлен). Как так может быть. (Его вдруг осеняет.) Я же вас по телевизору видел. Кажется, народный артист и так далее! Вы певец?

СЕЙМУР. Бывало, что и пел, но в данном случае я получатель груза.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Как-то нехорошо получается. Может быть, вы позволите нашему начальнику?

СЕЙМУР. Я с ним незнаком, а если даже был бы знаком, что я ему скажу? Попрошу, чтобы он уменьшил для меня таможенный сбор?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Некоторые люди просят. Ничего в этом плохого нет. Кому-то помогают, кому-то отказывают.

СЕЙМУР (усмехается). Я для этого еще не созрел. Всего доброго!

(Сеймур уходит. Таможенник недоуменно пожимает вслед ему плечами.)

Квартира Сеймура. В гостиной перед зеркалом Марьям помогает матери примерять новое платье. Приходит Сеймур.

СЕЙМУР (заглядывает в гостиную). Извините.

МАРЬЯМ. Ты вернулся. Как хорошо. Заходи, нам нужен твой совет. Нравится?

СЕЙМУР. Хорошее платье. Вы наденете его на встречу с Гюльтекин?.. К нему подошел бы шарфик легкой ткани - из шелка или шифона - ярко-красного цвета с синими полосками. Или - такой же шарф, но с голубыми полосками.

МАРЬЯМ. Почему ты решил, что маме нужен шарфик с такой необычной расцветкой?

СЕЙМУР (раскрывает принесенную коробку). Потому что я купил для вас два шарфа именно такой расцветки.

МЕНЗЕР (рассматривает шарф). Красивый. Спасибо. Но такой шарф могут оценить только понимающие, доброжелательные люди с хорошим вкусом. Гюльтекин, глядя на него, может думать только о том, что с помощью этого шарфика я пытаюсь выглядеть моложе своих лет. И тут же втихомолку шепнет это своим подружкам, тем, что из новых, каждой в отдельности. Вы не знаете, какая она ехидная.

СЕЙМУР. Действительно, не знаю. Но как вы определяете, о чем она думает?

МЕНЗЕР. Опыт, дорогой мой Сеймур. Горький опыт всей моей жизни. Я ее насквозь вижу.

МАРЬЯМ (изучающее смотрит на мужа). Ты хорошо себя чувствуешь? Ничем не расстроен?

СЕЙМУР. Чувствую себя прекрасно.

МЕНЗЕР. Пойду переоденусь. (Уходит.)

МАРЬЯМ. Ты не против, если до осени мама поживет у нас? Так мне будет спокойнее. С ней я еще не говорила.

СЕЙМУР. Хорошие вопросы ты мне задаешь. В больнице мы уже с тобой об этом говорили. А когда я был против? Пять лет назад, когда она заболела первый раз, я просил ее переселиться к нам, но она сказала, что привыкла жить в своем доме, вместе с семьей твоего брата. Уговори ее остаться, напомни, что нам еще предстоит совместная боевая экспедиция под названием «Гюльтекин».

МАРЬЯМ. Может быть, откажемся от «Роллс-ройса». Жили же без него, причем неплохо жили, проживем и дальше. Я же чувствую, целый месяц ты из-за этого нервничаешь.

СЕЙМУР. Не то, чтобы нервничаю, но мне, конечно, неприятно, что я, взрослый человек, не заработал на таможенный сбор за присланный подарок. Но думаю, все обойдется. Я тебе говорил о том, что в республике в этом году все литературные произведения на кириллице будут напечатаны заново, на латинском шрифте. Надеюсь, в ближайшее время очередь дойдет и до моих книг. Знать бы только, когда.

МАРЬЯМ. Сколько раз у нас возникали серьезные проблемы, и каждый раз все благополучно улаживалось. Потому что ты человек, отмеченный Богом.

СЕЙМУР. Из достоверных источников мне известно, что Бог «Роллс-ройса-ми» не занимается. Придется рассчитывать только на свои силы.

МАРЬЯМ. Давай продадим это кольцо. Я приценивалась, ювелир сказал, что готов купить его за пять тысяч.

СЕЙМУР. Напрасно приценивалась. До этого мы еще не дошли. (Берет руку, на которой кольцо и проводит ею по своему лицу, целует.) Обойдемся без распро--даж и долгов. Не знаю еще, как, но обойдемся. Я все-таки надеюсь на издательство.

В комнату входит Мензер.

МЕНЗЕР (Сеймуру). К вам пришел какой-то незнакомый человек. Говорит, о встрече не договаривался и предварительно не звонил. Я хотела его выпроводить, но он сказал, что пришел с вами поговорить по поводу «Роллс-ройса». Вы будете с ним говорить?

СЕЙМУР (пожимает плечами). Странно. Пусть войдет.

Входит молодой человек чрезвычайно невысокого роста с развязными ма-не-рами. Кланяется Марьям, протягивает руку Сеймуру, садится напротив.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Здравствуйте.

СЕЙМУР. Мы разве знакомы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Минимум на пятьдесят процентов.

СЕЙМУР. Это что должно означать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вас знают все, в том числе и я. А вы меня не знаете. Получается как раз пятьдесят процентов. Я сейчас представляюсь. Меня зовут Тайгер. Я из газеты «Бакинский дневник». Вам знакомо это название?

СЕЙМУР (пренебрежительно). Немножко. Тайгер! Псевдоним у вас не-обыч-ный. Вы, наверно, привыкли говорить по английски?

ТАЙГЕР. К сожалению, английский я не знаю. Просто мне нравится звучное слово Тайгер, вот я его и взял в качестве псевдонима. И еще мне нравится, что тигры нападают без предупреждения, когда им надо, атакуют молча.

СЕЙМУР. Я заметил, что названия животных у бакинских журналистов стали модными. Мне попадались статьи, подписанные – «Джейран». Не понял только, это самец или самка. Но в любом случае джейран – животное, причем дикое жвачное, но хотя бы не агрессивное. А вот что, по-вашему, может означать другой псевдоним – Зебрус?

ТАЙГЕР. Известное дело. На латыни это означает «зебра».

СЕЙМУР. Кто вам это сказал?

ТАЙГЕР. Да я сам знаю. Зебра – она же Зебрус. Ежу понятно, что латынь.

СЕЙМУР. Спасибо. Теперь я знаю все. Вернемся к тигру. Итак, вы, гос-подин Тайгер, приняли решение атаковать меня без предупреждения?

ТАЙГЕР. Ни коем случае. Выполняя свой журналистский долг, пришел по-го-ворить с вами об инциденте на таможне. Немного забегаю вперед, скажу, что такое отношение к вам возмутительно, и наша газета не может остаться безразличной.

СЕЙМУР. Господин Тайгер! Что, конкретно, возмутило вашу газету и вас, кажется, тоже?

ТАЙГЕР. Конкретно, мы считаем возмутительным, что такому всеми уважа-емому человеку, как вы, таможня отказалась выдать присланную вам машину.

СЕЙМУР. Откуда у вас такие сведения?

ТАЙГЕР. Отовсюду. Последнее время все только об этом и говорят.

СЕЙМУР. Странно. Я разговаривал в таможне лишь с одним человеком, причем наедине. Машину я не получил пока, по причинам исключительно личного характера и категорически не хочу, чтобы это попало на страницы вашей газеты. Вам это понятно, господин Тайгер?

ТАЙГЕР. Все понятно. Но вы, конечно, знаете, что сказал по этому поводу Вольтер?

СЕЙМУР. Представление не имею, что мог бы сказать Вольтер по поводу посещения мною районного управления таможни.

ТАЙГЕР. Он сказал, что человек – животное общественное. На мой взгляд, это означает, что не все происходящее с человеком может считаться его личным делом. Неужели вы думаете, что демократическая пресса останется равнодушной к тому, что у такого человека, как Сеймур Ханларов,

среди бела дня нагло потре-бовали крупную взятку, за совершенно законное дело.

СЕЙМУР (щелкает пальцами у носа Тайгера, затем поднимает руку и мед-ленно по горизонтали проводит указательным пальцем по воздуху на уровне его глаз). Посмотрите сюда, посмотрите сюда, пожалуйста, а теперь - налево, еще раз. Молодец! (Удивленный Тайгер послушно следит взглядом за движением пальца Сеймура.)

СЕЙМУР (опускает руку). Спасибо. Вы, Тайгер, скорее всего не психопат! Это хорошо... Так повторите, что вы сказали насчет взятки?

ТАЙГЕР. Вы сами все знаете. Вам предложили дать взятку, вы возмутились и отказались ее дать. При этом вы топали ногами и оскорбляли таможенников. Вас с трудом выпроводили, а ваш «Роллс-ройс» остался под открытым небом на стоянке таможни. Это факт или нет? И я об этом напишу. При всем уважении к вам, нра-вится вам это или нет. Видите, я с вами откровенен.

СЕЙМУР. Факт заключается в том, что я получил извещение о прибытии груза на мое имя и отказался от его получения. И это все!

ТАЙГЕР. Я знаю, что на таможне берут взятки. И мы с вами должны их вывести на чистую воду. Вы же не будете отрицать, что на таможне берут взятки?

СЕЙМУР. Для того чтобы отрицать, надо знать. Это относится в первую очередь и к вам. Проведите журналистское расследование и после этого, в зависи-мости от полученных фактов, докажите, что на таможне берут взятки или опро-верг-ните эти слухи. Я думаю, может получиться интересная статья.

ТАЙГЕР. Если я ради очередной статьи каждый раз буду проводить рассле-дование, то умру с голоду. Газета ненасытное существо. Она требует пищу каждый день. А во-вторых, кто мне позволит расследовать деятельность таможни? Это государство в государстве, и никому со стороны не дозволяется проникать в него.

СЕЙМУР. Извините, но меня ваши отношения с таможней почему-то не очень интересуют. В таможне я был всего один раз и ни о каких взятках там речи не шло... (Задумывается.) Что же получается, значит, вы, еще когда шли ко мне, уже знали, что напишете?

ТАЙГЕР. Да, знал. Иметь собственное мнение это самое ценное качество профессионального журналиста. Вы не беспокойтесь, я не стану утверждать, что о вымогательстве взятки сказали мне вы. Мне важно было встретиться с вами. Мы встретились. Это факт. В статье я напишу об этой встрече и дам читателям понять, что в ходе беседы с вами убедился, что вы, будучи порядочным человеком, возмутились и отказались дать взятку. В конце концов, у нас демократия, и я имею право на свободу слова. Я хочу, чтобы народ узнал, наконец, правду.

СЕЙМУР. Я вас настоятельно прошу, не делайте этого. Иначе, я сделаю все, чтобы вы были наказаны.

ТАЙГЕР. Дорогой господин Ханларов, что вы можете сделать? Напишите опровержение, а его не напечатают из уважения к авторитету моей газеты. Может быть, его опубликует какая-нибудь

государственная газета вроде «Дружбы и солидарности». И пусть печатает, но ее ведь никто не читает. И еще вы можете подать на газету в суд. Таких опровержений суды получают десятками, но никто, как правило, их не печатает. Потому что никто не хочет прослыть врагом прессы в условиях демократии.

СЕЙМУР. Подведем итог. Я никогда ни на кого не подавал в суд и не писал опровержений. И не собираюсь это делать впредь. Притом, что вы, Тайгер, почти убедили меня, что можете своей статьей поставить меня в нелепое положение, ославить на весь город и это сойдет вам с рук.

ТАЙГЕР. Вы сильно сгущаете краски, я не собираюсь ставить вас в неловкое положение, но в принципе так и есть. Я рад, что мне удалось вас убедить в своей правоте.

СЕЙМУР. Я сказал, почти убедили. Сейчас вы поймете, что такое «почти»... Извините, я вас покину буквально на полминуты. (Выходит в другую комнату.)

Сеймур возвращается с массивной тростью в руке. Тайгер внимательно наблюдает за ним. Сеймур усаживается напротив него.

СЕЙМУР. За тридцать лет, что эта палка у меня, я к ней привык. Вырезана из орехового дерева. Видите на ней написано – Кисловодск и нарисованы горы... Так на чем мы остановились? Вы знаете, Баку большой город, но у него есть особенность - все знакомые друг с другом люди непременно время от времени случайно встречаются. Так вот я вам обещаю, Джокер, если вы напечатаете свою статью, то при встрече я этой палкой сильно ударю вас по голове. Где бы мы ни встретились – в театре, филармонии или в ресторане. Другого выхода вы мне не оставили. Причем ударю, если даже ваша статья выйдет под любым другим псевдонимом. С завтрашнего дня я буду выходить из дома с этой тростью.

ТАЙГЕР (откашлявшись). Вы не сделаете этого. Интеллигентные люди так не поступают. У вас хорошая репутация, но вы можете потерять ее навсегда

СЕЙМУР. А вы на это и рассчитываете. Сделаю, сделаю, не сомневайтесь.

ТАЙГЕР. Публично ударить журналиста палкой это, можно сказать, уголовное преступление, и вам за него придется ответить по закону.

СЕЙМУР. Знаю, знаю. На первый раз по закону мне придется заплатить штраф от тридцати до пятидесяти манатов. Дороговато конечно, но заплачу.

ТАЙГЕР. И что вы докажете этим, извините, хулиганским поступком? Что вам это даст?

СЕЙМУР. Кое-что. Во-первых, получу удовольствие, это уже немало, во-вторых, произойдет скандал. Сообщение о скандале попадет во все газеты, и вот тогда-то я подробно расскажу, за что я на людях ударил вас палкой по голове. Мне будут сочувствовать, над вами - смеяться. Я это сделаю, обещаю, а слово свое я держу. Если вы мне не верите, намекните как-нибудь.

ТАЙГЕР молча, неодобрительно качает головой, затем встает и идет к выходу.

ТАЙГЕР. До свидания.

СЕЙМУР (любезно). Всего доброго. Желаю вам новых творческих успехов в трудовой деятельности.

ТАЙГЕР (у выхода останавливается). О вашем разговоре в таможене мне рассказали, и рассказали не только мне. Когда статьи появятся в других газетах, вы постарайтесь сообразить, что я к ним отношения не имею. Я старался опередить других журналистов, но не вышло. А они будут писать об инциденте в таможене по уже известной вам схеме. Берегите палку, она вам еще пригодится отгонять собак, которых скоро начнут на вас вешать.

ТАЙГЕР уходит. Задумавшись, Сеймур продолжает сидеть с палкой в руке. Появляется Марьям с накрытым подносом в руках.

МАРЬЯМ. А где журналист?

СЕЙМУР. Разговора у нас не получилось. Вышел спор из-за демократии, и выяснилось, что наши мнения диаметрально расходятся. Он обиделся и ушел.

МАРЬЯМ (видит трость, в ужасе). Палка. Ты его ударил!? Сеймур! Мы с тобой уже немолодые люди, тебе нельзя себя так вести.

СЕЙМУР (усмехается). Никогда больше не называй в моем присутствии мою жену немолодым человеком. Ты действительно думаешь, что я способен ударить палкой человека или даже животное?

МАРЬЯМ (остывает). А кто тебя знает? Никогда заранее не знаю, какой номер ты держишь в запасе.

СЕЙМУР. Слушай, палку эту я принес сюда в качестве наглядного пособия. Блефовал в чистом виде. Я действительно не могу ударить палкой беззащитного человека.

МАРЬЯМ. Интересные новости! А если беззащитный человек нападет на меня?

СЕЙМУР (свирепо рычит). Р-Р-Р! Порррру на части! Видишь, все-таки в чрезвычайных ситуациях

использование палки можно считать полезным.

Появляется Мензер. Приносит несколько фотографий.

МАРЬЯМ (рассматривает). Я эти фотографии вижу в первый раз. Какие вы здесь красивые – и ты, и тетя Гюльтекин.

МЕНЗЕР. Их с курьером прислала Гюльтекин с ее запиской. «Смотрела на них, вспоминала наши лучшие годы и плакала».

СЕЙМУР. Действительно, трогательно!

МАРЬЯМ. Вам так кажется, потому что вы не знаете Гюльтекин. Как по-вашему, почему она прислала мне фотографии с запиской? Тридцать лет не присылала, а сегодня прислала. Не знаете? Я вам скажу. Она уже сегодня предвидит, что через пятнадцать дней я приеду к ней на «Роллс-ройсе» королевы в новом платье со стоячим воротником, вот она и решила заранее сделать этот ход, чтобы смягчить меня.

МАРЬЯМ. Мама. Подумай только, что ты говоришь!

СЕЙМУР. Согласен, о том, что вы приедете поздравить ее с юбилеем, она знает. Мне непонятно только, как она могла заранее определить марку автомобиля и фасон вашего платья.

МЕНЗЕР. Вы не представляете, Сеймур, но она может все! Вся семья такая. У нее два сына, старший уже в двадцать лет был солидным человеком, а младший учился в юридическом и в девятнадцать лет был закоренелым наркоманом. Курил, нюхал, лизал и кололся. Она его отвезла в Ленинград и поместила в нарко-логическую клинику профессора Наблусова. Срок пребывания в этой клинике был шесть месяцев, но многие пациенты не выдерживали мучительного лечения и убегали раньше времени. А как поступила безжалостная Гюльтекин? Она всеми правдами и неправдами продержала родного сына там три года. Он вернулся в Баку и все-таки закончил институт. Но юрист из него получился плохой. В основном он защищал мелких воришек, продавцов наркотиков и жуликов. Ни разу не выиграл, ни одного дела. Но тут, совершенно случайно, выяснилось, что у него необычные способности. Он мог на расстоянии непостижимым образом учуять наркотик, если даже этот наркотик надежно упакован. Поначалу к нему относились как к фокуснику, а потом поняли, что дело серьезное и взяли на работу в учреждение, которое борется с наркотиками, скоро он получил повышение, стал инспектором в этом комитете. Представьте себе, он заходит в зал, где выставлены тысячи предметов (Мензер изображает человека, разыскивающего наркотики, расхаживает по комнате и шумно принимает), а потом прямо как коршун – цап! ящик или чемодан! Здесь, говорит, вот они! Открывают, там наркотики.

СЕЙМУР. Он по запаху искал?

МЕНЗЕР. Не знаю. Некоторые наркотики были так запакованы, что по запаху найти их было

невозможно. Но он их находил. Гюльтекин говорит, что у него особый наследственный талант. И отец Гюльтекин, нефтяник, был таким же. Бури-те, говорил, здесь! Бурили и находили нефть. Благодаря ему нашли месторождение в Шорабаде.

СЕЙМУР. А этот парень, искатель наркотиков, перестал их употреблять?

МЕНЗЕР. Его выпустили из клиники тридцать пять лет назад. И с тех пор по приказу Гюльтекин три раза в год он дает для анализа на наркотики кровь и слюну. И до сих пор результаты анализов каждый раз получает сама Гюльтекин. Все чисто. Наркотики он не употребляет, но зато выпивает.

СЕЙМУР. Похоже, ваша подруга Гюльтекин интересный человек.

МЕНЗЕР. Интереснее не бывает. Я ей позвонила поблагодарить за фотог-рафии, а она сделала вид, что обрадовалась. Говорит, что из дому почти не выходит, у нее ноги болят, а то бы мы обязательно с ней в нашу школу сходили и по бульвару погуляли, как в добрые старые времена. Я тут же растаяла, но не до конца. Вовремя опомнилась и думаю, пой, голубушка, пой, я-то хорошо знаю все твои ложные рукопожатия, все равно приеду к тебе в машине королевы, хочу посмотреть, как тебе это понравится.

СЕЙМУР. Поедем, обязательно, поедем. (К Марьям.) После визита журна-листа Тайгера я окончательно решил во что бы то ни стало машину выкупить. Знать бы только как?

МАРЬЯМ. А как это связано с Тайгером?

СЕЙМУР. Кто-то распускает неприятные, без преувеличения, какие-то лип-кие слухи о моем посещении таможни. Чтобы их прекратить, следует, как можно скорее, забрать из таможни машину. Это единственный выход. (Телефонный звонок, Сеймур берет трубку.) Здравствуйте... Кто? Нет, не узнаю. А-а, приветствую. Ты бы еще через сто лет позвонил и спросил, узнаю ли я твой голос. С удовольствием. По делу так по делу, тем более важному. Найду, я знаю, где это. Не опоздаю. (Кладет трубку.)

СЕЙМУР. Звонил Зафар Тагиев. Мы с ним вместе учились. Я на филфаке, он на философском. Много лет как я потерял его из виду. И вдруг звонит. Говорит, я ему очень нужен.

МЕНЗЕР (Сеймуру). Он не в издательстве работает? Нет? Я забыла сказать, вам звонили из издательства, просили зайти.

СЕЙМУР. Очень приятное известие, спасибо. Это очень важно. Завтра первым делом зайду в издательство. А позже встречу с Зафаром.

Большая вывеска – «Клуб спортивного общества мотоциклистов и велоси-педистов». Звучит ария «Люди гибнут за металл. Сатана там правит бал». Большой зал. Освещен только один его угол. Остальное пространство погружено в полумрак. Вдоль освещенного отрезка стены расставлено несколько кресел.

СЕЙМУР (подходит к единственному обитателю зала). Здравствуй, Зафар. По-моему, я не опоздал?

В это же время из темной части зала выходит человек, предположительно мужчина, в пестрой женской одежде с ярко раскрашенным лицом. Подходит к беседующим приятелям.

ПРИШЕЛЕЦ. А где мой грант?

СЕЙМУР (торопливо). Не знаю я Гранта. По правде говоря, я нездешний. Только что пришел.

ЗАФАР (пришельцу). Здраваться надо. Вам прекрасно известно, что гран-ты выдают кассир с бухгалтером. Они еще не подошли.

ПРИШЕЛЕЦ. Бухгалтер каждый раз прикидывается, что у него болезнь Альцгеймера. Придет и скажет, что ничего о грантах не слышал. Отдай грант, лучше будет! Ты слышал, противный?

ЗАФАР (свирепеет). Прошу вас вернуться в строй! Немедленно!

ПРИШЕЛЕЦ. Подумаешь, какой сердитый! Ухожу, ухожу! (Покачивая бед-ра-ми, отходит, ворчит на ходу.) Фи! Грубиян, сука!

СЕЙМУР (оторопев от неожиданности). Зафар! Что здесь происходит!?

ЗАФАР. Обычное дело – подготовка к параду. Посиди здесь, все поймешь.

СЕЙМУР. Да уж. Хотелось бы понять.

ЗАФАР. А ты совсем не изменился.

СЕЙМУР. Это я так ловко притворяюсь. На самом деле выгляжу гораздо хуже.

ЗАФАР. Это как?.. А, понятно. Тебе, наверное, испортили кровь эти газет-ные публикации?

СЕЙМУР. О чем это ты? Я ничего не читал.

ЗАФАР (в руке у него несколько газет). Вся наша желтая пресса на тебя набросилась. Все четыре газеты пишут почти одно и то же, как ты на таможне устроил страшный шум по поводу получения машины. Оскорблял таможенников, топал ногами и требовал, чтобы ее выдали тебе бесплатно, так сказать, из уважения к твоим званиям..

СЕЙМУР. Это неприятно. Интересно, кому все это понадобилось?

ЗАФАР. Кому-то из твоих врагов, значит, понадобилось.

СЕЙМУР. Да нет у меня врагов. Ты забыл? Я поэт и эссеист. Я не политик, не карьерист. Ни в чьи дела не вмешиваюсь. Работаю себе дома или на даче. Нет у меня врагов.

ЗАФАР. Значит, нет и друзей. В наше время так жить нельзя. Человек должен ощущать, что за ним стоит какая-то сила, только тогда он становится несъедобным. Ты понял меня?.. И ты не знаешь, кому понадобилось натравить на тебя нашу доблестную прессу?

СЕЙМУР. Представления не имею. Да Бог с ними со всеми. (Показывает папку.) Здесь гонорар за двухтомник, который я только что получил в издательстве. Двадцать три тысячи. Сегодня получу машину и, надеюсь, поставлю точку на этой нелепой истории с моим разнузданным поведением на таможне.

ЗАФАР. Вряд ли эту точку кто-нибудь захочет заметить. О том, что ты получишь машину, никто не узнает, а неприятный инцидент с твоим участием в памяти людей останется надолго. Я подозреваю, что все статьи в сегодняшних газетах это всего лишь начало кампании, цель которой дискредитировать тебя в глазах общественности.

СЕЙМУР. Ой-ёй-ёй! Аж мурашки по спине побежали! Зачем, кому я нужен?

ЗАФАР (показывает ему газеты). Тем, кто натравил их на тебя в первый раз. Я думаю, сегодня это первая атака. Ситуация узнаваемая, теперь они не оставят тебя в покое. Напрасно усмехаешься. Думаешь, они не найдут негативные факты из тво-ей жизни, потому что их не существует? А им факты не нужны, они сами придумают жареные факты, в которые все поверят. Смешают тебя с такой густой пахучей грязью, что ты сам себя не узнаешь.

СЕЙМУР (усмехается). Ладно. Я тебе поверил. Ты меня напугал да смерти, и я впал в состояние паники. Только напоследок скажи, для чего все это нужно, и если можешь, объясни, для чего этим таинственным недоброжелателям понадобился я?

ЗАФАР. Мне кажется, есть люди, которых ты раздражаешь. Ты многого добился в жизни, известности, независимости, ни перед кем не заискиваешь. А это многим действует на нервы. Посуди сам. Они считают, что всего этого ты не заслужил. Посмотри, в каком мире мы живем. Искусство и литература в наши дни никого не интересуют. Сегодня у людей вызывают уважение только власть и деньги, а у тебя нет ни того, ни другого. Ты ходячий анахронизм. Вот и решили тобой заняться для того, чтобы лишить тебя куража. И еще на тот случай, если ты им понадобишься. Вот они и решили тебя осадить, чтобы ты стал сговорчивым и послушным. Посмотрим, как будут развиваться события дальше.

СЕЙМУР. Когда ты вчера мне звонил, ты знал, что обо мне сегодня будут писать в газетах?

ЗАФАР (несколько растерявшись). Не-ет. Нет, конечно. Как я мог знать?

СЕЙМУР (смотрит на часы). И я так думаю. Но вчера ты мне сказал, что хочешь встретиться со мной по делу. А мы уже полчаса говорим только обо мне и газетах. Честно говоря, мне это порядком надоело. Так какое дело?

ЗАФАР. Да, ты прав. Дело, а еще точнее, это просьба. Для меня это очень важная просьба.

СЕЙМУР. Звучит внушительно. Выкладывай, в чем дело. Если в моих си-лах, сделаю, что могу.

ЗАФАР. С тобой хочет встретиться наш шеф-куратор.

СЕЙМУР. Всего-то. Пожалуйста, с кем хочешь, знакомь.

ЗАФАР. По его словам, ты с ним знаком, причем давно. Он просил, чтобы я организовал встречу, хочет поговорить с тобой об очень серьезных вещах.

СЕЙМУР. Отчего не поговорить?

ЗАФАР. Спасибо. Гора с плеч! До этой минуты я сомневался. Человек ты, извини, неуправляемый, непредсказуемый...

СЕЙМУР. Это ты обо мне?

ЗАФАР. О ком же еще? Это общеизвестно. Вот я и сомневался.

СЕЙМУР. Как его зовут?

ЗАФАР. Николас Аспарух.

СЕЙМУР (подумав). Очень знакомое имя. Он в Баку живет?

ЗАФАР. В Баку он приезжает регулярно, но не часто. Поверь, Николас Аспарух, он, что называется, один из сильных мира сего. Ты представить себе не можешь, до какой степени он влиятельный человек, наш шеф-куратор. Говорит, что вы знакомы.

СЕЙМУР. Вспомнил. Я познакомился с ним на Всемирной конференции руководства. В 1989 году в Балтиморе. Я был участником этой конференции, а он - сопредседателем.

ЗАФАР. Хочешь сказать, что ты был делегатом Всемирной конференции руководства?

СЕЙМУР. Ну да. На нее были приглашены люди из многих стран, в их числе представители всех союзных республик. Приглашение и билет на само-лет мне прислали домой. Визу в паспорт проставили перед самым вылетом в аэропорту.

ЗАФАР. Ничего себе. Везет же человеку! А как получилось, что тебя пригласили?

СЕЙМУР. Не мог этого понять тогда, не понимаю и сейчас. Пригласили, вот я и решил слетать в Америку.

ЗАФАР. По-моему, ты до сих пор не понимаешь, что значит быть приглашенным на Всемирную конференцию руководства. Руководства чем? Ты хоть это понял?

СЕЙМУР. Не сомневайся, кое-что все-таки понял.

ЗАФАР. А кто из Азербайджана был, кроме тебя?

СЕЙМУР. Три человека. Впоследствии они стали воротилами Народного фронта, а позже все трое вошли в правительство Эльчибея. Должен тебе сказать, что почти все участники этой конференции, приехавшие из СССР, вернувшись в свои республики, возглавили там демократические движения. За три года состоялись три конференции - в Балтиморе, Монреале и Лондоне, а я участвовал в работе лишь первой, балтиморской... Значит, Николас твой шеф-куратор. И впрямь мир тесен. А где ты работаешь?

ЗАФАР. В аналитическом агентстве «Турян». Веду отделом. Составляем отчеты о состоянии дел во всех отраслях страны. Экономика, политика, наука общество. Нашими отчетами практически пользуются все международные организации и информационные агентства.

СЕЙМУР. Интересная работа. Платят нормально?

ЗАФАР. Тридцать пять тысяч. Ну, еще дополнительно всякие проездные, представительские.

СЕЙМУР. Тридцать пять тысяч в год. Ну что ж. Вполне.

ЗАФАР (обижается). Почему в год? Это же зарплата. Ежемесячная. К твоему сведению моя зарплата в нашем центре не считается высокой.

СЕЙМУР (усмехается). Мощная организация эта твоя «Турян». Рад за тебя. Надеюсь, на жизнь хватает? Ну, где же твой шеф-редактор?

ЗАФАР. К твоему сведению, он шеф-куратор не только агентства «Турян». Он один из постоянных сопредседателей Всемирной конференции руководства. (Сеймур кивает.) Он просил, чтобы, прежде чем ты с ним встретишься, я подробно и, самое главное, абсолютно откровенно рассказал и объяснил тебе, чем мы занимаемся. Это наш тренировочный зал, а также репетиционный зал. (Подзывает по-сильного, что-то говорит ему, тот уходит.)

ЗАФАР (Сеймуру). Господин Аспарух теперь знает, что ты здесь.

Приходят несколько человек, занимают свободные стулья.

СЕЙМУР. А это, наверное, мотоциклисты и велосипедисты?

ЗАФАР. Это наши инструкторы.

СЕЙМУР. А где же члены клуба - мотоциклисты и велосипедисты?

ЗАФАР. Наверно, там, где им положено быть - на мотоциклах и велосипедах. Прошу тебя, не отвлекайся.

Загорается яркий свет. На стенах развешаны плакаты: «Однополые браки - основа прочной семьи», «Патриотизм - опиум для народа», «Верь словам, но бери в залог ценности», «Мы «Скуадра адзурра» Азербайджана»!

В зал вбегает живописная группа лесбиянок, геев и трансвеститов и бисексуалов. Дружно выкрикивают: «Мы «Скуадра Адзурра» Азербайджана. Играем за Азербайджан!». Делают коллективные упражнения, принимают выразительные позы, ораторы скандируют лозунги: «Однополые браки в каждую семью!», «Мы авангард человечества!» и т.д.

К группе выходит 1-й инструктор.

1-Й ИНСТРУКТОР (хлопает в ладоши). Стоп! Лозунг «однополые браки в каждую семью» отменяется как несостоятельный. Заменяем его другим: «Народ требует узаконить однополые браки!» Запишите! (Обращается к одному из участников.) Пардон! Вы ходите как доярка после второй смены. Походка должна возбуждать зрителей. Попробуйте вот так. (Показывает.) От бедра, от бедра! Все понятно? А теперь еще раз. Все приготовились. (Хлопает в ладоши.) Пошли!

СЕЙМУР. Что происходит?

ЗАФАР. Репетиция. Подготовка к первому общегородскому митингу с последующим парадом сексуальных меньшинств.

СЕЙМУР (с некоторым сомнением). В Баку?

ЗАФАР. А чем Баку хуже всего цивилизованного мира? Да, в Баку. Сейчас перед тобой всего лишь группа активистов, а на парад придут сотни людей, их коллег и единомышленников.

СЕЙМУР. Так уж сотни?

ЗАФАР. Надеюсь, что да. В этом году на развитие движения лесбиянок и геев в Азербайджане выделили свыше одного миллиона долларов. Наша задача, чтобы каждый доллар из этого миллиона был использован с пользой для дела.

СЕЙМУР. Кто выделил деньги?

ЗАФАР. Обязательно узнаешь... в свое время.

СЕЙМУР. Могу заранее сказать, что идея с однополыми браками в Азербайджане не пройдет.

ЗАФАР. Почему несколько самых цивилизованных и демократических стран мира в законном порядке разрешили однополые браки, а в Азербайджане «это не пройдет»? Почему в США, Голландии, Франции, Англии и в других странах одно-полые браки узаконены, а в Азербайджане, по-твоему, это невозможно? Расскажи.

СЕЙМУР. Почему, не знаю, но здесь это не пройдет.

ЗАФАР. Тогда я скажу. Возможны два варианта, и оба нас устраивают. Первый вариант, наиболее вероятный. Власти пойдут на поводу у народа, и закон о разрешении однополых браков Милли меджлис не примет. Это нас устраивает. В этом случае, по всему миру прокатится волна протеста из-за того, что в Азербайджане демократия пущена под откос.

СЕЙМУР. Кто поднимет волну? (Бросает взгляд на Зафара.) Понятно, «узнаю в свое время»... Давай второй вариант.

ЗАФАР. Второй вариант, но он маловероятный. Если закон об однополых браках, вопреки желанию народа, примут, это тоже нас устраивает. Будем внедрять в народные массы мнение, что вся правящая прослойка страны сплошь состоит из геев и лесбиянок. Второй вариант устраивает нас даже больше, чем первый! Ты понял. Кстати, а сам ты как относишься к проблеме однополых браков?

СЕЙМУР. Скажу откровенно, до сих пор я об этом не думал... Но считаю, что если один настоящий мужчина хочет жениться на другом настоящем мужчине, а тот хочет выйти замуж, то посторонним в это интимное дело вмешиваться не стоит. Пусть себе развлекаются, как хотят. Не пойму только, ради чего парады устраивать, дело-то как-никак интимное.

ЗАФАР. Ради того, чтобы добиться признания общества. Они хотят жить как все. И они этого добьются. Ты будешь поражен, когда узнаешь, какая это мощная и влиятельная политическая сила в современном мире - сексуальные меньшинства! Оглянись вокруг. В некоторых странах они давно уже контролируют органы власти, средства массовой информации, причем, в первую очередь, телевидение. А каким влиянием их представители пользуются в парламенте Европейского союза! Эту силу необходимо задействовать и в нашей стране. Истинная демократия в наше время немыслима в отсутствии активного участия представителей сексуальных меньшинств.

СЕЙМУР (с искренним любопытством смотрит на Зафара). По-твоему, выходит, что сексуальные меньшинства чуть ли не отдельная новая раса, вершина развития человечества?

ЗАФАР. Прекрасное слово ты нашел. Вот именно, раса!

СЕЙМУР. А тебя можно считать представителем новой расы?

ЗАФАР. Нет. Я всего лишь отдаю ей должное. Это политическая сила, которую мы обязаны использовать! С ними легко работать, в основном это образованные, интеллигентные люди. Скажу тебе откровенно: с геями и лесбиянками гораздо легче и приятнее работать, чем с активистами наших

оппозиционных партий. Они миролюбивые и не такие жадные, как наши подопечные - оппозиционеры. Наша организация полностью контролирует семь оппозиционных партий. Сегодня проводим с ними очередные консультации. Они придут. Увидишь их позже.

К ним подходит посыльный.

ПОСЫЛЬНЫЙ (Сеймуру). Господин Аспарух ждет вас у себя в кабинете. Я вас провожу.

СЕЙМУР. Ты не идешь?

ЗАФАР. Я подожду тебя здесь.

Звучит последняя ария Каварадосси из «Тоски». Кабинет Николаса Аспа-руха. Он сидит за письменным столом с компьютером. Увидев Сеймура, встает. Идет навстречу, приветливо поздоровавшись, усаживает его в кресло напротив.

НИКОЛАС (посыльному). Принесите нам кофе. (Посыльный уходит.) Прежде всего хочу вам задать вопрос, на который я, после того как мы расстались в Балтиморе, сам не нашел ответа. Почему вы не приехали в Монреаль?

СЕЙМУР. Ну... Я не думал тогда, что мое отсутствие будет замечено... Помню, приблизительно за месяц до монреальской конференции начались боевые действия в Нагорном Карабахе. Кроме того, я знал, что и в Монреале так же, как на первой конференции, мне придется несколько раз в день встречаться и разго-ва-ривать с людьми, которые мне неприятны, с Оскотским, Старовойтовой, Калугиным и еще с несколькими деятелями такого же пошиба.

НИКОЛАС. Они вам были неприятны?.. А стоит ли принимать в расчет приятные они или нет, если ты устремлен к цели. Ради пользы дела людей удобнее делить на две основные категории – нужных и бесполезных.

СЕЙМУР (улыбается). Наверно, двадцать лет назад я не увидел ту цель.

НИКОЛАС. Вы хорошо выступили на конференции. Все очень внимательно слушали ваш подробный анализ предстоящих событий в Советском Союзе. О том, что СССР распадется через два-три года, знали лишь считанные люди, вы не могли этого знать, поэтому ваше выступление тогда можно было объяснить только наличием у вас особого дара писательского провидения.

СЕЙМУР. Но когда я захотел выступить на тему событий в Карабахе, мне не дали слова. Я не был в

претензии, потому что были отклонены заявки и моих оппонентов.

НИКОЛАС. Забудьте. С тех пор прошло двадцать лет. Мы продолжаем работать в том же направлении. Все изменилось. вспомните время, когда была созвана Балтиморская конференция. Тогда все независимые государства, по сути, были крепостями, окруженными стенами, преграждающими проникновению извне. Сегодня все коренным образом изменилось. Международный контроль над всеми процессами государства уже не считается вмешательством в его внутренние дела. Практически в современном мире почти не осталось стран, которые можно считать независимыми и суверенными, в исторически привычном смысле этих понятий. Лишь руководители нескольких стран пока еще не воспринимают новый мировой порядок. Но это временно. Скоро их сопротивление будет сломлено. Впереди следующий этап. Он объединит все государства планеты в общее истинно демократическое пространство, на котором будут действовать обязательные для всех единые законы и этические нормы. Как вы к этому относитесь?

СЕЙМУР. С интересом. Я ведь большую часть жизни каждый день слышал призыв – «пролетарии всех стран соединяйтесь». Так что теперь, я, не испытывая внутреннего сопротивления, готов выслушать свежие идеи объединения государств и народов.

НИКОЛАС. А как вы относились к этому лозунгу «пролетарии все стран объединяйтесь»?

СЕЙМУР. Как? С ужасом. Но молча. И в глубине души надеялся, что объединение пролетариев всех стран никогда не состоится.

НИКОЛАС (смотрит на часы). Лондонский рейс через полтора часа. В следующий мой приезд мы поговорим подробнее. Надеюсь, вы захотите со мной встретиться еще раз?

СЕЙМУР. Без преувеличения, беседа с вами для меня удовольствие и честь.

НИКОЛАС. Спасибо. А теперь конкретно о деле. Хочу вкратце поделиться с вами своим мнением о лидерах оппозиции, с которыми мы вынуждены сотрудничать. Все они радикально настроены и любят деньги. Кроме того, в них начисто отсутствует качество, именуемое критическим отношением к себе. Это притом, что все как один они честолюбивы и обостренно амбициозны. Нигде, кроме Азербайджана, мне не довелось видеть такого скопления людей, уверенных, что только он, и никто кроме него, должен быть президентом страны.

СЕЙМУР. Разве это плохо? Мне всегда казалось, что без этих качеств политик не может добиться успеха.

НИКОЛАС. Несомненно. И благодаря этим качествам их можно было бы использовать в интересах дела. Но, к сожалению, других достоинств в них, кроме этих, мы не обнаружили. Они девственно невежественны и неспособны понять, что в реальных условиях нет места политику, не имеющему представления об элементарных вещах. Почти никто из них не слышал о Светонии или Макиавелли. Названия произведений классики для них пустое сотрясение воздуха. И еще не могу понять, почему в Азербайджане лидеры оппозиции всегда серьезны. На людях они никогда не улыбаются. А их лица

часто искажает гримаса то ли ненависти к врагу, то ли зависти к партнерам. А ведь политик должен улыбаться. Все это может показаться несущественным по сравнению с тем, насколько успешно они преуспели дискредитировать себя в глазах не только народа, но даже власти. Им уже не доверяют даже их однопартийцы. Итог печальный - на сегодняшний день все они не что иное, как политический брак. Ни один из них не лидер.

СЕЙМУР. На политическом ковре места предостаточно, но на нем уже много лет перед публикой выступают только эти ребята. Значит, других нет. Как сказал Сталин председателю Союза писателей: у меня для вас других писателей нет.

НИКОЛАС (улыбается). Да. Но после того как Сталин это сказал, другие писатели появились. Мне бы хотелось, чтобы вы примкнули к нам. У вас незапятнанное имя, репутация честного порядочного человека. Это очевидно. Если вы примкнете к нам, это пойдет не только на пользу организации, выиграете и вы. Поверьте, перед вами откроются горизонты, о существовании которых вы даже не подозреваете. Вопреки прогнозам ученых-скептиков, я уверен в прекрасном будущем человечества. Вам предоставляется возможность стать одним из тех, кто конструирует это будущее сегодня. Подумайте над этим!

СЕЙМУР. Все так неожиданно.... Сегодня я узнал много нового.

НИКОЛАС. Я понимаю. Ваше решение изменит вашу жизнь, и вам следует все обдумать. Но, не тяните с этим. Подумайте до завтра. И сообщите о своем решении Зафару Тагиеву, он мне будет звонить.

СЕЙМУР. Завтра же встречу с ним. Счастливого пути.

НИКОЛАС. Всего доброго.

Сеймур идет к выходу.

НИКОЛАС. Господин Ханларов! (Сеймур останавливается в дверях.) К де-лу это не относится, но мне хочется вам сказать, что независимо от вашего решения мое уважение и дружеское расположение к вам останутся неизменными.

Молча, поклонившись, Сеймур уходит.

Звучит грандиозный хор из оперы «Набукко» в совместном исполнении «Скуадра адзурры» и

активистов оппозиционных партий. Возвращается Сеймур. Садится рядом с Зафаром.

СЕЙМУР (присмотревшись к поющему хору, разочарованно). Это же фоно-грамма!

ЗАФАР. Конечно, фонограмма. Запись хора оперы «Набукко» в исполнении хора и оркестра театра «Ла Скала». С ними в унисон поют активисты семи оппозиционных партий и «Скуадра Адзурры». Совместные песнопения проводятся при каждой встрече. На встречах практически поют руководители всех семи оппозиционных партий. Для чего? Для дела. Ты должен знать, что все эти оппозиционные партии, все семь, под полным нашим контролем. Но между собой они не ладят. Усадить их за один стол, каждый раз проблема. Мы дали им полную волю, кто-то из них, каждый в отдельности финансируется американцами, другие - европейскими странами, третьи - радикальными группировками Ирана и Саудовской Аравией. Кое-кто ухитряется брать деньги у армян. Мы на это не обращаем внимания.

СЕЙМУР. Как же вы их контролируете, если платят им другие?

ЗАФАР. Больше всех платим им мы. Все вместе они подчиняются только нашей организации. Они нам нужны только как объединенная монолитная сила. Все ради главной цели. Над этим и работаем, ничем не пренебрегаем. Видишь, наш психолог, он стоит вместо дирижера, следит за тем, чтобы пели все. А он крупный специалист в своей области, в соответствии с последними научными исследованиями утверждает, что люди с разными взглядами, характером и воспитанием благодаря регулярным совместным песнопениям в хоре постепенно начинают относиться друг к другу терпимо. Он уверен, что благодаря песнопениям в хоре лидеры оппозиционных партий постепенно начнут лучше относиться друг другу. Во всяком случае, он уверен, что грызню между партийными лидерами ему удастся прекратить и тогда их можно будет использовать не только в митингах и пикетах, но и в серьезных совместных акциях. Наша задача их объединить, и тогда в нужной ситуации организация будет располагать очень мощной силой для решающих действий. Подумай и ты над этим.

СЕЙМУР. Сегодня ситуация подходит для решающих действий?

ЗАФАР (усмехается). Да, нет, конечно. Сегодня власть в Азербайджане уверена в своих силах и народ еще не готов к переменам.

СЕЙМУР. Значит, подходящая ситуация возникнет, когда власть ослабеет, а народ впадет в состояние растерянности? А что для этого нужно? Какие-нибудь неожиданные катаклизмы – катастрофическое землетрясение или повальная эпидемия, вроде сибирской язвы или бубонной чумы? Годится?

ЗАФАР. В принципе, ты прав. Но землетрясение или эпидемия, когда они еще будут, и будут ли вообще. Жди у моря погоды! При желании эпидемии можно организовать, но это очень сложно. Могут не разрешить. Мы предпочитаем катаклизмы политические. Они предсказуемы и происходят чаще... Скажем, возобновление войны в Нагорном Карабахе? Подходит?

СЕЙМУР. Как же я сам не додумался?! Конечно. Самая подходящая ситуация, это война в Карабахе!

Лучше не бывает. И тогда хр-р-ясь! Выбрать момент и ударить в спину! Молодцы ребята, все вполне логично! Пожалуй, пойду... Я обе-щал Николасу дать ответ завтра. Через тебя.

ЗАФАР. Странный ты человек? Завтра! О чем раздумывать? Такое предло-жение человек получает один раз в жизни. Соглашайся немедленно, пока он здесь. Пойми, чудак, у тебя будет все, о чем ты даже мечтать не мог!

СЕЙМУР. Ты прав, иногда я действительно сам себе кажусь странным. Ви-ди-мо, старею. И привычки у меня появились странные. Знаешь, у меня есть трость, обычная палка из орехового дерева, я с ней хожу постоянно, а сегодня я забыл ее дома. Чувствую себя без нее неуверенно, не то, чтобы решение принять, даже сосредоточиться толком не могу.

ЗАФАР. Я тебя понимаю. У меня полгода было такое же состояние, после того как я бросил курить.

СЕЙМУР. Завтра на встречу я приду с этой тростью и ты увидишь, каким я могу быть решительным и бодрым. Вспомнил! Все хотел у тебя спросить... Я постоянно читаю отчеты в прессе международных организаций «Фридом Хаус» и «Хьюмен Райтс вотч». Случайно отчеты о положении в Азербайджане поставляет им не твой аналитический «Турян»?

ЗАФАР. В основном, мы. И не только им, за рубежом у нас много клиентов.

СЕЙМУР. Восхитительно! Молодец «Турян»! Работает смело и реши-тель-но. Как же все это «Турян» сходит с рук? Все что я читал это оголтелое, откро-венно беспардонное вранье.

ЗАФАР. Полегче, полегче! Не вранье, а осознанная дезинформация... Пере-бор, конечно, наблюдается, но наши заказчики не жалуются. Еще посмотрим, как ты будешь работать.

СЕЙМУР. Поживем, увидим.

ЗАФАР. Значит, встречаемся завтра. Как ты относишься к японской кухне, ко всяким сашими, суши?

СЕЙМУР. Отношусь с удовольствием.

ЗАФАР. Я тебя приглашаю. Ресторан лучшее место для переговоров. Завтра в два часа в ресторане «Мадо». Скажешь официанту, что ты пришел ко мне, он проводит.

СЕЙМУР (твердо). Нет. Мы встретимся на улице у входа в ресторан.

ЗАФАР. Это имеет значение? Пожалуйста. В два перед входом в ресторан. Разговор у нас будет конкретный, и тебе надо быть в форме, поэтому не забудь свою тонизирующую трость.

СЕЙМУР. Не забуду, без нее я как без рук.

ЗАФАР. Или мне кажется, или ты на самом деле сильно побледнел?

СЕЙМУР. Показалось, Слушай, Зафар, я спрашиваю так, на всякий случай? Как, по-твоему, может случиться, чтобы эти желтые газеты наехали на меня и завтра?

ЗАФАР. О чем ты говоришь. Будь спокоен. Ни завтра, ни послезавтра, никогда. Будут теперь о тебе писать только хорошее. Прославлять на все лады. Часто и помногу. Как говорится, с завтрашнего дня мы будем тебя усиленно раскручивать.

СЕЙМУР. Ну, что ж, до завтра!

Звучит пронзительная мелодия «Адажио» Альбиниони. Квартира Сеймура. Гостиная. Мензер и Марьям плачут.

МАРЬЯМ (вытирает слезы). Мне тоже очень грустно, но тебе нельзя так убиваться, ты еще очень слабая. Тетя Гюльтекин не болела, умерла не мучаясь, в окружении семьи, тихо угасла как свечка. Говорят, она умирала с улыбкой на губах. Когда наступит мой час, я хотела бы уйти как она.

МЕНЗЕР. Тебе этого не понять. Никогда не думала, что она так много для меня значит. С ее смертью вокруг меня возникла черная пустота, и я не вижу ника-кого смысла в своей дальнейшей жизни. Мне хочется прилечь где-нибудь, забыться и умереть.

МАРЬЯМ. Грех тебе так говорить! У тебя есть дети, внуки, друзья. Если ты возьмешь себя в руки, то поймешь, что жизнь продолжается. А вокруг не пустота, а люди, которые тебя любят.

Появляется Сеймур. Останавливается в дверях.

СЕЙМУР. Что случилось?

МАРЬЯМ. Ночью умерла тетя Гюльтекин... Не знаю, как успокоить маму... Боже мой, кажется, она теряет сознание! Сеймур, что делать?

СЕЙМУР (проходит, садится напротив Мензер). Это большое горе, я вам сочувствую. Но я могу представить себе, какие чувства испытала бы тетя Гюльтекин, получив известие о вашей смерти. (Мензер перестает всхлипывать, приоткрывает глаза.) Я прошу вас представить, как вела бы себя тетя Гюльтекин, узнав о вашей внезапной смерти?

МАРЬЯМ. Сеймур! Ну что ты говоришь?

МЕНЗЕР (все еще слабым голосом, но отчетливо). Марьям, прошу тебя, не мешай. (Сеймуру.) Ну и что, по-вашему, она сделала бы?

СЕЙМУР. Я скажу. Да, несомненно, она искренне испытала бы сильное горе. Но тетя Гюльтекин была мудрым человеком и она не впала бы в отчаяние и уныние. Потому что Гюльтекин много знала, поэтому

ей было известно о том, что покидающие этот мир люди расстаются с близкими и любимыми не навечно.

МЕНЗЕР (несколько пренебрежительно). Откуда Гюльтекин могла это знать, если я ничего такого не слышала? Сеймур, неужели вы верите в загробную жизнь, в глупые сказки об аде и рае на том свете?

СЕЙМУР. В сказки, причем глупые, не верю. Речь-то идет о другом... Но вернемся к Гюльтекин. Вы же говорили, что она сложный и мудрый человек? Значит, она знала, что Бог создал мириады звезд и планет не зря. В природе ничего зря не существует. Так и звезды. В том, что они есть, заключен глубокий смысл, познать который способны избранные, утонченные люди, повторяю, избранные и утонченные. Вы меня понимаете?

МЕНЗЕР. Чего уж тут непонятного.

СЕЙМУР. Значит, вы способны понять, что с виду бесполезные звезды созданы для того, чтобы на них переселялись души людей, закончивших земное существование. Это абсолютно достоверные сведения.

МЕНЗЕР (все еще сопротивляется). Гюльтекин мне ничего об этом не говорила.

СЕЙМУР. Наверно, не успела. А может быть, не захотела... Она по природе была скрытным человеком... А я? Я когда-нибудь говорил вам неправду? Ночью, если сосредоточиться и внимательно взглядеться в звезды, можно почувствовать, что с многих из них с любовью и верой в будущую встречу смотрят на нас души покинувших нас близких. Конечно, Гюльтекин все это знала и потому улыбалась на прощанье своим близким. Поверьте мне, вы обязательно встретитесь с ней, только не надо торопить события. Мы все встретимся на какой-нибудь прекрасной планете. Когда-нибудь. Это неизбежно. А до этого надо жить на радость живым!

МЕНЗЕР (в раздумье). Я все-таки не думаю, что все происходит так, как вы это описали...

СЕЙМУР. В следующий раз я вам расскажу об этом подробнее, в деталях, и вы убедитесь, что рассказанное мной вне сомнений и не нуждается в проверке. Но не сегодня. Вы же пойдете попрощаться с ней?

МЕНЗЕР (спохватившись). Конечно, мне надо пойти! А я спокойно сижу и беседую. Что подумают люди, если меня там не будет? Пойду, оденусь. (Уходит.)

МАРЬЯМ. Она ожила. Какой ты молодец! Ты спас маму.

СЕЙМУР. Это так и называется - ложь во спасение.

МАРЬЯМ. Скажи честно, переселение душ на звезды ты сейчас придумал?

СЕЙМУР. Придумал кто-то другой задолго до нас. Я лишь вовремя вспомнил. Мне предстоит маленькое дельце, оно не должно занять много времени, после чего схожу на таможеню: туда пешком, а домой уже вернусь на «Роллс-ройсе».

МАРЬЯМ. Да уж, пришлось тебе из-за него понервничать.

СЕЙМУР. Может быть, и понервничал, но самую малость. Зато благодаря ему я узнал интереснейшие вещи. А какие мысли! У меня появились ранее совершенно не свойственные мне мысли. Тоже отчасти благодаря «Роллс-ройсу». Например?.. Пожалуйста. С сегодняшнего утра, а еще точнее, со вчерашнего вечера, я решил всерьез заняться политикой.

МАРЬЯМ. И впрямь не свойственная тебе мысль. Ты же всегда говорил: политикой должны заниматься только профессионалы.

СЕЙМУР. Это правда.. Кажется, я еще что-то говорил по этому поводу.

МАРЬЯМ. Это было давно, но я все помню. Ты пришел с какого-то собрания и сказал: все с меня хватит! Порядочный человек должен заниматься политической деятельностью, только в ситуациях, когда его стране угрожает опасность.

СЕЙМУР. Именно поэтому я решил, не откладывая в долгий ящик, заняться политикой. Ты знаешь, вчера я почувствовал, что проснулся, наконец, после долгой спячки.

МАРЬЯМ. Сейчас кого ни возьми, занимается политикой. Если хочется, пожалуйста. Только не пойму, в чем ты видишь опасность?

СЕЙМУР. Ты помнишь время правления «Народного фронта»?

МАРЬЯМ. Иногда. Вспоминаю как кошмарный сон.

СЕЙМУР. А теперь представь себе, что кто-то, гораздо более умный, чем тогдашние фронтовики, задумал демонтировать государство, говоря проще, снова учинить в Азербайджане смуту, ну, что-то наподобие «цветной революции».

МАРЬЯМ. И пусть себе хотят. Мы-то, слава Богу, видели, где эти цветные революции происходили – в нищих республиках со слабыми трусливыми руководителями. На какое жалкое существование они себя обрекли, причем добровольно. Слава Богу, у нас уже такого быть не может.

СЕЙМУР. Не все так думают.

МАРЬЯМ. Кому сегодня в Азербайджане захочется потерять благополучие, расстаться со спокойной жизнью, а взамен погрузиться в тот хаос, который мы увидели при «Народном фронте»? Мама говорила...

СЕЙМУР. Достаточно. Все понял, значит, народ меня не поддержал.

МАРЬЯМ. Поддержал, поддержал тебя народ и обещает, что будет тебе помогать. А как это будет выглядеть, твое занятие политикой?

СЕЙМУР. Самое главное, я знаю, что надо делать. Но, прежде чем действовать, мне надо собрать

единомышленников, писателей, художников, кинематографистов, всех творческих людей. Самых умных и смелых. И рассказать им, что происходит. Пусть перестанут, наконец, молчать. Народ должен слышать их голос. Вопросы есть?

МАРЬЯМ. Есть у народа вопросы. Народ, например, хочет знать, что мы будем делать с «Роллс-ройсом»?

СЕЙМУР. Отгоним его на дачу, пусть стоит там под навесом. Будем показывать гостям.

МАРЬЯМ. Кучу денег ты сегодня заплатишь таможене за то, чтобы он стоял под навесом? Дороговато.

СЕЙМУР. А что делать? Как-никак машина королевы.

МАРЬЯМ. Знаю, что королевы. А я? Да, я не королева, но все равно я хочу, чтобы ты знал и мое мнение. Может быть, все-таки продадим ее? Ничего в этом плохого нет. Никто нас не осудит за то, что мы продали «Роллс-ройс». И твой друг миллиардер поймет тебя правильно.

СЕЙМУР. У меня было достаточно времени для того, чтобы в этой жизни кое-что понять. Я заметил, что если жена какого-нибудь нормального хорошего человека время от времени не думает о себе, что она королева, то в их браке что-то, что-то очень важное не состоялось. И виноват в этом он.

МАРЬЯМ. Это что же такого должен сделать нормальный хороший человек, чтобы его жена считала себя королевой?

СЕЙМУР. Настоящая женщина начинает считать себя королевой, если верит, что этот нормальный хороший человек любит ее и, не задумываясь, готов отдать за нее жизнь. Это главное! Королева это, прежде всего, любимая женщи- на любимого человека. А по сравнению с этим все остальное – корона, переходящая из рук в руки по наследству, власть над посторонними людьми, все это такие пустяки.

МАРЬЯМ. Ты меня сделал счастливой, с этим я согласна, но...

СЕЙМУР. В этом все дело! Каждый час, каждый день я любил и люблю тебя больше жизни! И ты всегда была для меня главным человеком на всем свете. Если ты чувствовала это и верила мне, значит, ты была королевой. Просто ты не догадывалась! А я-то всегда знал это! Вот и сейчас я обращаюсь к тебе как к королеве. Ваше Величество! Будьте милосердны, поймите меня. У меня нет денег, нет ничего ценного, нет ничего кроме гордости и чести. Я обязан выкупить эту машину! Вспомните, это подарок! Продать его может только человек, окончательно потерявший кураж, человек, впавший в нищету, которому больше нечего в этой жизни стыдиться... Тебе захочется быть женой такого человека!?! Что скажешь?

МАРЬЯМ. Ты меня убедил. Кажется, я начинаю чувствовать себя ко-ролевой. Но, по-моему, нам все-таки следует еще раз обсудить... (Перебивает Сеймура, прежде чем тот успевает заговорить.) Все-все!

Решение принято. Просьба удовлетворена. Будем круглый год стоять под навесом и ржаветь.

СЕЙМУР (ей вслед). Ты куда пошла?

МАРЬЯМ. Подумай. Иду, как всегда, на королевскую кухню готовить королевский обед. Не опаздывай.

Музыка из «Бременских музыкантов». Таможня. Молодые таможенники пьют чай. Приходит Сеймур с обломками трости в руке и папкой подмышкой...

1-й МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК (радостно). А мы вас ждали! (Замечает в руке Сеймура обломки трости.) Красивая трость была. Хотите, мы выкинем обломки?

СЕЙМУР. Спасибо, не надо, оставлю их себе на память. Тридцать лет она верой и правдой прослужила мне и вот час назад стала жертвой антисанитарного столкновения.

2-й МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Жертвой чего?

СЕЙМУР. Одним словом, сломалась. С палками это бывает. Очень неприятная история, после нее на душе у меня остался какой-то грязный тяжелый осадок.

1-й МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Осадок у всех бывает.

2 й МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. У меня, например, каждый день какой-нибудь осадок. Но к вечеру проходит. Работа у нас такая. И вы не обращайте на это внимания, пройдет. Пришли получать груз?

СЕЙМУР. Да. Хочу получить с вашего разрешения.

ТАМОЖЕННИКИ. Мы рады за вас. Грандиозно и потрясающе! Большому кораблю большое плавание. Поздравляем!

Старший таможенник работает за своим столом. Приветливо улыбается, увидев Сеймура.

СЕЙМУР. Я пришел получить автомобиль.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Присаживайтесь.

СЕЙМУР. Прежде всего, хочу вам сказать, что к тому, что вчера и сегодня напечатали о нашей первой встрече в газетах, я никакого отношения не имею.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Зря беспокоитесь. Солидные люди ни одному слову в этих желтых газетах не

верят. Они непрерывно врут, и все давно об этом знают. Пусть себе пишут, что хотят. Собака лает, караван идет дальше... Давайте лучше поговорим на приятные темы... Мы сегодня вас вспоминали!

СЕЙМУР. Мы это кто?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Все! Мы вчера были в порту, принимали яхту. Какая красавица! Белая лебедь. Двухпалубная. Шесть кают. Ходит и под парусом и на моторе. Поздравляю!

СЕЙМУР. Вы меня поздравляете? Почему же меня?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Как вы еще не знаете? Мы же вчера послали вам извещение о том, что вам прислали яхту. Отправитель Тарлан Саламов. Вот акт о сохранности груза. Можете получить!

СЕЙМУР (опешив). Яхта! Мне? Я действительно ничего об этом не знал. Значит, яхта. Что ж получается? За нее ведь тоже таможенный сбор платить надо. Наверно, больше даже, чем за «Роллс-ройс»?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Разумеется, больше. Точную сумму для счета вам выдаст компьютер. Скажу приблизительно, раз в двенадцать – пятнадцать больше, чем за автомобиль. Как-никак это большая роскошная яхта, можно сказать, корабль. Думаю, таможенный сбор составит около ста восьмидесяти - двухсот тысяч. В этих пределах... Но оформлять для вас документы на яхту будет другой человек. Начальство поздравило меня с уходом на пенсию. С завтрашнего дня я пенсионер. Сегодня имею право говорить на посторонние, то есть не на служебные темы. Вы не возражаете?

СЕЙМУР. Честно говоря, после того как я сейчас узнал, сколько я должен заплатить, мне тоже хочется разговаривать исключительно на посторонние темы.

Ст. ТАМОЖЕННИК. У меня сложилось впечатление, что вы не собираетесь забирать у нас ни яхту, ни машину. (Сеймур утвердительно кивает головой.) Странно. Вы могли бы, выгодно продать их, и заработать на этом огромные деньги.

СЕЙМУР. Наверное, это был бы самый разумный выход, но для меня он закрыт. Это невозможно. Продавать я ничего не буду. Проблема ведь не только в деньгах. Дело в том, что ни «Роллс-ройс», ни яхта мне не нужны. Я действительно не знаю, что с ними делать.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Очень хотел бы оказаться на вашем месте! Я бы не-долго думал, что с ними делать.

СЕЙМУР. Вы, наверное, любите технику, умеете обращаться с ней?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Сказав, что хотел бы оказаться на вашем месте, я имел в виду те же обстоятельства, в которых находитесь вы. Я бы на вашем месте сделал то, что мне очень давно хотелось сделать. Не знаю, известно ли вам, но в Баку есть дом для осиротевших детей. Государство их кормит, одевает, но все равно они очень несчастны. Мне это хорошо известно, потому что я часто захожу туда. Я здесь, в таможне, за долгие годы повидал множество очень богатых людей, но ни один из них ни разу не

вспомнил об этих несчастных, обездоленных детях. А ведь это наши дети. И мы обязаны о них думать. Извините меня за то, что я полез не в свое дело. Но мне почему-то показалось, что вы не обидитесь. Вы же знаете, старики любят поговорить.

СЕЙМУР. Это же замечательная идея! Дорогой мой, имейте в виду, отныне, если вы захотите, я готов беседовать с вами на посторонние, по вашим словам, темы в удобное для вас время... А у меня есть хоть какая-то законная возможность передать дому сирот яхту и машину?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Вы не представляете себе, какая это будет для них радость. Я думаю, они будут счастливы. Всю свою жизнь потом они будут вспоминать, что они катались на «Роллс-ройсе» и что у них была яхта.

СЕЙМУР. Но ведь платить в любом случае придется.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Дети-сироты налогом не облагаются. До этого мы еще не дошли.

СЕЙМУР. Прекрасно. Но вы еще не сказали, возможно ли это?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Вам достаточно написать дарственную, если хотите, сделайте это здесь и сейчас, а я вызову нотариуса, который находится в нашем здании.

СЕЙМУР (придвигает к себе бумагу, пишет). Зовите нотариуса! Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен за этот совет.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Я очень давно мечтаю сделать для этих детей что-то по-настоящему значительное, но у меня не было возможности. То, что я им приносил, это были такие пустяки. Я мечтал, но Бог решил поручить это доброе дело вам. Вы счастливый человек! Вам это известно?

Сеймур, продолжая писать, кивает головой. Вначале тихо, затем громче звучит «Токката» Себастьяна Баха.

А. САПРЫКИН, Н. БЕЮКБЕКОВИЧ

ОБМЕН

Пьеса в 2-х действиях по мотивам произведений А.Сапрыкина

Пьеса в 2-х действиях по мотивам произведений А.Сапрыкина

Действующие лица

Владимир Алиев – корреспондент из Москвы – 42 года

Дервиш – командир батальона разведки – 37 лет

Юнус – Кипарис – начальник разведки местного батальона – 36 лет

1-ый Кабус

2-ой Кабус

3-ий Кабус

Марьям Дадашева – радистка – 23 года

НШ – начальник штаба разведбата – 38 лет

Вагиф – Национальный Герой – командир танковой роты – 26 лет

Виген – теневой бизнесмен, руководитель «пятой колонны» – 60 лет

Мальчик – сын корреспондента – 16 лет

Лесник – заместитель Юнуса – 33 года
 Фаик – Самурай – офицер разведки – под 40 лет
 Горбатый – офицер разведки – 27 лет
 Половец – офицер разведки – 26 лет
 Всадник – пастух – местный житель – 55 лет
 Женщина – армянка из Баку – 38 лет
 Сержант – боец разведки – 20 лет
 Пожилая женщина в траурном одеянии – 60-65 лет

Действие первое

Штаб батальона разведки. На сцене за столом с радиостанцией – связист Марьям Дадашева. В центре помещения – НШ. Прямо у входа сидит женщина в гражданской одежде, весь её вид выражает неуёмное горе и скорбь. Она молчит, неотрывно смотрит на начальника штаба, следит за всеми его перемещениями по комнате. Неожиданно гаснет свет, слышатся свист и грохот артиллерийских снарядов. Луч прожектора освещает Кабусов, они пред сценой. Кабусы (призраки) – их трое. Кабус в белом – в маск-халате, двое других в комфляжной форме. Третий кабус, расстерянно оглядываясь, смотрит в зал, потом поворачивается к сцене, луч света выхватывает из темноты радистку. Увидев ее, он кричит: "Марьям, Марьям". Марьям его не слышит.

1-ый Кабус. Успокойся, она тебя не услышит. Теперь тебя никто не слышит.

3-ий Кабус (недоуменно). Почему? Что случилось? Это мои друзья!

2-ой Кабус. Ничего не случилось, просто тебя, скорее всего, уже нет. Воз-можно, ты уже призрак, Кабус, такой же, как и мы. (Кабусы смеясь поднимаются на сцену, идут в глубь ее, ходят между действующими лицами) Ты можешь даже потрогать их, брать за руки, они ничего не почувствуют.

3-ий Кабус. Вы че парни, какой кабус, какие еще призраки. Призраки, они обычно по Европе бродят, а здесь еще не Европа!

1-ый Кабус. Может, ты еще и не призрак, пока еще живой, только ранен, но стать им можешь каждый

миг.

3-ий Кабус. Вы что, намекаете на то, что меня все-таки расстреляли армяне, да?

1-ый Кабус. Нет, свои накрыли залпом. По приказу твоего же друга коман-дира Дервиша. Правда, он не знал, что ты в плену у армян. Он видел, как над вами, пленными, измывался враг, не мог этого вынести, решил всех разом уничтожить артиллерийским залпом.

3-ий Кабус. Понятно, я начинаю вспоминать, Я домой направлялся, отпро-сился на три дня. Заплутал в тумане и оказался у армян. На рассвете нас вывели на пригорок, могилы себе копать. Они собирались нас расстрелять. Потом стали рваться снаряды...

2-ой Кабус. Теперь пока сиди здесь с нами, жди своей участи. (Лучи прожекторов гаснут, Кабусов не видно. Зажигается свет, в штаб входит молодой военный, за ним – корреспондент.)

Сержант (обращаясь к НШ, указывает на корреспондента): - Вот, товарищ командир, задержен в расположении батальона. Кстати, на армянской территории появились три автоцистерны КАМАЗ. Возможно, горючее, хотя вряд ли, разведка доложила, что цистерны новенькие. (Корреспонденту) Здесь разберутся.

Корреспондент: - Разберутся, надеюсь.

НШ (Строго) : - Кто такой и что делаете в расположении батальона?

Корреспондент (Сдерживаясь) :- Что делаю? Да я уже битый час говорю, что я корреспондент из Москвы. Вот, пожалуйста, моё удостоверение. А видеокамеру бойцы отобрали. Мне бы с командиром поговорить.

НШ:- Его нет.

Корреспондент:- Ничего, придётся подождать. А пока, если это возможно, соедините меня с Баку. С нашим корреспондентским пунктом.

Радистка:- Вызывать Баку?

НШ:- Не понял! Вы, что первый день в армии? Не знаете, как это делается?

Радистка:- Виновата, товарищ командир.

НШ:- (Ворчит) Виновата... Ты что, Мариша, сначала свяжитесь с Дервишем, сообщите о прибытии гостя.

(Обращаясь к пожилой женщине) – А вы, мать, идите, идите. Пока ничем не можем вам помочь. Если будут известия о вашем сыне, сообщим, обязательно сообщим.

(Женщина поднимает на него глаза полные слёз и не может выговорить ни слова).

НШ: - Обещаю, как только что-нибудь прояснится , сразу свяжемся с вашим сельсоветом и военкоматом. (Осторожно поддерживая женщину под руки , вместе с солдатом выводит её за дверь.)

Корреспондент (Подходит к Марьям, достаёт авторучку из внутреннего кармана пиджака)

- Это вот вам. Раритет. Таких авторучек с ностальгической надписью «Советский Союз» уже не найти. Собирался подарить в Брюсселе, в штабе НАТО. Дарю здесь, в штабе Дервиша. Тоже звучит, правда. Так что, Мариша, я легко могу представить вас в Брюсселе.

Марьям (Строго): - Спасибо, Володя-муаллим. Вы ведь Владимир Алиев. Я вас узнала, видела вас по Центральному телевидению и статьи ваши читала.

Корреспондент:- Ну, Маришка, какой я вам муаллим, да ещё и Володя- муаллим?

Марьям:- А какая я вам Маришка? Владимир бей, я сержант Азербай-джанской армии.

Корреспондент:- Согласен, согласен. Прошу прощения (поднимает руки вверх), я не хотел вас обидеть. Но ручку-то возьмите. А вот вам ещё и угощение от кондитера « RAFAELA».

Только, Бога ради, не называйте меня Владимир бей. Не могу я пока к этому привыкнуть, хотя если задуматься, мы из беков, из гянджинских. Ну что, мир, товарищ сержант? Не будем больше сердиться?

Марьям:- Мир, если вы так просите, а за пирожные спасибо. Я их, кажется, видела в рекламе по телевизору.

Корреспондент: - Правильно. Это моя реклама. Мой клип. Я продюсер. Так что пирожных этих у меня завались. Вожу с собой по горячим точкам. В Сербию возил, в Душанбе, сюда вот привёз. Подобный контраст будоражит воображение, что позволяет готовить репортажи.

Марьям:- Теперь понятно. На войне всему должно быть место, в том числе и пирожным.

Корреспондент:- Марьям, вы не могли бы связать меня с Баку? С нашим корпунктом, вот номер. (Протягивает ей визитку). Какого чёрта они меня сюда заслали? (Явно испугавшись).

Хотя я рад, рад!

Марьям:- Командиру я уже сообщила. Он скоро прибудет.

Корреспондент:- Ну, я очень вас прошу. Хотя бы буду знать, почему я здесь оказался. Пожалуйста.

Марьям:- Ну что с вами поделаешь? Попытаюсь.

(Марьям пытается соединиться с Баку, вызывает какие-то узлы связи, называет позывные .Корреспондент берёт с соседнего стола бинокль, смотрит на Марьям, потом переводит взгляд в окно, всматриваясь вдаль).

Корреспондент:- В детстве я в этих местах частенько бывал. Мы отдыхали здесь с мамой, собирали

цветы, травы разные. Вон там, на вершине холма, кажется, винный завод. Ты посмотри, ничего не изменилось. А жизнь совсем другая, война, люди гибнут.

(Слышны телефонные гудки. На противоположном конце, наконец-то, поднимают трубку. Голос ответственного секретаря корпункта.)

Ответственный секретарь:- Алло, слушаю.

Корреспондент:- Эльдар Гусейнович, здрасте.

Секретарь:- Здравствуй, Володя. Ты откуда? Из Брюсселя?

Корреспондент:- Что вы, Эльдар Гусейнович, берите выше. С винзавода.

Секретарь:- Торчишь, собака? Мешаешь корпункту работать.

Корреспондент:- Да, торчу. Но только торчу здесь. На фронте, а не в тылу. Какого чёрта вы меня сюда послали? Что, на винзаводе пропадает «Агдам», и вы решили об этом поведать миру?

Секретарь:- Володя, ты что шумишь? Какой ещё «Агдам», ты о чём?

Корреспондент:- Ничего, я просто подумал, Эльдар Гусейнович, что в России нас поймут, очень даже поймут, если раскрыть тему вина.

Секретарь:- Всё шутишь, паясничаешь.

Корреспондент (Строго) :- Мне совсем не до шуток. Ты мне лучше скажи, что мне делать в штабе какого-то Дервиша, зачем он вам сдался?

Секретарь:- Мне ничего про твоё задание и этот штаб неизвестно.

Корреспондент:- (удивлённо):- Как же так? Мне в Москве говорили, чтобы по приезде я связался с Баку и получил от вас конкретное задание.

Секретарь:- Я же говорю, Володя, мне пока о твоём задании неизвестно. Позвони позже, я выясню. А пока можешь изучать обстановку, вживаться.

Корреспондент (зло):- Молодцы, хороши командиры-аксакалы, послали чёрт знает куда, оторвали от дел и приказывают вживаться. Да я в этих местах с детства. Всё здесь знаю. Вот здесь, к примеру, я первый раз сломал ногу, а вон там, впереди, на вершине холма, мы с мамой собирали бессмертник. (Печально) Для информации: бессмертник-это трава такая с маленькими жёлтыми цветочками. Сейчас эта трава бессмертник под чужой пятой. Слышишь, Эльдар Гусейнович, наш бессмертник убивают, он уничтожается, заливается кровью.

Секретарь:- Володя, что ты ко мне пристал? Обрушился со своей патетикой, неизвестно мне ничего о твоём задании. Может, мне записать что?

Корреспондент:- Да, надо записать материал для «Нью-Йорк таймс», но и запомнить надо обязательно: «Наш бессмертник под чужим сапогом»!

Секретарь:- Хорошо, запомню, патриот брюссельский. Кстати. твоим послед-ним репортажем очень недоволен министр.

Корреспондент:- Это какой ещё министр? У вас так много разных министров случается, всех не упомнишь. Какой именно, не тот, что щеголяет в папахе и крас-ном галстуке?

Секретарь:- Не надо, Володя, плохо о людях. Министр имел право быть недовольным.

Корреспондент:- Нет, конечно, я не о цвете галстука, и вполне допускаю – быть недовольным суверенное право каждого министра. И я думаю, Эльдар Гусей-нович, вы понимаете, что для меня министерские обиды не имеют никакого значения. Я ведь никому не служу, ни в какую партию не записывался. Это вы, в Баку, по партиям разбежались. Опять скажу с патетикой, я служу народу, а не Народному Фронту, служу истине и правде, которую вижу. Так и ответьте министру. И моя статья в Москве или за рубежом, скажем, в «Нью-Йорк Таймс», может много переполоха сделать. Но не стоит его пугать. Не понравилось и ладно. Я не девица, чтобы всем нравиться.

Марьям (Ставит чайник, наливает воду, зажигает форсунку) :- Владимир Алиевич, говорить такое в эфире запрещено. Это армейская связь. Она на контроле. А вы используете личные позывные нашего командира.

Корреспондент:- Есть, товарищ сержант Марьям, больше не буду. (Говорит по связи). Эльдар Гусейнович, запишите материал для «Нью-Йорк Таймс» (Диктует по-английски).

(Входит Вагиф. Марьям прижимает палец к губам, показывая, чтобы тот не шумел. Корреспондент продолжает диктовать, не обращая никакого внимания на вошедшего.)

Вагиф (шёпотом) :- Кто такой?

Марьям (также шёпотом):- Корреспондент. То ли из Москвы, то ли из Нью-Йорка, но наш, азербайджанец, Владимир Алиев.

Вагиф:- А-а. Ну и Бог с ним. (Протягивает ей цветок). Эдельвейс.

Марьям:- С чего ты это взял?

Вагиф:- Потому что я его так назвал. Эдельвейс Герамбойский. Сорвать подобный цветок на обочине дороги под армянским обстрелом, всё равно, что эдельвейс на заснеженных скалах. Он был в пыли, как цветы на камнях в Ин-дийском штате Кашмир, где очень много любви. (Сдувает с цветка пыль). Теперь можно засушить и пополнить свой гербарий.

Марьям:- Спасибо, Вагифчик. Ценю. Могу угостить тебя «RAFAELA». (Показывает ему пирожные.)

Вагиф (Кивает головой в сторону всё ещё диктующего корреспондента):- Его работа?

Марьям:- Его.

Вагиф:- К чёрту пирожные. Выброси. Они, наверняка, отравленные.

Марьям:- Так-таки и отравленные?!

Вагиф:- Нашел, что возить с собой на боевые позиции. Если бы я приехал из Америки, привёз бы сюда «ход-дог» из «Mc Donald's». А если бы из Гамбурга, то гамбургер.

Марьям:- А из Сальска привёз бы сало, да?

Вагиф:- Правильно. Из Борщанска - борщ, а из Кюфтабозбашабада - кюфту-бозбаш.

Марьям:- За твой аппетит я спокойна.

Вагиф:- На войне всегда присутствует чувство голода. Так что, тебе сегодня надо говорить, что ты чертовски привлекательна, а я чертовски обаятелен, или сразу приглашать свою жену на сеновал, пока армянские снайперы не успели занять позиции?

Марьям:- Дурак ты, Вагифка. Я ему пирожные, а он?!

Вагиф:- Я дурак? Почему? Куда мне прикажешь приглашать свою собственную жену перед боем?

Марьям (совершенно не слушая его):- Вагиф, я вот о чём подумала, давай твои рассказы этому «американцу» покажем. Он должен понимать в этом толк.

Вагиф:- А ему-то это зачем? Я ведь пишу для себя, вернее, для нас с тобой, для нашего сына, чтобы, когда вырос, лучше бы понимал своего отца, знал бы, как мы жили. О чём думали. Что любили. Соединишься с Баку, будешь говорить с сыном, привет ему от меня. Скажи, я постараюсь как-нибудь приехать в Баку на танке, покатаю его, и пирожные с мороженым куплю.

(Корреспондент оставляет трубку, подходит к Марьям с Вагифом.)

Марьям:- Вот, знакомьтесь, Владимир Алиевич. Мой муж. Национальный герой. Военспец, просто Вагиф – мастер на все руки. Даже может рассказ военный сотворить.

Корреспондент (серьёзно): - Пишете, значит? Это хорошо. Хотя время сейчас какое-то не литературное. Писатели наши сейчас и те больше обдумывают время, чем пишут. А ты пиши, нечего долго размышлять. Живи временем, выделенным тебе. Пиши, если не можешь не писать.

Вагиф:- Я пишу, только это очень непросто писать ту правду, которую никто не хочет слышать. И голос народа нашего тоже не хотят слышать.

Корреспондент:- Правда всегда найдёт свой путь, пусть порою для этого требуется время, но всегда наступает день, когда она пробивает дорогу.

Вагиф:- Недавно ЦТ сообщило, что Армавир – название древней армянской столицы. Так скоро они и Москву армянской сделают.

Корреспондент (с горькой усмешкой):- Надеюсь, такого не случится. Хотя армяне всюду проникают. Город на Дону назвали Нахичевань. Намекают на что-то. Вообще завоёвывают историю методом проб и ошибок. Закинут удочку, назовут что-либо своим и ждут опровержения. Если возражений не следует, продолжают постепенно осваивать. Умыкают всё, что плохо лежит. Вот к горе Арарат давно уже примериваются.

Вагиф:- Но Арарат не лежит, а стоит. И стоит у турков. А что у турков стоит...

(Входит Дервиш, за ним НШ. Дервиш подходит к радиостанции, замечает Вагифа).

Дервиш:- Ты что здесь делаешь, Отелло? Никто твою жену не тронет.

Вагиф:- Дервиш, ты дал приказ артиллеристам. Ты их всех уничтожил - и армян, и своих! (Дервиш молчит. Вагиф взял его за грудки, трясёт). Как же так, Дервиш?

Корреспондент:- Да. Мне говорили, какая-то артиллерийская батарея расстреляла пленных, так это была ваша батарея?

НШ:- Это корреспондент из Москвы.

Дервиш:- Прессы нам только не хватало.

Корреспондент:- Азербайджану всегда не хватало прессы, особенно хорошей.

Дервиш:- А ты хорошая пресса?

Корреспондент:- Чудесная!

Дервиш:- Вагиф, ты иди к себе и будь начеку. (Корреспонденту) Выходит, армяне вой подняли, мол, пленных расстреливают. Это они сами выстроили пленных на расстрел. Там были дети, женщины, старики! Да, я дал команду, чтобы артиллерия накрыла всех разом. И наших, и палачей армян. Накрой всех (вдруг закричал он)! Всех... Пусть умрут как на войне. (Закрыв глаза рукой). Прости меня, мама... Марьям, налей!

Гурбан олум сизя, азизлярим!

Бахышлыийин мяни! Бахышлыийин!1

(Темнеет. Когда вновь становится светло, видно: мы в том же помещении, на дальнем плане за аппаратурой – Марьям. Рядом за соседним столом, корреспондент. Он что-то пишет. На переднем плане Дервиш, он также сидит за столом. Перед ним солдатская фляга, из которой он наливает в стакан водку,

выпивает, закусывая кулаком. Рядом с ним 1-ый Кабус – теперь он худой маленький, лысый человечек.)

Дервиш (оставив стакан):- Ты кто?

1-ый Кабус:- А ты не догадываешься? Ты меня видел однажды, когда ты, в третьем классе, боднул головой в живот беременную учительницу.

Дервиш:-. Я тебя не знаю. Я случайно на перемене ударился головой о живот Марии Петровны, понимаешь, случайно.

1-ый Кабус:- Знаю, что случайно, но ты об этом помнишь всю жизнь, и о том, что ребёнок у твоей любимой учительницы так и не родился, она осталась одна. Правда, ты её навещаешь иногда, но разве это может заменить ей сына?

Дервиш (пытаясь вынуть пистолет) :- Ты кто такой?

1-ый Кабус: Пострелять захотелось? Разве мало тебе стрельбы? Только ведь нас не убьёшь! Разве ты не понимаешь, я твой рок, твоя судьба, твои нереализованные желания, я закавыка в твоих мечтах. Я всегда рядом с тобой в крутые пики твоёй жизни. Я прихожу после каждого боя. Правда, показался тебе впервые. У меня много обликов – у одного я страх, у другого – отвага. Ведь страх и отвага-полюса одного порядка. Все вы здесь, на войне, встречаетесь со мной.

Дервиш:- Ладно, хватит болтать. Если ты храбрый, выпей со мной и согласись, иной команды я не мог дать, что мне было делать, ждать, когда их расстреляют?

1-ый Кабус:- Я не вправе оценивать действия людей, ибо знаю, не суди, да не судим будешь. Решения принимаешь ты, а я лишь весы, на которых укладывают добро и зло. Но, знаешь, я выпью. Ни с кем не пил, а с тобой выпью. Налей.

Дервиш:- Так что духи, пьют?

1-ый Кабус:- На хаяву кто не выпьет?! Шутка, видишь, шучу так же глупо, как и вы, все здесь.

Дервиш:- Выпей, чтобы тебя не видели.

1-ый Кабус:- А меня никто не видит. Кроме тебя, меня никому не дано видеть, я ведь твой , лично твой дух, твой ангел в бронжилете.

(Входит НШ.)

НШ:- Командир, ребята обнаружили подозрительного всадника. Осматривал наши владения.

Дервиш:- Поймали ковбоя?

НШ:- А как же, вон сюда ведут.

Дервиш:- Зачем он мне нужен? Сами не могли разобраться?

НШ:- Скорее по привычке.

Дервиш:- Ладно, давайте его сюда, посмотрим, кто такой.

(НШ уходит и почти сразу появляется с сержантом и мужчиной лет пятидесяти).

Сержант:- Вот, обнаружен в расположении батальона.

Дервиш (ласково) :- Отец, ты откуда, а?

Всадник:- Пастух я, стадо потерял. Стреляют отовсюду, танки грохочут; овцы пугливые стали, бегают из конца в конец.

Дервиш:- Что-то не похож ты на пастуха. Другие свои стада уже давно в безопасное место перегнали, а ты всё на поле боя. (Обращаясь к сержанту) Обыскивали его?

Сержант:- Нет, не успели.

Дервиш:- Ну-ка, проверь его.

(Сержант принимается обыскивать всадника. Достает из внутреннего кармана пиджака переговорное устройство «Аленушка»)

Сержант:- А вот национальный армянский телефон «Аленушка». Наверное, с братом козленком общаться.

Дервиш:- Отец, откуда это у тебя? Ведь такими передатчиками снабжены только армяне.

Всадник:- Не погуби, сынок!

Дервиш:- Что же ты про стадо врал? С армянами связался, эх ты. По-армянски хоть знаешь?

Всадник (с надеждой) :- Знаю!

(Появляется Кабус, он укутан в кроваво-красный балахон, во рту гаванская сигара. Его, кроме Дервиша, никто не видит. Закавыка останавливается за спиной Дервиша и шепчет ему на ухо).

1-ый Кабус - Расстрелять! (смеётся). Такую, кажется, команду собираешься дать, герой. Ты привык убивать, вершить судьбы.

Дервиш (зло кричит):- Расстрелять!

(Пастуха уводят. Вместе с ним исчезает и Кабус. Пауза. Вдруг в тишине начинает трещать переговорное устройство «Аленка»)

Голос из передатчика:- Слушай сюда, азеры, пастуха вы, видно, уже завалили, молодцы, здоровы вы по своим стрелять. Ну да Бог с ним, одним трудягой меньше станет на земле. У вас там корреспондент появился из Москвы, нам переговорить с ним надо.

Дервиш: (в недоумении) - Корреспондент, вас армяне к телефону.

Корреспондент (удивлённо) - Кто со мной хочет поговорить, армяне?! (Берёт в руки переговорное устройство) - Слушаю.

Голос:- Мы тебя подставили, да? Я по поручению Марата. Он ещё, возможно, сам тебе позвонит. В Нью-Йорке пока ещё ночь. Мы не смогли с ним связаться.

Корреспондент:- Что нужно Марату от меня?

Голос:- Ты нам нужен, нам. Надо. Чтобы ты сумел отложить атаку азеров. Не надолго. На сутки с небольшим.

Корреспондент:- Вы, что там все, от древности своей совсем дремучими стали? И почему я должен вам помогать?

Голос:- Ты не должен, но будешь. Потому, что твой сын и жена твоя бывшая у нас. Может быть, тебе до Гюленьки нет дела, да и она нам не нужна. Полукровка. Пустим её в расход или ещё на что, а ради сына ты похлопочешь.

Корреспондент:- Может быть, ты его и скрыл, но не от Марата.

Корреспондент:- И что теперь?

Голос:- Ничего. Просто скажи своим, чтобы сидели тихо и не рыпались. Никаких атак на винзавод, и через сутки сын твой будет на свободе, гулять по Манхетену. Так что выбирай!

Корреспондент:- (Дервишу) – Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Дервиш:- Думаю, что твоего сына взяли в заложники! И с этим как-то связан твой знакомый Марат.

Корреспондент:- Это двоюродный брат моей бывшей жены. Жуткий финан-совый воротила.

(Говорит в трубку) Как я смогу всё это сделать?

Голос:- Сумеешь. Ты ведь у азеров прорываешь информационную блокаду. По крайней мере, Марат так считает. У тебя должны быть особые доверительные отношения с начальством.

Корреспондент:- Ну и что?

Голос:- Ничего. Думай.

Корреспондент:- А как вы докажете, что мой сын у вас?

Голос:- Он у нас. Пока тебе придется поверить на слово. Он у нас, он в Америке, но он у нас. Всё, конец связи. Действуй.

Корреспондент (Дервишу) :- Что, это всё возможно?

Дервиш:- Я бы ничего не исключал. Возможно всё. Скажи, как у них оказался твой сын?

Корреспондент:- Откуда я могу знать!?! Он уже три года после моего развода с женой живёт в Ленинграде. Или как его, в Петербурге. У меня жена была наполю-вину армянка. Но разошлись мы с ней не поэтому. Не подумай ничего такого, прос-то мы перестали быть близкими людьми. ...Больше не будем о моей личной жизни.

Дервиш:- А Марат, значит, её двоюродный брат. Живёт в Нью-Йорке , бизнесмен, армянский пахан?

Корреспондент (кричит):- Чёрт со всем этим! Ты мне скажи, как мне быть с сыном? Что у вас происходит? Какая это к чёртовой матери война? Детей воруют, шантажируют, на мёртвых наживаются. Да вы здесь все хороши!

Дервиш:- Ты это потише, понял, гусь заморский, можно и схлопотать.

Корреспондент:- Ну, ударь, давай, попробуй, ударь!

Дервиш (стараясь успокоиться) :- Ты забыл, что прежде чем обменять трупы их надо ещё и иметь. Нас здесь ещё, между прочим, и убивают. Каждого из нас, и тебя, в том числе, могут убить в любую минуту. Прицелится ловкий армянский стрелок, и нет корреспондента «Нью-Йорк Таймс». А то, что твой сын оказался в заложниках-ты сам виноват. Значит, ты им нужен, понимаешь? Армянам нужен именно ты!

Корреспондент:- На кой я им сдался? У них своих писак, теоретиков ар-мянской идеи предостаточно. Да и просто желающих подзаработать хватает.

Дервиш:- Вот это и надо обдумать. Ты ведь сюда, наверняка, не случайно приехал. Тебя сюда специально прислали, чтобы, как говорится, сообщить прине-приятнейшую весть:

«Твоя семья в заложниках»!

Корреспондент (в раздумье):- Вообще-то я собирался в Брюссель. Вдруг мне позвонили и сообщили, чтобы я ехал сюда.

Дервиш:- Вот, видишь! Значит, твой московский редактор знал, куда и зачем тебя посылает. Я не буду говорить, что он также работает на армян, но от ар-мянского лобби зависит – это точно.

Корреспондент:- Что за чушь? Мы с ним друзья. Выходит, он знал , что мой сын в заложниках, и ничего не сказал?

Дервиш:- Вполне возможно, что он об этом ничего не знает. От него потре-бовали или попросили направить тебя сюда. Ты был в Баку, в корпункте?

Корреспондент:- Нет, прямиком сюда приехал. Звонил недавно в корпункт, там ничего не знали об этой моей командировке. Ах гады, а ещё на патриотических чувствах сыграли, слабо, говорят, на фронт армяно-азербайджанский поехать! Поезжай, помоги своим соотечественникам, мало ещё у нас о них пишут, заодно и материал для телевидения подготовишь.

Дервиш:- И всё это для того, чтобы отложить наше наступление. Значит, надо выходить на самые верха. Ну, ты и величина, Цезарь. Пришёл, увидел, остановил!

Корреспондент:- Нет ничего плохого в том, что армяне высокого мнения о моих профессиональных качествах, нечего иронизировать.

Дервиш:- Раз ты такой профессионал, придётся поработать и на армян. Что-бы закрепиться, стали бы просить подкрепления. А они его, как видно, не просят. Значит, им просто нужно выиграть время.

Корреспондент:- И что всё это значит?

Дервиш:- Пока ничего. Давай думать дальше. Подкрепления они не просят, выходит, что винзавод им не нужен. Им необходимо время. Значит, в срыве нашего наступления заинтересованы какие-то отдельные люди и весьма влиятельные. Тебе говорили о каком-то американце, отсюда вывод: - дело обрастает международными связями. В данном случае международные связи только у криминала. Им нужно что-то вывезти с винзавода. Что там может быть на винзаводе? Оборудование на фиг никому не нужно, и не пресловутый «Агдам» же вывозят. Там что-то посерьёзнее.

Корреспондент (горько усмехаясь) :- Что может быть серьёзнее вина? Говорят же, истина в вине.

Дервиш:- Думаю, что это не всегда так. В данной ситуации истина не в вине, а в дури то бишь, в наркоте. Разведка докладывала о появлении на территории за-вода трёх КАМАЗов с российскими номерами. И водители были русскими. А если предположить, что в специально оборудованных цистернах для вина армяне соби-раются вывезти наркотики? Улавливаешь?

Корреспондент:- Похоже на правду. Не зря тебя, видно, Дервишем называют. Метод дедукции – серьёзная штука. Но как мне сына спасти? На кой чёрт мне ваше вино, ваши наркотики, ваши бои, наступления! Сына спасти надо!

Дервиш:- Спасать на войне людей вопрос второй, главное – выполнить поставленную задачу. Значит, надо отменять приказ. Давай, действуй, ты ведь журна-лист всемогущий.

Корреспондент:- Как отменять, если я вашего командующего и в глаза не видел?

Дервиш:- Он мужик что надо, за народ. Правда, теперь немного беком заде-лался. Но за народ. Мечтает народ порадовать победой. Это у него шиза, навязчивая идея.

Корреспондент:- Почему ты так решил?

Дервиш:- Было у нас накануне твоего приезда совещание в соседнем баталь-оне. Командующий лично приезжал со свитой. Свита у нас бравая. Любая армия позавидует.

Корреспондент: - Свита она всегда свита и везде и бравая притом.

Дервиш:- Так вот, на этом совещании командующий приказал взять Мартуни и начать наступление с нашего участка на винзавод. Сколько ему не говорили о неподготовленности атаки, он был непреклонен. Говорит, людям нужна победа, хотя бы маленькая, но нужна. Пообещал подсобить снарядами. Представляешь, сказал, что вертолётами подвозить снаряды станет. Чтобы сделать это, надо всей эскадри-льей целую неделю возить снаряды. Ему-то что, дал приказ, будь добр – исполний!

Корреспондент:- Так надо было ему объяснить, что рано пока начинать атаку.

Дервиш:- Молодец, соображаешь, быстро освоил метод дедукции. Вот ты и объясни. Только спасибо тебе скажем, и армяне, как оказалось, тоже скажут. Выве-зут всё и благодарность объявят.

Корреспондент:- И что мне для этого надо сделать? Позвонить? Куда, в штаб армии? Министру домой?

Дервиш:- Можно и позвонить, но что ты ему скажешь? Скажешь, что он не может руководить армией?

Корреспондент:- Скажу, чтобы перенёс время наступления.

Дервиш:- Так просто?

Корреспондент:- Да, так просто. Скажу, что я готовлю материал для Москвы и для Америки, и если окажется, что из-за скороспелых решений поляжет много на-ших бойцов, напишу всю правду. О командовании, о приказах.

Дервиш:- На гоп-стоп хочешь взять командующего!?! А что, может, так и надо. Господи, когда же нами будут руководить люди, достойные этого народа, его чести, доблести, совести, когда? Беля дя зюлм олар!1

Корр.: - Да погоди ты, скажи, как мне быть?

Дервиш:- Никак, я думаю, что всё обойдётся. Сегодня, в четверг, у нас наме-чается обмен трупами. Армяне должны нам выдать наших солдат, мы с ними пере-говорим, с Вигеном, он не даст в обиду твоего сына, за это можно ручаться.

Корр.: - Ты ручаешься за армян и воюешь с ними. А я с ними прожил очень много лет. Даже жена у меня была наполовину армянка, но вот никогда не подумал бы, что у меня, с содействия моих армянских родственников, пропадёт сын.

Дервиш:- Ты не нагнетай. Давай сегодня поедем с тобой на самый передок, там батарея, мы её Гушханой называем. Вблизи этой батареи и намечается обмен. Кстати, оттуда и начнётся, если начнётся, наше наступление.

Корр.: - Ты будешь таскать меня по передовой?

Дервиш:- Оттуда ближе к сегодняшнему обмену, и к сынку твоему, соответственно, да и ещё я очень

беспокоюсь за одного бойца. Три дня назад он позвонил домой, и никто ему не ответил, хотя он знал, что жена должна быть дома. Вот и ел себя поедом. На войне очень важно знать, что тебя ждут дома. Что у тебя надёжный тыл. Не отпустить я его не мог. Он уехал, теперь вот должен приехать. Честно говоря, я за него очень волнуюсь.

(Раздаётся характерный треск переговорного устройства. Из глубины комнаты выходит Марьям).

Марьям:- Кажется, армяне хотят переговорить.

Дервиш:- Давай сюда. (Берёт гарнитуру радиостанции. Корреспондент хва-тает радиостанцию и держит её в руках).

Голос:- Азики, ну как, вы ещё живы? Вы на прошлой неделе так на дуэли танк сняли! Молодцы! Так танкист этот ваш у нас, не знаю, выжил ли после вашей бом-бежки. Это вы его утром сегодня подстрелили. А что до нашего танка, знайте, не танком единым богаты армяне.

Корр.:- (Хватая переговорное устройство):- Знаем, знаем, говори по су-ществу, где мой сын?

Голос:- А, корреспондент, узнаю московский дух. Работай, только не зары-вайся. Тебе следует быть послушным, ведь ты помнишь о судьбе других журна-листов, они успели погибнуть смертью храбрых, ты тоже на этом славном пути.

Корр.:- Спасибо, что предупредил.

Голос:- Это мой долг. Сейчас ты услышишь своего пацана, потом поговоришь с Нью-Йорком.

(Рация замолкает, потом прорывается мальчишеский голос).

Голос мальчика: - Папа, папа, ты слышишь меня?

Корр. (срывающимся голосом): - Слышу, сынок, слышу. Где ты?

Мальчик:- Не знаю. Маму куда-то увезли, а я здесь, в Нью-Йорке, недалеко от дома дяди Марата. Папа, ты скоро приедешь?

Корр.:- Да, сынок, приеду. Ты только ничего не бойся. Они тебе ничего не сделают.

Мальчик:- А я и не боюсь. Только ты, папа, сделай то, что они просят, хорошо?

Корр.:- Сделаю, сынок, сделаю. (Тихо добавляет) Если смогу.

(Станция замолкает. Потом вновь начинает трещать, и теперь уже слы-шен другой голос)

Марат:- Вова-джан! Рад с тобой поговорить.

Корр.:- Так рад, что даже племянника своего и сестру свою в жертву отдал.

Марат:- Вовик, я человек подневольный. Никому я ничего не отдавал. Ими и меня на привязи держат.

Ничего не могу, хотя и миллионер. Да, у меня есть связи, денег полно, но я подневольный.. Всё, джаник, зависит от тебя. Их жизни в твоих руках. Очень прошу, не делай из меня злодея, спаси их.

Корр.: - Как, как спасти?

Марат:- Останови наступление на винзавод. Понятно? Ещё часов на восемнадцать.

Корр.: - А поговорить с президентом и сдать им весь Азербайджан не надо?

Марат:- Не болтай, чего не можешь сделать! Мне, лично, не нужен ни Азербайджан, ни Карабах. От меня требуют только одного - остановить наступление. Для этого отдать сколько потребуется денег. Я выбрал вариант с тобой, так что ты обязан оправдать доверие. Нужна относительная тишина в этом районе.

Корр.: - Это пока КАМАЗы не вывезут вино?

Марат:- Ну, ты и умник, не знаю я ничего, мне вот дали номер телефона на даче вашего министра. Ты ведь его знаешь, учились вместе, вроде дружили, ты писал о нем. Он сейчас отдыхает. Позвони, ты сможешь найти нужные слова.

Корр.: - Вам там, в Америке, известно, какой министр в каком сортире сидит?

(Радиостанция замолкает. Появляется 2-ой Кабус).

2-ой Кабус: Ну, что? Решишься померяться силами с « сильными мира сего»? А ты знаешь, что это чревато? Неужели ты возомнил себе, что твоё слово способно остановить наступление?

Корр.: - Я должен попробовать! Должен убедить, что наступление пока невозможно!

2-ой Кабус: И ты думаешь, что кто-то тебя послушает и сделает это ради тво-его сына? А ты можешь себе представить, что тебе скажут: «Что же ты, любящий отец, бросил своего сына, отпустил от себя? А сейчас вдруг, вспомнил? И чего ради должна отложиться вся операция генерального штаба? Ради жизни какого-то мальчишки? «Война малой кровью» - знаешь, есть такое выражение?

Корр.: - Мы разошлись с женой – так сложилась жизнь, но сына я никогда не бросал и не брошу. Я люблю его.

2-ой Кабус:- Люби. Кто тебе запрещает? Но не вмешивай свою отцовскую любовь в политику. Это только твоё и только для тебя.

Корр.: - Нет. Это нужно не только мне, а тем родителям, тем жёнам, детям, сёстрам, чьих сыновей, отцов и братьев хотят отправить на верную гибель из-за мракобесия некоторых «отцов-командиров». А это уже не назовёшь «малой кровью». Это уже преступление перед народом, перед нацией.

2-ой Кабус:- Я знаю, что ты умеешь красиво говорить. Этого у тебя не от-нимаешь. Ведь ты большой профессионал. Но мне кажется, что твои ораторские способности ничего не изменят.

Корр.: - И что ты предлагаешь? Ничего не делать?

2-ой Кабус: Не знаю, не знаю. Думай сам. Ты же у нас умный.

Корр.: (зло) – Да, умный!

2-ой Кабус: (усмехаясь) – Ну, тогда тебе и карты в руки. Но (постучал пальцем по часам)... Время, время! (Исчезает).

Дервиш: - Он, действительно, говорил из Нью-Йорка?

Корр.: (задумчиво)- А кто его знает, вообще-то он уже лет десять живёт в Америке.

Дервиш: - Бывший бакинец.

Корр.: - Да, бакинец. Раньше «бакинец» было званием, пропуском по жизни, паролем, дающим всюду пропуск. А Марат заблудший бакинец. Даже сестру свою, дочь родной тётки, подставил. Время ещё поставит всё на своё место. Я позвоню министру, буду просить, требовать, умолять отложить наступление, потом пусть меня осудят.

Дервиш: - Да стоит ли звонить министру, если даже в Америке известен номер его телефона? Что ты ему скажешь? Звонить пока никуда не надо. Ты слишком возбуждён, чтобы говорить с министром.

Наговоришь ещё чепухи всякой, пошлёт тебя ко всем чертям. И что тогда будет с твоим сыном? Я уже провёл кое-какую работу. У нас есть свои особые средства связи, мы свяжемся с управой, так что потерпи, пресса должна уметь терпеть.

Действие второе

(Штаб Дервиша. За столом Дервиш, НШ, Горбатый, Корреспондент, Юнус (Кипарис), Половец. В глубине радистка за станцией).

Дервиш (внимательно осмотрев всех): - Ну, что, господа, начнем, пожалуй. Вы знаете, что мы планируем обменять тела наших ребят на армянские трупы. В свете последних событий мы должны дать возможность вывезти три КАМАЗа с вином в обмен на мальчика. Я связывался с управой. В принципе, мы получили добро...

Корр.: - (перебивая) Что значит - в принципе?

Дервиш (на секунду сбившись) :- Вообще-то, вопросы задают в конце. Но я отвечаю. Управа дала добро,

они сами договорятся с кем надо, но сроки зависят от нас, и если вдруг будут какие-то накладки, нас по головке не погладят. Ещё не все знают, что сегодня ночью была схватка на базе. Погиб наш друг Фахрадин. Я свя-зывался с армянским командованием, они ничего не знали о нападении, объясняли партизанщиной и обещали, в свете последних договорённостей, временно соблю-дать затишье. Скорее всего, какие-то армянские энтузиасты мстили за танк. Если повторится что-то подобное, договорённость может сорваться.

Корр.: - Прошу прощения.

Дервиш: - Теперь непосредственно об обмене. (Обращаясь к Юнусу) У тебя была связь с армянами?

Юнус (протирая очки): - Я буквально час назад говорил с Вигеном.

Дервиш: - И что Виген?

Юнус: - Если не все знают, скажу. Виген весьма влиятельный командир. Один из первых полевых командиров. Он местный. До войны занимался теневым бизне-сом. Был руководителем «пятой колонны». С ним у нас, пока, ни разу не было на-кладок. Поэтому присутствие Вигена в какой-то степени гарантирует успех предсто-ящей операции. Я выбрал тактику – не проявлять инициативы. В обмене участвуют по четыре человека с каждой стороны и без оружия. У армян это Виген, скорее всего Эдик – участковый из Туга и ещё пара деятелей из командиров. С нашей стороны я и трое ребят из разведроты. Нас прикроет группа из пяти человек во главе с Лесником, он, кстати говоря, кадровый офицер и мой, между прочим, заместитель.

Дервиш: - Какую роль отводишь мне?

Юнус: - Было бы неплохо, если бы вы прикрыли сверху, с сопок. Человек пять или шесть хватит. Условия обмена несколько изменились: не знаю, известно ли вам об этом, но армяне потребовали ещё передать одну армянку. Ещё неделю назад Виген давал её данные, просил её найти. Были подключены очень влиятельные люди, армянку Жанет нашли. Её еле удалось привезти сюда, сейчас она в доме роди-телей нашего пропавшего без вести солдата. Она ни в какую не хочет переходить к своим. Говорит, для неё свои – это мы. Она всю жизнь прожила в Баку, и родители из Баку. Но Виген упрямо требует её. Час назад, когда выходил на связь, интересо-вался, нашли мы её или нет. Этих хачиков не поймёшь. Враз могут всё переиграть. Сдавать её или нет? Я. пока ещё не знаю.

Корр.: - Конечно, сдавать. А почему она не хочет?

Юнус: - Видели бы вы её дом в Баку. На берегу моря, в Бузовны, разве из этого рая уедешь?

Дервиш: - Сдадим её, сдадим. Давайте более конкретно, и приступим. Мне нужны проводники.

Юнус (поднимаясь): - Это не проблема. В Говшатлах нас будут ждать два проводника.

Дервиш (Половцу, указывая на карте): - Расположитесь здесь и здесь. Пу-лемёты установить здесь. Снайперов расположишь сам. Особое внимание на КАМАЗы.

Половец:- Понятно.

Дервиш (Горбатому):- Тебе нужно подобрать группу. Выбирай самых смыш-леных. Запомни – вы группа прикрытия. Ваша задача – обеспечить Юнусу полную безопасность. В случае чего – бить на поражение. На время выхода хранить радио-молчание. Вопросы?

Горбатый:- Всё понятно, командир. (Уходит).

Корр.:(обращаясь к Дервишу)- Как думаешь, всё удастся? Что это ещё за армянка? Марат ничего ней не говорил.

Дервиш:- Я понимаю твои волнения за сына, но Юнус сделает всё, чтобы заполучить его. А армянку, видимо, местные царьки решили заполучить по случаю. Каприз это чей-то. Я так думаю. Но мы не обеднеем, сдав армянам соплеменницу. У нас ещё достаточно пристроенных армян. Словом, не волнуйся ни за армянку, ни за сына, отдыхай. Скоро всё кончится.

(Корреспондент уходит).

НШ (обращаясь к Дервишу)- Я не понял. Ты, серьёзно, дашь КАМАЗам уйти?

Дервиш: (закуривая очередную сигарету)- Уйти дам, но вот дойти до цели - нет. Готовь две группы в тыл, на перехват. И объясни им, чтобы после обмена я больше никогда не слышал об этих КАМАЗах.

НШ:- Всё будет тип-топ!

(Затемнение. Круг поворачивается на участок обмена у винзавода. Дервиш с радистом и Корреспондентом на авансцене у кулисы).

Дервиш:- Половец – Дервишу.

Половец:- Дервиш – Половцу.

Дервиш:- Что у тебя?

Половец:- Я на месте. У меня всё готово. Как обговаривали.

Дервиш:- Понял. До связи.

(Около Дервиша появляется Юнус.)

Юнус:- Познакомьтесь, мой зам.

Лесник:- (крепко пожимая руку и прямо и открыто глядя в глаза Дер- вишу) Лесник.

Дервиш: (Леснику)- Задача вам известна, поэтому прикиньте, откуда будете прикрывать. Действуйте. (Группа Лесника располагается в люке, прикрывшись брезентом и ветками, Юнус-Кипарис уходит. Затемнение).

Юнус: (Выходя на связь с Дервишем)- Ну что там? Уже время. Машина пришла?

Дервиш:- Нет. (Засомневавшись, вполголоса) Может, передумали? Хотя нет, должны были сообщить. С другой стороны стрельбы никто не открывал. Значит, есть надежда, что обмен всё-таки состоится. Надо только ждать.

Юнус (Дервишу):- Не видать машины?

Дервиш:- Пока нет.

Юнус:- Чёрт, что он так долго?

Дервиш: - Ты лучше скажи, где твой Виген? Время не ждёт.

Юнус:- Типичные армянские штучки. На нервах играют. Если бы передумали, то сообщили бы.

Дервиш:- Ты уверен?

Юнус:- Им очень нужна эта женщина. (После небольшой паузы) Не отключайся. Вижу Вигена. Работаем, как договорились.

(На сцене в месте пересечения масксетей появляются четыре человека. Двое впереди, двое чуть сзади. Один высоколобый наголо бритый мужчина с лоснящимися от жира щеками. Непропорционально сложенное тело и кривые толстые ноги делают его похожим на японского божка из фарфора. Второй - высокий, широкоплечий, заросший по самые глаза чёрной бородой).

Юнус:- Опаздываете!

Виген:- Что-то я не вижу женщины, о которой я тебе говорил.

Юнус:- Скоро будет. Возникли некоторые накладки.

Виген:- Обмен начнём после того, как увидим женщину.

Юнус:- Согласен. Кстати, я вижу, что вы тоже один. Где тела наших солдат? Так что мы на равных.

Виген:- Не совсем. Ваши тела здесь, рядом, а женщины нет. Привезут или нет, неизвестно. Я, конечно, верю вашему слову, но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

(Беседуя, Юнус с Вигеном прохаживаются от авансцены до масксетей. Когда они отходят к центру, на связь с Дервишем выходит Лесник.)

Лесник (шёпотом): Дервиш - я Лесник. Объект перешёл за противотанковый ров. Я потерял его из вида.

Он без оружия.

Дервиш (стараясь корректировать действия Юнуса):- Кипарис, Кипарис! Вернись обратно ! Кипарис... твою мать!

Юнус (возвращаясь): - Значит, наши люди здесь? А где именно, позвольте узнать.

Виген:- Я же говорю, рядом. Их просто нужно откопать, но дело в том, любез-ный, мои люди отказываются это делать. Не самые холода стоят, да и несколько дней уже прошло – сами понимаете. Так что вам и карты в руки, вернее лопаты.

Юнус:- Хорошо, я сейчас распоряжусь. Человек пятнадцать, я думаю, хватит. Где это место?

Виген:- Недалеко. Но нужна машина. Вы же не понесёте их на руках.

Юнус:- Это понятно.

Виген (перебивая): – Они должны быть без оружия, вы понимаете, это уже наша территория.

(Юнус отдаёт команду, группа начинает движение за сценой. Юнус с Вигеном опять идут вглубь сцены).

Дервиш (всё время наблюдая за ними): - Кипарис! Кипарис! Заколебал! Ответь, Кипарис!

(Слышно, как к правой кулисе подъехала машина, звук тормозов и хлопанье дверью. На авансцене появляются женщина и Самурай).

Дервиш:- Где вы застряли?

Самурай:- Тут такая история, командир...

Дервиш:- Времени в обрез. Слушай мою команду: покажи груз и обратно. Головой отвечаешь за сохранность.

(Женщина цепляется за Дервиша).

Женщина:- Куда вы меня всё тащите, куда? (Дервиш пытается отцепить её руки. Она неожиданно легко отпускает их и пристально смотрит на корреспон-дента). Вот вы, кажется, интеллигентный человек, скажите мне, что происходит?

Корр.:- Война идет. Разве вам неизвестно?

Женщина:- Не может быть никакой войны, её придумали. Меня, почему-то, куда-то сюда привезли. А почему? Потому что я армянка!? Я армянка!? Да, я армянка, вот посмотрите, я армянка, у меня всё на месте, нет ни рогов, ни хвоста, зачем меня к ним? Я могу быть у вас, я могу быть дома. (Вдруг замолкает. Усмехается.) А я знаю, зачем. Он меня купил у вас. Подлец! Брат-близнец моего покойного мужа. Он хочет, чтобы я ему принадлежала. Смешной, думает, что раз он абсолютно похож на своего

брата, я должна быть с ним. И не понимает, что это потому и невозможно, что он такой же, как мой покойный муж. Да и ладони у него потные. Выть хочется, когда эти влажные ладони на твоих плечах пытаются тебя успокоить. Уже пять лет преследует меня. Не отдавайте меня никому. Я хочу жить в Баку, я богатая женщина, буду помогать беженцам, стирать носки солдатам, но не отдавайте меня. Вы, интеллигентный человек, скажите этим солдафонам.

Корр.: - (сквозь зубы)- Я не могу вам помочь.

(Женщина, вдруг успокоившись, подходит к Самураю, и они скрываются за кулисами. Маневр явно замечен всеми.)

Юнус:- Теперь слово за вами.

Виген:- Я всегда говорил, Юнус, что с вами приятно работать. (Его прерывает Эдик, показывая на группу вооружённых людей, которые появились буквально из-под земли. Это Лесник со своей группой. Юнус остолбенел) Что же вы так непрофессионально?

Юнус:- А по-моему, вполне. Ведь пока они не поднялись, вы их и не видели.

Виген:- А что это вдруг? До ветру захотелось? -

Юнус (делая вид, что внимательно присматривается к солдатам):- Так это не мои. Тут несколько дней назад учения по маскировке проводились. А этим забыли дать команду «Отбой». Так и было. Да я даже директиву соответствующую получил от начальства.

(Виген оторопел от такой наглости. Он отошёл к своим, переговорил и вернулся к Юнусу).

Виген:- Юнус муаллим, вижу, что солдаты не ваши. Даже представиться не хотят вам. Видно, давно друг друга знаете. Но я не об этом. Не могли бы вы в виде компенсации морального ущерба выделить нам канистру бензина? Хотя бы с вашей машины? Или той, что ушла за телами?

Юнус (подумав): - Хорошо, я распоряжусь.

Виген:- А нельзя ли, чтобы вы записочку чиркнули?

Лесник (вмешиваясь в разговор):- Это, чтобы потом вы на записочке два-три ноля приписали и готов компромат на Юнуса?

Виген (возмущённо): - Ну, что вы!

Лесник:- Знаю я ваши варианты. Выйдем на связь, скажем, дадут вам бензин. Но записочек не будет.

(За маскетью слышен шум подъехавшей машины. Это машина с телами. Юнус уходит и возвращается к Вигену.)

Юнус:- Виген, привезли только семь тел. А где остальные?

Виген:- Это все. Больше никого нет.

Юнус:- Но должны быть ещё двое.

Виген:- Скорее всего, они зарыты в другом месте.

Юнус:- Скажите где, в чём проблема? Уговор есть уговор.

Виген:- Вполне возможно, что двое на минном поле. А у меня нет сапёра.

Юнус:- Зато у меня есть.

Виген (посоветовавшись со своими): - Сопровождать сапёра мои отказываются.

Юнус:- Ничего, мы сами пойдём. Только укажите место.

Виген:- Это всё хорошо, но когда мы займёмся вторым вопросом? Время идёт.

Юнус: - Куда вы торопитесь? И потом, нам нужно закончить одно дело, чтобы начать второе.

Виген:- Вас не волнует судьба мальчика?

Юнус:- А вас не волнует судьба «дури»?

Виген (растерянно): - С чего вы взяли про дурь?

Юнус:- Так не «Агдам» же вы вывозите в цистернах. Замаскированная дурь, уж не знаю, героин это или что-то другое, но придумали неплохо. Цистерна с двойной обивкой. Так что мальчика будете беречь. Как зеницу ока. В противном случае заокеанский хозяин вам яйца оторвёт.

(Затрещала радиостанция у Лесника).

Дервиш:- Передай Юнусу, сейчас будет обед.

Юнус (Вигену): Перерыв на обед, надеюсь, вы не против?

Виген:- А что не приглашаете? Ничего, мы приглашаем, У нас сегодня долма.

Юнус: - Спасибо, но я отказываюсь.

Виген:- Почему? Ведь эта еда вам знакома.

Юнус:- Точно сказано, но есть я не буду и объяснять ничего не буду.

(Все участники располагаются справа и слева на сене и начинают обедать. Лесник сидит ближе к центру и сосредоточенно курит, расстроенный тем, что его группа засветилась. К нему подходит один из группы Вигена и, косясь на его офицерские погоны, пытается завязать разговор.)

Армянин (усаживаясь рядом с Лесником): Ты русский, да? Давно из Баку? Я ведь Монтинский. Ага-

Нейматулла, знаешь? (Лесник молчит, только отворачивается от жующего армянина)- Э-э, брат, давай поешь немного.

Лесник (смачно сплюнув)- Я тебе не брат, и есть с тобой не буду.

Армянин (удивлённо подняв брови): А что? Мы с тобой враги, да?

Лесник:- А что, нет что ли? Ты с оружием, я с оружием друг против друга на развалинах этого долбанного винзавода. Если не враги, то кто? (Бросает в сторону окурков) Твою мать...

(Появляются сапёры и долго пьют воду).

Один из сапёров:- Зачистили участок, никого не нашли.

Юнус:- Как же так, уважаемый, их не нашли.

Виген:- Это уже не мои проблемы. Я предоставил вам все возможности, к сожалению, больше ничем помочь не могу. У вас семь тел. У нас нашей женщины ещё нет. Ваш ход, Юнус муаллим.

Юнус (связавшись с Колдуном): Мы нашли семерых. Больше никого нет. Пора выдавать женщину.

Дервиш:- Понял. (Самураю) Бери свой бесценный груз и веди к нам.

(Самурай отходит и через некоторое время появляется с женщиной.)

Самурай:- Не шуми и иди спокойно. Никто тебе ничего дурного не сделает. Мы отправляем тебя домой.

Женщина:- Я уже сто раз говорила, мой дом в Баку. И дача на берегу самого лучшего моря. Всё у меня там, в Баку.

Самурай:- Глупая женщина, мы же отдаём тебя твоим. Без тебя они не соглашались отдать тела наших пацанов. Мы должны соблюдать договор. Всё будет хорошо.

Женщина:- Да я бы вам выкупила все ваши тела. Я не хочу туда, понимаешь? Самурай, я не хочу.

Самурай:- Зато там у тебя Родина. Пусть даже историческая.

Женщина:- Какая историческая родина, Самурай? Кто знает, где у кого историческая родина? Всё в мире переплелось, не до исторической родины. Лучше бы ты меня убил. Отдаёшь меня этому слюнявому армянскому придурку, у которого в башке нет ничего кроме пламенной страсти.

Самурай:- Пошли, там разберёшься.

Женщина (видит армян, кричит): - А, братья-армяне, пришли за своей азер-байджанской шлюшкой, ну берите, тащите меня, я всех обслужу, у кого губы не слюнявые.

(Женщину уводят).

Виген:- Ну что же. Теперь наш ход. В вашем деле вы начинаете первыми, в нашем деле – мы.

Юнус:- Минуточку, всё-таки хотелось бы удостовериться, что мальчика отпустят.

Виген:- Конечно, отпустят, считаай, что его уже везут по "Бруклинскому мосту" к своей мамочке.

Юнус (проходит вперёд говорит в микрофон): – Как у тебя дела? Всё нормально?

Голос из глубины:- Да, всё хорошо.

(Юнус подходит к Вигену)

Виген (берёт рацию у одного из своих. говорит):- КАМАЗы пропустят, можно начинать.

Юнус:- Интересно, сколько там этого «добра», если задействована такая цепочка?

Виген:- О чем вы, уважаемый?

Юнус:- Да ладно притворяться. Я не думаю, что вы такой идиот, или нас за идиотов принимаете.

Виген (сдерживаясь) – Вы решили меня оскорблять, уважаемый? Не думаете, что оскорбления нужно смывать кровью?

Юнус:- Моей или вашей?

Виген:- Мальчика.

Юнус:- Нет. Не боюсь. Вы его не тронете, и сами прекрасно знаете, почему. Так что не стоит нервничать. Всё будет хорошо.

Виген:- Вы уверены? Стоит мне пошевелить пальцем, и мальчика не будет.

Юнус:- А стоит мне пошевелить пальцем, не будет КАМАЗов. Груз этот всегда будет нам подконтролен. Ведь стоит только нам заявить в Интерпол... Будьте паинькой, иначе потерю груза Вам ваша диаспора не простит. Сейчас от жизни мальчика зависит ваша жизнь. А вы свою жизнь любите. Ох, как любите. Так что давайте успокоимся и мирно разойдёмся. Осталось ждать совсем недолго.

(Виген, ругаясь сквозь зубы, отходит в сторону. Юнуса вызывают на связь и он, приняв сообщение, подходит к Вигену).

Юнус:- Мне доложили, что отошла последняя машина. Наши их не тронут. Позвони, пусть отпустят мальчика.

Виген:- По-моему, рановато.

Юнус:- Виген, мы ведь всё обговорили.

(Виген даёт команду по радиостанции. В середине сцены появляется 3-ий Кабус. Он идет шатаясь. За ним в pistolетных лучах двое других Кабусов. Жизнь реальных людей остановилась. Сценой владеют Кабусы).

3-ий Кабус: Может, я еще выживу? Я не Кабус, не призрак.

1-ый Кабус (Это тот, кто приходил к Дервишу, только на этот раз у него пышная шевелюра, но балахон всё тот же - красный и во рту опять же сигара.) – Ну, что, господа? Что будем делать? Или решать это мне, как Кабусу реалисту?

2-ой Кабус (Он в камуфляжной форме):- Их можно, конечно... (Звучат два выстрела снайпера). Но, боюсь, ты стал на этой войне слишком кровожадным. Раньше за тобой такого не наблюдалось. Я слышал, в верхах говорили, что ты стал выпивать.

3-ий Кабус (Он в голубом балахоне): Только разборок не хватало. Времени в обрез, и я как еще не Кабус, существо милосердное, предлагаю: пусть живут. Кабусам пора покидать эту войну.

1-ый Кабус:- Я остаюсь, коллеги. Я буду с этими людьми до конца. До их конца.

2-ой Кабус:- А ты, оказывается, ничего и не знаешь! Скоро эта война прекратится. Найдутся люди, которые сумеют обеспечить перемирие. Но эта земля ещё долго будет заминирована. Например, на этом винзаводе долго ещё не будет вина, да и самого винограда не будет. Вся жизнь здесь остановится. Она зародится здесь только после того, как люди перестанут искать врагов. Человек ещё не понимает, что главный враг его он сам. Когда он это поймёт, он не будет видеть врага в соседе. Люди будут бороться с собой, со своими пороками, им незачем будет враждовать. Человек поймёт, что земля принадлежит людям, и она нужна им для того, чтобы жить, а не воевать. Но до этого ещё долго. Ещё должны прийти к власти настоящие руководители. Они придут. Сейчас только 1992 год. Так постарайся меньше крови не проливать.

1-ый Кабус. Я послушал тебя, мне кажется, мои подопечные никогда не искали врагов. Ещё немного стараний, и они смогут быть достойны нашей жизни. Но сейчас вопрос в другом, как мне быть с этими?

3-ий Кабус. А мне интересна судьба мальчика. Жаль прерывать. Да и отца жаль, заблудший человек, сноб, возомнил из себя, но одумается ещё, послужит людям.

1-ый Кабус:- Я всегда говорил, что вы сентиментальны.

3-ий Кабус. Возраст, знаете...

2-ой Кабус. Не понял, какие наши с вами годы, что значит для нас с вами какие-то тысячи лет?

1-ый Кабус. Господа, время, время поджигает. А может быть... (Звучит взрыв).

3-ий Кабус. Я не знаю, жив ли я еще, но время почти вышло. Я ничего так и не успел, не сказал своего

слова.

(Появляется женщина в траурном одеянии. Именно эта женщина была в начале пьесы. Она проходит мимо замерших персонажей, словно бы и не видит их. Она шепчет «Оглум, хардасан? Хардасан оглум?».)¹ Вдруг она увидела Кабусов. Кабусы тоже замерли. Они догадались, что женщина их видит, и не знают, как им быть. Женщина подходит к 3-му Кабусу.)

Женщина (она старается говорить по-русски, словно зная, что Кабусы не понимают её родной язык, говорит с акцентом.): – Скажи, человек, где мой сын? Скажи, если ты человек, скажи! (Трясёт его за балахон). Прямо с улицы забрали, привезли сюда и убили. Он ведь на работу шёл, а не на смерть! Как мне без него? Как? Сынок, свет очей моих. (Вдруг, как бы опомнившись, отпускает Кабуса и ус-талой походкой уходит за кулисы. Тишина. Потом тихо начинает звучать музыка).

Занавес.